Колин

УИЛСОН

Мир пауков
Башня и Дельта

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТ

Колин
УИЛСОН

Мир пауков
Бегин
и Цанга

Колин
УИЛСОН

Colin

WILSON

Spider World

The Tower

The Delta

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2011

Колин

УИЛСОН

Мир пауков
Башня и Дельта

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
У 36

Colin Wilson

SPIDER WORLD

The Tower

Original English language edition published by Hampton Roads Publishing Company © 2001 by Colin Wilson. All rights reserved. The book was negotiated through Waterside Productions. Inc. (www.waterside.com) and Goumen&Smirnova Literary Agency (www.gs-agency.com)

SPIDER WORLD

The Delta

Original English language edition published by Hampton Roads Publishing Company © 2001 by Colin Wilson. All rights reserved. The book was negotiated through Waterside Productions. Inc. (www.waterside.com) and Goumen&Smirnova Literary Agency (www.gs-agency.com)

Руководитель проекта *Александр Жикаренцев*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Уилсон К.

У 36 Мир пауков. Башня и Дельта / Колин Уилсон ; [пер. с англ. А. Шабрина]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 720 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-52879-0

Люди уже давно не господствуют на планете Земля. Совершив громадный эволюционный скачок, арахны не только одержали сокрушительную победу над ними, но и поставили на грань выживания.

Днем и ночью идет охота на уцелевших — исполинским паукам-смертоносцам нужны пища и рабы.

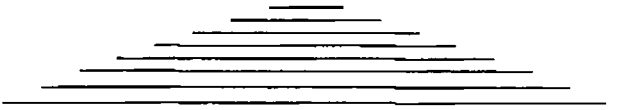
Враг неимоверно жесток, силен и коварен, он даже научился летать на воздушных шарах. Хуже того, он телепатически проникает в чужие умы и парализует их ужасом.

Но у одного из тех, кто вынужден прятаться в норах, вдруг открылся редкий талант. Юный Пайл тоже понимает теперь, что творится в мозгах окружающих его существ. Может, еще не все потеряно для человеческого рода, ведь неспроста «хозяева положения» бьют тревогу...

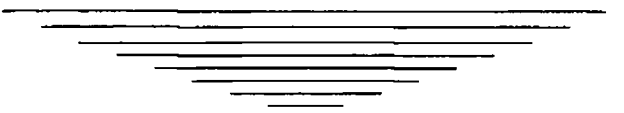
УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Шабрин Александр, перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52879-0

Башня

Посвящаю эту книгу Салли, Дэймону и Ровану, а также тому, перед кем я в особом долгу, — Дональду Симэну. Мы с ним собирались писать «Мир пауков» в соавторстве. От этой идеи пришлось отказаться на раннем этапе, но в процессе работы я часто пользовался его советами и подсказками.

Еще я глубоко благодарен профессору Джону Клодсли-Томсону, ведущему английскому специалисту по пустыням, за бесценный совет, очень пригодившийся при создании первого тома.

Корнуолл, 1986

Часть первая

ПУСТЫНЯ

В тот миг, когда холодный ветер рассвета, очнувшись, шепчуще коснулся плоского камня, закрывающего вход в пещеру, Найл, приникнув ухом к щели, с напряженным вниманием вслушался. Всякий раз в такой момент ему казалось, что в голове вспыхивает крохотный солнечный зайчик, а все вокруг внезапно замолкает и каждый звук обретает обостренную четкость. Вот сейчас, к примеру, он различал частую поступь крупного насекомого, с тихим шелестом спешащего сверху через песок. Проворство невесомых движений подсказывало, что это фаланга, а может, и паук-верблюд. Мгновение спустя насекомое мелькнуло в поле зрения. Точно, паук: бочкообразное мохнатое туловище, в непомерно больших челюстях остатки ящерицы. Мгновение — и его уже нет; опять тишина, только ветер монотонно шумит в ветках кактуса-юфорбии. Впрочем, насекомое дало ответ на то, что Найлу требовалось знать: поблизости нет ни скорпиона, ни жука-скакуна. Паук-верблюд — ненасытнейшая из тварей, жрет до тех пор, пока утроба не раздувается настолько, что и бегать невмоготу. Этому, прошмыгнувшему, судя по всему, еще лопать да лопать. Если б поблизости находился хоть кто-нибудь, подающий признаки жизни, паук бросил бы недоеденную добычу и кинулся на очередную жертву.

Осторожным движением, напоминающим гребки пловца, Найл развел руки в стороны и смахнул песок, после чего, лавируя поджарым телом, выбрался наружу. Солнце на горизон-

те едва забрезжило, от песка еще веяло ночным холодом. То, из-за чего он оставил жилище, находилось метрах в пятидесяти, возле самой кактусовой поросли. Растение уару, зеленая плоть которого, толщиной и податливостью напоминающая мочку уха, накапливает росу и удерживает ее будто в чаше. Вот уже полчаса Найл лежал без сна со свербящей от жажды глоткой и вожделенно представлял, как припадет губами к льдисто-холодной влаге. Вода у них в жилище была та, что таскали из подземной глубины муравьи-трудяги, но была она рыжего цвета и имела железистый привкус. Льдистая же роса уару в сравнении с ней — просто нектар.

Чаша растения — два сведенных воедино листа — была полна росы, поблескивающей по краям кристалликами изморози. Опустившись возле растения на четвереньки, Найл окунулся в чашу лицом и сделал первый глоток — долгий, медленный, сладостный. От удовольствия мышцы дрогнули и расслабились. Ледяная вода для жителя пустыни — едва не величайшее из наслаждений. Возник соблазн выпить все до последней капли, но опыт подсказывал: не стоит. Мелко сидящим корням уару эта влага необходима для жизни; если выпить все, растение погибнет, и одним источником воды станет меньше. Поэтому Найл отвел губы, хотя воды оставалось еще порядочно. Однако уходить не спешил, а все смотрел на прозрачную воду, будто впитывая глазами. А душу, народившись, заполнила прохладная волна восторга. В уме ожила странная, неведомо от кого и как унаследованная память о золотом веке, когда воды было вдосталь, а люди не прятались, подобно насекомым, под покровом пустыни.

Глубокий умиротворенный покой спас Найлу жизнь. Когда он поднял голову, взгляд его остановился на шаре, скользящем по призрачно-бледной восточной части небосклона. Шар двигался в его сторону, быстро покрывая разделяющее их расстояние в полмили. Найл мгновенно, не успев даже этого осознать, подавил в себе безотчетный, слепой ужас, глубокий, как инстинкт. Справиться с ним было бы, безусловно, труднее, если бы Найлом только что не владело глубокое умиротворение. Почти сразу до парня дошло, что его скрывает тень гигантского кактуса-цереуса, возносящегося колоннадой своих стеблей на высоту в десяток метров. Смуглое тело Найла, вполне ве-

роятно, было и вовсе неразличимо на фоне темного западного горизонта, еще не высветленного лучами солнца. Единственное, что могло выдать, это инстинктивный ужас. А подавить его ох как непросто: ведь шар несся прямо на него, а угнездившаяся там тварь, кто знает, может, уже и заметила свою добычу. Найл мельком подумал о семье — там, внизу, в пещере. Хорошо, если они все спят.

Между тем шар опустился ниже, завис сверху, и тут Найл впервые в жизни пережил зловещее ощущение угрозы, излучаемое охотящимися пауками-смертоносцами. Будто чья-то чужая воля — непреклонная, враждебная — хлестнула по покрову пустыни подобно лучу прожектора, с почти осязаемой силой пронизывая каждую выемку, каждое затемненное углубление, намеренно нагнетая ужас, пока тот, переполнив человечью душу через край, не хлынет верхом, словно раздирающий горло истошный вопль. Найл старался не поднимать глаза; он перевел их на чашу уару, пытаясь уподобить ум чистой, недвижной глади воды. И именно в тот момент он испытал небывалое ощущение. Его ум будто почувствовал душу уару, пассивную зеленую душу, единственное стремление которой — пить, поглощать солнечный свет и оставаться живой. Одновременно с этим он ощутил и более стойкие — даже можно сказать, надменные — души высоченных цереусов, вздымающих узкие шипастые персты-стебли к небу, словно бросающих дерзкий вызов. Сама земля, казалось, обрела прозрачность; Найл ощущал, где именно там находится семья: родители, брат, две сестренки. Все спали, лишь отец беспокойно шевельнулся, когда полоснул зловещий луч.

Прошло несколько секунд, и все кончилось: шар, успев уже отдалиться на десятки метров, скользил в сторону гористой возвышенности, поднимающейся к небу на горизонте. Луч враждебной чужой воли стегал пустыню теперь уже на расстоянии; он различал его так же ясно, как если бы это был сноп прожектора. Найл сидел совершенно неподвижно, следя взглядом за маячащим в воздухе шаром; любопытно, что луч осмотрительно вильнул, огибая выпирающий из земли острый выступ матерой скальной породы.

Когда шар скрылся, Найл поспешил обратно в пещеру, двигаясь проворно и бесшумно, как приучен был с детства. Тем

не менее звук его поступи разбудил отца: пружинисто подскочив, тот застыл в напряженной позе, кремневый нож сжат в руке. Поглядев на сына, Улф понял: что-то произошло.

— Что там?

— Паучий шар,— произнес Найл шепотом.

— Где?

— Уже прошел.

— Он тебя заметил?

— Думаю, нет.

Улф издал протяжный выдох облегчения. Подобравшись к лазу, он внимательно прислушался, затем рискнул выглянуть. Солнце теперь взошло над горизонтом, придав безоблачному голубому небу белесоватый оттенок.

Из темноты послышался голос Вайга, старшего брата:

— Что там?

— Охотятся. Они...— отозвался Найл.

Вайгу не пришлось переспрашивать: «они», произнесенное таким тоном, могло означать лишь пауков-смертоносцев. Их охотничьи облавы составляли наисущественную часть в жизни горстки людей, большей частью хоронящихся под землей. Сколько люди себя помнили, на них все время охотились. Скорпионы, жуки-скакуны, полосатые скарабеи, кузнечики-гиганты. Но чаще всех пауки-смертоносцы. Жуки и москиты были естественными врагами, с ними порой удавалось совладать. Убить же смертоносца значило навлечь на себя страшную месть. Джомар, дед Найла, когда был у них в рабстве, видел, какой каре они подвергли небольшое поселение людей, убивших смертоносцев. Тысячи и тысячи восьмилапых вылезли на облаву. Живая цепь из пауков растянулась по пустыне более чем на десяток миль, сверху нависали сотни шаров. Когда людей наконец изловили — их оказалось около тридцати, считая детей,— всех доставили в городище Смертоносца-Повелителя. Там их вначале провели перед его жителями, а затем устроили мрачный церемониал. Несчастных парализовали ядом; жертвы находились в полном сознании, но были совершенно лишены возможности двигаться, могли лишь водить глазами и моргать. Их жрали заживо в течение нескольких дней: нарочно медленно, растягивая удовольствие. Главный зачинщик оставался в живых почти две недели, пока не превратился в бесформенный огрызок.

Никто не знал, отчего пауки так ненавидят людей; даже Джомар, проживший среди них столько лет, прежде чем бежал на паучьем шаре. Насколько было известно Джомару, пауки, специально занимающиеся отловом людей, исчислялись тысячами. Может, потому, что человечина почиталась у них за изысканнейший деликатес? Но зачем оно им, если смертоносцы и так держали себе на корм людское стадо? Судя по всему, им должны были нравиться те, что пожирнее,— такие, чтоб едва двигались от обилия веса. Тогда на что им, спрашивается, худосочные обитатели пустыни? Видимо, для беспросветной ненависти к людям у смертоносцев была иная причина.

Теперь пробудились и остальные — мать Найла Сайрис и две младшие сестренки, Руна и Мара. Улф старался говорить тише, чтобы младшенькие не слышали, иначе заподозрят неладное и запаникуют. Страх малышей неудержим; он просачивается наружу подобно мучительным, тревожным содроганиям или удушливо-тошнотворному запаху.

Вайг, примостившийся у камня при входе, поманил отца к себе. Найл тоже перебрался ближе к лазу. Прежде чем две головы — отцова и брата — сдвинулись вплотную, заслонив обзор, он успел углядеть белый шар, проворно скользящий высоко над верхушкой трубчатого кактуса.

Улф тихо произнес:

— Маленьких надо усыпить.

Вайг, кивнув, исчез в недрах пещеры, там, где держали муравьев. Минут через десять возвратился, неся долбленую посудину сладкого комковатого вещества, которое муравьи выделяют из зоба. Малышки, не избалованные такими щедрыми порциями, жадно набросились на лакомство. Найл, получив свою тарелку, вдохнул исходящий от нее тяжелый, приторный аромат ортиса — растения из лесов Великой Дельты. Однако засыпать ему не хотелось. Он теперь был уверен, что не потеряет самообладания. Проглотив немного пищи, чтобы не досадить отцу, он, улучив момент, незаметно сунул тарелку под травяную подстилку. Минут через пять девочки уже спали. Найл тоже чувствовал приятную осоловелость, вызванную наркотиком: ровное греющее тепло, приглушающее чувство голода. Ум, однако, оставался начеку.

Сайрис дождалась, пока девочки уснут, к комковатой медвяной каше едва притронулась. Как и Найл, засыпать она не

думала. Не оттого, что собиралась защищать жилище,— для того лишь, чтобы умертвить вначале детей, затем себя, если смертоносцы отыщут, где они прячутся.

Острый щуп страха пронзил жилище как раз в тот момент, когда она глотала первый кусочек пищи. Возникло ощущение, будто сейчас в самом деле паучище ввалится сюда. На какую-то секунду Найл сам едва не лишился самообладания, однако вовремя сообразил, что неизъяснимый этот страх ничего за собой не имеет. Сайрис сладить с ним оказалось сложнее. Найл угадал, почти физически ощутил страх, готовый прянуть из нее, словно истерический вопль. Улф и Вайг тоже это почувствовали. Пауку каким-то образом удавалось, выстреливая импульсы устрашения, вызывать усиленную ответную реакцию. Один Найл полностью сохранял самообладание и спокойствие. Он сузил свое сознание до точки. В мозгу светился лишь крохотный яркий огонек; юноша чувствовал странную отрешенность от всего окружающего, от себя самого.

Щуп страха на миг потерял устойчивость, словно замер, прислушиваясь. Однако люди уже владели собой. Пещеру наводнила напряженная, тяжко вибрирующая тишина. Малышки безмятежно посапывали. По мере того как щуп страха таял подобно исчезающему вдали звуку, Найл ощутил короткую вспышку удовлетворения. Не усыпи они маленьких, те разом бы выдали всю семью волнами беспомощного ужаса, исходящими из несмышленых умишек; так случалось уже с сотнями человеческих семей. Сок ортиса был поистине даром провидения, хотя и стоил жизни Грогу и Хролфу, дяде и двоюродному брату. Оба не совладали с хищным растением и достались ему на съедение.

Еще раз в тот день колючее жало страха пронзило жилище, но ум у людей оставался спокойным, как и тело. Они не выдали своего присутствия ни единым отзвуком. Опершись спиной о гладкую стену пещеры — песок, сцементированный слюной жука-скакуна,— Найл сидел будто окаменелый. По мере того как разгорался день, температура в пещере неуклонно повышалась. Обычно они заваливали вход сучьями и камнями, а ветер довершал работу, забивая щели песком. Но Улфу хотелось наблюдать за приближением паучьих шаров. Зная об атаке заранее, легче противостоять. Поэтому проем под плоским камнем оставили открытым и в горловину входа задувал

теперь жаркий ветер пустыни; слой песка ковром стелился по полу. Девочки разметались во сне, все в поту. Взрослые не обращали внимания на жару: напряженное ожидание заставляло забыть обо всем. Дважды Сайрис приносила еду: плоды опунции и сушеное мясо. Однако ели мало, глаза у всех неотрывно следили за полоской выцветшего от жары неба.

Уже после полудня ведущий наблюдение Найл заметил на горизонте очередной шар. Две-три минуты спустя слева возник второй, затем еще один справа. Вскоре шары заполонили все небо; насчитав двадцать, Найл бросил это занятие. Сердце холодело от одного лишь их вида. Обернувшись, он шикнул остальным. Те тотчас подобрались к нему, остановившись неподалеку от проема, чтобы не мешать друг другу.

— Почему так много? — недоуменно спросил Улф.

Найл удивился недогадливости отца. Пауки прознали, что откуда-то снизу в них пристально вглядываются человечьи глаза. Они, наверное, пришли в ярость оттого, что где-то в недрах пустыни затаилась и наблюдает за ними из тайного укрытия их же добыча, а выманить ее наружу никак не удается. Цель была бы достигнута, появись шары с другого направления: сказалась бы внезапность. Но за те пять минут, пока армада выплывала из-за горизонта, люди имели возможность побороть страх. Ветер к этой поре усилился, и шары понесло быстрее обычного. Волна нахлынула ненадолго. Людей словно накрыло лучом прожектора, но вот он сместился и оставил в покое.

Со своего места Найлу отчетливо было видно, что среди шаров соблюдается любопытная симметрия. Втайне он догадывался, какая тому причина. В одиночку им трудно определить, где именно скрывается добыча. Шар охватывает сравнительно большой участок местности, покрывая его вроде колпака. Но чтобы установить, откуда именно исходит отклик на импульс страха, пауку необходимо сузить диапазон поиска, что непросто: сама точка может находиться где угодно в радиусе до мили. Если же сигнал паники уловят разом два шара, сектор поиска сузится и добыча окажется замкнутой в ножницы импульсов. А если в поиск вовлечена не пара, а целое сонмище шаров, задача тем более упрощается.

Любопытно: мельком подумав об этом, Найл испытал странное злорадство. Похоже, он начинал уяснять содержимое па-

учьих умов; его больше не донимал страх неизвестности. Но инстинкт подсказывал: обольщаться не стоит.

В предвечерний час очнулись от сна малышки. Лица у них раскраснелись от жары, губы запеклись от сухости: обычная картина после сока ортиса. Сайрис дала девочкам попить, а затем последовало и угощение: по сочному куску терпкой на вкус, вяжущей опунции. После этого детей снова накормили дурманящей кашей, и те забылись сном. Мара, младшенькая, часто дышала, длинные волосы повлажнели от пота. Мать сидела возле, бережно обняв ребенка. Мара была общей любимицей. Едва не потеряв девочку три месяца назад, семья теперь относилась к ней еще бережней.

Как-то вечером Мара играла в кустах юфорбии. Неожиданно на нее напал большой желтый скорпион. Найл в это время собирал плоды опунции. Заслышав пронзительные крики, он не мешкая кинулся на помощь. Примчался он как раз вовремя: скорпион уже лез в свое логово под камнем, сжимая тельце ребенка в гигантских клешнях. Найл окаменел. Он не раз зачарованно наблюдал, как скорпион, парализовав добычу ударом изогнутого хвоста, свирепо кромсает и рвет ее хитиновый покров короткими и мощными клыками-хелицерами, торчащими по краям пасти. Затем впрыскивает в обнажившуюся плоть пищеварительный фермент, размягчающий пищу, и сглатывает. Первым желанием Найла было рвануться и попытаться отнять сестренку. Но вид влажного жала, которым с готовностью помахивал гигант, вовремя образумил Найла: это равносильно самоубийству. Он побежал назад к пещере, зовя отца. Улф действовал с хладнокровием человека, чья жизнь нередко напрямую зависит от выдержки. Он повернулся к Вайгу:

— Огня, скорее.

Казалось, прошла уйма времени, прежде чем Вайг показался из пещеры с пучком горящей травы. Нахватав в охапку сухой, похожей на солому эспарго, они ринулись через кактусовую поросль к логову скорпиона, временами спотыкаясь. Логово находилось под большим плоским камнем. Насекомое настороженно их поджидало; можно было различить, как в темноте из-за больших клешней поблескивает ряд глаз. Между тем факел из травы почти уже прогорел.

Улф раздул огонь, зажигая первый пучок травы, и без колебаний устремился к входу в логово. Скорпион отступил пе-

ред огнем и дымом, издав сухое угрожающее шипение. Улф пинком послал догорающую траву в горловину лаза, а сам резко вильнул в сторону, и вовремя: скорпион, изогнув жало, сделал бросок. Здоровенные клешни затрудняли движения насекомого, направление следующего броска можно было предугадать. Вайг, схватив еще один горящий пучок, метнулся вперед и, всадив его в разомкнутую клешню, тоже отпрянул в сторону, иначе тварь его просто бы смяла.

Зашипев от боли, скорпион инстинктивно повернул назад в логовище, но доступ ему преградил размахивающий факелом Улф. Найл знал, что делать. Он кинулся в логово; какое-то время стоял, озирая раскромсанные панцири жуков, затем, отыскав глазами сестренку, подхватил ее и выбежал с ней наружу. Скорпион, видя, что добыча ускользает, пустился было вдогонку, но Вайг, опередив, метнул копье, угодив насекомому между клешнями. Найл, передав бездыханное холодное тельце девочки Сайрис, обернулся. Неудачливый похититель уходил через пустыню. Вайг потом рассказывал, что копье прокололо скорпиону два глаза.

Мара не подавала признаков жизни. Холодным было неподвижное бледненькое тельце, отдающее характерным запахом скорпионьего логова. Сердце не билось вовсе. Но минуло два дня, и ребенок задышал, а спустя неделю девочка могла уже ползать по полу жилища. Прошел еще целый месяц, прежде чем яд выветрился полностью. Только черный рубец у девочки на плече остался напоминанием о схватке со скорпионом.

Очередная облава паучьих шаров, четвертая по счету, состоялась через час. Отец легонько коснулся плеча Найла, и до юноши дошло, что он, оказывается, дремлет. Все еще находясь под спасительным покровом дремоты, он почувствовал импульс страха, словно дуновение холодного ветра, от которого кожа покрывается пупырышками. И когда ощущение прошло, Найлу подумалось, что смертоносцы, в сущности, не такие уж и смекалистые, как он раньше считал: накатывая так часто, они поневоле дают людям освоиться с этими импульсами и тем самым им противоборствовать.

Наихудшее произошло во время последнего их налета. Это было уже в тот час, когда зарождающиеся сумерки углубляют

синеву неба. Ветер стихал. Похоже было, что пауки на сегодня уже унялись. Внезапно откуда-то со стороны входа донеслись скребущие звуки, издаваемые крупным насекомым. Это мог быть скорпион или жук-скакун, а может, и паук-верблюд, волочащий какую-то тяжелую ношу. После долгих часов напряженной тишины звук казался странным контрастом. Слышно было, как он постепенно приближается к входу в пещеру. Вайг, державший наблюдение, тревожно встрепенулся. Глянув поверх его головы, остальные заметили плывущие в их направлении шары, совсем низко над землей. В эту секунду сверху в пещеру потоком заструился песок и стали видны здоровенные клешни скорпиона. Это никого не удивило: мало ли кто рыщет по округе в поисках пищи. Но скорпион остановился, а в пещеру обрушилась еще одна струя песка. Плоский камень сдвинулся, и Найл изумленно понял: тварь пытается протиснуться внутрь. Случилось самое худшее, что только можно было представить: паучьи шары зависали над самой головой. Найл чувствовал смятение остальных, усугубляемое боязнью, что их выдаст собственный страх. Мелькнула мысль, что смертоносцы все же одержат верх.

Действовал Найл машинально, не раздумывая. Возле стены стояло копье Улфа с наконечником из шакальей кости, острым, как игла. Ни Улф, ни Вайг не решались пустить его в ход из опасения, что вспышка слепой ярости выдаст их присутствие смертоносцам. Сам Найл совершенно естественным и непроизвольным образом «задернул» сознание, как задергивают шторой окно. Затем, подойдя уверенно к входу, оттеснил в сторону Вайга и что есть силы саданул копьем меж клешней, расширяющих проход. Послышалось шипение, потянуло едким удушливым запахом. Тварь сейчас же отпрянула, открыв взору шар, летящий в их сторону в какой-нибудь сотне метров. Найл безмолвно застыл, не давая невидимому щупу проникнуть через преграду. А щуп впился и был теперь так близко, что казалось, Найл чувствует дыхание врага, его физическое присутствие. Спустя мгновение ощущение схлынуло, около десяти минут люди не решались стронуться с места, ощущая тот же страх: все, пауки их обнаружили, сейчас приземлятся и обступят жилище. Однако время шло, и тревога постепенно ослабевала. Найл высунул голову наружу. Шары маячили вдалеке, зябко пока-

чиваясь на багряном фоне заката над горами. Исчез и скорпион. Наконечник копья был измазан кровью и еще какой-то белой пакостью, похожей на гной.

Улф, обняв сына за плечи, притиснул его к себе: «Хороший мальчик». Похвала, которой обычно удостаивают несмышленышей за послушание, прозвучала сейчас до смешного нелепо, но Найл, чувствуя за этими словами глубокую благодарность, был польщен.

Через десять минут все вокруг утонуло уже в толще мрака, непроницаемого, словно вода в омуте, внезапного, словно тропическая ночь. Улф и Вайг завалили вход камнями. Затем Вайг зажег светильник, наполненный добытым из насекомых маслом, и семья села за ужин: сушеное мясо и плоды кактуса. Найл сидел, уткнувшись спиной в угол, и смотрел, как движутся по стене людские тени. Чувствовал он усталость и удовлетворенный покой. Найл понимал, что сегодняшний его поступок спас всем жизнь и что семья тоже осознает это. Но было ему известно и то, что во всем происходящем в последнее время виновен он сам. Ведь это он убил паука-смертоносца.

С тех пор как их семья перебралась в теперешнее жилище, минуло без малого десять лет. До этого они обретались в норе у подножия большого скалистого плато, милях в сорока к югу. Даже когда вход там закладывался камнями и скальными обломками, температура днем нередко достигала сорока градусов. Пища была скудная, и у мужчин на поиски добычи уходила уйма времени. Паучий шар, на котором Джомар бежал из неволи, превратился в защищающий от солнца зонт, что позволяло сравнительно благополучно переносить немилосердный зной. В пересохшем русле пролегающего неподалеку ручья росли полые кактусы, сок которых годился для питья (у цереуса он ядовит). И тем не менее жизнь горстки людей (в ту пору Торг с женой Ингельд и сыном Хролфом жили вместе с ними) состояла из сплошных хлопот: где добыть пищу, чем утолить жажду, как перенести удушающую жару.

Как-то раз, забредя от норы дальше обычного, охотники заметили здоровенного жука-скакуна, залезающего к себе в пещеру-логово. В сравнении с их каменным мешком возле подножия плато эта местность казалась просто райским уголком. Растение уару могло давать свежую воду, а цвет травы альфа,

по-настоящему зеленый, недвусмысленно указывал, что ночной воздух здесь бывает влажен, даруя влагу в виде бисеринок тумана. Стебли травы годились на то, чтобы вить веревки для силков, плести корзины и подстилки. Более того, случайно обнаруженная оболочка шпанской мушки означала и готовый источник масла для светильников.

Мужчины были измотаны, от жары голова шла кругом. Может, это и натолкнуло их на несуразно дерзкую затею напасть на жука-скакуна. Челюсти насекомого могли перекусить человеку руку или ногу. Кроме того, эти создания вызывали страх своим проворством и фантастической прожорливостью. Найл видел однажды, как один такой меньше чем за полчаса поймал и проглотил двенадцать большущих мух. Правда, если насекомое выманить наружу и напасть в тот момент, когда оно выбирается из тесного для него лаза, то есть шанс справиться, пока оно не успело воспользоваться своей маневренностью.

Первым делом мужчины насобирали кучу кустов креозота, отхватывая их возле корня кремневыми ножами. Подсушенный час-другой на солнцепеке, креозотовый куст с его хрупкой, пахнущей смолой древесиной полыхает как факел. Нарвали также травы альфа и сложили пучками, а чтобы не унесло ветром, придавили сверху камнями. Затем, натаскав камней поувесистей, сложили их возле логова в кучу. Насекомое, сразу же почуяв неладное, затаилось и пристально наблюдало за приготовлениями из пещеры, но вмешиваться не решалось: слишком их много, этих бестолково снующих двуногих. Стоило Хролфу подойти ближе, как из-под камня, что возле лаза, угрожающе высунулись похожие на когти челюсти.

По мере приближения солнца к зениту работать иначе как по нескольку минут кряду становилось невозможно. Даже в тени цереусов пот, проступая на коже, мгновенно испарялся, прежде чем охотники успевали обратить на это внимание. Когда безудержно косматое солнце светило уже над самой головой, мужчины съежились под зонтами и пригубили воды, чтоб в организме было хоть сколько-нибудь влаги.

Для того чтобы жук ослабил бдительность, решили удалиться к кактусовой поросли. Вот полдень миновал, и Джомар решил: пора приступать. Ни один из обитателей пустыни не ожидает опасности в это время суток. Джомар, используя кусочки

сухой коры, развел огонь, затем поджег пучок травы. Солнце светило так, что языки пламени были невидимы, но когда занялись огнем кусты креозота, в воздух черными клубами повалил едкий дым. Охотники отдавали себе отчет, что этот момент особенно опасен: на дым может невзначай обратить внимание любой из паучьих дозорных. Подхватив пламенеющие кусты за корневища, мужчины проворно потащили их через песок. Одним мощным движением копья Улф приподнял и сдвинул прикрывающий вход камень, ожидая, что насекомое тотчас бросится наружу. Но ничего подобного не произошло. Свой куст Джомар швырнул в горловину лаза. Это же самое проделали следом за ним и остальные и отпрянули, утирая лицо и глаза, обильно сочащиеся едким потом.

Прошло около минуты, прежде чем жук, встревоженный огнем и дымом, наконец дал о себе знать. Пролезть наружу мешал перегораживающий лаз камень, и насекомому пришлось приложить усилие, чтобы из-под него выбраться. Там уже караулил, заведя руки за голову, изготовившийся к удару Торг. Когда жук почти уже высвободился, он что есть силы метнул в него тяжелый обломок скалы. Камень ударил насекомое в грудь, чуть не задев выпуклые глаза. Другой камень, брошенный Хролфом, размозжил жуку сустав передней лапы. Жук раскрыл продолговатые крылья, собираясь взлететь, и Джомар, метнувшись, вогнал копье в жесткое брюхо насекомого. Туловище жука скорчилось от боли, и тут его мощные челюсти неожиданно схватили Джомара за ногу. Пронзительно вскрикнув, тот забился, силясь высвободиться. В этот миг обрушился еще один камень — самый большой,— высадив твари глаз и сокрушив толстый покров, защищающий череп. Челюсти разомкнулись и выпустили Джомара, у которого из бедра ручьем хлестала кровь. Хролф вогнал копье глубоко в плоть жука там, где крыло срастается с туловищем. Насекомое судорожно дернулось, смахнув наземь Улфа и Джомара, и, подскочив, повалилось на спину в нескольких метрах от пещеры. Прошло еще минут пять, прежде чем оно затихло окончательно.

Кажется, это Вайг, вглядевшись в глубину лаза, заметил — в недрах пещеры, за горящими кустами креозота, что-то шевелится. «Там еще один!»

Все мгновенно насторожились, изготовившись к очередной схватке. Однако враг все медлил. Джомар кое-как доковылял до зонта и, пристроясь там в тени, припал губами к посудине с водой. Хролф внимательно осматривал ему рану; остальные, запалив оставшиеся кусты креозота, побросали их в лаз. Однако жара брала свое: люди, все как один, тяжко отдуваясь, прилегли возле входа в пещеру и стали дожидаться, что будет дальше. Спустя полчаса, когда кусты креозота превратились в груду угольев, в горловине послышалась возня и наружу показались длинные усы-антенны. Из норы выбралась самка жука-скакуна, гораздо меньших размеров. Следом выкатилось с полдесятка личинок, каждая с руку длиной. Описывая потом эту сцену младшему брату, Вайг говорил, что ему вдруг стало как-то жаль жуков, хотя он знал: подойди поближе, и на него бы набросились даже личинки. Люди наблюдали, как насекомые пробираются через раскаленный песок, удаляясь в сторону глубокой балки, что примерно в километре. И вид у них при этом был такой бесприютный, будто произошла какая-то неописуемая трагедия. Двигал же ими единственно инстинкт самосохранения. Оглядев несколькими часами позже их нору, охотники пришли в изумление от ее глубины. Джомар высказал предположение, что здесь когда-то обитало семейство пауков-каракуртов. Это была, по сути, самая настоящая пещера со стенами и сводом, сцементированными слюной жуков. В самом глухом углу валялись полузадохшиеся личинки, угоревшие от дыма: ветер пустыни, задувая в горловину, вместе с искрами и дымом принес в пещеру угарный газ. Охотники прикончили личинок, а трупы повыкидывали наружу: мясо жука-скакуна неприятно на вкус и в пищу не годится. Вслед за тем они забросали вход и в изнеможении заснули в прохладной глубине логова, где еще остро пахло дымом и креозотом.

Следующим утром за пару часов до рассвета Улф, Торг и Хролф отправились в обратный путь. Надо было забрать женщин и семилетнего Найла из норы у подножия того небольшого плато. Джомар и Вайг остались караулить пещеру на случай, если жуки вознамерятся вдруг снова сунуться в свое жилище. Такая предосторожность оказалась излишней. Как выяснилось позже, жуки-скакуны не переносят запаха горящего кре-

озота; они никогда не приблизятся к тому месту, где им хотя бы чуть попахивает.

Найл все еще помнил, с каким волнением встречал он тогда отца. Больше всего почему-то запомнилось, как Ингельд, жена Торга, вначале пустилась в крик, затем разразилась стенаниями. Увидев только троих, она подумала, что остальные двое погибли. Когда же все разъяснилось и охотники наперебой принялись живописать новое жилище, Ингельд от возбуждения впала в другую крайность (она всегда отличалась несдержанностью) и стала настаивать, чтобы все сейчас же собирались в дорогу. Много сил было потрачено, прежде чем Ингельд удалось наконец убедить, что двигаться через пустыню в полуденную жару просто гибельно. И все равно окончательно она не утихомирилась: весь день с насупленным видом кого-нибудь понукала.

И вот наконец за пару часов до рассвета они тронулись в путь. Найл волновался едва не больше всех. Предрассветный час был выбран не случайно: хищники пустыни охотятся в большинстве своем ночью, с приближением рассвета разбредаясь по своим логовищам. Температура была чуть выше нуля, от холода не спасала даже ворсистая шкура гусеницы; Найла пробирала зыбкая дрожь. Он сидел за плечами матери — часть пути та несла его в заплечной корзине,— и в детском умишке укромно светился огонек счастья, а волнение было такое, что казалось, еще миг — и Найл взлетит. Лишь однажды ему доводилось удаляться от тогдашней их норы на несколько сотен метров — в ту пору, когда начались дожди. Ветер тогда вдруг обрел неожиданную прохладу, с запада надвинулись грузные сизые тучи, и с неба отвесными потоками стала хлестать вода. Найл, хохоча, подпрыгивал под теплыми струями. Мать взяла его на прогулку — туда, где в стену плато вбуравливается пересохшее русло небольшой речушки. Мальчик стоял и, распахнув глаза, наблюдал, как иссохшая земля, шевельнувшись, словно живая, приподнялась, расслоилась и наружу вылезла большущая лягушка. Через полчаса такая же картина наблюдалась повсеместно. Пробудившиеся к жизни существа спешили вскачь к разрастающимся на глазах лужам, и вот уже стал слышен густой звонкий хор: женихи-самцы громко зазывали невест. Завидев совокупляющихся лягушек, Найл зашел-

ся от хохота; смеялся вволю, во все горло, восторженно топая ногами под набирающими силу струями дождя. А из песка, слипшегося в комья полужидкой грязи, уже спешили кверху, жадно вытягивая стебли, растения и цветы. В грязи то и дело вскипали крохотные, похожие на взрывы бурунчики: спекшиеся стручки, разбухнув, подобно пулям выстреливали в воздух семена. Спустя несколько часов поверхность пустыни уже покрывал удивительный ковер из цветов: белых, желтых, розовато-лиловых, зеленых, красных, голубых. Найлу, сызмальства видевшему лишь унылый изжелта-серый песок и камни да безжалостную синеву обнаженного неба, казалось, что он попал в сказку. Стоило дождю остановиться, как откуда ни возьмись налетели пчелы и с жадным усердием напустились на цветы. Лужи, бурые, как грибной суп, кишели юркими, хлопотливыми, пожирающими друг друга головастиками. В других лужах — побольше и почище — сглатывали крупицы зеленых водорослей флегматичные тритоны. Четыре года прожив в безводной пустыне, Найл оказался вдруг окружен обильной, спешащей цвести и множиться жизнью. Это заполонило все ощущения мальчика, он будто опьянел.

Вот почему за все время странствия, пока Найл попеременно то болтался в корзине у матери за спиной, то мелко трусил рядом с ней, ощущение неизбывной радости не покидало его. Рассказывая семье о новом доме, отец ввернул слово «плодородный», и Найл живо вообразил местность, изобилующую цветами, деревьями и мелкими животными. В нем воспрянуло ожидание бесконечной череды чудес, одно восхитительнее другого. Умей отец Найла, всю жизнь проживший в пустыне, читать мысли сына, он бы лишь печально покачал головой.

В полдень, когда безжалостный зной стал нестерпимым, мужчины вырыли в песке ямы и накрыли их зонтами, присыпав сверху песком. В нескольких сантиметрах от поверхности песок был сравнительно прохладным. Отсюда меньше мили оставалось до изъязвленных ветром каменных столбов, где можно было найти прибежище, но при эдакой жаре нечего было и думать до них добраться. Истекая потом, Найл вместе с отцом и матерью забился в одну из этих ям; чтобы как-то унять жажду, они сжевали по сочному клубню. Найл ненадолго вздремнул, и снились ему опять цветы и бегущая вода. Затем продолжили путь.

Ветер переменил направление, повеяло будто бы прохладой. Ткнув пальцем в сторону, откуда дул ветер, Найл спросил отца:

— А там что?

— Дельта,— ответил Улф.

Голос был усталым и бесцветным, но было в нем нечто, заставившее Найла вздрогнуть.

К месту, окончательно выбившись из сил, добрались за час до сумерек. Первое, что приковало взор Найла на новом месте, были верхушки акаций на горизонте и исполинский разляпистый кактус. Прежде Найл деревьев не видел никогда, слышал о них только по рассказам отца. Когда подошли к месту, мальчик разочарованно обнаружил, что никаких цветов там нет, равно как и плещущейся воды, о которой так мечталось. Собственно, была лишь голая каменистая земля, присыпанная тонким слоем песка. Местами из нее торчали блеклые пучки травы, кусты креозота и окустья травы альфы, виднелись валуны и обломки скал. Лишь древовидный кактус юфорбия, увенчанный темно-зелеными листьями, несколько оживлял монотонную картину. В отдалении возвышались все те же непривычные глазу колонны красного скального грунта, а сзади, с южной стороны, на горизонте вздымалась отвесная стена плато, восходящая ввысь, словно горная цепь. Несмотря на всю унылость, этот пейзаж был, безусловно, интересней и разнообразнее, чем бесконечные песчаные дюны, окружавшие их прежнее жилище.

Навстречу им вышли Джомар и Вайг. Горловина пещеры выходила в другую сторону, но Джомар угадал их приближение с той безошибочной четкостью, какую жители пустыни воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Это смутное угадывание постороннего присутствия нельзя было назвать телепатией, но для них оно являлось таким же естественным, как чувство слуха. В еще же большей — и пугающей — степени этим чувством обладали пауки-смертоносцы.

Джомар двигался с большим трудом. Задетое челюстями жука-скакуна бедро распухло, словно диковинная черная тыква. Вайг обработал рану тертым корнем дьяволова листа, росшего неподалеку,— растения с мощными целебными свойствами. Но восстановить рассеченную мышцу оно не могло, и Джомар до конца своих дней прихрамывал.

В тот вечер у них был пир; по крайней мере, людям, едва одерживающим верх в извечном поединке с голодом, такая трапеза казалась роскошной. Вайгу удалось прибить крупное млекопитающее вроде белки и поджарить его, выложив тушку в полдень на раскаленные солнцем камни. Найл раньше вообще ничего подобного не пробовал. Ели еще плоды кактуса, желтые и терпкие, пили кактусовый сок. Было ясно, что, несмотря на кажущуюся скудость, в здешних окрестностях водится куда больше живности, чем на прежнем месте обитания возле плато. И конечно же (это тоже было ясно всем), опасностей здесь тоже куда больше. В этих местах водились песчаные скорпионы и жуки-скакуны, полосатые скарабеи с ядовитым жалом, тысяченожки и серые пауки-пустынники, не ядовитые, но очень сильные и проворные: минута — и человек уже с головы до пят опутан клейкими шелковистыми тенетами. Пауки служили добычей осе-пепсис либо осе — убийце тарантулов, созданиям не крупнее человеческой руки, парализующим хищников ядом и потом использующим их как живую кормушку для личинок. И конечно же, практически все обитатели пустыни — насекомые и млекопитающие — служили добычей громадной фаланге либо пауку-верблюду — жутковатой на вид, похожей на жука твари с огромными челюстями. Последний передвигался с такой скоростью, что невольно напрашивалось сравнение с перекати-полем, гонимым через пустыню сильной бурей. Довольно странно, но не было случая, чтобы пауки-верблюды нападали на человека. Наблюдая за ними, Найл проникался впечатлением, что те относятся к человеку с каким-то скрытым благодушием, воспринимая людей не то как союзников, не то как ровню. И спасибо на том: их челюсти-пилы могли раскромсать человека напополам.

В течение многих недель после того, как они перебрались в новое жилище, Найла невозможно было оттащить от выхода из пещеры, откуда он наблюдал за снующими мимо существами. Не сказать, чтобы их было так уж много (в пору дневной жары обитатели пустыни прячутся по своим щелям), но ребенку, выросшему в норе с видом на безотрадно унылые песчаные дюны, это был словно живой калейдоскоп. Многих насекомых он научился различать просто по звуку. Так, он мог в первую же секунду отличить скорпиона или паука-пус-

тынника от жука-скакуна или тысяченожки. А заслышав шелест паука-верблюда, понимал, что можно без всякого страха выбираться наружу: всевозможные неприятели спешат спрятаться кто куда.

На первых порах Найл подолгу оставался один. Женщины были в восторге от новых окрестностей, в них проснулась страсть первооткрывательства. Человеку цивилизованному вся эта жалкая поросль на границе с пустыней не внушила бы ничего, кроме уныния; людям же, прожившим годы в настоящей пустыне, новая местность казалась просто райскими кущами. На многих кустах попадались покрытые шипами и толстой кожурой плоды, срывать которые было непросто, но зато, если удалить кожуру, они прекрасно годились в пищу. У бурых, безжизненных с виду растений часто имелись корни-клубни, накапливающие воду. Случалось, что жидкость в клубнях оказывалась горькой и неприятной на вкус, зато могла оттягивать жар от кожи. Под охраной мужчин Сайрис и Ингельд забредали довольно далеко, обратно возвращаясь с грузом всяческих деликатесов, переполняющих свитые из травы корзины. Мужчины наловчились ставить силки, в которые нередко попадались зайцы, сурки и даже птицы. Ингельд, не отличавшаяся умеренностью во всем, круглела на глазах.

Найлу, пока семья охотится, наказывали сидеть в глубине пещеры; но стоило взрослым удалиться, как мальчик тотчас разбирал прикрывающие вход сучья и камни и, выбравшись на выступ заматерелого грунта, образующего возле лаза подобие крыльца, во все глаза смотрел на диковинные создания, спешащие мимо. Иногда случалось, что какой-нибудь жук или тысяченожка — здоровенные твари — пытались влезть в пещеру, но Найл быстро отбивал у них охоту, выбрасывая наружу острие копья; уяснив, что пещера занята, насекомое спешило прочь.

Как и у всех детей, чувство страха у Найла было и чрезмерно преувеличенным, и неправильно ориентированным. Вначале он безумно боялся всего, что быстро движется; позже, когда уяснил для себя, что все обитатели пустыни боятся незнакомого и предпочитают избегать нежелательных встреч, он стал излишне самоуверенным. Как-то утром мальчику наскучило обозревать до мелочей уже изученную окрестность, и он

решил пойти на поиски чего-нибудь нового. Заботливо прикрыв вход в пещеру, он отправился побродить меж стволов исполинских кактусов-цереусов. Стояло раннее утро, чаша растения уару все еще была полна наполовину прозрачного чуда, кристально чистой росы. Отыскал Найл и плоды опунции. Попытался оторвать один; силенок не хватило, а кремневый нож, как назло, забыл в пещере. Внимание Найла привлек чертов корень; согнувшись над ним, он какое-то время зачарованно разглядывал причудливые, похожие на когти листья. Подойдя к юфорбии, растущей в нескольких метрах от пещеры, он вначале убедился, что в ее ветвях никто не прячется, а затем взобрался по стволу и подыскал удобную развилку, оперевшись о которую можно было твердо держаться. Там и стоял, все равно что в клетке. Эта площадка для обзора была куда лучше той, что возле пещеры: вид отсюда открывался на целые мили. И тут, возникнув откуда-то, в тени юфорбии показался большой жук-скакун. Найл затаил дыхание. Понадобилось еще и унимать панику: ему пришло в голову, что это, должно быть, явился отвоевывать свое жилище один из прежних хозяев пещеры. На одну из свисающих веток юфорбии опустилась большая, с два кулака, муха и принялась чистить передние лапки. С захватывающей дух скоростью жук-скакун рванулся с земли. Муха заметила движение и попыталась было взлететь, да поздно. Миг — и насекомое исчезло у жука в челюстях. Найл, застыв, наблюдал, как жук с противным хрустом прожевывает муху, сглатывает ее. Чтобы разглядеть получше, мальчик чуть подался вперед, и тут нога предательски сорвалась с опоры. Жук, мгновенно встав в позу, вылупился на дерево немигающими глазами-пуговицами. Найл вцепился в ветку, ожидая, что сейчас его неминуемо стащат с развилки и слопают, как ту муху. Жук все таращился наверх — целую вечность,— шевеля усами-антеннами. Затем он, похоже, утратил интерес и заковылял прочь. Никогда еще Найл не испытывал такого невероятно глубокого облегчения. Кстати, глядя насекомому в глаза, он испытывал даже не страх, а некий провал (весьма любопытный) в своих обычных ощущениях, словно тело на время вообще перестало существовать. Такое чувство, будто все вокруг наводнила тишина, а сам он общается с жуком напрямую, точно так же, как с

сородичем-человеком. Тем не менее, едва убедившись, что насекомое удалилось на достаточное расстояние, Найл метнулся назад в пещеру и весь остаток дня носа не казал наружу.

Несколько дней спустя жизнь Найлу спас лишь счастливый случай. Оправившись от испуга, он решил разведать, скопилась ли вода в чаше уару. Чаша оказалась пустой, кто-то уже успел здесь побывать, и Найл от нечего делать решил пройтись по кактусовой поросли; там остановился, озирая пустынную окрестность. В нескольких сотнях метров тоже росли кактусы, на вид несколько иные. Было заметно, что на них гроздьями растут те самые терпковатые плоды, которые Найл так любил. День еще только начинался, опасности не замечалось. Найл, устроившись под сенью кактуса, оглядывал скупую на растительность плоскость равнины. Ленивым движением он поднял плоский камешек, повертел его в руке, затем, охватив вдоль ребра указательным пальцем, размахнулся и метнул. Камешек упал метрах в двадцати, подняв облачко пыли. И в этот миг что-то произошло. Настолько быстро, что Найл сначала подумал, что померещилось. Перед взором будто возникло некое больших размеров существо. Не успел моргнуть, как оно уже исчезло. Найл, настороженно сощурясь, пристально вгляделся. Ничего, только скучная песчаная равнина да местами черные скалы-обелиски. Найл бросил еще один камешек, бросил удачно. На этот раз не произошло ничего. Воздух наводнялся переливчато дрожащим маревом жары. Найла брало сомнение: может, в самом деле померещилось. Однако полоска земли, отделявшая его от плодоносных кактусов, излучала теперь немую угрозу. Около часа Найл сидел совершенно неподвижно, уткнувшись подбородком в колени. Тут за стоящими в отдалении кактусами стало заметно движение. Держа путь в его сторону, оттуда брело крабообразное насекомое длиной не больше полруки. Позднее он узнал, что это жук-чернотелка, с изжелта-зеленой бородавчатой, как у жабы, кожей. Медленно ковыляя, насекомое остановилось в конце концов под сенью кактуса, где принялось ворошить морщинистой мордой пустую оболочку навозного жука. Затем двинулось дальше в сторону Найла. Вот уже, считай, то место, куда упал камень. Найл затаил дыхание. И тут это произошло снова. Какое-то большое темное существо выскочило, казалось, из-под самой

земли. Пока оно хватало чернотелку, Найл успел различить, что это здоровенный мохнатый тарантул-затворник с членистым брюхом полутораметровой длины. Секунда — и он исчез, захлопнув следом за собой круглый вход в логовище. С ним исчезла и чернотелка; остался ровный, непотревоженный песок. Отведи Найл взгляд в сторону — ровно настолько, чтоб повернуть головой туда-обратно,— он ничего бы не заметил. От мысли, что могло бы случиться, направься он сам в сторону тех кактусов, сердце ледяной иглой кольнул страх.

Когда вернулась мать, неся корзину, до половины наполненную какими-то гладкими буроватыми зернами, Найл втайне от всех рассказал ей о мохнатом том пауке и просил, умолял не передавать ничего отцу. Отец, когда сердится, может шлепнуть так, что синяк не сойдет потом неделю. Но на этот раз Улф не рассердился. Он выслушал с угрюмым вниманием, затем подозвал сына и велел указать то место, где тот видел паука. Вайг, Торг и Хролф встали, держа копья наготове, а Улф, пытаясь выманить тарантула из логовища, бросил один за другим несколько больших камней. Однако насекомое наружу не вылезло, догадавшись, видимо, по исходящей сверху вибрации, что враг слишком велик числом. Люди после этого стали остерегаться пересекать полоску земли, отделяющую друг от друга кактусовые рощицы.

Прошло больше недели, и Найла снова оставили в пещере одного. Прежде чем отправляться, отец взял с мальчика слово, что тот будет оставаться в пещере и ни в коем случае не станет разбирать камни и ветки, закрывающие вход. Найл, побаивающийся отца, обещал со всей искренностью. Не учел Улф одного: насколько мальчику боязно оставаться наедине с собой. Лишь разрозненные лучики света робко просеивались сквозь темноту. Найлу, лежащему на своей травяной подстилке, представилось вдруг, как тот самый мохнатый паук проделывает сейчас к их жилищу ход и скребется уже, наверное, где-нибудь поблизости. Мимолетный звук, донесшийся в этот миг откуда-то сверху, убедил мальчика, что пещера под наблюдением. Найл затаил дыхание. В конце концов подобрался к выходу, поднялся на камень и попытался выглянуть наружу. Поле зрения было крайне ограничено — каких-нибудь несколько метров,— рассмотреть что-нибудь толком было почти невоз-

можно; Найл, во всяком случае, был убежден, что тарантул подкарауливает где-то сверху, над пещерой. Примерно через полчаса ноги утомились, и Найл возвратился к себе на подстилку. Лег он, подтянув к себе копье, бессменно стоящее у изголовья на случай внезапного вторжения.

Где-то через час до слуха Найла донесся звук, от которого гулко забилось сердце. За стеной, возле самой головы, кто-то приглушенно скребся. Найл, подскочив, вытаращенными глазами уставился на стену, ожидая, что она вот-вот обвалится, обнажив мохнатые лапищи затворника. Вытянув руку, мальчик осторожно коснулся стены; сцементированная слюной жука-скакуна поверхность была твердой и гладкой. Только выдержит ли, если ее будут таранить с противоположной стороны? Звуки так и не стихали. Найл, подобравшись к камню при выходе из пещеры, приготовился, чтобы в случае чего расшвырять сучья и выскочить наружу. Но когда попытался расширить лаз, стало ясно, что отец не очень-то положился на обещания сына, а вбил за плоский камень еще и клин из куста акации, да так плотно, что невозможно и расшатать. Когда мальчик, стиснув зубы, силился освободить проход, сверху донесся негромкий шорох. Воображение тотчас нарисовало второго тарантула, выжидательно затаившегося, чтобы напасть.

Неожиданно шуршание за стеною смолкло. Найл на цыпочках подобрался к стене и ухом приложился к гладкой поверхности. Через несколько секунд шум возобновился. На этот раз, как показалось, звуки были глуше. Найл попытался вспомнить все, что слышал от деда о подземных пауках: например, что, встречая на пути большой камень, они нередко меняют направление. То же самое, возможно, произошло и у твари по ту сторону стены. Насколько можно было судить, она продвигалась вдоль стены, а не навстречу ей.

Сухие скребущие звуки не прекращались. Иногда они на минуту затихали, и тогда Найл задумывался над планом возможной баталии. Как только стена начнет осыпаться, надо будет сразу изо всех сил садануть копьем, пока тварь не расширила брешь...

От напряжения в голове возникало необычное ощущение, будто сердце стремится закачать в голову как можно больше крови. Чувство, чем-то схожее с действием дурманящего сока

ортиса. Сердце билось ровно и гулко, отдавая в ребра. Тут Найл с удивлением обнаружил: если сосредоточить внимание на этой странной силе, распирающей голову изнутри, в такт гулкому биению сердца, можно, оказывается, определить местонахождение существа за стеной. Уже с час, если не больше, он, настороженно затаясь, прислушивался к незримому чужому присутствию. Первоначальный ужас исчез: было ясно, что сию минуту опасность не грозит; однако беспрерывное напряженное внимание обострило восприятие, придав сознанию такую озаренную яркость, какой Найл прежде никогда не испытывал. Создавалось впечатление, что где-то в голове сияет, чуть подрагивая, крохотный огонек. Ощущать такое в себе было настолько любопытно, что Найл даже забыл про страх перед невидимым врагом. Теперь сердце уже не колотилось о ребра, но билось спокойно и размеренно. Прислушиваясь к своему пульсу, Найл вдруг понял, что может управлять им, веля сердцу биться то быстрее, то медленнее или то громче, то тише — по желанию. С осознанием этого возникло ощущение небывалой гармонии, эдакой внутренней наполненности. А где-то в самой глубине смутным, бесформенным облаком разливалось чувство несказанного счастья: будущее непременно должно быть светлым. Это, пожалуй, самое странное. Найл никогда не задумывался о будущем сознательно. Жизнь в пустыне среди людей, обменивающихся словами лишь по необходимости, не очень-то располагала к полету фантазии. И будущее у Найла просматривалось вполне определенно: вот он подрастет, научится охотиться, и жизнь потечет в поисках пищи и уповании на удачную охоту. Охотник живет исключительно удачей, а следовательно, ставит себя в зависимость от определенного случая. Ощущение, которое пережил сейчас Найл, невозможно было ни передать словами, ни даже уместить в мысли: слишком смутным оно было, но основывалось на уверенности, что его, Найла, жизнь — не просто зависимость от случайностей. Казалось почему-то, что он создан для чего-то более существенного. Это ощущение подспудной силы (а его можно было и усугубить, если напрячь мышцы лба и придать лицу твердое выражение) оживлялось теплым внутренним оптимизмом, ожиданием чего-то волнующего. Найл знал, что для него судьба приберегла что-то особенное.

Скребущие звуки возобновились, и Найл переключился на них — теперь уже не со страхом, а, скорее, с любопытством. Полчаса назад он вслушивался в них с мучительным беспомощным содроганием, не зная, куда от них деться, как избавиться. Нельзя сказать, что страх исчез вовсе; просто мальчик как-то отрешился от него, словно все это сейчас происходило не с ним. Не выходя из своего нового состояния, он смог распознать, что там за стеной скребется существо, лапы и челюсти у которого приспособлены под бурение. А потому сделалось ясно, что скребется не паук, а жук. И тут с внезапной отчетливостью, словно ум преодолел разделяющие их сантиметры грунта, Найл явственно различил небольшого жука-скарабея, бурившего почву в поисках сгнившей растительности. «Второе я» — то, глубокое,— испустило вздох облегчения, и огонек в голове погас. Найл перестал быть двумя людьми сразу. Он снова был обыкновенным семилетним мальчиком по имени Найл, которого взрослые бросили одного на целый день и который знал, что ему ничего не угрожает. А также, что в нем, оказывается, живет еще и другой Найл — взрослый, равный, а кое в чем даже и превосходящий отца и деда Джомара. Память же о происшедшем оставалась четкой и незамутненной, ни в коей мере не похожей на сон. Разве что сам мальчик казался слегка ненастоящим.

Темный страх перед тарантулом-затворником продолжал преследовать Найла до тех пор, пока он сам однажды не стал случайным свидетелем его гибели.

Спустя примерно месяц после того случая с чернотелкой мальчик, устроясь в тени цереуса, тихонько сидел и, по обыкновению, наблюдал за гнездом тарантула. Копье лежало рядом. Найл знал, что, если тарантулу вздумается напасть, убегать будет бесполезно; единственное, на что еще можно рассчитывать, это попытаться выставить копье. От такой мысли пробирал страх, но какой-то потаенный инстинкт убеждал, что надо учиться противостоять собственному страху. За прошедшие недели Найл успел уже насмотреться, как чудовище с быстротой капкана прихлопывает насекомых, птиц и даже юрких гекконов.

Найл небрежно отмахнулся от прилетевшей откуда-то крупной осы-пепсис (с полруки длиной), и та унеслась в другую

сторону. Это было привлекательное создание с блестящим голубым туловищем и большими желтыми крыльями. Найл вначале по ошибке принял ее за навозного жука.

Спустя секунду мальчик затаил дыхание: оса, жужжа, медленно снижалась над заслонкой, закрывающей вход в логово тарантула. Вот, описав круг, она приземлилась в нескольких метрах от него. Найл распахнул глаза, ожидая, что еще секунда, и тарантул, выскочив, смахнет ничего не подозревающее насекомое. Но тот отчего-то медлил. Оса все сидела, явно не подозревая об опасности, и чистила передние лапы. Найл, неотрывно следящий за происходящим, уловил скрытое движение: тарантул незаметно чуть приподнял заслонку глянуть на неожиданного гостя. И... снова опустил. Оса, по-видимому, не представляла для него интереса: наверное, обильно потрапезничал.

От того, что последовало дальше, Найл поперхнулся собственным дыханием. Оса, видимо, заметила движение заслонки. Подойдя вплотную, она какое-то время ее изучала — где-то с минуту,— затем, с помощью челюстей и передних лап, взялась открывать! Вот теперь-то, понял Найл, хозяин норы вмешается непременно: р-раз! — и любопытного создания как не бывало. Однако то, что произошло на самом деле, настолько выходило за рамки обычного, что Найл даже придвинулся метра на два, чтобы как следует разглядеть.

Оса сподобилась на несколько сантиметров приподнять заслонку. Было очевидно, что тарантул пытается удержать ее с внутренней стороны. Состязание длилось довольно долго. На какой-то момент тарантулу удалось совсем закрыть лаз, но упорством оса брала свое.

Тогда тарантул решился на поединок. Неожиданно лаз распахнулся. Оса отпрянула в сторону, а из дыры выпросталось наружу громоздкое мохнатое туловище хищника. Оса не спасовала: чуть покачиваясь, приподнялась на жиденьких ногах, как бы пытаясь возместить недостаток роста. Принял угрожающую позу и тарантул: поднял над головой передние лапы, словно предавая осу торжественному проклятию. Стали видны зловещие лапы-клещи. Так как тарантул стоял к Найлу передом, можно было различить его обнажившиеся клыки. Зрелище было мрачное, но очевидно было и то, что оса не устра-

шилась. Она наступала на тарантула быстрыми, уверенными шагами, как бы оттесняя его к норе. Вздыбясь на задние лапы, он оказался едва не на полметра выше осы; нечего было и думать тягаться с ним этакой маломерке. Однако та, нырнув тарантулу под выпуклое брюхо, сомкнула челюсти на одной из его задних лап и из вертикального положения ударила жалом снизу вверх меж третьей и четвертой лапами. Но промахнулась. Однако со второй попытки ей это удалось. Тесно обхватив врага лапами, тарантул принялся кататься по песку, пытаясь укусить осу; та не давалась, ловко орудуя длинными ногами. Жалом, выскользнувшим было, когда тарантул повалился на песок, она лихорадочно нащупывала на мохнатом туловище уязвимое место и наконец вонзила его в незащищенное основание одной из лап. На какую-то секунду оба напряженно застыли: тарантул — все так же силясь укусить осу, оса, опутавшая его лапы своими,— силясь удержать туловище тарантула. Вскоре стало ясно, что тарантул сдает, его движения вдруг утратили быстроту. Спустя примерно минуту оса вынула жало и отпала от тарантула, тот сразу же принял прежнюю позу, поднявшись на задних лапах. Только та из них, что укушена осой, обрела вдруг странную самостоятельность. Остальные семь, будто не выдерживая веса туловища, подогнулись в суставах. Оса с полным хладнокровием подошла к тарантулу, взобралась ему на спину и опять вставила жало между суставами. Так они продержались довольно долго. Оса не меняла положения; тарантул, судя по всему, смирился. Стоило ей вынуть жало, как восьмилапый неожиданно грянулся оземь и замер.

Тут оса, вцепившись тарантулу в переднюю лапу, поволокла оцепеневшую мохнатую тушу к логовищу. Насекомому приходилось пятиться, с усилием упираясь ногами; с каждым толчком туша подавалась на несколько сантиметров. Наконец она подтащила ее к самому лазу и, ловко поднырнув, толкнула затем изо всех сил вверх. Тарантул, опрокинувшись, упал к себе в логово. Оса потерла передние лапы, словно стряхивая пыль, и скрылась следом.

Найла разрывало от нетерпения. Как хотелось помчаться и рассказать кому-нибудь об этом поединке! Но поделиться, увы, было не с кем. Он подумал, а не подползти ли сейчас по

песку глянуть, что там делается в логове, но вовремя отказался от такой затеи: оса могла ненароком принять его за еще одного тарантула. Поэтому мальчик с полчаса сидел и дожидался, пока оса не появилась из норы и не улетела, глянцевито поблескивая в лучах солнца. Досконально убедившись, что обратно насекомое уже не собирается возвращаться, Найл подобрался к норе и заглянул в горловину лаза. От увиденного его просто передернуло. Тарантул все в той же позе лежал внизу, на глубине пары метров. К центру мохнатого брюха прилепилось влажно поблескивающее белое яйцо.

Вид у хищника был настолько зловещий (даром что он лежал на спине), что Найл невольно оглянулся: не подбирается ли там сзади еще один. Страх перед недвижимым чудищем постепенно улегся, уступив место деловому любопытству. Теперь можно было во всех подробностях рассмотреть восемь лап, растущих из центра туловища-цефалоторакса; наиболее крупная часть тела, округлое брюхо, находилась фактически на весу. В самом его низу угадывались пальцеобразные отростки — судя по всему, прядильные органы, вырабатывающие паутину. Более же всего впечатляла голова с длинными усами и грозными, увенчанными клыками челюстями. Клыки сейчас были сложены, поэтому сделались видны небольшие отверстия для стока яда. Таким челюстям ничего не стоило перекусить человеку руку.

Глаза у тарантула находились на макушке; чуть подавшись вперед, Найл различил два непосредственно над клыками. Черные, влажно поблескивающие... Создавалось неприятное впечатление, будто они следят за Найлом.

Логово представляло собой обыкновенное углубление, чуть шире самого обитателя. Следом за бездвижным туловищем оно уходило резко вниз, поэтому разглядеть, что находится там, на глубине, не представлялось возможным. Стены, как обивкой, были покрыты шелковистой паутиной; из паутины же, хитро перемешанной с землей, была и заслонка, приводимая в действие нитями.

Теперь, когда появилась возможность рассмотреть все без спешки, зрелище уже не казалось таким устрашающим. Тут Найла ужалил страх, что оса, чего доброго, возвратится. Он порывисто вскочил. От неосмотрительного движения вниз стру-

ей посыпался песок, прямо тарантулу на голову. Угасшие глаза насекомого внезапно ожили, и Найл с запоздалым ужасом понял, что тварь, оказывается, еще не мертва. Сердце от такой догадки буквально застыло. Найлу стало стыдно за свой страх. Словно в отместку, он поднял лежавший поблизости камень и швырнул его вниз, своротив чудищу один из клыков. Глаза у того опять на мгновение ожили. Держа путь обратно к пещере, Найл испытывал странное, неизъяснимое чувство неприязни и вместе с тем жалости.

Семья возвратилась с охоты примерно за час до сумерек. Судя по радостным, возбужденным голосам, слышным уже издали, охота была удачной. Они вышли на рой крылаток-пустынниц, сплетенные из травы корзины были набиты ими до отказа. Крылатки чем-то напоминали не очищенные от листьев кукурузные початки, исключение составляли длинные ноги и черные глазки. Настроение у всех было приподнятое. При входе в пещеру развели небольшой костер. Крылаток кидали в огонь жариться, оторвав предварительно ноги, головы и крылья. Наполовину готовое кушанье вынимали из огня, заворачивали в пучки ароматной травы и клали обратно. Вкус у пищи оказался неожиданно приятный: хрустящие, с жиринкой, а аромат травы и дыма только добавлял прелести.

Когда наконец, насытившись, все расселись вокруг догорающего костра, с безмятежной осоловелостью поглядывая на тлеющие угольях, Джомар, ласково потрепав Найла по свалявшимся волосам, спросил: «Ну, как прошел денек?»

И мальчик, весь день державший в себе нетерпение, поведал о том, что видел. Никогда еще у него не было более внимательных слушателей. Никто в этом не сознавался, но тарантул-затворник нагонял на всю семью не меньший страх, чем на Найла. Даже Джомар, навидавшийся восьмилапых за свою жизнь и в силу того не питающий к ним естественной человеческой неприязни, тяготился мыслью о постоянно существующей под боком опасности, хотя и воспринимал ее как стихийную напасть и не более того. Так что рассказ Найла вызвал у всех бурную радость, и ему пришлось повторить его несколько раз; не потому, что непонятно было с первого,— просто так уж хотелось лишний раз посмаковать подробности. Кстати, отец за все это время ни слова не сказал против самовольной

отлучки сына. Очнулся Найл, когда его осторожно укрывали шкурой гусеницы. Было темно, но он узнал деда.

— А зачем оса отложила яйцо тарантулу на брюхо? — спросил он сонно.

— Чтоб личинке было чем питаться.

— А тарантул к тому времени разве не протухнет?

— Нет, конечно. Он ведь не мертвый.

Глаза у Найла в темноте широко распахнулись. Он ведь, когда обо всем рассказывал, не поделился своим сомнением в гибели тарантула: боялся, чего доброго, накажут.

— А ты откуда знаешь, что он не мертвый?

— Осы не кончают тарантулов. Они нужны им живыми, чтоб было чем вскармливать потомство. А теперь давай спи.

Но сон пропал. И еще долго, лежа в темноте, Найл испытывал странное, непонятное чувство неприязни и вместе с тем жалости, причем жалость на этот раз преобладала.

Назавтра ранним утром семья отправилась поглядеть на парализованного тарантула-затворника. Удивительно: заслонка входа была задвинута. Ее кончиком копья поддел Джомар. Действовал он уверенно и твердо, но вместе с тем было видно, что каждое движение у него предельно взвешено. Заглянув деду через плечо (мать держала Найла на руках), мальчик вздрогнул: паука на месте не оказалось. Лишь затем стало ясно, что туловище оттащено в глубину лаза. Очевидно, оса возвратилась и передвинула мохнатого истукана, а затем задвинула заслонку. Для существа длиной в каких-нибудь полруки труд поистине титанический. Женщины не могли скрыть неприязни. Ингельд вообще сказала, что ее сейчас стошнит. Внимание же Найла привлек Вайг: брат с отсутствующим видом что-то озадаченно прикидывал.

Вайг всегда увлекался насекомыми. Как-то в детстве он, улучив момент, когда мать спала, улизнул из норы. Отыскала она его за четверть мили, ребенок пристально разглядывал гнездо скарабеев. В другой раз, когда мужчины, возвратясь с охоты, принесли с собой несколько живых цикад — каждая чуть не с руку длиной,— Вайг со слезами на глазах умолял оставить ему хотя бы одну (пора, между прочим, была голодная) приручить. Мольбам тогда не вняли и добычу зажарили на ужин.

Так что через пару дней, заметив поутру исчезновение брата, Найл ничуть не удивился. Естественно, искать Вайга следо-

вало возле норы тарантула. Подождав, пока брат скроется из виду, Найл отправился следом. Он догадывался: Вайгу не терпится рассмотреть затворника подробнее. Так оно и оказалось. Укрывшись под кактусом, Найл наблюдал, как брат вначале поднимает заслонку, а затем, улегшись на живот, заглядывает в нору. Найл неслышно подобрался сзади, стараясь, чтобы тень не выдала. Вот он, в какой-нибудь паре метров, зачарованно смотрит в темную пасть логова. Найл неосторожно шевельнулся. Миг — и брат уже на ногах, со взведенным копьем. Увидев Найла, тот облегченно перевел дух.

— Дурень! Разве можно так шутить?

— Извини. А что ты тут делаешь?

Вайг лишь коротко кивнул на дыру. Склонясь над ней, Найл обнаружил, что яйцо лопнуло, а на незащищенном брюхе затворника теперь грузно ворочается крупная черная личинка. Передвигаться ей было непросто: крохотные ножки не выдерживали веса туловища. Вайг из интереса тихонько ткнул личинку пальцем. Маленькие, но крепкие челюсти тотчас вцепились затворнику в брюхо: если она скатится, голодная смерть неминуема. Вайг погладил личинку, та сделала спину дугой и выставила крохотный зачаток жала. Но Вайг упорствовал, и через полчаса личинка стала принимать поглаживание как нечто естественное. Ее больше заботило, как вернее пробуравить толстую ворсистую кожу. Два часа они неотрывно следили за поведением личинки, пока предполуденный зной не погнал их обратно в пещеру. Личинка к тому времени уже продырявила кожу; смотреть, что будет дальше, у Найла не было особого желания. Уходя, Вайг аккуратно задвинул заслонку.

— А вдруг бы оса вернулась, а ты все еще там? Что б ты тогда делал? — спросил у брата Найл.

— Она не вернется.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все,— коротко ответил Вайг. Он не пытался что-либо объяснять, но интуиция не подводила его никогда.

Неделя за неделей Вайг ежедневно наведывался в нору, проводя там всякий раз по меньшей мере час. Найл составил ему компанию лишь однажды. Вид багровой язвы на брюхе тарантула вызывал отвращение, и мысль о победе над врагом

больше не радовала. У него не укладывалось в голове, как Вайгу не надоедает отрезать по кусочкам паучью плоть и скармливать ее ненасытной личинке. Со временем, влезая в нору, Вайг стал задвигать за собой заслонку, оставляя лишь щель в несколько сантиметров (под заслонку подкладывался камень): обнажившиеся внутренности становились приманкой для мух-пустынниц. У этих созданий размером с ноготь имелись кровососущие хоботки и проворные челюсти, способные дочиста обгладывать падаль в считаные часы.

Однажды Вайг возвратился в пещеру, неся на руке осу. Насекомое почти уже достигло взрослых размеров, и вид глянцевитого туловища с желтыми крыльями и длинными грациозными ногами одновременно и завораживал, и настораживал. С первого взгляда становилось заметно, что оса относится к Вайгу с полным доверием. Изумительно: брат переворачивал насекомое на спину и водил ему по брюшку пальцем, оса в ответ обвивалась Вайгу вокруг руки длинными ногами, легонько покусывая палец острыми челюстями. Чутко подрагивало похожее на стилет длинное черное жало. Еще ей нравилось взбираться Вайгу по руке и зарываться в его длинные — по плечи — волосы. Освоясь там, она принималась щекотать ему усиками мочку уха, а Вайг заходился от хохота.

Назавтра отец позволил сопровождать их с Вайгом на охоте — проверить, какой от осы может быть прок. Постепенно они дошли до акаций — тех самых, что виднелись на горизонте, когда семья перебиралась в новое жилище. Вскоре на глаза попалось и то, что искали: сеть серого паука-пустынника. По размерам эти создания уступают тарантулу, будучи не больше полуметра, зато ноги у них в сравнении с туловищем попросту огромны. В углу сети болтался кузнечик, безнадежно увязший в липких шелковистых тенетах. Вайг двинулся вокруг дерева, высматривая паука. Наконец обнаружил: вон он, в развилке, где ствол разделяется на сучья. Вайг кинул камень, за ним второй. Первый рикошетом отлетел от ствола, зато второй угодил точно в цель. Длинноногий, тотчас кинувшись вниз, повис на шелковой нити.

Почти одновременно навстречу ему с жужжанием мелькнула оса, словно сокол к добыче. Дать отпор невесть откуда возникшему противнику у паука не оставалось времени: оса

уже льнула снизу, обвившись ему вокруг задней лапы. Было отчетливо видно, как в плоть впивается жало и напряженно вздрагивает глянцевитое тело, вводя парализующий яд. Паук, сопротивляясь, попытался стиснуть осу ногами, но, как видно, у него не было должного на то инстинкта. Пара минут, и вот он уже, опрокинувшись, лежит на земле, подергиваясь, как заводная игрушка, у которой кончается завод. Выполнив то, что требовал инстинкт, оса тоже не знала, куда теперь деваться. Взобравшись поверженному пустыннику на кожистое серое брюхо, она неуверенно переползала с места на место, будто принюхиваясь. Вайг, приблизившись, осторожно опустился рядом на колени, медленно вытянул руку и принял осу на раскрытую ладонь. Затем вынул из притороченной к поясу сумы кусочек тарантуловой плоти и скормил ей. После этого охотники отсекли пауку лапы — чтобы легче было нести — и свалили их в корзину. Пищи добытчице хватит теперь на целый месяц.

Ингельд относилась к осе с недоверием и постоянной неприязнью; едва насекомое приближалось, как она пронзительно взвизгивала (оса на поверку оказалась общительным созданием, и особое удовольствие ей почему-то доставляло разгуливать по рукам). Ингельд также неизменно жаловалась, что от хранящейся в пещере паучатины дурно пахнет. Кое в чем она действительно была права: у этих насекомых есть свой особый отличительный запах, со смертью лишь усиливающийся. Однако паучье мясо они хранили в самом дальнем углу пещеры под толстым слоем травы, так что запах вряд ли проникал в жилую часть. Тем более что обитающие в такой скученности люди, для которых мытье — непозволительная роскошь, быстро свыкаются со всякими естественными запахами. Про себя Найл догадывался, что все эти выходки Ингельд — просто из желания как-то выделиться. Забавно было наблюдать, как моментально изменилось ее отношение, когда через несколько дней Вайг возвратился в жилище с птицей, которую оса сбила на лету. Птица походила на дрофу, хотя размером была меньше, с утку. Вайг в деталях расписал, как добыча, ни о чем не подозревая, сидела, облюбовав верхушку дерева, а он направил на нее осу (насекомое, похоже, чутко реагировало на мысленные команды Вайга). Потревоженная жужжанием птица сня-

лась с верхушки и полетела, а когда оса обхватила ей лапу и всадила жало, та, хлопая крыльями, забилась, пытаясь клюнуть. Пришлось отмахать две мили, прежде чем он их отыскал. Оса, сонно покачиваясь, сидела у добычи на спине; птица лежала, раскинув крылья, будто сбитая влет. Вайг скормил молодчине осе кусочек паучатины, а дрофе свернул мускулистыми руками шею. Женщины не решались отведать мяса птицы, парализованной ядом, и поначалу не притрагивались к пище. Кстати, они впервые видели птицу вот так, перед самыми глазами, и не знали, как поступать с оперением. В конце концов голод взял свое. А когда Вайг, обжарив, без всяких последствий съел аппетитно пахнущий кусочек дичи, на еду накинулись все — от птицы остались только лапы. Оказалось, яд осы в подобных случаях не только безвреден, но и придает мясу мягкость: просто прелесть. С той поры жареная дрофа прочно вписалась в представление Найла о райском блаженстве.

Едва Найл стал ходить, его научили остерегаться паучьих шаров. Прежде чем он впервые вышел на свет из норы у подножия плато, ему велели вначале смочить палец и определить направление ветра, затем пристально оглядеть горизонт — не бликует ли там что в солнечных лучах. Прежде чем он не убедится, что небо совершенно чисто, ему и шагу не давали сделать из пещеры.

Если вдруг появится шар и полетит на тебя, наказывали Найлу, надо, пока есть время, тотчас зарыться в песок или просто застыть без движения. Ни в коем случае нельзя следить за шаром глазами, лучше уставиться вниз или сосредоточиться на том, что сейчас рядом. У пауков-смертоносцев, разъяснял Улф, не ахти какое зрение, так что, может статься, тебя и не заметят. Добычу они высматривают не глазами, а усилием воли и умеют чуять страх. Последнее вызывало у Найла недоумение. Он не мог уяснить: как это — страх и вдруг имеет запах? Улф объяснял, что страх образует словно бы невидимую упругую дрожь, поразительно напоминающую по свойствам пронзительный крик ужаса,— вот именно на нее смертоносец и реагирует. Так что, когда сверху проплывает паучий шар, надо, чтобы ум сделался таким же неподвижным, как и тело. Поддаться страху — это все равно что с криком скакать вверх-вниз и махать руками, пока паук не заметит.

Будучи здоровым и жизнерадостным ребенком, Найл не сомневался, что это все легче легкого. Надо как бы зажмуриться про себя и повторять, что бояться нечего. Однако к ночи такая уверенность улетучилась. Иной раз, когда случалось лежать без сна, вслушиваясь в тишину, Найл вдруг испуганно настораживался: ой, а что это там скребется снаружи по песку? Воображение тут же рисовало громадного паука, который силится разглядеть, что там за камнем, прикрывающим вход в пещеру. Сердце начинало стучать чаще, громче, и мальчик, немея, сознавал, что это он сам источает сигналы паники. И чем сильнее старался их подавить, тем неодолимее они становились. Он с ужасом сознавал, что его затягивает в заколдованный круг: страх усиливает сам себя. Но молодость и уверенность в конечном итоге одержали верх. Найл научился противостоять страху усилием воли, сдерживая удары сердца, прежде чем адреналин устремлялся в кровь.

Из всей семьи о смертоносцах заговаривала единственно мать. Позднее Найл понял, что здесь причиной. Члены семьи опасались, что он настолько забьет себе голову всякими чудовищами, что, когда паучьи шары действительно подлетят на близкое расстояние, своим страхом выдаст их всех. Мать понимала, что главная причина страха — неизвестность, а потому, когда они с сыном оставались вдвоем, охотно отвечала на любые его расспросы. Хотя и здесь Найл догадывался: мать раскрывает лишь половину того, что знает. Когда он спросил, зачем пауки все ловят и ловят людей, она ответила, что это из стремления поработить их. Спросил, едят ли они людей,— ответила, что нет; вот дедушка Джомар — убежал, и ничего, живой. Сам же дед, когда внук донимал его такими же расспросами, то вдруг неожиданно засыпал, то становился тугим на ухо. Кое-что о смертоносцах Найл выведал из тихого — шепотом — ночного разговора взрослых, когда они думали, что ребенок спит. И уж здесь-то развеялись всякие сомнения. Оказывается, пауки не просто плотоядны, но еще и невероятно жестоки.

К счастью, смертоносцы, похоже, предпочитали в пустыню не залетать — то ли из-за невыносимой жары, то ли просто считали, что при таких условиях люди не могут существовать. Прежде чем семья перебралась в новое жилище, Найл видел шары раз десять, не больше, да и то лишь на горизонте...

Иное дело на границе пустыни. Здесь смертоносцы совершали облеты регулярно, как правило, на рассвете или на закате. Это были, судя по всему, обыкновенные дозоры, но и они причиняли немало беспокойства. Смертоносцы словно догадывались, что рано или поздно люди соблазнятся мыслью перебраться из гиблых недр пустыни в более благодатные места, где вдосталь плодов кактуса и съедобных крылаток. Однажды случилось так, что паучий шар действительно пролетел едва не над самой головой, и люди всерьез задумались, не возвратиться ли обратно в пустыню: там безопаснее. Улф и Сайрис действительно на это настроились, даром что Сайрис опять была беременна. Но Ингельд не пожелала об этом и слышать. Она заявила, что лучше умрет, чем возвратится в пещеру, где во всей округе, помимо опунций, и поесть-то нечего. Найл втайне был признателен ей за упрямство: он тоже предпочитал пищу и опасность голоду и скуке.

Когда на свет появилась сестричка Руна, Найл перестал быть общим любимцем. Ему было почти уже одиннадцать лет, он к той поре начал ходить на охоту вместе с мужчинами. Поначалу это было изнурительным. Приходилось отмахивать порой до двадцати миль под косматым безжалостным солнцем, постоянно высматривая шары смертоносцев, выискивая скрытые признаки логова тарантула или желтого скорпиона. Довольно скоро мужчины уяснили, что у Найла чутье на опасность развито сильнее, чем у них.

Как-то раз они все вместе отправились к зарослям колючего кустарника, где были расставлены силки на птиц. Внезапно Найл ощутил, что его туда почему-то ноги не несут, словно какая упорная немая сила отталкивает назад. Замедлив шаг, он положил ладонь на руку Хролфу. Постепенно этим чувством прониклись все. Остановившись, охотники внимательно, изучающе вгляделись в поросль. Минут через десять Улф уловил легкое, почти бесшумное движение. Остальные, хотя и секундой позже, успели заметить длинную тонкую ногу сверчка.

— Это всего лишь дека,— сказал Улф, имея в виду безвредное создание, обитающее в пустыне.

Но смутное чувство опасности не оставляло Найла, и он напрочь отказался приближаться к той поросли. Мужчины, недоуменно пожав плечами, решили в конце концов обойти

кустарник стороной и двинулись каменистой пустошью к растущим в отдалении плодоносным кактусам.

Возвращаясь незадолго перед сумерками назад, они вновь прошли в сравнительной близости от кустарника. Двигались охотники почти бесшумно, но нечаянно потревожили сверчка. Все вздрогнули от неожиданности, когда тот, выпрыгнув, помчался десятиметровыми скачками к деревьям. И тут — на тебе: мгновенное взвихрение пыли, и вот уже декта беспомощно барахтается в удушающих объятиях кошмарной на вид твари неизмеримо большего размера. Она напоминала невиданной величины сверчка ростом, наверное, метра три — только серые ноги не гладкие, а покрытые не то шипами, не то жесткой щетиной. Странной формы голова напоминала чопорно вытянутое лицо; по бокам — большие выпуклые глаза. Снизу лицо прорастало в длинные заостренные челюсти, имеющие отдаленное сходство с когтями скорпиона. На глазах у изумленно застывших охотников исполин притиснул добычу к животу; задние ноги добычи, приподнятые над землей, впустую лягали воздух. Затем мощным, мгновенным ударом челюстей-лезвий он вскрыл сверчку горло. Пораженные этим демоническим зрелищем, люди стояли и смотрели. Тварь не обращала на них внимания. Она все глубже вгрызалась в горло сверчку, голова которого заломилась под неестественным углом. Челюсти демона с хрустом сжевывали утратившее подвижность туловище, а круглые, навыкате глаза флегматично, без всякого выражения смотрели куда-то вдаль. Когда демон уже почти завершил трапезу, до охотников вдруг дошло, что ведь он, возможно, еще не насытился; надо бы, пока еще не поздно, исчезнуть из его поля зрения. Потрясенные увиденным, люди заторопились в сторону жилища.

Джомар, оставшийся в тот день в пещере (покалеченная нога стала терять подвижность), догадался по их описанию, что речь идет о самом агрессивном из сверчков под названием «сага». Крепкий панцирь делает его попросту неуязвимым, а длинные конечности позволяют кидаться на добычу с расстояния в десятки метров. Подступи охотники к деревьям чуть ближе, и одного из них он непременно бы сожрал с такой же быстротой и жадностью, что и сверчка-декту.

После этого происшествия мужчины оценили безошибочность чутья Найла, и он стал ценным, незаменимым участником охотничьих вылазок.

Улф и Торг были опытные охотники, однако охота для них была лишь насущной необходимостью. Когда запасов пищи хватало, они предпочитали полеживать в прохладной темноте жилища, оживленной зыбким трепещущим светом масляного светильника, и негромко беседовать. Вайг и Хролф, возрастом значительно моложе, относились к охоте как к лихой забаве, возможности рискнуть. Если в сравнении с унылой пустыней эта каменистая пустошь — райские кущи, то тогда, наверное, в землях к северу растительность еще изобильнее и разнообразнее. Улф в ответ на такие соображения советовал остеречься: север — это все-таки уже земля пауков-смертоносцев. Но Джомар рассказывал, что между этой землей и страной смертоносцев пролегает безбрежное море. Он также рассказывал о Великой Дельте, что на северо-востоке: огромная сочно-зеленая низменность, где сплошь леса и буйство растительности. Иные охотники ведали, что в Дельте встречается и кое-что другое: плотоядные растения, например. Но в Вайге и Хролфе жила уверенность молодости, и они твердо считали: куда там какому-то растению — хоть трижды плотоядному — до жука-скакуна или огромного скорпиона. Вот подойдет время, когда пойдет на убыль летняя жара, и они непременно отправятся через пустыню к зеленой Дельте. А пока впереди ждет северная земля, наверняка сулящая множество приключений.

И вот как-то утром, едва развиднелось, Вайг, Хролф и Найл, оставив жилище, двинулись на север, в сторону горизонта. Вооружение их составляли кремневые ножи, копья и пращи. Еду несли в сумках из паучьего шелка, которые попутно можно было использовать и для защиты от солнца. Найлу приятно было касаться ткани: гладкая, прохладная, под пальцами струится словно жидкость. Из трех сумок он нес ту, что поменьше, с плодами кактуса и запечатанной посудиной с водой.

Через час они миновали изъеденные безлюдным ветром причудливые столбы из рыжего камня-песчаника. Там в тени путники устроили короткий привал, перекусили плодами как-

туса. Отсюда было заметно, что с расстоянием зеленая плоскость прогибается, образуя чуть вогнутую чашу, усеянную большими валунами. Теперь надо было не мешкая двигаться дальше: считаные часы — и к этим валунам невозможно будет притронуться из-за жары. На дальнем конце чаши, чуть возвышаясь над окоемом, различались деревья. Вайгу, у которого глаза самые острые, показалось, что он видит еще и воду.

На деле расстояние оказалось куда больше. Вот уж и полдень миновал, а каменистой пустоши все не было конца. Правда, валунов поубавилось, на смену им пришли кремень и ребристые полоски гранита. Расчистив площадку размером в несколько метров, путники вогнали в каменистую землю копья, как водружают столбы для шатра, и натянули поверх шелковые полотнища. Сидеть здесь под нагнетающим зной солнцем было не так уж и приятно, но хоть какая-то тень. Прилечь было невозможно: сплошь камни и неровности. Поэтому братья просто сидели, сцепив вокруг коленей руки, и, не мигая, смотрели поверх скучного простора пустоши в сторону деревьев на северном горизонте, на полоску зелени, которая уже явственно различалась на таком расстоянии. Найлу снова грезились пахучие цветы и журчащая вода.

Отдохнув часа три, братья продолжили путь на север. Зной все еще держался, но, уж если решили к ночи добраться до деревьев, надо было идти. Передвигая налитые свинцовой тяжестью ноги, Найл с тоской вспоминал о доме, а у самого глаза неотрывно смотрели на деревья, становящиеся все ближе. Вайг сказал, что это финиковые пальмы, так что во всяком случае будет что поесть. Найл обожал финики, хотя пробовать их доводилось всего несколько раз.

Ландшафт менялся на глазах. Камни под ногами становились все мельче — самые крупные с кулак — и перекатывались под подошвой. Истомленно поведя глазами на деревья, Найл вдруг почувствовал, что земля уплывает из-под ног, и плашмя шлепнулся на спину, содрав кожу с обоих локтей. Так хотелось полежать неподвижно хотя бы минуту-другую, но Хролф с Вайгом поторапливали: надо идти. Найл с трудом поднялся на ноги, не отрывая глаз от земли,— с одной стороны, чтобы не свалиться снова, главная же причина — скрыть слезы усталости. Некоторое время спустя, глянув случайно на Вайга, он

вдруг заметил, как они с Хролфом перекинулись встревоженными взорами. До него дошло: братья жалеют, что взяли его с собой. От стыда за себя Найл стиснул зубы. «Не распускать нюни!» — была его единственная мысль. И тут что-то произошло. В голове будто ожил крохотный яркий солнечный зайчик. Непонятно как, но усталость неожиданно отлегла. Вернее, она по-прежнему существовала тяжестью в ногах, но принадлежала будто не ему, а кому-то постороннему, сам Найл не имел к ней никакого отношения. Теперь он владел своей усталостью, а не она им. Ощущение было настолько отрадным, что Найл, не удержавшись, смешливо фыркнул. Вайг удивленно покосился на младшего брата и удивился еще больше, увидев, как тот весело, во весь рот улыбается.

Они все шли и шли, ступая по горячим, словно оплавленным зноем, камням. Все притягательнее смотрелась впереди зеленая роща. Стали заметны и другие изменения в ландшафте. Камни под ногами совсем измельчали — с птичье яйцо, а то и меньше. Зато теперь навстречу то и дело попадались похожие на воронки углубления метров до десяти глубиной. Подойдя к одному, особенно большому, путники остановились приглядеться внимательней. Если б не усталость, они бы гурьбой слезли вниз, чисто из любопытства. Но в такую жару это было бы лишь никчемной тратой сил. Как бы там ни было, Найл подцепил ногой камень и скинул вниз, понаблюдал, как он летит, поминутно стукаясь о стены. Тут взгляд паренька упал на зеленое растение, чем-то напоминающее уару. Оно росло на склоне несколькими метрами выше; по центру красовался круглый зеленоватый плод, удивительно похожий на плод кактуса. Найл сел на корточки и, помогая себе руками, стал тихонько спускаться. Шар, размером с яблоко, оказался жестким на ощупь и не желал отрываться, но Найл с ним все-таки совладал и перекинул наверх Хролфу. От резкого движения камни, на которых он сидел, сместились, и Найл почувствовал, что съезжает вниз. Он распластался на спине, пытаясь пятками вжиться в какую-нибудь щель. Ненадолго это сработало, но слой камней, видно, сам по себе держался неплотно, и они каскадом посыпались из-под ног. Теперь тормозить руками и ногами было сложно: скорость уже набрана. Но вот наконец, съехав до половины склона, Найл остановился и осторожно

сел, понимая, что одно лишь неосторожное движение — и он опять поедет вниз.

Медленным, осмотрительным движением перевернувшись на живот, он уперся руками и коленями и начал карабкаться наверх.

Тут по слуху полоснул резкий, предостерегающий окрик Вайга. Найл осторожно повернул голову, и сердце обмерло от ужаса. Камни на дне воронки тяжело шевелились, поднимаясь и опадая, словно приводимые в движение гигантским кротом. Сперва наружу вылезли длинные, металлически поблескивающие усы-щупики. Следом показалась высокая круглая макушка, тоже голубоватая и покрытая пушистым ворсом. По обе стороны головы крепились большие голубые полушария, глянцевитые и чем-то напоминающие глаза кузнечика-степняка. Возле основания щупиков Найл приметил и еще нечто смахивающее на вторую пару глаз, узких и хищных, упрятанных в желтую броню. Голова также была преимущественно желтой, с отдельными извилистыми полосами голубого цвета. Челюсть выступала вперед, придавая физиономии сходство с обезьяньей мордой. Вслед за головой проступила подвижная шея, выпростались мощные на вид передние лапы. Наконец появилось упрятанное в черно-желтый панцирь туловище, словно заимствованное у броненосца.

Тварь определенно смотрела на Найла, который с удвоенной силой принялся карабкаться вверх по склону воронки-кратера. Несколько метров удалось одолеть, затем его опять повлекло вниз. Он оглянулся через плечо, думая, что броненосное чудище лезет следом за ним. Ошибся. Создание просто сидело, повернувшись в его сторону скучной обезьяньей физиономией.

Что-то задело руку — конец веревки, неизменной их спутницы на охоте. Найл не замедлил схватиться за нее обеими руками. Вайг с Хролфом подналегли с другого конца, вытягивая братишку на себя.

И вдруг — удар, от которого голова словно раскололась пополам. Следом — еще один, по спине, да такой, что у Найла перехватило дыхание. На секунду в голове загнанно метнулась мысль, что это он уже у чудовища в лапах. Крутнувшись, Найл увидел, что тварь, оказывается, спокойно сидит в центре

воронки и вообще на него не смотрит, даже голова повернута в другую сторону. Но вот чуть погодя существо, сунувшись головой в груду камней, резко распрямило шею. С удивительной точностью пущенные камни, сухо цокнув о стенку кратера у Найла над самой головой, посыпались вниз. Один задел бровь, и паренек почувствовал, как по щеке теплой струйкой побежала кровь. Еще один залп, на этот раз по телу; у Найла дух зашелся от боли. В этот миг парень невольно выпустил веревку из рук (камни хлестко ударили по кисти) и снова стал сползать пятками вперед. Тут и само чудовище, потеряв терпение, поползло навстречу. Оно не спешило. Было очевидно, что оно абсолютно уверено: добыча никуда не уйдет. Вайг снова бросил брату конец веревки, но Найл уже не смог до нее дотянуться.

Видя, что челюсти чудовища уже приближаются к ногам брата, Вайг заспешил вниз на выручку, швыряя попадающиеся под руку камни. Один угодил чудовищу по голове, и оно недоуменно замерло: кто там еще посмел? Было что-то пугающее в бесстрастной заученности движений этого броско раскрашенного черепа. Вайг попробовал остановиться. Распластавшись, он ухватился за камни в попытке погасить скорость. У него получилось упереться пятками в землю, и вот так, скривив спину и поджав колени, он лежал, запоздало сознавая, что совершил глупость, когда ринулся в кратер очертя голову.

Когда существо почти уже настигло добычу, по одной из полукруглых боковин черепа неожиданно хрястнул пущенный из пращи камень. Что-то сухо треснуло, и на физиономии выступила, судя по всему, кровь. Вайг и Найл завопили от радости. Тварь остановилась, впервые выказывая признаки нерешительности. Второй камень, ударив, отрикошетил от панциря, третий вообще пролетел мимо. Хролф чересчур волновался.

— Хролф, эй! — крикнул Вайг. Голос сорвался на сиплое кряканье. Братан выпустил еще один камень — и этот отскочил от панциря.

— Стой! Слушай меня! — Несмотря на сумятицу, голос Вайга звучал теперь спокойно и сдержанно.— Не спеши! Целься как следует: может, попадешь ему в другой глаз.

Он и сам швырнул в существо камень, но тем лишь вывел его из замешательства: оно снова двинулось на братьев. На

этот раз Хролф не спешил. Прежде чем метнуть, он несколько раз взмахнул пращой. Бросок получился удачным, камень попал как раз в то место, где из головы растут щупики, и сшиб один из них. Второй выстрел угодил в самую середину физиономии. Тварь остановилась, заворочала головой, словно пытаясь разглядеть невидимого обидчика, а затем повернулась и полезла головой в камни. Найл подумал, что сейчас их опять обдаст град камней, но минуту спустя с несказанным облегчением понял, что существо торопится спрятаться. Вот показались напоследок задние ноги, напоминающие угловатыми движениями конечности черепахи, и полосатое чудище исчезло из виду.

Несколько минут Найл и Вайг были попросту не в состоянии двинуться. Сидя без сил (оба измождены, тела сплошь покрыты синяками), они молча созерцали то место, где исчезло чудище, и, замерев, ждали, что вот сейчас оно опять вылезет наружу и уставится на них. Когда стало ясно, что тварь ретировалась окончательно, братья вновь начали карабкаться вверх по склону. Теперь, когда не приходилось спешить и была возможность выбрать, куда ступить, они одолевали склон кратера медленно, но верно. Найл вскоре дотянулся до конца веревки, и Хролф благополучно вытащил его наверх. Затем — уже вдвоем — они то же самое проделали с Вайгом. В конце концов все трое расселись по краю кратера, глядя на пятачок земли, куда скрылась тварь. Найл с Вайгом были сплошь в синяках; ладони, ступни и колени кровоточили. Но разве могло все это сравниться с ощущением безопасности!

Вайг тронул Хролфа за плечо: «Спасибо».

Тот лишь смущенно пожал плечами: «Ну что, пора трогаться?»

Да, в самом деле. Пустошь не то место, где можно располагаться на ночлег. Подобрав поклажу и оружие, путники, прихрамывая, побрели по камням, держа путь к желанной зелени, сулящей отдых и источник воды.

Через час до деревьев было уже рукой подать. Показалась и первая растительность: кусты креозота, трава альфа, растения уару. И ноги-то, оказывается, уже ступали по настоящей траве! Грубая и жесткая, она тем не менее показалась удивительно нежной и мягкой истерзанным стопам. Теперь было

видно, что деревья здесь небывало высокие, они таких раньше и не встречали — раза в два выше гигантских цереусов. Под ногами — песок, но не мелкий зыбучий, как в пустыне, а грубоватый, зернистый, по такому приятно и ступать. А на песке — невиданное изобилие растений и кустарников: цветущий кактус с ярко-розовыми соцветиями, и броская рябина, и иерихонская роза, и сочно-зеленый молочай, и еще множество всякого, чего Найл и во сне не видел. Под ногами тут и там мелькали ящерицы, а среди цветов деловито сновали огромные пчелы. Было даже слышно пение птиц. Все это настолько ошеломляло, что Найл забыл и об усталости, и о синяках. Внезапно подумалось, что ради такой красоты и такого изобилия живности стоит, пожалуй, истязать ноги хоть целую неделю.

По мере того как приближались к деревьям, Найл неожиданно обнаружил, что древесные стволы, оказывается, растут вдоль берега неглубокого ручья, петляющего в узилище своего каменистого русла. Побросав оружие и поклажу, все трое бегом устремились в воду и, упав там на колени, принялись жадно пить. Найла охватил неистовый восторг. Глубина ручья даже в середине не доходила и до колена, так что, когда парень сел, вода была ему лишь по пояс. Расширенными глазами он неподвижно смотрел на воду, и беспрестанное ее движение околдовывало, влекло; сознание, отрешившись, сливалось с радужным переливчатым потоком. Какой-то незапамятно древний инстинкт, очнувшись где-то глубоко в душе, твердил, что и вода, и зеленые растения по праву принадлежат ему.

Так Найл и сидел, горстями плеская воду себе в лицо и на грудь, пока краем глаза не заметил на берегу движение. Оторопело обернувшись, на другом берегу он увидел рыжевато-бурое существо, которое, суетливо проковыляв по песку, нырнуло и исчезло под ракитовым кустом.

— Что это? — вырвалось у Найла.

Все трое застыли, разом осознав, в какое уязвимое положение поставили себя, беспечно бросив оружие на берегу.

На открытое место выбежало другое такое же существо, лапы немного напоминали паучьи.

— Это всего-навсего муравей,— с облегчением выдохнул Вайг.

— А на людей они нападают?

— Да вроде нет,— ответил Вайг без особой уверенности.

Неохотно выбравшись из ручья, они подобрали оружие. Муравьев на берегу было, оказывается, довольно много, они неожиданно появлялись и неуловимо исчезали среди зелени. Временами некоторые по непонятной причине резко останавливались и устремлялись затем в совершенно другом направлении. Длина у насекомых была примерно одна и та же, около метра. Физиономии у всех одинаково бесстрастные, как у того гигантского сверчка или у чудища из кратера. Когтевидные челюсти составляли, судя по всему, грозное оружие, но было в этих продолговатых головах с глазами-плошками что-то такое, от чего муравьи выглядели совсем безобидными, даже забавными; взять те же антенны-щупики, напоминающие приклеенные снизу вверх усы.

Вайг посмотрел на небо. Солнце уже близилось к закату.

— Ну что, пойдем? — Он поднялся на ноги. Жара уже высушила мокрую набедренную повязку.— Подождите-ка здесь.

Братья наблюдали, как Вайг, прошлепав через ручей, вышел на тот берег. Суетливо бегущее мимо красноватое существо ненадолго остановилось, словно изучая пришельца, затем заспешило прочь. Воодушевленный таким исходом, Вайг прошел еще несколько метров и намеренно встал на пути у другого муравья. Тот, не сбавляя хода, отклонился с курса и обогнул досадное препятствие. Подобное повторилось раз пять или шесть. Удостоверившись, что люди муравьев не интересуют, Хролф и Найл подняли поклажу и перешли через ручей. Почти тотчас же возле возник муравей. Какое-то время он изучающе шевелил антеннами, затем побежал по своим делам. После этого и другие муравьи утратили к ним всякий интерес, словно сородичи отправили им своего рода послание, что опасности от пришельцев не исходит.

Тем не менее братья шли, соблюдая осторожность. В обильной растительности могло скрываться логово скорпиона или жука-скакуна, а то и сверчка-саги. Но хотя жуки, тли-афиды и лесные клопы встречались довольно часто — раз на глаза попалась даже трехметровая тысяченожка,— присутствия хищных насекомых не угадывалось вообще. Пройдя еще с полмили, братья набрели на подходящее для ночлега место. В песке возле большого обломка скалы находилось подобие ниши. Про-

щупав для верности дно остриями копий (вдруг там кто-то прячется), братья кремневыми ножами и руками принялись расширять и углублять место для ночлега. Меньше чем за час образовалось что-то вроде небольшой пещерки, вход в которую завалили кустарником, срубленным или просто выдранным из песка. Здесь они могли наконец почувствовать себя в относительной безопасности.

Солнце уже скрылось за горизонтом, сумраком подернулся пейзаж на востоке. Прежде чем укладываться, Вайгу оставалось сделать еще одно дело: сообщиться мыслями с семьей. Дома в пещере томилась ожиданием мать: как там их сыновья, живы ли? Когда солнце уйдет, она уединится и сядет, отрешась мыслями от всего в ожидании послания. Так и Вайг, отыскав удобное место у подножия камня, сел, привалясь спиной так, чтобы лицо смотрело в сторону дома. Глаза у него сделались словно слепые и погасшие, тело расслабилось. Эту позу ему бы следовало принять с полчаса назад, чтобы дать мыслям и чувствам состояние глубокого умиротворенного покоя. Но в тот момент этого достичь было никак нельзя: они готовили стоянку к ночлегу.

Свет дня остыл в сумерки, растворился в них. И вот уже братьев окружила темень; ни единого проблеска, прямо как у них в подземном жилище: слепая тьма. И, окруженный бархатистым мраком, Вайг внезапно почувствовал, что мать где-то совсем рядом, просто рукой подать — слушает. Тогда откуда-то из безмолвной глубины своей памяти он начал, извлекая, передавать матери образы местности, через которую они сегодня проходили, и места, где расположились на ночлег. Передавать образы приходилось отрывисто, мимолетом; подобный вид общения сильно изнурял, нужна была сосредоточенность, поддерживать которую непросто. Обрисовал Вайг и каменистую пустошь, оставшуюся позади ручья, и суетливых красных муравьев. Их с матерью общение длилось в общей сложности секунд десять; не успел Вайг распрощаться, как ощущение контакта прервалось. Приложив соответствующие усилия, его можно было возобновить, но к чему? Мать знает, что они целы, и теперь спокойно укладывается спать. Обогнув камень на ощупь, Вайг пробрался через завал колючих веток и, заложив лаз кустом, опрокинулся в убежище. Спрашивать, удалось

ли брату вступить в контакт, было ни к чему: молчание свидетельствовало красноречивее слов.

Хотелось есть, но усталость в конце концов пересилила. Не прошло и пары минут, как все уже спали. А снаружи взошла луна, и на поиски добычи выползли хищники.

Проснулся Найл под громкий птичий щебет, бойкое стрекотание насекомых. Зевнув, потянулся и тут же охнул. Все тело немилосердно саднило, а когда попробовал сесть, открывшаяся в локте острая боль вынудила отказаться от попытки. Однако даже это не могло пересилить удовольствия, получаемого от нового и необычного окружения.

В принципе, и у Вайга состояние было немногим лучше. Спину сплошь покрывали синяки, память о встрече с насекомым из кратера, на затылке шишка размером с птичье яйцо. Хролф порезов и ушибов избежал, но и он сетовал на боль в коленях. Порешили на том, что возвращаться домой сегодня нет смысла; в таком состоянии они попросту протянут ноги среди пустыни.

Найл начал было разбирать завал из веток, но внезапно отшатнулся. По утреннему небу метрах в двадцати над землей неспешно плыл паучий шар. Сзади по ветру призрачной ниточкой тянулось волокно паутины. Никогда еще Найлу не доводилось видеть шар так близко. Вайг и Хролф сидели к брату спиной, поэтому не заметили, как резко он попятился. Вытеснив из сознания все мысли, Найл наблюдал, как шар, постепенно растворяясь, исчезает из виду. Окликни он сейчас Вайга и Хролфа, те, поддавшись страху хотя бы на мгновение, могли бы тем самым обнаружить себя. Только думалось почему-то, что летящий на шаре смертоносец в данную минуту квел и невнимателен.

Через пять минут Найл осторожно высунулся из убежища наружу и внимательно оглядел небосвод. С такого расстояния шар смотрелся не более чем пятнышком, в остальном небо было безмятежно чистым. Он подождал, пока тот скроется из виду окончательно, и лишь затем сообщил Вайгу и Хролфу об увиденном. Братья заметно разволновались, и Найл понял, что поступил правильно, не сказав им о шаре сразу же.

— В самом деле так близко? — удивленно переспросил Вайг.

— Как раз вон над тем деревом.

— Ну и повезло же нам,— протяжно выдохнул Хролф с заметным облегчением.

Сам Найл, чувствуя приятную расслабленность после пережитой опасности, размышлял, что дело здесь отнюдь не в удаче. Здесь кое-что иное, поважнее.

Через час, уяснив, что сегодня шары вряд ли уже появятся, братья снова отправились к ручью. С наслаждением растянувшись в воде в полный рост, самозабвенно плескались. Такая расточительность природы казалась Найлу просто невероятной: это ж надо, настолько бездумно транжирить такую драгоценность! В пустыне несколько капель воды ставили точку в вопросе жизни или смерти, то же можно сказать о плоде кактуса или тушке грызуна.

Здешнее изобилие кружило голову, но оно же слегка и беспокоило.

Отправившись вдоль ручья, братья одолели уже около полутора миль. Сам ручей брал начало на дальних холмах. Но, по словам Джомара, на той их стороне расстилалась Великая Дельта, где жизнь еще обильнее, но и опасностей побольше. А где-то на дальнем конце Дельты, по ту сторону моря, раскинулось городище пауков-смертоносцев. Найл не прочь был порасспросить о пауках Вайга с Хролфом, но тут уже заранее было ясно, что ничего из этого не выйдет. Они же охотники, а у тех не принято распространяться о том, что вызывает страх: того гляди, накличешь беду.

Здесь, в этих пестрых кущах, к восторгу неизбывно примешивалось чувство тревоги. Все, что движется, моментально настораживало. Ведь толком и неизвестно, что здесь опасно, а что нет. Тут и там сновали огромные, в рост человека, стрекозы, чьи иссиня-прозрачные с прожилками крылья образовывали над туловищем подобие купола, стоило стрекозе сесть. Едва же насекомое с жужжанием взмывало в воздух, как над головой у него мгновенно образовывался сияющий нимб. Эти блестящие существа вместе с тем, что поохотилось на братьев в кратере, относились к одному виду — о чем Найл, конечно, не подозревал. Сновали вокруг и изумрудно-зеленые грибные мухи, которым, похоже, особое удовольствие доставляло проноситься возле уха да еще жужжать при этом так, что звенело в голове. Проходя мимо невиданно огромных деревьев, братья

невольно обращали внимание на тенета серых пауков, напоминающие рыбацкие сети. В одном из них билось какое-то живое существо размером с человека. Тенета опутали его так, что невозможно было разобрать, кто это. Братья старались держаться от деревьев подальше. Вокруг порхали гигантские бабочки, небрежными взмахами огромных крыльев поднимая легкий ветерок. Присмотревшись к одному такому крылу, лежащему на земле, Найл подивился его легкости и прочности. На таком, наверное, можно было бы запросто сплавляться вниз по воде, как на лодке.

Братья жутко проголодались: вся еда осталась в месте ночлега. Худо было то, что трудно было разобрать, какие растения из всего разнообразия годятся в пищу. Найл осторожно надкусил лиловый плод, напоминающий крупный виноград, и тотчас сплюнул из-за непривычного горько-соленого вкуса, еще несколько минут державшегося потом во рту. Не вышло и с другим плодом — желтым, мясистым: ни дать ни взять, тухлое мясо. Еще один — овальный, ярко-красный — оказался едким, маслянистым.

Так и шли по песку, пока на глаза не попались несколько больших черных муравьев, каждый из которых тащил по большому зеленоватому плоду. Осмотрительно (еще неизвестно, что за нрав у этих насекомых) братья двинулись за ними в противоположном направлении, пока не вышли на окруженную лесом поляну, сплошь устланную зелеными побегами растений, среди которых виднелись и те самые зеленоватые плоды разной степени зрелости.

Здесь уже копошилось изрядное количество насекомых, поглощающих те, что поспелее. Воздух был напоен диковинным сладким ароматом. Отыскав покрытый листьями крупный плод, Найл рассек его вдоль кремневым ножом и ухватил горсть сочной мякоти. Она оказалась прохладной и удивительно сладкой, только желтые семена, пожалуй, были жестковаты. Так Найл впервые отведал вкус дыни. С жадным усердием он все резал и поглощал кусок за куском, пока не остались лишь семена да корки.

Приглушив голод, братья сели и стали смотреть на черных муравьев, тоже собирающих урожай. Насекомые перегрызали ботву крупными, грозными на вид челюстями, ухватывали плод

в передние лапы и уходили на оставшихся четырех. Похоже было, что они вообще игнорируют всякого, кто попадется на дороге. Вот один подбежал к большой перезревшей дыне, на которой уже примостилась бабочка. Перекусив ботву, он поднял плод вместе с бабочкой (которая, кстати, так и не прервала еду) и поволок. Бабочка, чересчур, видимо, увлеченная едой, тоже не обращала внимания на муравья, пока дыня не исчезла. Тогда обделенное существо встрепенулось и, взмахнув крыльями, сорвалось в полет, обдав братьев ветерком.

Выросшие в пустыне, где внимание остановить практически не на чем, братья находили все это мельтешение бесконечно привлекательным — дома-то поневоле приходилось сиднем сидеть в глубине темной пещеры. Этот новый, восхитительно разнообразный мир казался невиданным пестрым калейдоскопом. Стоило взору соскучиться на одном зрелище, как по соседству возникало другое, не менее увлекательное.

У Вайга и Хролфа завязался спор, едят муравьи только растительную пищу или нет. Хролф утверждал, что только ее; Вайг доказывал обратное: такие зазубренные челюсти явно способны рвать живую плоть. Конец спора наступил сам собой, когда Найл, заметив с расстояния хлопотливую суету, обратил внимание на черного муравья, волочащего труп кузнечика размером вдвое больше себя самого. Муравей передвигался так, как ему было сподручнее, задом наперед, и в то же время, даже не поворачивая головы, чтобы свериться с направлением, безошибочно следовал за своими сородичами. Найлу все стало ясно, когда он заметил на тропе бисеринки мелких капель (вот один из муравьев обронил с кончика хвоста точно такую же: видно, метил тропу, чтобы другие могли ориентироваться по запаху).

Братья из любопытства двинулись за муравьем, что тащил по тропе кузнечика; на одном из отрезков пути к нему присоединились еще двое и, судя по всему, предложили помощь. Братья с интересом наблюдали, ожидая увидеть поучительный пример муравьиной взаимовыручки. На деле же оказалось, что ни у одного из троих нет сколь-либо осмысленного плана. Один из «помощников» попытался подлезть под кузнечика и взвалить его себе на спину; другой ухватился за крыло челюстями, в то время как главный добытчик все продолжал волочь

добычу, пятясь задом. В результате ноша, накренясь, свалилась со спины несущего. Тот из них, кто тянул крыло, оторвал кузнечику подкрыльник да с ним и остался. Так работа у этой троицы и шла: теребили, роняли, поднимали, сами толком не соображая, что делают. Если бы кузнечика волок лишь тот, первый, проку было бы куда больше. Братьям эта бессмысленная суматоха казалась до ужаса забавной, и они покатывались со смеху.

Вскоре глазам открылось муравьиное жилище: широкий лаз в земле возле корней акации. Попасть туда можно было, лишь миновав двух рослых муравьев-солдат, бдительно касающихся щупиками всякого входящего,— видимо, чтобы проверить, свой или чужой. Остановившись на разумном расстоянии, братья укрылись за шипастой акацией и оттуда наблюдали за неустанным хлопотливым движением. Как-то не сразу дошло, что прятаться и необязательно: муравьи-солдаты напрочь лишены зрения, у муравьев-рабочих оно очень слабое. Ориентировались они в основном по запаху, благо обоняние у них развито превосходно, и, несомненно, догадывались о присутствии теплокровных существ, затаившихся за колючим кустом. Так как пищи вдосталь, а существа не выказывают враждебности, то незачем на них и нападать.

Хролфу этот спектакль начал мало-помалу наскучивать; Найл — тот вообще, разморившись на солнышке, стал клевать носом, даром что сидели они в тени акации. А вот Вайг, прирожденный следопыт, всматривался во все детали с полным самозабвением. Именно Вайг сделал вывод, что и дерево, под которым они сидят, и цветущий кустарник вокруг — все это неотъемлемые части муравейника. В ветвях дерева и среди корней кустарника в изобилии водились толстые, напоминающие круглые зеленые виноградины афиды, которые поглощали листья и сок растений. Время от времени к круглякам-афидам подбегал какой-нибудь из муравьев и притрагивался к каплевидному брюшку антеннами; тогда из анального отверстия «дойной» тли проступала большая круглая капля прозрачного клейковатого вещества, и муравей поспешно ее сглатывал. Затем «просьба», как правило, повторялась: муравей опять щекотал антеннами брюшко тли. Вайг решил попробовать: подойдя, бережно прикоснулся пальцами к брюшку афида,

угнездившегося в корневище куста. С первого раза ничего не получилось: не было еще навыка. Но уже довольно скоро он, приноровившись, сымитировал кончиками пальцев щекочущее прикосновение муравьиных усов; проступила клейковатая капля. Вайг, сосредоточенно нахмурясь, осторожно попробовал ее на язык. Секунду-другую помедлив, аппетитно причмокнул и приложился еще раз, уже смелее. В конце концов уговорил присоединиться и братьев, и те не пожалели: вещество оказалось сладким, сахаристым и хорошо усваивалось, несмотря на непривычный плодовый привкус. Живя в бесплодной пустыне, молодые люди не находили ничего омерзительного в том, что пробуют на вкус испражнения зеленого насекомого: всякое приходилось едать, голод не тетка.

— Жаль, нельзя прихватить пару-другую этих жуков домой,— вздохнул Хролф.

— А у нас там у самих такие водятся. Я уже пару раз замечал.

Не оставалось живого существа в радиусе двух миль от пещеры, какое бы не было знакомо Вайгу. Вскоре они стали свидетелями еще одного любопытного эпизода. Мимо них в направлении муравейника, нагнув голову, решительно протопал жук-разбойник, спина широкая, жесткая. Братья ожидали увидеть, что на него сию же секунду набросятся — или попытаются хотя бы оттеснить — муравьи-солдаты. На самом же деле вышло не так. Громила, преградив путь спешащему мимо муравью-рабочему, придвинулся вплотную и потянулся к нему физиономией, словно собираясь поцеловать, а сам в то же время коснулся его своими короткими щупиками. Муравей остановился, и из его рта в рот жука перекочевала, блеснув, маленькая капелька. Секунду спустя, словно поняв, что самым бесстыдным образом разыгран презренным чужаком, работяга накинулся на разбойника. К нему присоединились два пробегающих мимо сородича. Сам жук, судя по всему, сохранял полное спокойствие. Он попросту брыкнулся на спину и задрал лапы, притворившись мертвым. Двое муравьев пытались царапнуть хитреца за живот (великолепно защищенный), третий силился добраться до головы (предусмотрительно втянутой в панцирь). Провозившись так несколько минут, трудяги оставили обманщика и заспешили каждый по своим делам.

Жук тотчас, качнувшись, перевалился на ноги, встал и как ни в чем не бывало пошел навстречу очередному простаку.

Теперь было понятно, что́ у муравьев означает символическое постукивание антеннами спешащего навстречу собрата. Очевидно, муравьи, собирая с цветов нектар, скапливали его в зобу. Почувствовав голод, муравей подбегал к такому вот сборщику, ударом антенн показывал, что голоден, и получал каплю желанной пищи. Лишь с огромным трудом Хролф с Найлом оттоворили Вайга экспериментировать еще и на этом: уж кому другому, а ему бесполезно будет валиться на спину и задирать ноги, если муравей вздумает вдруг напасть. Вайг в конце концов поддался на уговоры, но оттащить его от муравейника не могло решительно ничто. Поведение насекомых зачаровывало Вайга; его тянуло разобраться, как устроено муравьиное царство. В конце концов Хролф и Найл, потеряв терпение, досадливо сплюнули и отправились на поиски чего-нибудь съестного, а заодно охладиться в ручье. Для Найла именно в этом состояло блаженство: сидеть по плечи в воде и отрешенно наблюдать, как, радужно искрясь, играет на переливчатой поверхности свет. От этого так легко делалось сбитым в кровь ступням и исцарапанным рукам. Да и мысли становились созвучнее, умиротвореннее, спокойнее.

За час до темноты над макушками деревьев пролетели два паучьих шара. Братья к этому времени уже сидели в убежище под камнем, загородив вход двойным барьером из ветвей кустарника. Шары они приметили через небольшие прорехи в ветвях. Вайг с Хролфом сошлись на том, что это и в самом деле обычный дозор: при движении шары не излучали бередящего душу ужаса.

Когда, завернувшись в одеяла паучьего шелка, братья лежали в темноте на толстых матрацах из душистой травы лисохвоста — в отличие от жесткого эспарго, упругой и податливой,— Вайг завел речь о том, что не мешало бы им остаться здесь еще на недельку. Хролф, похоже, ничего против не имел, а вот Найл уже начинал тосковать по дому, все чаще вспоминая мать и сестренку. Кроме того, шестое чувство подсказывало: брат снова замыслил что-то бедовое.

Догадка оказалась верной. На следующее утро, когда купались в реке, Вайг раскрыл, что именно у него на уме. Даже

Хролф, обычно идущий у него на поводу, пришел от такой затеи в тихий ужас.

— Да тебя же живьем сжуют!

— Я что — похож на дурака? Так я им и дамся!

Вайг задумал добыть муравьиных яиц — будущее муравьиное потомство — и доставить эти трофеи в пещеру, как в свое время осу-пепсис. Ради этого он решил рискнуть и сунуться в муравейник. Чтобы благополучно туда пробраться, решил он, требуется единственно изменить запах. Наблюдая вчера весь день за муравьями, он вначале решил было, что они осязанием распознают друг друга. Прежде чем пропускать рабочих муравьев внутрь, муравьи-солдаты ощупывали их антеннами — еще один довод за то, что они слепы. Однако затем брат обратил внимание, что, когда к входу приближается какой-нибудь жук или тысяченожка, солдаты начинают выказывать беспокойство уже тогда, когда те находятся еще на расстоянии. Они же отгоняли и больших бурых муравьев, забредавших, видимо, из другого муравейника. Даже рабочие муравьи определенно изъявляли недоверие непрошеным гостям. Походило, что своих и чужих муравьи различают по запаху. Тогда поддавалось объяснению и то, каким образом кое-кому из чужаков — жуку-разбойнику, например,— удается подбивать муравьев делиться собранной пищей. Видимо, ему каким-то образом удается уподобиться по запаху муравьям.

— Ну и что ты думаешь делать, чтобы запахнуть по-муравьиному? — поинтересовался Найл.

— А вон, видишь, чем они метят свои следы? Что-то вроде масла.

— А ну как просчитаешься? Они же тебя всего искромсают. Сам видел, как те трое набросились на жука.

Вайг — парень немногословный — произнес с тихим упрямством:

— Все равно попробую.

Хролф с Найлом предупредительно отошли, Вайг же укрылся в кустах возле муравьиной тропы. Не успел пробегающий мимо муравей обронить на землю капельку маслянистого вещества, как Вайг мгновенно выпрыгнул из укрытия, подгреб ее и растер по коже. Через полчаса тело у него было сплошь покрыто мешаниной из песка, пыли и «бальзама»; он втер муравьиную жидкость даже в волосы. После этого он отважно

вышел на тропу и двинулся к первому встречному муравью. Отваги брата нельзя было недооценить: муравей, даром что ниже человека ростом, выглядел устрашающе — длинные узловатые ноги, хваткие челюсти. Насекомое даже не притормозило, просто обогнуло стоящее на пути препятствие и, не сбавляя скорости, засеменило дальше.

Начало получилось обнадеживающим. Вайг, воодушевясь, направился следом по тропе в сторону муравейника. Найл, перебежав вперед, укрылся за кустами. Мимо Вайга просеменило уже несколько муравьев, и ни один не обратил на него внимания. Найл с затаенным дыханием следил, тщетно пытаясь унять сердце, прыгающее в груди. От муравейника Вайга все еще отделяло около полутораста метров, он приближался очень осторожно. Внезапно в голове у Найла мелькнуло: надо бы прежде всего сладить с неуемным биением сердца (по крайней мере, в детстве ведь получалось). Так что на время он даже забыл о Вайге, все внимание сосредоточив на своем волнении и страхе, веля им исчезнуть. Поначалу все приказы звучали впустую, но вот наметился некий сдвиг. Найл сосредоточился еще сильнее; в голове, ожив, затрепетала точка яркого света. Когда Найл снова перевел внимание на тропу, Вайг был уже на полпути от входа. Перепачканная кожа, матово отливающая на солнце, придавала брату нелепый вид; обострившимся чутьем Найл ощущал его страх и вместе с тем отчаянную решимость. Как и Найл, Вайг держал себя в руках, не выказывая боязни. Вот навстречу брату засеменил выбежавший из лаза муравей-рабочий. По мере того как человек и насекомое сближались, Найл отчетливо чувствовал смятение последнего: запах вроде бы знакомый и в то же время какой-то не такой. Но, судя по всему, враждебных намерений существо не имеет и пахнет как родное. Только когда муравей с Вайгом разминулись, до Найла дошло, что ведь он, оказывается, читает мысли муравья. Все равно как если бы он сам обратился сейчас в это подвижное насекомое, овладев его телом. Из этого положения равно чувствовались и остальные членистоногие собратья, находящиеся в муравейнике. Ощущение ввергало в оторопь: ум точно распадался на тысячи крохотных осколков, и каждый осколок в то же время являлся неотъемлемой частью неизменного целого.

Вайг же тем временем уже приближался к муравьям-солдатам. У них не возникало и тени сомнения, что существо, крадущееся навстречу,— чужак, которого необходимо остановить. Соображение сработало у нескольких сразу, причем настолько отчетливо, словно они перебросились словами, даром что в сторону Вайга повернулись только двое — выжидающе, со скрытой угрозой. Вайг, смекнув, что дело неладно, свернул в сторону и сошел с тропы. Пик сосредоточенности у Найла прошел, вместе с ним и прошло прямое включение в умы муравьев.

В голову пришла интересная мысль. Если захотеть, можно, наверное, вмешаться в «разговор» муравьев между собой. Слившись с телом муравья, можно было бы, скажем, «прикрикнуть», чтобы тот не огибал стоящего на пути Вайга, а остановился перед ним. Муравей бы в таком случае и не заподозрил, что действует по чьей-то указке, и воспринял бы все как должное... Уж не таким ли образом повелевают своими рабами-людьми смертоносцы?

Отыскав братьев в кустах, Вайг подошел и сел рядом.

— Не идет. Надо, наверно, мазаться чем-то другим.

— А ты думал! Они, скорее всего, этой дрянью метят тропы, а друг друга различают как-нибудь иначе.

— Откуда ты знаешь? — с удивлением спросил Вайг.

Найл не мог толком ответить, просто знал, и все.

Солнце стояло уже над головой, и муравьи укрылись в прохладу своего подземного гнездилища. Вайг отмылся в ручье. Весь следующий час братья блаженствовали, лежа в проворной проточной воде, а затем улеглись в тени финиковых пальм обсушиться. На одну из них Хролф взобрался, исцарапав о шероховатый ствол ладони и ступни, и накидал вниз гроздья фиников. Финики были недоспевшие, но тем не менее вкусные.

Затем Вайг вернулся к своим муравьям, а Хролф с Найлом пошли осмотреть окружающую ручей местность. Разок на них из скрытого кустом логова бросился жук-олень, но, когда братья пустились наутек, быстро отстал. Большинство насекомых здесь, похоже, были растительноядными, и пищи для них имелось в изобилии. Встречалось очень много плодоносящих растений, кое-какие из них были уже и знакомы. В целом выходило, что можно смело есть любой плод, который используют в пищу насекомые, хотя самый аппетитный на вид — этакий

увесистый лиловый шар в зеленых и желтых пятнышках — оказался маслянистым и горьким. Иные, вроде круглого и желтого плода, из-за которого угодил в опасный кратер Найл, имели сладкий, чуть вяжущий вкус. Эти, похоже, были самой любимой пищей у муравьев.

На границе с каменистой пустошью росло небольшое не то деревце, не то куст сродни полому кактусу. Его сухие обвислые листья стелились по земле — видимо, служили для сбора воды — и были жесткими, как трава альфа. Отщипнув от них три узкие полоски, Найл сплел веревку. Этому ремеслу он обучился еще в детстве и владел им так мастерски, что его работа ничуть не уступала материнской. Новый материал оказался настолько добротным, что Найл, отщипывая полоску за полоской, постепенно сплел веревку раз в восемь длиннее собственного роста.

Тем временем Хролф, свесив ноги в кратер лупоглазого создания, один за другим бросал туда камешки, надеясь выманить тамошнего обитателя наружу. Первый камень, прицельно пущенный вниз по склону, заставил жука показаться из своего логова. Прилетевший следом второй цвенькнул страшилище по голове — оно зарылось в землю и обратно уже не показывалось.

Лениво, не зная, чем бы еще заняться, Найл начал кидать в воронку камни, стараясь по чуть заметному бугорку угодить в то место, где — он знал — прячется сейчас насекомое. Неожиданно пришла идея: что, если выманить его наружу, разыграв из себя приманку? Если обмотаться вокруг пояса веревкой, то дело не такое уж и опасное. Прежде всего опробовали веревку. Хролф взялся за один конец, Найл что было силы потянулся за другой. Веревка, пожалуй, была попрочнее той, что из травы. Присев на краешек кратера, Найл стал постепенно сходить вниз, не забывая усердно обваливать камни. Не успел пройти и четверти пути, как камни на дне зашевелились и наружу показалась знакомая пучеглазая голова. Найл опустился еще на пару метров — Хролф вытравливал веревку,— затем снова притормозил. Насекомое выкарабкалось из-под камней и теперь сидело, уставясь на людей. Было что-то доподлинно ужасное в этой бесстрастно-зловещей физиономии. Найла начало уже одолевать сомнение: а вдруг оно взберется по склону прежде, чем он успеет выскочить наверх?

Веревка вокруг пояса стала туже: значит, Хролф готовит пращу (другой ее конец был затянут у него вокруг пояса). Над головой Найла прожужжал камень, да так близко, что ветром взъерошило волосы. Метнул Хролф метко: камень пришелся страшилищу прямо по центру физиономии, от чего оно тяжело вздрогнуло и отпрыгнуло, неуклюже упав на короткие ноги. Защищенное панцирем массивное туловище, не приспособленное к быстрым движениям, откатилось в сторону. Второй камень пришелся сбоку, основательно задев голову. Третий, угодивший насекомому меж щупиков, обратил его в бегство: несколько секунд, и единственное, что осталось на дне кратера,— это бугорок из камней и грунта; вскоре сгладился и он. Хролф, ухватившись за веревку, вытянул Найла наверх. Там они обнялись и громко расхохотались, хлопая друг друга по плечам.

Метрах в двадцати обнаружился еще один кратер. И здесь насекомое удалось выманить, с силой обрушивая камни. И опять со все той же зловещей безучастностью оно дожидалось, когда добыча скатится вниз. Именно такая безучастность привносила в игру азарт. Страшилище, похоже, было уверено, что добыча никуда не денется. Братья, можно сказать, физически ощущали его изумление и ярость, когда вдруг выяснялось, что добычей, собственно, является оно само. От этого тварь пришла вдруг в такую ярость, что, когда метко пущенный камень смял ему один щупик, ринулась вверх по склону, силясь добраться до обидчика. На несколько секунд паренька обуял беспросветный страх, сменившийся великим облегчением, когда громоздкое насекомое, потеряв равновесие, сорвалось вниз. Четыре метких выстрела из пращи довершили дело, обратив его в паническое бегство. Метать в Найла камни оно не стало. Очевидно, сработал инстинкт любой уносящей ноги жертвы: прежде всего надо спастись от погони.

Когда нашли третий кратер — помельче предыдущих, Найл уже действовал с полной уверенностью. По склону спускался, держась совершенно прямо, пригнулся лишь тогда, когда над головой зажужжали камни Хролфа. Он и сам швырнул несколько камней, но те отскочили от брони, не причинив твари никакого вреда. Обратиться вспять насекомое вынудили выстрелы Хролфа.

Роль живца начала Найлу постепенно приедаться. Ему хотелось поупражняться с пращой Хролфа. Хролф и рад был бы пойти навстречу, но для такого дела был излишне крупноват: Найл при всем желании не мог вытянуть его наверх.

Тогда Найл придумал следующее. Хролф, крепко упершись расставленными ногами, встал в нескольких шагах от ямы, а Найл отошел, насколько позволяла веревка, а затем разбежался и кинулся вниз по склону. На ту сторону его вынесло, словно маятник,— помог Хролф, гибко славировав корпусом. Град камней сделал свое: тварь с шуршанием полезла из-под земли наружу. Пока она недоуменно озиралась, пытаясь определить, где же добыча, Найл несколько раз успел поработать пращой. В сравнении с Хролфом метателем он был неважным, только один камень попал насекомому в голову. Но и этого оказалось достаточно, чтобы оно опять зарылось в камни.

От такого развлечения оба разгорячились и пошли к ручью охладиться. Потеха над лупоглазыми сослужила полезную службу: своей вылазкой братья изжили страх. Чувствовалось, что им снова везет. Когда сидели в ручье, Найл изложил мысль, что вот уже два дня безвылазно свербила в голове: надо бы уговорить семью перебраться из пустыни в эти края, где вдоволь пищи и воды. На секунду глаза у Хролфа зажглись энтузиазмом, но лишь на секунду.

— Сильный (Джомар) никогда на это не согласится. Он боится смертоносцев.

— Но у них дозоры-то всего два раза в день!

— А там, где у нас дом, лишь два раза в месяц. А в пустыню и вообще не залетают,— сказал Хролф, а помолчав, добавил: — Там, откуда родом моя мать, они бывают примерно раз в неделю.

У Найла никогда и мысли не возникало, что Ингельд раньше жила где-то в другом месте; он всегда считал ее членом их семьи.

— А где это?

— Там, где руины, в трех днях пути к югу.

— А руины — это что?

— Руины?..— В глазах Хролфа мелькнуло замешательство, он не находил слов объяснить, что это такое.— Это место, где люди жили в ту пору, когда не было пауков.

— Не было пауков? — Слова двоюродного брата звучали просто интригующе.

— Говорят, было такое время, когда люди правили всей землей и тысячами жили в руинах.

— Тысячами? — Слово показалось Найлу абсурдным. Он никак не мог себе представить более десятка.— Но как они могли таким огромным числом умещаться в пещерах?

Он попытался представить себе город, состоящий из подземных жилищ. Если они будут громоздиться одно на другом, тогда-то уж город непременно свалится.

— Не в пещерах и не в норах. Ты видел когда-нибудь термитник?

Найл в самом деле обратил внимание во время одной из охотничьих вылазок на странных очертаний коричневый конус.

— Люди жили примерно в таких по виду строениях над землей.

— И не боялись смертоносцев?

— Сильный говорит, было время, когда даже самые большие пауки были величиной с мой кулак, не больше, и боялись людей.

Эта идея была настолько фантастична, что Найлу потребовалось какое-то время, чтобы ее усвоить. Мысль ввергала в непроизвольный трепет, не без примеси страха. Люди, дерзнувшие бросить смертоносцам вызов, погибали страшной смертью. Чрезмерная впечатлительность мешала Найлу преисполниться отваги. И вместе с тем изумительная эта мысль — что люди, может статься, когда-то и впрямь правили миром — вызывала такой же восторг, что и стремглав бегущая вода. Откуда ни возьмись в уме пошли возникать вопросы — сотнями! — которые тянуло сейчас же задать.

Громкий плеск воды, донесшийся снизу по течению, заставил обоих настороженно встрепенуться. Оказывается, шумел Вайг; стоя посередине ручья, он отчаянно махал им руками. Торопливо прошлепав по воде к берегу, братья подобрали копья и веревку и двинулись навстречу Вайгу.

Тот с трудом сдерживал волнение.

— Ну где вас носит? Везде уже пробежал!

Найл заикнулся было, как они обстреливали лупоглазых, но Вайг, пропустив все мимо ушей, выпалил:

— Они бьются! — и ткнул пальцем в сторону муравейника.

— Между собой?

— Да нет же, дурень! Красные напали на черных. Бежим смотреть!

Зрелище было жутковатое. Под раскидистым деревом землю устилали сотни муравьиных трупов, и красных, и черных. И повсюду, где только видел глаз, кишмя кишели спины красного воинства, выкатывающегося из низины лесной поросли волна за волной. И хотя ростом они значительно уступали черным, в схватке были куда более грозными противниками: верткими, хваткими. Завидев черного муравья, красный бросался навстречу с ожесточенной решимостью, стараясь укусить врага за переднюю ногу. У черных ноги были длинные и узловатые, так что, если красному удавалось увернуться от челюстей соперника, он хватал противника за ногу, а затем обхватывал конечностями и пытался повалить. Черному оставалось цапать в лучшем случае его защищенную спину. Многократно случалось и так, что еще один красный — они, похоже, числом сильно превосходили черных — цеплял еще и за заднюю ногу. Мгновение — и поврежденные конечности бессильно обвисали, а то и вовсе валялись отсеченные на земле. Лишившись двух из своих шести подпорок, муравей становился беспомощен. Красный таранил сбоку, пытаясь опрокинуть врага на спину, чтобы добраться до «горла» — места, где голова соединяется с грудью. Пока поверженный беспомощно барахтался, второй агрессор накидывался на «талию» — место, где грудь смыкается с задней частью. Что впечатляло более всего, так это странная осмысленность и планомерность действий муравьиного воинства: красные кидались и маневрировали словно по команде. Иногда — хотя и нечасто — черному удавалось одержать в поединке верх. Если удавалось избежать объятий нападающего и красный нырял под живот, у черного появлялась возможность ухватить его за задние ноги или за «талию» между грудью и брюхом. Но и при таком раскладе красный муравей мог еще накинуться на незащищенные ноги.

Братья наблюдали за баталией с напряженным волнением. Муравьи игнорировали людей напрочь, даже если последние разгуливали между сражающимися. Видно было, что идет беспощадная война не на жизнь, а на смерть; красные полны были решимости пробиться в гнездилище противника.

— Но в чем дело, чего они не поделили? — недоуменно спросил Найл. Не укладывалось в голове, чтоб два муравьиных племени, обитающих на расстоянии какой-нибудь пары миль и до сегодняшнего дня прекрасно друг с другом уживавшихся (Найл вчера лишь видел и тех и других, собиравших дыни бок о бок), вдруг ни с того ни с сего кидались друг на друга.

Поначалу казалось, что победа будет за красными. Но не прошло и получаса, как выяснилось: еще как сказать. Да, действительно, красных вокруг гнездилища копошилось куда больше. Но и черные не иссякали, на смену погибшим и искалеченным из лаза в земле появлялись новые. Они, похоже, не намеревались биться с превосходящими силами врага, главное было окоротить и не дать прорваться в гнездилище. Найлу бросилась в глаза невероятная стойкость и самоотверженность защитников муравейника. Каждому из десятка черных бойцов, время от времени выходящих наружу, было, наверное, ясно, что жить им осталось лишь считаные минуты. И тем не менее они совершенно не выказывали страха. Если подземный резерв у защитников был достаточно велик, то походило, что в конечном итоге они отобьют врага своим мужеством и упорством.

И тут произошло нечто странное. Со стороны гнездилища красных муравьев неожиданно появилась колонна черных. Вначале подумалось, что это отлучившиеся на охоту рабочие спешат на выручку своим. То, что случилось на деле, просто сбило с толку: вновь пришедшие, приблизившись к входу, вдруг набросились на охранявших его солдат. Сами защитники, похоже, впали в растерянность: подоспевшие, судя по запаху, вроде бы свои, собратья, и можно их пропустить, однако явно желают зла. Защитники отбивались уже вяло, словно убеждены были, что здесь какое-то ужасное недоразумение.

Наступившая сумятица предоставила красным возможность, которую они до этой поры безуспешно изыскивали. Пока стража боролась с новой, неожиданно нагрянувшей опасностью, красные прорвались и поползли внутрь. Выкатившее навстречу черное подкрепление невольно застыло при виде происходящего: свои нещадно бьются со своими.

Неожиданно Вайг громко хихикнул — настолько не к месту, что остальные уставились на него с немым изумлением. Вайг хлопнул себя по бедру: «Теперь все ясно! Джомар, тот

знает о муравьях все. Красные — поработители. Они захватывают личинки у черных и выращивают из них рабов. Они пытаются пролезть сейчас в муравейник и утащить побольше личинок!»

Теперь становилось ясно, в чем дело. Вновь подоспевшие черные — это рабы. Им велели идти на своих, и они слепо подчинились. В какой-то момент сражения до красных дошло, что рабов можно использовать как своего рода засадный полк. Такой замысел явно выдавал начатки разума. Однако его все равно не хватало, чтобы осмыслить: зачем устраивать всю эту бойню, если можно просто велеть рабам войти внутрь и похитить столько личинок, сколько нужно?..

Теперь оборона черных была прорвана, и красные захватчики потоком влились в гнездилище. В темных подземных туннелях сейчас, наверное, царили паника и смертоубийство. Найла внезапно охватило тоскливое чувство. Он надеялся, что черные дадут-таки отпор. Разочарованный, он повернулся и побрел вверх по ручью к финиковым пальмам: что-то опять захотелось есть.

Пройдя с полсотни шагов, Найл остановился и удивленно вгляделся. Из кустов змеились колонны черных — наверное, отступающие с поля боя. Однако, всмотревшись пристальнее, он понял, что происходит на самом деле. Муравьи тянулись по трое в ряд, средние несли в передних лапах личинки. Шла эвакуация потомства.

Он оглянулся в противоположную сторону. Буквально в нескольких шагах от него красные деловито расправлялись с побежденными. Удивительно: никто из них не замечал торопливо отступающую колонну.

Осторожно раздвинув кусты, Найл обнаружил, что муравьи открыли запасной вход. Подземная часть гнездилища, очевидно, была огромной — муравьиный городище с населением в сотни тысяч. Учуяв незнакомый запах, один из черных солдат угрожающе ринулся в сторону Найла, тот поспешно отступил в воду. Очевидно, когда речь идет о спасении драгоценного потомства, муравьи готовы наброситься на кого угодно.

Но куда они их тащат? В какое-нибудь другое защищенное укрытие? Или собираются отстроить новый муравейник в более отдаленном месте?

К этому моменту гнездилище покинул последний из арьергарда. Найл, громко кликнув Вайга, указал ему рукой. Вайг с Хролфом так увлеклись сражением, что проворонили отступление муравьев; теперь, поднимая фонтаны брызг, они мчались смотреть, что там готовится дальше. Возле запасного выхода в тесный боевой порядок сплотилась черная рать, прикрывающая отход. На глазах у братьев в проеме показался первый из красных захватчиков и тут же был сражен. Но как Найл втайне и предугадывал, втекающие в противоположный вход полчища красных внезапно изменили направление и ринулись в сторону запасного выхода, словно в какую-то долю секунды распространился сигнал — сменить тактику. Часть красных окружила фалангу черных ратников и вступила с ними в бой, другая заспешила вслед удаляющейся колонне. Найл затрусил вдоль другого берега ручья: интересно, почует ли колонна погоню, убыстрит ли темп? Увиденное просто поразило: колонна муравьев повернула в сторону ручья, впередиидущие без колебания вступили в воду; лишь те, кто нес личинок, остались ждать на берегу. Так как роста муравьи были скромного, вода вскоре покрыла их с головой, передних смело течением. Они с упорством продолжали заполнять ручей, ступая по спинам тонущих собратьев. Минуты не прошло, как оба берега ручья соединял прочный мост из муравьиных тел, достаточно широкий, чтобы противостоять растущей силе прибывающей воды. Затем, словно по сигналу, через мост двинулись муравьи, несущие личинок. Отряд прикрытия копился на берегу, готовясь отбить наседающих преследователей.

Братья, соблюдая разумную дистанцию, шли параллельно отступающим муравьям. Те двигались проворно, могли бы и еще быстрее, да ноша сдерживала. Это был вполне упорядоченный отход. Эскорт, сопровождающий колонну дальше, был небольшим — основная масса осталась на том берегу сдерживать неприятеля. Вот последние из носильщиков пересекли мост. Вероятно, они были теперь вне опасности: защищающее их отход черное воинство скопилось так густо, что хватило бы и на день битвы.

Но у красных имелись иные замыслы. Колонна преследователей также змеилась к воде. Уровень ее был теперь мельче: тела черных перегородили ручей в нескольких метрах выше по течению. Параллельно существующему возник еще один

мост; несколько минут, и красные уже настигали отступающую колонну. Едва они настигли самых задних, как защищавшие мост черные все как один бросились следом, словно кто-то невидимый протрубил в рог, отдавая приказ об очередном перестроении. А вот теперь пора побеспокоиться наступила и для братьев. Они поняли, что угодили в клещи и красная лавина катит прямо на них. Хотя что до муравьев, те будто и не замечали людей. Какое-то время братья, не смея шелохнуться, стояли среди красной лавины, чувствуя, как по ногам елозят гладкие жесткие панцири. Едва волна миновала, они поспешили отодвинуться на более безопасное расстояние.

Наступил хаос. Иной раз черным приходилось отбиваться сразу от шестерых. Беднягам ничего не оставалось, как класть свою ношу и защищаться. Подбегающий тут же красный аккуратно подхватывал личинку и тащил ее к ручью. Здесь он натыкался на разрозненно рыщущих черных солдат, и схватка разгоралась с новой силой. Иногда черным удавалось личинку вызволить. Взглянув на Вайга, Найл понял, что у того на уме. Пока муравьи сражались, многие личинки валялись без присмотра: этакие белые куколки сантиметров по десять длиной.

Глаза братьев встретились. В этот решающий момент Вайг молча спрашивал у Найла совета: рискнуть? И по глазам брата понял: стоит.

Вайг сунулся в гущу сцепившихся муравьев. За считаные секунды он подобрал с полдесятка личинок. За плечами Найла болталась травяная сума с финиками и еще кое-какими плодами. Он вытряхнул их на землю, освобождая место под добычу.

— Пошли,— коротко бросил Вайг.

В нескольких шагах положил личинку на землю черный муравей, отбивающийся от врагов. Один из красных, подхватив, побежал с ней прямехонько на братьев. Вайг не устоял перед соблазном: нагнувшись, одним движением ее выхватил.

И тут впервые за все время муравей, похоже, обратил внимание на их присутствие. Он без колебания сделал выпад к ноге Вайга. Брат вовремя ее отдернул, едва успев избежать мощных ухватистых челюстей. Он с размаху пнул насекомое, и оно, кувыркнувшись в воздухе, шлепнулось в гущу сражающихся.

— Бежим! — крикнул Вайг.

Бежать назад к ручью не имело смысла: вся прибрежная полоса превратилась в поле битвы. Безопасность — пусть временную — сулила пустошь. Побежали туда. Оглянувшись на бегу, Найл увидел то, что было хуже всего. Отделившись от основного воинства, в их сторону устремилась колонна. От досады Вайг аж сплюнул.

— Что, выбрасываем? — взволнованно спросил Найл.

Вайг упрямо насупился.

— Ну уж нет! Да они нас не догонят.

Действительно, муравьи бежали не сказать чтобы очень быстро. Но двигались они, несомненно, за ними, и что-то безмолвно грозное было в их методичных, словно заученных движениях.

Осталась позади полоса поросли, отделяющая оазис от пустоши. На какое-то время муравьи скрылись из виду. Вайг указал на большой валун, видневшийся в отдалении слева; побежали к нему. Спустя несколько секунд из поросли вынырнула колонна муравьев и без колебаний повернула в сторону камня. Насекомые определенно шли на запах личинок.

— Не хочется далеко забегать за камни,— выдохнул на бегу Хролф.— Что, если возьмем обратно к ручью?

Однако не успели повернуть обратно к кустам, как увидели, что красных прибывает в числе. Они десятками выкатывались из поросли, на ходу выстраиваясь в ряд. Найла внезапно прошиб безотчетный страх. Впереди и справа путь был уже отрезан. Стоит допустить оплошность, и они втроем окажутся в кольце. Повернувшись, братья устремились в сторону пустоши. Вскоре под ногами почувствовались крупные ребристые камни. Бежать по ним было крайне неудобно: за спиной болтается сума с личинками, по плечам колотит смотанная в кольцо веревка. Запнувшись, Найл чуть не грохнулся на колени; выручило копье — успел опереться. Муравьи, судя по всему, одолевали пространство каменистой равнины без особого труда.

Вдруг Хролф, бежавший шагах в двадцати впереди, резко вильнул. Он, оказывается, едва не угодил в воронку одного из тех самых лупоглазых насекомых. Пришлось огибать яму, на что ушли драгоценные секунды; самые ближние муравьи были уже шагах в сорока.

Увидев, что брат сдает, Вайг сдернул с его плеча суму:

— Дай сюда!

Перекинув ношу через плечо, он погнал дальше. Пробежав еще немного, опять наткнулись на кратер. Найл с Хролфом вильнули влево, Вайг обежал справа. Передовые муравьи, сменив курс, пустились за Вайгом. Несколько недостаточно расторопных не успели свернуть и сорвались вниз. Найл, мельком оглянувшись через плечо, испытал предательское облегчение: все муравьи преследовали теперь Вайга. Он, кстати, заметил и то, что сорвавшимся в кратер с трудом дается путь наверх.

И тут Найла осенило: выход был найден. Озарение будто прибавило сил, за Вайгом он помчался легкой поступью, как бы обновленный. Догнать было несложно: брат бежал и бежал, придерживая рукой сумку возле пояса, чтобы не болталась. Однако на лице уже обозначилось угрюмое беспокойство.

— Вайг, погоди! — крикнул Найл брату.

— Чего еще? — буркнул тот, не сбавляя хода.

— Я знаю, как от них отделаться!

— Как? — Вайг, опешив, приостановился.

— Сейчас увидишь! Дай-ка суму.

Проворно размотав висящую за плечом веревку, один конец он обвязал вокруг пояса, другой всучил Хролфу.

— Сейчас попробую завести их в одну из ямин.

Муравьи находились уже угрожающе близко. Братья снова пустились бежать, Вайг первый.

Шагах в двухстах снова подвернулся кратер. Найл кинулся к нему. Несколько секунд колебался, затем решительно полез вниз. С глухим шелестом покатились камни. Земля на дне пришла в движение, и на свет показалась образина лупоглазого насекомого.

Спустя секунду на гребне кратера появился первый муравей. Не сбавляя скорости, он проворно засеменил вниз, на Найла, но оступился на непривычной наклонной плоскости; когда тормозил, ноги предательски подогнулись в суставах, и он проскочил мимо. Следом возник другой. Этот ринулся безошибочно: Найлу пришлось отпрыгнуть, чтобы избежать столкновения. Тут через край перевалился уже добрый десяток сразу, и каждый норовил вцепиться в паренька. У всех муравьев была одна и та же беда: спеша вперед, они не успева-

ли затормозить и безудержно проносились мимо, вздымая клубы пыли. А сверху уже кубарем летели другие, сшибая передних еще дальше.

Хролф и Вайг стояли друг напротив друга по краям воронки: оба цепко держали веревку, теперь тугую, как струна. Один из муравьев, проносясь мимо, изловчился цапнуть Найла за лодыжку, показалась кровь. Задерживаться в кратере становилось небезопасно. Найл начал осмотрительно выбираться наверх. Муравьи пытались увязаться следом, но без опоры срывались и скатывались вниз. Вскоре Найл был уже в безопасности, Вайг с Хролфом вытянули его наверх. А на дне озабоченно копошились муравьи. Переваливая через гребень, к кишащей на глубине массе прибавлялись все новые и новые.

А на дне уже разворачивалось во всю ужасающую силу кратерное насекомое, окованное бронированными пластинами тело грузно вздымалось над мелкорослым муравьиным сонмищем. Едва какой-нибудь из их числа подбегал достаточно близко, чудище пригвождало его к земле мощными передними лапами. Мгновенное движение массивных челюстей, и голова отскакивала, как мячик; перекусить туловище ему тоже не составляло труда. Число угодивших в ловушку бестолково копошащихся тел, видимо, не смущало чудище. Оно работало с размеренной монотонностью заведенного механизма, и вскоре дно кратера сделалось скользким от крови. Пытаясь защититься, муравьи пускали в ход жала — куда там! Даже когда одному из них перед гибелью удалось вонзить свое оружие лупоглазому в глотку, чудище вынуло его челюстями, как занозу.

В кратер скатились последние из преследователей, в целом там барахталось, пожалуй, не меньше сотни. Выбраться наверх им было практически невозможно из-за скученности. Всех, кому удавалось выбраться на склон кратера, увлекали обратно тела сородичей. Некоторым счастливцам удавалось чудом дотащиться до гребня кратера, но тут их с копьями наготове уже поджидали братья, и муравьи снова скатывались на дно.

Теперь в слитности действий муравьев выявлялся очередной минус. Общность зачаточного разума, делающая этих насекомых столь грозными преследователями, обернулась для них непоправимой бедой: каждый муравей в отдельности разделял теперь общее чувство безвыходности и обреченности.

Эту картину братья наблюдали еще с полчаса, пока трупов внизу не нагромоздилось столько, что лупоглазому обитателю кратера трудно было и двигаться. Сами муравьи как-то сникли, сделались вялыми, словно запас сил у них иссяк. В конце концов, когда солнце уже начало клониться к закату, молодые люди повернулись к бойне спиной и отправились обратно к ручью. Шли медленно: от безумной гонки по камням поистерли себе все ноги. В голове Найл ощущал странную тяжесть, будто все эмоции полностью истощились. Даже завидев впереди летящие низко над деревьями паучьи шары, он не почувствовал никакого смятения, словно это были простые облака.

Братья намеренно сделали большой крюк и к ручью вышли мили на две ниже муравейника черных. Каждый втайне опасался, что красные, чего доброго, учуют личинок. Все отдавали себе отчет, что второй раз унести ноги не хватит сил.

К счастью, муравьи не попадались; повстречали лишь несколько жуков, одну тысяченожку да большого серого паука, жадным взором проводившего их из-за натянутой меж деревьев паутины; впрочем, напасть он не решился. Наконец перед самой темнотой братья добрались до своего пристанища под камнем. Туда уже успели забраться несколько большущих мух, проведавших, где у людей хранится запас дынь. Незваных гостей братья прогнали, орудуя ветками как мухобойками. Затем, закидав вход кустами и сучьями, завернулись в одеяла и забылись сном изнеможения. На следующий день перед рассветом отправились в обратный путь. Солнце застало путников на пустоши. А где-то за час до темноты показались и знакомые красные скалы-обелиски, изъеденные ветром. Сердце у Найла радостно затрепетало, даже слезы выступили на глазах. Впечатление было такое, будто с домом они расстались прямо-таки месяцы, а не дни назад.

Прошло несколько дней, и личинки превратились в муравьишек — крохотных беззащитных созданий с ненасытно распахнутыми ртами. Вайг дни проводил в поисках корма для них, прочесывая окрестности, чтобы раздобыть спелых плодов со сладкой мякотью. Утро целиком уходило на то, чтобы надоить у афидов сладкого раствора, который брат собирал в специальную посудину. Найл души не чаял в уморительных малышах. Ручной живности у них никогда не водилось. Осу-пепсис с

независимым и строптивым норовом едва ли можно было считать ручной; эти были такие же забавные, что и сестренка, только куда бойчее и шаловливей. Набрав самой мягкой во всей округе травы, Вайг свил муравьям гнездо, и те в нем резвились, дурашливо карабкаясь и легонько покусывая друг дружку за лапки, а когда Найл совал им палец, пытались добраться до него. Мягкая их кожица вскоре отвердела; было забавно цвенькать по муравьиному боку пальцем — звук бодрый, звонкий. Найлу доставляло удовольствие, расслабясь, сливаться с их незамысловатым врожденным умишком. При этом создавалось впечатление, что ты и сам точь-в-точь такой же муравьеныш; невольно напрашивалось сравнение, что именно так, должно быть, человек ощущает себя в пору младенчества. Разум истаивал, растворялся среди ласковой, зыбкой ряби, оживленной млеющим теплом и уютом укромной безмятежности, создающей отдельную вселенную. Пообщавшись всякий раз с муравьятами, Найл выходил наружу из пещеры, напрочь утрачивая чувство страха. В такие минуты казалось, что его присутствие сознают и кактусы, и кустарник — не остро, с внимательной настороженностью, а тепло и смутно, словно сквозь дымку приятного сна. И когда на руку Найлу уселась большая остроносая муха, намереваясь поживиться кровью, он не ощутил ни неприязни, ни раздражения, а лишь терпеливое сочувствие и понимание нужды этого насекомого, а потому смахнул муху бережно, словно извиняясь перед ней.

Через несколько недель муравьев стало просто не узнать: совершенно взрослые особи, кропотливо исследующие каждый уголок жилища. Вайг почти все свое время проводил в поисках корма, аппетит у насекомых был поистине ужасающий.

Однажды задолго до рассвета Найл проснулся от необычного звука: кто-то с молчаливым упорством скребся. Звук доносился из глубины пещеры, где держали муравьев. Найл ощупью добрался до дальнего конца жилища и там осторожно провел рукой по подстилке из сухой травы: муравьиное гнездо пустовало. Осторожно шаря руками по стене и по полу, Найл неожиданно наткнулся на влажноватую кучку свежего грунта... Источник звука, судя по всему, находился где-то поблизости. Уяснить что-либо, сидя в полной темноте, было реши-

тельно невозможно, поэтому Найл, возвратясь в жилую часть, прихватил там охапку лучинок и огниво (осторожно, чтобы не перебудить остальных). Осмотрительно ступая между постелей, Найл пробрался в «муравейник» — пусто. Однако возле угла в стене виднелась дыра, а под ней земляной холмик. Сунувшись туда с лучиной, Найл убедился, что это не просто дыра, а прямо-таки лаз, ведущий куда-то вниз. В глубине угадывалось глянцевитое туловище муравья. Прошло немного времени, и наружу выкарабкался один из них, доставив в передних лапках горстку грунта, которую аккуратно положил на скопившуюся кучу. Пара минут, и появился еще один, тоже неся землю.

Разгадка наступила лишь спустя многие часы, когда куча почти уже достигла потолка и в ней появилось много песка. Передние лапы у муравьев были покрыты жидкой грязью, а песок был подозрительно мокрым. Насекомые прокапывались к скрытому под землей водному источнику. Еще через час грязь с муравьев уже исчезла, а когда Торг опустил в образовавшуюся скважину масляный светильник, язычок пламени отразился в воде, метрах в двадцати от поверхности. Когда Вайг пощекотал муравьиную грудь, насекомое послушно выделило глоток воды. Буроватая вода была прохладной и освежала, хотя и имела железистый привкус. Вскоре Вайг приучил муравьев самостоятельно сливать воду в посудину. Так у людей появился постоянный источник воды, немыслимая прежде роскошь.

Совсем незаметно муравьи стали взрослыми. Теперь они покидали жилище и добывали себе пропитание самостоятельно. Возвращаясь, они нередко приносили с собой плоды или сладкие ягоды. Иной раз вокруг рта у них были липкие следы: муравьи «доили» афидов. Инстинкт поиска работал безупречно. Покидая пещеру поутру, муравьи устремлялись в пустыню с таким хлопотливо-деловитым и уверенным видом, словно наперед уже знали, что и где их там ждет. Несколько раз Найл и Вайг пытались следовать за ними, но, пройдя милю-другую, махали на все рукой: муравьям, похоже, вообще было неведомо чувство усталости. Помимо прочего, насекомые отличались еще и редким бескорыстием. Возвращаясь после проведенных в пустыне часов, часто уже затемно, они по первому же требо-

ванию безотказно делились нектаром. Выяснилось, что верхняя часть тела у муравьев — своего рода хранилище пищи. Чувствуя голод, муравей сглатывает часть собственного запаса, пропуская его к себе в желудок. Вместе с тем доступ в «хранилище» был открыт любому из членов семьи, достаточно лишь, подставив посудину или даже пригоршню, пощекотать муравью грудь. Сестренка Найла Руна — она тогда едва начала ходить — полюбила лакомиться тягучим медвяным нектаром и розоватой мякотью фрукта, напоминающего дыню. Вскоре она сама научилась выклянчивать у муравьев порции сладостей и в считаные недели из крохотного сухонького заморыша превратилась в девчушку-кубышку с румяной, круглой, как луна, мордашкой.

Жизнь потекла вдруг благополучнее, чем когда-либо прежде. У большинства обитателей пустыни жизнь была сопряжена с постоянным поиском пищи, не составляла исключения и горстка людей. Им ничего не стоило отмахивать за день по двадцать миль единственно с целью насобирать опунций или съедобных плодов кактуса. Найл с детства привык к ощущению безмолвно сосущего голода. Теперь же, обзаведясь осой и муравьями, которые стали основными охотниками и добытчиками, люди фактически забыли, что такое голод. Часть дня они по-прежнему охотились — скорее в силу привычки, при этом не так уж было важно, попадется что-нибудь сегодня или нет. Улф сделал в стене пещеры глубокую нишу под хранилище, выложив ее камнями. В таком прохладном месте плоды могли храниться целыми неделями. А если и портились, то все равно не шли на выброс. Джомар вспомнил давно забытую вещь. Если испорченный плод замочить в воде, настой, забродив, приобретает особый кисловатый вкус, а выстоявшись несколько недель, превращается в напиток; одновременно и утоляющий жажду, и создающий в голове приятную, игривую легкость. Когда сгущался сумрак, мужчины усаживались теперь посреди жилища в круг и, потягивая напиток, непринужденно беседовали. Уютно трепетал огонек светильника, отбрасывая на стену непривычно большие тени. У мужчин развязывались языки, они начинали живо вспоминать всякие охотничьи истории. Прежде такие беседы были редкостью: охотники возвращались измотанные и такие голодные, что не тра-

тили остатка сил на разговоры. Теперь же тягот поубавилось и голод не донимал, поэтому собеседники, случалось, засиживались до тех пор, пока не прогорало масло в светильнике. Муравьи, чувствуя душевный настрой хозяев, подбирались и укладывались у них в ногах, занимая почти все свободное место на полу, а оса-пепсис знай себе подремывала высоко на стене, в отороченном мехом гнезде.

Вот тогда-то Найл впервые услышал рассказы о былых временах: об Иваре Сильном, укрепившем город Корш и отражавшем любые попытки смертоносцев выжить людей в пустыню; о Скапте Хитром, что пошел на смертоносцев войной и спалил их главный оплот; о прожившем вдвое больше обычных людей Вакене Мудром, что обучал серых пауков-пустынников наушничать и выведывать замыслы смертоносцев. Постепенно Найл начал уяснять, отчего смертоносцы так ненавидят и боятся людей и идут на все, чтобы истребить их.

Оказывается, между людьми и пауками шла долгая и жестокая борьба, и пауки одержали в ней верх лишь потому, что научились понимать людские мысли.

По легенде, рассказанной Джомаром, перелом произошел, когда принц Галлат влюбился в красивую девушку по имени Туроол. У самой Туроол уже был избранник, не особо знатный вассал Басат. Галлат же с ума сходил от ревности, образ Туроол день и ночь стоял у него перед глазами, и он задумал похитить девушку из лагеря Басата. У Туроол был верный пес Ойкел. Совершенно случайно сложилось так, что пес охотился возле лагеря на крыс и вдруг учуял чужака. Лагерь поднялся по тревоге, Галлата с позором выдворили. Принц пришел в неописуемую ярость и, поклявшись отомстить, направил стопы в городище смертоносцев. Там он добровольно сдался страже и потребовал, чтобы его провели к самому Смертоносцу-Повелителю, жуткому, стойкому тарантулу по имени Хеб. Склонившись перед чудовищем, Галлат заявил, что в знак искреннего к Хебу расположения готов выдать своего союзника, короля Рогора. Так из-за подлой измены городок Рогора оказался в лапах у смертоносцев, сожравших на своем шабаше около двух тысяч человек. Вслед за этим Галлат пообещал научить Хеба читать людские мысли, если только тот уничтожит Басата и захватит в плен Туроол. Хеб согласился, но вначале по-

требовал, чтобы Галлат выполнил свое обещание. Год Галлат раскрывал ему таинства человеческой души. Как выяснилось впоследствии, до Великой Измены паукам недоступны были тонкости человеческого ума — души людей гораздо сложнее и утонченнее, чем у пауков. Так, понемногу, Хеб научился проникать в секреты человеческой души. Говорят, он велел согнать людей-узников, и те часами стояли перед Хебом, пока тот вчитывался в их умы — до тех пор, пока не вырисовывались и мельчайшие детали их жизней. Затем он велел каждому рассказывать историю своей жизни, пока не восполнялись упущенные детали и наступала полная ясность. Вслед за тем Хеб пожирал несчастных, считая, что по-настоящему сможет познать их лишь тогда, когда впитает каждый атом их тела.

Изведав тайны человеческого ума, Хеб сдержал свое слово. И вот однажды ночью тысячи пауков опустились на лагерь Басата. Нападение было таким внезапным, что уцелели лишь немногие. Басата и Туроол подвели к Галлату, и тот, велев Басату встать на колени, собственноручно снес ему голову. Эта бессмысленная жестокость сгубила то главное, ради чего все, собственно, затевалось: обезумевшая от горя Туроол, не помня себя, кинулась с ножом на ближайшего стражника. Через секунду она была уже мертва: смертоносец всадил в нее свои ядовитые клыки.

И была еще одна великая тайна, постичь которую Хебу было не под силу: тайна Белой башни. Эта башня была воздвигнута людьми давно прошедшей эпохи и стояла в центре городища смертоносцев (сам город принадлежал когда-то людям). Башня не имела ни дверей, ни окон и сделана была из гладкого материала — судя по всему, непроницаемого. Невольникам жуков-бомбардиров было однажды приказано проделать в башне брешь. Подложили взрывчатки, грохнули — куда там! Ни трещины. Тогда Хеб пообещал, что дарует Галлату власть над всеми людьми, если тот поможет ему овладеть тайной Белой башни. Галлат, отличавшийся непомерным, болезненным властолюбием, соблазнился предложением. Многих старых и мудрых замучил он, пытаясь выведать секрет башни. Наконец одна пожилая женщина, жена старейшины, вызвалась помочь мучителям, если те освободят ее мужа. Она открыла, что башня устроена по принципу, который был заведен у людей древ-

ности: «ментальный замок». В определенный момент ум у человека стыкуется с атомной охранной системой стен, и те поддаются так легко, будто сделаны из дыма. Роль «отмычки» при подобной стыковке отводится специальному жезлу, которым человеку надлежит коснуться стены. Жезл этот старейшина держал при себе как символ власти. Галлат, отняв у старика тот жезл, назавтра же устремился к башне (по преданию, местонахождение потайной двери в ней указывает первый луч рассвета). Но едва, подняв жезл, злодей попытался приблизиться к башне, как какая-то неведомая сила швырнула его наземь. Поднявшись, он повторил попытку, но опять был сбит с ног. Тогда он простер руки к башне и что есть силы крикнул: «Я приказываю тебе — откройся!» — и потянулся жезлом к стене. Но едва он ее коснулся, как полыхнула яркая мгновенная вспышка, и там, где стоял Галлат, осталась лишь куча пепла. Хеб, узнав о случившемся, предал смерти всех своих узников, не помиловав и старейшину с женой. А тайна Белой башни так и осталась нераскрытой.

Найла эта история повергла буквально в ужас. В ту ночь он проснулся в холодном поту. Ему привиделось, будто бы он, Найл, заслышав возле жилища шум, вышел наружу и увидел невероятных размеров тарантула с кактус-цереус, с двумя рядами блестящих желтых глаз и челюстями, способными раскромсать дерево. Едва Найл проснулся, как страх улетучился. Будучи совсем еще ребенком, Найл приходил в ужас при мысли о смертоносцах (точно такой же страх, возможно, мог бы охватить его при мысли о привидениях, имей он представление о чем-либо подобном). Теперь же, узнав, что пауки на самом деле не такие уж «неодолимые» (вон какие победы одерживали над ними Ивар Сильный и Скапта Хитрый), он стал относиться к паукам по-иному; достоверность облика умаляла страх. Он не без злорадства думал о том, что Смертоносцу-Повелителю пришлось брать уроки у Галлата, иначе бы он нипочем не научился проникать в людские умы. А вот Найла, например, никто не учил понимать умы Улфа, Джомара или тех же муравьев. Бывали моменты, когда он сознавал и чувствовал, что происходит у них в головах,— все равно что сам там присутствовал. Так что, если пауки затруднялись понимать людей, это могло означать лишь то, что у них совершенно иной

образ мышления, абсолютно не похожий на людской. И от такой мысли смятение и радостный трепет рождались в душе. Смертоносцы, скажем, покорили человечество оттого, что познали людские умы. Получается, что и человек, познав сущность паучьего ума, сможет одержать когда-нибудь верх над смертоносцами!

На следующее утро он отправился искать подтверждение своим мыслям. В полумиле от пещеры росло несколько раскидистых фисташковых деревьев — место обитания серых пауков-пустынников. Прибыв на место вскоре после рассвета, Найл увидел, что нижние ветви деревьев сплошь увешаны тонюсенькими паутинками. Чуть выше висела белая яйцесумка, откуда недавно вылупилось потомство. Более крупная сеть матери-паучихи чуть виднелась среди верхних ветвей.

Едва успев разместиться в тени невысокой жесткой поросли, Найл увидел, что паучиха уже успела его заметить и теперь внимательно за ним наблюдает, выжидая, когда двуногий подойдет под дерево, чтобы можно было свалиться ему на спину. Освоившись с местом, Найл попытался расслабиться, «остудить» рассудок, но из этого мало что вышло: неотступная мысль, что за ним наблюдают, гудела в подсознании тревожно и звонко, словно натянутая тетива.

Мимо с громким жужжанием промчалась большая зеленая муха, удирая от ктыря — крупного желтотелого насекомого, чем-то похожего на осу. Ктырь атаковал добычу с лету, пикируя словно сокол, но с первого раза, видимо, просчитался. Муха со страху взвилась вверх, пытаясь увернуться от хлипких паутинок, сотканных новорожденными паучатами, и угодила прямехонько в сеть взрослого насекомого. Ктырь, уже не в силах изменить курса, тоже стремглав влетел в липкие шелковистые тенета. Спустя секунду паучиха-мать, глазам своим не веря от такой удачи (надо же, двойной улов!), уже спешила вниз поскорее опутать добычу шелком, чтобы не вырвалась. И тут до нее дошло, что помимо безвредной мухи в паутину угодил еще и опасный ктырь, острым и сноровистым жалом вводящий сильный паралитический яд. Паучиха замерла, покачиваясь на радиальных волокнах в такт барахтанью двух насекомых, силящихся вырваться на свободу. Зеленой мухе это почти удалось, но, когда пять из шести ее лап высвободи-

лись из липких волокон, она опрометчиво дернулась в сторону и у нее увязло крыло.

Зачарованно наблюдая за происходящим, Найл ощущал глубокий непоколебимый покой, с которым расстался было несколько минут назад. Он сосредоточился; в мозгу ожила трепетная светящаяся точка, и он с внезапной ясностью уловил вибрации слепого ужаса, исходящие от зеленой мухи, и сердитое недоумение ктыря.

Ктырь оказался созданием куда более стойким, чем муха, и в сложившемся положении вел себя с отчаянной решимостью заставить обидчика дорого заплатить за такое гнусное посягательство. Чуя, что паучиха выжидательно смотрит, он как бы твердил: «Ну давай иди сюда: живо схлопочешь дырку в брюхе!» И паучиха, привычная к тому, что перед ней немеют со страху, замялась: такой резкий отпор вызывал растерянность...

Найл чувствовал эту неуверенность, но, когда попытался вжиться в паучий мозг, у него мало что вышло. Создавалось впечатление, будто там вообще ничего нет. Попробовал снова, на этот раз так настойчиво, что, не будь сейчас у паучихи занятия поважнее, она непременно бы обратила внимание на присутствие Найла.

Тут оказалось, что невдалеке за противоборством с любопытством наблюдает еще одна паучиха. Найл попытался проникнуть ей в мозг, взглянуть на мир ее глазами. И опять возникло вызывающее растерянность ощущение пустоты. Через долю секунды оно развеялось: внимание отвлекли яростные толчки ктыря. Прошло несколько минут, прежде чем Найл смог снова сосредоточиться. И опять неуклюжая эта попытка проникнуть в сознание насекомого дала паучихе понять: происходит что-то неладное. Найл почувствовал, как она рыщет вокруг взглядом, пытаясь определить, кто это лезет. Разглядеть Найла она не могла — мешал куст, и ее настороженность переросла в беспокойство. И тут до Найла впервые дошло, почему ему так сложно выявить мыслительные вибрации паучихи. Оказывается, ум этого существа пассивен, словно растение. Судя по всему, он существует в призрачном мире чистой созерцательности. Зеленая муха и ктырь в сравнении с пауком кажутся сгустком суматошной, напористой энер-

гии. Кстати, именно благодаря своей пассивности паук хорошо чувствует добычу, излучающую активную энергию.

Найлу все сразу же стало ясно. Паук всю свою жизнь проводит в углу паутины, подкарауливая пролетающих мимо насекомых. Вибрации паутины для него — своего рода язык, каждый оттенок подобен слову. Единственно, что нужно,— это ждать, изучая оттенки вибраций: живые пульсации дерева, смутное шевеление торчащих где-то в корневище насекомых, волнение ветра в листве, странную пульсирующую вибрацию солнечного света, подобную скрытому гулу, наводняющему толщу воздуха. О его, Найла, присутствии паучиха догадалась еще задолго до того, как у него перед глазами завиднелись деревья; вибрации людей можно сравнить с громким жужжанием пчелы.

Одновременно Найлу стало ясно и то, как паукам-смертоносцам удается помыкать прочими существами: одним лишь умственным усилием-импульсом. Обыкновенный взгляд — это уже направленный импульс воли. У Найла на памяти было несколько случаев, когда он, считая, что находится один, вместе с тем испытывал смутное чувство, будто за ним кто-то исподтишка наблюдает, и, обернувшись, обнаруживал: так оно и есть. Серая паучиха оттого и пришла в беспокойство, что волевой импульс Найла, когда он пытался проникнуть в ее сущность, коснулся ее словно рука.

Пассивность восприятия — одна из основных характеристик паучьего сознания. Он единственное существо, чья жизнь проходит в выжидании — когда добыча сама угодит в расставленные сети. Все прочие занимаются поиском пищи активно. Смертоносцы постепенно выработали способность посылать направленный импульс волевого усилия. Когда мимо пролетает муха, караулящий в тенетах паук пытается завлечь ее в сеть волевым усилием...

Тогда почему, спрашивается, серые пауки-пустынники безопасны для человека? Ответ подвернулся интуитивно, сам собой. Потому что они абсолютно *не сознают*, что поймать добычу им помогает усилие воли. Вынуждая муху изменить направление и угодить в ловушку, они думают, что это случайность. Смертоносцы завладели Землей тогда, когда до них дошло, что силу воли можно использовать как оружие.

И тут последовал наглядный пример того, что значит сила воли, пускай бессознательной. Возвратясь к себе в угол тенет, паучиха стала подбираться по другой ее стороне, так что ктырь уже не мешал ей приблизиться к зеленой мухе. Чуя скорую гибель, бедняга забилась с такой отчаянной силой, что чуть было не высвободилась, но в припадке паники приклеилась другим крылом. А паучиха подбиралась все ближе, пожирая добычу глазами. И тут муха обреченно сникла. Хищница проворно набросила ей на туловище шелковистую нить, за ней другую. Через несколько минут муха уже мало чем отличалась от кокона. Тут и ктырь, даром что все еще хорохорился, начал уже понимать, что скоро придет конец и ему,— чувство обреченности, вкрадчиво нагнетаемое зловещей волей, от которой рождается тихий тлен непротивления. В целом ктырь все еще мог постоять за себя, извернувшись, нанести удар практически под любым углом. Один укол — и парализованная паучиха бессильно зависла бы посреди своей собственной паутины. Тем не менее, когда она, справившись с мухой, со зловещей решимостью двинулась к ктырю, тот безропотно наблюдал и, лишь раз отчаянно рванувшись напоследок, бессильно пожух и дал набросить на себя шелковистую нить. Ум Найла на мгновение соприкоснулся с мыслительной вибрацией жертвы и изумился ее изнеможению и равнодушию: будь что будет. Выйдя из соприкосновения, он словно пробудился от кошмарного сна.

Возвращался Найл в глубокой задумчивости, потрясенный и зачарованный пережитым. Ему впервые открылись потаенные возможности волевого воздействия. Явственно чувствовалось, что мир вокруг полон страхов и скрытых опасностей; мозг постоянно находился начеку, чутко реагируя на любые импульсы враждебности. Проходя шагах в двадцати от логова желтого скорпиона, он ощутил на себе взгляд насекомого, направленный из темного лаза. Тварь притомилась после ночной охоты и не очень хотела вылезать еще и на дневную. Почувствовав нерешительность насекомого, Найл намеренно усугубил ее, послав встречный сигнал о том, что он вооружен и опасен. Скорпион рассудил, что, в конце концов, ни к чему тратить силы, да еще и рисковать, и наружу не полез.

Возвратясь в уютную прохладу жилища, паренек бросился на травяную постель в полном изнеможении. Хотя утомилось, собственно, не тело, а ум, истощенный попыткой применить непривычную пока силу — волевое воздействие.

Найлу исполнилось пятнадцать лет, когда Сайрис родила еще одну девочку. Ребенок появился на свет до срока, и первые две недели не было ясно, выживет он или нет. Назвали девочку Марой, что значит «темненькая»: на крохотном сморщенном личике проглядывали забавные коричневые пятнышки. Жизнь ей, несомненно, спасла сладкая муравьиная кашица. Едва ребенок оказался вне опасности, у него запоздало прорезался плач — пронзительный, прерывистый младенческий плач, раздражающий всех, кроме матери. Если девочка не была голодна, ее донимали попеременно то резь в животике, то потница, то что-нибудь еще. Первые шесть месяцев своей жизни малышка плакала по нескольку часов каждую ночь. Ингельд, никогда не отличавшаяся любовью к детям, озлобилась окончательно и начала приставать к Торгу и Хролфу, чтобы те подыскали ей другое жилище. Они действительно нашли вместительное логово где-то в миле от пещеры, неподалеку от изъязвленных красных скал. Вскоре мужчины прогнали оттуда прежних его обитателей, навозных жуков. Однако в том новом жилище Ингельд провела лишь одну ночь, решила, что там ей неуютно, и — к великой неприязни Найла — возвратилась на следующий же день.

Улучшение у Мары наступило, когда ей минуло полгода; тогда же выяснилось, что она очень беспокойный, нервный ребенок. От любого резкого движения она испуганно вздрагивала и принималась плакать, от внезапного шума просто закатывалась. Когда к Маре приближался муравей, она громко и испуганно вскрикивала. Как-то поутру Найл случайно услышал, что Ингельд и Торг, думая, что они в пещере одни, ведут речь о Маре. Как все будет складываться, когда девочка подрастет и узнает о смертоносцах? «Из-за нее нам всем будет конец!» — воскликнула Ингельд, голос слезливо дрогнул. Гнев у Найла соседствовал с презрением, и тем не менее он понимал, что женщина права. Страх Мары мог выдать их всех. Но что делать? Не лишать же ребенка жизни!

Выход подсказал Джомар: сок ортиса. Когда Джомар был еще мальчишкой, десяток храбрецов рискнули отправиться в Дельту и возвратились с флягами, полными сока этого растения. Растение это плотоядное и добычу заманивает изумительным медвяным запахом — таким небесно изысканным, что люди от него забываются сном. Когда на цветок ортиса садится насекомое, растение выделяет лишь одну каплю чистой, прозрачной жидкости. Насекомое жадно припадает к ней и вскоре становится сонливым. Словно нежные пальцы, усики растения аккуратно переправляют добычу в большой, на колокол похожий цветок — так красавица отправляет в уста лакомый кусочек пищи. Затем лепестки смыкаются, и от насекомого не остается и следа.

Как удалось избежать той же участи охотникам? Они специально выискивали растения помельче, которым не под силу умертвить человека. Охотник касался цветка пальцем, а проступающий сок сцеживал в маленькую чашечку. Если запах растения его одолевал, остальные кидались на помощь и оттаскивали одурманенного в сторону. Главная беда была в том, что некоторым начинал болезненно нравиться запах этого растения; люди поддавались дурману и пробуждались потом со странной блаженной улыбкой. Один из охотников тогда забылся, уткнувшись лицом в небольшое растеньице. Тотчас же к рукам, ногам и голове потянулась дюжина колокольчиков-кровопийц. Когда остальные сообща оттаскивали товарища, усики упорно цеплялись, не отпуская добычу. Пришлось отсекать их кремневыми ножами: за это время облака медвяного аромата свалили еще двоих. Когда жадные зевы растений удалось наконец отодрать от лиц и от рук, в сердцевинах цветков, словно роса, искрились капельки крови: мощные сосущие органы растений выдавили кровь прямо из-под кожи. Тот охотник пролежал без чувств два дня, а когда очнулся, то все равно ходил как в полусне. Он возвратился вместе со всеми, но стал с той поры вялым, ленивым и охочим до соблазнов. После того как его несколько раз застали за отцеживанием сока ортиса, старейшины распорядились его казнить.

Улф, слушая рассказ, то и дело задумчиво поглядывал на Мару, сосущую у матери грудь. Затем повернулся к Торгу.

— Ты бы пошел со мной?

— Разумеется.

— Прекрасно. Отправимся в пору полнолуния.

— Можно и я с вами? — попросился Найл.

Улф положил ладонь на голову сыну.

— Нет, мальчик. Кому-то надо остаться оберегать женщин.

И вот через десять дней Улф, Торг, Вайг и Хролф отправились в Дельту. К той поре всплыла и еще одна причина отправиться за соком. У Ингельд по утрам стали случаться приступы тошноты; стало ясно, что она беременна.

К походу подготовились обстоятельно. От палящего зноя хорошо защищала одежда из шкуры тысяченожки, для того же служил и притороченный к ней капюшон. На ноги мужчины надели крепкие, с многослойной подошвой сандалии. У каждого на спине была легкая удобная сума, свитая из травяных стеблей. Брать с собой запас пищи и воды не имело смысла, всем можно было разжиться по дороге; с собой прихватили лишь немного сушеного мяса и по фляге с водой. Оружие мужчинам составляли копья, пращи и ножи, прихватили еще веревки.

В путь вышли накануне полуночи, когда сгустились сумерки. Двинулись на север, в сторону каменистой пустоши. Четверым вооруженным мужчинам не были страшны ни скорпион, ни жук-скакун, ни другие ночные хищники. Найл хотел проводить охотников до границы пустоши, но отец не велел: возвращаясь домой в одиночку, пятнадцатилетний мог стать легкой добычей.

Сайрис и Ингельд нервничали. Нередко случалось, что мужчины отсутствовали по нескольку суток кряду, но на этот раз — женщины понимали — все было несопоставимо серьезнее. Охотники прекрасно знали повадки гигантских насекомых пустыни и умели избегать стычек с ними. Дельта же таила множество новых, неизведанных опасностей. Даже Джомар не бывал там никогда, разве что пролетал сверху на паучьем шаре.

На следующий вечер перед сумерками Сайрис уединилась в глубине пещеры, все остальные понимающе смолкли. Мару два часа назад как следует накормили, и девочка спала спокойно. Где-то через полчаса стало слышно глубокое и ровное дыхание: Сайрис вышла на контакт. Когда она вернулась обратно, Найл зажег светильник.

— С ними все в порядке,— сообщила Сайрис.— На Хролфа напал ядовитый москит, но его тут же убили, присосаться не успел.

На случай борьбы с малярией или другой хворью у мужчин имелись целебные корни.

— Как там Торг? — осведомилась Ингельд.

— Подвернул ногу, но так, ничего серьезного.

Ингельд и сама могла установить связь с Торгом, если бы приложила к этому достаточное усилие. Но ей недоставало терпения, а потому трудно было расслабиться и сосредоточить ум. К тому же она по натуре была ленива и предпочитала все свалить на Сайрис, из совести никогда не отказывающей в том, что ей по силам.

На следующий день женщины отправились собирать плоды кактуса. Найл пошел с ними, взяв на себя роль охранника. На согнутой в предплечье руке он нес осу-пепсис. Насекомое, давно отжившее половину отведенного ему природой срока, уже было не таким непоседливым.

Оса словно догадывалась, что главный ее хозяин сейчас далеко и поэтому ей с особым рвением надлежит охранять семейство от тарантулов и других хищников. Расслабясь и слившись со смутным разумом насекомого, Найл ощутил бесхитростную преданность и готовность подчиняться. Когда, изнемогая от зноя, люди возвращались к себе в пещеру, Найл приметил в небе движущуюся точку. Нет, не паучий шар; птица, да большая. Внимательно всмотревшись, он определил, что птица летит прямо на них. Найл попытался вжиться в рассудок птицы, «уговорить», чтобы та не меняла направления. Уловив волнение хозяина, встрепенулась и оса. Прошли считаные минуты, а птица уже вот она, в какой-нибудь паре сот шагов, и высота сравнительно небольшая, чуть выше дерева. Тут Найл отдал осе приказ. Насекомое взмыло вверх со скоростью и готовностью, какие за ней давно уже не водились. Метеором пронесшись мимо крылатой цели и набрав запас высоты в полсотни метров, она круто изменила направление и прянула вниз. Для птицы подобный маневр был полной неожиданностью, с осами она явно никогда не сталкивалась. Почуяв навязчивое чужое присутствие, она негодующе встрепенулась и тут же — Найл это четко уловил — забилась в агонии: оса вогнала жало. Через

несколько секунд птица уже валялась на земле в сотне шагов. Когда Найл подоспел, насекомое уже смиренно сидело на ее изломанном крыле, глаз у жертвы уже подернулся смертной пеленой. Особь попалась на удивление крупная, так что в тот вечер во всей пещере стоял аромат жареной дичи. Даже Ингельд была в приподнятом настроении и не ворчала. Как оказалось, это был последний безмятежный вечер в жизни семьи.

Наутро поднялся ветер. Злобный, колючий, он дул со стороны Дельты и задувал прямо во вход пещеры. Найл лишь раз рискнул высунуть голову наружу и моментально юркнул обратно, натирая кулаками слезящиеся от песка глаза. На зубах скрипел песок. Не унимаясь, плакала весь день Мара, даже Найла выведя из себя настолько, что он готов был ее придушить. В тот вечер не было связи с Улфом и Вайгом, даром что Сайрис просидела больше часа. Джомар, как мог, успокаивал женщин: охотникам перед сумерками не до связи. Но связи не получилось и на следующий день. Тут волнение по-настоящему разобрало и Ингельд. Когда сгустились сумерки, она, скрестив ноги, тоже села на пол и попыталась настроить ум на контакт. По дыханию можно было судить, что ничего у нее не получается. На следующий день тревога и нелегкое предчувствие охватили всех. С наступлением ночи Сайрис и Ингельд опять сели друг возле друга, угрюмо склонив головы, в то время как Джомар с Найлом затаились у себя на постелях, боясь лишним шорохом отвлечь женщин. Наконец у Сайрис изменилось дыхание: вступила в контакт. Найл вздохнул с облегчением. И тут, повергнув всех в ужас, мать пронзительно, по-животному вскрикнула. Слышно было, как тело ее глухо стукнулось об пол. Подскочив к матери, Найл увидел, что она без чувств лежит на спине. Лицо было холодным на ощупь. Ингельд начала уже было бормотать что-то насчет смерти, но Джомар сердито прикрикнул, и она замолчала. Найл бережно усадил мать, оперев спиной о стену. Джомар, пальцами стиснув женщине скулы, влил ей в приоткрывшийся рот немного воды. Звучно поперхнувшись, Сайрис закашлялась.

— Они погибли, Торга и Хролфа нет в живых...— обретя дар речи, выдавила она.

Ингельд забилась в страшном припадке безысходного отчаяния. Проснувшиеся дети громко разревелись. Плакала Сай-

рис, беззвучно сотрясаясь от рыданий. Единственно, что она смогла еще сообщить, это что причиной гибели обоих стали цветы ортиса, а Улф с Вайгом как-то сумели избежать этой участи.

Горе Ингельд сменилось на ярость.

— Почему умерли мои?! — зашлась она.— Почему не ваши?!

Несчастной женщине не стали мешать. Она сама в конце концов уморилась и плакала уже без крика. Плакала едва не всю ночь. Найлу стыдно было за свое счастье: его отец и родной брат живы.

Улф и Вайг возвратились через десять дней, оба в полнейшем изнеможении. Правую половину груди и плечо Улфа покрывали крупные пятна-стигматы, похожие на ожоги. Вайг страшно исхудал, а в глазах его читалось выражение, вызвавшее у Найла тревогу и растерянность: будто бы брата преследует нечто, чего ему никогда не вытравить из памяти. Измотавшиеся охотники рухнули на постели и проспали весь следующий день и всю ночь.

Сок, стоивший Торгу и Хролфу жизни, находился в небольшой фляжке емкостью чуть больше полулитра. Горлышко было плотно заткнуто листьями и обмотано лоскутками кожи. Когда спустя несколько часов проснулась и, по обыкновению своему, опять заревела Мара, Сайрис бережно размотала лоскутки, накренила горлышко фляги и поднесла к губам ребенка деревянную ложку с капелькой прозрачной медвяной жидкости. Не прошло и минуты, как девочка уже спала. Не пробудилась она и через шестнадцать часов, когда проснулся Улф.

При первой же возможности Найл попробовал сок ортиса на запах. Жидкость имела изумительный медвяный аромат, было в нем что-то и от запаха розовато-лилового цветка, который он видел в стране муравьев. Хотя, если честно, запах обескураживал: после захватывающих дух рассказов деда Найл ожидал чего-то вообще сверхъестественного.

Много дней прошло, прежде чем Улф и Вайг как-то оттаяли от уныния и апатии. Вайг потом рассказал Найлу, что последние полторы-двое суток оба шатались как пьяные и не чаяли уже добраться. На той каменистой пустоши Вайг трижды терял сознание; на третий раз его нес уже отец, взвалив себе на плечи. Счастье, что на пути не встретился ни один

хищник. Случись любому из них напасть, и им бы точно пришел конец. У них даже не было сил высматривать в небе шары смертоносцев.

Ингельд к этой поре оправилась от первоначального потрясения, став еще более язвительной и сварливой. Все жалели Ингельд и потому мирились с ее колкостями. Но как-то раз, хлебнув перебродившего сока, она зашла в упреках слишком далеко и обвинила Улфа и Вайга в трусости, обернувшейся якобы гибелью для Торга и Хролфа. Улф стиснул ей руку с такой силой, что женщина вскрикнула.

— Никогда не говори таких слов, не то полетишь на пол, даром что ты жена моего брата.

Ингельд, свернувшись на полу калачиком, тихонько заскулила.

— Но ведь мне рано, рано быть вдовой! Неужели мне век теперь вековать без мужских объятий?

Улф понял справедливость этих слов. Женщине нет еще и сорока, и многим мужчинам она решительно бы приглянулась.

— Здесь мужчин для тебя не найти,— рассудил он задумчиво.— Но ты могла бы вернуться к своим соплеменникам.

Ингельд, вскинув голову, резко посмотрела на Улфа (в глазах мелькнул радостный просверк).

— Как я туда доберусь?

— Мы можем тебя проводить.

Ингельд бережно провела ладонями себе по животу.

— Скоро для путешествия я буду слишком тяжела.

— Что ж,— сказал, подумав, Улф.— Отправимся в следующую за полнолунием ночь.

Сайрис попробовала было вмешаться: надо же, еще не оправились от вылазки к Дельте, а уже помышляют о новом переходе! Но, перехватив жесткий, упрямый взгляд Ингельд, Найл понял: эта от своего не отступится. Ингельд и думать не желала о каком-то промедлении, хотя и понимала, что Сайрис права: безопаснее переждать хотя бы с месяц. Впрочем, ей было все равно, что там станет с Улфом и Вайгом на обратном пути,— сама-то она будет уже в безопасности, среди своих.

Ближе к полудню стало очевидным, что Вайг никуда пойти не сможет. Он был еще слишком слаб для перехода, и к тому

же его то и дело донимала лихорадка. Из-за хромоты (да и из-за возраста) не мог отлучаться на большие расстояния и Джомар. Сайрис пыталась уговорить Ингельд повременить хотя бы с месяц; та же, отводя глаза, с притворной кротостью вздыхала, что если оттягивать, то она ведь не сможет потом отправиться в такую даль. В конце концов Сайрис, передернув плечами, со всей откровенностью сказала, что скорей бы уж она оставила их всех в покое — раздоров значительно поубавится.

Найл мельком перехватил взгляд Улфа, отец задумчиво посматривал на него. Найл знал, о чем он сейчас думает.

— Может быть, вместо Вайга пойду я?

— Думаешь, тебе по силам будет вынести такую дорогу?

— В выносливости я Вайгу не уступаю.

— Но ведь это пятидневный — в лучшем случае — переход.

Улф начертил ему на песке план местности. Соплеменники Ингельд жили возле берегов соленого озера Теллам, примерно в двух днях пути к югу от большого плато. Самая трудная часть пути приходилась на пустыню, окаймляющую подножие плато: там было очень мало ориентиров. Оконечность пустыни представляла собой сплошные голые камни и высохшие русла рек, постепенно нисходящие к соленому озеру. В окрестностях озера была и зелень, и вода, однако и ядовитые сороконожки водились там в изобилии.

Найл указал на плато.

— А что, обязательно идти через пустыню? Разве нельзя попробовать через плато?

— Там только голые камни и трудно дышать: не хватает воздуха.

— Уж лучше голые камни, чем дюны из песка. Хотя бы местность не меняется до неузнаваемости.

— Возможно,— не стал спорить Улф.

К поре полнолуния Улф в целом восстановил силы. У Вайга же щеки были все еще впалые, а в глазах сквозила усталость. Сайрис, понятно, беспокоилась, что в такую даль приходится отправляться младшему, но знала: иного выбора нет. Идти обратно одному Улфу будет опасно, любой хищник может накинуться на одинокого путника, но задумается, прежде чем нападать сразу на двоих.

В дорогу, по крайней мере, запаслись неплохо. За день до того, как им отправляться, Вайг сходил с осой на охоту и добыл крупного грызуна. Сайрис, начинив тушку съедобными кореньями и травами, зажарила ее целиком. Напекла и тонких лепешек из муки, намолотой из дикого маиса. Еще загодя женщины нацедили чистой воды из чашки уару. Приноровившись, они подставляли фляги и под длинные изогнутые листья вельвиции, собирая влагу, которую растение припасало для своих корней. Солоноватая вода, которую извлекали из подземной скважины муравьи, для долгих странствий не годилась: в ней много было минеральных солей, отчего во рту оставался горький привкус и горло быстро пересыхало.

Вышли за час до сумерек. Каждый нес за плечами по две плетеные сумки. Было все еще жарко, хотя ветер уже прекратился. Когда установилась темнота, путники устроили на песке часовой привал, а Найл так даже и вздремнул (прошлую ночь заснуть мешало волнение). Едва взошла луна, они снова отправились в путь. Ночь выдалась холодная, но ходьба согревала. Теперь, взяв свое, Ингельд — хотя и запоздало — все же усовестилась, а потому безропотно поспевала за своими спутниками, не жалуясь, что они идут, не сбавляя шага. В разливе призрачно-бледного лунного света пустыня выглядела красиво и загадочно. Впереди на фоне горизонта четко вырисовывалось плато, идти до которого оказалось куда дальше, чем думалось. Когда луна опустилась за горизонт, они продолжали путь под сенью звезд, света которых хватало привыкшим к темноте глазам. Подножия плато достигли за час до рассвета и с восходом солнца вошли в каменный мешок, где Найл прожил первые семь лет своей жизни. Поели лепешек и жареных крылаток, а затем улеглись ждать, пока схлынет дневная жара.

В прежний свой дом Найл ступил со смешанным чувством отрады и трепетного волнения; нора, казалось, стала с той поры как-то меньше, невзрачнее. К тому же за годы жизни на новом месте Найл успел позабыть, что значит здешняя жара и духота в светлое время суток, когда ветер неожиданно меняет обычное направление. Так что, несмотря на ностальгию, нору он покинул без особого сожаления.

Несмотря на то что солнце все еще палило, они тем не менее вышли в путь. Улф решил внять совету Найла и двинуть-

ся через плато. Отвесные склоны над пещерой всходили высоко в небо; чтобы подыскать место для подъема, надо было проделать путь с десяток миль.

До высохшего русла добрались за час до сумерек. Вспотевшие, усталые, они решили передохнуть, прежде чем штурмовать высоту. Когда взошла луна, путники двинулись вверх по руслу, с каждым метром становящемуся все круче. Вскоре извилистая дорожка сузилась, а там склон и вовсе сделался таким отвесным, что у Найла при взгляде вниз голова пошла кругом. В отдельных местах приходилось всем телом приникать к выпирающим, словно зубья, камням; тогда с особой явственностью представлялось, какая бездна отделяет их от земли. Вот уже и крупный бюст оказался Ингельд помехой. В одном месте она вообще отказалась двигаться вперед, пока Улф не обмотал ей талию веревкой. Пока (где-то уже за полночь, бездыханные от усталости) добрались до вершины плато, Ингельд, судя по виду, не один раз успела пожалеть, что не осталась дома.

Открывшаяся с плато панорама впечатляла своим величием. Впереди, уходя на юго-восток, медленно кренилась книзу поверхность плато — каменистая, с разрозненными кривыми окустьями терновника. Позади простиралась пустыня — безмолвная, залитая серебристым светом. Пейзаж выглядел не сказать чтобы гостеприимно, однако белизна камней, насыщенная задумчивым дышащим светом, зачаровывала. Возник соблазн прилечь и отдохнуть, но земля была настолько жесткой, что уж лучше просто идти не останавливаясь.

Проковыляв с полчаса по щербатому голому грунту, они опять вышли к речному руслу, устланному приятной стопам белой галькой. Вдруг Улф, с радостью и изумлением воскликнув, указал рукой. Впереди, в каких-нибудь сорока метрах, свет луны отражался от гладкой поверхности, напоминающей круглое зеркало. Это была небольшая, чуть больше метра, округлая лужица — вода, скопившаяся во впадине дна. Путники с облегчением опустили поклажу и устроили привал. Вода была белесой, как разбавленное молоко, и имела сладковатый привкус. Отправившись в путь, они считали каждую каплю, а теперь — вот радость-то! — ее можно было пить вволю, сколько душе угодно. Усевшись, поели плодов кактуса, пополнили

запас воды, после чего неохотно — ноги гудели от усталости — снова поднялись в дорогу. Идти по устланному галькой руслу оказалось неожиданно легко, так что шли даже тогда, когда луна уже села.

На рассвете Ингельд затребовала отдыха, но Улф не стал ее слушать. Через несколько часов солнце будет, считай, уже над самой головой, а надо отыскать еще и пристанище.

В конечном итоге перед тем, как зной набрал силу, путники заметили на горизонте древесную чащобу и прямиком устремились к ней. Это оказались не деревья, а, скорее, кусты — метра под три вышиной, причем нижние ветви образовывали подобие сводчатой арки. Удалось разбросать по верху шелковистое полотно (получилось вроде навеса). Другое, пришпиленное тяжелыми камнями к земле, защищало от ветра. Получалось почти как в пещере. Путники погрузились в тяжелую дремоту и пролежали до той поры, пока солнце не опустилось к самому горизонту. Проснувшись, перекусили и отправились в дорогу.

Теперь путь лежал через участок застывшей лавы, из которой, будто орехи из глазури, торчали большие округлые валуны. Через несколько миль дорога сделалась удивительно гладкой, словно плотно спрессованный песок. Ингельд начала сетовать, что натерла себе ноги. Улф и Найл перекинулись понимающими взорами: все, период покладистости кончился, теперь к тяготам пути добавляется еще и ворчание. К счастью, вскоре набрели на другое озерцо, больше и глубже предыдущего. Когда вволю напились и наполнили сосуды, Ингельд велела своим спутникам отвернуться, а сама сняла одежду и зашла в воду. Женщина стояла по пояс в воде, и на лице ее было такое блаженство, что Найл тоже решил залезть в воду. После дневного зноя она все еще хранила тепло и вместе с тем давала телу желанную свежесть. Когда опять поднялись в дорогу, у Найла было чувство, будто он пробудился после приятного сна.

К рассвету ровная поверхность вновь пошла на подъем — плато в разрезе имело форму ванны. Путники поняли, что приближаются к южной его оконечности. Через час они уже стояли на самой вершине. Даль светилась — это солнце отражалось на гладкой поверхности соленого озера Теллам. Ингельд

охватило волнение. Еще бы, день перехода — и она среди своих соплеменников. Однако Улф заметил вслух, что высота скрадывает расстояние и на самом деле им еще, возможно, придется одолеть не один десяток миль.

На вершине плато укрыться от зноя было совершенно негде, так что выход оставался один: отыскать где-нибудь место, пригодное для спуска, а стоянку устроить уже внизу на равнине. Подойдя к самому краю, Найл глянул вниз. Перед глазами поплыло — высота, наверное, с полтысячи метров, не меньше.

Более того, утес уходил книзу под тупым углом — злой пустынный ветер выдул скальную породу в прах. Обломись сейчас кромка, и лететь Найлу да лететь, пока не грянется об ощерившиеся внизу острые камни.

Надо было решать, куда теперь повернуть, на запад или на восток. Если на запад, то в конечном итоге они просто выйдут к месту, куда взбирались с равнины; потому двигаться решили на восток. Кроме того, взяли на полмили вглубь: кромка плато была сплошь усеяна ребристыми камнями и изобиловала расселинами, так что разумнее было держаться подальше от края — безопаснее. Но здесь сильнее давала о себе знать жара — невыносимо было смотреть на ослепительно белую лаву, раскаленную солнцем. Глянув краем глаза на отца, Найл с тревогой заметил, что того буквально шатает от усталости — он ведь еще толком не оправился после похода к Дельте. Ингельд семенила рядом с плаксивым видом (тьфу, тоже выискалась мученица!).

Через час пути в западной стороне над горизонтом медленно очертился массивный силуэт. На холм не похож: слишком прихотливые очертания.

— Неужто цитадель воинов? — проговорил Улф.

Было заметно, что отец уже на последнем издыхании, Найл даже не решился беспокоить его лишними расспросами. Цитадель постепенно приближалась. Одни лишь размеры вызывали изумление: метров двести в высоту, никак не меньше. Найлу никогда еще не доводилось видеть чего-либо более внушительного и величавого. Теперь можно было различить, что возведена она на вершине цельнокаменного холма, являясь как бы его продолжением. Сложена она была из огромных каменных блоков, каждый примерно три на полтора метра.

Вздымались к небу прямоугольные башни, некоторые наполовину уже разрушены. Снизу их подпирали огромные колонны. Чем ближе подходили путники, тем отчетливее была видна разрушительная работа неумолимого времени. Взять те же исполинские колонны едва не пяти метров в обхвате. Когда-то они подпирали свод. Теперь же только две из них хранили свою прежнюю высоту, остальные превратились в жалкие обрубки. У подножия холма задержались попить воды. Даром что с юга дул ветер, зной стоял такой, что ничего не стоило получить солнечный удар. Неохотно поднявшись на ноги, путники начали отыскивать место, наиболее сподручное для спуска.

Обогнув примерно наполовину северный склон холма, они нашли то, что искали: петляющую цепочку выдолбленных в скале ступеней, уходящую вверх. Ступени были небольшие, чуть шире ступни. Ненадежная эта лестница казалась бесконечной. Но иного выхода не предвиделось, поэтому путники начали потихоньку взбираться. Подвешенные за плечами сумки, покачиваясь, бились о каменную стену. Ступени были неровными — одни слишком узкие, другие чрезмерно глубокие: были и такие, что едва виднелись или совсем осыпались. Первым лез Улф, за ним Найл, Ингельд держалась сзади (из соображений приличия: юбка из паучьего шелка едва прикрывала бедра). Найлу путь давался тяжело, он намеренно смотрел только на очередную ступеньку. Рискнув в конце концов окинуть взором всю местность, Найл с удивлением обнаружил, что они трое оказались над долиной и стены цитадели уже вот они, рукой подать. Спустя несколько секунд путники устало втянулись под свод арки, ведущей во внутренний двор. Все здесь показалось Найлу таким удивительным, что он забыл об усталости. Опиши ему кто-нибудь из домашних такое место на словах, он бы заподозрил рассказчика во вранье.

Во дворе полно было битого камня, здоровенных перевернутых блоков, но и при всем этом двор поражал воображение своими размерами и загадочным, осязаемым молчанием. В нескольких местах виднелись немые зевы арок, ведущие внутрь, в громадные залы. Главное здание вырастало непосредственно из самой скалы, а рыжеватые бурые блоки, довершающие строение, придавали ему сказочный облик. Вершина цитадели, как и в былые времена, по-прежнему вздымалась на высоту более пятидесяти метров.

Прежде всего тянуло укрыться в тень, дать телу отдых. Они пересекли двор и прошли под одной из сводчатых арок. Открылся зал — настолько громадный, что дальние стены и потолок в темноте не различались. Стояла удивительная, благодатная прохлада (солнце взошло с той стороны здания). Расстелив одеяла, путники молча улеглись, утомленно переводя дух и слушая заунывный шум ветра. Через пару минут Найл уже спал.

Он видел странный сон, будто бы Смертоносец-Повелитель Хеб с явной насмешкой смотрит на него с какой-то запредельной высоты. Просыпаясь от нехорошего видения, Найл почувствовал холод. Снаружи двор слепящим светом заливало безжалостное солнце; возле спали отец и Ингельд. Сев, Найл вытянул часть одеяла из-под себя и завернулся в него как в спальный мешок. В одной из сумок лежало скатанное в рулон тонкое одеяло из шкуры гусеницы. Но ведь за ним надо лезть, а неохота. Беспокоил памятный отрывок нехорошего сна: на самой высокой башне цитадели сидит и таращится Смертоносец-Повелитель... Но рядом был отец, и это успокаивало. Через несколько минут Найл уже спал.

Проснулся он с ощущением, что кто-то коснулся его плеча. Где-то сверху, беспокойно жужжа, билась муха. Было холодно, одеяло соскользнуло с плеча. Найл потянулся рукой поправить одеяло, но это оказалось не так-то просто: что-то мешало. Впечатление такое, будто одеяло подвернуто под спину, поэтому сложно пошевелиться. Одновременно с тем жужжание наверху, разом преобразившись, зазвучало вопиющим сигналом тревоги: муха, угодившая в паутину! Приподняв голову, Найл посмотрел через пространство зала. Показалось, будто что-то суетливо прошмыгнуло в темноте. Да и темнота теперь была как будто живая, населенная россыпью ярких точек. Сна как не бывало, Найл силился сесть. И тут он разглядел, что именно ему мешает. Над ним стелились густые тенета, каким-то образом крепящиеся к полу. Паутина покрывала тело Найла почти полностью, словно мягкое, рыхлое одеяло. Он бросил взгляд на отца и Ингельд — и те тоже покрыты паутиной, еще мягкой, не успевшей просохнуть. Теперь он разглядел: светящиеся точки — это глаза десятков пауков, наблюдающих за людьми из затемнения.

Его крик разбудил отца и Ингельд. Едва привстав, они сразу же попались в липкие тенета. Стоило им шевельнуться, как паутина облекла их словно влажная простыня. Сев, они лишь плотнее соприкоснулись с мгновенно пристающим липким шелком, а при попытке высвободиться руки у них напрочь увязли в паутине.

Сами пауки повысыпали из тени, будто присматриваясь. Найл с облегчением обнаружил, что по размеру это так, мелюзга,— туловище не крупнее ладони, а лапы не длиннее руки. Он также определил, что у них есть что-то общее с серыми пустынниками — значит, насекомые не ядовиты.

Тут до Найла дошло, как все-таки удачно он поступил, не поленившись натянуть на себя одеяло. Паутина пришлась в основном на одеяло, поэтому пристала лишь к плечу, правой руке и левой ступне. Потянувшись левой рукой, он сумел подвинуть к себе поклажу, вытащить кремневый нож и отпилить паутину, стягивающую запястье, затем примерно так же освободил плечо и левую ступню. Выскользнув из-под одеяла, Найл поднялся на ноги; пауки попятились в тень. Подобрав с пола увесистый камень, он швырнул его им вслед; стало слышно, как насекомые с глухим шелестом разбегаются.

— Не шевелись! — прикрикнул он на Ингельд.

Та была уже в когтях у страха: сама с судорожным поскуливанием силилась разодрать тенета, а по глазам видно, что уже прощается с жизнью. Он стал ножом отсекать паутину в местах, где та крепилась к полу. Через несколько минут Ингельд удалось, пошатываясь, встать на ноги. Шелковистые тенета по-прежнему обвивали ее со всех сторон.

— Давай наружу! — скомандовал Найл.

Подгонять не пришлось, женщина кинулась вон, волоча концы паутины. Затем Найл принялся за отца. Пока он это делал, насекомые снова выкарабкались наружу, и он бросил в них еще несколько камней. Пауки вновь рассеялись. Стало ясно, что непосредственная опасность миновала. Теперь, когда добыча бодрствует, они не отважатся напасть.

День был в разгаре, свет снаружи ослеплял. Найл помог отцу и Ингельд освободиться от тенет. Он мотал паутину в одну сторону, а те раскручивались в другую. На коже оставались прилипнувшие волокна и влажно поблескивающие сле-

ды. Прошло около часа, прежде чем Улф и Ингельд освободились от тенет окончательно.

Поклажа оставалась внутри. Возвратясь за ней, снова разглядели россыпь блестящих точек: насекомые следили из темноты. Приставшие к полу обрубленные концы паутины отвердели, став заметно прочней; клейковина, выделяемая пауками, превратилась в подобие грубой резины. Насекомые испускали из себя легкие волокна, набрасывая их затем на спящих, и те наслаивались невесомо, словно снежные хлопья. Именно от прикосновения одной из них и пробудился Найл. Не укройся он одеялом, увяз бы точно так же, как Улф с Ингельд. И были бы они сейчас сплошь опутаны липким шелком с головы до пят.

Неожиданная опасность, по крайней мере, прогнала усталость; путники готовы были отмахать теперь сотню миль, лишь бы подальше от этого зловещего угла. Но опять-таки, не определившись с направлением, не имело смысла и уходить. Оставив поклажу в тени, они отправились искать новое место, откуда было бы сподручнее осмотреть южную часть равнины. То, что искали, обнаружилось в смежном дворе: пролет каменной лестницы, идущей вверх по внешней стороне стены,— немногое из уцелевшего. Одолев с сотню неплохо сохранившихся ступеней, путники вышли на стену цитадели, метра три толщиной, с каменным квадратом примыкающего к смежному двору караульного помещения. Найл зашел в караульную и оттуда выглянул из окна — как-то безопаснее, чем стоять на открытой сильному ветру стене.

Вдали виднелись сияющие воды соленого озера. Прямо перед глазами пропасть с полкилометра глубиной. В этом месте склон был не таким отвесным, но и по нему спускаться было немыслимо. Все ясно.

— Бесполезно. Бездна вон какая,— мрачно сказал Улф.

Найл озирал даль.

— Но как они-то поступали, если надо было спуститься вон туда? — спросил он, не отводя взгляда от равнины.

— Пешком шли, вот и все,— раздраженно вставила Ингельд.

— Пешком-то оно пешком, но как? Не может быть, чтобы на ту сторону они проходили вот так, вокруг всего плато.

— Да ты, пожалуй, прав,— даже с некоторым удивлением откликнулся Улф.— Должен существовать какой-то спуск.

— Это все, что строили великаны? — озадаченно спросил Найл.

— Нет.— Отец покачал головой.— Та лестница рассчитана на таких же, как мы с тобой.

Такая мысль ошеломляла. Подумать, эту цитадель сооружали такие же люди, как он сам! Но тогда, наверное, на это ушли сотни и сотни лет? Хотя понятно, все зависит от того, сколько их было... Впервые до Найла со всей полнотой дошло, что все же действительно было время, когда человек правил Землей. Прежде Найл иной раз тешился такой мыслью, но никогда не воспринимал ее всерьез. Теперь же мысленным взором он представил тысячи людей, сообща вырезающих каменные блоки, возводящих эти грандиозные стены... И его пронизал небывалый восторг, сравнимый разве что с потоком живительной проточной воды.

Столь нужные ступени — небольшие, выбитые в стене утеса — Найл обнаружил в другой сторожевой башне. Разглядеть их можно было только сверху. Тогда становилось заметно, что утес — это не просто голый мертвый камень. Ветер в союзе с песком источил его поверхность, выдув более податливую породу, так что склон в конечном итоге стал представлять собой причудливую бугристую колоннаду. Из случайных щелей, где придется, выглядывали корявые деревца и кусты. Здесь склон имел больше сходства с тем местом, откуда они начинали взбираться на плато. А непосредственно впереди виднелись идущие вниз ступени, ускользающие из виду за округлым горбом большой скалы, напоминающей морщинистую кожу живого существа,— так постарался ветер.

По ступеням они спустились во внутренний двор, но не обнаружили там прохода, выводящего за наружную стену. Прошли еще один двор и еще один — выхода наружу не было нигде. И правильно, вслух заметил Улф, иначе зачем строить громадную крепость, где, куда ни сунься, сплошь входы и выходы; как же тогда, спрашивается, защищаться от непрошеных гостей?

Вопрос оставался без ответа: как удавалось проникать сюда снизу обитателям крепости? Найл, как самый молодой и по-

движный, опять взобрался на стену и оттуда оглядел ступени. Тут он заприметил нечто такое, чего нельзя различить, если присматриваться сбоку. Лестница начиналась метрах в пяти-шести над подножием утеса. Но если так, то как тогда удавалось добираться до цитадели людям, идущим со стороны равнины?

Подойдя к другой стороне стены, Найл глянул вниз. Прямо внизу на общем, почти белом фоне чуть заметно выделялось округлое пятно метров трех в поперечнике.

— Что это там? — крикнул Найл отцу.

— Ты о чем?

— Там на земле круг, вот ты сейчас прямо на нем стоишь!

— Не замечаю.

— Ну вот прямо подо мной!

Найл поспешно спустился с лестницы. Оказывается, со двора различить круг было невозможно, но, поскольку отец стоял непосредственно на нем, Найл, подойдя к этому месту вплотную, встал на четвереньки и принялся кропотливо изучать каждый сантиметр пыльного грунта. Там, где пыль казалась мягче, он пытался скоблить кремневым ножом. Вот между соседствующими камнями обнаружилась трещина. Тут к Найлу присоединились отец и Ингельд. В результате через пять минут обозначился круг. Дальнейшие поиски обнаружили еще и металлическое кольцо. Найл прежде никогда не видел металла, поэтому счел его за какую-то редкую породу камня. Кольцо массивное, впору ухватиться всем троим. Уперевшись ногами, они потянули кольцо на себя — бесполезно. Попытались еще раз — большая каменная крышка, похоже, чуть подалась. Минут пять они, выбиваясь из сил, тянули не переставая. Из этого мало что вышло: крышку удалось приподнять лишь на пару сантиметров, не больше.

В конце концов (деваться некуда) решили заглянуть в зал, вход в который виднелся на противоположном конце двора. Это помещение уступало в размерах тому, где им довелось спать, и заполнено было непонятными деревянными предметами. Никто из них не знал, что такое стол или стул, поэтому не разобрались, что находятся в трапезной военачальников. Почти вся мебель была источена червями, и когда Найл попробовал поднять стул, тот развалился прямо у него в руках. Остат-

ки ковра были выбелены солнечным светом, но в затаенных углах, куда солнце проникало меньше, все еще различались цветастые узоры — поблекшие, но удивительно замысловатые. А в углу, выдаваясь над грудой безмолвного праха, стоял длинный деревянный шест, достаточно толстый. Приподняв один его конец, Улф наступил на шест ногой — древесина ничего, прочная. Найл подхватился с другого конца, и шест вынесли во двор.

Продели его в металлическое кольцо. Найл и Ингельд взялись за один конец, Улф за другой. Уперевшись коленями, потянули изо всех сил. Каменная крышка отделилась сантиметров на десять. Вес оказался непомерно велик, удержать не удалось. Найл сходил в комнату еще раз, возвратившись обратно с еще одним продолговатым куском дерева. Когда крышку приподняли снова, Найл ногой ловко вправил деревяшку в образовавшуюся щель. Затем, используя шест как рычаг, снова подняли каменную крышку и в конце концов отвалили. Лица обдало струей воздуха. Внизу виднелись ступени уходящей вниз, в темноту, лестницы.

Спустя десять минут путники стали спускаться — потихоньку, осмотрительно. На протяжении метров двадцати стояла такая непроницаемая темнота, что приходилось пробираться буквально на ощупь, бдительно обшаривая ногой каждую ступеньку. Но внизу засветлело, а прорезавшийся за поворотом солнечный луч буквально ослепил. Путники, скучившись, стояли на площадке под узенькой аркой. От разом открывшейся кошмарной высоты и отдаленного горизонта голова шла кругом.

Сверху казалось, что ступени идут вниз едва не вертикально, словно лестница. Ингельд, согнувшись, медленно села, прижавшись спиной к стене туннеля.

— Ой, простите. Я здесь спускаться не могу, с такой высотищи.

Улф посмотрел на нее ошеломленно.

— Но ведь ты же как-то взобралась наверх!

— Так то вверх! К тому же было почти темно.

Улф язвительно усмехнулся.

— Ну что ж, давай теперь дожидаться темноты.

Дело явно близилось к слезам:

— Извини, но никак не могу.

— Ты что, ночь собираешься провести здесь? — спросил Улф, пожав плечами.

— Но ведь есть же где-то спуск поудобнее?

— Меня и этот вполне устраивает.

Лицо Ингельд постепенно обретало знакомые черты плаксивого упрямства.

— Я здесь спускаться не буду.

Более худых слов Улфу невозможно было и подобрать. Сколько раз Торг выводил его из себя тем, что постоянно потакал упрямству своей бабы, которая вертела им как хотела. Улф посмотрел на Ингельд с угрюмой решимостью.

— Поступай как знаешь. Мы спускаемся и ночевать будем на равнине.

Ингельд не привыкла, чтобы к ее словам относились так наплевательски.

— А что прикажешь делать мне?

— Можешь возвращаться и ночевать в крепости.

— Куда, к паукам?!

— Так чего ты больше боишься, пауков или темноты?

Улф изготовился спускаться, держась лицом к ступеням.

— Пойдем, Найл.

Паренек неохотно повиновался (отец был, безусловно, прав, но все-таки и Ингельд было жаль) и стал спускаться за Улфом след в след. На деле спуск оказался не таким опасным, как представлялось вначале; помимо ступеней там в скале были проделаны и углубления для рук. Еще тридцать метров вниз по склону, где ступени, делая поворот, исчезали за выпирающим горбом камнем, и спуск внезапно сделался пологим. В этом месте Ингельд видеть их уже не могла. Улф указал Найлу сесть. Они посидели минут пятнадцать, сжевали по опунции и по маисовому хлебцу. Затем Улф освободился от поклажи и снова полез вверх. Через несколько минут он возвратился, ведя за собой Ингельд. Глаза у женщины припухли от слез, губы были недовольно надуты, но непрошибаемое упрямство с лица сошло.

Ступеней тех было тысячи три, не меньше. Путь вниз шел как бы по спирали, временами теряясь в расселинах, временами вновь выходя на склон утеса. Пошли долиной, где кверху вздымались массивные прямоугольные скалы-обелиски, обте-

санные человеческой рукой. На них были изображены барельефы диковинных животных. Некоторые слегка походили на обитающих в пустыне грызунов, хотя и у них габариты были такие же большие, что и у насекомых. Путники, остановившись, с трепетом разглядывали изваяния. Найл указал на одно существо особо грозного вида, окруженное, судя по всему, охотниками.

— Что это?

— Даже не подскажу...

— Наверное, тигр? — неуверенно произнесла Ингельд.

— Неужели такие существа и вправду водились на Земле?

— А то как же!

— Пауки истребили всех крупных животных,— сказал Улф.

— Тогда почему они оставили человека?

— Потому что человек беззащитен. Нет у него ни когтей, ни бивней, ни острых клыков.

— Зато у него есть оружие!

— Оружие можно отнять,— мрачно заметил Улф.— У тигра не отнимешь когтей, пока не убьешь его самого.

Двинулись дальше. Последние десятки метров оказались для спуска более сложными: порода здесь вся была выщерблена ветром. У основания была и вовсе выдута, так что пришлось вначале побросать вниз поклажу, а затем, не дойдя последних пяти метров, и самим прыгать вниз на рыхлый песок. Вскинув головы, путники обнаружили, что лестница — та самая — исчезла из виду. Видно, строители предусмотрели, чтобы ее не было заметно врагам.

Перебравшись через плато, путники избежали худшего: кружного пути через самую гиблую часть пустыни. Открывшийся впереди пейзаж во многом напоминал родные места. Правда, растительности здесь было побольше. Воздух, в сравнении с тем, что на плато, был удушающе жарким. Внутренне Найл глубоко сожалел, что они оставили цитадель так быстро (сожаления не убавляла даже стычка с пауками). Для него это было нечто, с чем прежде никогда не доводилось сталкиваться: чудесная, чарующая тайна.

Солнце завершало свой круг по небу. Долгий спуск утомил путников. Улф решил устроить привал, пока не взойдет луна. В подножии каменного склона местами встречались впади-

ны — некоторые, судя по всему, достаточно глубокие. В поисках места под ночлег путники прошли на запад уже больше мили, но все впадины были ничтожно мелкие. В конце концов набрели на рощицу: не то кустарник, не то деревья — наподобие той, что на плато. Выбрав те, которые пониже, раскинули сверху куски шелка, образовав навес, и устроились на отдых. Ингельд демонстративно улеглась в стороне; все не могла простить, что Улф поступил по-своему, не посчитавшись с ней.

Когда солнце кромкой почти уже коснулось горизонта, Улф пробрался в самую гущу поросли и, скрестив ноги, сел, опершись спиной об изогнутое древесное корневище. Отец думал установить связь с Сайрис. Под единым для всех небом он и она могли видеть закат одновременно. Связь между собой они условились устанавливать в тот момент, когда солнце касается горизонта. Этот миг должен приводить их умы в слияние.

Найл чуть придвинулся, чтобы лучше видеть отца. Улф был измотан и, вместо того чтобы расслабиться, мог просто заснуть. Поэтому Найл рассудил, что за отцом лучше приглядывать: если того одолеет дремота, можно будет издать какой-нибудь шорох, и отец, заслышав, проснется. Тут Найл остолбенел от ужаса.

В полом корневище, как раз за спиной у отца, что-то грузно шевельнулось. Наружу прямо на глазах стало вызмеиваться длинное, извилистое туловище серой сороконожки. Длины в ней было около полутора метров, суставчатые антенны настороженно вибрировали: тварь учуяла на своей территории чужаков. Улфа она не видела, он сидел неподвижно, как каменный. Найлу случалось наблюдать тысяченожек, хотя и редко; движение их крохотных члеников-конечностей отталкивало и вместе с тем зачаровывало. В отличие от тысяченожек сороконожки еще и ядовиты; эта, например, принадлежала к землеройщим. Когда насекомое, взыскательно обшаривая свою территорию, почуяло человека, голова у него настороженно вскинулась, обнажились ядовитые клыки, похожие на паучьи.

Пока Улф сидел без движения, он был в безопасности. Но стоило ему шевельнуться, как сороконожка неминуемо бы в него впилась.

Было заметно и то, что Ингельд лежит именно в том положении, откуда хорошо просматривается Улф. Глаза у женщины были закрыты, но если она — о небо! — сейчас их откроет, то исход ясен заранее: вскочит и заорет по-дурному.

Пересилив тяжко взбухающий в жилах страх, Найл принудил себя успокоиться. В этот миг Улф задышал глубже и реже: вступил в контакт. Сороконожка все так же стояла, угрожающе вздыбившись, лишь считаные дюймы отделяли ее ядовитые клыки от незащищенной спины Улфа. Отец сидел не шевелясь, и боевая стойка насекомого приослабла. Соблюдая предельную осторожность, Найл оглянулся в поисках копья. До опертого на ствол дерева оружия можно было дотянуться рукой. Найл потянулся к копью — медленно, очень медленно, чтобы не потревожить Ингельд. Дотянуться все же не удалось, пришлось чуть податься вперед. Пальцы намертво стиснули древко. Найл начал плавно возводить руку для мгновенного удара. Судя по дыханию, Улф из контакта еще не вышел. Стояла полная тишина. И тут некстати пошевелилась во сне Ингельд, костяные браслеты на ее запястье глухо звякнули. Этого оказалось достаточно, чтобы сороконожка опять мгновенно приняла боевую стойку. Через какое-то время насекомое снова расслабилось. Улф вышел из контакта, глубоко вздохнув, пошевелился. Найл что есть силы метнул копье. Оно скользнуло ядовитой твари под брюхо, вспахав землю в нескольких дюймах от нее. Улф оторопело вскинулся. Получилось так, что копье отшвырнуло насекомое на шаг-другой в сторону. Секунду спустя Найл уже стоял над конвульсивно извивающимся туловищем и яростно гвоздил его отцовским копьем. Ингельд, проснувшись и увидев, что творится, зашлась заполошным визгом. Полминуты назад этот визг стоил бы Улфу жизни. Теперь он лишь придал ему решительности; схватив другое копье, отец принялся лихорадочно колоть извивающееся туловище хищника, влажно блестящие клыки которого были теперь уже не опасны: голова была наполовину отделена от туловища.

Когда тварь угомонилась, отец скупым движением взъерошил Найлу волосы: «Молодец, сын». Слышать подобное от отца доводилось крайне редко, и Найл просто зарделся от такой похвалы.

Ингельд все никак не могла прийти в себя от ужаса.

— Скорей, скорей отсюда! Ужас какой...

— Теперь-то как раз все спокойно,— сказал, пожав плечами, Улф и глубоко всадил копье в корень дерева.

— Я не могу всего этого выносить! — В голосе женщины слышались истерические нотки.

Улф вздохнул.

— Все равно нет смысла куда-то трогаться, пока луна не взошла. Мы даже не разглядим, в какую сторону идти.

— Тогда я пойду одна!

Выбравшись из кустарника, Ингельд с дерзким видом отошла шагов на тридцать и вызывающе бухнулась на землю. Найл хотел было сказать вдогонку, что на открытых местах водятся скорпионы, а сороконожки могут напасть там еще скорее, чем среди кустарника, но вовремя понял, что это заведомо пустая трата слов. Мысль, что терпеть осталось недолго, вызывала в душе облегчение.

Через час взошла луна, и путники двинулись на юг. Одолев еще несколько миль, они вышли на истоптанную дорогу, ведущую, судя по всему, к соленому озеру. По ней и шли остаток ночи. Время от времени то с одной, то с другой стороны дороги из недр пустыни доносились смутные, настораживающие звуки — шорохи, глухой шелест, а один раз и зловещее шипение. Однако прямой опасности не было заметно нигде, мало кто из обитателей пустыни отважится напасть сразу на троих.

Когда луна села, устроили часовой привал. Ингельд устало, с протяжным вздохом растянулась на земле. Улф улегся на спину, примостив голову на плоский камень. Найл предпочел сесть, оперевшись спиной о валун (недобрые звуки пустыни действовали на нервы). Крепко заснуть не удалось, вскоре он очнулся от шелестящего звука. Встрепенувшись, парень затаился: тишина. Найл расслабился, не утратив, а, наоборот, усилив сосредоточенность. Усталость при этом, как ни странно, сработала на пользу: достичь нужного состояния оказалось легче обычного, и Найл внезапно ощутил глубокий внутренний покой, словно ступил в какой-то огромный пустой зал. Завозилась во сне Ингельд, и внимание Найла переключилось на нее. Он сознавал ее чувства: усталость, недовольство тяготами пути, от которых не могут ее уберечь двое спутников.

Ясно было и то, что в Ингельд нет благодарности ни к нему, ни к его отцу за то, что они оберегают ее в опасном пути, только насупленное презрение. Он понимал теперь, что в Ингельд живет злая, беспощадная обида на Улфа и Вайга за гибель Торга, ее мужа, и Хролфа, сына. Ингельд и заснула-то с этим чувством. Улф спал глубоко, беспробудно. Переведя внимание на отца, Найл словно погрузился в серую пульсирующую взвесь, полную зыбких образов и видений.

Когда Найлу пришло в голову обратить это новое, непривычное чувство самоуглубления непосредственно на пустыню, он с неожиданной явственностью ощутил незримое присутствие уймы живых существ — жуков, пауков, муравьев. Странное это было ощущение, все равно что самому сделаться пустыней. Некоторые существа — серые пауки, например,— чувствовали попытку вторжения кого-то постороннего, остальные ни о чем не подозревали.

Отчего-то ощущалось смутное беспокойство; какое-то отдаленное чувство смятения, проникающее словно из-за плотного занавеса. Сознание Найла будто впорхнуло обратно из окна в потустороннюю реальность. Оказывается, уже рассвело. Найл невольно вздрогнул: что-то, чиркнув, метнулось по ноге. Вокруг суетливо, с проворством ползали темные, мохнатые, похожие на гусениц существа, взявшиеся откуда-то из низкой поросли, ветвящейся возле дороги. Промелькнула паническая мысль, что это ядовитые сороконожки, но уже со второго взгляда Найл определил, что эти движутся по-иному, как гусеницы. Длина насекомых была различной, от десяти сантиметров почти до метра. Ингельд лежала на спине — рот приоткрыт в истоме сна, рука закинута за голову. Одна из гусениц проворно всползла ей на короткий подол. Найл зашевелился, надо было поскорее растолкать спящую. В этот момент уже взобравшаяся на грудь гусеница приподнялась на хвосте, словно изготовившаяся к прыжку кобра, и кинулась вперед. Ингельд, проснувшись, стала давиться. Найл с ужасом понял, что нечисть вползает ей в рот. По подбородку у женщины вился шестидюймовый хвост, прямо на глазах пятнадцать сантиметров сократились до пяти. Ингельд забилась в корчах. Найл, ринувшись, вцепился в мохнатый хвост и с силой потянул на себя. Тварь, извиваясь, выскользнула; Найл почувствовал, что запястье ему

мусолят цепкие челюсти. Ингельд стошнило. Брезгливо швырнув нечисть оземь, Найл почувствовал, что такие же точно твари взбираются ему вверх по ногам. Он быстро обернулся на отца. Тот тоже был весь обвешан. Проснувшись от пронзительного окрика сына, Улф тотчас вскочил на ноги. Одна из мохнатых тварей попыталась влезть ему в рот. Улф, клацнув зубами, откусил ей голову, туловище отшвырнул прочь.

Позабыв о поклаже, путники припустили прочь, смахивая на бегу льнущих к ногам паразитов. Остановились метрах в двадцати, преследовать их гусеницы не пытались. Ингельд дышала тяжко, взахлеб. Улф то и дело с отвращением сплевывал в пыль, пытаясь очистить рот. В воздухе стоял гнилостный запах.

— Это что еще за мерзость? — спросил Найл.

— Черви-точильщики. Тьфу! — Улф в который уже раз сердито сплюнул.— Нет в пустыне твари гнуснее.

— Он хотел залезть мне в рот! — кривя губы, словно перепуганный ребенок, сказала Ингельд.

Улф кивнул.

— Успей он это сделать, тебя бы уже не было в живых. Они жрут внутренности.

Для Ингельд это было уже выше сил, она, воя, повалилась на землю. Улф не пытался ее успокаивать — пускай из бабы вылезет лишний вздор.

Спустя несколько минут мохнатых червей уже как не бывало — исчезли в кустарнике по другую сторону дороги. Решили возвратиться за оружием и поклажей. Оказывается, весь запас еды безнадежно испорчен. Не съеден, но маисовые хлебцы, мясо и плоды кактуса покрыты дурно пахнущей слизью. Волей-неволей сумки с провизией пришлось выпростать на дорогу. Идти, по крайней мере, стало легче. В сумках оставались лишь фляги с водой. Так и пошли. Когда солнце взошло, слизь, успевшая испоганить заодно и сумки, начала ощутимо попанивать. В конце концов с поклажей решили расстаться окончательно. Бросили ее без сожаления: смрад поднялся невыносимый.

Через полчаса до слуха донесся шум, от которого сердце у Найла радостно встрепенулось. Где-то неподалеку журчала вода. Раздвинув кусты, окаймляющие обочину дороги, путни-

ки обнаружили небольшой ручеек. По гладким белым камешкам бежала чистая, звонкая вода. Улф, Ингельд и Найл бросились в воду, упали на четвереньки и принялись жадно пить. Затем, сев в воде, стали отмываться. Спустя полчаса, когда отошли от ручья, гнилостный запах больше не донимал.

Пройдя несколько миль, они приблизились к усеянным валунами склонам белой каменистой осыпи. Дорога была вымощена плитами известняка. Отсюда открывался ясный вид на бликующую гладь соленого озера. Столько воды в одном месте! От одного лишь вида захватывало дух. Дорога постепенно спускалась в долину, умещенную меж отвесных каменных склонов. На одном из них, высоко, как на стене, виднелись исполинских размеров барельефы: люди в диковинных головных уборах и долгополых одеяниях, с угловатыми прямыми бородами.

— Кто это? — удивленно спросил Найл.

— Что-то не признаю,— ответил Улф неопределенно.

— А я знаю,— сказала вдруг Ингельд, окинув своих спутников презрительным взором.— Это все — мои предки.

Тут послышался звук, от которого, подпрыгнув, гулко заколотилось сердце: приглушенный расстоянием крик человека. Вынырнув из-за поворота примерно в полумиле, навстречу шли люди, размахивая руками.

— Видите, мои соплеменники вышли меня встречать! — напыщенно воскликнула Ингельд.

— Как они, интересно, догадались, что мы на подходе? — недоуменно спросил Найл.

Ингельд в ответ улыбнулась снисходительно, как недоумку:

— Они много чего знают. Такого, что выше вашего разумения.

Губы Улфа скривила усмешка, но он промолчал.

Через несколько минут людей можно было разглядеть уже отчетливо. Всего их было около десяти. Тот, что шел впереди, был высокого роста и облачен в какое-то замысловатое одеяние. Он поднял руку в приветственном жесте и, когда обе группы сблизились достаточно, громко воскликнул:

— Добро пожаловать на землю Диры!

Между склонами очнулось звонкое эхо. Уже от одного этого Найл опешил. Его с самого детства учили никогда не шуметь,

разве что в исключительных случаях: от того, насколько ты незаметен и бесшумен, напрямую зависит твое выживание. Впечатление было такое, будто этому верзиле все равно, пусть хоть все хищники пустыни сбегутся на крик. И вот они с Улфом уже коснулись запястьями в знак приветствия.

— Мое имя Хамна,— представился рослый (он был значительно моложе отца),— сын Каззака. А это мои соплеменники. Мы посланы встретить вас и просить быть нашими гостями.

— А как вы узнали, что мы подходим? — с любопытством спросил Найл.

— Стефна, моя мать, получила от своей сестры известие, что вы вот-вот должны подойти.

Улф с холодной иронией поглядел на Ингельд.

— Получается, не настолько уж и выше нашего разумения. Сайрис тогда еще говорила, что попробует связаться со своей сестрой.

Ингельд уже не слушала. Сделав шаг вперед, она теперь обнимала Хамну:

— Я Ингельд, твоя двоюродная сестра,— и злорадно мелькнула глазами на Улфа.— Я так рада, что вернулась наконец к своим!

— Добро пожаловать,— сказал Хамна сдержанно.

— Мы тоже рады, что наконец доставили ее к своим,— сухо произнес Улф.

К счастью, никто не обратил внимания на язвительность в его тоне.

Встречающие начали поочередно представляться. Все они вызывали у Найла искреннее восхищение. Начать с того, что каждый из них был крупнее и дороднее, чем родственники Найла; видно было, что здесь лучше питаются. Одежда не из какой-то гусеничьей кожи или паучьего шелка, а из тонкой ткани. Что поражало более всего, так это что одежда разных цветов — Найл прежде никогда не слышал о красителях. Одинаковыми с виду были сандалии на толстой подошве.

Хамна и его спутники вышли в путь на рассвете, так что дорога все еще предстояла неблизкая. Но усталость отошла теперь на задний план; окруженный новыми попутчиками, Найл жил предвкушением чего-то приятного, забыв даже о жаре.

Самым младшим из спутников Хамны был парень по имени Массиг. Он, видимо, приходился сверстником Найлу, только ростом был по меньшей мере сантиметров на десять выше, с широкой и сильной грудью. Волосы — просто загляденье: такие опрятные, локон к локону; на лбу, чтобы не разлетались, марлевая повязка. Массиг, судя по всему, был общительным, добродушным юношей и все расспрашивал Найла о подробностях их путешествия. Найл не сразу понял (а поняв, несказанно удивился), что Массиг завидует ему, своему сверстнику, путешествующему в такой дали от дома. Не укрылось от Найла и то, что Массиг украдкой бросает мечтательные взгляды на Ингельд. Ему и в голову не приходило, что кто-то может считать ее привлекательной. Саму Ингельд окружение сильных мужчин, судя по всему, приводило в упоение — на щеках румянец, в глазах блеск. Найл никогда не видел ее такой счастливой. Единственно, что беспокоило по-настоящему,— что отец при ходьбе сильно прихрамывает и вообще у него совершенно измотанный вид: переход выжал из него все соки.

Найл спросил Массига, что за исполины высечены на скальных отвесах. Оказывается, Массиг сам толком не знал.

— Это сделали люди, которые сами уже давно сгинули. Так давно, что никто и не припомнит, когда они жили. Там в торцовой части есть еще гробницы, где хоронили древних.

— А ты туда поднимался?

— Нет. Там бродят духи.

— Духи? Еще и бродят?..

Массиг обмолвился о душах умерших, и у Найла заколотилось сердце: в его семье никогда не заговаривали о привидениях.

У встречающих имелись при себе еда и питье; ели прямо на ходу, под палящим полуденным солнцем. Пили воду, сдобренную соком плода, который Найлу еще ни разу не доводилось пробовать (позднее выяснилось, лимон). Резкий терпковатый привкус чудесно освежал. Сушеное мясо было примерно такое же, что они брали с собой в дорогу и затем вынуждены были выбросить, но было его гораздо больше, да и вкус получше. Угощались также плодами кактуса, хурмой и апельсинами (последнее Найл также пробовал впервые).

Пейзаж уже не был таким скудным, пальмы и невысокие цветущие деревца напоминали Найлу страну муравьев. Вперe-

ди серебром переливалась сияющая гладь озера, вдоль дороги бежал ручей. Найл ни с того ни с сего запечалился, что нет с ним матери и сестренок: сейчас бы увидели все это да порадовались вместе с ним, тогда бы это чудо воспринималось еще достовернее.

К удивлению Найла, впередиидущие вдруг повернули в сторону от озера и двинулись по тропе, ведущей в глубь пустыни. Постепенно дорога пошла вверх, пейзаж стал скудеть на глазах.

— Почему вы не живете возле воды? — удивленно спросил Найл у Массига.

— Из-за пауков. Они дожидаются, что люди будут селиться возле озера, а мы, наоборот, живем в глубине пустыни. Было время, когда наш народ действительно жил возле воды. Но пауки отыскали их и многих забрали с собой.

Было горько сознавать, что и здесь, на земле изобилия, людям приходилось постоянно остерегаться смертоносцев и быть начеку.

Найл пристально, с прищуром оглядел даль. Ни следа тех высоких жилищ, о которых рассказывал Вайг. Ничего, лишь скалы да скучный песчаный простор, простирающийся до самого горизонта, где за завесой унылого зноя горбилось плато. Интересно, сколько еще предстоит идти?

Ответ последовал неожиданно быстро. Хамна вдруг остановился на совершенно неприметном пятачке земли, песок да камень. Подняв тяжелый каменный обломок, он, опустившись на одно колено, несколько раз увесисто стукнул по земле. Звук получился неожиданно гулким. Через несколько секунд, отделившись от земли, приподнялась угловатая створка и показалась... голова человека! Хамна, обернувшись, как ни в чем не бывало поманил гостей рукой, чтобы шли следом. Оказывается, вниз уводили ступени — узкие, всего в полшага шириной. Найл также с интересом отметил, что песок и камни с наружной стороны «крышки» очень хорошо прикреплены и не ползают даже в таком накрененном виде.

Хамна двинулся первым. Ступени спускались в темноту, так что пробираться приходилось буквально на ощупь. Узкий проход — едва ли шире, чем у них в нижней части жилища,— уходил вниз под таким крутым углом, что приходилось невольно-

но упираться в стены обеими руками. Стены, судя по всему, были из камня. Хотя не было видно ни зги, в воздухе стоял характерный запах горелого масла для светильников.

Впередиидущие остановились, раздался отчетливый троекратный стук. Некоторое время стояла тишина. Но вот послышалось тяжелое скрежетание, будто там двигали что-то невероятно громоздкое. И развиднелось: откуда-то сверху пробился луч света. Стало видно, что они находятся в помещении с низким сводчатым потолком, площадью примерно с десяток метров. Свет проникал через щель между гигантских каменных плит, которые на глазах раздвигались. Лица идущих обдал живительный поток прохладного воздуха. Плиты раздвигали люди — четверо возле каждой; глазам открылся обширный зал, освещенный десятком светильников. Найл приоткрыл рот от изумления, увидев огромное помещение, по меньшей мере полсотни шагов в длину. Светильники в нишах освещали его светом, по яркости едва ли уступающим дневному. Но и это, видимо, был всего лишь переход. Хамна повел гостей вперед, и перед ним разъехались в стороны еще две плиты. Еще один зал, залитый светом, у которого потолок еще выше, чем у предыдущего, а стены подпирают широкие каменные столбы. Но как выяснилось, и это был всего лишь коридор. Впереди виднелся вход в покои, каменные двери которых были предусмотрительно раздвинуты. Под его сводами толпой стояли люди, среди них женщины и дети. Толпа раздвинулась, уступая дорогу Хамне, и впереди, возле противоположной стены, Найл увидел массивное каменное кресло, стоящее на возвышении. К нему вело несколько ступеней. На кресле восседал дородный, крупного сложения человек, седые волосы которого опоясывала золотистая лента. Полы длинного белого одеяния достигали до пола. Седовласый с улыбкой поднялся и приветственно протянул руку Улфу. Они сомкнулись предплечиями.

— Добро пожаловать в Диру. Мое имя Каззак.

У седовласого было широкое энергичное лицо, слегка одутловатое. Вид человека, чье слово — непреложный закон.

Внимание же Найла привлек не столько седовласый, сколько высокая грациозная девушка, стоящая возле кресла. Лицом она отдаленно напоминала Ингельд, только черты более тон-

кие, изящные. Обруч из блестящего металла охватывал рыжеватые волосы. Обнаружив, что и она с любопытством поглядывает в его сторону, Найл поспешно отвел взор.

Представились и гости — вначале Улф, за ним Найл и Ингельд. Седовласый, обратил внимание Найл, посмотрел на Ингельд с оценивающим любопытством, взгляд прошелся по скрывающему формы короткому платью из паучьего шелка. Платье Ингельд было гораздо короче, чем на других присутствующих здесь женщинах, включая молодую пригожую особу возле сиденья-трона.

— Это Мерлью, моя дочь,— представил Каззак.— Заведует у меня хозяйством.

Сомкнувшись с Мерлью предплечьем, Найл ощутил в себе сладостный трепет — настолько нежна была кожа девушки, и аромат от нее исходил нежный, не то что его застоявшийся запах пота. Когда она улыбнулась, показав ровные белые зубы, сердце у Найла застыло от ощущения, похожего на страх, только почему-то приятного. Самообладание, однако, сработало безупречно, внешне он остался абсолютно спокоен.

Тут на него накинулась и принялась тискать в объятиях какая-то женщина, большегрудая, с удивительно белыми плечами и строгим подбородком. Найл понял, что это, должно быть, Стефна, сестра матери. Она взъерошила пареньку волосы.

— Бедный мальчик! Устал, наверное. Сейчас пойдешь поешь и сразу отдыхать.

Она церемонно поклонилась Каззаку, чуть коснувшись пола правым коленом, и, взяв Найла за руку, повела его из зала. Мерлью махнула вслед рукой, весело крикнув:

— Увидимся!

Еще один коридор, идущий чуть под наклоном,— вероятно, в жилые помещения. Найл ожидал увидеть одну на всех большую комнату; вопреки ожиданию, он очутился в широком зале с ответвляющимися от него коридорами. Больше всего впечатляли прямота стен и четкие прямоугольники дверных проемов. Продуманность планировки, тщательность отделки — все здесь было внове глазам неискушенного.

Стефна остановилась возле двери в боковом проходе. Две ступени, спускаясь, вели в просторную квадратную комнату, где на полу лежала тростниковая циновка. Сиденья — широ-

кие балясины из дерева, приземистый деревянный столик метра полтора в поперечнике. Через невысокую дверь в комнату заглянула темноволосая девочка-подросток.

— Иди-ка сюда, Дона,— позвала Стефна.— Познакомься, это твой двоюродный братец Найл.

Девочка, подойдя, застенчиво потупилась, робко прикоснулась предплечьем. Большие карие глаза, смугловатая кожа. По возрасту, рассудил Найл, лет двенадцать.

Несмотря на заверения, что он не голоден, Стефна взялась за стряпню. Как-то неожиданно на Найла навалилась запоздалая усталость — такая, что глаза смыкались сами собой, а голова стала каменно тяжелой. Кстати, была именно та пора суток, когда путники располагаются на дневку. Сам-то Найл выспался последний раз как следует лишь в той огромной крепости на плато. Приятно расслабясь, он лежал на постели из листьев и тростника и, как мог, отвечал на расспросы Доны. Из коридора в комнату то и дело заглядывали любопытные лица ребят. До Найла дошло: это он является предметом всеобщего любопытства. А Доне, наверное, завидуют: гость-то остановился именно у нее. Явно с удовольствием относясь к роли хозяйки, девочка вскоре утратила робость, да и Найл поймал себя на том, что ведет себя с ней как с сестренкой Руной — чуть подтрунивает, рассказывает всякую всячину. Дону так поразила его история о походе в страну муравьев, что пришлось повторить еще раз.

Когда наконец сели за стол, Найл вдруг почувствовал, что есть-то, оказывается, ох как хочется (может, потому, что здесь не так жарко), к тому же различные кушанья были очень вкусными. За едой он насколько мог отвечал на расспросы Стефны, но самого его неудержимо клонило в сон. К его облегчению, вскоре подошел отец и главное внимание переключилось на него. Беседу Найл в основном пропустил мимо ушей, сидел и откровенно клевал носом. В конце концов их с отцом отвели в небольшую комнату с постелями из травы, накрытыми сверху матерчатыми покрывалами. Постели оказались восхитительно мягкими, и вскоре Найл уже спал без всяких сновидений.

Проснувшись, обнаружил, что возле постели сидит Дона, терпеливо дожидаясь, когда он откроет глаза. Через час, сказала она, начнется пир в честь гостей, такова воля Каззака. А пока

она покажет, где можно умыться, и проведет по «дворцу» (сами обитатели называли его не иначе как «убежище»).

Найл поразился, узнав, что под этим уровнем помещений находится еще один. Добравшись в свое время сюда, люди потом углубились еще на тридцать метров и сделали ряд котлованов. На этом этаже находились помещения общего пользования, а также места, где обитатели «дворца» справляли естественные надобности. Здесь существовала удивительно хитрая система канализации, отходы удаляла целая армия навозных жуков.

Помимо этого, жители Диры приучили к работе муравьев и серых пауков. Муравьи были из тех, что «выгуливают» дающих нектар зеленых афидов. Глубоко в толще стен трудяги прорыли целые катакомбы, где устроили гнезда; там до поры до времени вскармливались личинки тли. Когда наступала пора, муравьи вытаскивали их на белый свет и относили в зеленые кущи, окаймляющие берег озера. Там муравьи их пасли как заправские пастухи, по нескольку раз на дню доили нектар, один из самых употребимых продуктов питания во «дворце». Пауков держали, чтобы добывать шелк, который после обработки терял клейкость, сырье затем перерабатывали в материю. Существовали мастерские, где женщины ткали из хлопка и паучьего шелка материю. Были целые цеха, где трудились каменотесы, обрабатывая громадные глыбы, что привозили издалека на колесах-барабанах. Так выкладывались новые галереи и коридоры. Подземный город кипел неустанной работой, словно муравейник. Не для того только, чтобы обеспечить каждого жителя едой и одеждой — хотя это, разумеется, прежде всего. Дело было еще и в том — Найл уяснил это почти сразу,— что одной из главных бед подземного существования была обыкновенная скука. Лишь считаная часть жителей Диры выходила наружу чаще одного раза в месяц, да и то на час, не больше. Смертоносцам было ведомо, что где-то в окрестностях соленого озера обитают люди: много лет назад во время повальной облавы они схватили сотни их (Джомар, дед Найла, угодил в рабство именно тогда). Но в те годы люди обитали и в других местах, в пещерах возле заброшенного города, миль на десять ближе к побережью. После той облавы люди рассеялись по пустыне. Многие умерли. А потом Каззак сплотил их, и с по-

мощью огня они выжили из подземного лабиринта на границе с пустыней колонию муравьев-листорезов. Так возникло убежище. За два десятка лет люди, сплоченные Каззаком, превратили убежище в неприступную крепость. Вмурованные в стены массивные глыбы служили не только для защиты от оползней. Они же не давали проникать сюда случайным насекомым.

Еще больше об истории Диры и ее жителей Найл узнал в тот вечер на пиру. Ели за низкими столиками из древесных спилов. Под ногами лежало нечто сшитое из шкур животных. Искусные и опытные руки творили чудеса: в некоторых ковриках шкурки мелких грызунов исчислялись десятками. Улф сидел по правую руку, Найл слева от Каззака. Голос Каззака отличался глубиной и проникновенной силой, Найл различал каждое слово. Каззак рассказывал, как они случайно обнаружили в крепости на плато орудия труда — металлические топоры, пилы, молоток и клещи — и как по фрескам на стенах гробниц учились с ними обращаться. Каменные глыбы доставлять приходилось по ночам — не приведи небо, могли заметить паучьи дозоры. Даже пастухи, присматривающие за муравьями, выгоняли свое «стадо» за час до рассвета, а возвращались лишь с наступлением темноты.

Главную трудность на первых порах составляло освещение. Хотя в здешних местах в изобилии водился жук-меднотел, из которого можно добывать масло для светильников, на нужды всего населения этого не хватало.

Но вот один из жителей, исходивший в свое время другой берег озера, рассказал, что есть там небольшой заливчик, вся поверхность которого пузырится каким-то черным, жирным, маслянистым веществом, с запахом, напоминающим горелое жучиное масло. Каззак отправил двоих на разведку. И обнаружилось, как он и ожидал, что эта черная вязкая жидкость неплохо горит, правда с обильной копотью. Небольшой же язычок огня копоти не давал. Тогда в черную жидкость стали подмешивать масло меднотела, и с той поры в городе появилась своя система освещения. Отряды мужчин, сменяя друг друга, стали носить нефть с того берега озера (шестидневный переход), а женщины и девочки-подростки наполняли светильники и подрезали фитили, чтобы не коптили.

Найл слушал, не спеша насыщаясь яствами, которые подносили одно за другим. Ему никогда не доводилось видеть такого изобилия, большую часть блюд он пробовал впервые. Джомар рассказывал о рыбе, но Найл и представить не мог, что это такое. Теперь он отведал три разных сорта — улов из реки, впадающей в соленое озеро. Мяса тоже было много, в основном круто посоленного (как с гордостью заявил Каззак, запасов провизии хватило бы на полугодовую осаду). В особый восторг Найл пришел от малюсенькой — чуть больше ногтя — мышки, запеченной с каким-то злаком. Он один съел целую тарелищу. Из напитков подавали разбавленный водой нектар и перебродивший фруктовый сок. Здешний сок хмелил куда сильнее, чем тот, что дома. Найл не без озорства заметил, что Ингельд хлебнула явно лишку и стала не в меру общительна. Она не скрывала интереса к Хамне, да и к Корвигу, его младшему брату. Брата она поглаживала по светлым до плеч волосам, а Хамну хватала за бицепс. Где-то посреди трапезы привлекательной наружности девушка, прислуживающая гостям, невзначай запнулась на ровном месте и обронила чашку с жирным салатом прямо Ингельд на голову. Ох как хитрунья расшаркивалась! Ведь от Найла не укрылось, что все это не случайно. Перехватив украдкой взор девушки, он ободряюще ей улыбнулся; та тоже заговорщически улыбнулась в ответ. Ингельд, изо всех сил сдерживая ярость, вынуждена была удалиться в отведенную ей комнату, чтобы как-то привести себя в порядок. Однако не прошло и получаса, как она снова была на месте (успев разжиться еще и лентой, которой повязала себе лоб). От скованности и стеснительности вскоре не осталось и следа.

Каззак, несмотря на двойной подбородок и увесистый нос, наружность имел внушительную. Кстати, было заметно, что ему явно нравится демонстрировать свою власть. Он без конца теребил приказаниями слуг и вообще вел себя с подданными так, будто имел дело с непослушными детьми. К нему все относились с подлинным уважением, каждое слово венценосца встречалось поспешным одобрительным кивком. После третьей чаши вина в Каззаке проснулась чванливость, и он принялся рассказывать истории, лишний раз показывающие его мудрость и прозорливость. Правдивость рассказов, можно

сказать, не вызывала сомнения, но было не совсем понятно, зачем такому авторитетному вождю еще и выставлять напоказ свои добродетели.

В завершение трапезы Каззак встал и произнес тост в честь гостей. Все сидящие с дружным шумом поднялись и осушили чаши стоя. Венценосец, простецки хлопнув Улфа по плечу, предложил ему привести всю свою семью в Диру и жить здесь среди своих. Найла такая мысль пронизала безудержным восторгом: жить — кто бы мог подумать, постоянно! — в этом прекрасном чертоге. А вот Улфа идея, похоже, прельщала куда меньше. Уж кому, как не Найлу, было знать: если отец вот так раздумчиво кивает, потупив взгляд, ответа можно и не спрашивать. И все равно парень решил уговаривать отца до последнего. Вдруг да и уступит в конце концов!

Вслед за тостом Каззак попросил спеть свою дочь Мерлью. Заслышав такую просьбу, Найл слегка смутился, если не сказать больше. Когда он был совсем еще ребенком, мать песней убаюкивала его. Она, кстати, до сих пор напевала сестренкам Руне и Маре. Но чтобы вот так, прилюдно... Казалось как-то неловко.

Подобные мысли рассеялись сразу же, едва Мерлью раскрыла уста. Голос у нее был изысканно нежный, чистый. В песне речь шла о девушке, возлюбленный которой, рыбак, утонул в озере. Было в этой незамысловатой песенке что-то такое, отчего глаза застилали едкой дымкой слезы. Когда она закончила, все дружно застучали кулаками по столешницам, выражая одобрение; громче всех грохотал, понятно, Найл. Теперь ему было досконально ясно: конечно же, он не просто влюблен в Мерлью — он поклоняется, боготворит ее. Все в ней просто пьянило: и стройная фигурка, и золотистые волосы, и лучезарная улыбка. Скажи она сейчас: «Умри!» — умер бы, хохоча от счастья.

Мерлью спела еще пару песен. Одну грустную, про даму, оплакивающую сраженного в боях витязя, и легковесную — о девушке, которая влюбилась в красавца кипариса. И снова Найл хохотал и грохотал громче всех, а затем с изумленной радостью вспыхнул: Мерлью, обернувшись, с улыбкой посмотрела на него. Сердце Найла гулко забилось о ребра. Он чувствовал, что предательски краснеет (хоть бы Мерлью не замети-

ла!). Сладкая, саднящая радость охватила при мысли о том, что девица не просто удостоила его взглядом, но еще и улыбнулась.

Вслед за Мерлью на середину зала вышел Хамна и прочел великолепную балладу о короле, идущем в поход против неисчислимых вражеских полчищ. Поэзию Найл также слышал впервые, и на глаза снова навернулись восторженные слезы. Он вздохнул с облегчением, узнав, что Хамна — брат Мерлью. Юноша был так красив и декламировал с таким мастерством, что устоять перед его обаянием не смогла бы, наверное, ни одна из женщин. Когда Хамна сел, Ингельд взяла его за руку и приложилась к ней губами, от чего на лице красавчика мелькнуло недоумение.

Много песен и стихов звучало еще в тот вечер. Найл был поистине околдован. Всякая песня, всякая баллада будто уносила в иные края, и, когда умолкал последний звук, впечатление создавалось такое, будто он, Найл, только что возвратился из дальнего странствия. Героические предания наполняли сердце гордостью за то, что он человек. Вместе с тем одолевала и печаль: ведь собственная его жизнь лишена всякого героизма. Найл мысленно дал себе зарок, что при первом же удобном случае совершит что-нибудь такое, что можно будет считать подвигом. Он украдкой поглядывал в сторону Мерлью, надеясь, что девушка вновь заметит его и улыбнется, но та, очевидно, и думать о нем забыла. Вместе с тем приходилось посматривать и через столик справа: там с него не сводила глаз Дона. Это немое обожание льстило, но не вызывало ответного чувства, с таким же успехом Найл мог бы принимать преклонение своей сестренки Руны. Скажи ему кто, что Дона преклоняется перед ним так же, как он сам перед Мерлью, Найл смутился бы, но в целом остался равнодушен.

Время шло незаметно. Наступил момент, когда появившийся откуда-то из глубины зала мальчик, приблизившись к Казаку, что-то прошептал ему на ухо. Венценосец встал и воздел руку, требуя тишины (совершенно излишне: все смолкли еще тогда, когда он поднимался), и громко напомнил, что пастухам пора выводить к озеру муравьев. Из-за стола поднялись шестеро молодых мужчин и дружно двинулись к выходу. У двери ненадолго задержались отвесить поклон венценосцу. Похо-

же, это был сигнал к окончанию пиршества. Ушла Мерлью; с ее уходом у Найла пропал интерес ко всему, что происходит в зале. Каззак, жестом подозвав к себе Ингельд, приглашающе похлопал по сиденью рядом с собой. Женщина с покорным видом подсела. Люди один за другим начали исчезать из зала, не забывая при выходе кланяться Каззаку. Венценосец их словно не замечал, его внимание занимала Ингельд.

Найл спросил у Хамны:

— Слушай, а как вы различаете, какое сейчас время суток? Ведь вы безвылазно сидите под землей.

— У нас есть часы.

— Часы? Это что такое?

— Ведро с водой, а в днище малюсенькая дырочка. Пока вся вода вытечет, проходит ровно полдня.

Тут Найл понял, для чего, оказывается, в доме у Стефны к потолку подвешено ведро, из которого безостановочно, капля за каплей, сочится вода, попадая в другое ведро, снизу. Он в очередной раз восхитился смекалистостью жителей Диры и пожалел, что сам не из их числа.

— Ты как, устал? — осведомился Хамна.

— Не особо, спать вообще не хочу.

— Как насчет того, чтоб прогуляться наружу вместе с пастухами?

— А можно?

— Надо пойти спроситься у венценосца. Без его пропуска далеко не уйдешь.

Юноша, подойдя к Каззаку, почтительно склонился. Венценосец лишь раздраженно покосился, кивнул и нетерпеливо махнул рукой: мол, ступай куда хочешь. Хамна возвратился с довольным видом.

— Двинулись, пока он не передумал.

Наружу выбрались через проход где-то на самых задворках. Хамна сказал стоящим возле лаза караульным, что у них есть разрешение венценосца на выход, и получил два небольших деревянных кружка.

Хамна сунул их в небольшую кожаную сумку, притороченную к поясу.

— Если потеряем, считай, что обратно не попадем.

— К чему такие строгости? — недоуменно спросил Найл.

— Для безопасности. Входить и выходить без разрешения может только венценосец. Видал, сколько нас здесь в убежище? Вдруг кто-нибудь пойдет прогуляться наружу без спроса, а тут — паучий дозор? Это же всем крышка! Вот почему у нас все так строго.

— А тебе зачем подчиняться?

— Как же иначе!

— Ну ты же сын венценосца?

— Все мы тут сыновья венценосца,— открыл странное обстоятельство юноша.

Ясная звездная ночь была на исходе, восточная часть небосклона уже засветлела. Со стороны озера тянуло зыбкой прохладой. Удивительно приятно было вновь чувствовать на коже упругое дуновение ветерка.

Впереди шагал пастух, следом преданными дворняжками семенило с полдюжины муравьев. Хамна, нагнав пастуха, разговорился с ним об афидах, у которых в нынешнем году особенно высокие надои. Найл рад был остаться наедине со своими мыслями. А думал он о красотке Мерлью, о сказаниях и песнях, которые довелось услышать. От всего этого душа наводнялась трепетным, щемящим чувством. По мере того как небо постепенно светлело и стеклянистая гладь озера отражала его нарождающуюся прозрачность, юноша пытался вообразить, какой вид имел бы мир, не виси над ним зловещая угроза пауков; мир, где люди, не таясь, живут на земной поверхности, идут куда хотят. Когда пастух свернул с извилистой тропы в окаймляющий ручей кустарник, Найл спросил у нового знакомого:

— Слушай, а если бы смертоносцы пронюхали о вашем убежище, что тогда?

— Да уж жить стало бы поопаснее. Но мы бы им дали!

— И что, прям одолели бы?

— Отчего нет. Видишь ли, мы сделали все, чтоб убежище стало неприступным. Тут только два входа, причем настолько узкие, что их запросто может защищать один человек. Так что если им нас брать, то только осадой, измором. У нас же запасов еды на полгода, если не больше. Кроме того, я слышал, что пауки терпеть не могут жары, а здешние места превращаются летом в печку. В общем, уцелеть, я думаю, нам не так уж и сложно.

— Выходит, смертоносцев вы не боитесь?

— Спрашиваешь! Чего нам их бояться!

Голос парня звучал так твердо, что не возникало сомнения в правдивости слов.

Между тем вышли к самому берегу озера. На той стороне, как раз напротив, всходили к небу горы, словно окаменевшие волны земли: величавые, пологие валы, переходящие в крутые гребни высотой с плато. Ширина озера в этом месте была с десяток миль, не меньше; отливающая серебром светло-серая гладь ошеломляла своей красотой. Глаза Найла привычно высматривали на утреннем небе паучьи шары: красота в его понимании была извечно связана с опасностью. Небо было ясным и наливалось уже лазоревой голубизной.

— О-па! — зычно крикнул Хамна, неожиданным движением скидывая тунику. Три пружинистых прыжка, и он уже по плечи в воде. Минуты не прошло, как он уже возвратился на берег, неся в руках крупную квелую рыбину.

— Вот, заплывают из ручья, а в соленой воде жить не могут. Их обычно склевывают птицы, если мы не успеваем перехватить.

Добычу Хамна положил на берег, насыпав сверху горку камней, и опять бегом устремился к воде.

— Давай за мной!

— Да я, в общем-то, плавать не умею.

— Научишься! В такой воде любой поплывет.

В этом Хамна оказался прав. Зайдя в озеро по грудь, Найл неожиданно почувствовал, что его поднимает ото дна. Секунда, и он уже всем телом толкался вперед, тесня плечами жестковатую воду. Хамна показал, как надо плыть — в такт, разом, двигая руками и ногами, и вскоре Найл уже разрезал гладь как заправский пловец. Вкус у воды был неприятный, все равно что из колодца в их пещере, даже резче. Что-то неожиданно задело ногу, Найл тревожно вскрикнул. Плывущий рядом Хамна проворно нырнул и появился обратно, держа еще одну рыбину. В течение получаса наловили их с полдесятка.

Прошлепав затем на берег, они завернули рыбин в кусок материи, которую Хамна извлек из своей сумки, и пошли песчаным пляжем туда, где втекает в озеро река. К этому времени вода на теле высохла, и Найл почувствовал, как неприятно

стягивает кожу. Но не беда, липкий осадок скоро смыли в ручье. После этого — блаженство! — улеглись в тени пальмы под еще не озлобившимся солнцем.

Найлу еще о многом хотелось расспросить.

— А почему ты говоришь, что вы все сыновья венценосца?

— Потому что все у нас в городе имеют равные права. Кроме того, у венценосца много детей.

— А сколько?

— Ну... примерно с полсотни.

— Ого! Так сколько у него тогда жен?

Хамна прикинул, прежде чем ответить.

— Где-то с полтораста, не меньше.

Найл подумал, что ослышался.

— И где же они все живут?

— Как положено, с мужьями.

— Но ты же вроде сказал, что их муж — сам венценосец?

Хамна терпеливо, как какому-нибудь малолетнему оболтусу, разъяснил:

— Само собой, есть у них мужья. А заодно они принадлежат еще и венценосцу, все. Какая ему понравится, ту он и выбирает.

Это ввергало в оторопь.

— И мужья-то что, не против?

— Выходит, что нет. Если они не хотят здесь жить, могут идти обустраиваться, где им вздумается. Но они никуда не уходят.

В голове у Найла оформилась мысль.

— А если б мы перебрались жить сюда, моя мать тоже стала бы женщиной венценосца?

— А как же. Если бы приглянулась.

У Найла опустилось сердце. Все дальнейшие расспросы отпадали. Нечего и думать, что отец согласится здесь жить.

Тут он задал вопрос, не дающий покоя с самого их прибытия в город:

— А у принцессы Мерлью есть муж?

— Пока нет. Ей еще семнадцать лет. К тому же у нее дел невпроворот. С той поры как умерла ее мать, она заправляет всем хозяйством венценосца.

Хотя бы это приносило облегчение.

Хамна, широко зевнув, сел.

— Пора подаваться обратно. Скоро наведаются смертоносцы.

— Они прилетают сюда каждый день?

— Нет, что ты! Тем более в это время года. Сейчас время песчаных бурь.

В сравнении со вчерашним в убежище показалось совсем сумрачно. В коридорах горело лишь по нескольку светильников. Вчера-то венценосец распорядился запалить в честь гостей все светильники, а нынче зажжено обычное количество.

В жилище Стефны сидела за вышиванием лишь одна Дона. Мать ее, вероятно, находилась на работе в швейном цеху. Все, кому исполнилось двенадцать, обязаны были по нескольку часов в день отдавать труду. Завидев Найла, девочка засияла от радости и тут же спросила, не желает ли он с ней сыграть.

— Во что?

Вместо ответа Дона достала горшочек, в котором лежало несколько цветных камешков, и продемонстрировала с ними несколько фигур. Вот камешки лежат на ладони, а надо их подбросить и изловчиться, чтобы все до единого упали на тыльную сторону ладони; и чем дальше, тем сложнее. Потом играли в отгадки — кто точнее угадает, сколько камешков спрятано в руке. А там, глянув на водяные часы, Дона спросила:

— Хочешь пойти на общую игру в большом зале?

Найла клонило в сон.

— Я б лучше вздремнул. А что за игра?

— После десяти часов ребята играют вместе. В прятки, жмурки, чехарду...

— Там, наверное, все младше меня?

— Нет, что ты! Мерлью часто играет, а ведь ей уже семнадцать.

— Ладно, схожу.— Найл удивился сам себе: голос-то даже не дрогнул.

В большом зале теснилось тридцать-сорок ребят, лет примерно от десяти до пятнадцати. Водил Айрек, паренек бойкого вида. На вид лет ему было около одиннадцати. Найлу стало неловко. Заводила, объяснила Дона, выбирается всякий раз новый, сроком на неделю. Это делается, чтобы развивать у

ребят самостоятельность. Когда мальчиков познакомили, Айрек спросил:

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

— Что-то не больно похоже. Вон Клесу только четырнадцать, а он повыше тебя будет.

— Пожил бы ты, где я живу, тоже не больно бы вымахал. Кормежка у нас несытная, понял?

— А здесь, кроме еды, и заняться толком нечем,— со вздохом сказал Айрек.

Найл призадумался над таким замечанием.

Айрек хлопнул в ладоши.

— Ну ладно, давайте начнем с «флейты». Дона, ты у нас будешь флейтисткой, остальные рассаживайтесь.

Ребята начали располагаться на полу рядами; Дона особняком, спиной к остальным. Найлу, сидящему в переднем ряду крайним, протянули гладко обструганную палочку сантиметров десяти.

— Палочка передается из рук в руки, пока играет флейта,— разъяснял Айрек.— Как она замолкает, у кого в руках палочка, должен поцеловать в своем ряду соседа. И тот выбывает из игры.

Возле Найла сидела голубоглазая девчушка лет десяти, застенчиво потупившаяся под его взором.

Едва Дона начала играть, как заводила неожиданно крикнул:

— Стоп! Мерлью, будешь играть?

Сердце у Найла гулко стукнуло. Принцесса вошла в зал незаметно, через боковой проход. Наряд из пятнистого меха оставлял руки и стройные длинные ноги непокрытыми.

— Прошу прощения, припозднилась,— извинилась девушка.

Айрек милостиво кивнул.

— Ничего. Усаживайся вон посередине.

Найл сумел сдержаться и не повернул головы в ее сторону; Мерлью расположилась возле него. Плечо ощущало тепло, лучащееся от ее кожи.

Дона приступила к игре. Найла удивило ее мастерство: девочка куплет за куплетом выводила веселый наигрыш. Ме-

лодия звучала все быстрее и быстрее, и участники в такт перекидывали палочку друг другу. Иногда Дона неожиданно замолкала. Тогда зал разражался громким хохотом: держащему палочку участнику полагалось поцеловать своего соседа. Постепенно в рядах возникали прогалины: участники один за одним выбывали из игры. Нередко складывалось так, что мальчику приходилось целоваться с мальчиком, а девочке с девочкой. В таких случаях неминуемо раздавались смешливые возгласы, лица смущенно вспыхивали. Найл веселился наравне со всеми. Через несколько минут в игре остался лишь десяток участников, и Айрек велел им собраться в круг. Теперь палочка просто мелькала по кругу; Дона специально медлила с паузами, нагнетая азарт. Всякий раз, когда палочка оказывалась у Мерлью, Найл втайне заклинал, чтобы музыка остановилась. И надо же, через несколько минут, когда она протянула руку в его сторону, музыка действительно оборвалась. Чтобы как-то скрыть распирающее грудь волнение, Найл широко улыбался. Мерлью без тени смущения обхватила голову юноши руками и, приблизившись к его лицу, уверенно приложилась к губам. Стоящие вокруг одобрительно рассмеялись. На какой-то миг их взоры встретились: в глазах Мерлью была холодная насмешка. Секунду спустя девушка встала и присоединилась к остальным. Когда шел следующий круг, Найлу выпало целовать сидящую рядом девчушку. Та, подняв личико навстречу, не отрывалась от его губ несколько дольше положенного. «О-о-о!» — со смешливым одобрением затянули зрители. Покидая круг, Найл заметил, что девчушка залилась краской.

Утренние часы пронеслись единым мигом. Внезапно Найл с недоуменным восторгом понял, что вызывает живой интерес — особенно у девчонок,— а ребята настроены не заносчиво, а очень даже дружески. Когда заводила велел девочкам выбирать себе напарника для бега в «три ноги», Найла пригласили одновременно сразу трое. Победила ширококостная темноволосая девица по имени Найрис. Они прибежали первыми, чуть опередив Мерлью и ее напарника. После этого ребята помладше сели отдыхать, а Айрек объявил, что последней игрой на сегодня будет состязание по борьбе для тех, кому уже есть тринадцать. Найл удивился, но вовсе не расстроился, узнав, что к состязанию допускаются и девочки. Пол застели-

ли мягкими, набитыми травой тюфяками. Выбор снова был за девочками, и опять получилось так, что Найл оказался в паре с Найрис.

Поединок всякий раз начинался с того, что соперники, усевшись друг к другу лицом, вплотную сводили предплечья и сцеплялись пальцами. Затем, сомкнувшись по команде ногами, соперники пытались накренить друг друга назад. Когда один отодвигался настолько, что предплечья трудно было уже удерживать вместе, другой набрасывался и, обхватив руками и ногами, силился соперника опрокинуть. И, уже лежа, борцы барахтались до тех пор, пока одному не удавалось взобраться на поверженного и прижать обе его руки к тюфяку. Судьи — ребята помладше — давали очки, бдительно следя за каждым моментом поединка.

Найрис, будучи поплотнее своего соперника, без труда выиграла первый тур состязания. Однако, когда дело дошло до самой борьбы, масса тела уже не могла служить выручкой, и вскоре Найл уже сидел наверху, притиснув руки соперницы к полу. Поднимаясь, он с радостью заметил, что Мерлью одолела своего противника, широкоплечего, но не совсем расторопного юнца, которого сумела прижать, навалившись всем телом. Было ясно, что силы в ней куда больше, чем казалось на первый взгляд.

Следующие двое соперников Найла были мужского пола, причем оба превосходили его и ростом и весом. Но как и Найрис, им недоставало ловкости, так что он одолел их без особого труда.

И вот надежда сбылась. Они с Мерлью остались единственными единоборцами. Оба изрядно запыхались, так что, прежде чем дать сигнал к началу поединка, Айрек дал им отдышаться. Затем они сели друг к другу лицом и сдвинули предплечья. Волосы у Мерлью разметались, к повлажневшему лбу пристала одна прядка — просто загляденье!

Айрек дал команду начинать. Мерлью, проявив неожиданную прыть, бросилась на Найла, с силой его толкнув. Он подался назад под одобрительный гул зрителей. Девушка, моментально оседлав соперника, пыталась свалить его, пока не успел опомниться. Но подловить Найла второй раз было невозможно. Их руки сомкнулись, ноги тесно переплелись — кто кого.

Мерлью притиснулась щекой к щеке Найла, жарко дыша ему в самое ухо. Ощущение оказалось настолько приятным, что Найл даже ослабил натиск и, вместо того чтобы одолевать соперницу, просто наслаждался тем, что чувствовал ее тело в своих объятиях. Мерлью пошла на хитрость: приослабила натиск, а затем навалилась вновь, но Найл реагировал быстрей и опередил ее.

В этот миг он мимолетом заметил, что к числу зрителей прибавились еще двое. Из примыкающего к залу внутреннего покоя вышел Каззак, а следом показалась Ингельд. Найл, на секунду замешкавшись (не прогневается ли венценосец, увидев дочь в объятиях гостя), чуть ослабил хватку. Мерлью, отчаянно крутнувшись, вывернулась из-под соперника и повалила его на тюфяк. Несколько минут они, пыхтя, возились, пока у Мерлью наконец не получилось прижать одну его руку к полу. Тут Найл пошел на ту же хитрость, что только что использовала соперница: неожиданно расслабив тело, якобы пошел на попятную. Мерлью тоже чуть расслабилась. Тут, резко и мощно вскинувшись бедрами, Найл отбросил соперницу в сторону, притиснул ее руки к полу, а сам очутился сверху, улегшись поперек распростертого тела.

— Так нечестно! — выдавила она.

Но Найл прижал ее к земле своим весом. Осмотрительно сместившись, он улегся еще надежнее — вдоль, припирая голову девушки своей. Теперь оставалось совладать с ее руками. Ухо Найла обдавало тепло ее дыхания. Судя по всему, они находились в положении, когда шансы у обоих примерно равны. Сейчас соперницу можно было вполне одолеть грубой силой, но Найлу было как-то неловко от того, что это будет торжество всего лишь мускулов, а не умения.

И тут ощутил влажное прикосновение ее губ возле уха, словно девушка собиралась что-то прошептать. Вот — он явственно почувствовал — губы приоткрылись и мочки уха игриво коснулись зубки. Ощущение ошеломляло острой чувственностью. Прежде чем Найл осознал, что именно произошло, красотка вырвалась из-под него и резким движением высвободила руки. Спустя миг она уже цепко держала его за запястья, силясь закрутить ему руки за спину.

— Ну плутовка! — рассмеялся Найл.

— Как ты, так и я,— отозвалась она шепотом.

Слабея от смеха, он позволил Мерлью прижать свои ладони к тюфяку. Делая триумф еще более наглядным, девушка взобралась на поверженного соперника и уселась ему на живот. Зал огласился громким радостным гомоном. Было заметно, что рот Ингельд кривит насмешливая улыбка. Каззак, выйдя вперед, ласково потрепал дочь по волосам. Мерлью легко вскочила на ноги, на Найла даже не взглянув.

— Теперь видишь, почему я доверил ей заправлять всем хозяйством?

Ингельд усмехнулась двусмысленно:

— Просто замечательная юная госпожа,— и легонько ткнула Найла под ребра босой ногой.— Давай поднимайся, мальчонка,— этак приветливо, просто как старшая.

Когда позже Найл и Дона возвращались по коридору, девочка заметила:

— Зря ты ей поддался.

— А что я мог сделать?

— Я видела, как она словчила. Укусила тебя за ухо.— Потянувшись, она коснулась мочки его уха.— Больно было?

— Да нет, что ты,— ответил он негромко.

— Она хитрованка, каких поискать,— сказала Дона знающе.

Найл отчего-то почувствовал себя виноватым.

— Я, вероятно, тоже.

— Ты? Скажешь тоже!

Девочка обхватила Найла за руку и склонила ему голову на плечо.

В тот вечер, когда укладывались спать, отец сказал:

— Завтра отправляемся домой.

— Завтра?! — В голосе Найла слышались удивление и разочарование.

— Ты что, не хочешь домой?

— Почему, хочу.— Голос Найла звучал без особой уверенности.— А может, все же можно задержаться еще на денек-другой?

Улф положил ладонь на голову сыну.

— Думаешь, тогда ты будешь готов отправиться?

— Д-да,— опять же неуверенно выдавил Найл.

Отец, насупив брови, посмотрел на сына, покачал головой.

— Ты хотел бы остаться здесь?

— А то нет! — готовно воскликнул Найл.— Если бы все наши перешли сюда вместе с нами.

Улф покачал головой.

— Это невозможно.

— Но почему, отец? Тебе здесь что, так уж худо?

— Почему же. Просто я не думаю, что смог бы здесь прижиться.

— Почему?

— Не так просто это объяснить.— Отец со вздохом улегся на постель и закутался в одеяло.— Но если хочешь, оставайся, я пойду один.

— Ну зачем уж так! — воскликнул сын пристыженно.

— А что? Обратную дорогу я знаю. Хамна вызвался меня проводить до дальнего конца плато. А там до дома уж рукой подать.

— А я что, останусь здесь?

— Тебя можно будет забрать позднее. Стефна говорит, что очень была бы рада, если б ты погостил.

Соблазн был велик. Остаться в доме, где живет очаровашка Дона — почти сестренка, каждый день видеть Мерлью...

— А что венценосец?

— Как раз он это и предложил.

— А что ты об этом думаешь?

— Я б хотел, чтобы у сына была своя голова на плечах...

Через несколько минут дыхание Улфа стало ровным и глубоким: заснул. А у Найла всякое желание спать пропало. Через прикрывающую дверной проем занавеску цедился свет единственного светильника, словно живые, разгуливали по потолку тени. Откуда-то со стороны коридора доносились приглушенные голоса, отрадный звук шагов; мимо проходили по своим делам люди. До полуночи оставалось еще часа два, а в целом дворец Каззака, похоже, вообще не утихал до самого рассвета. При отсутствии дневного освещения чувство времени как-то смещается, а с ним и часы, отведенные для сна.

Остаться-то как хочется! В пещере он, по сути дела, и не нужен. С той поры как Вайг выдрессировал муравьев и осу, охота стала скорее развлечением, чем необходимостью. В не-

скольких милях от пещеры изобилие пищи. Сам Найл, как сказал Улф, может возвратиться сразу, как захочет. Почему бы не задержаться здесь на несколько недель или месяцев... а то и дольше?

Очень хотелось найти какую-нибудь достаточно вескую причину. Но не давала покоя мысль, что семья без него осиротеет. Тогда Найл задумался над тем, что именно его здесь держит. Первый довод, совершенно неоспоримый: Мерлью. Вспомнилось жаркое прикосновение ее губ и то, как покусывают ухо беленькие зубки. Представилась тесная близость стройных ног, и сердце зашлось от неуемного, беспричинно-радостного чувства.

Позволил себе помечтать о том, как, может, возьмет Мерлью в жены, а то еще и усядется со временем на трон Каззака. И вот тут-то в груди шевельнулось вдруг сомнение. Вспомнились слова Айрека: «А здесь, кроме еды, и заняться толком нечем...» И Найл не на шутку задумался: а каково это — год за годом сидеть под землей? Дома он, по крайней мере, волен покидать жилище и приходить когда вздумается. Там, наверху, ждал постижения целый мир. Мир чудес наподобие той страны муравьев или исполинской крепости на плато. Здесь же только тем и живут, что трусливо прячутся от смертоносцев.

Картина вырисовывалась совершенно ясная. Живи он в этом городе, дни протекали бы в сытости и благополучии. Родившийся здесь ребенок мог вырасти, состариться и умереть, ни разу в жизни не испытав бередящего чувства постижения нового. Отчего Дона так набрасывалась на него с расспросами о жизни в пустыне, путешествии в страну муравьев? Потому что для нее все это олицетворяет мир, исполненный и опасности, и одновременно с тем захватывающих возможностей. Для детей подземного города каждый день жизни здесь — лишь нудное, неизменное повторение предыдущего, привычка.

Вот в чем дело, внезапно уяснил Найл. Вот оно что: привычка. Привычка — тяжелое теплое одеяло, грозящее удушьем. Убаюкивает ум, нагнетая неизбывное чувство смутного недовольства. Сдаться во власть привычки — значит застыть на месте, утратить способность к изменению, развитию...

Донесшийся из-за стены приглушенный смех отвлек от раздумий: по коридору гонялись друг за другом двое ребятишек.

Снова вспомнилось об играх в большом зале, о Мерлью. Окрепшая было решимость мгновенно улетучилась. О какой скуке может идти речь, если он каждый день будет видеть Мерлью?

Найл лежал с открытыми глазами вот уж больше часа, а сон все не шел. Пошли мысли о Каззаке. Почему венценосец предложил отцу, чтобы он, Найл, остался? А вдруг его об этом попросила Мерлью? Эх, если б можно было с кем-нибудь обо всем этом поговорить, а не валяться здесь, когда голова разбухает от неразрешенных загадок!.. Может, Стефна еще не спит?

Осторожно, чтобы не разбудить отца, он выскользнул из-под одеяла и на цыпочках прокрался к двери. Соседняя комната оказалась пустой. Пробравшись через нее, Найл остановился возле занавески, ведущей в комнату Стефны и Доны, и прислушался. Спят: дыхание ровное, глубокое. Найл подошел к выходу в коридор и выглянул наружу. Надо же: навстречу шел Корвиг, младший брат Хамны, в обнимку с девушкой.

— Здравствуй, Найл. Что поделываешь? — спросил тот.

— Так, сон что-то не берет.

— Сон? Какой сон, времени всего ничего! Мы вот идем домой к Найрис поиграть во что-нибудь. Хочешь, пойдем с нами?

— Наверное, ни к чему,— виновато потупив голову, рассудил Найл.— Мы с отцом, должно быть, утром отправимся обратно, так что надо хорошенько покемарить.

Жаль, что Корвиг не один, можно было бы спросить у него совета. Корвиг просунул Найлу руку под локоть:

— Да ладно тебе, храпануть всегда успеешь. Давай сходим.

Девушка — глаза большие, выразительные — спросила:

— А почему ты так скоро отсюда сматываешься?

— Отец говорит, пора обратно. Если б уговорить его задержаться на несколько дней...— Он повернулся к Корвигу.— Ты не мог бы попросить своего отца, чтобы переговорил с моим?

Они вышли в главный проход, ведущий в большой зал.

— Он сейчас там,— кивком указал Корвиг,— почему б тебе самому его не попросить?

Венценосец прохаживался в одиночестве, вчитываясь в пергаментный свиток, который держал возле самого носа. Встречные почтительно пригибали на ходу головы, хотя владыка ед-

ва ли кого замечал. Корвиг, приблизившись к отцу, склонил голову и негромко произнес:

— Властитель...

Каззак вскинул голову, раздраженно сверкнув глазами, но, заметив Найла, милостиво улыбнулся.

— Прошу прощения, властитель, но Найл хотел бы тебя кое о чем спросить,— сказал Корвиг.

— Да-да, я весь внимание.— Каззак взял Найла за руку.— О чем ты хочешь спросить меня, мой мальчик?

— Я насчет нашего завтрашнего отхода, властитель...

По лицу Каззака пробежала тень.

— Завтра? Так скоро? Почему бы тебе не задержаться?

— Именно об этом я и хотел тебя просить. Не мог бы ты уговорить моего отца?

Каззак с рассерженным недоумением пожал плечами.

— Об этом у нас с ним уже был разговор. Твой отец сказал, что переживает об оставленной семье. Но оговорился, что это не повод к тому, чтобы и ты уходил вместе с ним.

— Я как раз хотел остаться.

— Неужто? Прекрасно!

Приветственно кивнув, напротив венценосца выжидательно остановился стражник.

— Знаешь,— сказал Каззак,— я сейчас занят, а ты, думаю, мог бы сходить и поговорить с Мерлью. Она сейчас, видимо, одна.

— Благодарю тебя, властитель.

Покои венценосца занимали два этажа, соединяемые короткой лестницей. Стоящий внизу стражник посторонился, уступая дорогу. Найл оказался в обширном сводчатом зале, где потолок подпирали каменные колонны, а стены были завешены богатыми зелеными занавесями. От доброй дюжины светильников было светло как днем.

В зале, судя по всему, никого не было. Найл прошел к занавешенному дверному проему в противоположной его части, заглянул. Большая опрятная комната — деревянная резная мебель, на полу циновка; здесь также щедро горят светильники. И опять же никого.

Справа от входа в зал вверх уходила еще одна лестница. Подойдя и остановившись возле, Найл вслушался. Откуда-то

сверху, похоже, доносились голоса. Юношей овладела нерешительность. Что о нем подумают, если он будет вот так бесцеремонно разгуливать здесь? Впрочем, у него же есть разрешение венценосца. Бесшумно ступая босыми ногами, он поднялся по каменным ступеням. Показался хорошо освещенный коридор с невысоким потолком, по обе стороны тянулись занавешенные дверные проемы. Со стороны одной из комнат доносились женские голоса. Найл, нерешительно приблизившись, хотел было спросить: «Здесь есть кто-нибудь?» В этот момент одна из женщин неожиданно рассмеялась. Голос он распознал тотчас же: Ингельд. В уме бдительно шевельнулось — отойти, не лезть. Но уже повернувшись, юноша уловил, что речь, собственно, идет о нем самом. Пока прикидывал, как поступить, Ингельд продолжала:

— ...сам он здесь ни при чем. Во всем виноваты отец его и брат.

Голос Мерлью:

— Как это случилось?

— Не знаю. Они не рассказывали. Оттого-то я и подозреваю, что дело нечисто. Разве расскажут они женщине, как погибли ее муж и сын!

— Может, они просто щадили твои чувства?

— Они-то! — воскликнула Ингельд презрительно.— Можно подумать, им есть до этого дело! Я вот что скажу. Они чуть не бросили меня на произвол судьбы в той крепости на плато.

— Да вы что? Как можно!

— Я не переношу высоты, а как глянула со склона на все те ступени, у меня просто ноги подкосились. Они же просто повернулись ко мне спиной и полезли спокойнехонько вниз.

— Ужас какой! И что же ты?

— А что? Зажмурилась и отправилась следом. Провожатых моих уж и видно не было, а я как вспомнила обо всех тех страшилищах-пауках...

В голосе Мерлью звучал неподдельный гнев:

— Это же надо, так обойтись с женщиной!

Ингельд презрительно фыркнула:

— Да что им женщины? Дикари же...

Повисла гнетущая тишина. Уходить надо, решил Найл. Ему было совестно за это невольное подслушивание. Но не успел он сдвинуться с места, как Ингельд вдруг спросила:

— Тебе, похоже, нравится этот парнишка?

— С чего ты это взяла?

— Как вы с ним нынче катались по полу...

— Не понимаю, о чем ты,— холодно заметила Мерлью,— состязания по борьбе — один из наших обычаев.

— Венценосец рассудил, что он тебе приглянулся.

— Приглянулся? Этот тщедушный? Шутишь!

— А остальным он, похоже, нравится.

— Ну и что. Это потому, что он здесь новенький, вот всем и любопытно. Но это ненадолго. Скоро к нему привыкнут и перестанут замечать.

Найл, стараясь ступать как можно тише, с пылающим лицом тронулся прочь. Грудь давила изнутри непривычная, каменная тяжесть — примерно так же, как тогда, когда услышал весть о смерти Торга и Хролфа. Кровь гулко стучала в висках. Унижен. В проходе стоял стражник. Найлу было неловко даже проходить мимо; казалось, все чувства проступают на лице яснее ясного. Но тот лишь дружелюбно кивнул. Возвращаясь по главному коридору, Найл жался к стенам, боясь выходить из тени,— хоть бы никто не попался навстречу, не заговорил с ним! А в голове звенело гулким эхом: «Приглянулся? Этот тщедушный? Шутишь!» Да уж... Теперь все ясно. Разумеется, дочери венценосца он кажется не более чем заморышем. От такой мысли плечи никли от стыда за себя.

Вместе с тем, воссоздав в памяти картину сегодняшнего утра, Найл рассудил, что Мерлью определенно с ним заигрывала. Зачем, скажем, прикусила ухо? Или улыбнулась — скрытно так,— когда прощались? Неужто попросту играла с ним? Народясь и окрепнув, горький гнев вытеснил робкую беспомощность. «Ненавижу»,— решил Найл. Все лучше, чем изнывать от безысходной сосущей тоски, от которой, того и гляди, из глаз брызнут слезы.

— Где был? — голосом отца спросила темнота, когда Найл возвратился в спальню.

— Не спалось, решил сходить погулять.

Поворочавшись, юноша устроился на травяной постели, одеяло натянув до подбородка. Помолчав, сказал:

— Я подумал насчет завтра. Я с тобой.

Улф кашлянул.

— Давай-ка спи. Выходить предстоит спозаранку.

А у самого в голосе плохо скрытая радость. Уж кто, а Найл хорошо знал своего отца.

Город оставили за час до рассвета, выйдя вместе с муравьиными пастухами. Путников сопровождали Хамна и Корвиг, получившие на то особое распоряжение венценосца. Сам Каззак проводил гостей до выхода, там, обняв, расцеловал обоих в лоб и щеки. К счастью, венценосец не стал допытываться, отчего юноша передумал оставаться. Галереи подземного города в этот час были пусты. У Найла к горлу подкатил комок непрошеных слез: все это он, судя по всему, видит в последний раз.

— Помни,— еще раз повторил Каззак Улфу.— Ты получил от меня приглашение вернуться сюда со своей семьей.— И добавил задумчиво:— Сайрис в последний раз я видел, когда она была еще совсем девочкой.

Улф почтительно кивнул.

— Мы все с ней обговорим, властитель.

(Найл знал наперед: никакого разговора не будет.)

— Уж ты постарайся,— сказал напоследок Каззак и заспешил обратно внутрь. Предрассветный ветер для него, видно, был чересчур прохладен.

Полоска неба на востоке чуть посветлела, а над головой все еще стояла непотревоженная мгла. Впереди свет звезд отражался на недвижной глади озера. Зрелище так зачаровывало, что даже горькие мысли о Мерлью на время забылись. Но вскоре в памяти снова всплыли слова об «этом тщедушном», и настроение опять пошло на спад. Так что следующие полчаса или около того юноша тешился тем, что рисовал в уме картины, где гордячка Мерлью платит за причиненную ему обиду. Вот ее ловят и тащат к себе в город пауки-смертоносцы. У нее остается одна надежда — на Найла...

— Мы решили, что через плато вообще не стоит идти,— вклинился Улф.— Каззак сказал, быстрее будет, если пойдем через горы на северо-западе...

— Я здесь ничего советовать не могу,— скромно заявил Хамна.— Никогда не забирался в такую даль. Но мне говорили, по ту сторону гор земля лучше. Там последний десяток лет исправно шли дожди.

Все вместе они добрались до берега озера и двинулись прямиком на запад. Поклажа была тяжелее, чем неделю назад, когда выходили из пещеры (Каззак не поскупился на харчи), но в целом нести было не очень обременительно: путников снабдили заплечными кузовами, которые приторачивались к поясу специальными лямками.

Когда небо высветлилось, Найл обернулся через плечо и неожиданно увидел паучьи шары, отражающие лучи восходящего солнца. Шаров было два, оба плыли на порядочной высоте в сторону соленого озера. Найл поспешил предупредить остальных, и все путники укрылись под кривыми сучьями боярышника. Пауки вряд ли могли их заметить: день едва занимался, да и шары проплывали на высоте не меньше ста метров. Хамна и Корвиг, заметил он, не то что всполошились, даже не обеспокоились. Они повынимали из кузовов фрукты и стали жевать с таким беспечно-рассеянным видом, будто находились где-нибудь на увеселительной прогулке.

Выждав, когда шары скроются за горизонтом, путники выбрались из укрытия и пошли берегом озера. Найл уточнил:

— Я смотрю, не очень-то вы с паучками осторожничаете.

— Как-нибудь научились с ними обходиться,— откликнулся, пожав плечами, Хамна.

— Но...— Поймав упреждающий взор отца, Найл осекся.

С рассветом поднялся ветер. Его направление менялось несколько раз, в конце концов возобладал северо-западный. По мере того как утро разгоралось, он окреп, сделался сухим и жарким. И вот уже пахнуло раскаленным дыханием пустыни. Вскоре это уже и ветром нельзя было назвать; походило скорее на бурю, несущую косматые сонмы пыли и колкого песка, от которого из глаз неудержимо струились слезы. Хамна и Корвиг сникали на глазах, было видно, что увеселительная прогулка все больше превращается для них в испытание на выносливость. Свои накидки они обернули вокруг лица, оставив лишь узкую щель для глаз, и так шли, с силой превозмогая порывы встречного ветра. Примерно через полчаса Улф предложил им повернуть назад. Те вначале отнекивались, считая делом чести сопровождать путников хотя бы первый день пути. Улф заметил, что главная ценность совместного пути — словесное общение — при такой погоде явно теряется. Больше уговаривать не пришлось. Они обнялись, пообещали друг другу

непременно встретиться вновь и расстались. Хамна с Корвигом повернулись к ветру спиной с явным облегчением.

Теперь Улф озабоченно прикидывал, разумно ли будет отправиться через горы. Это легче, чем через плато, зато дольше, хотя в секущем этом ветре, от которого растрескивались губы, разница скрадывалась. Согнувшись в три погибели и щурясь сквозь напряженно подрагивающую щель в намотанной на голову материи, путники упорно двигались вперед, проделывая в час около пяти миль. Найл с вожделением поглядывал на подернутые крупной рябью воды соленого озера, но знал, что купание на пользу не пойдет. Если, искупавшись, не смыть соленую воду в ручье, ощущения будут еще хуже.

К той поре, когда солнце достигло зенита, оба выбились из сил. Привал и обед договорились устроить в ближайшей же рощице или кустарнике, как только те подвернутся. Но вот еще две мили позади, а вокруг ни деревца, ни кустика. Через полчаса путники определили, что находятся на западной оконечности озера и дорога теперь лежит через пустыню к изрезанным горным отрогам и пересохшим руслам рек.

В этом месте Найл неожиданно для себя различил в паре сотен метров справа предмет, напоминающий большой валун. Тронув отца за плечо, он молча указал головой в сторону камня. Улф кивнул, и они заспешили туда. Прошли с полсотни метров, и стало ясно, что это не камень, а остатки строения. Основная его часть была погребена под слоем песка, к небу поднимались лишь изломанные контуры стен.

С западной стороны строения надуло целую песчаную дюну. Взобравшись туда, где полуразрушенная стена была пониже, отец с сыном увидели запорошенный толстым слоем песка внутренний дворик. В глубине, на противоположной стороне двора виднелись ступени, изрядно выщербленные ветром. Ступени всходили на вершину башни, теперь уже укороченной вдвое по сравнению с прежними размерами. В целом строение напоминало ту самую крепость на плато, только более мелкую и обветшалую. Какое-никакое, а пристанище от ветра. Спрыгнув на мягкий песок внутри стен, путники испытали несказанное облегчение: все же оазис покоя.

Оба так вымотались, что следующие полчаса просто сидели, опершись спиной о стену и радуя покоем натруженные

ноги. Ветер, казалось, завывал от отчаяния, досадуя, что не может добраться до них. Сидя так с закрытыми глазами, Найл слушал, как постепенно унимается сердце и уютные волны спокойствия накатывают, освобождая от всякого волнения.

Улф коснулся руки сына; Найл, оказывается, ненадолго задремал. Юноша поднял голову посмотреть на положение солнца и удивленно обнаружил, что в небе просвета не видно из-за туч. Ветер неистовствовал, и, хотя защита стен казалась надежной, песок на дальнем конце двора вихрился смерчем. Небо угрожающе потемнело, и вскоре опустилась мутная мгла, смешанная с песчаной взвесью. Ветер обрел такую мощь, что Найл начал уже опасаться, как бы он не свалил стену, давшую им прибежище.

Путники достали из кузова шелковые полотнища и завернулись в них. Впечатление было такое, будто ветер задувает со всех сторон сразу, пытаясь добраться до двух бродяг, а туча песка тяжело перекатывалась через стену, как вода через мол. Подумалось о Хамне и Корвиге: хорошо, если успели добраться домой до начала бури. Казалось, сама судьба навела их в момент крайней нужды на эту спасительную крепость. Если понадобится, можно будет остаться здесь хоть на всю ночь.

Внезапно буря стала ослабевать, а небо проясняться, насыщаясь светом, напоминающим рождение зари. Вскоре ветер утих совершенно, и в одно мгновение прорезался пронзительный солнечный свет, что показался вначале просто ослепительным. Солнце стояло по-прежнему высоко — судя по всему, было около двух часов пополудни. Оказалось, отца с сыном занесло песком по самую шею. На противоположной стороне двора песок образовал насыпь возле стены. Найл нетвердо поднялся (ноги, оказывается, затекли) и потянулся. Хотел посмотреть через стену, но роста чуть не хватило. Найл прошел через двор, увязая ногами в зыбучем песке, и влез по насыпи на стену.

У Найла перехватило дыхание. Внизу открывался вид на руины незнакомого города. Обнаженные бурей останки строений находились по меньшей мере на десяток метров ниже стены. Прямо напротив стояло здание с высокими колоннами — не грузными и квадратными, как в крепости на плато, а стройными и круглыми; некоторые все еще подпирали то, что осталось от оконных перемычек и стен. А как раз по центру,

между колоннами, находилось нечто, отстреливающее под солнцем слепящие блики.

— Отец, скорее сюда, глянь-ка! — крикнул Найл.

Улф уже через секунду стоял рядом.

— Вот как. Мне, сдается, доводилось кое-что слышать об этом,— задумчиво произнес отец.— Город, которым правил Бейрак, отец Каззака.

— Они жили над землей?

— Пока их не выжили смертоносцы.

— И основал город тоже Бейрак?

— Нет. Он стоит здесь с незапамятных времен. Говорят, его построил какой-то древний народ. А звались они латины.

— А вот там что, не знаешь? — Найл указал на сверкающее нечто.

— Не знаю. Во всяком случае, видно, что сделано из металла.

Около десяти минут, пядь за пядью одолевая щербатые стены, они спускались вниз, на песок. С наружной стороны было заметно, что крепость представляет собой квадратное строение, сложенное из обтесанных блоков, скрепленных меж собой цементом. Окна — высокие и узкие. Высоким и узким был и дверной проем, а вверху на стене выдолблены непонятные символы. Проход весь как есть завален разрушенной каменной кладкой, забит песком. В город от него вела двойная колоннада —впрочем, от нее остались лишь обрубки, а обломки камня валялись на дороге. На некоторых колоннах сохранились капители с изображением виноградных гроздьев и листьев.

От большинства строений остались лишь полуразрушенные стены. Впрочем, были среди них и такие, что сохранили верхние этажи. Все строения — из обожженной глины и кирпича. Помещения в них были совсем крохотными, иные не больше нескольких метров.

Пока Улф осматривал развалины дома, Найл расхаживал по зданию с колоннами, куда вела с улицы мощеная дорожка. Под ногами лежали каменные глыбы, покрытые чем-то вроде цемента. В пространстве между колоннами выстроились в ряд как бы внушительные короба, но только высеченные из камня. Расслабившись, а затем сосредоточась, Найл безошибочно определил, что у этих штук есть какая-то странная связь с телами мертвых.

Мощеная дорожка заканчивалась пролетом лестницы — ступени шириной метров пять каждая,— ведущей к остаткам массивных ворот. От храма, в который входили некогда через эти ворота, не осталось, по сути, ничего, кроме расположенных вкруговую колонн, каждая на квадратном гранитном постаменте, сверху — уцелевшая оконная перемычка. Найл самозабвенно разглядывал цветастые квадратики напольной мозаики, изображающей птиц и зверей. А в самом центре выложенной мозаикой площадки стояло загадочное нечто, околдовывающее своим блеском. Приблизившись, юноша с удивлением узнал на изогнутой металлической поверхности свое отражение. Правда, внешность в ней безобразно искажалась, а если подойти ближе, то и вообще коверкалась до неузнаваемости. Нечто напоминало жука на металлических лапах-подпорках, с прозрачными выпученными глазами впереди. Хотя одного взгляда на эти согнутые в суставах лапищи было достаточно, чтобы понять: для ходьбы такие не годятся.

Внутренне расслабившись, Найл попробовал выведать что-нибудь о предназначении стоящего перед ним непонятного устройства — надеялся вызвать какие-нибудь образы или хотя бы ощущения. Картина, к удивлению, получилась ужасно размытая и невнятная, можно сказать, вообще никакая. С таким же успехом можно было гадать о значении непонятных знаков над дверным проемом крепости. Походило, что неизвестный творец сверкающего чудища совершенно не похож на людей, которых знал он, Найл. Тем не менее имелось в этом чудище что-то, указывающее на создание его именно людьми. Но с какой целью? Не для того ли, чтоб на спине своей и складных лапах перевозить людей через пустыню?

Сразу за выпученными глазами в округлом боку располагалась, судя по всему, дверь. Найл почуял это сразу, будто память какая-то, древняя-предревняя, незаметно ожила в сознании (дверей он отродясь не видел). Осторожно притронулся; металл под лучами солнца нагрелся, но не сильно, вопреки ожиданию. Наружу неброско выдавалась изогнутая металлическая ручка. Найл, ухватившись, принялся крутить ее во все стороны, затем, потеряв терпение, поддал ей ребром ладони. Он смутно догадывался, что именно благодаря этому выступу можно проникнуть в чрево причудливого насекомого. Вот Найл, распалившись, хлопнул со всей силой — и тут под пальцами

что-то подалось (от неожиданности он даже вздрогнул). Часть бока плавно отъехала в сторону. Юноша тотчас отскочил: дверь вела себя так, будто ею двигает кто-то невидимый. Однако внутри никого вроде и не было. Осторожно заглянув в открывшийся проем, Найл потихоньку забрался внутрь. Только там он обнаружил, что «глаза» у насекомого сделаны из чего-то прозрачного — вроде оплавленного огнем белого песка, который пропускает свет.

Найл находился в тесном помещеньице, где места хватало лишь на небольшие — кстати, обтянутые кожей — сиденья. Все здесь было так необычно, что впору рот раскрыть от изумления, и вместе с тем сбивало с толку. Понятное дело, где ж Найл мог увидеть (а тем более с чем-то сравнивать) усеянный тумблерами и кнопками пульт управления и рулевую колонку?

Увиденное и словами-то было трудно описать. Найла объял трепетный ужас. Перед ним, вне всякого сомнения, какая-то святыня, никак иначе.

Парень осмотрительно опустился на теплое от солнца сиденье и, заведя над пультом руку, чуть дыша коснулся растопыренной пятерней стекловидного, с пупырышками, его покрытия. Ничего особенного: чудище оставалось таким же смирным, никак не реагируя на его любопытство. А вот повыше пупырчатого покрытия была соблазнительно откинута крышка, и в углублении виднелись необычные предметы, которые Найл один за другим дотошно рассмотрел и ощупал. Когда невзначай надавил на масленку, в лицо тоненькой струйкой брызнуло машинное масло (Найл от неожиданности даже подпрыгнул). Попробовал на язык — пакость, отер лицо рукой. Набор отверток и гаечных ключей вызвал недоумение: зачем все это? Никогда еще в голове у юноши не возникало столько вопросов без ответов. Полная неясность. Найла очаровала короткая, длиной в полруки и сантиметр в обхвате, металлическая трубка вроде жезла. Вот так вес! Тяжелее матерого гранита. Найл, не колеблясь, решил, что эта вещь должна принадлежать ему; не уступит он ее ни брату, ни отцу, ни самому Каззаку — и не просите. Он увесисто шлепнул штуковиной себе по ладони и с удовлетворением отметил, что такой можно одним ударом пристукнуть муравья или оглушить жука, какой бы крепкий панцирь у того ни был. Имея подобное в руках, можно потягаться и с кратерными тварями.

Он вгляделся в предмет пристальнее. Концы трубки опоясывали концентрические ободки, а на одном имелся еще и кружок, который можно вдавливать,— с тонкой насечкой, диаметром около сантиметра. Найл зачем-то решил попробовать трубку на зуб, сунул ее в рот и прикусил. Вот те раз! Трубка сама собой начала удлиняться, выдвигаясь изо рта словно некая складная сигара. Конец ее случайно чиркнул по пульту управления. Внезапно послышалось высокого тона гудение, а сиденье внизу начало слегка вибрировать. Миг — и Найл был уже снаружи. Сидя на земле, он оторопело таращился на неожиданно ожившее, с готовностью помаргивающее глазками чудище.

На шум примчался отец. Найл спохватился: там внутри осталось новое оружие. Решимость пересилила. Юноша дерзнул сунуться внутрь и обратно появился с раздвижной трубкой-жезлом, в которой длины теперь было около трех метров.

— Это еще что такое? — растерянно пробормотал Улф.

— Сам не знаю.

На пульте управления мелькнул зеленый огонек, и гудение смолкло.

Отец с сыном обошли вокруг диковинного устройства, тщетно попытались сдвинуть его с места, пробрались внизу и в конце концов решили: ну его. Улфу захотелось взглянуть на трубку, и Найл неохотно уступил. Отец с хмурой сосредоточенностью ощупал вещь, со свистом рубанул ею воздух и, к облегчению Найла, протянул обратно.

Принимая трубку от отца, Найл взялся за нижний конец, что пошире. Тут раздался звонкий щелчок, и жезл быстро сократился, вновь приобретя форму продолговатого цилиндра.

Еще раз внимательно осмотрев предмет, Найл догадался, что секрет здесь в кружке с насечкой с торца. Стоило его утопить, как цилиндр вырастал в длинный заостренный прут. Благоговейно и вместе с тем несколько недоуменно оглядывая предмет, Найл кончиками пальцев ощутил исходящее от него тоненькое иглистое покалывание. Минут пять он только то и делал, что сдвигал-раздвигал, пока наконец не расстался с надеждой понять назначение этой штуковины. Кстати, возникающее при удлинении трубки покалывание почему-то казалось смутно знакомым.

Время шло, уже изрядно перевалило за полдень, пора было и собираться в дорогу. Возвратясь к стенам крепости, они по куче нанесенного песка взобрались наверх, там Улф спрыгнул во внутренний двор и стал оттуда подавать сыну поклажу. Когда Найл нагибался за вторым кузовом, первый — видно, поставленный неровно — накренился и принялся, повалившись, сползать по склону. Догонять его Найл не стал: у кузова сверху застежка, так что ничего наружу не вывалится. Пособляя отцу взобраться назад на стену, Найл случайно глянул на уехавшую поклажу, и ему вдруг показалось, что внизу, у подножия откоса, что-то вроде шевельнулось. Насторожившись, Найл вгляделся пристально, с напряжением.

Очевидно, кузов был увлечен вниз собственной тяжестью. Найл медленно двинулся вниз по откосу, не отрывая взгляда от кузова. И опять показалось, что кузов чуть шевельнулся. Осторожно потянувшись вперед, Найл взялся за лямку. Приподнимая, обратил внимание, как песок внизу осыпается медленными струями... О ужас! Совершенно неожиданно наружу выпросталась мохнатая членистая лапа, за ней другая. Секунду спустя Найл глаза в глаза стоял со здоровенным пауком, хлопотливо карабкающимся из песка наружу. Среагировал парень моментально, не задумываясь. Взмахнув увесистой трубкой, он что было силы хватил по мохнатой, совершенно бесстрастной (даже представить трудно насколько) физиономии. Паук засипел от боли. И тут Найл отскочил будто ошпаренный: всем телом он ощутил, как ядовитым жалом ожег его удар чужой воли. Он прекрасно понимал: стоит сейчас восьмилапому выбраться из песка, и тот мигом сгребет его в охапку, распластает, навалясь мохнатой тушей, пригвоздит передними лапами к земле и вгонит клыки. Оружие снова взметнулось у Найла над головой. Посыпались частые, исступленные удары — по пасти, глазам, не защищенному панцирем мыску на затылке. Властными ударами своей воли тварь словно хлестала Найла по рукам, пытаясь ослабить удары, но наталкивалась на его подхлестываемое ужасом сопротивление. И тут зловещий гнет как-то разом сник, словно выдохшись.

Отец стоял на откосе, онемев от беспомощности, и как завороженный наблюдал за происходящим. Увидев, что все кончено, он скатился вниз к Найлу.

Туловище паука вылезло из песка наполовину, и можно было различить, что размером он, безусловно, крупнее тех серых, с которыми им довелось столкнуться в крепости на плато. Этот размером был примерно с тарантула-затворника, заваленного осой-пепсис. Судя по двухсегментным клыкам с канавками для яда, этот был сродни тарантулам. Но мохнатое туловище тарантула обычно бывает бурого цвета, иногда с желтыми подпалинами, а этот черный как смоль. И глаза не в два ряда, а в один, причем как-то странно, ободом вокруг головы.

Оба невольно содрогнулись от страшной догадки. Это не какая-то безмозглая восьмилапая тварь, хоронящаяся в залах заброшенной крепости. Они убили паука-смертоносца.

Тут Найл вспомнил о двух паучьих шарах, проплывших в вышине до того еще, как изменился ветер. Орудуя складным жезлом как багром, он выволок неподвижную черную тушу из песка. Под ней обнаружилось шелковое полотнище шара.

Улф затравленно обернулся через плечо.

— Второй, наверное, где-то поблизости. Пойдем-ка подобру-поздорову.

— А как с этим быть? Если второй вдруг его отыщет, все раскроется.

Вспомнился внезапно дедов рассказ о мучениях тех двадцати несчастных, что прикончили смертоносца,— медленная, жестокая, жуткая пытка, длившаяся без перерыва много дней. Найла передернуло.

— Конечно. Надо его зарыть.

За считаные минуты забросали паука песком, а чтобы не разметало ветром, еще и надвинули несколько плоских камней. Когда уходили, Найл оглянулся. Уже с десяти метров совершенно незаметно. Когда дошли до берега озера, паренек, счистив следы крови и какой-то липкой белой пакости пучком травы, омыл трубку в соленой воде. Потом сложил ее и сунул на дно кузова. Отец с сыном спешили туда, где всходили на горизонте горы. На душе было сумрачно от тяжелого предчувствия. Словно чей-то недобрый взор неотрывно смотрел в спину, провожая через пространство пустыни.

Каззак знал, что советовать. На дальней стороне гор осадки оживили унылую пустыню, превратив ее в подобие оазиса.

Местность была чем-то похожа на дом. Пусть на переход пришлось пожертвовать еще один день, зато идти куда легче, чем на плато. Улф бывал в этих местах лет десять назад, но ничего не видел, кроме голого камня. А теперь вот благодаря какому-то капризу климата участок превратился в отрадную с виду местность. Разумеется, опасностей здесь прибавилось — от жуков-скакунов до скорпионов и других хищников, как правило, ночных. Поэтому отец с сыном, несмотря на жару, шли в дневное время, а на ночлег пристраивались где придется.

Истекали третьи сутки пути. Проснувшись утром в укрытии, сооруженном из камней и кустов терновника, Найл учуял странный запах. Как от шкуры гусеницы, когда ее выкладывают сушиться на солнце. Ветер дул с северо-запада. Откуда запах? Отвечая сыну, Улф пожал плечами и сказал: «Не знаю. Это запах Дельты». Запах преющей растительности, перемешанный с тошнотворно-сладким запахом тления. От Найла не укрылось, что, пока ветер не изменил направления, вид у отца был тревожно-растерянный.

На следующее утро с Улфом случилась история, которая могла бы плохо кончиться. Расположившись на привал в тени дерева — переждать жаркие послеполуденные часы, оба заметили движение в кустах, где-то в полусотне шагов. Там стоял куцехвостый зверек, вытянувшись на задних лапах, и силился дотянуться до веточки с лакомыми ягодами. Так как люди сидели не двигаясь, присутствия их животное не замечало. Улф, подхватив копье, осторожно выбрался из поля зрения зверька, а затем стал незаметно подбираться за кустами креозота. Найл аккуратным движением извлек свою трубку, утопил кнопку. Внезапно Улф резко вскрикнул. Животное, испуганно встрепенувшись, мгновенно исчезло.

Улф стоял на одном колене. Правая ступня и голень угодили, похоже, в какую-то дыру. Найл сначала подумал, что отец просто споткнулся и поймался в обыкновенную трещину на сухой земле. Но оказалось, отец вызволяет ногу с заметным усилием. Следом за ступней наружу выволоклось темное, поросшее волосом создание, напоминающее гусеницу. Найл не мешкая бросился на помощь и всадил острый конец трубки-жезла в извивающееся туловище. Но тварь и не думала отцепляться. Резко и мощно сократившись, она чуть не утянула ногу

Улфа обратно в дыру. В конце концов отцу удалось-таки высвободиться — правда, уже без сандалии, с сочащейся из щиколотки кровью. Найл орудовал жезлом до тех пор, пока нечисть не затихла.

— Что это такое?

Улф сел, взыскательно осматривая стопу.

— Личинка львиного жука. В норах прячутся, как тарантулы-затворники.

С час ушло на то, чтобы обработать раны — несколько глубоких продольных царапин, след не то зубов, не то челюстей. У Улфа имелась с собой мазь, сделанная из чертова корня. Разодрав на полоски кусок ткани, он смочил их и перевязал себе ступню и голень. Жаль было переводить на это добротную ткань — подарок Сайрис от Стефны,— но куда деваться. Улф переобулся в сандалии, подаренные Хамной, и снова в путь, но уже хромая, причем все заметнее. К вечеру добрели уже и до знакомых мест, милях в двадцати от пещеры. Спали опять на голой земле, наспех соорудив укрытие из камней и кустов. А к утру ступня у Улфа безобразно распухла и начала синеть. Найл взял отцовский кузов и взвалил себе на свободное плечо, так и шагал, неуклюже согнувшись, а Улф ковылял сзади, опираясь на древесный сук как на костыль. Оба сознавали, что надо во что бы то ни стало добраться к пещере до темноты: на следующее утро, не исключено, яд расползется настолько, что Улфу уж идти станет невмоготу. Так что мучились, но шли и протопали под палящим зноем не меньше десятка миль. Затем устроили короткий привал в тени большого камня. Перекусили, Улф ненадолго вздремнул. Нога у него к этому времени так раздулась, что на нее уже невозможно было опереться. Если бы не костыль, он бы уже и идти не смог. Часто приходилось останавливаться и отдыхать, по нескольку раз на одну милю. Когда солнце начало понемногу клониться к горизонту, у Улфа прорезалось второе дыхание. Шел равномерными тяжелыми шагами, не допуская остановок. Вот справа открылся вид на красные столбы и завиднелась вдали кактусовая поросль. К этому времени отец и сын уже так выбились из сил, что представляли собой легкую добычу для скорпиона или жука-скакуна, не говоря уже о тарантуле-затворнике. Найл опирался на складную трубку-жезл как на посох, так и брел, по-

шатываясь под тяжестью двух кузовов, мотающихся туда-сюда за спиной.

И вдруг глядь (надо же, и откуда?) — навстречу через песок уже спешат Вайг и Сайрис, а сзади усердно хлопочет ножонками Руна. Плечи Найла освободили от кузовов. Стало до смешного легко: дунь сейчас ветер — понесет, помчит его вперед. Сайрис, бережно обняв мужа за пояс, помогла ему одолеть последние полсотни метров до жилища. Уступая дорогу при входе, Найл бросил взор туда, где, отделенное простором пустыни, синело на горизонте плато, и невольно изумился. Както даже и не верилось, что его могло занести в такую даль. Та же Мерлью: а была ли она на самом деле?

Радость встречи все же была омрачена. Дедушка Джомар так сдал, что у него не хватало сил хотя бы подняться с постели и обнять возвратившихся. Пещера ярко осветилась масляными светильниками — в честь события запалили все шесть. Было ясно, что старику недолго осталось. За те две недели, что не виделись, Джомар совсем одряхлел: щеки ввалились, глаза запали, тронулись слезой. Сайрис сказала, что он только что оправился после лихорадки. Причиной же этого было, безусловно, одно: изнуренность жизнью. Все вроде бы повидал, все испытал, так что и жить больше незачем: умаялся, неинтересно. Не стало Торга с Хролфом, ушла Ингельд, и ходить уже, считай, невмоготу... Джомару разонравилось ощущать в себе теплоту жизни.

Он, казалось, с интересом прислушивался к рассказу о подземном городе Каззака, но когда следом спросил: «А там все так же водятся крысы среди развалин?» — стало ясно, что рассудок уже изменяет старику.

Сонное это равнодушие было Найлу вполне понятно. После дворца Каззака жизнь в пещере казалась невероятно скучной. Хотя в Дире он прожил лишь пару дней, те дни выявили в нем привязанность к людскому окружению, общению со сверстниками, совместным с ними мыслям и переживаниям. Вспоминая теперь об этом, он представлял тамошнюю жизнь в розовом свете. Все в том городе казалось удивительным, очаровательным. Он завидовал Ингельд: удалось же остаться, да еще навсегда! Нередко с теплым чувством вспоминал Дону, и грусть охватывала при мысли, что ведь он с ней даже не по-

прощался: когда уходили, девочка спала. Только мысли о Мерлью заставляли болезненно морщиться.

Без Торга, Хролфа и Ингельд пещера сделалась удивительно пустой. А теперь, когда было видно, что дни Джомара сочтены, в груди возникало горькое, безотрадное чувство утраты — нечто близится к концу. Старика переместили в глубь пещеры, чтобы не нарушать его сон. По утрам ему помогали выбраться на свет солнца. Там он сидел, поклевывая носом под жужжание мух, пока не сгущался зной. Время от времени в безветренную погоду Джомара относили под тень юфорбии. Найл садился рядом и караулил, держа возле себя копье на случай, если объявится вдруг какой-нибудь хищник. Втихомолку дивился: когда старик начинал проситься обратно в пещеру, руки у него были так холодны на ощупь, будто он только что выбрался из нее наружу.

Единственной отрадой Джомару была в те последние дни малышка Мара, не дававшая старику угаснуть окончательно. Девочке исполнился год, и ее стало не узнать. Сок ортиса превратил ее из нервного, капризного младенца в любопытного живчика, лезущего всюду. Она часами не слезала у деда с колен, вымогая, чтобы он что-нибудь рассказывал. Если тот медлил, она принималась барабанить кулачком в грудь, дескать: «Ну же, ну!» Дедушка рассказывал о том, как сам был маленьким, пересказывал легенды о великих охотниках прежних времен. А Найл сидел в углу, обхватив колени, и старался уяснить все, что рассказывает старик. Он и раньше был внимательным слушателем, а как побывал в Дире и наслушался историй о прошлом, так вообще увлекся не на шутку.

Однажды, когда Мару на коленях у Джомара сморил сон, Найл стал расспрашивать деда о заброшенном городе. Джомар рос неподалеку от тех мест, в предгорье, и среди загадочных руин проходили его детские игры. В тех местах водились птицы и мелкие грызуны, мальчишкой Джомар часто ставил на них силки.

Найл поинтересовался, что там за здание с высокими стройными колоннами. По словам Джомара, там было когда-то святилище. А вот на вопрос о странных коробах, высеченных из цельного камня, Джомар ответил откровенно, что ничего подобного не помнит. Из его описания напрашивалось, что

заброшенный город в ту пору был на десяток метров погребен под песком. Это объясняло, почему Джомар никогда не видел каменных коробов, равно как и металлического чудища посреди святилища.

— А сколько ты уже прожил, когда смертоносцы забрали тебя в свой город? — спросил Найл.

Старик молчал. Найл истолковал, что он не желает об этом распространяться. Однако после длинной паузы Джомар произнес:

— Это было, пожалуй... Я отживал тогда свое восемнадцатое лето, примерно так... То был черный день для людей Диры.

— Что тогда произошло?

— Они нагрянули на рассвете. Целые полчища понаползли. Я понял — ОНИ, едва проснулся.

— Как именно?

— Не смог пошевельнуться у себя на постели. Сесть решил, а на груди словно громадный камень какой. Хочу двинуть ногой, а не могу — отлежал будто.

— А почему так?

— Они нас будто пригвоздили. Мы все оказались в одинаковом положении.

— Но чем пригвоздили? Как?

— Волей своей.

У Найла мурашки побежали по спине. В голове мелькнула мысль о городе Каззака.

— И что потом?

— А ничего. Искали, покуда не нашли.

— Покуда не нашли? Вас? — Найл даже растерялся слегка.— Они что, не знали, где вы находитесь?

— Точно не знали, но чуяли, что где-то рядом.

— Должны ж они были знать, где вы находитесь, коли пригвоздили!

— Нет. Сначала именно пригвоздили, а потом стали отыскивать.

— А дальше что?

Джомар осторожно снял Мару с колена и переложил на постель, словно опасаясь, как бы темные воспоминания не просочились в душу ребенка.

— Они убили всех, кто пытался сопротивляться. Моего отца и вождя нашего, Халлада.

— Они пытались отбиться от смертоносцев?

— Нет, оружие здесь ни при чем. Они пытались воспротивиться силой своей воли. Паукам это не понравилось. Халлад был стойкого духа человек.

Джомар рассказал, как смертоносцы держали их весь день под землей как узников. Пауки не любили жару, им сподручнее передвигаться ночью. В течение дня твари пожирали тела убитых. В отличие от человеческих челюстей паучьи хелицеры движутся горизонтально. Джомару невыносимо было видеть, как четверо смертоносцев расправляются с трупом его отца; отвернувшись, он до боли зажмурил глаза. И все равно слышен был отвратительный звук чавканья и разрывания плоти. Если есть время, пауки предпочитают размягчать свою добычу ядом и поглощать, когда та уже пролежала несколько дней. На этот раз времени у них не хватало, надо было возвращаться в свое городище. И в тот вечер с заходом солнца смертоносцы отправились в долгий обратный путь. Кое-кто из них, воспользовавшись переменой ветра, отчалил на шарах — эти прихватили с собой детей. Взрослые для шаров не годились — крупноваты, потому отправились пешком. Шли долго, несколько недель, приходилось огибать морской залив. А смертоносцы не спешили, они твердо были настроены доставить всех пленников живыми.

Но почему, допытывался Найл, пауки так пеклись о том, чтобы сохранить своим пленникам жизнь? Втайне так хотелось, чтобы пауки оказались хоть чуточку «человечнее», тогда бы меньше мучил страх. Ответ Джомара, однако, успокоения не принес:

— Они нужны были для расплода, особенно женщины.— Джомар дышал хрипло, такой долгий монолог явно его утомлял.— До мужчин им особого дела нет, один может наплодить целый выводок. А вот с роженицами у них постоянная нехватка.

Неожиданно Мара тихонько захныкала во сне. Найл моментально смекнул, что это его вина: страх и неприязнь через него передавались ребенку. Джомар положил руку на лоб девочки, та вздрогнула и затихла.

— С роженицами постоянная нехватка.

— Как тебе удалось бежать, дедушка?

— На шаре. Мы завладели шарами.

Найл ждал. Наконец старик снова открыл рот:

— Двое моих сообщников служили жукам-бомбардирам. Это была их затея. Они-то смышленые, не то что недоумки из паучьего городища. Смертоносцы извели всех, кто хоть маломальски выделялся умом. Им надо, чтоб мы толстые были да глупые. А вот жукам все равно. Им главное, чтобы грохотало...

— Грохотало?

— Им нравятся громкие выстрелы, чем громче, тем лучше. Потому и люди нужны, которые разбираются во взрывчатых веществах. Эти двое и решили убежать, Джебил и Тиг. Они выведали, как делается газ для заполнения шаров — водород называется. Меня попросили помочь. Как раз накануне мне стало известно, что пауки собираются от меня отделаться. Так что терять мне было нечего. Я показал ребятам, где женщины изготавливают шары...

— Их делают женщины?

— Да, под надзором пауков. Мы просто вошли и взяли. Стража и не думала нас останавливать. Они, вероятно, рассудили, что нам велели отнести шары,— что им еще могло прийти на ум? Прежде никто не пытался убежать таким образом, мы первые. Вот они посторонились и пропустили нас.— Джомар рассмеялся.

Даже по смеху было видно, насколько он устал. Прошло минут пять, и Найл уже начал подумывать, что дед заснул. А тот неожиданно снова заговорил:

— Спутники мои оба погибли. Один канул в море, другой снизился в Дельте. С шарами, видать, не все было в порядке. А мой ничего, донес меня до гор, что возле озера. Опустился я в полусотне миль от того места, где нас похватали.

— Они потом ударились в розыски?

Дед сухо осклабился.

— С той вот самой поры и ищут.

Мара опять начала похныкивать.

— Тихо,— сказал Джомар и положил ладонь на лобик ребенку. Через несколько минут ровное дыхание старика показывало, что он и сам заснул.

Через два дня Джомар умер. Рано утром, когда старшие еще спали, их разбудила Руна.

— Дедушка не разговаривает.

И все сейчас же поняли, что он мертв; внезапное осознание этого дошло разом до всех. Джомар лежал на полу вниз лицом, вытянув руки вперед, словно рухнул с большой высоты. Лицо его, когда перевернули, было безмятежно. Стало ясно, что последние его минуты не были омрачены кошмарным видением пауков-людоедов.

Весь тот день Улф, Вайт и Найл копали возле юфорбии могилу; копали глубоко, чтобы до тела не добрались хищники. Но, посмотрев на место захоронения через несколько дней, Найл по ряду характерных признаков определил, что туда добрался жук-скарабей. В пустыне никакая пища не залеживается.

В тот вечер, когда не стало Джомара, Сайрис попыталась установить связь со своей сестрой в Дире. Для этого она перешла глубже в пещеру — в загородку, где скончался Джомар,— а остальные в глубоком молчании сидели в соседнем помещении, вслушиваясь в дыхание женщины: как только оно станет реже и глубже, так, значит, непременно вышла на связь. Сидели, дожидались с полчаса. В конце концов послышался досадливый вздох, и Сайрис появилась из-за загородки.

— Ну что ты волнуешься! — не выдержал наконец Улф.— В городе Каззака только муравьиным пастухам известно, когда светает. Остальные вообще не разбирают, что там — день наверху или ночь.

Сайрис кивнула, но не сказала ничего.

Вторую попытку она предприняла утром, перед рассветом, думая застигнуть Стефну во время сна, и опять безрезультатно. Прислушиваясь к дыханию матери, Найл примерно понимал, что она сейчас ощущает. Попытка выйти на мысленную связь начинается с того, что пытаешься как можно явственней представить облик собеседника, с которым надо сообщиться, и мысленно окликаешь его. Лучше всего, если попытку делают оба собеседника одновременно. Однако это необязательно. Если двое связаны чем-то общим, искренним, приязненным, то внимание собеседника, даже если он ни о чем не подозревает, все равно можно привлечь. Тот вдруг начинает испытывать бередящее, неуютное чувство. А когда наступает слияние, оба собеседника ощущают присутствие друг друга так же отчетливо, будто и впрямь общаются напрямую.

Если связи достичь не удается, то возникает некая блеклая, отягощенная особой неподвижной тишиной сфера, куда иной раз проникает разрозненное эхо чужих голосов. Обычно это означает, что собеседник сейчас занят — может статься, самозабвенно трудится. Бывает так, что вот уже зовущий притомился, а до собеседника едва доходит, что до него пытались дозваться. Такое порой случалось между двумя сестрами, поэтому обе в подобных случаях старались держать ум «приоткрытым» по возможности дольше на случай, если зов повторится.

Вот почему Сайрис забеспокоилась. Вглядываясь в блеклое пустое пространство, населенное сонмами далеких приглушенных голосов, она вынашивала под сердцем темное предчувствие: что-то случилось. И по мере того как, нанизываясь один на другой, проходили дни, предчувствие крепло, перерастая в уверенность.

Предчувствие томило и самого Найла. Ни он, ни отец не обмолвились, что прикончили смертоносца, но память о том цепко угнездилась в обоих. Памятен был и рассказ Джомара: какой жуткой казни предали горстку жителей пустыни, поднявших на паука руку. И о том, как в день песчаной бури проплыли по небу два паучьих шара. Недавний поединок — с того момента, как мохнолапый впился в Найла глазами, и вплоть до секунды, когда тот в последний раз дернул своими членистыми конечностями,— длился не больше полминуты. Однако агонизирующему существу хватило бы времени подать сигнал тревоги своим.

Каззак считал свой город неприступным, но, понятное дело, он лишь выдавал желаемое за действительное. Смертоносец и лапой не коснется, а взглядом прошпилит так, что не пошевелишься. Найл сам это недавно на себе испытал. Еще и Джомар рассказывал, как их всех замели в плен, что лишь подтверждало, какую внутреннюю силищу имеют пауки.

Спустя неделю после кончины Джомара наихудшие опасения подтвердились. Все случилось тем самым утром, когда Найл наклонился над чашей уару утолить жажду и случайно перехватил взглядом плывущий по небу шар. И в тот день, когда паучья армада заполонила небо и жилище сотрясалось от жалящих ударов насылаемого страха, юноша никак не мог освободиться от тяжелой мысли, что в нагрянувших бедах ви-

новен именно он, Найл. Утешал он себя единственно тем, что уж коли пауки развернули такие поиски, то им действительно неизвестно, где прячутся мятежники люди.

А когда вчера засыпал, мозг вдруг захолонуло от страшной мысли: а ну как Ингельд, угодив смертоносцам в лапы, выдаст, где они скрываются?

Улф, видимо, мучился той же мыслью. Наутро за едой он сказал:

— Будем уходить. Возвращаемся на прежнее место, у подножия плато.

— Когда? — только и спросила Сайрис (взор опустелый, притихший — видно, что не спит ночами).

— Сегодня, ближе к сумеркам. Задерживаться глупо. Они будут здесь роиться, пока нас не отыщут.

Найл взглянул украдкой на ногу отца: опухоль все еще не сошла.

— Ты думаешь, тебе легко будет дойти?

— Рассуждать не приходится.

— Сейчас бы сюда листья герета,— произнес Вайг.

Куст этого растения рос примерно там, где начинается пустыня. Его листья обладают мощными целебными свойствами. Истолчешь их в кашу, приложишь, и любая опухоль сойдет на нет в считаные часы.

— Я видел один такой, когда мы шли обратно из Диры.

— Где?

— Недалеко, часа два ходьбы.

— Я пойду с тобой.

Улф качнул головой.

— Ты, Вайг, понадобишься здесь. Отправляться будем сегодня, поэтому предстоит много работы. Найл у нас уже взрослый парень, может сходить один.

И Найл, закончив еду, сразу же отправился. С собой он прихватил сплетенную из травы сумку для листьев, фляжку с водой и металлическую трубку-жезл. Раздвинутая на всю длину, она могла служить как посох. Ее тяжесть в правой руке придавала уверенности. С такой любой хищник не страшен.

До полудня оставалось по меньшей мере часов пять. Если ничего непредвиденного на пути не произойдет, к этой поре можно уже вернуться домой.

Одолевая свой десяток миль, Найл не забывал зорко посматривать по сторонам. Не ускользнул бы от него ни чуть заметный бугорок — признак обиталища тарантула-затворника, ни скользящий по небу паучий шар. Обходил он загодя и большие камни: именно под ними имеют привычку укрываться скорпионы. Временами Найл настороженно сосредоточивался, выявляя умом потаенные признаки возможной опасности. Обостряющимся в такие моменты чутьем он ощущал всякое трепетание враждебной воли. Но сейчас никакой опасности поблизости не чувствовалось. Был, правда, здоровенный паук-верблюд, остановившийся достаточно близко — рассмотреть, что там такое движется: грызун, ящерица или еще какое-нибудь съестное. Убедившись — нет того, что нужно,— насекомое заспешило своей дорогой. Найл так и не мог взять в толк, почему пауки-верблюды не интересуются людьми.

На расстоянии мили от поросли, где они как-то наткнулись на гигантского сверчка-сагу, Найл и отыскал тот самый куст герета, что приметил ранее. Высоты в нем было метра два, на концах широких глянцевитых листьев виднелись красненькие отростки, из которых впоследствии должны появиться остроконечные цветы. Растение, к удивлению Найла, оказалось целиком покрыто шелковистой паутиной, отчего куст имел вид шатра. Заглянув сквозь хитросплетение прозрачных волокон, он разглядел десятки малышей-паучат, каждый не больше сантиметра в диаметре. Стоило легонько коснуться паутины кончиком жезла-копья, как из потайного места сразу же показывалась мать-паучиха — посмотреть, что происходит. Она была буроватой масти. Большое округленное туловище опиралось на длиннющие передние лапы, покрытые мелкой шиловидной щетиной. Паучиха была около полуметра в поперечнике. Ее крохотные глазки взирали на Найла с какой-то даже осмысленностью.

Паука-шатровика Найл видел впервые, поэтому понятия не имел, ядовитый он или нет. Чтоб добраться до листьев, придется сечь паутину ножом. Паучиха, безусловно, вступится за своих малышей. Надо будет драться.

Несколько минут они не отрываясь смотрели друг на друга, затем паучиха потеряла интерес и отступила назад, под прикрытие широких листьев. Найл устроился так, чтобы различались выступающие из листвы кончики лап, и сосредоточился,

очистив ум от посторонних мыслей. Через считаные секунды освободившаяся голова утратила чувство времени, что очень важно для такого рода контакта. Едва это произошло, как в мозгах словно все перевернулось: показалось, что на паучиху Найл смотрит с огромной высоты. Еще миг, и он уже сам не отличает себя от этой твари.

Удивительно. Пытаясь в свое время вклиниться в умы серых пауков-пустынников, он явственно ощущал, какая бездна между его и их мозгом. Они как бы воздвигали некую преграду, противясь постороннему вторжению. Судя по всему, шатровику такое свойство не было присуще. Впечатление такое, будто паучиха не сознавала различия между Найлом и собой. Их сущности непроизвольно слились воедино. С серыми пустынниками слияния не получалось, как невозможно было бы смешать воду и нефть. То же самое и в незабвенной стычке со смертоносцем — но с разницей, что там паук сам пытался вжиться в человеческий ум.

Получается (поразительно!), на ум шатровика можно влиять едва не так же, как смертоносец воздействует на человека.

Раздалось нужное жужжание, в паутину врезалась мелькнувшая сейчас возле уха муха-росянка. Соблазнясь запахом красненьких цветков, она упустила из виду тонкие полупрозрачные волокна паутины. Паучиха тотчас пришла в движение, и стало понятно, что она голодна. Несколько насекомых, случайно угодивших сегодня в сеть, без труда вырывались, будучи слишком крупными и сильными. А блестящая черненькая росянка — не больше пяти сантиметров длиной — увязла лапками в клейких тенетах. Паучиха в два витка очутилась возле мухи и, всадив клыки, впрыснула быстродействующий паралитический яд. Прошло несколько секунд, и муха сделалась квелой. Вытянув через паутину длинные передние лапы, охотница подтащила добычу к себе. О Найле к этой поре она совершенно забыла. Она не могла охватить его своим меленьким умишком, человеческое сознание было для нее непостижимо огромных размеров. Челюсти насекомого с хрустом вгрызлись в мягкую брюшину росянки, все еще живой, но не способной пошевелиться.

Находиться в уме у насекомого в момент, когда оно с голодной жадностью выедало живую плоть, было делом не из приятных. Найла затошнило. Одновременно с тем четкость

ощущений изумляла. Круговая панорама зрения насекомого, удовольствие от насыщения этой первой на дню пищей. Найл недоуменно поглядел на собственные руки — убедиться, что у него не длинные лапы, покрытые шипастой щетиной. Чувствовалась даже владетельная нежность к паучатам, карабкающимся среди листвы и высматривающим места, откуда можно поглазеть на залитый солнцем ослепительный мир снаружи.

Он сознавал и определенную неловкость (на уровне инстинкта), которую ощущала сейчас паучиха. Она бы и рада полностью переключиться на охоту, да мешает необходимость присматривать за потомством. (Найл определил, что бесхитростное насекомое добывает пищу, даже подстерегая и накидываясь на пролетающую мимо добычу, не особо надеясь, что та сама попадет в тенета.) Она же, будучи матерью, знала и то, что дети у нее голодны, им бы надо оставить часть трапезы. Однако собственный голод пересиливал заботу о потомстве. Выбора у паучихи не было, ею всецело руководил инстинкт.

Найл мысленно «устроил», чтобы насекомое перестало есть. Затем добился, чтобы паучиха сбросила остатки росянки паучатам, которые мгновенно сгрудились вокруг пищи, покусывая друг друга от нетерпения скорей добраться до еды. Почувствовав неутоленный голод бедной твари, Найл усовестился, что сыграл с ней такую каверзную шутку.

Ощущение было поистине самое ошеломляющее (что необычное, уж и говорить не приходится) из всех, какие он когда-либо испытывал: править волей чужого существа. Найл ловил себя на том, что относится с явной симпатией к насекомому, которое, по сути, стало частью его самого. Оказывается, в этом волнующем ощущении имелось некоторое сходство с чувством, что он испытывал к Мерлью: желание слиться с ней, овладеть ее волей. Вот почему, понял он, в нем проснулось такое волнение, когда та поцеловала, а затем куснула его за ухо, словно давая тем понять, что вверяется ему вся. Вот почему так растерян и подавлен он был, когда услышал вдруг уничижительное «тщедушный». Найл понял, что Мерлью действовала обманом с тем лишь, чтобы подчинить его волю себе...

От разгулявшихся эмоций Найла паучиха пришла в беспокойство. Ревность была ей незнакома, и это ощущение она нашла неуютным и пугающим. Несмотря на ядовитость и при-

вычку питаться живыми существами, она, в сущности, была безвинным и легкоранимым созданием. Как странно: парень едва ли не чувствовал дружеское расположение к твари, пожирающей добычу заживо.

Найл бережно раздвинул нити паутины возле верхушки куста и начал аккуратно обдирать листья. Самое лучшее снадобье получается из тех, что помельче и потолще. Он был так поглощен наблюдением за паучихой, с удивленным вниманием прислушивающейся, что там делается с ее сетью, что почти упустил из виду пятнышко тени, проплывающее в десятке метров. Внимание остановилось лишь на следующей, будто отброшенной легким облачком, даром что небо было ясным. Именно из-за этого паучьи шары плыли так медленно и так низко над землей...

Как и в прошлый раз, отрешенность позволила подавить импульс страха прежде, чем тот успел оформиться. Шары шли так низко, что сомнения не было: еще минута — и Найла непременно обнаружат. Он отнесся к этому со спокойствием человека, понимающего, что выхода все равно нет. Он был как на ладони, на совершенно открытом месте. Стоял без движения, уставя глаза на куст и стремясь слиться разумом с паучихой. Они догадываются о его присутствии, в этом нет сомнения. Они угадывают укромное свечение всякой жизни. Минут через пять Найл поднял взор. На его глазах из поля зрения уплывал последний шар. Отчетливо различался силуэт смертоносца, сидящего, свеся лапы, под шаром в полупрозрачном пузыре. Медленно опустившись на землю, он, не отрываясь, смотрел им вслед. В отдалении на северо-западе маячили красные столбы. Пещера от них находится прямо к югу. Пауки держали курс именно туда. Не было никакого сомнения, что к ней они сейчас и направляются.

Саднящая мука пронзила сердце. Очевидность предстоящего исхода ошеломила, сломила Найла. Он же, по сути, был все еще ребенком, его жизнь проходила под родительским глазом и опекой. И вот совершенно внезапно его мир сокрушился вдребезги. Первое, что нахлынуло, это детски безудержный страх одиночества, сознание беспомощности и жалости к себе, от которых тянет зарыдать в голос. Но следом рождалось и крепло уже иное чувство: ты уже не ребенок, ты взрослый человек. Это придало твердости. В то же время Найлу подума-

лось, что есть еще возможность оповестить семью. Скрестив под собой ноги и склонив голову, Найл стал настойчиво выходить на связь с матерью. После нескольких минут мучительной сосредоточенности наступило изнеможение. Найл попробовал еще раз, принуждая ум к спокойствию, но уже само ощущение, что послание требует срочности, сводило на нет все усилия. У него никак не получалось расслабиться, погрузившись в отрешенное, лишенное чувства времени созерцание, из которого только и можно установить контакт.

Прошло изрядно времени, прежде чем Найл сумел побороть слабость, от уныния лишь возрастающую. Зной все усиливался — что высиживать тут? Отправившись в обратный путь к пещере, Найл почувствовал себя определенно лучше. Было даже какое-то мрачное злорадство от того, что жар ему нипочем. Начинала одолевать усталость, струился ручейками пот, но Найл взирал на все это как бы со стороны, словно бы мучился не он, а кто-то другой.

Завидев растопыренный кактус-цереус, Найл ощутил тепло смутной надежды. Внешне все как будто не вызывало тревоги. Но уже в трехстах шагах от жилища Найл заметил нечто, заставившее насторожиться. Большой камень и терновый куст, обычно закрывающие вход, были откинуты в сторону, растение валялось чуть поодаль. Неутешное чувство бесприютности сделалось таким невыносимо острым, что казалось, вот-вот не выдержит и разорвется грудь. Сорвавшись на бег, юноша кричал сквозь слезы. Собственный голос, будто пощечина, заставил опомниться. Найл пришел в себя.

Поперек входа лежало распростертое человеческое тело. По обнаженной груди заметно: мужчина. На секунду Найл испытал облегчение, землистое распухшее лицо было незнакомым. И тут взгляд упал на браслет, охватывающий бицепс. Перед Найлом лежало тело отца. Паучий яд вкупе со зноем сделали свое дело, труп начал уже разлагаться.

В пещере горели три масляных светильника. Семья напоследок решила, видимо, позволить себе роскошь. Корзины с провизией и запасом воды аккуратным рядком ждали возле стены. Скатана в рулон принесенная Найлом из Диры ткань. Следов борьбы нигде не было. Копья стояли где им положено, у входа. На постели Руны лежала чашка с недоеденной муравьиной кашей. Если б не жуткий труп у порога, можно было по-

думать, что семья просто ненадолго отлучилась. Подхватив один светильник, Найл обошел всю пещеру. Никого. Муравьи и те пропали.

Найл сидел на постели с жестким, окаменевшим сердцем. Бремя свалившегося горя сокрушило все чувства. Даже труп отца уже не вызывал эмоций.

Юноша сидел, уставясь перед собой пустым неподвижным взором, не зная, как остаться с внезапным своим одиночеством, сомкнувшимся глухой стеной вокруг. Взор перекочевал на чашку каши, и в голову проникла мысль, что Руна и Мара, может, еще и живы. Это сразу же положило конец безразличию. Выйдя наружу, Найл вгляделся в глинисто-песчаную корку пустыни. Сухой и жесткой была она, но пытливому глазу охотника несколько невнятных отметин дали безошибочно понять, в каком направлении удалились пауки. Они ушли на северо-запад, к морю.

Возвратясь к пещере, Найл собрался с духом и тащил, ухватив за одежду, труп до самой отцовской постели. Раздувшееся лицо мертвеца имело вид жутковатого изваяния, между раскрывшимися черными губами виднелись желтые зубы. Найл отвернулся, не в силах смотреть. Тело Улфа он накрыл тканью, принесенной из Диры,— не из уважения, а скорее из неприязни к мертвому лицу. Затем переложил в одну из заплечных сумок кое-что из еды. Не забыл и раздвижную трубку-жезл.

Как и что делать, он до этой секунды совершенно не задумывался. Во время обратного пути к пещере главное для него было забыться хотя бы на время ходьбой, чтобы не остаться наедине со своей беспомощностью. Не будь в пещере смердящего трупа, отравляющего воздух, то еще и неизвестно, двинулся бы Найл куда-нибудь вообще.

Уходя, он завалил вход камнем, затем с полчаса подсовывал в щели камушки помельче. Солнце было теперь над самой головой, но Найла это не очень-то и заботило. Главное — удостовериться, что в пещеру не проникнут хищники. Место, десяток лет бессменно служившее семье жилищем, теперь превратилось в усыпальницу Улфа. Сыну хотелось, чтобы прах отца покоился в неприкосновенности, пока дети, возвратясь, не погребут его как воина.

Часть вторая

БАШНЯ

Найлу повезло, что днем не попались навстречу хищники. Сквозь злую и горькую обиду на судьбу он не замечал ничего вокруг себя. Похоже, он подошел к опасной грани: в душе остыло, опустело. Появись сейчас на дороге скорпион или жукскакун, юноша лишь скользнул бы по нему скучным, презрительным взглядом, словно упрекая, что поздновато явились. Страха не было вообще (приятное, но какое-то диковатое ощущение).

Шел он быстро, двигаясь вдоль отметин на песке. Пауки ступали так невесомо, что следов за ними почти не оставалось; невозможно определить, сколько их было. Отпечатки ног Вайга и Сайрис виделись совершенно четко. Судя по глубине следа на мягком песке, шли они не налегке — возможно, несли Руну и Мару. Найл то и дело цепко всматривался в сторону горизонта, но тот был чист.

Путь лежал через западную оконечность каменистой пустынной земли, ориентировочно между пещерой и страной муравьев. Среди растительности чаще всего встречались терновник и тамариск, песок был равномерно усеян черными вулканическими камнями-голышами. Вдали рельеф постепенно загибался в горный хребет, на востоке чернели конусы потухших вулканов. Местность была неприглядной и угрюмой. Задувающий с запада ветер, перемахнув через голые раскаленные камни, иссушал пот сразу же, едва тот выступал из пор. Найлу доставляло удовольствие ощущать мрачное равно-

душие ко всем этим неудобствам. Память о вздувшемся трупе Улфа приводила к мысли: телесные страдания — пустяк.

Он напрочь утратил чувство времени и был слегка удивлен, обнаружив, что солнце, оказывается, совсем уже коснулось левого окоема. Тянулась под ногами рыжеватая земля. Вдаль уходили красные скалы, некоторые из них — узкие обелиски высотой более пятидесяти метров. Пора было подумать о ночлеге. Эта местность была одинаково ровной и голой во всех местах. В конце концов Найл набрел на плоский рыжий камень, вросший в землю под углом. Вдобавок там еще пристроился терновый куст. Полчаса у Найла ушло на то, чтобы выдрать растение из земли и утрамбовать место, откуда оно торчало. Затем Найл поужинал сушеным мясом и плодом кактуса. Вкус горьковатой воды из родной пещеры вызывал шквал щемящих сердце воспоминаний. Мучительно захотелось вдруг разреветься. Стиснув зубы, он переборол себя и пошел собирать камни, чтобы сделать укрытие недоступным для ночных хищников. С чего бы, казалось, возводить укрытие среди ровной и совершенно голой равнины? Найлу просто хотелось забыться трудом. Сквозь скорлупу онемения не так донимает неизбывное горе.

Осторожность, однако, себя оправдала. В этом пришлось убедиться в глухой предрассветный час. Найл пробудился, почувствовав, как за терновым кустом что-то грузно возится. Свет луны уже тускнел, и в молочном сумраке смутно различались очертания какого-то крупного существа, быть может скорпиона. Тварь обнаружила присутствие Найла — должно быть, он случайно дернулся или вскрикнул во сне. Вытянув руку, юноша сжал металлическую трубку. Было слышно, как тварь сухо скребется панцирем о камни. Вот шевельнулся терновый куст. Найл, схватившись за него обеими руками, попытался удержать. Сообразив, что ему сопротивляются, существо начало огибать куст, выискивая, куда можно сунуться. Найл резко, волчком сел, прижавшись затылком к камню. Тварь, почуяв движение, взялась за работу с удвоенной силой. В фасеточном глазу мелькнула раздробленная луна. Тварь пыталась проделать брешь между нагромождением камней и верхушкой тернового куста, используя защищенные панцирем плечи как таран. Найл почувствовал, что ступню щекотнул щупик. По-

давшись вперед, он с силой утопил кончик трубки. Та, щелкнув, раздвинулась на пару шагов. Обмирая от ожидания, что его вот-вот кромсанут челюсти, Найл опять с размаху двинул копьем в темноту и, судя по всему, угодил куда надо: оружие вошло во что-то мягкое. Существо не мешкая развернулось и пустилось наутек, свет луны отливал на чешуйчатой спине. Уж кем бы эта тварь ни была, но решила, что добыча с таким опасным жалом ей не по зубам. Найл же подтянул куст на прежнее место и снова улегся, положив оружие возле себя. Глаза открыл уже с рассветом. Подрагивая от утренней прохлады, он лежал и наблюдал, как восходит солнце. Пожевав сушеного мяса и запив водой, он продолжил путь в сторону гористой возвышенности.

Чем выше, тем становилось прохладнее. Переливчато дрожал вдали теплый воздух. Земля была очень жесткой, и следы не читались, но Найл был уверен, что семья прошла именно здесь. Выщербленная, полуразрушенная тропа была когда-то в забытой и дорогой его сердцу древности, и, очевидно, по ней пролегал главный путь через холмы. На одном из участков, где дорога спускалась в узкую лощину, скопилась пыль, и на ней явственно различались следы Сайрис и Вайга, а также невнятные отметины пауков.

Через несколько миль Найл совершенно неожиданно для себя вышел на емкость с водой, стоящую возле дороги. Она была сделана из массивных гранитных плит, доставленных явно издалека. Ширина около двух метров, сверху большой, наполовину сдвинутый плоский камень. Вода была кристально прозрачная, под ее поверхностью лепился к каменным стенам зеленый лишайник. Найл вынул из мешка кружку (ее вырезал из дерева Джомар) и зачерпнул воды, такой холодной, что сводило зубы. Напившись вволю, он облил себе голову и плечи, громко хохоча от восторга и облегчения. Вода проделывала влажные дорожки в припорошившей кожу пыли.

Оказывается, здесь останавливались и мать с братом: он узнал след санлалии, той самой, принесенной матери в подарок от Стефны. А вот следов малышей никак не обнаруживалось, хотя Найл все вокруг осмотрел.

И, вглядываясь в воду, в поросшие мхом камни внизу, он почувствовал в себе призрачное свечение нарождающейся энергии, огонь, моментально погасший при воспоминании о по-

гибшем отце. Одновременно с тем Найл впервые за два дня ощутил неизъяснимое чувство радости — просто так, оттого что жив. Он заглянул в воду, давая уму расслабиться, и будто соскользнул в прохладную глубину, сияющую мягким светом. Ощущение такое, словно утопаешь в удобной постели, а сознание в то же время остается начеку. Какая-то часть Найла все же сознавала, что волосы у него мокрые, и солнце обдает лучами спину, и колени жестко опираются о землю. Другая же, совершенно обособленная, степенно плыла в тенистой прохладе — не спешно, отрешенно,— словно время прекратило свое существование.

Вдруг вода неожиданно исчезла, и оказалось, что он смотрит на своего брата Вайга. Тот лежал на спине — глаза закрыты, голова уткнулась в корневище. По всему видно, что измотан: вон лицо какое осунувшееся, посеревшее, будто безжизненное. Но ничего, дышит — грудь мерно вздымается и опадает. Поблизости угнездилась неразлучная оса, словно оберегая сон хозяина.

Мать сидит рядом, прихлебывая воду из чашки. Тоже устала донельзя, лицо покрыто сетью темных морщин там, где пот смешался с дорожной пылью. Найл сознавал, что эта сцена происходит на самом деле, только непонятно, где именно. Как она возникла, тоже неясно. Почему-то нигде не было видно двоих малышек, а разомлевшие на солнце четыре паука имели почему-то не черную, а бурую окраску. Управляя своим внутренним влиянием, Найл мог различать их так же тщательно, как если б сам стоял возле них. Туловища у пауков были ворсистые. Их физиономии удивительным образом напоминали человечьи лица. У пауков были большущие черные глаза, созерцающие мир из-под выроста наподобие лба. Чуть ниже помещался ряд глаз помельче, а ниже — еще один вырост, похожий на приплюснутый нос. Челюсти-хелицеры со сложенными клыками напоминали бороды. Брюшина была меньших размеров и более подтянута, чем у большинства их сородичей-пауков. Когда один из них, с тяжелой силой поднявшись на передние лапы, повернулся навстречу яростно сияющему солнцу, стало видно, насколько все-таки ладно, даже атлетически сложены эти твари. Им, несомненно, доставляло удовольствие нежиться на солнце.

Прежде Найл ни разу не видел бойцовых пауков, но сразу же стало ясно, что это — охотники, настигавшие добычу одной лишь скоростью. Не укрылось и то, что глаза у них имеются еще и сзади — крупные, черные, дающие круговую панораму обзора.

Пейзаж вокруг был во многом схож со страной муравьев. Зеленая равнина с деревьями и кустами (на ближнем различались красные ягоды). Были еще пальмы и высокие хвойные деревья. Но на них Найл толком и не глядел, он в основном присматривался к паукам.

Интересно — он сознавал, о чем сейчас думают бойцовые пауки. Они жили охотой, не дожидаясь, пока добыча сама угодит в тенета. Может, поэтому их мысленный склад не так разительно отличался от человеческого, в отличие от тех, что караулят в засаде. Их склад можно было назвать скорее активным, чем пассивным. Вот этот бархатисто-коричневый, с видимым удовольствием подставляющий личину навстречу немилосердному зною, думает сейчас, сколько дней понадобится, чтобы добраться до дома. Найл попробовал выяснить, что в понимании паука означает «дом», и разглядел в своих мыслях вызывающую оторопь картину. Гигантский город, где сплошь невероятные, из одних проемов состоящие строения, напоминающие башни термитов. Между башнями натянута паутина — волокна толстые, как веревки. А в одной из удивительных этих башен сидит, будто в засаде, тварь, упоминание которой вызывает у всех немой ужас. Попытавшись уяснить ее сущность, Найл словно очутился в огромном темном зале, который толстыми гирляндами прочерчивали бесчисленные волокна белесой паутины. А откуда-то из самого темного, занавешенного непроницаемыми тенетами угла на него с холодным любопытством взирали два черных зрачка.

Найла вдруг охватило безотчетное смятение, от которого тело зазнобило. До этой секунды он ощущал себя просто отстраненным наблюдателем, бесплотным и в силу того неуязвимым. А вот теперь, глядя на впившиеся в него из-за паутинной завесы глаза, Найл почувствовал, что, по сути, сам находится в этом зале и его бдительно досматривает бесконечно чужой, запредельный, беспощадный разум. Когда смятение сгустилось в необоримый страх, Найл невольно зажмурился. Видение тотчас исчезло. Перед глазами снова была прозрач-

ная вода, неподвижно стоявшая в скользких мшистых стенах резервуара.

Опасливо обернувшись, Найл облегченно вздохнул: никого поблизости нет. Тело, несмотря на дневную жару, было холодно как лед. И хотя вокруг, помимо рыжеватого камня-песчаника, ничего не было, Найла не оставляло чувство, что те непроницаемые темные глаза, выглянувшие из густых тенет, все так же цепко за ним следят. Прошло несколько минут, прежде чем образ истаял окончательно.

Едва ощутив кожей возвращающееся тепло солнца, Найл с удивлением понял, что голоден. Два дня — вчера и позавчера — прошли как в забытьи, он почти ничего не ел, даже не вспоминал о пище. Теперь аппетит возвратился. Он ел не спеша, с удовольствием пережевывая сухие хрусткие хлебцы, принесенные из Диры, и наслаждался роскошью — крупными глотками холодной воды, которую можно пить вволю.

Наполнив из резервуара фляжку, он, расслабясь, улегся в тени терновника, но перед тем ткнул меж корнями копьем: нет ли сороконожки. Раскинувшись в жидкой тени куста, Найл задумчиво смотрел в бледно-голубое небо. Вместе с аппетитом, как видно, возвратился и оптимизм. Ясно, что со смертью отца Найла окутала пелена безразличия к жизни, превратив в сомнамбулу. Теперь он словно очнулся, и внутренние силы в нем постепенно восстанавливались.

Оставляя пещеру, он преследовал единственную цель: нагнать семью. Не думая об этом в подробностях, он, однако, допускал мысль, что для этого, вероятно, придется сдаться в неволю паукам.

Однако он-то полагал, что свои уже в лапах у смертоносцев. Оказывается, еще нет. Тогда положение не такое безнадежное. Сдайся он в плен, бурые охотники не будут спускать с него глаз. А будучи на свободе, он сам может за ними следить и изыскивать возможность вызволить семью...

Прежде чем что-то предпринять, нужно вначале нагнать дорогих своих невольников. Найл тяжело (настоящего-то отдыха так и не было) поднялся на ноги, навьючил на спину суму и поплелся вверх по тропе.

Дорога вилась меж колоннами изъеденного ветром песчаника. Кое-где столбы лежали поперек дороги, словно опроки-

нутые бурей или землетрясением. С высотой тропа делалась все круче. Ближе к вершине он остановился и, обернувшись, окинул взором местность позади него. В невероятной дали виднелось подернутое заревом громоздкое плато, окруженное пустыней. Впечатление такое, будто Найл — единственное живое существо на всем этом бескрайнем оголенном просторе. Юноша смотрел долго, не отрываясь. Земля, на которой прошла вся его жизнь. Затем повернулся и поплелся вверх. До вершины оставалось еще метров пятьсот.

Изошедшее потом тело неожиданно обдало прохладой. Меж крутых известковых скал засквозил стойкий ветер. Он нес запах, прежде Найлу неизвестный: чистый, свежий, вызывающий невольный трепет сердца. Минут через десять глаза уже различали зеленую полоску низменности, за которой открывалась безбрежная панорама водной глади. Даже с такого расстояния стойкий резкий ветер доносил терпковатый запах водяной пыли. От неизъяснимого восторга гулко застучало сердце. Чувствовалось, озирает он землю, сохранившую давнюю память о той поре, когда ею еще не владели пауки.

Было уже изрядно за полдень. Если ночевать на равнине, то отправляться надо сейчас. Найл поднес к губам флягу смочить горло перед долгим спуском.

«Берегись, Найл»,— совершенно отчетливо прозвучал где-то рядом голос. Не успев глотнуть, парень, вздрогнув, едва не выронил флягу. Вода попала не в то горло, и он закашлялся. Он подумал, что где-то сзади стоит мать. Оглянулся — никого. Даже выступа подходящего нет, чтобы укрыться. Найл находился посреди тропы, стиснутой с обеих сторон скалами.

Он упорно скреб взглядом зеленую низменность, простертую внизу,— кустарник, деревья. Ни следа присутствия живых существ. И все же откуда-то снизу на него должна сейчас смотреть мать. Она, должно быть, углядела его силуэт на фоне неба. А если видит его она, то он и в поле зрения бурых бойцовских пауков. Найл долго, неотрывно всматривался в попытке определить, где же они все, эти невидимые наблюдатели, и тут опять раздался голос: «Уходи, уходи назад». Голос звучал где-то в грудной клетке — скорее мгновенный импульс, чем словесное послание.

Обернувшись, Найл окинул тропу, по которой шел, и понял, что идти назад бессмысленно — некуда. Можно спрятаться на несколько часов в случайной трещине или утлой пещерке, так ведь все равно отыщут. Настоящего укрытия на голом ландшафте не было.

Оставалось либо торчать здесь, либо двигаться вперед. Найл сделал выбор, особо не колеблясь. Все же лучше действие, чем бездействие. Вскинув суму на плечи, Найл отправился вниз, к равнине, по медленно петляющей ленте тропы.

Едва определившись с решением, Найл почувствовал удивительную, граничащую с беззаботностью легкость. Он был молод и неискушен, ему не доводилось испытывать настоящего, темного, накопившегося с годами страха. Отец или дед, встав перед таким же выбором, и думать бы не стали: мгновенно обратились бы вспять и стали искать укрытия, не столько даже из страха, сколько из убеждения, что угодивший в лапы смертоносцев уже не жилец. Неискушенный Найл без особой опаски относился к возможности скорого плена. В не наступившем еще будущем у надежды было достаточно места.

Ведущая вниз тропа оказалась прямее, чем подъем с юга, но одновременно и круче, что в конце концов отразилось на голенях — те заныли. На одном из участков спуска море исчезло из виду, и беспечность Найла приослабла. И все равно бодрила мысль, что скоро он снова увидится с матерью и братом. Найл напрягал и напрягал зрение, неустанно выискивая в глубине зеленой низменности малейшие признаки движения. Уже не раз и не два на пути попадались места, вполне годные паукам для засады, и всякий раз при этом Найл обмирал в напряженном ожидании. Но вот уж два часа как истекло, и дорога стала более пологой, и до ближайших деревьев не более пары сотен шагов. Парень уже сомневался, не ошибся ли, полагая, что пауки догадываются о его приближении. Такая мысль принесла даже некоторое разочарование. Впереди теперь не просматривались ни развесистые кусты, ни большие камни, способные прикрыть собой достаточно крупное насекомое...

Не успел об этом подумать, как краем глаза уловил мимолетное движение и тут же грянулся оземь с такой силой, что дыхание перехватило. Мощные лапы, схватив, перевернули

его вниз головой и вздернули в воздух, не давая отнять руки от корпуса. Увидев перед самым носом бесстрастно-задумчивые глаза и вздыбленные клыки, Найл завопил от ужаса. Он инстинктивно застыл в слепой надежде, что неподвижность как-нибудь уймет ярость твари. Вот еще одна пара когтистых лап перехватила со спины. Он почувствовал, как стряхивают с него суму, а вокруг притиснутых к бокам рук пропускают липкую шелковину.

Секундное замешательство сменилось странным спокойствием. Уверенность, может статься, появилась от некоего человекообразия твари. Она походила на краба с морщинистым стариковским лицом. Тело источало специфический, но не лишенный приятности мускусный запах. В выпущенном виде клыки смотрелись жутковато, в сложенном напоминали забавную пучковатую бороду. После нескольких ужасных мгновений, когда казалось, что клыки вот-вот впрыснут яд, до Найла дошло, что лишать жизни его не собираются. Найл своей неподвижностью дал понять, что не пытается сопротивляться.

Державший Найла паук поднял свою ношу повыше, чтобы его напарник мог пропустить паутину вокруг лодыжек. Шелк, еще влажный, был эластичен, упруг — сами волокна не толще травинки песколюба,— однако чувствовалось, что прочен он необычайно. Лодыжки пристали друг к другу так, что не разомкнуть.

Обезопасившись от возможного сопротивления, паук взвалил добычу себе на спину, придерживая передними лапами — теми, что покороче,— и рванул внезапно с места, да с такой скоростью, что у Найла перед глазами поплыло. Восьмилапый несся, подныривая, и парня при каждом новом рывке резко подкидывало. Временами казалось, что еще минута — и он соскользнет с бархатистой спины, но паук всякий раз, не сбавляя хода, тянулся передними лапами и поправлял ношу. Сзади неотступно следовал напарник с сумой Найла.

Найл часто наблюдал, как очумело чешет через пустыню паук-верблюд или фаланга, будто ком травы под ураганным ветром. Никогда не помышлял, что когда-то и ему придется видеть, как проносится перед глазами земля по полсотни миль в час. Найл пробовал смотреть на горизонт, чтоб поменьше кружилась голова, но бесполезно было пытаться удержать взор

на одной точке — самое большее несколько секунд,— так она билась о паучью спину. В конце концов юноша закрыл глаза и, стиснув зубы, сосредоточился на том, чтобы как-то превозмочь неистовую тряску, от которой кровь молотом долбила в виски.

Он неожиданно забылся и так же неожиданно пришел в себя. Очнувшись, почувствовал, что кто-то над ним склонился и смотрит в лицо. Почти тотчас почуял знакомый запах волос. Его, крепко обняв, поцеловала мать. А вот и Вайг! Он помог брату сесть и поднес ему к губам чашку с водой. Во рту у Найла пересохло, в горле першило от пыли. Сделав первый глоток, он долго и сильно кашлял. Обнаружилось, что руки и ноги у него свободны, только кожа сильно натерта в местах, где, судя по всему, отдирали липкую паутину.

В голове постепенно прояснилось: видно, он на самом деле лишился чувств. Паук, на спине которого он так лихо прокатился — самый крупный из четверых, должно быть, вожак,— стоял поблизости, взирая на своего седока бесстрастными черными глазами. Линия между ртом и сложенными челюстями-хелицерами напоминала чопорно поджатые губы. Ожерелье из глаз помельче смотрелось каким-то физическим недостатком, все равно что ряд блестящих черных бородавок. Восьмилапый даже не запыхался.

— У тебя как, хватает сил идти? — спросил Вайг.

— Надеюсь, да.— Найл нетвердо поднялся.

Сайрис тихонько заплакала.

— Торопят дальше,— сказал Вайг.

Найл увидел, что содержимое его сумы вывалено на землю и один из пауков разглядывает предметы, шевеля их то передней, то средней лапой. Вот он поднял и металлическую трубку, мельком оглядел и бросил среди плодов опунции и сушеных хлебцев. Одновременно с тем Найл ощущал, как его прощупывает ум вожака. Восьмилапый пытался определить реакцию пленника на обыск его поклажи. Ум Найла он досматривал с такой же неуклюжестью, с какой его сородич разбирал содержимое сумы,— будто тыкал большим пальцем.

Тут внимание тварей было привлечено к одному и тому же. Досматривающий с любопытством обнаружил свернутый в рулон лоскут паучьего шелка, который Найл использовал

как одеяло. Подошел вожак и стал тщательно разглядывать ткань. Найл чувствовал сигналы-реплики, которыми они между собой перебрасывались. Их язык состоял не из слов, а как бы из чувств разных оттенков. Никто из них не мог бы вслух спросить: «Интересно, а это откуда здесь взялось?» — но между ними безошибочно скользнул вопросительный импульс, а вместе с ним как бы мгновенный размытый облик сгинувшего в пустыне смертоносца. Одновременно (мозги, похоже, работали в унисон) до обоих дошло, что эта видавшая виды ткань никак не может быть шелком паучьего шара, и они тотчас утратили к ней интерес.

Неожиданно оба насекомых насторожились. Найл не мог уяснить причину этой обострившейся вдруг бдительности. Вожак заспешил к растущему неподалеку кусту терновника. Приглядевшись внимательней, Найл сообразил: у бурых натянута меж корней и нижних сучьев паутина. В нее угодил крупный кузнечик и сейчас исступленно там бился. Звуков насекомое не издавало — пауки, кстати, абсолютно глухи,— но их внимание мгновенно привлекли волны паники.

На глазах у людей вожак, хватив клыком, парализовал кузнечика. Разодрав челюстями тенета, вынул оттуда обездвиженное насекомое и принялся насыщаться. Он, очевидно, проголодался.

Пользуясь тем, что пауки отвлеклись, Найл задал вопрос, не дававший покоя.

— Где Руна и Мара?

— Увезли на шаре.

— А оса, муравьи?

— У них в брюхе,— сухо сказал Вайг, кивнув на пауков.

Через секунду брат полетел вверх тормашками, как от свирепого пинка. Один из пауков возвышался над ним, угрожающе выпустив клыки. Вайг попытался сесть, но снова был опрокинут ударом передней лапы. Брат покорно затих, поглядывая на маячащие над лицом клыки. И опять Найл почувствовал, как вожак, к этому времени уже подкрепившийся, бдительно прощупывает его мозг. Он явно проверял, как Найл реагирует на угрозу брату. Хорошо, что в данный момент парень испытывал в основном волнение; он интуитивно чувствовал, что любое проявление гнева или агрессивности немедленно повлекло бы наказание.

Решив, что он ясно дал понять — переговариваться запрещено, паук отошел и позволил Вайгу сесть. Затем тронул средней лапой Найла и указал на содержимое мешка. Это был явно приказ уложить все на место. Разбираясь с содержимым, Найл опять почувствовал: вожак за ним наблюдает. Он удовлетворенно отметил, что способен при необходимости держать ум пустым и пассивным, что, похоже, и надо восьмилапому.

Через пять минут снова отправились в путь. У Сайрис вид был измученный, вялый. Было ясно, что она не может оправиться от потрясения — гибель мужа, разлука с родными малышками. Ощущалось и то, что искренняя радость матери от встречи с сыном уже меркнет от отчаяния при мысли, что вот и младший теперь в неволе. Она казнила себя так, будто это ее вина. Найлу очень хотелось заговорить с матерью, но под неотступным наблюдением пауков это было невозможно.

Пауки передвигались быстро, и от своих пленников требовательно ожидали того же самого. Найл разобрался наконец, как они ухитряются покрывать такие расстояния. По паучьему разумению, двуногие тянулись невыносимо медленно. Поэтому пленников заставляли частить трусцой, а сами шествовали рядом ленивой (по их меркам) походкой гуляющих. Найлу вначале сильно мешал заплечный мешок, снующий вверх-вниз. Заметив это, вожак стащил мешок с него и перекинул одному из своих сородичей. Двигаться сразу стало легче.

Будь на то хоть какая-то возможность, Найл с огромным удовольствием осмотрел бы местность, через которую они сейчас проходили. Никогда еще он не видел столько зелени в одном месте сразу. Когда-то эта прибрежная низменность была обитаемой. Навстречу неоднократно попадались остатки сельских строений. Теперь низменность пришла в свое естественное состояние: разнородная древесная поросль, буйство трав. Мимо с жужжанием проносились насекомые — мухи, осы, стрекозы; в поросли стрекотали кузнечики. Найлу это казалось каким-то раем. Даже забавно было, что впервые он видит это, будучи пленником.

Через час, когда солнце начало садиться за горы, стали устраиваться на ночлег. Люди полностью выбились из сил. Тяжело переводя дыхание, они, попадав, улеглись лицом к вольному небу. Один из пауков взялся вить паутину под ближай-

шим деревом, другие в это время нежились под вечерним солнцем. Когда сердце у Найла унялось, он блаженно расслабился. В тот же миг почувствовалось, как его «прощупывает» вожак — видно, просто так, для порядка, никакого рвения у восьмилапого не чувствовалось. В полусонном состоянии юноша подсоединился к умам пауков. Вклинившись, он как бы подслушивал их разговор, вместе с тем сознавал и их физические ощущения. Теперь было ясно, что пауки едят только живую добычу, поэтому запаса в дорогу брать с собой не могут. Причем дело даже не в том, что живая пища им больше по вкусу. Суть здесь в ином — в самой жизненной энергии, которую эти существа высасывают, смакуют и впитывают.

Открылось и то, что в отличие от людей эти существа полностью подчинены инстинкту. Миллионы лет они мало чем отличались от механизмов по отлову пищи, и весь смысл их существования заключался в том, чтобы хватать добычу и впрыскивать яд. Иных стимулов у них в жизни и не было. Найл способен был наслаждаться красотой пейзажа, представлять в уме далекие края, используя свое воображение. Бойцовых пауков пейзаж не трогал — разве как потенциальный источник пищи. А то, что называется «воображением», у них отсутствовало вообще.

К счастью, пищи здесь было в достатке. Пока сгустились сумерки, в паутину поймалось с полдесятка увесистых мух, их разделили по старшинству. Когда пауки поглощали пищу, умы у них сочились теплом непередаваемого блаженства. Найл с тревогой понял, что в некоторой мере их агрессивность к пленникам объясняется тем, что пауки расценивают людей, в общем-то, как еду. Зачем вести пленников куда-то, рассуждали они, если их можно просто съесть и утолить голод. Но, когда брюхо было набито, раздраженность прошла. Они не стали мешать пленникам, когда те разбрелись по кустам собирать плоды, и терпеливо наблюдали, как Найл, взобравшись на кокосовую пальму, скидывает зеленые еще орехи в руки Вайгу.

Чуть вяжущее молоко изумительно освежало и великолепно годилось для ужина из сушеного мяса и хлебцев. С хорошей едой улучшилось и настроение. Между людьми и пауками установилась интересная атмосфера взаимной терпимости. Найлу

открылось, что эти большие, удивительно сильные существа у смертоносцев вроде невольников; к хозяевам они относились почтительно, но с некоторым страхом и скрытым негодованием. Они недолюбливали понукания. Дай им волю, они бы просто нежились на солнце и ловили насекомых. Даже ткать паутину не очень-то их прельщало. Этим они занимались лишь потому, что таков уж самый простой способ изловить добычу. Основная же их склонность и призвание — охотиться, полагаясь на собственную быстроту и силу. Охота для них — глубочайшее из удовольствий, какое только можно себе представить.

Найл так уморился, что ночь проспал, забыв даже прикрыться,— так и провалялся на наспех насыпанной куче из травы и листьев. Открыв глаза, обнаружил, что, оказывается, уже рассвело и один из пауков поспешно поглощает угодившего в тенета крылатого жука. Прочие охотники дремали на солнце. В отличие от смертоносцев бойцовые пауки недолюбливали темное время суток, и возвращение дня наполняло их дремотной негой. Наблюдая за их медлительными, квелыми в этот час умами, Найл вспомнил о муравьях. Способность эта — понимать, что происходит в мозгах пленителей,— наполнила его неизъяснимым трепетом. Всю жизнь он испытывал перед пауками слепой ужас. И вот теперь некое потаенное чутье словно подсказывало: преодоление собственного страха — лишь начало какой-то небывалой великой борьбы.

Люди позавтракали плодами и сушеным мясом, запивая молоком недозрелых кокосов. Пауки к тому времени уже утолили голод (с восходом в тенета залетело множество крылатых тварей). Подойдя к паутине поближе, Найл почуял, что от нее исходит приятный сладковатый запах; должно быть, это и привлекало насекомых.

— Чего мы, интересно, ждем? — прошептал Вайг.

— Не мы, а они,— ответил Найл не совсем внятно.

— Я и сам вижу, что они. Но чего?

— Пожалуй, кого... Я думаю, людей.

Вайг и Сайрис посмотрели на него с любопытством.

— А ты откуда знаешь?

Найл, наклонив голову, пожал плечами. Ему не хотелось заводить разговор в присутствии пауков.

Прошло с полчаса. Солнце палило немилосердно, но с севера потягивал приятный ветерок. Люди укрылись в тени терновника. Пауки, наоборот, разлеглись на самом солнцепеке. Им, похоже, было приятно впитывать дозу жары, от которой у человека неминуемо случился бы солнечный удар. Вот один из восьмилапых перевернулся на спину, подставив благодатному теплу серое мягкое подбрюшье. Пауки настолько были уверены, что ни одна мысль двуногих не промелькнет мимо, что совершенно не заботились о предосторожности.

Найл решил провести эксперимент. Ему стало любопытно, как чутко пауки реагируют на мысленные сигналы опасности. Он представил, что вот сейчас вынимает из мешка металлическую трубку, раздвигает ее, превращая в копье, и вгоняет в незащищенное брюхо паука. Восьмилапый не отреагировал никак. Тогда Найл представил, как поднимает вон тот большой плоский камень и со всей силой обрушивает разомлевшему пауку на голову. Опять никакой реакции. Найл понял: это из-за того, что он лишь тешится такой затеей, но не собирается ее осуществлять. Тогда он намеренно сосредоточил все свое воображение и попытался представить: вот он подходит к плоскому камню, поднимает его над головой — и трах по белесому брюху! Наконец пауку стало не по себе. Он шевельнул головой, чтобы глаза охватили всю панораму местности, и перевернулся со спины на живот. Окинул подозрительным взглядом людей, и Найл почувствовал, как он неуклюже, будто спросонок попытался влезть ему в мозг. Парень нарочито остыл умом до дремотной вялости, настроясь на мыслительную частоту шатровика. Бдительность паука ослабла, и через несколько минут он опять впал в монотонный ритм блаженства плоти.

И тут вожак неожиданно насторожился. Вскочил на ноги (Найл еще раз подивился молниеносности его реакции) и с настороженным вниманием уставился на север. Прислушался и Найл, но ничего не различил, кроме обычных звуков, присущих ветру. Прошла по меньшей мере минута, прежде чем он расслышал шорох раздвигаемых кустов. Отточенность паучьего чутья просто поражала.

Спустя секунду он с изумлением различил среди деревьев фигуру человека. И по реакции пауков сразу догадался, что именно его они и дожидались.

Человек, твердо и уверенно вышагивающий навстречу, впечатлял своим видом. Высоченный, мощные плечи, широкая грудь. Одет в суконную тунику, светлые, до плеч волосы охвачены металлическим обручем. Найл невзначай подумал, что это Хамна, но, когда человек подошел ближе, оказалось, это вовсе не он.

Остановившись в десятке метров, человек опустился на одно колено и низко, почтительно поклонился. Вожак отреагировал резким импульсом (появление человека его не удивило), в котором как бы сквозило нетерпение: дескать, ну где тебя носит? Человек всем своим видом выражал почтительную покорность. Паук отдал мысленную команду, что-то вроде: «Ладно, пора двигать» — и человек опять почтительно склонил голову.

Найл ожидал, что вновь прибывший поприветствует их, своих сородичей, или, по крайней мере, перекинется сочувственным взором. Тот же не удостоил их никакого внимания. Повинуясь жесту вожака, он подхватил суму Найла и, закинув ее себе на спину, застыл, ожидая дальнейших указаний. Найл с любопытством изучал его лицо. Глаза незнакомца были голубые, кроткие, но какое-то сонное равнодушие читалось в опущенных уголках рта, в окате подбородка. Двигался человек с размеренной четкостью, которую Найл по ошибке принял за уверенность. На самом деле, дошло до него, это лишь заученность действий хорошо выдрессированного животного.

Когда Сайрис встала и коротким куском травяной веревки стала обвязывать длинные свои волосы, мужчина мазнул по ней любопытным взором. Но это лишь на долю секунды; вот он уже снова весь внимание, стоит и ожидает указаний от пауков. Было очевидно, что он не испытывает к пленникам родственного чувства.

Вожак дал команду трогаться, и человек зашагал в северном направлении мерно и широко. Найл, Сайрис и Вайг двинулись следом, все трое невольно срываясь на трусцу, чтоб не отставать от вновь прибывшего. Пауки с небрежной медлительностью фланировали сзади. Чувствовалось их облегчение от того, что основная часть пути уже позади.

Установив уже, что пауки общаются между собой, Найл решил незаметно войти в сознание одного из них. Неблагодар-

ное это оказалось дело. Ум твари был таким же блеклым и безразличным, как у серого паука-пустынника. Только, в отличие от пустынника, бурый, очевидно, совершенно не замечал, что Найл пытается проникнуть в его сущность. Не замечал потому лишь, что внимание у него было направлено исключительно на окружающий фон. К чему-либо в отдельности он был равнодушен.

Темп задавал прибывший здоровяк, поэтому скорость не была такой выматывающей, как вчера. Запах нагретой спелым солнцем растительности чуть пьянил. Вскоре послышался незнакомый звук: гомон чаек. От волнения кровь застучала в висках. А когда минут через десять перевалили через невысокий холм и глазам открылось море, Найла пронизал исступленный, необузданный восторг, от которого тянет расхохотаться во все горло. Эта панорама ничуть не походила на окрестности соленого озера Теллам. Здесь гладь была глубокого синего цвета и простиралась в такую даль, даже глазом ни за что не охватишь. Волны с шумом накатывались на берег, где поджидало три небольших судна. Водяная пыль обдавала лица словно дождь. Накатывающие из необъятной дали соленые волны, увенчанные белыми султанами пены, очаровывали глаз — подобное трудно было себе и представить.

На песке вповалку лежали люди. По окрику верзилы все поспешно поднялись и застыли навытяжку. Когда из поросли показались пауки, люди разом опустились на одно колено, выражая своим видом полное повиновение. Затем великан гаркнул что-то неразборчивое, и все снова вытянулись по стойке. Найл с удивлением обнаружил, что среди них есть и женщины — сильные, большегрудые, волосы еще длиннее, чем у матери. Они стояли, уставясь перед собой, руки притиснув к бедрам, волосы в потоке ветра льнули к лицам. Даже когда Найл с Вайгом остановились напротив, они не двинули зрачками. Совершенно незнакомому со строевой дисциплиной Найлу ритуал этот показался причудливым и странным: люди словно пытались притвориться камнями или деревьями.

Бросалось в глаза, что они сложены не хуже здоровяка распорядителя — у всех такие же мускулистые руки и сильные бедра. А вот на лицах — пускай приятных и с изысканными чертами — недоставало того, что делает человека неповтори-

мой индивидуальностью. Женщины (их было трое) все как одна красавицы: сильные, стройные, черты броские. Верхняя часть тела у них, как и у мужчин, была обнажена, свободно торчали налитые загорелые груди. Найл разглядывал женщин с нескрываемым восторгом, словно голодный лакомую пищу.

Распорядитель выкрикнул нечленораздельную команду (во всяком случае, Найл ее не понял). Мужчины и женщины, нарушив строй, начали стаскивать на воду небольшие суда, каждое из которых было метров пятнадцать в длину. Когда ладьи уже покачивались на плаву, к кромке берега осторожно приблизились пауки, боязливо остановившись шагах в десяти от линии прибоя. Вот они сложили лапы. С боков к ним подступили по двое мужчин, подняли их, бережно понесли к ладьям, держа на весу, чтобы не доставали волны. Следом за ними на ладьи забрались женщины, по одной на каждую. Найлу, Вайгу и Сайрис также велели раздеться. Сам Найл оказался на одном суденышке с вожаком и одним из его подручных.

Изящные ладьи эти были подобны тем, на которых в незапамятные для Найла времена бороздили северные моря викинги. Борта из накладывающихся внахлест досок, глубокий киль. К середине она расширялась, к носу снова сужалась, что придавало ей сходство с лебедем. В центре ладьи находился полотняный навес, под который поместили паука. Его подручного посадили во что-то вроде корзины, расположенной возле кормы. Найл чувствовал, что обоим паукам очень неуютно, путь по морю шел вразрез их самым глубинным инстинктам.

Найла приводило в восторг решительно все из того, что он видел на этой ладье. Людям, плавающим на таких судах постоянно, они казались тесными и неудобными; Найл же дивился, что за руки построили этакий чудо-корабль. Палубы здесь не было, равно как и места, где можно укрыться, помимо навеса. Поперек тянулись доски, а вдоль каждого борта — семь проемов для весел с уключинами. По центру, прямо на днище, лежала мачта, а также бочонки и канатные бухты. Найлу велели устроиться в носовой части, суму сунули ему на колени. Так он и сидел, стараясь не привлекать внимания, всматривался и вслушивался в то, что происходит. Мужчины сидели на поперечных досках к нему спиной, приноравливались к

веслам. Женщина стояла на деревянном с ограждением помосте лицом к гребцам. Один из мужчин начал отталкиваться от дна длинным шестом, пока ладья не отошла от берега метров на семь — дальше, чем два других судна. Затем по команде женщины гребцы одновременно подались вперед и налегли на весла. Женщина размеренно, нараспев задавала голосом темп, отбивая такт руками. Гребцы работали с безукоризненной четкостью. При виде волн, катящихся навстречу, грудь Найлу расперло от восторга; ему хотелось вопить от радости.

Гребли не все. Половина гребцов сидели на скамьях по соседству с работающими или прогуливались по проходу, некоторые вели между собой непринужденную беседу. Найл тоже привстал и выглянул за борт; похоже, никто не имел ничего против. Вид кипящих за кормой бурунов изумлял своей красотой. Вслушиваясь внимательно в разговор гребцов, он постепенно уяснил, что чужим их язык назвать нельзя. Говорили они явно на том же языке, только слова произносили как-то странно, приходилось напрягать слух, чтобы понять. И женщина выкликала команды на его, Найла, родном языке, но опять-таки неразборчиво.

Вскоре стало понятно, что эта женщина — главное лицо на борту. Все мужчины относились к ней с почтением, если не сказать с подобострастием. Вполне объяснимо — такая рослая, шелковистые волосы, зубы безупречные... Но чувствовалось, что причина преклонения — не одна лишь красивая внешность. Примерно через полчаса она поманила одного из мужчин и велела занять свое место на возвышении. Тот опустился на одно колено и приложился губами к ее руке и оставался в такой позе до тех пор, пока она не сошла вниз. Когда она проходила, моряки спешили уступить ей дорогу. Стоило ей щелкнуть пальцами, как один из них почтительно подал ей кожаное одеяние, которое она накинула на плечи. Ветер становился ощутимо прохладным. Через какое-то время женщина приблизилась к Найлу, съежившемуся в попытке уберечь тепло, и скользнула по нему взором, в котором читались и любопытство, и холодная усмешка. Прочесть ее мысли было несложно. Она думала, хотя и без слов: «С этого немного будет проку». Что-то в ее насмешливом взгляде напомнило принцессу Мерлью, воспоминание вызвало в душе горькое, уязвленное чувство.

Пауки совершенно раскисли и полностью вверили свою участь людям, о чем женщина, похоже, догадывалась. Хозяйкой на этом судне была она, а не насекомые. Задержав внимание на забившемся под навес вожаке, Найл удивился беспросветности его страха и тоскливого смятения. У бедолаги было ощущение, что его безудержно несет на какой-то утлой скорлупке в бучу чужой, совершенно неподвластной ему стихии. При каждом грузном взлете и падении ладьи существо испытывало приступ тошноты. Восьмилапым не было дела абсолютно ни до чего, кроме собственного неудобства и желания как можно скорее очутиться снова на суше.

По истечении примерно двух часов вахту приняла свежая смена гребцов. Сменщики подсаживались к гребущим, которые в свою очередь выныривали из-под весел, чтобы ни один взмах не пропал даром. Моряки, отмахавшие свое, валились на доски центрального прохода в сладостном изнеможении. От них исходило явственное ощущение — словно накатывают теплые волны, давая отрадное облегчение сердцу.

Ближе к полудню ветер утих, затем сменился на юго-восточный. Женщина выкрикнула очередную команду. Дремавшие на солнце вскочили на ноги и водрузили мачту, проворно вставив ее в углубление, сделанное из полого древесного ствола. Затем подняли треугольный парус. Найлу любопытно было наблюдать. Ладья шла в строго заданном направлении, хотя ветер дул совсем с другой стороны. Он зачарованно наблюдал за подвижным брусом, допускающим движение паруса по окружности, отчего ветер захватывался под нужным углом. Юноше по силам было вчитываться в умы озабоченных делом моряков, и он получал представление, кто из них чем занимается.

Теперь ладья шла под парусом, и гребцы могли сделать передышку. Раздали пайки, вручили чашку и Найлу. Он очень проголодался, а пища была необычайно вкусной: мягкий белый хлеб, орехи и жирноватый белый напиток, который прежде он никогда не пробовал (оказалось, коровье молоко). Подойдя, рядом опустился один из моряков и попытался затеять разговор, но из-за акцента почти невозможно было что-либо понять. Вникнув в содержимое мыслей человека, Найл понял, что и здесь искать внятность бесполезно: ум гребца был словно полый и отражал чисто физические ощущения. Вскоре и мо-

ряк (истощив, видимо, терпение) пошел искать себе другого собеседника. Найл рад был остаться один. Странно. Такие, казалось бы, безупречные в физическом отношении люди — и вдруг столь квелые, блеклые умы.

После сытой кормежки потянуло ко сну, и Найл, улегшись на пол, задремал, положив под голову суму. Однако дремота, вначале приятная и безмятежная, незаметно переродилась в кошмар, где Найлу перехватывало дыхание и мутило. Очнувшись, он понял, что это ум бессознательно отражает тревожную, болезненную бесприютность, бередящую сейчас пауков. Причина, как вскоре выяснилось, была в том, что ладью швыряло вверх и вниз со все возрастающей неистовой силой, а ветер разошелся так, что парус приходилось сдерживать уже троим. Небо было мглистым от туч. Поднявшись, Найл огляделся. Две другие ладьи отчетливо виднелись примерно в полумиле. Ветер гнал их вперед со скоростью, которая возрастала с каждой минутой. Внезапно через борт ладьи перекатилась волна, обдав всех солеными брызгами. Но морякам, судя по всему, это было нипочем. Они видали и не такое, да и вполне полагались на свое судно.

Когда гулко ударил очередной порыв ветра, угрожая опрокинуть ладью, старшая приказала мужчинам убрать парус. Гребцы снова заняли свои места на сиденьях. Тут зарядил дождь, мало чем отличающийся от мелкой водяной взвеси. Найл при этом испытывал неуемный восторг, бесхитростную радость жителя пустыни, для которого вода всегда была чудом из чудес.

Еще одна волна, грянув, сшибла нескольких гребцов со скамей. Ничего, на подхвате уже были другие. Взявшись, они начали не спеша, размеренно грести; покрытые водяной моросью мускулистые тела влажно поблескивали. Те, кто не был занят греблей, похватали деревянные ведра и принялись энергично вычерпывать воду, мотающуюся по проходу туда-сюда. Вот судно чуть ли не встало на корму, и вода устремилась под полотняный навес. Через секунду матерчатые створки раздвинулись, и наружу показался паук-вожак. Ворсистый мех прилизан был водой, а сам восьмилапый излучал лишь тоскливую и беспомощную жалость к себе. Женщина, завидев, что происходит, немедленно запихала бедолагу обратно под навес и задернула створки. Паук, что на корме, тесно поджав лапы,

лежал на дне корзины, из которой ручьями хлестала вода; только шевеление черных глаз показывало, что он жив.

Обернувшись посмотреть, как там другие суда, Найл увидел мощный вал, надвигающийся с неумолимой быстротой. Уцепившись за первый попавшийся крюк, юноша пригнулся: все-таки смягчит удар. Ладью накрыло волной как шапкой; кажется, еще секунда, и она перевернется. Но суденышко каким-то чудом выправилось. Продрогшим своим телом Найл почувствовал, что его кто-то держит. Обернувшись, увидел сомкнутые у себя на боках лапы паука. Волна вытолкнула того из-под навеса наружу. Чувствовалось, что тварь ошалела от ужаса; стоит сейчас шелохнуться, и неминуемо хватит клыками. И Найл застыл, вцепившись в крюк, а вокруг воды было по пояс. Неожиданно паук отцепился, и его тут же понесло вдоль прохода; ладья с силой ухнула в образовавшееся меж водяных гор ущелье.

Найла искрой пронзило безотчетное желание кинуться на жалобный крик о помощи, мысленно исторгаемый пауком. Любопытно: юноше совсем не было дела до воды, кипящей вокруг и норовящей сбить с ног его самого. Он уже обратил внимание, что ладья благополучно пропихнулась сквозь захлестнувший его гигантский вал, и понял, что ничего ей не сделается: плавуча, как пробка. Даже если вода наполнит ее до краев, она и тогда не утонет. А широкое округлое днище и глубокий киль означают, что перевернуться практически невозможно. Главное — подстраховаться, чтобы не смыло за борт. И когда, чуть не сбив с ног, по лодыжкам ударил большой моток веревки, Найл, не промедлив, обмотался одним ее концом, другой прихватил узлом к деревянному якорному вороту.

Когда паука опять понесло в его сторону, грозя перекинуть через борт, Найл схватил его за передние лапы и потащил к себе. Тот расценил это как жест помощи и попытался обвиться вокруг Найла остальными лапами, чего никак нельзя было допустить, так как тварь размером была крупнее Найла. Когда судно швырнуло в очередной раз, восьмилапый страдалец насилу удержался. Беда в том, что туловище паука отличалось большой плавучестью, и потому каждая волна мотала его по всей длине ладьи, как поплавок. Когти же на концах лап, в отличие от рук человека, увы, никак не годились на то, чтобы хвататься за борта.

Найл ясно сознавал, что существу необходимо за что-нибудь зацепиться. Самым подходящим местом на судне, совершенно определенно, была корзина, накрепко вделанная в просторную нишу на корме. Когда ладья возносилась на гребень волны, корзину заливало водой, но, по крайней мере, она давала хотя бы намек на безопасность. Найл тяжело протопал на корму (движение стеснял паук, клыки у которого все так и топорщились: инстинктивная реакция на страх) и зацепился напротив кормового подъема, напоминающего готовую к броску кобру. Несколько секунд угодившая во впадину меж двумя валами ладья держалась ровно. Намеренно идя на контакт, Найл попытался втолковать пауку, что ему лучше всего занять место на корме и вцепиться в плетеную корзину — в нее, по крайней мере, можно запустить когти. Чудом удержавшись от удара накатившей следом волны, тварь, похоже, смекнула, что ей советуют, и, оставив юношу в покое, полезла в корзину, как какая-нибудь тяжелая, неуклюжая кошка. Секунду спустя обрушилась еще одна громада, едва не закинув в корзину и Найла. Корма, вся как есть, заполнилась водой, но, когда та спустя секунду схлынула, паук держался-таки за борта корзины.

Кто-то хлопнул по плечу; оказалось, старшая. Она протянула деревянное ведро, указав жестом: дескать, вычерпывай. Найл послушно взялся за работу, но это оказалось делом непростым. Остальные моряки были на голову выше Найла, а ему приходилось полное ведро поднимать над головой, и вода почти вся выплескивалась обратно. Парень сел и ухватился за скамью.

Раздался треск: совершенно неожиданно Найл очутился в тесных и холодных объятиях мокрого полотнища. Под напором ветра лопнули два крепежных каната и навес разорвало сверху донизу. Теперь полотнище хлопало, как какой-нибудь гигантский парус. Из-под навеса, словно пущенный из пращи камень, вылетел паук и, стукнувшись об одного из гребцов, сшиб его со скамьи. Доля секунды — и тварь, пролетая мимо, уцепилась за Найла. Тот попытался высвободиться, и в этот момент ладья накренилась. И одновременно хлесткий удар в плечо полотнищем. Со странным чувством замедленности происходящего Найл ощутил, как его самого перебрасывает через борт.

Все произошло так быстро, что юноша не успел даже испугаться. Вздев на гребень, волна с размаху швырнула его вниз на двухметровую глубину, затем таким же образом подхватила — ослепленного, хватавшего ртом воздух — и вынесла наверх. Когда зрение наконец возвратилось, он увидел, что ладья постепенно выправляется. Упруго дергалась обмотанная вокруг талии веревка, да так, что едва не поднимала Найла над водой. Улучив момент, когда волна наддаст сзади, Найл ухватился за веревку обеими руками и начал постепенно подтягиваться к ладье. В этот миг он почувствовал, что сзади, силясь утянуть вниз, скребет спину что-то постороннее. Мозг на мгновение ослепила вспышка ужаса — к шее тянулась волосатая лапища. Совершенно инстинктивно Найл лягнул ногами в яростной попытке отделаться от гадины. Море довершило остальное: хватка паука ослабла, и его отнесло от Найла.

В эти отчаянные секунды взгляд парня случайно скользнул по непроницаемо черным глазам паука, и юноша почувствовал все отчаяние и обреченность горемыки так ясно, будто тот взывал вслух. Совершенно внезапно страх за себя у Найла исчез. Тварь молила о помощи, ясно сознавая, что от человека зависит, жить ей или сгинуть. Найл в безотчетном порыве метнулся к ней, отцепившись от веревки. Опять на миг одолел страх, когда вокруг пояса и плеч обвились мохнатые лапищи. Тут он вспомнил о веревке. Перехватившись обеими руками, попытался подтянуться к ладье. Нагрянувшая волна захлестнула с головой, но и тогда он не отцепился от спасательного конца. И вот его поднесло и стукнуло о деревянный борт, сверху уже тянулись руки. Паук так и не отцепился даже тогда, когда их вытягивали из воды. Руки гребцов подхватили Найла под мышки и потащили через борт. Резкий крен опрокинул тащивших на спину, Найл повалился сверху. Паук все еще обвивался лапами. Одна из них, ударившись о скамью, хряснула и прогнулась в суставе.

Легкие, казалось, были полны воды. Найл сгорбился на коленях, опустив голову на скамью и содрогаясь от неудержимого кашля и рвоты. Но, несмотря на качку, от которой вода вокруг пояса ходила ходуном, он ощущал глубокое облегчение, а возможность держаться за какую-то опору придавала сил. Он и через полчаса, когда шторм уже прошел, так и дер-

жался за ту скамью. Все, казалось, длилось один миг: секунду назад его безудержно швыряло вверх-вниз, а теперь вдруг сразу полная тишина. Подняв голову, среди косматых всклокоченных туч он увидел синюю прогалину неба. Ветер ослаб до кроткого ровного дуновения. Вода в ладье перестала кочевать с места на место, сделавшись тихой и безмятежной, будто в пруду. Неприкрытую спину ласково припекало солнце. Найл давно не испытывал такого блаженства.

На судне царил полный кавардак. Все обрело плавучесть: канатные бухты, бочонки, сундуки, весла. Найл, поднявшись, долго всматривался через борт, но ни одного из двух других судов не было видно. А вот на горизонте с севера постепенно просвечивала полоска суши.

Подняли парус, закрепили в нужном положении румпель. Затем все, кто был на борту, принялись вычерпывать из ладьи воду. Через полчаса в центральном проходе осталась лишь узкая лужица. Вместе со всеми трудился и Найл, орудуя деревянным черпаком. На душе было тепло, отрадно: вот так работать рядом с мускулистыми красавцами моряками, внося посильную лепту в наведение порядка после того, что наделал шторм. Вот теперь (опасность-то миновала) все благодушно улыбались. Приятно было замечать, что им, Найлом, больше не пренебрегают, обращаются как с ровней.

Один из моряков вручил юноше его суму. Вся еда в ней, помимо опунций, безнадежно раскисла. Но главное — увесистая металлическая трубка была на месте, из-за ее веса суму не унесло волной.

Теперь происшедшее казалось сном. Как ни в чем не бывало палило с пронзительно-синего неба солнце, и на досках вскоре не осталось и следа сырости. Впитывая вожделенное тепло, по оба конца ладьи неподвижно распластались пауки. Одному из них, которого спас Найл, вышибло от удара о скамьи клык, а из сломанной ноги сочилась струйка крови. Невольно бросалось в глаза, что моряки избегают подходить к паукам близко; очевидно, не из боязни, а из уважения и благоговейного трепета. Пауки для них, похоже, были едва не символом религиозного поклонения.

Встав на скамью, юноша пристально вглядывался в приближающуюся землю. Тут кто-то похлопал его по плечу — опять старшая, служительница. В руках у нее был металлический

кубок, который она протягивала ему. В кубке искрилась на солнце золотистая жидкость. Найл принял кубок с улыбкой благодарности (наглотавшись соленой воды, он теперь испытывал свирепую жажду) и обеими руками поднес его к губам. Это оказался сладковатый перебродивший напиток наподобие того, что настаивался у отца, только куда крепче, душистее и, разумеется, вкуснее. Женщина взяла кубок от Найла, заглянула юноше в глаза и приложилась губами с другого края. Тут до Найла дошло, что, оказывается, моряки побросали работу и смотрят все на него. Напиток, понял Найл, был не просто щедрым жестом, но и своего рода ритуалом. Но что бы это могло означать? Лишь бросив взгляд на распростертого под солнцем вожака с перебитой, неестественно скрюченной лапой, он догадался. Это был своего рода жест благодарности за спасение жизни.

Осушив кубок, служительница улыбнулась юноше, затем перевернула кубок вверх дном и последнюю каплю стряхнула на доски прохода. Тогда она повернулась спиной, и моряки опять взялись за работу.

От напитка в голове возникла легкость, телу стало тепло, прошла усталость. Одновременно чувствовалось — ум находится в слиянии с умами моряков. Ощущалась их радость от того, что гроза благополучно миновала и судно подходит к земле. Но вот что странно. Найл никак не мог воспринять их сознания обособленно, каждое в отдельности. Пытаясь вглядеться в ум одного из матросов, он словно бы смотрел сквозь него в ум соседа, а из него в чей-нибудь еще, и так до бесконечности. Это напоминало чем-то коллективный разум муравьев. Люди были словно обезличены, один был разом и никем, и всем.

Единственное исключение составляла служительница. У нее одной наблюдались четко выраженные личностные черты характера, твердое понимание своей значимости и ответственности за решения и требования к другим. Но даже при всем при этом ее сущность отличалась от сущности его матери или Ингельд, не говоря уже о своенравной Мерлью. Создавалось впечатление, что часть этой женщины сохраняет как бы прозрачность, не затуманена чересчур глубокими мыслями, желанием разобраться в себе.

Один из моряков, зычно гикнув, указал рукой через правый борт. Найл, вскочив, до рези в глазах всмотрелся в безмятежный морской простор. Вдали, в голубоватой дымке, виднелись две другие ладьи — единственное, чего недоставало юноше для его нехитрого счастья.

Берег был уже недалеко, и можно было различить скалистую береговую линию, отороченную острыми пиками изъеденных неотступным морем утесов, и сползающие к морю зеленые поля. Ровно, спокойно дышащий ветер плавно подносил к суше, словно извиняясь за проявленную в море бестактность. Когда подошли ближе, завиднелись деревья и желтый утесник. Мимо с жужжанием пронеслась крупная пчела. Но вместе с тем ни следа людского обитания.

Гребцы налегали на весла под ритмичное постукивание служительницы. Примерно пару миль ладья шла вдоль берега на запад. И вот, когда обогнули мыс, взору открылось первое творение человеческих рук — белокаменная гавань, нестерпимо яркая на солнечном свету. Ветер утих, сильнее стала чувствоваться жара. Мимо проплыл скалистый островок с обломком башни, высоченные гранитные блоки в беспорядке валялись вокруг фундамента.

Сама гавань по своей внушительности уступала разве что цитадели на плато. В море вдавалась огромная, толщиной в десяток метров, плавно изогнутая стена. Тщательно пригнанные друг к другу камни мола, диковинные деревянные приспособления, вздымающиеся к небу на дальнем конце причала, сонм пришвартованных к причалам судов... Найл опять проникся волнением: обыкновенные люди, подобные ему, воздвигли грандиозное сооружение. Только вблизи становилось заметно, что все это уже изрядно тронуто налетом времени и успело наполовину прийти в негодность. Войдя в гавань, гребцы подняли весла, и ладья теперь скользила по водной глади за счет набранной скорости. Стоявший на причале человек бросил один за другим канаты (толстенные, Найл таких не встречал), их прицепили к барабанам на носу и корме. Спустили сходни. Первой надо было пройти служительнице. Сойдя, она опустилась на колени и почтительно склонила голову, ожидая, когда спустятся на берег пауки. Рабочие на причале приняли ту же позу, выражая повиновение и почтительность.

В этом положении они оставались до тех пор, пока насекомые не прошествовали мимо.

Один из моряков, тронув Найла за локоть, указал, чтобы тот шел следом. Найл считал, что его поведут под конвоем, как пленника, и удивился, поняв, что ему дают идти свободно. Более того, он оторопел от неожиданности: когда спускался по сходням, моряки застыли навытяжку. Служительница властно вытянула руку, веля ему остановиться.

— Как твое имя? — спросила она, впервые обращаясь непосредственно к нему.

— Найл.

— Добрый знак.

— ..? — не понял Найл.

— Ты вызвал благосклонность хозяев. Нет большей удачи.

Взяв его за руку, женщина пошла вдоль причала. Где бы они ни проходили, всюду рабочие спешили встать навытяжку. Эти, бросалось в глаза, были еще выше и мощнее, чем моряки. Найл никогда еще не видел таких мускулов.

— Куда мы? — спросил он негромко. Он не удивился бы, пропусти женщина его слова вообще мимо ушей, настолько деловито-озабоченный был у нее вид. Но она, судя по всему, считала его вправе задавать вопросы.

— К начальнику порта.

Она указала на приземистое здание из серого камня в конце. Как и сам причал, здание имело донельзя запущенный вид, окна даже были замурованы кирпичами. Служительница постучала в дверь. Через секунду ее отворил бурый бойцовый паук. Открыл и посторонился, давая дорогу. После яркого дневного света Найлу потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к темноте. Он находился в большом и, судя по всему, пустом помещении, сыром и затхлом. Скупой свет сочился лишь узенькими спицами через трещины в крыше. Недоглядев, юноша едва не натолкнулся на большого бурого «бойца». Дальние углы помещения в нескольких метрах от входа были затянуты паутиной. В центре ее, цепко глядя на вошедших, угнездился черный паук-смертоносец. Размером он был помельче своих бойцовых сородичей, а глянцевитое брюхо, наоборот, объемистей и круглее. Ободом опоясывали голову круглые, как бусы, глаза. Глаза эти, а также сложенные ядовитые клыки

придавали мохнатому то самое непроницаемое зловещее выражение, как у того, которого прибил Найл.

Сердце похолодело от мгновенного приступа безотчетного страха, что, безусловно, не укрылось от паука. Найл почувствовал, как его пронизывает чужая воля — не так неуклюже, как у бойцовых пауков, а с ядовитой скрытностью, выдающей недюжинный ум. Набухал ужас, ведь паук, читающий мысли, может выявить, что это он убил его восьмилапого собрата.

Найл непроизвольно очистил ум от мыслей, сделав его пассивным. Смертоносец пытался вживиться Найлу в мозг точно так же, как сам парень когда-то вживлялся в мозг шатровика. О противодействии не могло быть и речи, юноша лишь пытался как можно точнее воспроизвести мыслительную вибрацию шатровика. И перевоплотился в него так же непроизвольно, как меняет окраску хамелеон.

У смертоносца это вызывало недоумение. Вибрацию он уяснил лишь наполовину, но и ее счел странной и несообразной. Он перекинулся импульсом-замечанием с бойцовым пауком; просто сигнал, такой же доступный для понимания, как человеческая мимика.

«Сдается мне, это идиот». Ответный импульс — не вполне уверенное согласие вроде: «Боюсь, что да».

Имей этот обмен словесное обличье, Найл выдал бы себя сугубо человеческими переживаниями. Бойцовые пауки знали о юноше правду. Во время шторма, когда было не до игры в прятки, он контактировал с их умами напрямую, так что сейчас не стоило притворяться дураком: они бы враз могли его раскусить. Но «боец» и смертоносец перекинулись сейчас меж собой сигналами так быстро, что Найл не успел и испугаться; даже облегчения не успел испытать от того, что бурый не выдал.

Смертоносец переключился на служительницу, отдав ей короткое мысленное распоряжение: «Увести». Через несколько секунд Найл уже снова стоял под ослепительными лучами солнца, с трудом веря, что опасность миновала. Его обеспокоенный вид не укрылся от служительницы.

— Что, боязно было?

— Боязно, а как же,— кивнул Найл.

В глазах женщины мелькнуло сочувствие.

— Ты их не бойся. Со своими слугами они обращаются по-доброму.

Найлу хотелось о многом расспросить, но женщина его перебила:

— Мне надо доложиться начальству. А ты пока иди дожидайся своих.

Найл побрел назад к месту швартовки. Моряки уже все успели высадиться, ладья была пуста. Ни у кого здесь Найл, судя по всему, не вызывал любопытства. Он спросил у одного из портовых рабочих, когда, по его мнению, подойдут те два судна. Тот пожал плечами: «Скоро, наверное». Найл отправился обратно вдоль причала. Напоминающее башню деревянное приспособление сейчас, похоже, работало, и парню стало любопытно посмотреть, для чего оно предназначено.

Сооружение находилось во внутренней части гавани, где стояло под разгрузкой судно. У него было плоское днище, пошире, чем у ладьи, на которой приплыл Найл. Внутренность судна разделялась переборками, чтобы груз во время шторма не мотало по палубе. Там было полно тюков из грубой коричневой ткани. Колесо в нижней части деревянного приспособления позволяло заводить верхнюю его часть над палубой, и тогда сверху плавно опускалась подвешенная на веревках деревянная платформа. Когда тюков укладывалось на платформу достаточно, та снова поднималась и перекочевывала на причал, где груз перегружали на подводы. Найлу все это казалось чудом техники, и он зачарованно наблюдал за работой устройства.

Его также заинтриговал человек, наблюдавший за разгрузкой. Ростом он был гораздо ниже, чем окружающие его здоровяки грузчики,— едва ли не ниже, чем сам Найл. Одет он был в видавшую виды тунику и забавного покроя головной убор с козырьком, защищающим глаза от солнца. Он выкрикивал команду бойким, резким голосом со странным, малопонятным Найлу акцентом.

Человек явно не принадлежал к числу портовиков, не был он, похоже, и моряком. Найл лениво подключился к уму крепыша и тотчас убедился в правоте своей догадки. Его мыслительные вибрации были подвижные и активные, совершенно не похожие на невнятные, сонные, как у муравьев, сигналы моряков и портовых рабочих.

Когда он попытался вжиться глубже, человек, нервно ерзнув, обернулся, почувствовав, что кто-то без спроса лезет в рассудок,— реакция точно такая же, как в свое время у родных Найла. Секунду спустя его взгляд упал на юношу. Человек, казалось, вот-вот что-то скажет, но тут на него, чуть не опрокинув, натолкнулся грузчик с тюком на холке, и крепыш рассерженно гаркнул:

— Гляди, куда прешь, безмозглый!

Однако минут через десять, когда лег в штабель последний тюк, человек поднялся-таки по трапу и подошел прямиком к Найлу. Найл, сидя на якорном вороте, с деланым простодушием возвел на подошедшего глаза. Лицо человека было острым, продолговатым, с крупным носом-клювом, на голове большие залысины. Опустив руку Найлу на плечо, он посмотрел ему глубоко в глаза, скорчив при этом зверскую мину, и спросил:

— И чего это ты тут вытворяешь?

— Мне, боюсь, и самому невдомек,— невинно отозвался Найл.

— Не придуривайся. Все тебе вдомек.— Крепыш опустился на лежащий поблизости тюк, затем спросил более дружелюбным тоном: — Откуда, парень?

— Из большой пустыни.— Найл показал вдаль пальцем.

Крепыш присвистнул.

— А-а, так ты, получается, житель песков у нас?

— Как тебя звать? — поинтересовался Найл.

— Билл.

— Имя какое-то странное.

— Кому как. Для мест, откуда я родом, это совсем неплохое имечко. А тебя как?

— Найл.

— Вот уж действительно не имя, а название реки!

Разговор казался таким же невразумительным, как и прозвище незнакомца. По улыбке было видно, что он шутит, но уж больно шутки какие-то непонятные.

Крепыш зыркнул на Найла исподлобья, скрытно, но так пристально, что парню стало не по себе.

— Кто научил тебя ковыряться в мозгах и вчитываться в мысли? — спросил тот наконец.

— А никто не учил,— поспешно ответил Найл.

— Ты это брось!

Найл растерялся: что брось и куда?

Крепыш поставил вопрос по-иному.

— Когда прибыл-то в наши края?

— С полчаса назад. Мать и брата все еще дожидаюсь.

Он указал на море, заметив, кстати, что оба судна виднеются теперь на расстоянии мили от берега.

И опять крепыш до неприличия долго всматривался юноше в глаза. Найл теперь озабоченно соображал, как бы поскорее отделаться от въедливого собеседника: пора было выходить встречать ладьи. Он нетерпеливо пошевелился.

— А ну-ка, изобрази еще раз,— требовательно сказал собеседник.

— Что именно?

— Ну, сам знаешь... то, что у тебя получается.

Это было проще простого. Найл вперился незнакомцу глаза в глаза и, орудуя лучом сознания как щупом, настроился на его мыслительную волну.

Крепыш тревожно ерзнул.

— Так-так-так,— негромко произнес он, покачав головой.

— Что «так»? — не понял Найл.

— Уж не знаю, как поступят раскоряки, когда узнают.

— Какие еще раскоряки?

— Дерьмо это. Паучье племя. Раскоряки ползучие.

— А что, по-твоему, они сделают?

Крепыш, ткнув пальцем в ладонь, энергично повертел — жест более чем понятный. Найл почувствовал, как кровь отливает от лица. Теперь так быстро отделаться от незнакомца уже не тянуло.

— Ты считаешь, они узнают? — выговорил он.

Тот пожал плечами.

— Попробуй пойми их. Я сам до сих пор не могу въехать в то, что они на самом деле могут, а чего нет.— Он задумчиво прикусил губу.— Впечатление такое, будто не столько могут, сколько делают вид. Это они мастера — жути на нас нагнать.

Найл мельком поглядел на море. Ладьи словно застыли в отдалении.

— Но ты-то служишь паукам?

Крепыш яростно тряхнул головой.

— Боже упаси. Тьфу на них. У меня от этой братии мурашки по коже.

— Кому-нибудь же ты служишь?

— Не буду спорить. Бомбардирам.

— Жукам, что ли?

— Именно.

— И что это за служба?

Собеседник осклабился.

— Шумим, гремим! Я у них главный распорядитель по взрывам.— Он кивком указал на тюки.— Вот из этого добра готовится порох.

Беседу прервал один из портовиков. Отдав честь, он встал перед крепышом навытяжку и доложил, что подвода готова к отправке.

— Ладно, через минутку подойду. Готовьтесь, сейчас отъезжаем.

Махнув вслед рукой, он подождал, пока работяга отдалится на достаточное расстояние, затем наклонился к Найлу и тихо произнес:

— Мой тебе совет, парень: не давай раскорякам ни о чем пронюхать.

— Ладно.— Найл придал лицу бесшабашный вид, хотя особой храбрости не почувствовал.

Крепыш вскарабкался на тюки. У подводы помимо двух большущих, обитых железом колес имелись две оглобли метров по семь длиной. К каждой прицепились по четыре дюжины портовиков и по команде крепыша начали тянуть. У конца причала, набрав разгон, они припустили легкой рысцой. Крепыш, обернувшись, махнул на прощание. Махнул в ответ и Найл, проводив взглядом подводу, пока та не скрылась из виду. Затем задумчиво возвратился назад к главному доку.

На пути туда вновь встретился со служительницей. Та улыбнулась (видно, в хорошем настроении) и ткнула Найла кулаком. Толчок был дружеский, но ох какой крепкий.

— Тебе надо отъедаться,— заметила женщина.

— Отъедаться?

Что-то в том, как она это произнесла, заставило Найла сжаться, точно от холода.

— Хозяевам по душе, когда мы сильные и здоровые. Вот такие, как этот.— Она показала на проходящего мимо грузчика: не руки, а просто сваи.

— Да, неплохо бы,— неуверенно согласился Найл.

Глядя женщине в лицо в попытке уяснить, что у нее на уме, юноша не заметил, как непроизвольно соединился с ее сознанием. Смутившись от неловкости (все равно что столкнуться на улице с прохожим), он тотчас вышел из контакта. Спустя мгновение стало понятно — до женщины, очевидно, не дошло, что их умы соприкоснулись. Осторожно, с готовностью в любую секунду немедленно «выскочить», парень попробовал еще раз. Сразу определилось, отчего она так довольна собой и Найлом. Начальник похвалил ее за то, что она благополучно доставила бойцовых пауков на сушу. Случись с ними что-нибудь в дороге, ей бы не сносить головы. И пускай бы это была не ее вина, все одно пришлось бы понести и суд, и наказание. А так она заслужила только похвалу, а потому чувствовала расположение и к Найлу.

Обо всем этом Найл узнал в одно мгновение, стоило лишь настроиться на ее мыслительную волну. Убедившись, что она не осознает наблюдения за ней, юноша продолжал прощупывать ее ум. Необычное ощущение. Настроившись, Найл как бы очутился у нее в голове и стал смотреть на мир через призму ее глаз. Он облачился в это великолепное тело с увесисто покачивающимися при ходьбе бронзовыми грудями и длинными ногами, за которыми непросто поспевать. На какое-то время, прекратив быть Найлом, он стал этой рослой красивой женщиной. Он даже узнал ее имя: Одина.

Но почему она не ощущала его присутствия у себя в мыслях? Скорее всего, дело было в странной незаполненности умов, пустоголовости этих красивых людей. Часть их сознания пребывала словно в спячке.

И тут постепенно начал вырисовываться ответ. Ясное дело, пауки. Люди здесь настолько привыкли, что к ним постоянно вторгаются в сознание, что даже перестали на это реагировать, воспринимая все как должное. Их умы напоминали комнаты с открытыми дверями, куда любой может войти и выйти. Так и оса-пепсис настолько привыкла ощущать волю хозяев, что и ужалить не смогла бы без команды.

Они дошли до конца причала. Первая ладья как раз проплывала мимо внешней стенки мола. Сердце у Найла радостно встрепенулось: он различил фигуру брата, стоящего у борта,

и отчаянно замахал ему. Вайг заметил, поводил рукой в ответ. Когда ладья швартовалась к причалу, Найл обратил внимание, что левый борт у нее поврежден, верхние доски расщеплены, словно от тяжелого вертикального удара.

Через пять минут на берег сошла служительница, следом бойцовые пауки. А за ними начал спускаться Вайг. Найл кинулся к брату, но на бегу резко замер, словно от хлесткого удара, даже дыхание зашлось. Это паук глянул, будто бичом ожег. Взяв свое, восьмилапый прошествовал мимо коленопреклоненных служительниц. Чувствовалось, что он в крайне дурном расположении духа.

Одина коснулась плеча Найла и назидательно подняла палец.

— Когда мимо проходят хозяева, рабы опускают глаза.

— Прошу прощения, я забыл,— сказал Найл.

Когда спускались моряки, Найл с Вайгом оказались рядом по одну сторону сходней.

— Как ты? Что там у вас произошло? — спросил Найл полушепотом.

— Мачту снесло в бурю... Чуть всех нас не перевернуло. Хорошо, вторая посудина была рядом...

На Вайга сердито покосилась служительница с поврежденной ладьи.

— Разговорчики!

— Больше не буду,— мигом отозвался Вайг.

Братья стояли молча, наблюдая, как приближается третья ладья. Краем глаза Найл видел, как переговариваются меж собой две служительницы. Очевидно, Одина рассказывала о том, что у них произошло во время шторма. Та, вторая, повернулась вдруг к Найлу с некоторым недоверием на лице. Затем приблизилась к братьям, несколько секунд пристально их разглядывала и сказала в конце концов:

— Ладно, разрешается разговаривать.

И, отвернувшись, удалилась.

— Что здесь происходит, ты мне можешь объяснить?

— Объясню позже,— ответил Найл шепотом.

Третья ладья причалила чуть дальше. На этот раз, когда сошла служительница, а следом полез бойцовый паук, братья отвели глаза. Следующей спустилась Сайрис. Подождав, когда важный паук удалится метров на десять, они кинулись

приветствовать маму. Вид у женщины был бледный, измученный. Обнимаясь с ней, Найл случайно уловил импульс одного из портовиков: «Худосочная какая-то. Я бы целоваться с такой только по приказу стал». Обида и негодование кольнули сердце сына. Для него мать была стройна и красива. У этих паучьих холопов странное представление о красоте...

Одина тронула Найла за руку.

— Пора.

Когда шли вдоль причала, одна из служительниц спросила нарочито визгливым голосом:

— Эти-то чего к нам прицепились?

— Приказ хозяев,— отрезала Одина.

Территория за причалом была донельзя захламлена: сплошь дырявые лодки, сломанные подводы, мусорные отвалы. Стены, окаймляющие портовые сооружения, тоже совершенно запущены. Когда-то здесь, судя по всему, был большой богатый порт, усохший теперь до размеров небольшой гавани. Только дорога под ногами, похоже, содержалась в приличном состоянии. Она была сделана из какого-то твердого гладкого вещества, напоминающего бесконечно длинный пласт мрамора.

За стеной порта стоял ряд повозок, имеющих сходство с подводами (одну из них Найл уже видел), но меньших размеров. Поодаль со скудным видом толклись с десяток мужчин. Стоило Одине щелкнуть пальцем, как от стайки отделились шестеро, мелким шагом подбежали и услужливо склонились перед ней. В одну из повозок залезли Одина и еще две служительницы. Тотчас мужики взялись за оглобли, по двое с каждой стороны, и замерли в ожидании приказаний. Одина указала на другую повозку, жестом веля Найлу, Сайрис и Вайгу лезть туда. Когда рассаживались, один гужевой человек вдруг выдохнул:

— Найл!

— Массиг! — Найл мгновенно узнал одного из встречавших их на пути в подземный город Каззака.

Юноши хотели сомкнуться предплечьями, но тут одна из предводительниц сердито рявкнула:

— Этого еще не хватало!

Массиг, побледнев, поспешно вытянулся в стойке. Одина приказала трогаться. Ее «четверка» пошла бойко рысцой, вто-

рая повозка покатилась следом. Найл поглядывал сзади на Массига с жалостью и участием. Волосы парня, некогда чистые, опрятно уложенные, засалились, свалялись.

Местность вокруг была блеклой, невзрачной. По обе стороны дороги унылой вереницей тянулись остатки строений, по большей части высотой лишь в несколько локтей. Тянулась впереди дорога — прямехонькая! — уходящая в сторону невысоких холмов. В сравнении с разоренным побережьем окраины смотрелись отраднее — зелень полей, деревья, но и те на редкость безрадостные. Переплетение диких трав и древесной поросли, отдельная покосившаяся стена или развалившийся амбар — вид такой, будто здесь пронесся жестокий ураган, перекалечивший все.

Пока дорога была ровной, гужевые люди бежали бодрой, уверенной рысцой. Но вот она постепенно начала подниматься к холмам, и их шаг замедлился. По движениям Массига можно было догадаться, что он притомился, и мысль об этом вызывала огорчение, но и помочь никак. В конце концов, когда уклон сделался настолько крутым, что гужевым пришлось замедлить ход до шага, Найл наклонился вперед и похлопал по плечу того, который поближе.

— Может, мы лучше слезем и пойдем пешком?

Гужевой так изумился, что невольно встал, и остальные вместе с ним.

— Пешком? — Он в растерянности покачал головой.— Это зачем?

— Чтобы вам было легче.

Тот мотнул головой.

— Да что ты! Нам тогда несдобровать!

— Ну почему?

— Потому что возить вас — наша прямая обязанность. Если мы не будем с ней справляться, хозяева строго с нас спросят.

Он повернулся спиной и снова взялся за оглобли. Массиг бросил Найлу теплый, признательный взгляд: мол, посочувствовал, и на том спасибо.

Спустя полчаса повозка достигла вершины холма. Внизу, утопая в чаше из окружающих холмов, лежал город пауков, явившийся Найлу в видении возле колодца. Город огромных

столбов-башен (в действительности они казались еще выше, чем в видении). И даже с такого расстояния можно было различить гигантские паучьи сети, натянутые между ними. Здания в основном серого цвета, встречались и почти черные. Многие напоминали скорее руины, но и при этом были выше, чем те красные, изъязвленные ветром каменные столбы в пустыне, неподалеку от их жилища. Найл отродясь не видел зрелища более захватывающего, чем этот город, возведенный, казалось, великанами.

А в центре этого грандиозного скопища серых зданий, стоя особняком посреди небольшого лоскута зеленого пространства, возвышалась Белая башня. Высотой она уступала многим из окружающих строений, но резко выделялась среди них чистой, ослепительной белизной. Под залитым солнцем небосводом она искрилась, словно сама излучала свет. В отличие от башен-прямоугольников она была круглой, с вершиной чуть уже основания. Точно изящный перст, указующий в небеса.

Найл оглянулся на мать и брата; у тех на лицах читалось, судя по всему, то же самое выражение. Странное это было мгновение. Вот уже несколько дней они шли, зная, что в конечном итоге прибудут именно сюда. И вместе с тем город пауков казался чем-то бесконечно далеким, мифическим. Они и страха перед ним не испытывали, настолько иллюзорным он им представлялся. А вот теперь нежданно-негаданно он перед ними наяву — и ощущение такое, будто они пробудились от дремы. Город смотрелся гораздо более достоверно и устрашающе, чем в воображении Найла; нечистого цвета башни чем-то напоминали изъеденные кариесом зубы черепа. Не будь даже этих огромных раскидистых тенет, он все равно бы смотрелся отталкивающе и зловеще. Вместе с тем Белая башня в зеленом своем обрамлении словно выказывала своим видом надменное равнодушие к неприглядной окружающей панораме. Любопытно, от ее вида в Найле будто засветилась ответная искорка чистой, незамутненной радости. То же самое, он догадывался, ощущают Вайг и Сайрис. Удивительно, но башня казалась ему странным образом знакомой, будто он не раз видел ее во сне.

Гужевые мужики, переведя дух, начали спускаться к городу. Хотя дорога здесь была круче, чем путь наверх, тем не ме-

нее могла считаться сравнительно сносной. У повозки имелись тормоза, которые можно было пускать в ход, не бросая оглобель,— так что ход ее успешно сдерживался. Убедившись, что Массиг движется сравнительно легко, Найл постепенно успокоился и стал с большим вниманием присматриваться к окружающей местности. Что удивляло, так это красота пейзажа. Вдали, очевидно, шел дождь: космы мохнатых туч нависали над холмами, трава и кусты влажно поблескивали. На полпути вниз по склону дорога углублялась в лес и все более погружалась в тень. Да, растительность здесь совершенно не походила на скудную, чахленькую поросль пустыни. Стволы некоторых деревьев достигали трех метров в обхвате, кроны образовывали над дорогой тенистую зеленую арку. Иные деревья всходили так высоко, что через неразбериху сучьев не различалось снизу и небо. Трава меж стволов была сочно-зеленая, напоминая, скорее, вьющиеся водоросли задумчиво текущего ручья. Когда проезжали меж двух высоких травянистых холмов, Найл изловчился отщипнуть и сжевать несколько травинок. Сладковатые, сочные, вкус вполне соответствует панораме бескрайних лесов.

Неожиданно лес кончился, и в глаза снова брызнул свет — предвечерний,— и темно-серый город открылся впереди. Переход был таким внезапным, что казалось, действие происходит во сне, то ли лес, то ли город — на самом деле не существует, а видится только в воображении. Поля по обе стороны дороги имели заметно ухоженный вид, на них трудились люди. Затем дорога, все такая же гладкая, как мрамор, стала виться вдоль берега реки с глубокой темной водой. Одолев полмили, они пересекли мост с железными, изъеденными ржавчиной опорами. Под мостом висела паутина, метров тридцать в поперечнике; в темном углу каменной кладки, изукрашенном разводами ржавчины, Найл уловил блеск антрацитовых глаз, пристально следящих за ними.

И вот они уже в паучьем городе. По обе стороны тянулись в ряд неимоверно высокие башни. Приходилось запрокидывать голову, чтобы различить вверху полоску синего вечернего неба. Многие здания наполовину уже разрушились. Сквозь зияющие проемы окон видны были голые комнаты с давшими крен стенами. Во многих местах вровень с улицей — в основном там, где вдоль дороги имелись проржавевшие огражде-

ния,— начинались ступени, ведущие вниз, в невидимые снаружи помещения. Там, судя по всему, и обитали люди. Уже от одного многолюдства захватывало дух. Впечатление такое, будто люди спешили одновременно во всех направлениях, как муравьи под каменистым покровом пустыни. В основном это были мужчины, все как один рослые, сильные, мускулистые. Иногда, впрочем, встречались и женщины различного возраста. Большинство носили туники, скрывающие грудь, но оставляющие открытыми руки; некоторые, заметил Найл, носили платья с длинными рукавами. Одна рослая, с обнаженным бюстом женщина, перешедшая улицу перед самой повозкой, так походила на Одину, что Найл изумленно всмотрелся туда, где в своей повозке ехали трое предводительниц — а те катили в доброй четверти мили впереди.

Вечер постепенно сгущался, заполняющие небо здания застилали свет. По мере того как на улицах темнело, людей становилось все меньше. Когда повозка наконец остановилась, улицы почти совсем обезлюдели. Гужевые, положив оглобли на землю, помогли пассажирам сойти. Из темноты возникла Одина, положила ладонь Найлу на плечо.

— Они покажут вам, где спать. Будете жить у колесничих.

— Спасибо,— откликнулся Найл (а что еще можно сказать?).

— Благодари не меня. Скажи спасибо Кролу.

— Что еще за Крол?

— Хозяин, которого ты спас.

— А, тот паук...

— Тсс! — Одина прикрыла Найлу рот ладонью и озабоченно огляделась.— Никогда не произноси этого слова. Они здесь хозяева. Если кто-нибудь из них приближается, спеши поклониться, выкажи почтение. Иначе быстро окажешься в счастливом крае...

— Крае?..

— Слишком много вопросов. Любопытство мышь сгубило.

Она повернулась к одному из гужевых.

— Тебя как кличут?

— Дарол.

— Ты теперь отвечаешь за них, Дарол. Их жизнь — твоя жизнь, понял? — (Мужчина всем видом выразил покорную поч-

тительность.) — Распоряжения получишь утром.— Ухватив Найла за ухо, мощная женщина дружески его потрепала (аж слезы навернулись на глаза).— Спокойной ночи, дикаренок.

— Благодарю.

Грудастая баба скрылась в темноте.

Дарол был тем самым, кого Найл похлопал по плечу, предлагая облегчить его усилия. Гужевой заметил, что служительница относится к пареньку вроде как с расположением, потому и сам стал держаться более приязненно.

— Ступайте за мной, все трое. Осторожнее на ступеньках, чтоб не разбить физиономию,— сломаны, как и все тут.

Найла взял за руку Массиг:

— Я пособлю.

По ступенькам спустились в какой-то темный полуподвал. Кто-то широко раскрыл дверь, немилосердно при этом скрипнувшую. В нос ударил запах паленого масла; вместе они вошли в большое, тускло освещенное помещение. В нем, похоже, находились одни мужчины. Они во множестве лежали либо сидели на низких скамьях. Увидев Сайрис, многие повскакали навытяжку, а один сделал попытку опуститься на одно колено.

— Кончайте мельтешить,— остановил их Дарол.— Это же просто дикари из пустыни.— Сказал так, просто для сведения, без всякого презрения.

— Тогда чего им тут делать? — озадаченно спросил кто-то.

— А я почем знаю. Приказ сверху.

Стоявшие навытяжку разошлись с явным облегчением и больше не обращали на вошедших внимания. Кто-то хлебал из чашки, кто-то штопал одежду или чинил сандалии. В комнате было жарко и пахло потом.

Локтя Дарола коснулся Массиг.

— Если не возражаешь, я присмотрю за твоими и найду им место.— (Дарол взглянул на Массига с таким же непробиваемым изумлением, как тогда, когда Найл вызвался сойти с повозки.) — Это мой друг. Нам бы хотелось меж собой пообщаться.

— О чем? — озадачился Дарол.

— Найдется о чем. Как мы сюда добрались, например.

Дарол пожал плечами все с той же недоуменной миной.

— Странные какие-то! Да делайте вы что хотите.

До Найла дошло, что Дарол, как, видимо, и все остальные в этом помещении, не разжился большим умом, впрочем, и враждебности в нем тоже никакой.

Следующие полчаса Найл изыскивал, где можно прилечь. Топали по непролазно темному коридору, неся перед собой масляные светильники в какой-то глухой закоулок подвала. Там, оказалось, навалены сомнительного вида лежаки. К счастью, ножки у них, вставленные в деревянные пазы, можно было менять, так что в конце концов удалось собрать три сравнительно целых. Их перенесли в жилую часть, Массиг помогал Сайрис. В другом закутке обнаружились груды древних пыльных тюфяков, набитых тряпьем. По соседству нашлась куча одеял, из которых многие отсырели и буквально расползались от ветхости. Найл за день так вымотался, что ему было все равно, чем укрываться. Сайрис зевала не переставая. Ее, когда ходили за подушками, оставили дожидаться на лежаке Массига. Подушки на поверку оказались обыкновенными поленьями, обитыми тонким слоем кожи. Когда возвратились, она уже спала.

Следом за тем Массиг отвел их на общую кухню. Там стоял плотный жар от большущей железной печи, куда постоянно подкладывали дрова. Овощей, судя по всему, здесь было в изобилии. Стояла и большая металлическая чаша со странного вида мясом. Найл не терял времени: ухватив жесткую краюху черного хлеба, он пристроился возле чашки зеленого отчего-то супа, зачерпнув его прямо из стоящего на печи котла. Вкус у пищи оказался куда приятнее, чем вид; да это, по сути, был целый букет вкусовых ощущений! Найл не удержался, сходил еще и за добавкой. Лежаки стояли в углу комнаты, и они ели, усевшись и прислонясь спиной к стене. Верзила, отдыхавший на соседнем лежаке, дружелюбно поглядел на Найла и посулил:

— Тощий ты какой. Мы тебя скоро откормим.

Эту коронную фразу Найлу приходилось выслушивать без малого весь день. Кстати, она была не просто шуткой, чтобы завязать разговор; люди говорили совершенно искренне. Еда у гужевых почиталась явно за предмет культа.

Пока ели, Найл втихомолку прислушивался к журчащему вокруг неторопливому разговору. Ему хотелось как следует

вникнуть в мысли людей, обитающих в паучьем городе. Но вскоре это наскучило. Небогатые мысли у всех были заняты, по сути, одним и тем же — какими-то играми. Многие здесь увлекались выкладыванием резных деревянных палочек, другие без конца мусолили одну и ту же тему: предстоящее состязание между колесничими и сборщиками урожая — дня через два,— к которому приурочен еще и праздник с танцами. Порой у Найла возникало чувство, что он подключился к коллективному разуму муравьев. Вместе с тем, несмотря на явный недостаток смекалки, эти люди были очевидно добродушны и приветливы и, привыкнув к присутствию Найла и его близких, перестали относиться к ним как к чужакам; те будто бы влились в одно большое семейство. Привыкший всю жизнь рассчитывать лишь на себя да на близких, чувство коллективной общности Найл воспринял как нечто весьма приятное, вселяющее уют спокойной уверенности.

За едой Массиг поведал, как пал город Каззака. История вышла короткая. Через два дня после того, как Найл с отцом отправились к себе, не вернулись вечером муравьиные пастухи. Не возвратился и поисковый отряд, который возглавил Хамна. А поутру, проснувшись, Массиг обнаружил, что не в силах пошевелиться... Остальное происходило по уже известному Найлу сценарию. Пауки попали внутрь дворца, пустив впереди перепуганного насмерть пастуха. Шансов спастись не было. Умерщвлены были многие. Не потому, считал Массиг, что пытались как-то противодействовать,— просто твари проголодались. Не пощадили и детей. Кое-кто не был уведен сразу, их оставили до поры в подземном городище под присмотром надзирателей.

Пауков, очевидно, была тьма-тьмущая — сотни, в основном бурые бойцовые (Массиг называл их «волками»). Это они сопровождали пленников в долгом переходе к морю. По словам Массига, тяготы пути на деле оказались не такими суровыми, как люди ожидали. Кормили неплохо, а когда кто-нибудь выбивался из сил, пауки давали таким отдых или велели другим тащить их на импровизированных носилках. Так что по прибытии в паучий город все оказались в сравнительно добром здравии.

Массиг рассказывал, как их торжественно провели по главной площади перед Белой башней и матери воссоединились

со своими детьми. Но ненадолго. Мужчин разделили на группы соответственно предписанным обязанностям. Одни стали сборщиками урожая, другие земледельцами, третьи портовиками, четвертые — как сам Массиг — колесничими. Женщин разделять не стали. Их всех забрали в центральную часть города, специально для них отведенную. Все потому, объяснил Массиг, что женщины в паучьем городе значатся на особом счету. У пауков самка считается главнее самца, после брачной церемонии она нередко его съедает. Уклад жизни людей, где женщине зачастую отводится роль привязанной к хозяйству рабыни, глубоко противоречит их коренным инстинктам. Поэтому женщина у пауков переводится на роль хозяйки над мужчиной-слугой. Поскольку в городе Каззака было наоборот, им придется привыкать к новой роли. До тех пор пока они с ней не свыкнутся, их будут содержать отдельно от мужчин.

— А дети как же? — спросил Найл. Ему подумалось сейчас о сестренках.

— Их содержат в детской, поближе к женщинам. Но матерям, пока не перевоспитаются, посещать их запрещено.

Сам Массиг находился здесь вот уже около месяца. Работа у него была не из легких, но причин жаловаться тоже не было. Каждое утро гужевики обязаны являться на службу в центр женского квартала. В их обязанности входила перевозка надсмотрщиц — кого в поле, кого в порт, кого в другие районы города. Неплохо получалось, если удавалось пристроиться в самом городе. Самый тяжкий — маршрут в порт. Массиг подозревал, что его прислали сюда в наказание: одна из служительниц как-то услышала, что он — тут сын Каззака боязливо понизил голос до шепота — назвал хозяев «пауками».

— Ну и что с того? — простодушно удивился Найл.

— Они считают, что это непочтительно — рассуждать о них как о каких-нибудь насекомых.

— А вот я встречал в порту человека, так тот называл их раскоряками,— вспомнил Найл.

— Тсс! — Массиг испуганно оглянулся: никто вроде не расслышал.— Кто это мог быть, разрази меня гром?

— У него было забавное имя... Кажется, назвался Биллом.

— А-а, так это не наш. Он служит у жуков. Его звать Билл Доггинз.

Массиг произнес это с чуть заметным пренебрежением. Забавно было подмечать, что юноша уже научился делить здешних на своих и чужих.

— Билдогинз?

— Билл Доггинз. У него почему-то два имени. Те, кто служит у жуков, говорят, что у них издавна так заведено.

Вайг наклонился вперед и тихонько спросил:

— Как ты считаешь, отсюда можно при случае удрать?

Массиг даже в лице переменился.

— Ты что! Никак. Куда? Схватят, вот и все. Да и зачем бежать-то? Живется здесь неплохо, сытно.

— Зачем? Затем хотя бы, что мне не нравится быть рабом.

— Рабом? Но мы не рабы.

— Да ну? — удивился Вайг.— А кто же вы такие?

— Слуги. Это совсем разные вещи. Настоящие рабы живут на том берегу реки. Вот те уж действительно идиоты поголовно.

— В каком смысле?

— Говорю же: идиоты, в буквальном смысле. В голове свист один.

Массиг скорчил рожу: вылупленные глаза, перекошенная челюсть, оттопыренные губы.

— А зачем им рабы, если у них есть слуги? — спросил Найл.

— Для самой черной работы. Чистить выгребные ямы, например. Они же идут и на корм.

Найл и Вайг вместе:

— На корм?! — да так громко, что Сайрис на секунду приоткрыла глаза.

— Да. Хозяева разводят их себе на кормежку.

— А сами-то рабы об этом знают? — спросил Найл с потаенным ужасом.

Массиг пожал плечами.

— Думаю, да. Они принимают это как должное. С умом у них не гуще, чем у муравьев.

Найл мельком оглянулся на сидящих и лежащих вокруг, но ничего не сказал.

— Я вот насчет... слуг. Случается так, что и их съедают? — спросил Вайг.

Массиг отчаянно тряхнул головой.

— Ни в коем случае! Если не что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Что именно?

— Ну, например, никому не разрешается с наступлением темноты выходить на улицу. Хозяевам не возбраняется слопать любого, кто попадется на улице в ночное время.— И добавил поспешно: — Понятное дело, такого не происходит, у наших людей все же есть голова на плечах! Каким болваном надо быть, чтобы пойти прогуляться по улице ночью?

— И почему они запрещают людям выходить ночью?

— Следят, наверное, чтобы мужья по ночам не бегали к женам или чтобы матери не прокрадывались к своим детям.

— И ты еще говоришь, что тебе здесь нравится? — усмехнулся Вайг.

— Я же не говорил, что мне так уж нравится, но...— пробормотал Массиг, оправдываясь.— Я просто о том, что ведь могло быть и хуже. По крайней мере, у нас теперь вон сколько солнечного света. В Дире если выберешься на свет хоть раз в месяц, так и то уже событие. А жратва здесь какая славная! Хозяевам по нраву, чтобы мы все были упитанные. И игры разрешают по субботам. Раз в год можно обращаться с просьбой сменить работу. Я вот на следующий год думаю податься в моряки. И главное, на покой уходишь в сорок лет.

— На покой? Как это?

— Одним словом, становится не обязательно работать. Можно спокойно отправляться в великий счастливый край.

— Куда-куда?

Массиг открыл было рот, но тут откуда-то снаружи раздался жуткий гулкий звук, просто волосы дыбом. Звук повторился несколько раз — словно стон какого-то небывалого огромного чудища, страдающего от боли.

— Это еще что? — вырвалось у Вайга.

— Значит, что пора гасить свет. Спать здесь укладывают рано, вставать-то приходится спозаранку.

В комнате начали гасить светильники, заскрипели лежаки. Гореть остался лишь один светильник. Все разговоры смолкли.

— Что такое «большой счастливый край»? — спросил шепотом Найл у Массига.

— Тсс,— отозвался тот тоже шепотом.— Разговаривать, когда гаснет свет, тоже запрещено.

— Как так?

— Утром расскажу. Спокойной ночи.

Повернувшись к Найлу спиной, он надвинул одеяло-рогожу на плечи. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь мерным тяжелым сопением. Было что-то уютное, безмятежное в том, что вокруг столько людей. Вскоре Найл канул в глубокий, безмолвный омут сна.

Не успел он, казалось, закрыть глаза, как вокруг уже завелись, засуетились. Один за одним зажигались светильники. Вайг, всегда легкий на подъем, уже вылез из постели. Мать сидела (длинные волосы спутались за время сна) и позевывала. Кто-то спешащий мимо чуть ли не бегом, завидев женщину, перешел на шаг и почтительно склонил при этом голову.

Открыл глаза Массиг; ошалело оглядев комнату, укрылся одеялом с головой. Секунду спустя послышалось его негромкое посапывание. Внезапно, к удивлению Найла, все мужчины в комнате разом пали на одно колено, всем своим видом выражая почтительное смирение. Прошло несколько секунд, прежде чем он заметил, что в дверях стояла женщина. Она походила на Одину (все служительницы мало чем отличались друг от друга).

Четким менторским тоном она произнесла:

— Вновь прибывшие выходят на построение вместе со всеми!

Сказала, повернулась и вышла. Комната снова разбрелась по своим скамейкам и лежакам. Выволокся из постели Массиг, пришедший в себя от голоса женщины. Вид бледный, растрепанный.

— Как ты думаешь, она меня заметила? — озабоченно спросил он Найла.

— Нет,— уверенно ответил тот.

Массиг облегченно вздохнул.

— С любителями поспать здесь ох как строго обходятся.

— С лежебоками? — Найлу странно было это слышать.

— С теми, кто еле возится при подъеме,— выдавил Массиг сквозь зевок.— Вот что мне не по душе: в этакую рань заставляют вставать. В Дире вообще мало кто спал меньше двенадцати часов. Как-то раз провеселились там до упаду, так я потом проспал ровно сутки...

— Что нам сейчас надо делать? — не дослушал Вайг.

— Завтракать. Через час надо быть на построении.

Он повел их на кухню, где на печи стояли котлы с едой, над которым вился парок. Повара начинали работу за час до рассвета. Массиг налил себе в чашку зеленоватого супа, навалил в отдельную тарелку мяса и овощей. Найл и Сайрис взяли порции поскромнее. Рядом с кухней находилась просторная трапезная, заставленная длинными деревянными столами. Вайг уже восседал там с полной тарелкой, помахал своим ложкой.

— Мясо-то такое вкусное! Чье, интересно?

— Кроличье.

— Не понял.

— Грызун такой, с длинными ушами. Вроде крысы, только плодится быстрее.

После этого Массиг с сосредоточенным видом принялся за еду, на вопросы отвечая только кивками и мычанием.

Найл обратил внимание, что в целом разговоров в трапезной почти не слышно, только постукивание ложек и приглушенная работа челюстей.

Даже Сайрис ела с аппетитом. После хорошего продолжительного сна румянец возвратился на ее щеки. От нее не могло укрыться, что проходящие мимо их стола мужчины украдкой бросают откровенно заинтересованные взгляды. Хотя Сайрис не отводила взгляда от тарелки, было заметно, что ей это очень льстит. Единственные мужчины, которых она видела бессменно на протяжении последних двадцати лет, были члены ее семьи; ей, безусловно, было приятно ощущать на себе вожделеющие взгляды целой комнаты хорошо сложенных, статных представителей мужского пола.

По окончании трапезы Массиг показал помещение для умывания. В смежной с ним комнате было полным-полно деревянных ведер, до краев налитых водой. Как им объяснили, при умывании эти емкости относятся в соседнее помещение — большое, пустующее,— где в каменном полу проделаны узкие канавки. Найл с Вайгом охотно согласились, когда им предложили снять заскорузлую от пыли и пота одежду и окатиться водой. Сайрис препроводили в соседнюю комнату, поменьше. Массиг раздал по куску какого-то серого корня, показав, как его надо вначале опустить в воду, а затем натирать им кожу.

Оказывается, когда трешь, образуется обильная пена, очищающая грязь. Если воды не хватает, можно брать еще. Жителям пустыни такая роскошь казалась невероятной, диковинной. То же касалось и метода сушки, с которым их ознакомил Массиг: обтираться с головы до пят широким куском ткани, впитывающей влагу.

Когда появилась из своей умывальни Сайрис — кожа светится от чистоты, волосы влажные,— Найл поймал себя на мысли, что никогда не видел мать такой красивой. С некоторым даже самодовольством он осматривал и свою поблескивающую, дышащую чистотой кожу, отмытые добела ладони и ступни (в общем-то, можно понять, почему Массигу здесь нравится).

Минут через десять они слились с общей массой жильцов, толпящихся снаружи здания. В ярком свете нарождающегося дня вид городских улиц вызывал испуг и некоторое волнение. Громады серых зданий вздымались подобно утесам, а между ними простирались паучьи тенета — в основном натянутые поперек, иные же подвешены почти отвесно. Многие, видно, висели здесь уже не первый год — вон какие толстые, мохнатые от скопившейся пыли. Взявшаяся невесть откуда здоровенная муха, туловище с человечью голову, с лету врезалась в одну из таких сетей, отчего сверху вниз градом чего только не посыпалось, те же высохшие мушиные крылья. Молниеносно крутнувшись в воздухе, муха пулей кинулась вверх и там влепилась в другую паутину — почти неразличимую — и неистово там забилась, пронзительно страдальчески жужжа. Почти тотчас из какого-то невидимого укрытия выявился смертоносец. Шустро перебирая лапами, он подобрался вплотную и набросился на глупое насекомое. Секунда — и жужжание смолкло, муха бессильно, неуклюже обвисла. Паук заботливо пеленал ее туловище в шелк. Теперь понятно, отчего смертоносцы оставляют старую паутину висеть, а не вбирают ее обратно в себя, как большинство их лишенных разума сородичей. Крылатые создания остерегаются старых сетей, чуя в них неладное, зато легко попадают в новые, почти невидимые глазу.

Дарол гаркнул команду — все застыли навытяжку; еще приказ — и все разом двинулись посередине улицы. Дойдя до перекрестка, строй взял направо, на улицу пошире. Найлу стало

душно от неудержимой радости: на пронзительно-синем фоне утреннего неба проглянул шпиль Белой башни.

Навстречу двигался еще один строй. Найл с первого взгляда определил, что это и есть те самые рабы, о которых рассказывал Массиг. Одеты они были в длинные посконные рубахи. В походке — ни твердости, ни бодрости, лица лишены всякого живого выражения: обвислые губы, пустые глаза. Кое у кого конечности болезненно искривлены, жилы толщиной в палец.

— Куда они? — поинтересовался Найл шепотом.

Массиг пожал плечами.

— На работу. Наверное, или бригада золотарей, или дворники.

Главный проспект был не так запущен, как примыкающие улицы, что поуже. От вида некоторых зданий захватывало дух. Они возносились на такую немыслимую высоту, что приходилось запрокидывать голову для того лишь, чтобы догадаться, где находится вершина. Отдельные строения имели причудливой формы купола. Одно здание — массивное, квадратное,— очевидно, было сделано из зеленого мрамора и имело колоннаду примерно как у того разрушенного храма в пустыне. Нижние этажи у некоторых были облицованы листами какого-то блестящего прозрачного материала, отражающего солнечный свет. Одно вообще состояло сплошь из него, и диковинные, плавными изгибами перемежающиеся плоскости его фасада дробили и множили искаженные отражения окружающих зданий. Найл попытался представить, кто же мог в былые времена жить в таком чудо-городе и какой эти существа имели облик, но ума не хватало представить. Напрашивалось одно: вероятно, это были либо какие-нибудь великаны, либо великие чародеи. Но как в таком случае смертоносцам удалось одержать над ними верх?

Проспект на деле оказался длиннее, чем представлялось. Прошло с полчаса, прежде чем людской строй выбрался на открытый участок сравнительно недалеко от Белой башни. Широкая площадь была будто залита сероватым, похожим на мрамор гладким покрытием, а в глубине площади, вокруг самой башни,— приволье изумрудно-зеленой травы. В начале проспекта лицом к башне высилось еще более внушительное здание: нижние этажи облицованы черным мрамором, верхняя

часть в превосходной сохранности. Среди всех других строений, обступающих площадь, это было самое громадное. А от прочих оно отличалось еще тем, что не имело окон. При более пристальном взгляде становилось ясно, что окна все же есть, застекленные все тем же прозрачным материалом, только темного цвета, а потому почти не выделяющиеся на окружающем темно-сером фоне. Здание тянулось к небу на противоположном конце зеленого поля, словно грозный безмолвный вызов башне.

Дарол перестроил своих в два ряда, лицом к черному фасаду. Найлу, Вайгу и Сайрис было велено встать отдельно. Через несколько минут из здания появилась женщина. Найл по ошибке принял ее за Одину; впрочем, нет, эта повыше ростом. И одета как хранительница: одеяние из черного лоснящегося материала, руки открыты.

— Встаньте навытяжку,— скороговоркой пробормотал Дарол,— выше подбородок.

Приблизившись, женщина окинула стоящих жестким взором. Мужчины, все как один, застыли деревянными истуканами. Проходя перед строем, она где-то на середине задержалась перед мужчиной, ростом на полголовы выше остальных (изумительные бицепсы, несокрушимый подбородок).

— Ты повел зрачками,— холодно заметила она.

Недвижно таращась перед собой, мужчина произнес:

— Прошу простить, госпожа.

Женщина отвела ладонь, словно собираясь влепить нарушителю пощечину; тот застыл лицом, готовый принять удар. Внезапно женщина переменила решение и, сжав руку в кулак, жестко ударила его в солнечное сплетение. Верзила, поперхнувшись дыханием, перегнулся пополам. Женщина отодвинулась назад и, чуть примерясь, пнула его в лицо. Здоровяк был настолько массивен, что не опрокинулся, а лишь рухнул на колени, отчего получил еще один удар в подбородок тупоносым башмаком. Раскинув руки, несчастный со стоном вытянулся, на гладь покрытия струйкой стекала кровь. В строю никто не шелохнулся. Служительница хищно рыскнула вдоль строя взором туда-сюда — нет ли таких, кто шевельнулся. Затем продолжила обход и пошла до конца строя. Наконец повернулась к Дарелу.

— Ну ладно, можешь разводить по работам.

Перед Найлом, Вайгом и Сайрис она остановилась прочно. Все трое стояли, не смея даже моргнуть. Найлу краем глаза было заметно, как губы ей коверкает ухмылка.

— Который из вас Найл?

— Я,— чуть слышно сказал парень, опасаясь рот раскрыть.

— Вот как! — Вид у служительницы был явно озадаченный.

Она долго осматривала Вайга, щупала его мышцы, наконец легонько стукнула кулаком в живот.

— Ты крепче, чем поначалу кажется.

Недвижный Вайг пялился перед собой.

Служительница презрительным взором прошлась по Сайрис. Ощупала ей руки, скользнула ладонями по бокам. Чувствовалось, что мать боится шевельнуться.

— Силы в тебе, смотрю, достаточно,— подвела итог служительница,— но надо будет отъедаться. И еще делать что-то с твоими грудями.

Сказав, повернулась на каблуках и гаркнула:

— За мной!

Твердым, размашистым шагом она двинулась к зданию с черным фасадом. Найл, Сайрис и Вайг, переглянувшись, тронулись следом. За спиной, слышалось, Дарол уже отдавал распоряжения.

Двустворчатые двери здания были по меньшей мере метров семь в высоту и толщины тоже порядочной. Снаружи в тени портала стояли на страже два больших бойцовых паука, очевидно, невысокого ранга — женщина даже не обратила на них внимания. Найл, Вайг и Сайрис проследовали за ней в скупо освещенный коридор. Прошло какое-то время, прежде чем глаза после яркого утреннего света свыклись с полумраком. По правую руку находилась широкая мраморная лестница, у основания которой держали вахту еще двое пауков. Глаза не успели освоиться после яркого света, но Найл и без того заметил, что пауки-стражники наблюдают за ними с любопытством; чувствовалось, как скользнул между ними импульс.

Они прошли за служительницей на следующий этаж, где та приостановилась перекинуться словцом со своей сослуживицей (тоже в черном мундире), которая в рассеянном мутном

свете могла бы сойти за ее двойняшку. Тут Найл уловил мощные вибрации воли, исторгающиеся, как показалось, из раскрытых дверей поблизости. Он взглянул внутрь и увидел большой зал, полный бойцовых пауков. Восьмилапые застыли правильными рядами, а на возвышении в углу стоял к ним передом и «выкрикивал» наставления большой смертоносец — вернее, то, что можно обозначить «наставлением» в человеческом понимании. Беззвучные волевые вибрации были такими сильными, что, похоже, даже Вайг улавливал их. Психический диапазон Сайрис они, судя по всему, обтекали, хотя, когда пространство пронзил особенно мощный импульс, она удивленно обернулась.

Служительница закончила разговор и мотнула головой: дескать, идем дальше. Они поднялись вверх еще на два пролета, каждый из которых охранялся парой «бойцов». Третий пролет был устлан тяжелым, податливым на ощупь ковром. Сверху стояли на страже двое смертоносцев. Служительница обратилась к ним:

— Пленники доставлены на встречу со Смертоносцем-Повелителем.

Характерно было, что она произносит это нарочито громко и отчетливо, как при разговоре с глухим. А пауки, неспособные воспринимать речь на слух, видно, чувствовали вибрацию ее голоса и реагировали непосредственно на значение сказанного. Один из них послал короткий импульс: «Проходите». Служительница поняла безошибочно, так как сама уже в достаточной степени была привычна к мыслительным вибрациям пауков. Найл впервые наблюдал прямой контакт между пауком и человеком.

Она кивнула пленникам: идем. И тут Найла, впервые с того момента, как очутился в городе, пробил мгновенный панический ужас. Разом вспомнились рассказы Джомара о Стооком Хебе и легенда о Великой Измене — принц Галлат обучил Повелителя пауков понимать человеческую душу.

Тяжелое это чувство налетело с внезапностью шквала. Чем яростнее он ему противился, не давая овладеть собой, тем неистовее бились о невидимый мол мощные волны паники. А если Смертоносец-Повелитель понял, что Найл повинен в смерти его подданного в пустыне? В голове помутилось. Мелькк-

нула мысль: надо во всем признаться, сдаться на милость Смертоносца-Повелителя. Мгновенным огоньком мелькнула надежда, но вспомнился распухший труп отца, и стало ясно: бесполезно на что-либо надеяться.

Обивка двери была из того же лоснящегося материала, что и одеяние женщины, мелкие ее гвоздики отливали в полусвете желтым. Двое смертоносцев-стражников, казалось, ждали приказа. Застывший в беспомощном ужасе Найл не отрываясь смотрел на прямоугольник входа. Не укрылось от него, однако, что и служительница, видно, тоже чувствует себя неуютно, и хотя бы от этого на душе полегчало. Отчасти из обыкновенного злорадства: оказывается, и разнузданная грубиянка, лягнувшая человека в лицо, несвободна от страха. Но главная причина облегчения, пока не до конца ясная самому Найлу, крылась в другом.

Среди сумятицы путаных, неразборчивых мыслей неожиданно вычленялся один образ: крепость на плато — именно он придал стойкости. Мысль о том, что твердыня была воздвигнута людьми, а люди некогда владели миром,— все это помогло укрепить мужество. Найл сосредоточился до жесткости (непросто, поскольку отрава страха уже начала размягчающе действовать на волю, но хватило упорства). И внезапно где-то там, в голове, забрезжил свет — ослепительно сияющая точка оптимизма и уверенности в своих силах. В душе воцарилось спокойствие. И до Найла неожиданно дошло: Смертоносец-Повелитель уже не где-то там, за дверями. Они находились перед ним. Это он наслал волну ужаса, едва не лишив Найла самообладания.

Зев двери широко распахнулся. Затем, опустившись на колени по безмолвному приказу одного из стражников, они втянулись в комнату. Служительница простерлась на полу. Ее обуяли такое смятение и страх, что она забыла даже позвать за собою пленников. Сайрис, медленно разведя руки, стиснула ладони своих сыновей. Первой через порог обиталища переступила она.

Со смутным изумлением Найл понял, что этот зал ему чем-то знаком. Равно как и неразличимый в темноте зрачок, глядящий из недр увешанного седой паутиной омута-коридора. Вспомнил. Все это он однажды видел, когда смотрелся в коло-

дец, затерянный среди безлюдного простора рыжей каменистой земли.

Мозг невидимого наблюдателя излучал приказ; служительница поспешно отползла куда-то в угол и забилась туда, замерев в коленопреклоненной позе. Из непроницаемой глубокой тени на троих пленников взирали глаза, пытаясь всверлиться в мозг. Тенета свешивались недвижными ленивыми змеями. Ничто не было различимо в их дебрях, ни намека на движение. Застыл и Найл. Он понимал: одно неосмотрительное движение — умом, телом ли,— и все они окажутся в опасности.

Странное ощущение: вглядываться в хитросплетение паутины и сознавать присутствие живого существа, пристально наблюдающего из темноты. У себя в пустыне он всегда чутко реагировал на уставленный в затылок пристальный взгляд. Когда-то твердыней воли он считал для себя Каззака. А выходит, Каззак — ребенок в сравнении с этой вызывающей онемение мощью, пронизывающей сейчас извилины мозга словно током.

Найл не пытался симулировать невнятные мозговые колебания шатровика; нутром чувствовал, что здесь это бесполезно. Он имел дело с разумом, во многом несравненно превосходящим его собственный,— какие здесь могут быть прятки. Единственное, что еще годилось, это просто отстраниться от мыслей, оставаясь при этом открытым и пассивным.

Тупой удар, шарахнувший в грудь, опрокинул Найла на спину. Он грянулся о доски пола так, что дыхание перехватило. Сайрис ошеломленно обернулась и кинулась к сыну. Еще один невидимый удар перехватил мать поперек груди, пустил ее волчком, отчего она упала на одно колено. Вайг, ничего не понимая, лишь наблюдал, распахнув глаза. Конечно, откуда ему понять, что за пляску затеяли родные?

Тут где-то в груди у Найла раздался четкий льдистый голос: «Встань». Приказание прозвучало отчетливо, словно кто-то произнес его в самое ухо. Первым безотчетным порывом было подчиниться, но тут же возник и другой, противоположный — не реагировать, будто другая властная команда пересилила страх.

Тот же голос снова: «Встань!» Найл, приподнявшись, сел, затем выпрямился, пошатываясь. Саднило плечо, затылок жар-

ко пульсировал от столкновения с полом. Все же у физической боли имелись свои преимущества: она помогла отвлечься от прямого контакта с безжалостной, давящей чужой волей, властно сдирающей с Найла всякую завесу маскировки.

Чувствовалось, как сила смыкается вокруг, чудовищным кулаком вытесняя остатки дыхания. Она явно показывала, что при желании может стереть Найла в порошок. Было ясно, что у нее это и вправду получится, но одновременно она почему-то не торопилась. Смутное чутье подсказывало, что если б невидимый мучитель собирался Найла действительно прикончить, то не стал бы размениваться на угрозы.

Вайг и Сайрис изумленно застыли, видя, как Найл, оторвавшись от пола, зависает в воздухе. Тут Вайг различил, что лицо брата исказила боль, и бросился на помощь. Его руки обхватили Найла за окостеневшие от судорожного напряжения плечи, он силился стянуть брата вниз. Незримая сила отшвырнула Вайга как пушинку; завертевшись, тот отлетел и ударился о стену. Сайрис, нечеловечески взвизгнув, метнулась к упавшему. На этот раз ей было дозволено дотянуться до сына. Одновременно с этим разомкнулся и зловещий захват вокруг Найла, и он пал на колени.

Тут опомнилась служительница, сидевшая как раз в нескольких шагах от того места, где рухнул Вайг. Рывком вскочив, она заполошно выкрикнула:

— Встать всем навытяжку!

Понятно, что приказ исходил не от нее, а от темного безмолвного наблюдателя. Пленники подчинились мгновенно, не рассуждая. Все трое застыли, вперившись в темноту: что там будет дальше? Из всех троих только Найл сознавал, что Смертоносец-Повелитель прикидывает, умертвить их прямо сейчас или оставить в живых. Кроме того, ощущалось, что происходит невероятное: наблюдающее за ними бесстрастное существо испытывало сейчас неуверенность и раздвоенность. Причина колебания, правда, была неясна. Понятно одно: Смертоносец-Повелитель не прочь их умертвить и вместе с тем отдает себе отчет, что это ничего не решит.

За свою жизнь, висящую на волоске, Найл не опасался, испугаться он просто не успел. Но и облегчения не наступило, когда спустя секунду стало ясно, что жизнь им все же сохра-

нят. В груди раздался голос: «Можешь идти». Найл чуть было не поддался соблазну, едва себя на этом не раскрыв. И опять что-то глубокое и властное вмешалось, застопорив эту попытку. Как будто кто-то третий, бдительный, незримо присутствовал в теле юноши. Шли минуты, Найл застыл в ожидании. В зале висела непроницаемая тишина. Ни одна из змей паутины, белесых, как марля, так и не шелохнулась.

Импульс команды, почувствовалось, передался от наблюдателя к служительнице.

— А теперь кру-гом! — гаркнула она. Когда пленники повернулись, добавила: — Держаться за мной.

Открыла дверь, пропуская их, затем, прежде чем закрыть, застыла в низком поклоне. Пока они спускались по лестнице, Найл чувствовал: наблюдатель продолжает следить, его цепкое внимание оставило пленников лишь тогда, когда они, щурясь, вышли на яркий солнечный свет.

И Вайг, и Сайрис выглядели одинаково изнуренно. Оба, находясь в логове врага, уже успели распрощаться с жизнью. Даже сейчас они не были толком уверены, что опасность миновала.

Служительница догадывалась, что произошло нечто из ряда вон выходящее, причем ко всему этому имеет отношение Найл. Он то и дело ловил на себе ее пугливо-озадаченный взгляд. Женщина ломала себе голову, отчего этот стройненький парнишка — голубоглазый, с правильными чертами лица — представляет интерес для Смертоносца-Повелителя, помыкающего столькими судьбами.

Найл мог ответить на этот вопрос. Ответ стал ясен с того момента, как в груди у него грянул голос Смертоносца-Повелителя, а затем ощутилась тяжеленная мощь его воли, готовая его раздавить.

Им уже доводилось встречаться. Их умы уже сталкивались в противоборстве, когда Найл заглядывал в колодец там, среди красного каменистого безлюдья. С той самой поры Смертоносец-Повелитель собирался узнать побольше об этой человеческой особи, чей ум способен одолевать пространственные границы. Ему хотелось определить, понимает ли сам Найл природу своей силы и может ли владеть ею осознанно.

И что же? После очного знакомства Найл остался для него такой же загадкой, что и был. Вопросы остались без ответа.

Но Смертоносец-Повелитель мог и повременить. Долготерпение пауков не имеет границ.

На невысокой каменной ограде сидел, уткнувшись лицом в ладони, человек. Заслышав приближающиеся шаги, он вскочил и застыл навытяжку. Найл узнал его: тот самый, которому досталось сегодня от служительницы. Одна щека у бедолаги распухла до неприличия, через переносицу шел запекшийся шрам, глаз заплыл.

— Отведи этих людей к управителю,— скомандовала женщина.

Мужчина поспешно кивнул. Служительница повернулась на каблуках и пошла обратно в здание.

— Пойдемте.— Пострадавший от побоев здоровяк повел их через площадь к двухколесной повозке, оставленной на траве. Подняв оглобли, кивнул им троим: забирайтесь. Сайрис, сочувственно глядя на лицо бедняги, предложила:

— Мы и пешком можем пройтись. Ты только скажи куда.

Тот яростно замотал головой (ничего неожиданного для Найла).

— Извините, мне лучше выполнить приказание.

Они с неохотой залезли в повозку.

Найл не сразу обратил внимание, что у подножия Белой башни копошатся люди, один из них в желтой тунике.

Юноша похлопал тянущего повозку по плечу.

— Что они там делают?

Тот флегматично покосился в сторону лужайки.

— Это братия жуков. Нам не разрешают с ними разговаривать.

— Почему же?

— Не знаю. Мы не спрашиваем.

Верзила тронулся, отчего пассажиры, дернувшись, откинулись на сиденьях. Найл с любопытством оглянулся на башню. Люди там стаскивали с четырехколесных подвод бочонки и закладывали их возле подножия башни. Всем этим заправлял крепыш в желтой тунике.

Здоровяк без каких-либо усилий пустился легким галопом вдоль широкого проспекта. Не считая нескольких бойцовых пауков да колонны рабов, шагающей в отдалении, улица была считай что пустой.

— А где все люди? — наклонившись вперед, спросил Найл у гужевого.

— На работе,— односложно ответил тот.

Найл заглянул в его мысли и с удивлением обнаружил, что здоровяк не держит никакой обиды на унизившую его женщину. Напротив, считает, что сам во всем виноват и получил по заслугам. Такая тупая безропотность не вызывала ничего, кроме негодования. Перед зеленым зданием с колоннами, напоминающим храм в пустыне, здоровяк аккуратно положил оглобли на землю и помог пассажирам выйти.

— Вам сюда.

Пройдя следом за ним по пролету основательно истертых ступеней, пленники остановились перед затейливо изукрашенными массивными дверями. Здоровяк отворил одну створку. Открылся просторный зал с серым мраморным полом, вдоль стены равномерно располагались мраморные скамьи. Окна обширные, светлые.

По широкой лестнице поднималась женщина. Здоровяк, откашлявшись, обратился к ней:

— Прошу прощения...

Обернувшись, женщина вдруг воскликнула:

— О небо! Сайрис! Откуда ты здесь?

Голос был удивительно знакомый; секунда — и мать распознала внешность.

— Ингельд! — крикнула она.

Подбежав друг к другу, женщины обнялись. Несколько секунд они громко и радостно смеялись, у Ингельд даже получилось приподнять Сайрис над полом. Тут наконец взгляд женщины упал на коленопреклоненного здоровяка.

— Куда ты их ведешь? — осведомилась она.

— К управителю, моя госпожа.

— Замечательно. Их отведу я. Дожидайся внизу.

Она посмотрела на Найла с Вайгом.

— Значит, и до вас добрались? Не удивляюсь.

— Ты пленница? — спросила Сайрис.

Ингельд, лукаво сыграв бровями, улыбнулась.

— Не совсем.

Вайг окинул взглядом ее живот.

— Я думал, ты беременна...

— К счастью, это оказалась ложная тревога,— ничуть не смутившись, ответила Ингельд.

Братья переглянулись. Найл догадывался, о чем сейчас думает Вайг. Лгунья специально выдумала повод, чтобы вынудить Улфа проводить ее обратно в Диру.

— Ну что, сходим взглянем на Каззака? — Ингельд обвила Сайрис за талию.

— Каззака? — Сайрис была хорошо наслышана об этом человеке.

— Да, он у нас управитель.

Махнув приглашающе рукой, Ингельд двинулась вверх по лестнице.

Она сильно изменилась с той поры, как ее видели в последний раз. Начать с того, что длинные темные волосы были красиво уложены и прихвачены золотым колечком. Она прибавила в весе, отчего фигура приобрела скульптурную осанистость. Одета была в белоснежную тунику, сквозь которую просвечивали стройные загорелые ноги, обутые в белые сандалии. В сравнении с прежним еще сочнее стали полные губы. Здоровая, цветущая, просто загляденье. Сайрис рядом с ней смотрелась невзрачной худышкой, уже тронутой возрастом.

Следующий этаж для дворца был скудноват, просто широкий коридор, на всем протяжении которого равномерно размещенные деревянные двери. Пред той, что в дальнем конце, стояли двое стражников из числа жителей подземного города — Найл узнал их в лицо. Он ожидал, что они улыбнутся, а те окаменели глазами и вытянулись до хруста в спине, когда мимо проходила Ингельд.

Найл никогда еще не видел такого великолепия. Пол зала был устлан роскошным ковром, со стен тяжелыми складками спадали бархатистые портьеры. Потолок весь в золоте, искрятся, переливаются две огромные хрустальные люстры. Мебели нет, зато кругом раскиданы подушки. В дальнем конце зала на горке подушек возлежал Каззак, возле стояли двое девушек, овевая его опахалом из разноцветных перьев. Увидев, что Ингельд кого-то к нему ведет, управитель кисло сморщился, но приподнялся в изумлении, узнав Найла. Не дожидаясь предупредительных служанок, управитель завозился, собираясь вставать.

— Мальчик мой! Я не верю глазам! Почему никто не доложил мне, что ты здесь?

Найл зарделся от такого пылкого приветствия.

— А эта женщина неужто Сайрис? Да, конечно, конечно! Ты так похожа на свою сестру. Добро пожаловать, хорошая моя. Так, так. Ну а это у нас...

— Вайг.

— Да, разумеется, Вайг. А где...— какую-то секунду он медлил, припоминая имя,— а где Улф?

— Улфа убили пауки,— сухо сказала Сайрис.

Каззак покачал головой, двойной подбородок покачнулся в такт.

— Какой ужас. Жаль, жаль. Прошу вас, проходите, присаживайтесь.— Он повернулся к одной из служанок.— Принеси нам чего-нибудь выпить. Да, правильно, мои дорогие, садитесь сюда.

От Найла не укрылось, что Каззак с испытывающим любопытством поглядел на мать.

— Садись вот сюда, Найл. И ты...— Он, очевидно, уже забыл, как звать Вайга.— Да, как жаль слышать такое про Улфа. Ну конечно, он же убил смертоносца. Вот из-за чего мы теперь все здесь.

Найл чуть было не выпалил с ходу всю правду, но опомнился и сдержался. Чем меньше людей знает, тем спокойнее.

— Где Стефна? — спросила Сайрис.

— Она в женском квартале города. Ты сможешь присоединиться к ней чуть погодя.

— А мои дети? Руна, Мара? Смогу ли я их видеть?

— Конечно, это можно будет устроить.

Девушка возвратилась, неся поднос с высокими металлическими стаканами. Золотистого цвета напиток был прохладным и сладким, вкусом чем-то напоминал лимон. У Каззака был свой стакан — серебряный, украшенный каменьями.

— Спасибо, моя прелесть,— поблагодарил Каззак, похлопав девушку по бедру. Затем улыбнулся Сайрис.— Твое здоровье, моя дорогая.

Краем глаза Найл заметил, как Ингельд ревниво сверкнула глазами.

— Кто вас сюда направил? — спросил Каззак.

— Женщина в блестящей черной одежде.

Каззак возвел брови.

— Из числа приближенных Повелителя? Как вы с ней повстречались?

— Это она водила нас к нему.

Каззак был явно озадачен.

— Так вас пожелал видеть сам Повелитель? Но зачем?

Найл, не перебивая, слушал, как рассказывают о происшедшем Сайрис и Вайг. Каззак вникал в каждое слово — взгляд стал углубленный, задумчивый. Когда они закончили, он взглянул на Найла.

— А ты что скажешь на этот счет?

Найл чуть смущенно произнес:

— Такой интерес, должно быть, связан с гибелью паука.

— Он спрашивал тебя об этом? — Голос Каззака зазвенел требовательно и резко.

— Нет.

— Тогда, получается, не связан.

Управитель пронзительно сверкнул на Найла из-под прищуренных век, и юноша еще раз убедился, какую колоссальную внутреннюю силу таит в себе этот человек.

— Точно не знаешь, в чем тут дело? Можешь быть со мной откровенен. Ты ведь среди друзей.

Найла не раз подмывало выложить все начистоту, но всякий раз его стопорил один и тот же глубинный импульс, словно отслеживающий его, Найла, поступки — как и там, в обиталище Смертоносца-Повелителя. Юноша твердо покачал головой.

— Понятия не имею.

— Ммм.— Каззак задумчиво качнулся из стороны в сторону.— Очень странно.

И следующие десять минут дотошно расспрашивал обо всем, что происходило с ними с момента пленения. Найл с некоторым даже злорадством излагал мельчайшие подробности, зная при этом, что Каззаку этого до обидного мало. Интуиция подсказывала управителю — ключ к разгадке кроется в самом Найле. Он так и не мог уяснить, скрывает юноша что-то или говорит искренне. Вновь и вновь ловил на себе Найл проницательный взор управителя, который силился проникнуть в его тайну.

Притомившуюся Ингельд все это постепенно начинало раздражать. Когда Каззак, на секунду умолкнув, пригубил напиток, она спросила:

— Я могу взять Сайрис и показать ей женский квартал?

— Ну да, разумеется,— пожал плечами управитель.— Можешь ей устроить и свидание с детьми.— Он улыбнулся Сайрис.— Это в обход правил, но ради тебя...

— А остаться мне с ними позволят? — спросила Сайрис.

Управитель покачал головой.

— Никак нельзя, моя дорогая. Ингельд объяснит почему. Но не убивайся. Я уверен, что-нибудь придумаем.— Он легонько погладил ее по подбородку.— Об этом поговорим с тобой попозже.

Поднявшись, Каззак проводил их через зал, одну руку не снимая с плеча Сайрис. Возле дверей повернулся к братьям:

— Вам двоим, понятно, надо будет трудиться. Так здесь принято. Все должны трудиться. Даже я. Но до завтра можете отдыхать.

Он похлопал обоих молодых людей по шее, давая понять, что аудиенция окончена.

В коридоре Вайг спросил у Ингельд:

— А что за работа у него?

— Работа? Он управитель.

— Они по-прежнему дают ему править? Даже здесь?

— А что такого? Он здесь отвечает, по сути, за всех людей.— Объяснения явно доставляли удовольствие Ингельд.— Едва увидев Каззака, Смертоносец-Повелитель понял, что именно такой человек ему и нужен. Здесь все, понимаете, такие недалекие, туповатые. Паукам нужен кто-нибудь, чтобы за всех думал и решал.

— Я считал, на это сгодятся служительницы.

— Да, но не совсем. Все служительницы равны между собой, но кто-то же должен быть над ними старшим.

— Почему тогда они не назначат паука?

— Ничего не выйдет. Пауки, начать с того, не до конца понимают людей. И разумеется, не умеют изъясняться словами.— Ингельд оглянулась через плечо.— Кстати, называть их пауками не советую. Хозяева — вот как надо.

Когда проходили через нижний этаж, в дверь вошла женщина. Сердце у Найла сделало кульбит: он узнал Мерлью.

Ингельд окрикнула ее:

— Погляди, кто к нам пришел!

Мерлью взглянула на Найла с радостным удивлением.

— Ого, да это ж наш юный борец!

Найл густо покраснел.

Мерлью слегка загорела. В коротенькой белой тунике она была ослепительно красива. Сердцу не прикажешь, Мерлью стала еще обольстительней. Когда она улыбнулась Вайгу, юношу болезненно кольнула ревность.

— Куда направляетесь? — поинтересовалась Мерлью.

— Веду их в детскую. Пойдешь с нами?

— Нет, спасибо. Надо поработать над прической. А почему бы тебе не пригласить их вечером на обед?

Идея эта, сразу видно, пришлась Ингельд не по нраву.

— Надо будет сперва спросить у твоего отца.

— Ерунда,— отмахнулась Мерлью.— Я в доме хозяйка. И приглашаю их.

Ингельд раскраснелась.

— Что ж, ладно. В случае чего с тебя и спрос.

— А то как же.— Мерлью улыбнулась братьям.— До встречи.

От Найла не укрылось: Вайг проводил девушку растерянным взором. Можно было поздравить Мерлью с еще одной победой.

Поджидавший во дворе гужевой здоровяк с готовностью вскочил, но Ингельд оглядела двухколесную повозку с недовольством.

— Ужас какая неказистая. Поедем, пожалуй, на моей колеснице.— Она великодушно махнула побитому мужику рукой.— Свободен.

Ингельд еще раз провела своих через здание, а оттуда в мощеный внутренний дворик. Двое гужевых, пристроясь в теньке, играли, выкладывая резные палочки. Стоило Ингельд щелкнуть пальцами, как оба уже тут как тут. Бабьи губы сложились в тароватую усмешку: ей явно нравилось демонстрировать перед родными свою влиятельность.

Понятно, почему она предпочла свой собственный транспорт. В этой колеснице могло уместиться полдюжины пасса-

жиров, и сиденья были все такие удобные, с обивкой. Корпус сделан из желтого дерева, колеса большие, изящные. Когда сели, Ингельд приказала:

— В женский квартал.

Колесницу выкатили через задний дворик. Сайрис повернулась к Ингельд:

— Ты тоже работаешь?

— Этого еще не хватало! — Ингельд вскинула брови.— В этом городе работу делают в основном мужчины. Женщин хозяева, судя по всему, считают за созданий высшего порядка. Что, прямо скажу, приятно.— Она самодовольно улыбнулась братьям.— Но я бы в любом случае не стала работать. Я же здесь, можно сказать, надо всеми верховодствую.

— Ты что, замужем за Каззаком?

— Нет, не совсем... Но присматриваю за хозяйством.

— А я понял, этим занимается Мерлью,— едко заметил Найл.

— У нас у каждой свои обязанности,— холодно парировала Ингельд.

Когда подъезжали к Белой башне, стало заметно, что главная площадь кипит от бурной деятельности. Невесть откуда взявшись, там копошилось множество большетелых зеленых насекомых.

— Это кто такие? — спросил Найл у Ингельд.

Та брезгливо сморщила нос.

— Ах, эти... Жуки. Понятия не имею, что они здесь делают.

Наклонившись вперед, она спросила гужевых:

— Э, что там происходит?

— Сдается мне, хотят еще раз попробовать рвануть башню,— отозвался один.

— Ого! На это стоит взглянуть. Остановите там, где будет хороший обзор.

Колесница остановилась на краю площади, неподалеку от обиталища Смертоносиа-Повелителя. На площади толклось видимо-невидимо зеленокрылых жуков. Длинные и сильные передние лапы, желтого цвета головы, куцые охвостки-придатки. Существа были довольно крупные, некоторые больше двух метров в длину. Массивные их тела со всего маху сшибались одно с другим, звонко шелестя. Настроившись на их мыс-

лительный лад, Найл тотчас ощутил суетливую, веселую озабоченность — такую, от которой подмывало громко, в голос расхохотаться. Полный контраст отрешенной созерцательности пауков или странному муравьиному коллективизму. Эти, что на площади, были наделены, похоже, невероятным, хлещущим через край бесшабашным озорным весельем. Будь они людьми, так непременно сию же секунду кинулись бы с хохотом хлопать друг друга по спине или игриво подпихивать под ребра. Оттого, наверное, и сшибались сейчас друг с другом — чисто из избытка хорошего настроения.

Из здания появилось несколько смертоносцев, эти угрюмо забились в тень портала. Чувствовалось, что к жукам они относятся со снисходительным презрением, но вместе с тем и с осторожностью, даже не без боязни.

У подножия Белой башни люди составляли в два ряда бочонки. Закончив, оттащили пустые подводы и разместили их на дальнем конце площади, предусмотрительно укрывшись за ними. Возле башни остался только крепыш в желтой тунике. Вот он схватил небольшой бочонок и, пятясь, начал узенькой змейкой сыпать на землю темный порошок, пока не дошел до невысокой стены, отделяющей круглую лужайку вокруг башни от остальной площади. Пауки вдруг замерли: у человека в руках появилось кресало. Через считаные секунды по зеленой траве с изумительным проворством мчался, кудрявясь белым дымком, бойкий огонек. Крепыш залег за стеной, закрыл ладонями уши. Его напряженная поза пробудила в Найле животное чутье опасности. Он схватил за руку мать и брата.

— Быстро!

Было в его голосе что-то, заставившее их без колебаний шагнуть за ним вон из колесницы. Ингельд колебалась, очевидно считая зазорным спешить, но в конце концов тоже последовала за остальными. Как раз когда она касалась ногой земли, грянул обвальный, похожий на раскат грома звук, вторя яркому снопу мгновенного напряженного огня. Спустя миг Найл почувствовал, как его подхватывает и несет порыв внезапного исступленного ветра. Основной удар, к счастью, пришелся на колесницу, ее запрокинуло набок. Найла, перевернув, плашмя швырнуло о стену, из глаз густо посыпались искры. Что-то садануло по спине так, что грудь стеснило. Когда в

глазах прояснилось, оказалось, что это Вайг. Брат, раскинув руки, лежал на земле, мать в нескольких шагах от него. Ингельд, застигнутая волной врасплох, отлетела шагов на двадцать, прямо на середину проспекта. Туда же отшвырнуло двух гужевых. Белая башня чуть закоптилась, но, судя по всему, осталась невредимой. На площади царил переполох. Куда ни глянь, всюду озабоченно копошились жуки. Многие, опрокинутые на спину, неистово барахтались. Некоторых взрывная волна, подхватив, швырнула о стену стоящего сзади здания, где они приземлились прямехонько на пауков.

В воздухе стоял удушливый, едкий смрад, от которого распирал кашель и слезились глаза. Прошло несколько секунд, прежде чем до Найла дошло, что источник этой удушливой вони не взрыв, а сами жуки. Один из смертоносцев, силясь выбраться из-под непрошеного седока, хватил непоседу клыками. Не тут-то было — раздался хлопок, и паука обдало облачком зеленого ядовитого газа, который жук выпустил из похожего на хвост придатка. Свалка происходила неподалеку от Вайга; ощущалось, как вместе с облаком выстрельнулось тепло. Паук высвободился, надломив сустав у лапы, и поспешил ретироваться подальше от удушающих выхлопов.

Когда суета улеглась, стало ясно, что серьезно никто не пострадал. Ингельд поднялась. Белая туника вся изорвана, окроплена кровью. Подоспевший Найл понял, что ничего страшного, просто кровь из носа. Щека у Ингельд была расцарапана, руки-ноги тоже, но в остальном женщина цела и невредима. Вайг и Сайрис, похоже, страдали легким головокружением, но они были в порядке. С гужевыми обстояло хуже. Один, описав в воздухе над колесницей дугу, похоже, сломал ногу. Другой так исполосовал при падении голову и плечи, что теперь истекал кровью. Чутье опасности не подвело Найла и на этот раз. Останься они в колеснице, их бы пошвыряло как листики. Теперь было ясно, почему другие колесницы и повозки разместились так далеко от площади.

В их сторону направлялся уже знакомый крепыш в желтой тунике, Билл Доггинз. Он шел, лавируя меж суетящимися жуками, со сноровкой, выдающей недюжинную практику. Ингельд фурией ринулась ему навстречу:

— Болван! — и тут же согнулась пополам в приступе кашля.

— Прошу прощения, уж так вышло,— извинился тот.

— А как так получилось? — решил выяснить Найл.

— Пороха лишку сыпанули, вот что. Причем обрати внимание, вина не моя. Все по прямому указанию «ихнего величия».— Досадливо тряхнув головой, он указал на обиталище Смертоносца-Повелителя.

Ингельд, кашель у которой все еще не унялся, выдавила:

— Ты совсем, видно, рехнулся. Вот донесу на тебя управителю!

Крепыш пожал плечами.

— Доноси кому угодно.

— Непременно донесу,— заверила Ингельд, насупив брови.— Сейчас вернусь, переоденусь только.

Она удалилась, чуть прихрамывая.

Сайрис, похоже, не заметила ее ухода. Она разглядывала крепыша с ужасом и восхищением.

— Как это тебе удается? Ты что, колдун?

Тот фыркнул.

— Ну что тебе сказать? Я, как выражались в былые времена, сапер. Тот, который все пускает на воздух.— Он дружески протянул руку.— Кстати, меня звать Билл Доггинз. А вас?

Когда все представились, Доггинз сказал:

— Ну ладно, пора снова за работу. Пойду взгляну, удалось ли хоть кусочек от нее отколупнуть.

Сайрис с семейством завороженно двинулась следом. Возле подножия башни уже толклись помощники.

— Ну как, вышло хоть что-нибудь? — торопливо спросил крепыш на ходу.

— Хоть бы трещина, язви ее! — покачал головой один. Обмакнув в ведро кусок ветоши, он стер слой копоти, образовавшейся от разрыва.— Во, оцени.— Влажная ветошь оставляла за собой безупречно белый след.— Даже не пристало.

Вблизи становилось заметно, что цвет башни, оказывается, не чисто-белый, а с голубоватым оттенком — может, от этого сооружение издали и казалось иссиня-прозрачным. Если вглядываться пристально, возникало необычайное ощущение, что смотришься в глубокую воду. Чувствовалось, что еще чуток напрячься — и можно будет впрямь проникнуть взором через

ее поверхность. Тем не менее чем усерднее Найл пялился, тем отчетливей угадывал отражение собственного лица. Усилие вызвало лишь легкое головокружение. Вспомнилось, как отец в свое время обучал его, мальчишку, с помощью крестовины и прутиков выискивать, где под землей течет вода. Как-то раз прутик дернулся у него в руке, будто ожив; именно в тот миг, помнится, Найл ощутил нечто похожее — словно медленно проваливаешься в глубокий омут.

Вытянув руку, Найл провел пальцем по закоптившейся поверхности. Копоть собралась на кончике пальца, а на гладкой поверхности остался четкий след. Коснувшись башни, парень ощутил тоненькое иглистое пощипывание. Притиснул ладонь к уже очищенному месту — пощипывание показалось еще более явственным. Одновременно с этим в голове возникло непередаваемое ощущение. Он будто вдохнул некий острый металлический запах — совсем не такой, как сернистый смрад пороха (к счастью, большей частью уже развеявшийся). То же произошло и вторично, стоило лишь снова коснуться поверхности. А когда приложился обеими руками, ощущение даже обострилось.

Вскинув голову, Доггинз смотрел вверх, куда уходила вершина башни; на лице — гримаса досадливой растерянности.

— И зачем ее только строили? Специально, чтоб издеваться, да?

— А она не цельнолитая? — осторожно спросил Вайг.

Доггинз обернулся к Найлу.

— Ты тоже так думаешь?

Найл, прикинув, покачал головой.

— Нет. А ты?

— И я нет.

— А почему?

Доггинз пожал плечами.

— Как спросил, так и ответил. Нет, и все тут.

Подскочило несколько жуков-бомбардиров. Явственно ощущалось их разочарование: на поверхности ни вмятины, как ни ощупывай. Один из них, остановившись перед Доггинзом, похоже, потер друг о друга щупики. Удивительно: Доггинз тоже поднял руки перед лицом и проделал примерно такие же движения пальцами, то сводя их, то разводя. Жук продолжал озабоченно шевелить щупиками.

— Кажется, они разговаривают,— завороженно прошептал Вайг.

Доггинз, догадавшись, что это о нем, осклабился:

— Конечно, а ты как думал!

Он еще какое-то время колдовал пальцами. Жук, судя по всему, ответил, затем повернулся и устремился прочь. Для своих габаритов он двигался с изумительной легкостью.

— Что он там сказал, если не секрет? — спросил Найл.

— Говорит, нам надо будет сделать подкоп под основание башни и попробовать подложить пороха туда.

— Но зачем ее взрывать, такую красоту? — пожалела Сайрис.

— Нашим усачам по большому счету все равно. Это вон тем чертовым раскорякам не терпится, чтобы она взлетела на воздух.

— Но зачем?

— Да кто их знает,— буркнул Доггинз.— Им просто не по нраву все, что выше их разумения.

Доггинз искоса поглядел на кучку смертоносцев, идущих следом за группой служительниц к башне.

— Только не думаю, что у них что-нибудь выйдет. Порохом здесь, во всяком случае, не взять. Вот если б достать где динамита или тола...

Найл медленно тронулся вокруг башни, пристально вглядываясь в ее поверхность, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки входа. На безукоризненно белой матовой поверхности не было намека даже на трещину. А необычайное покалывание между тем не ослабевало, равно как и металлический не то привкус, не то запах.

— Что ты здесь делаешь? — послышалось вдруг сзади.

Найл вздрогнул, словно просыпаясь. Обогнув башню по кругу, он чуть не столкнулся с Одиной.

— Я... мы... э-э-э... гуляем, смотрим на башню.

— Ты что, не знаешь, что слугам к Белой башне подходить запрещено?

— Откуда ж мне знать!

— Так вот впредь знай. И кстати, незнание в этом городе оправданием не служит. Если такое повторится, будешь наказан.

— Прошу прощения.

Строгость в глазах смягчилась.

— Так что вы здесь делаете, почему не на работе?

— Управитель Каззак сказал: до завтра можете отдыхать.

— Каззак? — В глазах на мгновение мелькнуло замешательство.— А-а, новый управитель. Что ж, и он подчиняется закону, как и все мы. Праздность здесь считается нарушением закона.

— Нас везли посмотреть женский квартал и детскую. А тут сопровождающую вдруг тряхнуло взрывом.

— Подождите здесь.

Оставив Найла дожидаться, Одина возвратилась к группе проводниц, оглядывающих воронку, что образовалась со взрывом. Какое-то время они с серьезным видом переговаривались. Несколько женщин с любопытством повели глазами на Найла, затем на Вайга и Сайрис. Через несколько минут служительница возвратилась.

— Я буду вас сопровождать.

Она подошла к Вайгу, беседующему с Доггинзом, и резко хлопнула его по плечу.

— Пойдем за мной.

Вайг вздрогнул от неожиданности, подчинился не рассуждая. Сайрис, поколебавшись, тоже сделала шаг вслед за сыном; Доггинз подмигнул ей с невеселой усмешкой.

— Слугам не разрешается разговаривать с рабами жуков,— укоризненно покачав головой, сказала Одина Вайгу.

— Но почему?

— Потому что есть закон,— ответила та строго.— Мы все должны подчиняться закону. Кроме того, слугам не разрешается задавать вопросы.

— Прошу прощения.

Извинение Одину вроде бы смягчило. Она повелительно махнула гужевым, устроившимся рядком на окаймляющей площадь невысокой стене. Все как один вскочили и замерли.

— В женский квартал нас!

Четверо мужчин подтянули повозку и, пока пассажиры влезали и рассаживались, стояли навытяжку. Четверым в повозке места было явно маловато, и братья сидели, тесно прильнув с боков к Одине. Найлу непривычно было ощущать жар-

кое прикосновение женской руки и бедра. Не укрылось и то, что лицо у Одины чуть покраснело, не выручал и бронзовый загар.

С площади гужевые свернули в одну из боковых улиц. Где-то на высоте, заслоняя солнце, терялись вершины зданий.

— Спрашивайте, если есть о чем,— позволила Одина.

Вайг, вообще не выносящий, когда стоят над душой, едко заметил:

— Ты же сказала, нам нельзя задавать вопросы.

— Если я разрешаю, то это совсем другое дело.

Голос такой же жесткий, как и выражение лица.

Пока раздумывали, что да как спросить, стояла тишина.

Первой голос подала Сайрис:

— Кто построил этот город?

— Не могу сказать.

— Почему запрещено разговаривать со слугами жуков? — спросил Вайг.

— Не могу сказать.

— Где находится большой счастливый край? — спросил Найл.

— Не могу сказать.

— Просто не знаешь ответа или тебе нельзя это нам говорить? — спросил Вайг.

— Не знаю ответа.

— Так что такое «большой счастливый край»? — не унимался Найл.

— Это такая земля за морем, куда уходят с миром жить верные слуги хозяев.

— Тогда можно еще вопрос?

— Давай.

— Вчера вечером, когда я назвал хозяев пауками, ты посоветовала мне забыть это слово, а не то, мол, быть мне в «большом счастливом крае». Что ты имела в виду?

Одина улыбнулась.

— Это название у нас в ходу, когда мы говорим о земле, куда уходят духи умерших.

Вайг попробовал уточнить:

— А слуга что, непременно должен умереть, прежде чем отправиться туда?

На лице Одины читалась растерянность.

— Вовсе нет. Они отправляются туда в награду за верную службу.

Повозка преодолела два широких проезда. Впереди улицу, похоже, перегораживала широкая стена. Когда подъехали ближе, выяснилось, что стена идет вдоль проезда. Вблизи она смотрелась внушительно: огромные блоки, каждый длиной метр с лишним, выложенные так аккуратно, что никакого раствора не требовалось для их скрепления. Поверху шел ряд железных шипов. Еще несколько сот шагов, и показались небольшие, окованные железом ворота — закрытые, по бокам двое бойцовых пауков. Когда поравнялись, из небольшой каменной будки вышла женщина в черном одеянии. Одина доложила:

— Пленники, вновь прибывшие. Женщину я сопровождаю в квартал.

Служительница оглядела прибывших с плохо скрытой неприязнью.

— А мужчины с ней зачем?

— Это ее сыновья. Им разрешено навестить своих сестер в детской.

Пожав плечами, служительница большим железным ключом отперла ворота, посторонилась, пропуская повозку. Братья потупились под ее насмешливо-презрительным взором.

— Почему она такая суровая? — спросил Найл у Одины (он хотел сказать «не в духе», но как-то постеснялся).

— Мужчинам запрещается наведываться в эту часть города. Попадется кто без разрешения — сразу смерть.

Место смотрелось на редкость глухим и безлюдным. Ни колонн рабов, ни бойцовых пауков, ни дожидающихся пассажиров гужевиков. Даже протянутые через улицу тенета казались пыльными и слабыми, словно о них давно уже забыли. Стекла большей частью выбиты, через оконные проемы виднеются пустые комнаты, стены во многих из них уже разъезжаются, не выдерживая натиска потолка.

Длинное узкое русло одной из улиц неожиданно вывело на большую площадь. В центре ее возвышалась колонна, вокруг газоны, цветочные клумбы. После монотонности блеклых зданий цвета будоражили своей яркостью.

— Вот здесь живут женщины,— указала Одина.

Вокруг площади стояли превосходно сохранившиеся здания. Бликуя, отражалось в оконных стеклах солнце. Почти перед каждым домом стояла внушительного вида колонна. На одном краю площади группа женщин выполняла какие-то команды, которые зычно выкликала служительница в черном. Другие, одетые в одинаковые белые туники, стоя на коленях, работали на клумбах или катили перед собой изящные тележки. Одина указала на здание с розовым фронтоном.

— Вот приют для вновь прибывших пленниц.— Похлопала по плечу одного из гужевиков.— Останови здесь.

Братьям она назидательно сказала:

— Мужчинам под страхом смерти не разрешается приближаться сюда больше чем на сотню шагов.

Повозка остановилась посреди площади. Женщины выбрались. Найл смотрел, как они, пройдя через площадь, заходят в розовое здание.

Гужевики замерли, не выпуская при этом оглобель из рук. Братья мялись на солнцепеке. Нет, что ни говори, а клумбы радуют глаз. Найл никогда еще не видел вблизи такого разнообразия цветов: красные, лиловые, синие и желтые, все в обрамлении баюкающей взор зелени лужаек. Были еще кусты, в основном в мелких красных цветочках или величавых пурпурных соцветиях.

Вскоре до братьев дошло, что их присутствие здесь воспринимается с любопытством. Многие женщины, бросив работу, беззастенчиво их разглядывали. Вот одна — высокая, светловолосая, отложив миниатюрный серпик, которым подравнивала травку на клумбе, направилась в сторону их повозки. Найл сделал улыбку поприветливей, но его потуги остались без ответа. Женщина с интересом рассматривала Вайга. Вот, потянувшись, пощупала ему пальцами бицепс. Вайг покраснел. Женщина вызывающе улыбнулась, затем, привстав на цыпочки, провела пальцем по щеке.

Тут Найл, спохватившись, обратил внимание, что ему призывно машет рукой стоящая возле клумбы девушка. Поймав его взгляд, она повелительно махнула ему рукой.

— Раб! — позвала она.

Найл, вопрошающе подняв брови, ткнул себя пальцем; девушка нетерпеливо кивнула и опять махнула рукой: дескать,

давай-ка сюда! Найл, не зная, к кому обратиться за советом, растерянно глянул на гужевиков, но те застыли истуканами, не мигая уставились перед собой. В конце концов, видя, что девушка теряет терпение, Найл слез с повозки и пошел к ней. Это была миловидная темноволосая особа со вздернутым носиком, чем-то напоминающая Мерлью.

— Как тебя кличут? — осведомилась она.

— Найл.

— Иди за мной, Найл.

Девушка повернулась и пошла. Найл, теряясь от любопытства, направился следом к стоящей на середине лужайки большой каменной вазе, окруженной высокими — в человеческий рост — кустами. Когда углубились, девушка развернулась лицом к Найлу и потребовала:

— Ну-ка, целуй меня.

Найл вытаращил глаза. Он ожидал чего угодно, только не этого. В конце концов девушке надоела его нерешительность; притянув Найла к себе, она обвила ему руками шею. Спустя несколько секунд она тесно прижалась к нему всем телом, прикосновения губ были влажны и настойчивы. Вслед за первоначальным изумлением Найл почувствовал в этом занятии острый вкус и самозабвенно предался удовольствию.

Через какое-то время девушка сладостно вздохнула и, чуть отстранившись, близко посмотрела на Найла.

— Ну, целуй,— с хрипотцой выдохнула она.

Найл повиновался не колеблясь. Нежные губы податливо раздвинулись, девушка обеими руками охватила его голову, приникая к нему лицом. В таком положении они пробыли так долго, что Найлу уже не хватало дыхания.

Девушка отстранила лицо, ласково высвободилась и украдкой посмотрела сквозь кусты. Довольная, что там никого нет, она взяла юношу за руку.

— Пойдем туда.— Голос у нее возбужденно дрожал.

Найл послушно пошел за ней туда, где на общем фоне лужайки выделялся большой клок нестриженой, длинной травы. Упав на нее, девушка протянула ему руки. Найл растерялся. Ему было непонятно, в чем выгода лежачего положения, когда целоваться удобнее стоя. Тем не менее он подчинился и послушно лег рядом с девушкой. Спустя секунду ее руки вновь

ласково обвились вокруг его шеи, а губы работали с таким усердием, словно она решила всего его вобрать в себя.

От оглушительного удара в ухо в голове затрещало, а из глаз посыпались искры. Над ними стояла Одина и, склонившись, примерялась уже для второго удара. В голове стоял звон. Найл нетвердо встал на ноги. Глаза Одины мстительно сверкали. Досталось башмаком и девушке.

— А ну поднимайся, потаскуха!

Одина повернулась к Найлу и крепко ударила его еще раз. Девушка, похоже, ничуть не испугалась, лицо ее выражало единственно досаду. Когда Одина снова отвела ногу для удара, глаза девушки налились недобрым светом, и та сдержалась.

— Марш на работу! С тобой разберемся позже.

Повернувшись к Найлу:

— А ты назад в повозку.

Повозка была пуста, четверо гужевиков-истуканов все так и глядели перед собой, будто покорные лошади. Одина прошла мимо них в цветущий кустарник, окаймляющий соседнюю лужайку. Найл хотел окликнуть брата, но одумался, вспомнив мстительно сверкающие глаза Одины. Послышался страдальческий вскрик... Из кустарника выдралась Одина, волоча брата за ухо. Найлу невозможно было сдержать смех, но под сердитым взглядом Одины он моментально осекся. Сзади с удрученным видом тянулась блондинка. Одина молча указала на повозку. Вайг влез и уселся рядом с Найлом. Одина, не удостоив братьев взгляда, пошла обратно в здание с розовым фронтоном. Нарушительницы как ни в чем не бывало взялись за прерванную работу. С дальнего конца площади — гррум! гррум! — доносились звуки маршировки.

— Как ты думаешь, она сильно рассердилась? — осторожно спросил Вайг.

— Вид у нее просто разъяренный. Но я-то разве виноват? Я думал, бабенка просто хочет мне что-то показать.

— Вот и показала,— хихикнул Вайг.

Прошло минут пятнадцать. В конце концов показалась Одина, за ней Сайрис.

— Пошли! — чуть не с ненавистью фыркнула служительница, отчего гужевики пугливо сорвались на рысь.

Одина смерила взглядом Вайга, затем Найла; оба отвели глаза.

— Повезло же вам, что это я, а не какая другая служительница,— сказала она.— За незаконную случку полагается полсотни ударов плетьми.

— За случку?

— Что вы такое натворили? — Сайрис не могла взять в толк, что произошло.

— Она просила помочь докатить тяжелую тачку,— стал оправдываться Вайг.— А когда зашли в кусты, набросилась на меня. Да так, что я думал, сожрет.

Одина строго посмотрела на Найла.

— А та, с темными волосами, тоже попросила, чтобы ты ей помог?

— Нет. Она сделала пальцами — вот так, а я пошел узнать, что ей надо.

— Простаки вы оба. Неужто не ясно, что женский квартал для мужчин — заповедная территория? Доложи я все как есть, вас бы лишили обоих ушей.

В голосе, однако, слышались сочувственные, покровительные нотки.

— Но что такого в том, что кто-то целуется? Почему это под запретом?

Одина глубоко, досадливо вздохнула; было похоже, что сейчас снова рассердится. Но лишь с терпеливой снисходительностью покачала головой.

— Вы еще многого не знаете. Ничего страшного в поцелуях нет, если целуются те, кому положено. А иногда случается так, что целуются не те.

— Что значит «не те»?

— Вы рабов еще не видели?

— Да, в общем-то, проезжали мимо поутру.

— Обратили внимание, какие это образины?

— Да.

— Это потому, что у них были «не те» родители. Видите, какая я здоровая, крепкая? — Она вытянула безупречного вида руку и согнула ее в локте, демонстрируя мускул.

— Да.

— Потому что у меня родители были те, что надо.

Она улыбнулась открыто и приязненно, будто этим объясняла все. Какое-то время братья молча усваивали сказанное.

Затем Найл спросил:

— А кто были твои родители?

В глазах у Одины мелькнуло недоумение.

— Откуда же мне знать!

Все трое удивленно посмотрели на нее.

— Ты не знаешь?

— Конечно нет.

— А я вот знаю, кто мои родители.

Одина кивнула.

— Да, но вы-то дикари, производство и выращивание потомства у вас пущено на самотек. Почему, думаете, все служительницы такие рослые и красивые? Потому что их родители тщательно отбирались. А мужчины почему такие все статные, сильные? Потому что их растят не как попало, а тщательно за этим следят.

— А все ли детишки появляются здесь на свет сильными и здоровыми? — спросила Сайрис.

— Разумеется, нет. От больных и слабых мы сразу же избавляемся.

— Но ведь это жестоко,— тихо заметила Сайрис.

— Вовсе нет. Жестоко сохранять им жизнь: они могут, в свою очередь, принести неполноценное потомство. Не допуская этого, мы очищаем наш род от убогих и больных.

— А как обстоит дело у рабов? — спросил Вайг.

— Рабы — отрезанный ломоть, неполноценные. Их держат, потому что надо же кому-то делать черную работу. Ну и конечно, паукам...— она поспешно исправилась,— хозяевам они нужны на пирах.

— Как прислуга? — неуверенно спросил Найл.

— Нет, нет.— В голосе Одины послышалось даже раздражение от такой непонятливости.— Как самое лакомое блюдо. Им нравится человеческая плоть. Мы, разумеется, держим коров, лошадей, овец. Но человечина, говорят, им вкуснее всего.

От таких слов пленники тревожно притихли. После долгой паузы Вайг спросил:

— А насчет своей участи... никогда не опасаетесь?

Одина размашисто мотнула головой.

— Конечно нет, что ты! Своих слуг они никогда не трогают, кроме тех, конечно, которые выходят после темноты. Или

нарушают закон каким-то другим образом. Например, пытаются пробраться в женский квартал.— Она сказала это с предупредительной ноткой, зорко глянув на братьев из-под приспущенных ресниц.

Все это время — минут десять — повозка катилась по тому же широкому проспекту в направлении реки. Гужевики теперь усиленно тормозили (дорога шла под уклон), не давая повозке разогнаться. Река находилась как раз перед ними — широкая лента, переливчато посверкивающая под солнцем. Гигантский мост, соединявший некогда оба берега, провалился теперь своей серединой в воду; ржавые железные фермы изогнуты, покорежены. Гужевикам приказано было остановиться. Одина указала на невысокое белое здание на той стороне.

— Вон она, детская.

— Но как туда перебраться? — спросила Сайрис с заметным волнением.

Вместо ответа Одина указала на лодку, лежащую на самой кромке берега, возле ступеней каменной лестницы. Хлопнула по спинам двоих мужиков при оглоблях.

— Можете нас перевезти. Остальные дожидайтесь здесь.

Через несколько минут они уже были на середине реки. Лодка, напоминающая дракар викингов в миниатюре, гладко скользила, продвигаясь все дальше с каждым взмахом весел.

— А как сломался мост? — поинтересовался Найл.

— Жучиные слуги взорвали.

— Чтоб матери не бегали навещать своих детей?! — воскликнула Сайрис.

— Почему же, можно встречаться два раза в год. Находиться вместе хоть целые сутки. Но многие предпочитают обходиться без таких забот. Я своих детей не видела с рождения.

— У тебя есть свои дети?

— Я их вынашивала и рожала,— пояснила Одина.— Но называть их своими я бы не стала.

— И тебе не хотелось с ними увидеться?

Женщина пожала плечами.

— Вначале скучала, с недельку, а потом все как-то забывалось. Я знала, что за ними хороший уход.

— А кто твой... кто их отец?

— Одного звали Врукис, другого Мардак и еще одного Крифон.

— И...— Сайрис сделала робкую паузу,— ты с ними по-прежнему видишься?

Одина вздохнула. Вопросы Сайрис, очевидно, казались ей наивными.

— Я несколько раз видела их на улице. Но было бы невежливо показывать, что мы знакомы друг с другом. Понимаешь, они всего-навсего слуги. Их дело — производить детей. Они бы смутились, заговори я с ними.

— А у тебя нет к ним... чувства?

— Это еще зачем? Неужели я должна испытывать чувство к этим вот,— она показала пальцем на гужевиков,— за то, что они перевозят нас через реку?

Найл исподтишка посмотрел на этих двоих, не смутит ли их такое замечание. Но те смотрели только вперед, и не похоже было, что они придают значение сказанному.

Лодка, ткнувшись, замерла возле уходящей вверх каменной лестницы. Один из мужчин, выпрыгнув и принайтовав ее к камню, помог Одине сойти на берег. Наверху их встретила дородная высокая женщина, вся в синем. Как и большинство служительниц, она так походила на Одину, что их можно было принять за сестер. При женщине была секира выше ее самой, лезвие венчал длинный шип. Поприветствовав Одину, служительница оглядела живот Сайрис.

— На каком месяце?

— Она не беременна,— ответила за нее Одина.— Ей разрешено навестить детей, их доставили сюда несколько дней назад.

— Надеюсь, тебе по силам будет ее сдерживать,— сказала женщина Одине, церемонно вытягивая руку с секирой, когда они проходили мимо.

— О чем это она? — спросила Сайрис шепотом.

Одина пожала плечами.

— Некоторые матери не желают разлучаться со своими детьми. Как раз на прошлой неделе ей пришлось одну такую прикончить.

— Прикончить?

— Да, смахнуть ей голову.

— Она что, не могла ее просто оглушить? — спросил Найл.

Одина категорично покачала головой.

— Зачем? У той мамаши был неизлечимый душевный разлад. Она могла заразить других.

— Душевный разлад?

— Мы называем так между собой, когда человек отказывается себя сдерживать. И разумеется, эта женщина могла произвести на свет ущербных детей. Потому таких и надо приканчивать.

Одина указала на деревянную скамью у края газона.

— Вам двоим надо будет дожидаться здесь. Мужчинам заходить в детский городок запрещено. Ни в коем случае никуда не отлучаться до нашего возвращения. Страже приказано убивать любого мужчину, который станет слоняться здесь без разрешения.

Братья опустились на нагретую солнцем скамью (во дела, просто сидеть невозможно) и проводили взглядом женщин, скрывшихся за углом. Найл заслышал необычный шипящий звук и пузыристое журчание бегущей воды. Отогнувшись назад, чтобы не мешало дерево, он сумел разглядеть фонтан, взметающий в воздух упругую пушистую струю. Зрелище просто зачаровывало, так и подмывало тайком встать и посмотреть. Но на той стороне газона расхаживала одна из этих, в синем, и поглядывала на братьев с такой неприязнью, что просто мурашки по коже. Невольно представилось: сейчас подойдет и ка-ак даст секирой! — сразу голова с плеч и улетит.

— Как тебе все это? — Вайг кивком указал на женщину и на здание детского городка.

— Очень красиво.

(Для жителя пустыни это был, считай, рай земной.)

— Красиво-то оно красиво, только в дрожь бросает от такой красоты. Напоминает бабу, что нас сюда привела...

— Чего-то я тебя не понял, Вайг.

— Внешне хороша, вроде сама обходительность, а как заговорит, так тошно делается. Как она спокойненько рассказывала про женщину, которой отсекли голову лишь за то, что не хотела расставаться со своим дитем.

— Тсс! — шикнул Найл. Он вдруг испугался, что их услышит баба с секирой; тогда Одина, вернувшись, застанет лишь два трупа и две головы в сторонке.

— Мне-то чего прятаться? — возмутился Вайг, но голос понизил.

— Знаешь, что меня сбивает с толку? — поделился Найл.— Коли уж они так пекутся, чтобы дети у них росли сильными и здоровыми, то почему сами-то они такие придурочные, с ущербной башкой?

Вайга такая мысль застала врасплох.

— Да, в самом деле. А ведь и вправду ущербные, а? — Он помолчал, подумал.— Может, потому что работа у них такая нудная?

Найл с сомнением покачал головой.

— Нет, здесь дело не только в этом. У меня такое впечатление, будто...

Не успев подобрать нужных слов, Найл вздрогнул от взволнованного детского крика. Через секунду братьев уже тискала ручонками Руна, тычась губками попеременно то в одного, то в другого. За ней шла Сайрис, неся на руках Мару. А за Сайрис, рядом с Одиной, шла стройная девушка в голубой тунике. Найл с восторженным удивлением узнал Дону. Высвободившись из объятий Руны, он вскочил со скамьи. Дона, расставив руки, бежала навстречу. Глаза у нее засверкали радостным волнением. Найл обхватил девушку и закружил, завертел, подняв над землей. Синяя стражница наконец не выдержала, шагнув вперед, сердито крякнула:

— Хватит здесь ласциться! Будете так себя вести, живо без ушей останетесь, вы оба!

Найл с виноватым видом опустил Дону, та смущенно отвернулась. Тут, к удивлению, заговорила Одина:

— Ты совершенно права, служительница. Эти люди, увы, дикари, к тому же долгое время не виделись. Я позабочусь, чтобы они вели себя пристойно.— И победно усмехнулась.

Стражница, передернув плечами, отвернулась с постно-презрительной миной.

— А мы с тобой поластимся позже, когда никого не будет поблизости. Заодно и уши сохраним,— шепнул Найл Доне.

Дона чуть разрумянилась, и у Найла сердце закувыркалось. В полутемном подземном коридоре Каззака он как-то не обращал внимания, насколько девушка, оказывается, миловидна. С той поры, как они расстались, прошло несколько меся-

цев. Ее худенькое девчоночье тело обрело женственность, хорошо сложенные руки и плечики покрывал ровный загар.

У Руны и Мары был бодрый, веселый вид. Обе явно поправились, загорели.

— А где папа? — спросила Руна, и стало ясно, что ей неизвестно о гибели отца.

К счастью, Мара вовремя ее перебила, попросив Вайга все-превсе рассказать. Найл и Дона сидели на краешке скамейки и смотрели друг на друга. Найл почувствовал к Одине признательность, когда та тактично удалилась на другой конец газона и отвлекла внимание стражницы разговором.

— Что у тебя за платье? — спросил юноша.

— Это, синее? Меня взяли в наставницы. Помогаю присматривать за ребятишками. Мне поручили Руну и Мару.

— Тебе здесь нравится?

— О да, я люблю детей. Только вот по маме скучаю.

— Я сегодня вечером увижу Каззака. Хочешь, спрошу, может ли она взять тебя во дворец работать? Она прилично устроилась, как всегда.

Глаза Доны на секунду вспыхнули.

— Ты будешь там все время?

— Нет. Завтра начинаю работать.

Лицо девушки омрачилось. Посмотрев друг на друга, они поняли: много времени, наверное, пройдет, прежде чем снова доведется свидеться. Найлу больше всего на свете захотелось вдруг стиснуть Дону в объятиях и целовать, целовать. Посмотрев глубоко в ее глаза, он понял, что и в ней колеблется такое же желание. Но в присутствии стражницы, то и дело зыркающей в их сторону, это было невозможно. Они лишь осторожно соприкоснулись руками.

Интересно было ощущать, насколько близки сейчас их умы. Найл не пытался проникнуть в ее мысли сознательно, но вместе с тем узнавал их так ясно, будто они рождались в его собственной голове. Словно внутренняя их сущность слилась воедино в волнующем чувстве постижения друг друга.

Стражница сменила позу, чтобы удобнее видеть через плечо Одины. Найлу стало любопытно, что же может служить причиной такой недоброжелательности; он настроился на ее мыслительный лад. Это оказалось неожиданно трудно, и в ка-

кой-то момент Найл подозревал, что стражница сознает его усилия и умышленно им противится. Но в то же время по ее лицу (она сейчас разговаривала с Одиной) нельзя было судить ни о какой подозрительности. Попробовал еще раз, и тут его ошеломила странная, не до конца еще оформившаяся догадка. В мозг этой женщины сложно проникнуть потому, что он работает не совсем обычно, можно сказать, не по-людски. Секунду спустя натиск увенчался-таки успехом. Найл с удивлением понял, что прав в своей догадке. Оказывается, это не разреженность, что свойственна обитателям паучьего городища,— ту можно сравнить скорее с рассеянностью. Эта же напоминала странную, созерцательную пассивность паука, терпеливо выжидающего, когда добыча угодит в тенета. Трудно поверить: получалось, перед ним, по сути, паук в человечьем обличье. Было заметно, что Дона глядит на Найла с любопытством, понимая, что происходит что-то необычное. Вместе с тем в ней не было ревнивого желания заполонить все внимание юноши, поскольку их умы и без того пребывали в гармонии; просто любопытно было узнать, что именно Найла так привлекает.

Тут до Найла дошло, отчего все-таки стражница смотрит на них с такой неприкрытой враждебностью. Ей вменялось не любить дикарей и относиться к ним с надменным превосходством. Братья вызывали у нее сильнейшее неприятие. Но Одина была старше по рангу, поэтому у стражницы не было возможности придраться к ним, пока не случилось явного нарушения. Неприязнь стражницы была так велика, что Найл невольно почувствовал, как сам наливается гневом.

Судя по всему, стражница совершенно не подозревала, что Найл проник к ней в мысли. У этой женщины было что-то общее с пауком-шатровиком, хотя жизненный заряд в ней был, безусловно, куда сильнее. Частично из озорства, частично из любопытства Найл решил внушить стражнице мысль, что кто-то пристально следит за ней из окна детской. Несколько секунд все шло без изменений. Женщина продолжала слушать Одину, кивая и остро поглядывая на Найла и Дону. И тут вдруг она резко, словно уже не в силах вынести, обернулась и посмотрела в сторону детской. Найл подивился успеху своей проделки. Он мысленно велел ей поднять руку и почесать нос.

На этот раз стражница подчинилась незамедлительно. Найл едва поверил своим глазам. Сама того не сознавая, она подчинялась его воле. Он заставил стражницу переступить с ноги на ногу, поиграть притороченным к поясу топориком, потянуться и почесать поясницу. В конце концов вынудил отвернуться и вглядеться в окна детской: кто там все смотрит и смотрит? Пока она это делала, Найл не упустил случая украдкой поцеловать Дону. Когда стражница обернулась, они уже сидели как ни в чем не бывало.

Через пару минут Одина, обернувшись, сделала Доне знак. Здесь все явно было заранее оговорено.

— Пора идти,— прошептала Дона.— Надо отвлечь твоих сестренок, а то расхнычутся, когда будете уходить.

Девушка обернулась удостовериться, что стражница не смотрит в их сторону, потянулась и нежно погладила Найла по щеке. Поднялась, взяла за руку Мару.

— Ну что, сыграем в прятки? Давайте-ка вы с Руной прячьтесь, а я пойду искать.

Спустя минуту Руна и Мара уже почти скрылись среди кустов, и Одина показала жестом: все, пора уходить. Найл попытался напоследок поймать взгляд Доны, но та, не оглядываясь, уже спешила через лужайку.

Когда садились обратно в лодку, Найл готов был разорваться от бесчисленных вопросов и отрывочных мыслей, от которых голова буквально кипела. Непривычный к напряженному анализу, абстрактным понятиям, Найл боялся, что голова просто не выдержит такой бурной активности.

Ясно было одно. Стражница — человек, никакая не паучиха. Ум у нее если и имеет сходство с паучьим, то оттого лишь, что таким его отлили и отшлифовали — в самом раннем возрасте в него впечаталось паучье мышление. Ведь и Вайг в конце концов так натаскал осу-пепсис и муравьев, что по ряду признаков они уже едва не напоминали людей...

Отсюда напрашивалось, как именно смертоносцам удается держать в подчинении своих слуг. В отличие от жуков-бомбардиров пауки лишены способности общаться с людьми напрямую. Да оно им и ни к чему; достаточно просто заронить идею, образ действия. В каждой из прислужниц Смертоносца-Повелителя гнездилось «второе я» — фактически сущность паука...

Пока смертоносцы держат это «второе я» в повиновении, они всецело хозяева своих рабов. Но они не задумываются над тем, что кто-нибудь из людей может одержать верх над их волей и переподчинить себе рабов.

Тут Найл впервые осознал, отчего Смертоносцу-Повелителю так не терпится раскрыть его, Найла, секрет. Овладей люди навыком внедряться и управлять мыслями, дни паучьего господства окажутся сочтены. Как какое-нибудь дрессированное насекомое, закабаленный ум — это замок, к которому подходят несколько ключей.

Одновременно с тем, как эти мысли с боем складывались в слова, Найл изучал Одину. Бесспорно, в сравнении со стражницей она подлинный человек. Но даже в ней ощущается странная разреженность, словно какая-то часть ума у нее дремлет. Теперь понятно: дело в том, что и ее ум порабощен пауками. В ней подавлено чувство подлинной независимости, а она о том даже не подозревает.

Сейчас, например, она прикидывает, что ей делать с «дикарями». Одина сделалась невольной заложницей создавшегося положения. Как прислужница, она привыкла жить по другому распорядку. Служебные обязанности в течение дня могли меняться, но в целом заведенный порядок оставался незыблемым, и сложных тупиковых вопросов не возникало. А теперь она терялась, не зная, как быть. В провожатые дикарям она вызвалась потому, что нельзя же было допустить, чтобы те вообще шатались без присмотра. Теперь же предписанные обязанности она выполнила и не знала, что делать дальше. Сайрис надо будет сейчас вернуть в женский квартал. Но и тогда надо будет еще решать, как поступить с Вайгом и Найлом...

Мысль, что с матерью предстоит расстаться, побудила Найла внушить служительнице следующее. Лодка уже приближалась к берегу, время иссякало. Найл пристально вгляделся в профиль женщины и, сосредоточась, стал внушать, что их всех надо доставить во дворец Каззака. Когда нос лодки мягко ткнулся в берег, спросил:

— Куда мы теперь направимся?

— Я отведу вас назад к новому управителю,— ответила Одина решительно, без тени сомнения в голосе. Чувствовалось, что она довольна собой: выход-то какой удачный. Найлу стало

совестно. Но когда увидел грустное лицо матери (она все не переставала думать об оставленных детях), в нем проснулось удовлетворение от мысли, что взята хоть какая-то, пусть временная, отсрочка.

На главную площадь возвратились далеко за полдень. Жаль было гужевиков: Одина велела им возвращаться долгим кружным путем вдоль берега реки, и бедняги выбились из сил. Ей, похоже, совершенно не было дела до их усталости. Она частенько на них покрикивала, чтобы пошевеливались. Найл понял, что это не из жестокости или грубости нрава. До нее просто не доходило, не могло доходить, что это тоже люди, совсем как она. Вот что сбивало с толку больше всего. Несмотря на внешнюю доброжелательность, даже благодушие, она вместе с тем напрочь была лишена человечности.

Ватага рабов тянула через площадь груженную землей подводу, другая стайка подталкивала ее сзади. Возле подножия башни рабов было погуще — засыпали воронку. Среди общего их скопища выделялись люди, рост и сложение которых указывали на принадлежность скорее к слугам, чем к рабам.

— Почему эти люди работают вместе с рабами?

— В наказание. Непослушные и ленивые слуги могут осуждаться на рабство.— И добавила с удовлетворением: — Едва ли не лучший способ поддержания порядка. Они умереть готовы, лишь бы не угодить в рабы.

— Получается, их могут и съесть? — рассудил Вайг.

— Разумеется. Они лишаются всех привилегий.

— А что имеется в виду под непослушанием?

Одина пожала плечами.

— Пререкания со служительницей. Даже нерасторопность на подъеме.

Теперь понятно, почему Массиг так метался нынче утром.

Двое одетых в черное служительниц охраняли главный вход в резиденцию Каззака. За ними в проеме открытой двери виднелся силуэт смертоносца. Найл обмер. К счастью, гужевики вильнули в боковую улицу и подъехали к заднему ходу, ведущему во внутренний дворик. Там блаженствовали под солнцем двое бойцовых пауков, а возле входа в здание стояли еще двое служительниц. Выбравшись из повозки, Одина

почтительно склонилась перед пауками, затем подошла и поприветствовала служительниц.

— Я доставила дикарей обратно к управителю Каззаку.

Женщины презрительно покосились на братьев.

— Пойду доложу управителю. Оставь их здесь,— сказала одна.

Одина, отсалютовав, залезла обратно в повозку и крикнула гужевикам, чтоб трогались. Отъезжая, даже не обернулась.

Десять минут дикари молча томились под пустым, как бы незрячим взором служительницы, которая их решительно не замечала, будто они невидимые. Непроизвольно остановившись на ней глазами, Найл сам не заметил, что настроился на ее мыслительный лад. Мысли ее заставили юношу вспыхнуть горьким гневом. Служительнице дикари казались какими-то убогими, презренными людишками, мало чем отличающимися от животных, и она была почему-то уверена, что от них дурно пахнет. Но презрительнее всего она относилась к Сайрис — тощей и, на ее взгляд, совершенно не женственной. Найл на секунду недовольно взглянул на мать через призму глаз этой женщины. Ощущение такое, словно Сайрис, не сходя с места, превратилась в какую-то обезьяну.

Где-то в недрах здания гулко хлопнула дверь, и женский голос выкрикнул приказание. Стражница отсутствовала уже минут десять. Ее напарница недвижно смотрела перед собой. Чтобы не так донимала неприязнь, она старалась вообще не смотреть на дикарей: пустое место.

Двери отворились.

— За мной,— бросила появившаяся стражница.

И войти не успели, как Найл уже ощутил нависшую в этих стенах глухую, осязаемую плотную пелену враждебности. Вот уж чего не ожидал: в парадной полно было смертоносцев; так густо, что трудно и пройти, не задев. Пришлось сплотить все мужество, чтобы не попятиться и не броситься в ужасе прочь. Восьмилапые из тех, что ближе, созерцали юношу с таким видом, что казалось, еще секунда, и вгонят клыки в беззащитную плоть. Поддавшись на какой-то миг слепому страху, Найл решил, что это конец, и инстинктивно напрягся для отпора. Однако непроницаемые черные глаза просто следили, как он ступает следом за стражницей. Существа воспринимали Най-

ла с такой боязнью и гадливостью, словно он сам был каким-нибудь отвратительным ядовитым насекомым. Какая-то часть сущности Найла — немая, отстраненная — подмечала, что кучный этот обстрел враждебными волевыми импульсами рождает ощущение холода — словно ледяным ветром обдает. Вот начал подниматься за стражницей по лестнице, и мертвенный этот холод переместился на спину. Едва повернул за угол, как все стихло. Пристальные паучьи взоры, несомненно, несли в себе некий отрицательный заряд.

Миновали коридор, ведущий в покои Каззака, но почему-то продолжали подниматься. Выше четвертого этажа лестница делалась уже; стало понятно, что ведут их на самую верхотуру здания. В конце каждого коридора стояли на страже бойцовые пауки, хотя эта часть здания была, в сущности, безлюдной и, кстати, довольно запущенной. Стены все в грязно-зеленых потеках, кусками валяется штукатурка, обнажая дранку.

Свернули в скудно освещенный коридор, деревянный пол которого скрипел и зловеще прогибался под ногами. Открыв дверь, стражница подозвала Сайрис:

— Останешься здесь. Когда понадобится, позовут.

Комната была пустой, если не считать лежака да деревянного табурета.

— Спасибо,— произнесла Сайрис (губы сразу побледнели).

Стражница, громко громыхнув за матерью дверью, вогнала на место засов.

Через две двери отыскалось место и для Вайга. Стражница молча указала: входи. Скрежетнул засов.

Найла отвели в самый конец коридора. Дверь была уже открыта. Стражница жестом велела заходить.

— Мы узники? — спросил юноша.

— Рот будешь раскрывать, когда о чем-то спросят.

Стражница отступила в сторону, словно боясь осквернить-ся от прикосновения с входящим. Дверь гулко захлопнулась, лязгнул засов. Слышно было, как удаляется, поскрипывая половицами, стражница.

Свет в комнате был такой ущербный, что прошло некоторое время, прежде чем Найл сумел разглядеть, что единственное ее убранство составляют несколько подушек, разбросанных по полу. Пахло застоявшейся пылью и сырым тленом.

Свет проникал единственно через высоко расположенное окно, заросшее грязью.

Нагнувшись, он подобрал подушку. Она была подмокшей и пахла плесенью. Юношей вдруг овладело необоримое желание рухнуть на пол и разрыдаться. С того самого момента, как он наткнулся на разбухший труп отца, в душе гнездилось безутешное горе. Теперь оно рвалось наружу — властно, яростно, безудержно. Тем не менее в душе оставалось еще что-то от гордости и достоинства, они мало-мальски сдерживали, не давая сдаться окончательно. Опустившись в углу на подмокшую подушку, Найл уткнулся лбом в колени. Никогда еще не ощущал он себя таким одиноким и покинутым, как в эти минуты.

Судя по всему, достоверным объяснением можно считать одно: каким-то образом они проведали, что это он виновен в гибели смертоносца. Если так, то впереди только одно: казнь всех троих прилюдно... Как скрежет зубовный, была мысль, что отвечать за содеянное вместе с ним будут ни в чем не повинные мать и брат.

Но как могли они проведать его тайну? Единственное, что напрашивалось: выдала раздвижная металлическая трубка. Он тогда тщательно ее вытер, чтоб убрать малейшие следы паучьей крови. Но все равно ведь могли учуять так или иначе. Найл проклинал себя за непростительную глупость: надо же, притащить трубку с собой! Нет чтобы оставить ее в пещере!

Тут юноша настороженно вскинул голову и с внимательным напряжением вгляделся в дверь: впечатление такое, будто за ним подсматривают. Но доски, похоже, пригнаны плотно, хоть тараном молоти. Изучив дверь более пристально, Найл убедился, что нет в ней ни трещины, ни дырки от сучка, откуда можно вести наблюдение. Видно, нервы разболтались. Найл снова сел. Однако любопытно: едва он застывал со смеженными веками, уткнувшись лбом в колени, как возникало неловкое чувство, что за ним наблюдают,— из раза в раз, из раза в раз. А как опирался затылком о стену и смотрел прямо перед собой на дверь, так снова вроде спокойно.

Время замедлило бег. Ум подернулся дремотной ряской. Глаза то и дело смыкались сами собой, и Найл крупно вздрагивал, просыпаясь, когда голова бессильно заваливалась на-

бок. Ощущение такое, будто время вообще замерло. После долгого (судя по всему) промежутка времени — часов, наверное, около двух — Найл чутко встрепенулся от негромкого звука: короткий взвизг двери. Юноша внимательно прислушался, но нет, тишина. Он уж подумал, не почудилось ли, как услышал вдруг скрип половицы. Найл перебрался к двери, приник к ней ухом. Ни звука.

Это могло означать лишь одно. Человек по коридору пройти не мог. Будь он каким угодно легким, при такой тишине он все равно неизбежно был бы слышен. А вот паук, с его широченным махом лап, мог, выбирая половицы понадежнее, ступать по обеим сторонам коридора. Скрип двери означал, что он находится в соседней комнате.

И тут стало ясно, отчего оно — чувство, что за тобой следят. Ни к чему выискивать щель в двери. Следят-то не глаза: чужой, посторонний ум скрытно силится проникнуть в мысли. Усталость и уныние полонили Найла настолько, что он и не думал ограждаться. Была попытка метнуться назад, воссоздать в памяти все — каждую мысль, оттенок чувства — с того самого момента, как истаял звук шагов стражницы. Затем, как бы пожав мысленно плечами, решил: а к чему? Теперь уж ничего не исправишь.

И опять время словно зависло. Сейчас, наверное, где-то начало вечера, скоро станет темнеть. Чувствовались голод и жажда, но не очень явственно, все равно что на заднем плане.

В коридоре скрипнула половица, Найл вздрогнул. Кто-то осторожно подбирался, похоже, босиком. Слышно было, остановились возле двери. Заскрипел, подаваясь, засов. Кто бы там ни упирался, дело двигалось явно с трудом. Наконец дверь приотворилась. Женский голос окликнул его по имени.

— Мерлью!

— Тсс! — Гибкая фигура на цыпочках проскользнула в комнату и притворила за собой дверь.— Где ты?

— Здесь, в углу.

Найл так рад был ее видеть, что готов был наброситься и затискать в объятиях, но опасался, что девушка не так поймет.

Мерлью неприязненно огляделась.

— Ужас какой. Неужели и присесть не на что?

— Да вот, подушки есть.

— Что ж, и то ладно.

От ее голоса в душу влилось успокоение, было в нем что-то теплое, чуть ли не родное. Бросив одну подушку к стене, девушка аккуратно на нее опустилась. Найл подсел возле.

— Зачем ты сюда пришла?

— Посмотреть, как ты здесь.

— Но зачем?

— Конечно потому, что тревожилась!

На сердце сделалось вдруг блаженно легко, даже тревожные мысли как-то поблекли.

— Зачем они так с нами поступили?

— Тсс! Не так громко.— Мерлью прикрыла Найлу рот ладонью. Ладошка была мягкая, чуть попахивала благовониями. Найл едва сдержался, чтобы не поцеловать.

— Мне нельзя находиться здесь долго.

— Твой отец знает, что ты здесь?

— Нет, и ты мне обещай, что ему не расскажешь.

Она шептала в самое ухо. Теплое влажноватое дыхание, легкое касание тела пьянили.

— Понятное дело, буду помалкивать. Но зачем нас вот так взяли и заперли?

— Это не его вина. Ему приходится подчиняться их повелениям. Сегодня пауки весь день здесь кишмя кишели.

— Чего им нужно?

— Не знаю,— прошептала она.— Я думала, ты мне расскажешь.

Найл, отстранив лицо, покачал головой.

— У тебя на этот счет вообще никаких мыслей? — деликатно помолчав, спросила она.

— Не знаю я,— вздохнул Найл.

Ладони Мерлью ласково легли на щеки; чуть стиснув, она повернула Найла к себе лицом. Ее глаза близко смотрели на него.

— Ты мне не доверяешь?

Найл распахнул глаза.

— С чего ты взяла?

— Хочешь, чтобы я тебе помогла?

— Только если это для тебя не опасно.

Внезапно до Найла дошло: Мерлью хочется, чтобы он ее поцеловал. Стоит лишь наклониться вперед и прикоснуться

губами. Ладонь девушки ласково переместилась со щеки ему на затылок, их лица тесно сблизились. Руки Найла вкрадчиво скользнули Мерлью вокруг талии, он пододвинул девушку к себе.

Сидеть было неудобно, голые плечи упирались в холодную стену. Мерлью аккуратно высвободилась. У Найла дыхание перехватило от изумленного, радостного предчувствия: Мерлью пристраивала подушки на полу. Ей, похоже, не составляло неудобства прервать ласки для такого банального дела. Через минуту, притянув Найла к себе, она вожделенно прильнула к нему телом.

Изумительно, просто поверить невозможно. Еще минут десять назад он распрощался со всякой надеждой, а вот теперь в руках у него было то, о чем он не смел и мечтать. Скажи кто, что Найла поутру казнят, восторг его едва бы померк. Он ощущал ее всю: обнаженные ноги, прижавшиеся к его ногам, короткую шелковистую тунику, гладко скользящую под пальцами, упругую нежную грудь, что, вздымаясь и опадая, касалась его груди, чувствовал сладость ее теплого дыхания. Найл бережно приникал губами к ее ушку, завиткам волос на шее, глазам, лбу. Мерлью нежными, упругими движениями легонько стискивала ему шею, мягко целовала в губы. Чувство какое неописуемое — ощущать ее, лежа на этих отсыревших подушках; была б возможность — не поднимался бы вообще всю ночь.

Где-то внизу приглушенно бухнула дверь. Мерлью, замерев, прислушалась. Затем встала, подобралась к двери и выглянула наружу. Постояв чуть-чуть, на цыпочках вернулась назад. У Найла-то, оказывается, конечности немного затекли; теперь, когда сел, дожидаясь Мерлью, руки-ноги будто тоненькими иголочками покалывало. Мерлью опустилась рядом. Они опять нежно обнялись и слились губами в поцелуе. Наконец Мерлью отодвинулась.

— Слушай, я попытаюсь выяснить у отца, что все это значит. А ты сам что, и вправду ни о чем не догадываешься?

— Я убил паука,— просто сказал Найл.

— Что ты сделал? — Мерлью глядела на Найла, явно не в силах осмыслить его слов.

— На обратном пути, когда мы шли от вас.

Он рассказал все: о песчаной буре, о том, как нашел раздвижную трубку, как неожиданно наткнулся на занесенного песком смертоносца, который, к счастью, не успел выскрестись наружу. Девушка содрогнулась, когда он описал, как вогнал острие восьмилапому в физиономию. Когда закончил, Мерлью покачала головой.

— Не могу представить, как они могут об этом догадаться. Скорее всего, они могли предположить, что его убил твой отец.

— Но они же могут читать мысли!

Девушка досадливо дернула плечом.

— Не верю я этому! Если б так, они бы меня давно уже слопали.

— Когда меня сюда привели и посадили, там, за стеной, мне показалось, сидит паук. Он как бы пробовал вклиниться мне в мысли.

Мерлью чуть сощурилась, размышляя.

— С чего ты это взял?

— Я слышал, как дверь скрипнула, когда он выходил. И половицы в коридоре.

— А с чего ты взял, что он за тобой смотрит?

— У меня просто возникло ощущение... Знаешь, бывает такое, когда кто-нибудь пристально пялится тебе в затылок.

— У тебя такое часто бывает?

Найл улыбнулся.

— Лишь когда кто-нибудь таращится на меня.

— Не пойму, и все тут,— вздохнула Мерлью.— Ты уверен, что все рассказал?

— Тебе про гибель паука мало?

— Кто знает, может, и в самом деле... Если бы им было известно...

Мерлью неожиданно поднялась.

— Ты куда?

— К отцу, рассказать. Постараюсь убедить его поговорить с тобой.

— Не рассказывай ему о пауке.

Мерлью, повернувшись к Найлу, медленно опустилась на колени.

— Мне надо будет ему сказать. А тебе — довериться ему.

— Но ведь он служит им!

— Безусловно. Иного ему не остается. И очень хорошо, что он им служит,— это лучше, чем чистить выгребные ямы... Но он их не любит. Как, рассуди, может он к паукам относиться, когда они на его глазах погубили стольких людей? Беднягу Найрис и ту слопали.— Лицо девушки омрачилось.

— Все же мне кажется, не стоит рассказывать ему о пауке. Чем меньше людей знает, тем лучше. Я даже матери и брату и то ничего не рассказывал.

Ладони Мерлью легли ему на затылок.

— Ты должен мне довериться. Отец не сможет тебе помочь, пока не будет знать правды.

Ну как здесь возразишь? Лицо Мерлью так близко...

— Ладно, делай как знаешь.

Подавшись вперед, она поцеловала Найла — жарко, влажно. Затем поднялась и вышла. Слышно было, как задвигается следом засов.

От нахлынувшего блаженства прочие мысли делись невесть куда. Вместо этого он секунда за секундой все прогонял в уме те пятнадцать минут, что они пробыли вдвоем. Вспомнилось, как он ненавидел ее, как часто бередился мыслью отомстить, наказать, и душно стало от стыда. Дурость какая — приходить в ярость из-за того, что его назвали «тщедушным». В конце концов, ведь это же Мерлью: прямолинейная натура, привыкшая распоряжаться и поступать по своему усмотрению. А вместе с тем какой ласковой может быть! Воссоздал в памяти прикосновение ее губ, и голова просто кругом пошла от удовольствия. Пальцы все еще хранили аромат благовоний. Закрыл глаза, и в мыслях представилось, что она лежит рядом.

Стемнело неожиданно быстро. Найл, обхватив колени, сидел и умиротворенно думал, что никогда теперь запах сырости и плесени не будет вызывать у него неприязни, поскольку неразрывно связан с воспоминанием о Мерлью. Само ее имя звучало музыкой.

Найл, очевидно, задремал. Внезапный луч света заставил вздрогнуть.

Голос Мерлью:

— Не бойся, здесь только я одна.— В руках у нее был небольшой светильник.— Можешь спускаться. Отец желает тебя видеть.

Он направился следом по коридору.

— А что с матерью, Вайгом?

— Их здесь уже нет. Посмотри.— Она толкнула крайнюю дверь. Светильник осветил пустую комнату.

Начали спускаться по лестнице. Бойцовые пауки куда-то поисчезали. Нижние этажи заливал свет многочисленных масляных ламп, некоторые своими высокими ножками напоминали золотистые сияющие снопы. Мерлью, задув свой светильник, толкнула какую-то дверь.

— Вот сюда.

Открылась большая комната, стены увешаны голубыми и золотистыми занавесями. Мебель примерно такая же, что была у Каззака в Дире, только поискуснее. На подушках вольготно сидели пять-шесть девиц-служанок, расчесывая друг другу волосы. Мерлью хлопнула в ладоши:

— Беррис, Нелла!

Поднялись две девушки. Найл видел их сегодня утром, это они обмахивали Каззака опахалами. Одна из них бросила взгляд на Найла и прыснула со смеху.

— В чем дело?

Вместо ответа та указала пальцем на настенное металлическое зеркало, и Найл обнаружил, что слева лицо и бок у него плотно припорошены пылью. Прочие, разобравшись, что к чему, тоже покатились со смеху. Мерлью залилась краской.

— Довольно. Пошевеливайтесь!

Однако служанки явно не спешили повиноваться. Одна из них, все еще смеясь, положила ладонь Найлу на предплечье и вывела его из комнаты. Он прошел за ней по коридору и ступил в просторное, облицованное белой плиткой помещение, воздух в котором был ощутимо тяжел от теплого водяного пара и маслянистого аромата благовоний. Пол здесь был выложен мозаикой — чем-то похоже на тот, что в храме посреди пустыни. В центре находилось большое углубление-ванна, сквозь завесу пара соблазнительно лоснилась голубоватая вода.

Девушки — обе смуглые, темноглазые — подвели его к самому краю. В умащенную благовониями воду вели ступеньки. Когда одна из служанок взялась за его тунику, собираясь снять, Найл испуганно дернулся и ухватился за полу. Девушки рассмеялись.

— Ну это ты дурака валяешь! Кто же лезет в ванну в одежде?

— Да я и сам могу раздеться...

У них в пещере мать и Ингельд раздевались всегда в темноте, а мужчины отводили глаза.

Одна из служанок, что повыше, покачала головой.

— Это наша работа. Не надо бояться. Мы управителя купаем каждое утро.

Найл позволил снять с себя одежду, и девушки, взяв его под руки, стали помогать спускаться в воду. И хорошо сделали: одна из верхних ступенек оказалась коварно скользкой. Не подхвати служанки вовремя, он неминуемо бы шлепнулся.

Вода была приятно теплой, и Найл узнал благоухание, исходящее от волос и ладоней Мерлью. Когда он зашел в воду по плечи, девушки деликатно расстались со своими туниками и прыгнули следом за ним; брызги взлетели фонтаном, намочив волосы. Одна из них принялась массировать его лицо и торс, другая втирать Найлу в волосы зеленую жидкость, взбивая ее в шапку обильной пены.

После этого служанки, чуть не силой усадив Найла на ступени, стали лить ему на голову воду из кувшинов. Видя перед собой нагие девичьи бедра, Найл невольно отворачивался и зажмуривал глаза. Смекнув, в чем дело, девушки специально начали его подначивать, вынуждая смотреть на их прелести, когда мылили ему голову. Через пару минут и Найл расхохотался, поняв всю нелепость своего положения.

Велев парню встать, девушки обтерли его огромным полотенцем, а по волосам елозили с таким усердием, что из глаз засочились слезы. Затем Найла подвели к специальному лежаку. Тело натерли маслом, поработали с ногтями и волосами — расчесали, взбили, затем уложили, опоясав лоб широкой матерчатой лентой. Вот одна из служанок, накинув тунику, ушла. Вернувшись, принесла с собой темно-синее одеяние и сандалии из желтой кожи. Когда одевание наконец закончилось, вторая служанка оттерла пар с большого, в человеческий рост, зеркала, и Найл увидел свое отражение: чистенький, смазливый — он впервые видел себя таким. В облике не осталось ничего «дикарского», он ничем не отличался от тех молодых людей, что встречали их тогда на подступах к Дире.

Дверь отворилась, заглянула Мерлью.

— Он готов? Вот это да, какая прелесть!

Найл вспыхнул, но в зеркале было видно, что он и вправду ничего.

— Синее тебе к лицу. Эту вещь раньше носил Корвиг.

— А где Корвиг сейчас?

— Работает, разводит кроликов. Отцу не позволили оставить его у себя.— Мерлью кивнула служанкам: — Теперь можете идти.

Едва за ними закрылась дверь, она обвила Найла за шею и припала губами к его рту. Затем, протяжно и сладостно вздохнув, с неохотой отстранилась.

— Задерживаться больше нельзя, управитель ждет. Когда войдешь, прошу тебя, сделай вот так.— Она грациозно опустилась на одно колено и склонила голову.— Попробуй сам.

Найл послушно повторил движение, но чувствовал себя как-то неловко.

— А надо? Мне еще никогда так не приходилось.

Мерлью коснулась пальцем его губ.

— Сделай ради меня. Так хочется, чтобы ты произвел на отца впечатление! — Она легонько коснулась Найла губами.— Хочу, чтобы ты ему приглянулся.

— Ладно.

Скажи она сейчас броситься в ванну одетым, кинулся бы не раздумывая.

Взяв юношу за руку, Мерлью вывела его из ванной, воздух обдавал юношу прохладой; ощущение такое, будто ступаешь по подушке из податливой пены. Управитель сидел, томно развалясь на груде подушек в окружении пяти-шести служанок. Такое впечатление, будто бы он с самого утра никуда и не сдвигался.

— О-о, мальчик, дорогой мой! Входи, входи.

Лицо Каззака залоснилось довольной улыбкой, когда юноша припал на одно колено.

— Ну прямо как придворный, великолепно!

Он поднялся (служанки обходительно поддержали под локти) и пошел навстречу.

— Проходи, садись. Наверное, изнываешь от голода.

Он положил руку Найлу на плечо. Звонко щелкнул замок в двери, Мерлью оставила их.

Едва Найл сел, как одна из служанок подала ему металлический кубок; другая, подойдя, наполнила его из кувшина с

узким продолговатым горлышком. Это была та самая золотистая жидкость, которую они с Одиной пробовали в ладье. Каззак одобрительно посматривал, как Найл осушает кубок. Вкус был невыразимо приятным. Напиток освежал свербящую глотку, словно холодный нектар. Почти тотчас возникла приятная легкость в голове и теплая пульсация в жилах.

Служанки поставили перед ним резные деревянные чаши с едой: фрукты, орехи, мягкий белый хлеб, тарелку с птичками, только что из печи. В ответ на вопросительный взгляд юноши Каззак сказал:

— Это все тебе. Я уже ел.— Он поманил рукой одну из служанок.— Криста, сыграй что-нибудь нашему гостю, чтобы вкушалось слаще.

Девушка взяла струнный инструмент и, сев перед обедающими на пол, запела чистым, светлым голосом. Каззак откинулся на подушках и с умиротворенным видом прикрыл глаза. Найл был так голоден, что в музыку толком и не вслушивался. Вместе с тем, несмотря на голод, он не торопился набивать желудок. От чересчур обильной еды клонит в сон, а скрытое чувство подсказывало, что мысли надо держать в кулаке. По этой же причине он воздержался и от соблазна осушить еще один кубок золотистого медвяного напитка — лишь пригублял мелкими глотками.

Когда закончили есть, одна из служанок поднесла влажную, напитанную ароматом тряпицу и вытерла Найлу руки и рот. Следом подошла другая — эта досуха вытерла ему губы мягким полотенцем.

Музыка смолкла. Каззак будто проснулся. Он посмотрел на Найла с улыбкой благодетеля.

— Ну что, голод заморил?

— Да, благодарю.

— Хорошо. Значит, можно заводить беседу.

Повернувшись к служанкам, он хлопнул в ладоши. Те собрали чаши и удалились.

Каззак вместе с подушками передвинулся ближе к Найлу. И сел на них, скрестив ноги.

— Ну что ж, молодой человек,— начал он задумчивым голосом.— Похоже, ты создаешь нам кучу хлопот.

У Найла запылали уши.

— Очень сожалею. Но что-то не могу взять в толк, каким образом.

— Ой ли? — Каззак заглянул Найлу прямо в глаза, а потом переключился на свои ступни, которые разглядывал, сосредоточенно хмурясь, отчего складка под двойным подбородком обозначилась еще четче.

— Ты убил смертоносца,— произнес он в конце концов.

— Да,— подтвердил Найл, пробуя унять дрожь в голосе.

— Как? — односложно осведомился Каззак, цепко взглянув на Найла.

— Вроде как копьем...

— Этим? — Каззак извлек из-под подушки металлическую трубку.

— Ага.

Управитель протянул трубку юноше.

— Покажи, как действует.

Найл принял предмет, отыскал нужный кружок и нажал: трубка раздвинулась. Управитель внимательно наблюдал. Найл нажал снова: трубка сократилась до прежних размеров. Каззак протянул руку, и парень передал трубку. Отыскав кружок, Каззак надавил на него большим пальцем — безрезультатно. Надавил еще и еще раз. В конце концов, ничего не добившись, отдал трубку обратно Найлу.

— Здесь какая-то хитрость?

— Не думаю.

Найл нажал, трубка раздвинулась. Каззак, проворно перехватив, надавил — безрезультатно. Повозившись с минуту, управитель с раздраженным видом бросил предмет на пол.

— Почему, интересно, у тебя получается, а у меня нет?

— Понятия не имею.

Для Найла самого было открытием, что трубка у одного срабатывает, а у другого нет.

— Расскажи, как ты это нашел.

Найл терпеливо повторил рассказ о песчаной буре, разрушенном городе и о сверкающей машине. Каззак, пошарив где-то за спиной, извлек выбеленную доску и кусочек угля.

— Ты сможешь мне это изобразить?

Найл, как мог, нацарапал контуры странной машины, понимая, что упускает кучу подробностей. Каззак довольно долго пристально рассматривал изображение.

— А другие твои родственники могут сдвигать-раздвигать эту трубку? — спросил он.

— Не знаю.

— Почему же?

— Я... ни разу им не показывал.

Каззак понимающе покивал.

— Боялся, брат отнимет?

— Это он может.

— Ладно. Расскажи-ка мне, как ты убил паука.

Найл начал рассказывать ему то же самое, что и Мерлью. Каззак перебил, спросив:

— Ты смотрел ему в глаза?

— Да.

— И у тебя все равно хватило сил его убить?

— Хватило.

— Человеку просто не по силам убить смертоносца,— сказал Каззак убежденно,— разве что застигнув его врасплох. Он сшибает человека с ног одним лишь ударом воли. Почему, ты думаешь, у тебя получилось его уничтожить?

— Может, у него с мозгами что-то стало не в порядке, когда его занесло песком?

Каззак покачал головой.

— Нет. Перед гибелью он успел подать сигнал тревоги. Он не пытался отбиваться?

— Пытался.

— Силой воли?

— Именно.

— Тогда как же тебе удалось сделать невероятное?

— Если б я знал...

Вопрос прозвучал несуразно. Все тогда произошло в считаные мгновения, он и подумать ни о чем не успел.

Каззак подлил себе в кубок из узкогорлого кувшина, задумчиво прихлебнул. Внимательно взглянул на Найла из-под кустистых бровей.

— До тебя начинает доходить, почему пауки так тобой интересуются?

— Потому что я прикончил смертоносца? — спросил Найл, холодея.

— Нет, не из-за этого. Потому что у тебя хватило сил сделать это.

Найл недоуменно покачал головой.

— Объясню почему,— сказал Каззак.— Когда отыскали труп того смертоносца, обнаружилось, что кто-то прошил его мозг, поэтому он околел моментально. Однако успел передать сигнал тревоги. Что значит, ум у него был в полном порядке и действовал во всю силу. По логике, у тебя и рука не должна была подняться.

Он пристально, не отрываясь, смотрел в лицо юноше, ожидая, как тот отреагирует, но Найл лишь понимающе помаргивал и кивал. Каззак продолжил:

— Последний раз от руки человека смертоносец погиб много лет назад. Убийство — а сами восьмилапые расценили это именно так — вызвало своего рода панику. Шутка ли, это могло означать, что их неуязвимости положен конец. Они решили, что убийцу необходимо изловить любой ценой. Вот почему они наводнили землю Диры. Вот из-за чего приняли смерть больше полусотни моих подданных.

— Я прошу прощения.— Найл потупил голову.

— Проси не проси, теперь ничего уже не исправишь,— вздохнул Каззак.— За это же поплатился жизнью твой отец. Они довольно быстро установили, что вы с ним были в ту пору неподалеку от крепости.— Говоря это, он избегал смотреть Найлу в глаза.— Ну, начинаешь теперь понимать, почему им так не терпелось поскорее отыскать тебя?

Найл отвел глаза.

— Чтобы убить?

Каззак, к удивлению, ответил:

— Нет. Убивать тебя не обязательно. К тому же они считают, что смертоносца убил твой отец.

После продолжительной паузы Найл спросил:

— А что тогда?

— Если б ты был один в своем роде, убить тебя имело бы смысл. Но знаешь, когда это случилось с одним, то где гарантия, что то же самое не происходит с десятками людей повсеместно? Для меня это загадка. Может, есть какой-нибудь закон природы. Вот уничтожь они тебя, а тут вдруг окажется, что вокруг существуют десятки — может, сотни — таких, как ты.— Он заглянул Найлу в глаза.— А пока ты жив, они могут тебя использовать.

— Как? — не понял Найл.

— Смог бы ты в людской толпе распознать себе подобных?

Невозможно было увернуться от глаз Каззака, разом превратившихся будто в неистовые сверла. Найл, впрочем, и без того понимал, что от ответа на этот вопрос зависит все. Каззак жаждет услышать, что Найл не такой, как все, причем сам уже сознает это. Наступил момент, когда каждый из собеседников понимал предельно четко, что они друг о друге думают.

— Пожалуй, да,— выговорил наконец Найл.

Лицо Каззака оплавила улыбка. Подавшись вперед, он увесисто хлопнул Найла по плечу.

— Вот это я и хотел услышать.

Удивительно, в голосе управителя сквозило облегчение. Найл ни разу еще не видел, чтобы на Каззака влияли чьи бы то ни было слова. Управитель, чуть сместившись, вытянул ноги, отыскал, поерзав, удобную для спины выемку среди подушек и застыл с блаженным видом.

— Хорошо. Теперь можно толком во всем разобраться.— Наполнив свой кубок, он протянул кувшин Найлу. Тот долил свой кубок до краев, но напиток едва пригубил.— Только прежде давай выясним вот что. Ты бы хотел служить паукам?

— Служить паукам? — В глазах у Найла мелькнуло неподдельное изумление.

— Да, помогать им в поисках подобных тебе? — уточнил Каззак (в голосе нетерпение).

— Но как бы я стал это делать?

Управитель скривился в усмешке.

— Проще простого. Пауки прочесывают пустыню в поисках дикарей. Они ведь, в общем-то, знают, где большинство из них прячется.

— Да неужто?

— Именно так. А иначе с чего бы им насылать все эти чертовы шары?

— Но в таком случае...— начал было Найл, но осекся: сама мысль вызвала оторопь.

— Хочешь спросить, почему им в таком случае не переловить всех разом? — довершил мысль юноши Каззак.— Потому что у них есть потребность в вольных людских особях, дикарях, как здесь таких кличут.

— С какой стати? — спросил, окончательно теряясь, Найл.

— Для поддержания породы.— Управитель вальяжно улыбнулся.— Кстати, именно к этому готовится и большинство моих подданных. Ты обратил, наверное, внимание, что здешние обитатели держат себя по меньшей степени странновато?

Найл терпеливо слушал.

— Они невыносимо тупы. Поголовно страшные болваны. В большинстве своем мало чем отличаются от скота. Все потому, что пауки как раз и растят из них безропотный скот. Если в ребенке появляется больше одаренности или смекалки, чем в сверстниках, его съедают.

У Найла голова пошла кругом.

— Но зачем?

— Зачем? Потому что люди с умом, умеющие соображать, представляют опасность. Начать с того, что умникам не нравится, когда их едят. Люди, когда были хозяевами планеты, использовали в пищу скот. Теперь для этой цели пауки используют людей.

— Но ведь только рабов! — воскликнул Найл.

Каззак лишь улыбнулся жалостливо.

— Рабов? Как же. А что, ты думаешь, происходит с остальными?

— Они служат паукам.

— А когда отслужат свое?

— Их отправляют в великий счастливый край.

Каззак разразился жестким, недобрым смехом.

— На бойню! Вот тебе и самый счастливый край.

— Ты хочешь сказать,— Найл тряхнул головой,— они съедают всех — и слуг, и служительниц? — В мыслях Найла возник образ Одины.

Каззак кивнул.

— Соображаешь. Всех, кто в это не посвящен.— И добавил задумчиво: — Не думаю, что они захотят слопать меня — жестковат. Или Мерлью.

— Так и Мерлью посвящена?

— Разумеется.

Найла будто холодом обдало. Трудно представить, что Мерлью — пособница в этом массовом обмане и умерщвлении. Каззак словно прочел мысли юноши.

— Надо смотреть на вещи трезво. Пауки — господа положения. Поступают, как считают нужным, нас не спрашивают. И хочешь верь, хочешь нет, на самом деле они не такие уж и гадкие, как ты, вероятно, считаешь. Есть среди них и совершенно уникальные личности. О таких, кстати, лучше думать не как о насекомых, а как о людях. Они чувствуют, как мы их воспринимаем, и ужасно огорчаются, когда человек считает их мерзкими тварями. Они действительно господа положения. Могут делать все, что заблагорассудится. У тебя ведь наверняка не вызывает никаких эмоций убитая дичь, которую ты спокойно жуешь? То же и они в отношении к людям. Мы для них лишь скот, наделенный способностью мыслить. Но, как известно, некоторые люди держат домашних пташек, причем любят их, что собственных детей. То же и пауки: кое к кому из нас они привязываются всей душой. Так вот, если мне предложат выбор, что лучше — быть съеденным или жить в неволе, я твердо уверен, что предпочту жизнь.

И сама речь управителя — плавная, обволакивающая, и его доводы действовали на Найла одинаково: никогда еще он не слышал таких чарующе гладких, обвораживающих фраз. Голос Каззака — сочный, проникновенно низкий — имел удивительное богатство оттенков, от вкрадчивой чувствительности до мужественной твердости. Найл поймал себя на мысли, что вслушивается в голос как в музыку, хотя было совершенно ясно, что у Каззака и в мыслях нет играть на этом.

Найл некоторое время собирался с мыслями, прежде чем задать вопрос, не дающий покоя:

— Если они убивают одаренных детей, зачем им для породы жители пустыни? Мы, мне думается, поразумнее будем обитающих в этом городе слуг и прочих холуев.

— Хороший вопрос,— одобрил Каззак голосом взыскательного учителя, отчего Найл проникся даже некоторой гордостью.— У пауков ушло с десяток поколений, чтобы довести своих слуг до состояния тупого безразличия. И тут вдруг обнаружилось, что слуги превращаются в неспособный мыслить скот. Откуда, ты думаешь, взялись ублюдки-рабы? Это и есть то самое десятое поколение, совершенно опустившееся. Вот почему им и нужна подпитка из таких, как ты.

— Как я? — удивился Найл.

— Именно. Твоей работой будет производство детей. По-моему, интересное дело.

Юноша почувствовал, что краснеет.

— А женщины... как они к этому относятся?

— С пониманием,— угрюмо пошутил Каззак.— Переживают, конечно, что существовать приходится раздельно.

Найлу неожиданно вспомнилась та девушка со вздернутым носиком, что затащила его в кусты. Вон оно что, оказывается. От такой мысли в голове все смешалось. Каззак продолжал:

— Поэтому, надеюсь, до тебя начало доходить, почему я предложил пособничать паукам. Дело здесь не в том, жить мне или не жить. Я хочу по возможности облегчить участь своего народа. Мужчинам, понятно, живется не сказать чтобы плохо. А вот что касается женщин... Мне б не хотелось, чтобы они превратились в обыкновенных самок, что вынашивают да рожают. Особенно моя дочь. Кстати, я смотрю, она к тебе относится с интересом.

Найл вильнул взглядом, избегая глаз Каззака, а сам вспыхнул от тайной радости.

— Думаю, разумеется, и о твоей матери. Легко б тебе было от мысли, что она содержится где-то в женском квартале, принося раз в год по младенцу от какого-то встречного-поперечного? В твоих силах сделать так, чтобы этого не случилось.

Управитель осушил свой кубок и стал не спеша наполнять его, давая Найлу время осмыслить услышанное. Юноша смотрел мимо венценосной головы в окно, где в чернильном небе уже плыла тарелочка луны.

— Ты уверен, что пауки... что господа пауки желают, чтобы я им служил? — в конце концов спросил Найл.

— Абсолютно уверен,— кивнул Каззак.

— Когда я входил сюда днем, у меня было впечатление, что они вот-вот меня растерзают.

— А ты думал! Они же считают, что ты для них опасен. Если бы у них была уверенность,— он произнес это слово со значением,— что ты их союзник, они бы вскоре переменили отношение.

Найл поглядел на управителя с вежливым недоверием.

— Неужели?

— Несомненно. Им нужна твоя помощь.

— Но ведь я убил их сородича.

— Они этого не знают, а я не скажу.

— Разве они сами не догадаются?

— Нет, если ты сам себя не выдашь. По их разумению, убивший сородича человек теперь мертв — твой несчастный отец. Я, кстати, искренне об этом сожалею, он мне пришелся по душе. Но на вещи надо смотреть трезво и взвешенно. Ты убил паука, пауки убили твоего отца. Теперь вы квиты, и пора забыть об обиде и работать сообща.

— А что я должен делать?

— Об этом поговорим завтра. Я поведу тебя к Повелителю.— (Найл побледнел.) — Бояться совершенно нечего. Я думаю, ты найдешь разговор достаточно приятным. Говорить буду в основном я.

— Можно еще вопрос?

— Сколько хочешь, дорогой мой мальчик.

— Откуда в тебе уверенность, что они не обманывают и тебя?

Каззак невозмутимо улыбнулся.

— Ты хочешь сказать, где гарантия, что завтра я не перестану быть нужным и меня не схарчат? Ответ прост. Они нуждаются во мне. Им нужен кто-нибудь, кто держал бы в единой горсти всех людей в этом городе и кому можно доверять. Вот для этого я здесь и нахожусь, Найл.— Он впервые назвал юношу по имени.— Им требуются люди, которым можно доверять. Зачем им есть тебя или меня? У них есть тысячи, десятки тысяч болванов, которых можно слопать в любой момент. Но почти нет разумных людей, на которых можно положиться. Вот кто им действительно интересен. Кроме того, они и сами не какие-нибудь изуверы и исчадия ада. Они высокоцивилизованные существа. Есть у них свои философы, артисты, политики. Я сегодня беседовал с одним таким политиком, звать его Дравиг. Ты удивишься, какие очаровательные это люди, когда сойдешься с ними поближе.

Всмотревшись Найлу в лицо, он уловил тень сомнения.

— Я знаю, что ты сейчас думаешь. Дескать, трудновато чувствовать расположение к «людям», поедающим себе подобных. Я разделяю эту мысль. Однако, проникнувшись довери-

ем, они не возражали бы и против того, чтобы ты похлопотал о своих близких. Они считают это нормальным и естественным.

— Как быть с моей матерью и братом? Ты посвятишь их в тайну?

Каззак задумчиво прищурился.

— Не знаю. Во всяком случае, не сейчас. Надо подумать, посмотреть, можно ли им доверять. Понимаешь, сейчас мы раскроем им все карты, а потом вдруг выяснится, что этого делать не стоило. Мы же просто подставим их под удар. Я в тайну не посвятил даже собственных сыновей. Им лучше не знать.— Он посмотрел Найлу в глаза.— Надеюсь, нет смысла тебе объяснять, что все должно остаться между нами. Господа пауки не щадят тех, кто обманул их доверие.

— Я понимаю,— кивнул Найл.

— Прекрасно.— Каззак, подавшись вперед, похлопал юношу по плечу.— Чувствую, у нас наладится славное партнерство.— Он хлопнул в ладоши.— Ну что, еще музычки, а?

Вошли девушки. Одна из них держала лютню. Не дожидаясь приказания, она начала выводить мелодию. Другие девушки подхватили ее проникновенными голосами. Пели удивительно слаженно, стройно. Видно было, что старались. Но Найл не мог расслабиться. Мысль о вверенной тайне наполняла волнующим трепетом. Он уже наперед знал, что Вайт откажется пособничать. У брата слишком прямая натура, к паукам он не чувствует ничего, кроме неприязни. А мать — разве простит она смертоносцам гибель своего мужа? Однако если теперь отказаться от содействия управителя, то всем им конец... Его плеча коснулся Каззак.

— Тебя, я вижу, совсем разморило.

И вправду, глаза слипались сами собой.

— Может, пойдешь в опочивальню? — (Найл благодарно кивнул.) — Миррис, отведи-ка его в покой. Тот, что напротив опочивальни Мерлью...— Он многозначительно улыбнулся Найлу.— Отоспись вволю. Завтра день будет долгим. И вот, не забудь.— Он протянул парню металлическую трубку.

Миррис была одной из тех двух девушек, что водила его купаться. Когда поднимались по лестнице, она обернулась через плечо и посмотрела с веселой дерзостью.

— Управитель к тебе, похоже, благоволит.

— Неужели?

— Заруби себе на носу, я точно говорю.

Она повела его коридором — звуки шагов глушились мягким ковром — и распахнула большую дверь. Найл прошел следом за ней в комнату — такую роскошную, что на миг усомнился, не перепутали ли дверь.

— Ты уверена, что это моя?

— Абсолютно.

Балдахин над кроватью был высотой по меньшей мере метра полтора, а кровать покрывала золотистая ткань. Ковер под ногами был мягким, словно молодая трава. Испуская цветочный аромат, млели в хрустальных вазочках огоньки курильниц. Девушка отогнула краешек покрывала.

— А вон твоя одежда на ночь.— Она указала на голубой халат, наброшенный на спинку невысокой кушетки.— Тебе помочь раздеться?

Найл подумал, что она шутит,— ничего подобного: глаза совершенно серьезные.

— Ты чего? — тревожно спросил он.— Не стоит. Сам как-нибудь справлюсь.

Служанка пристально посмотрела на него. Найл, можно сказать, ощутил тепло, лучащееся от ее тела.

— Между прочим, ты теперь живешь во дворце, так что не обязательно все делать самому. На это есть мы. Я бы могла быть твоей личной служанкой. Ты как, не против?

— Мне кажется, управитель, скорее всего, будет против.

— Нет-нет, я точно знаю. Хочешь, я его попрошу?

Тут до Найла неожиданно дошло: он же читает ее мысли. Произошло это, похоже, оттого, что они смотрели друг другу в глаза и между ними установилась непроизвольная связь. В одно мгновение стало ясно, что девушка навязывается потому, что так велел управитель. Понял и то, что она действительно рада ловить любые прихоти Найла и в мыслях у нее нет ничего, кроме желания ему прислуживать. Стоит сейчас вымолвить слово, и она добровольно станет его собственностью, выполнит какое угодно желание.

Но подумалось о Мерлью, и Найл покачал головой.

— Это, пожалуй, будет не совсем разумно.

По лицу девушки скользнула тень.

— Но почему? Тебе ведь нужна прислуга.

— Дочь управителя может не согласиться.

— С чего? — удивилась девушка.— Я же всего-навсего служанка. У нее нет причины меня ревновать.

То, что Найл прочел в уме Миррис, его всерьез озадачило. Впечатление такое, будто они сейчас рассуждают о двух разных Мерлью. Неприятное предчувствие наводило тоску. В голову закралась мысль, которой прежде не было, и лучше бы она не появлялась вовсе. Найл вымучил из себя улыбку.

— Давай-ка я вначале сам спрошу у нее.

— Хорошо.— Румянец вернулся на щеки.— Тебе принести чего-нибудь перед сном? Выпить, поесть чего-нибудь?

— Спасибо, не надо.— Найл мотнул головой.

Прежде чем выйти, девушка легонько поклонилась. Понятно, уже считает себя его личной служанкой.

Найл сидел на краю податливо упругой постели и рассеянным, немигающим взором глядел на свое отражение в настенном зеркале. Впечатление такое, будто оттуда смотрит кто-то посторонний, с шевелюрой, охваченной белой лентой... Однако подозрения возникли не от этого. Причина иная: он понял, что не очень-то стоит обольщаться чужими заверениями.

Пару часов назад Найл был на седьмом небе от того, что Мерлью оценила его внешность. Он и думать не смел, что она к нему имеет какие-то чувства. Но когда она поцеловала его там, в ванной, Найл поверил в это.

Теперь уверенность испарилась. Именно в тот миг, когда служанка посмотрела ему в глаза, до Найла внезапно дошло, что это не более чем подкуп. Так же как и апартаменты. Все здесь для того, чтобы он по уши окунулся в мнимое блаженство. Служанка не призналась, что управитель велел стать ей личной служанкой. Она представила дело так, будто желание исходит от нее самой и придется спрашивать разрешения у управителя. Найла лестью пытались втянуть в пособничество.

Видно, что Мерлью было приказано подкупить его: ласками, заверениями в любви. И тут в ушах словно эхом зазвучало: «Приглянулся? Этот тщедушный? Да ты шутишь...» Внутри словно оборвалось.

Щемящее чувство растерянности казалось невыносимым. Вынув ноги из сандалий, Найл прошел через комнату. Дверь

опочивальни отворилась бесшумно. От двери напротив — вельможного зеленого цвета — отделял лишь коридор, ее ручка была сделана в виде змейки. Протягивая к ней руку, Найл мучительно надеялся, что она окажется запертой, но, не успев еще коснуться, понял, что раскроется. Ручка легко поддалась, и дверь таки приотворилась.

Комната, как и у него, была освещена лишь розоватыми огоньками курильниц. Мерлью сидела у изголовья кровати возле ночного столика, расчесывая перед зеркалом волосы. Сидела босиком, в длинном шелковистом халате молочно-белого цвета. Золотистым потоком струились по плечам волосы. Девушка целиком была поглощена собой. Посмотри она чуть в сторону, и через приоткрытую дверь ей неизбежно стало бы видно лицо Найла. Но она смотрела лишь в собственные глаза и думала о своем.

Найл приоткрыл было рот, собираясь подать голос, но передумал. Красота девушки уязвляла самолюбие, не хотелось выставлять себя еще и безвольным попрошайкой. Тихонько наблюдая за Мерлью, он вскоре уловил тон ее мыслей. Какую-то секунду он был точно уверен, что сейчас она ощутит постороннее присутствие и непременно обернется. Но Мерлью была полностью поглощена своими мыслями.

Еще миг, и Найл совершенно неожиданно очутился в теле Мерлью, устремляясь по руслу ее чувств и переживаний. Вместе с тем полностью исчезла болезненная неуверенность и ревность (нелепо испытывать ревность к тому, с кем сливаешься воедино). Он сознавал всю ее сущность. Несколько секунд назад Мерлью была ненастоящей, воображаемой — миражом, сотканным его желанием и неискушенностью. А тут неожиданно раскрылся человек — таким, каков он есть,— и стало стыдно за свое недоумение. До этого момента он смотрел на Мерлью глазами ее сверстницы Миррис, знающей Мерлью с детства. В действительности сущность девушки оказалась и сложнее, и вместе с тем обыденнее, чем плод воображения, хотя бы и женского.

Настоящая Мерлью была щедрой, добродушной, не очень взыскательной. Властность и своеволие тоже на месте: как ни решу, все должно быть по-моему, и никак не иначе.

В данный момент она не спеша размышляла, что же такое произошло с Найлом. Он был ей симпатичен. За те месяцы,

что они не виделись, худенький паренек — небезынтересный, но нескладный какой-то — удивительно изменился. Вырос, окреп, в суждениях стала чувствоваться зрелость. Ей приятно было завлекать Найла в любовные сети, даром что по наущению отца. Симпатичный парень, а ей нравятся симпатичные ребята. Дома они стаями увивались за ней, здесь же, в паучьем городе, ей не хватало их общества. Робость и неопытность в любви у него на лбу написаны, но это легко устранить. Во всяком случае, она не прочь стать его наставницей: обучать мужчин элементарным навыкам любовного искусства доставляет удовольствие...

Найл, притворив дверь, вернулся к себе в комнату. Хотелось смеяться в голос. Казалось невероятным, что эдакая глыба неуверенности и ревности могла истаять так быстро и насовсем. Для него Мерлью была такой же красивой и желанной, как и прежде, только теперь это чувство освободилось от смятения и мучительных раздумий. Впечатление такое, будто он женат на Мерлью уже с десяток лет; разницы в возрасте тоже уже не чувствовалось. Ощущение не сказать чтобы плохое.

Желание спать пропало окончательно. Найл подошел к окну и выглянул на улицу. Проспект внизу был залит призрачным лунным светом. Ни души. Если отойти в угол, делалась видна Белая башня, словно светящаяся изнутри своим собственным ровным сиянием. Юношей отчего-то овладело невыразимое, смутно влекущее чувство, которому недавно пережитая раскрепощенность придавала только остроту. Подобно луне, башня казалась отдаленной, недосягаемой, неприкосновенной. О Мерлью он теперь и не думал, все внимание замкнулось на башне.

Он поднял лежащую на стуле металлическую трубку и потянулся к кнопке. Удивительно: нажимать ее на этот раз и не понадобилось, она раздвинулась сама. Оконечник ее вызывал пощипывание в пальцах — ощущение такое же, как нынче утром, когда приложился ладонями к башне.

Найл ступил в коридор, прикрыв за собой дверь. Кто-то в дальнем конце коридора прошелестел вверх по лестнице — одна из служанок. Найл остановился, переждал, пока она поднимется, и прошел на верхнюю площадку лестницы. Едва начав спускаться, он уловил, как чуть слышно щелкнул язы-

чок дверного замка. В коридоре стояла Мерлью. На глазах у Найла она тихонько постучала в дверь его комнаты, чуть подождав, повернула ручку и вошла. Найл решил спускаться дальше.

В огромной парадной было пусто. Попробовал главную дверь — заперта. А вот дверь во внутренний двор оказалась открытой, равно как и ведущие на улицу ворота. Найл не пытался укрываться. Он знал, что смертоносцы охотятся с помощью воли, а не зрения, и странное внутреннее спокойствие давало ощущение неуязвимости.

Башня с надменной безучастностью возвышалась в конце проспекта. Даже исполинские соседние здания в сравнении с ней как бы мельчали, а свет луны будто увеличивал ее в размерах. Взгляд идущего по проспекту юноши был прикован к белому светящемуся столпу. Выйдя к площади, он увидел двух бойцовых пауков, недвижно караулящих вход в здание с черным фасадом. Они без всякой агрессивности наблюдали, как Найл пересекает площадь: видно, у двуногого действительно есть неотложное поручение, коли он без всякой опаски вышагивает по площади в запретный час.

В непосредственной близости от башни воздух все еще попахивал горелым порохом. Земля под ногами в том месте, где сегодня спешно подсыпали грунт, была мягкой, податливой.

Найл медленно тронулся вокруг подножия башни, неотрывно всматриваясь в молочно-белую поверхность. Вблизи свечение даже перекрывало лунный свет, словно действительно сочилось изнутри. А тело постепенно наводнялось странным, крепнущим предчувствием... Трубка ощутимо покалывала повлажневшую кожу руки, словно выстреливая крохотные округлые искорки незримого света. Нечто подобное он испытывал в прошлом, когда выискивал воду в пустыне, а теперь неуловимая тяга словно сама влекла его к определенному месту на северной стороне башни. По мере приближения потаенная уверенность крепла. Найл обеими руками взялся за концы трубки. И едва сделал это, тело будто прошибло. Голова закружилась, закачалась под ногами земля. Найл пьяно поднял непокорную голову. Башня была непередаваемо огромной, ум заходился при попытке осмыслить, где у нее вершина. Трубка

нечаянно чиркнула о поверхность, и головокружение, резко усилившись, стало невыносимым. Ноги подкосились, и он, тяжело качнувшись, стал безудержно валиться в темный бездонный омут. Но муть рассеялась, и не было уже темноты, а только свет. Найл стоял внутри башни.

Ощущение, что он находится именно в башне, продлилось ровно столько, сколько требуется глазам на привыкание к свету. Молнией полыхнуло осознание происшедшего. У Найла перехватило дыхание. Оказалось, он стоит на отлогом морском берегу. Секунду думалось, что все это ему лишь снится. Но невозможно было усомниться в достоверности волн, бьющихся в десятке метров, или в скользковатых на вид, покрытых водорослями острых камнях, уступом вдающихся в море.

В том, что именно произошло, сомнения не было. Уж сколько сказок и легенд доводилось слышать от деда, невозможно было не распознать искусные колдовские чары. Распахнутыми глазами юноша оглядывал влажно-голубые небеса, нескончаемую цепь утесов, теряющуюся вдали, и все пытался как-то освоиться в создавшемся положении. Прохладное дыхание свежего ветра, белые облака, проворно бороздящие небосвод, указывали, что его занесло далеко от пустыни. Деревья, оторачивающие вершину утеса, откровением не стали. Правда, были они выше и зелень темнее, гуще. Вода имела угрюмо-свинцовый цвет и казалась студенее на вид, чем море, по которому довелось плыть два дня назад.

Найл принялся снова озирать берег, и тут глаза неожиданно заметили старца, сидящего на камне. Найл крупно вздрогнул: он мог поклясться, что несколько секунд назад берег был совершенно безлюден. Теперь уж сомнения насчет колдовства развеялись окончательно.

Когда старец поднял голову, пришлось поневоле вздрогнуть еще раз: Найл узнал своего деда Джомара. Лишь подойдя ближе, он стал замечать различия. Этот человек выше, и взгляд совершенно иной, чужеземный какой-то. Вместе с тем сходство было поразительное, он вполне мог сойти за брата Джомара.

Когда Найл приблизился достаточно, тот встал. Его одеяние изумляло своей нездешностью. Сероватое, вплотную облегает тело от шеи до самых ступней. Штанины внизу перехо-

дят в блестящие черные башмаки. Найл поднял руку ладонью наружу — так приветствуют друг друга жители пустыни. Поскольку незнакомец был гораздо старше, невежливо было затевать разговор первым. Старец улыбнулся. Глаза у него были светлые, серо-голубые.

— Тебя зовут Найл.

(Не вопрос: утверждение.)

— Да, господин.

— Не надо звать меня господином. Мое имя Стиг. Уж лучше зови меня так, по крайней мере. Здравствуй.

Старец неуловимо отстранился, упредив движение Найла, думающего притиснуться предплечьем в знак приветствия.

— Касаться меня не нужно, ни к чему.

Старец улыбнулся, явно не желая обидеть юношу. Указал на камень:

— Не желаешь присесть?

Найл опустился на покрытый путаницей водорослей камень. Старец опустился на прежнее место и несколько секунд молча глядел на Найла. Затем спросил:

— Знаешь, где ты находишься?

— Я... я был внутри Белой башни.

— Ты и сейчас в ней. Закрой-ка глаза.

Найл повиновался.

— А теперь проведи рукой по камню, на котором сидишь.

Найл провел и с удивлением почувствовал, что у камня гладкая плоская поверхность. Открыв глаза, он глянул вниз: зеленая паутина водорослей, изъеденный гранит. Коснувшись, он убедился, что очертания обманчивы: кончики пальцев ощущали что-то, напоминающее отполированное дерево.

— Сними сандалии и прикоснись ногами к песку,— сказал старец.

Найл так и сделал. Надо же! Ноги ступили на идеально ровную поверхность. Когда он по ней ходил, у него и тени сомнения не возникало, что это песок, настолько натурально он смотрелся.

— Ты, наверное, великий чародей,— произнес негромко Найл.

Собеседник покачал головой.

— Никакой я не чародей.— Он кивком указал на берег.— И это все вовсе не колдовские чары. Все это называлось в свое

время панорамной голограммой. Когда люди еще жили на Земле, это был обычный аттракцион в детских парках.

— Ты знаешь что-то о той поре, когда люди были хозяевами Земли? — затаив дыхание, спросил Найл.

— Я знаю о ней все.

— А сам ты один из древних людей?

Старец покачал головой.

— Нет. По сути, меня здесь нет вообще, в чем ты убедишься, если попробуешь до меня дотронуться.

Он протянул руку. Когда Найл попытался ее сжать, пальцы прошли сквозь, ничего не ощутив. Однако Найл ничуть не встревожился. Улыбка у старца была такой располагающей, а манеры такие открытые и естественные, что бояться его, очевидно, совершенно не было причины.

— Но ты, наверное, очень старый?

— Отнюдь. Я гораздо младше тебя. По сути, мне от роду лишь несколько минут.— Старец улыбнулся растерянности юноши.— Не беспокойся. Все разъяснится по порядку, должным образом. Хотя думаю, прежде чем начать, нам надо будет перейти наверх.

Найл бросил смятенный взгляд на небо. А оно истаивало на глазах. Вместо него проступили очертания белого, слабо фосфоресцирующего купола. Там, где виднелись уходящие вдаль утесы, теперь плавно круглились стены башни. Не было уже и покрытого морскими травами камня, а был гладкий табуретик из светлого дерева. Старец сидел на таком же. Во всем прочем округлое это помещение казалось пустым, за исключением стоящего по центру столпа, устремленного из пола в потолок. Однако поверхность столпа была не ровной, а плавно переливающейся, словно там внутри неспешно клубился дым.

Старец поднялся.

— Ну что, хочешь, пойдем со мной?

Он приблизился к столпу и исчез в нем, попросту истаял. Но откуда-то изнутри, из-под дымчатой этой поверхности, донесся его голос:

— Шагай как я.

Послушавшись, парень почувствовал, как белый туман, объяв, повлек его вверх. Секунда — и Найл с легким толчком остановился.

— Теперь еще раз шаг вперед,— послышался голос.

На миг Найлу показалось, что он стоит под ночным небом. Над головой виднелись луна, звезды; вокруг безмолвно раскинулся городище пауков. Вон оно, метрах в двухстах, здание с черным фасадом — обиталище Смертоносца-Повелителя. Различались даже бойцовые пауки, застывшие на страже возле входа. Но когда, шагнув вперед, Найл протянул руку, то наткнулся на стекло. Оно было таким прозрачным, что совершенно не отражало света, наполняющего помещение. Найл указал на бойцовых пауков.

— А им нас оттуда видно?

— Нет. Свет может проникать в эти стены, но обратно не выходит.

Помещение было уютно обставлено мебелью, в целом похожей на ту, что во дворце у Каззака. Кресло и диван обтянуты гладким черным покрытием, похожим на кожу, на полу мягкий черный ковер. Необычным было лишь устройство — большой черный короб, стоящий возле прозрачной стены. На его скошенной лицевой части находилось подобие окошка из матово-белого стекла. Многочисленные кнопки, рядком идущие сверху вниз, чем-то напоминали загадочную машину, которую Найл обнаружил тогда в пустыне.

— А это что такое? — поинтересовался юноша.

— Самый ценный здесь предмет. Он один стоит больше, чем весь этот город.

— А что он делает?

— Для начала он создает меня.

Найлу вспомнились легенды о сотворении мира, что в детстве рассказывала мать.

— Это... Бог? — спросил он робко, сам стесняясь своего вопроса.

— Ну нет. Это всего-навсего машина.

— А я думал, создавать может только Бог.

— Не совсем так. Ты же создаешь меня.

Утверждение было настолько нелепым, что Найлу оставалось лишь сидеть, вытаращив глаза.

— Я реагирую на твои вопросы и ответы. Даже моя внешность заимствована из твоей памяти.

Найлу потребовалось время, чтобы все это осмыслить.

— А башня?

— Эту башню создали люди, прежде чем оставить Землю. Вначале здесь предполагалось создать музей — место, где воссоздается история планеты и человеческого общества. Когда строительство уже близилось к концу, людям стало известно, что Земле предстоит пройти через хвост огромной радиоактивной кометы.

— А что такое комета?

— Сейчас покажу. Смотри.

Не успел старец договорить, как небосвод на глазах изменился. Полная луна превратилась в узенький месяц-серпик, зависший над силуэтами зданий. Неожиданно преобразились и сами здания. Их окна наполнились светом, а фасады тех, что выходят на площадь, заиграли фонарями подсветки. А на южном небосклоне, прямо над главным проспектом, распустил космы мохнатый огненно-белый султан света, отягченный в нижней части зеленоватым светящимся наконечником. Это чем-то напоминало застывший росчерк падающей звезды. Найлу много раз доводилось видеть их в пустыне, но то, что показалось сейчас, было огромных размеров и висело неподвижно.

— Комета Опик,— пояснил старик.— Голова у нее тысяча двести миль в диаметре, а кома — оболочка, окружающая ядро,— пятьдесят тысяч миль в поперечнике. Хвост длиной более семи миллионов миль.

Она, кстати, не такая грозная, как кажется. Голова у нее состоит из крохотных частичек, в основном не больше песчинки. Даже врезавшись в планету напрямую, она не наделает серьезных разрушений. Но Опик явилась откуда-то из-за пределов Солнечной системы и несла мощный заряд радиации, то есть содержала вещества, способные погубить все живое. У людей оставалось около года, чтобы приготовиться к эвакуации — вынужденному выселению. Больше ста миллионов человек — подавляющее большинство жителей — отбыли на гигантских космических транспортах. Но прежде чем уйти, они достроили эту башню — для той эпохи, когда люди вернутся.

Найл сокрушенно покачал головой:

— Я мало что понимаю.

— Вот для этого и выстроили башню, чтобы люди будущего уяснили всю картину.

— Боюсь, я непрошибаемый болван,— вздохнул Найл.

— Неправда. Твой ум способен вмещать ничуть не меньше, чем ум создателя машины Торвальда Стиига. Только Стиг давно умер, и тебе трудно понять его язык.

— Но ты же сам сказал, Стиг — это твое имя.

Старец улыбнулся.

— У меня есть право зваться этим именем. Я — все, что осталось от ума Стиига.— Он указал на черный короб.— Видишь ли, в комнате меня, по сути, и нет. Я нахожусь внутри этого компьютера. На самом деле ты говоришь не со мной, а с ним.

— А компьютер — что такое?

— Ни один из твоих вопросов не останется без ответа. Но на это уйдет немало времени. Ты желаешь остаться, пока не удовлетворишь свое любопытство?

— Да, конечно. Только...

— Ты переживаешь за мать и брата.

Найла пронизал суеверный страх. Не очень приятно ощущать, когда даже тайные твои мысли как на ладони.

— Откуда ты знаешь?

— Ты привлек к себе внимание — не мое, а, скорее, Стигмастера,— собеседник кивнул на компьютер,— когда привел в действие летательный аппарат в пустыне. С той самой поры мы наблюдаем за тобой. Это Стигмастер вызвал тебя сюда нынче ночью.

— Зачем?

— И на этот вопрос будет дан ответ. Но прежде есть множество других сведений, которые тебе необходимо уяснить. Ты готов приступить сейчас? Или сначала поспишь?

— Я не хочу спать. Кроме того...

— Ты беспокоишься о матери и брате.

— Да. Я боюсь, что Каззак может навредить им, когда узнает, что я исчез.

— Он ничего с ними не сделает. Он не осмелится сообщить Смертоносцу-Повелителю, что позволил тебе уйти. Поэтому сделает вид, что держит тебя во дворце под своим наблюдением. А с матерью и братом будет обходиться как с почетными гостями, потому что знает: пока они у него во дворце, ты неизбежно возвратишься.

— Откуда ты знаешь? Ты можешь читать его ум?

— Ну, не в таких тонкостях, как ты. Но и за Каззаком мы наблюдаем довольно давно. Мы можем предсказывать его реакции. Этого человека, несмотря на хитрость, понять несложно.

— А Смертоносец-Повелитель? Ты можешь понимать его ум?

— Причем запросто. Видишь ли, единственное его желание — удерживать власть над Землей. А на данный момент больше всего ему хочется уговорить тебя помочь.

— Почему?

— Он боится, что существуют другие подобные тебе. Он жаждет найти их всех и уничтожить. После чего не пощадит он ни тебя, ни твоих родных.

Найл сам подозревал нечто похожее, однако слышать все это — так напрямую, безжалостно — было тяжело. Внутри похолодело.

— И что, он непобедим? — спросил юноша.

— Тогда он бы тебя не боялся.

— В таком случае как я могу с ним покончить? — резко спросил Найл.

Старец покачал головой.

— Ты слишком торопишься со своими вопросами. Надо начинать с основы. Пойдем со мной.

Проходя мимо Найла, старец чуть задел его рукавом. Юноша ничего не почувствовал, но вместе с тем послышалось, как сухо шелестнула одежда; так же он воспринимал и глухую поступь по ковру.

Он проследовал за старцем в дымный столп, и вновь его окружил белый туман. Тело невесомым перышком поплыло вниз.

Едва лишь выйдя, Найл сразу понял, что это опять чародейство Стиига: такой залище никак не мог бы уместиться в стенах башни. Глазам открывалась широкая галерея в полсотни метров длиной. Стены — в пышных, голубых с золотом гобеленах, меж ними — множество картин. На равных промежутках друг от друга стояли постаменты с бюстами и статуями. Хрустальные люстры свешивались с затейливо разрисованного потолка.

За окнами виднелся незнакомый город. Размерами он явно уступал паучьему, не город, а, скорее, городок — и дома только

в один-два этажа. Город разделяла река (на берегу — башня), которую в нескольких местах перемыкали каменные мосты-арки. Вокруг города шла стена, равномерно чередуясь прямоугольниками башен. Вдали виднелись зеленые холмы-террасы. На улицах и площадях спешили по своим делам люди в ярких разноцветных одеждах.

Висящие на стенах полотна зачаровывали. Найл впервые видел перед собой произведения живописи и поражался, как черты человеческого лица можно передавать с такой тонкостью. Искусство перспективы поражало еще сильнее. Вроде бы смотришь на плоскую поверхность, а вместе с тем пейзаж выглядит так, будто смотришь на него из окна.

— Где мы?

— В городке, которого давно уже нет. Называется он Флоренцией и был когда-то культурным центром западного мира.

Найл в сердцах мотнул головой.

— Ничего не понимаю! Что значит «культурный центр»? Что такое «западный мир»?

— Скоро ты все это поймешь. Но сначала твой мозг надо подготовить к приему знаний. Надо, чтобы ты лег вот сюда.

В центре галереи стояла машина из голубоватого металла. Нижняя ее часть представляла не то кровать, не то кушетку, на которую свешивался металлический полог. Получалось подобие балдахина, потолок которого состоял из матового стекла.

— А эта чем занимается?

— У нас ее называли машиной умиротворения. Ее назначение — раскрепощать ум и тело, удаляя все очаги напряжения. После ее воздействия ты уже сможешь приступить к впитыванию.

— Впитыванию?

— Так на самом деле называется процесс усвоения знаний. То, что ты постигаешь, впитывается умом примерно так же, как телом усваивается пища, и становится частью тебя.

Кушетка оказалась такой мягкой, что Найл утонул в ней всем туловищем, как в воде. Едва улегся, как за стеклом, что сверху под балдахином, ожил свет и послышалось тихое гудение. Найл разом ощутил в теле глубочайшую, мучительно-сладкую безмятежность. Все скрытые недомогания, душевные муки, о наличии которых он часто толком и не догадывался, выяви-

лись наружу, словно камни из-под мелеющей воды, и принялись стаивать. В висках сухо стукнули молоточки, на мгновение вспыхнула головная боль, но тут же исчезла. Будто нежные невидимые пальцы проникали в самые недра его существа и теперь разминали, распутывали заскорузлые, окостеневшие узлы боли и страдания. Одним глубоким выдохом Найл словно вытеснил из груди все невзгоды, наслоившиеся за годы существования в этом мире. Мир уподобился теплому, укромному мироощущению младенца, засыпающего у материнской груди: уют спокойствия и полнейшая безопасность. Ленивыми рыбами проплывали в мозгу разрозненные образы, словно отзвуки голосов из иного мира. Найл тихо, безропотно канул в теплую пучину забытья.

Когда возвращалось сознание, вскользь успел заметить куцые обрывки воспоминаний, бессвязных событий, канувших одновременно с тем, как он раскрыл глаза. Какой-то миг Найл тщетно пытался определить, где же это он; пробуждение напоминало переход из одного сновидения в другое. Реальный мир в сравнении с грезами казался до странности простым и одномерным.

Когда Найл поворачивал голову, взгляд неожиданно упал на бюст мужчины с окладистой бородой и твердыми чертами лица, выдающими недюжинную силу характера. Надпись внизу гласила: «Платон». Прошло несколько секунд, прежде чем до юноши дошло, что он может читать символы, высеченные на постаменте. От охватившего волнения он даже сел. Больше в галерее никого не было, из окон струился солнечный свет. Выкарабкавшись с кушетки, Найл остановился перед бюстом. Под надписью находился забранный в стекло небольшой текст. Найл, заходясь сердцем от восторга, прочел громким голосом вслух: «Платон — настоящее имя Аристокл — родился в четыреста двадцать седьмом году до новой эры в Афинах. Прозвище "Платон", что означает "широкий", получил за свои широкие плечи. Разочаровавшись в политических амбициях, Платон основал Академию, ставшую, судя по всему, первым университетом...» Изумляло то, что был понятен смысл слов. Найл знал, что Афины — это город в Древней Греции, а «политические амбиции» означает попытку стать государственным деятелем; что университет — это школа передовой мысли. Глядя

из окна, он сознавал, что перед ним небольшой город в Италии, достигший расцвета в Средние века. Река, на которой он стоит, именуется Арно, высокое белое здание с красным куполом — это собор, а квадратное угрюмое здание возле — старый дворец семейства Медичи, перед которым сожгли на костре Савонаролу...

Он сидел на стуле возле окна и не мигая смотрел на реку. Трудно определить, каков объем его знаний; всякий раз, перед тем как дать ответ на тот или иной вопрос, приходилось усиленно рыться в памяти. Он напоминал человека, унаследовавшего богатейшую библиотеку, но весьма приближенно представляющего, что на какой полке стоит.

Из белого столпа показался старец.

— Доброе утро. Как спалось, нормально?

— Пожалуй, да.

— Наверное, не прочь бы и поесть?

— Д-да.— Найл так был увлечен, что совершенно упустил это из внимания.

— Тогда тебе не мешает подкрепиться, прежде чем двинемся дальше. Ступай за мной.

Он провел Найла в небольшое помещение, где стояло несколько столов и стульев. Из окна открывался вид на реку, изгибом уходящую вдаль, и серую городскую стену. Неподалеку от окна стоял серебристый металлический ящик продолговатой формы.

— Это пищевой процессор. Натуральной пищи у нас здесь, боюсь, нет. Но люди перед отлетом с Земли добились больших успехов в пищевом синтезе. Выбирай, что хочешь, и нажимай на кнопку, еда появится внизу на раздаточном лотке.

Чуть сбоку от машины на стене висела таблица с перечнем блюд и напитков: говяжье филе, яичница с ветчиной, яблочный пирог со взбитыми сливками, торт-пекан, кексы, мороженое... Каждое блюдо было снабжено картинкой и серебристой кнопкой.

— Я бы на твоем месте выбирал блюда, которые можно есть руками,— посоветовал старец.— Телячьи отбивные здесь очень хорошие. И жареная утка, скорее всего, тоже. Томатный суп, думаю, тоже великолепен на вкус.

Найл, выбрав, нажал на нужные кнопки. В металлическом ящике коротко поурчало. Через пару минут внизу со щелчком

открылась дверца и наружу на металлическом подносе выскользнули три тарелки и стакан. Найл поднес их к столику возле окна. Одна из рам была приоткрыта, и в помещение задувал приятный ветерок. Снаружи доносилась разноголосица звуков: выкрики гребцов с реки, плеск весел в воде, плотный стук лошадиных копыт и скрип повозок.

Найл изумился, когда старец выдвинул стул и уселся напротив.

— Как тебе это удается, ты же бесплотный?

— Микросреда здесь полностью контролируется. Стигмастер может делать почти все.

Он взмахнул рукой, и стулья в комнате принялись с шумом выдвигаться и задвигаться под столы, а сами столы снялись с пола и, прежде чем опуститься на место, галантно покружили по воздуху. Привыкший уже к чудесам Найл только улыбался.

Еда была восхитительной. Вкус этой пищи был Найлу совершенно не знаком. Томатный суп, густой, душистый, в меру сдобрен специями; косточка телячьей отбивной обернута бумагой — корочка снаружи золотистая, поджаристая, а внутри мясо нежное, розовое. Кекс с вишневой пропиткой оказался таким объедением, что у Найла возник соблазн взять себе добавку. Мороженое с фисташками и грецким орехом просто изумляло — такая пища ему и во сне не снилась. Но и при всей вкусноте управиться со столь обильной трапезой оказалось непросто. Чувствуя, что сейчас лопнет, наевшийся до отвала Найл откинулся на стуле, вытирая липкие от еды пальцы о влажный кусок ткани, которую вынул из запечатанного пакета.

— Те, кто так питался каждый день, наверное, жили как боги.

— Любопытный вывод. Может, прелесть такой жизни состояла в приближении к божественному. А в целом создатели пищепроцессора были озабочены сугубо будничными проблемами. Божественного в них было не больше, чем в управителе Каззаке или твоем отце.

Сам Найл просто млел от восторга, что полностью понимает смысл слов старца; два-три часа назад такая речь была бы выше его разумения.

— Как ты, интересно, научил меня читать?

— Сравнительно простая методика, называется обучением во сне. Знание напрямую вводилось в клетки памяти твоего мозга.

— Почему ты заодно не ввел знания о создателях пищепроцессора?

— Сделай я это, ты бы потерял вкус к самостоятельному постижению. А удовольствие такого рода — наисущественная часть всякого обучения.

Теперь, попривыкнув уже к старцу, Найл стал замечать, что его реакциям недостает человечески живой спонтанности. Не знай Найл изначально, что Стигмастер — творение человеческих рук, он бы, скорее всего, ничего и не заподозрил, лишь подумал бы, может, что возраст делает старика слегка нерасторопным. А теперь он видел, что набор человеческих реакций Стиига и впрямь ограничен. Старец улыбался в нужные моменты и вовремя кивал при разговоре, облизывал языком губы, почесывал указательным пальцем нос, но при всем при этом имел рассеянный вид, а на обдумывание ответа у него уходила секунда-другая. Не было между собеседниками той потаенной приязни, что возникает во время разговора между двумя людьми. А попытка настроиться на мыслительную волну собеседника вообще ничего не давала. Там ничего не было — лишь туманная зыбкость, будто он общался с тенью.

— Увы, я действительно далек от совершенства,— вздохнул старец.— Ко времени эвакуации возраст компьютеров у людей насчитывал лишь два с половиной столетия. К настоящему времени они, несомненно, усовершенствовали у себя компьютерные голограммы так, что те вообще перестали отличаться от людей.

— А как тебе удается читать мои мысли?

— Языковые области твоего левого полушария работают по нехитрой схеме. Когда твои мысли имеют словесные аналоги, Стигмастер может их расшифровать. А вот чувства твои и интуитивные проблески он выявлять не может. В этом отношении твой мозг куда изощреннее.

— Если б я тебя еще и понимал. Что такое «языковая область»?

— Проще показать, чем объяснить словами. Давай вернемся.

Поднявшись, Стиг запихнул обратно ногой свой стул. Найл любовался четкостью его реакций. Не зная наперед, невозможно предположить, что это лишь бесплотный дух.

Когда возвратились в картинную галерею, солнце там поднялось уже на свою полуденную высоту.

— Это всамделишное солнце? — поинтересовался Найл.

— Нет. Будь оно настоящим, ты бы при его свете видел город пауков. Больше ни о чем не спрашивай, договорились? Через несколько часов сможешь на все ответить сам. Иди-ка ложись на прежнее место.

Найл снова устроился на кушетке под голубым металлическим балдахином. И опять, едва тело утонуло в податливой материи, сверху затеплился свет. Юношу снова захлестнула кроткая, несущая покой и умиротворение волна. Она проникала в каждую клеточку, принося невыразимое блаженство. Но провала в забытье на этот раз не было. Найл смутно чувствовал, что где-то над головой образовалась некая точка — словно невидимое око уставилось из-за матового стекла, переправляя оттуда прямо в мозг звуковые и зрительные сигналы. Странный процесс, с налетом некоторой иллюзорности. Одновременно с тем где-то в области грудной клетки раздавался голос. Впрочем, голосом это можно было называть сугубо условно. Это была не обычная человеческая речь, а калейдоскоп понятий и умозрительных образов, вызывающих в мозгу огоньки озарений и рождающих встречные импульсы-отклики, что бывает обычно, когда слышишь человеческую речь.

Закрыв глаза, Найл увидел мысленным взором панораму паучьего города — как тогда, когда она впервые открылась ему меж двух холмов. Город исполинских столбовидных башен (Найл теперь знал, что называются они небоскребами), разделенный надвое широкой рекой. Город неожиданно сместился вниз, словно Найл воспарил над ним. Минуту спустя ему открылись море и бухта из громадных каменных блоков. Затем город и бухта стали убывать в размерах, пока не уменьшились до ничтожной точки на широкой зеленой плоскости равнины. Стала видна земля на другом берегу залива и красная пустыня по ту сторону гор. Где-то там пещера, в которой лежит мертвое тело отца. Едва Найл, встрепенувшись, попытался сосредоточить взор, как умозрительный образ обрел четкость и обо-

значились контуры обширного плато, а также большого соленого озера к югу от Диры. Тут его снова понесло вверх, и открылась земля к югу от соленого озера и к северу от города пауков. Скорость возрастала, пока не начало казаться, что плоская поверхность земли плавно выгибается, а зеленые плоскости равнин внизу подергиваются голубоватым отливом, оттеняя темную пучину моря. Постепенно Земля обрела вид мохнатого клубка, медленно кружащегося в пространстве. Звезды — крупные, яркие, переливающиеся — напоминали освещенные изнутри кристаллы льда. Висящее справа Солнце имело вид готового лопнуть пылающего ядра, такого ослепительно яркого, что глаза ломило от взгляда. Луна отсюда походила на огромный серебристый шар. Чудно сознавать, что круглое это тело всегда представлялось ему этаким золотистым блюдцем, плывущим сквозь облака. И хотя Солнце освещало лишь часть лунной поверхности, Найл ясно различал и ее ранее затененные области, выхваченные светом звезд.

Не успел он опомниться, как его уже занесло далеко в космическую бездну. Он зависал над плоскостью Солнечной системы в такой дали, что само Солнце казалось не больше человеческого зрачка. Найл одну за другой угадывал кружащиеся по эллиптическим орбитам планеты. Вон Меркурий — раскаленное докрасна железное ядрышко с поверхностью сморщенной, как ссохшееся, пролежавшее свой срок яблоко; Венера, окутанная вуалью серого тумана; промерзшие рыжие пустыни Марса; красный гигант Юпитер, сплошь состоящий из бурлящей жидкости; Сатурн — сизый странник, разбухший ком замерзшего водорода; Уран, Нептун и Плутон, где температура такая низкая, что сами планеты немногим отличаются от округлых ледяных глыб, кружащихся в пространстве. От одного лишь размера Солнечной системы, холодея, заходился ум. С орбиты Плутона Солнце казалось не больше горошины, а Земля вообще едва различимой былинкой. Вместе с тем даже ближайшие звезды находились на расстоянии столь же далеком, как земной экватор от полярных шапок.

Обратив внимание на собственную персону, Найл потрясенно понял, что совершенно утратил память о том, кто он сам такой. Переживаемое обуревало настолько, что сознавать свое наличие было как-то нелепо. Прежде Найл, случалось,

«растворялся» в собственных грезах или в историях, которые рассказывали мать или дед. От них в свое время тоже разгоралось воображение, но сравнивать это с тем, что он видел сейчас, было все равно что сопоставлять искорку и фейерверк. Оторопелый, он не смел перевести дух, словно человек, внезапно очнувшийся от сна. Душа содрогалась от буйства непостижимых сил. Хотелось задать тысячи вопросов, побывать на каждой из этих планет, а затем тотчас ринуться в путь через космос к другим мирам и звездным системам. При мысли, что непознанного такая бездна, а собственная жизнь так ничтожно коротка, сердце сжималось от горестного, беспомощного чувства.

Средь сонма безутешных мыслей, вихрем проносящихся по сознанию, бессловесный внутренний голос посоветовал успокоиться. Темные мысли рассосались, схлынули; вместо этого Найл ощутил в себе ровную и стойкую тягу к знанию, желание всю оставшуюся жизнь посвятить достижению и освоению нового.

— Задавай любые вопросы,— послышался голос старца.— В Стигмастере содержится все человеческое знание. Тебе решать, что необходимо узнать.

— Ты можешь рассказать о Земле до прихода смертоносцев и о людях, что построили этот город?

— Для этого нам надо будет возвратиться примерно на пять миллиардов лет назад, к зарождению Солнечной системы...

Когда Найл снова закрыл глаза, голос исходил уже не от старца, а откуда-то изнутри. В глазах стояла нестерпимо яркая вспышка, заполняющая, казалось, все обозримое пространство; из центра, словно щупальца некоего спрута, с устрашающей силой вырывались спиралевидные струи газа. Тяжко ворочающейся буче не было конца, а в космос одна за другой выбрасывались гигантские волны бушующей разрушительной энергии. Затем все хотя и медленно, но как-то улеглось, и под силой собственного тяготения взрыв, устремленный наружу, превратился во взрыв, направленный внутрь. В неописуемом коловороте принялись вращаться выпущенные некогда наружу газы, которые теперь тянулись обратно. В набирающем лютость космическом холоде жар постепенно истаивал, пока газы не остыли в круглые капли жидкости. Спустя полмиллиарда лет

капли эти сконденсировались в десять планет. Некоторые из них, вроде Меркурия, были так горячи, что не могли образовать и удерживать атмосферу. Другие — Марс, например,— были чересчур маленькими и холодными. Только Земля, расположенная примерно в сотне миллионов миль от Солнца, была и не слишком горячей, и не слишком холодной.

Формирование планеты проходило так же бурно, как и зарождение. Кометы и астероиды крушили поверхность, взбивая ее в месиво кипящей слякоти. Два миллиарда лет прошло, прежде чем Земля остыла, превратившись из кипящей адовой печи в планету с морями и континентами. К этому времени она тысячекратно сжалась в сравнении со своим первоначальным размером. Солнце тоже постепенно сжималось, пока не достигло того порога, за которым начались ядерные реакции, превратившие его из темного кома в однородную красновато-бурую массу, а затем в полыхающую атомную печь. Ультрафиолетовые лучи светила проникли сквозь тонкую земную атмосферу — в основном водород и аммиак — и вызвали неописуемые по своей силе электромагнитные бури. По мере того как лучевой бомбардировке подвергались газы и водяные испарения, начали формироваться первые сложные молекулы — сахара и аминокислоты. Появилась и молекула под названием ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота, имеющая уникальное свойство размножаться. ДНК и сотворила первейшую форму жизни на Земле — бактерии. Бактерии были наделены одним незамысловатым инстинктом: поглощать органические образования, плавающие вокруг них в теплом океане, и похищать их энергию. Начало жизни было положено энергетическими вампирами.

На этой первоначальной стадии жизнь чуть не стала жертвой собственного размаха. Бактерии множились так обильно, что вскоре поглотили основную часть органических соединений в океане. Жизнь угасла бы так же быстро, как и возникла, не выкинь одна из бактерий необычный фокус: вырабатывать собственную пищу, впитывая энергию Солнца. С помощью процесса, известного как фотосинтез, бактерии научились вырабатывать сахар из двуокиси углерода и воды. Солнечный свет они впитывали особым химикатом, хлорофиллом, который придавал этим крохотным организмам зеленый цвет. И вот уже скалы всех материковых шельфов Земли — их тогда было

четыре — оказались покрыты пятнами скользкого зеленого вещества, первых водорослей. Они стали пить из земной атмосферы углекислоту и превращать ее в кислород.

Прошел еще невероятно длинный период, на протяжении которого земная атмосфера беспрестанно обогащалась кислородом. И опять жизнь оказалась в опасности, став жертвой собственного успеха, поскольку что касается растений, то кислород для них яд и планета, на которой обитают только они, погибла бы от нехватки углекислоты. Но прежде чем это произошло, появилась еще одна форма жизни, форма, способная впитывать кислород и превращать его в углекислоту. Плавучие студенистые комочки стали первыми животными.

Глядя на Землю такой, какой она была миллиард лет назад, Найл видел мирную и статичную планету, теплые моря которой ласково лизали берега голых материков — вернее, одного голого материка, поскольку четыре тогдашних континента, сдвинувшись вплотную, слились, образовав одну гигантскую территорию, известную геологам под названием Пангея. Ничего не происходило на том безмятежном куске суши. Потому что, как ни странно, здесь не было смерти. Примитивные амебы, черви и водоросли теряли свои старые клетки, но взращивали новые и так до бесконечности.

И вот тут каким-то образом жизнь изобрела смерть, породив те самые немыслимые сложности эволюции. Случилось так, что маленькие эти существа научились производить себе подобных — родитель теперь умирал, а молодая особь вступала в жизнь.

Существо, живущее долгие миллионы лет беспрестанно, впадает в ленивый ритм существования. Оно знает, как выживать, и этого ему достаточно. Но когда рождается новое существо, оно не наделено вообще никакими знаниями. Чтобы утвердиться в этом мире, ему приходится бороться. И необходимо развить в себе способность запоминать то, чему научилось. Существу, не ведающему смерти, не нужна память, основные хитрости выживания оно освоило миллионы лет назад. Новорожденному же существу приходится создавать багаж знаний за очень короткий период, иначе ему не выжить. Древние, бессмертные формы жизни были просто пассивными растительными образованиями; новые организмы, в отличие от них, наделены были свойством бороться и постигать.

И вот с появлением смерти начинается история. Новые организмы не были одинаковыми, они обладали большим разнообразием и индивидуальностью. А это значит, что они исследовали новые ареалы обитания и поэтому сами постепенно менялись. Начали развиваться новые виды, новые особи. Порой случайное изменение в структуре ДНК — какой-нибудь сбой при делении, дающий существу дополнительный глаз или щупальце,— становилось большой удачей. Ненормальная особь имела бóльшие шансы приспособиться к окружающей среде, чем ее обычные сородичи. В итоге получалось так, что они вымирали, а выродок выживал. Слизистые комочки превратились в червей, моллюсков, рыб. Причем некоторые из тех рыб оказались настолько совершенны, что у них не возникало надобности в дальнейших изменениях. Гигантская акула появилась на Земле около четырехсот миллионов лет назад, и тем не менее теперешние ее особи как две капли воды напоминают своих предков.

Однако жизнь устроена так странно, что иной раз наименее приспособленные организмы оказываются наиболее успешными в эволюционном плане, потому что продолжают борьбу и совершенствуются, в то время как удачно сложившиеся останавливаются в своем развитии. Примерно в то же время, как на Земле появилась гигантская акула, рыбы с мясистыми плавниками завели привычку выбрасываться из воды на берег, чтобы скрыться от врагов и, расслабляясь, полежать на солнце. Они не были как следует приспособлены к жизни вне воды: когда прилив откатывался, им зачастую не удавалось дотащить тело обратно до моря. И неразвитым их легким было невыносимо трудно перерабатывать неувлажненный воздух — многие из них задыхались и гибли, не сумев добраться до родных вод. И тем не менее суша была настолько безопаснее океана (ведь на ней тогда не было живых существ), что эти ранние амфибии предпочитали риск истощения и смерти унылой перспективе существования среди акул. Они и дали начало первым рептилиям. А по истечении еще двухсот миллионов лет эволюции рептилии стали полновластными хозяевами суши. Растительноядные ящеры были самыми крупными существами, каких только носила планета; бронтозавр нередко достигал двадцати метров в длину и весил тридцать тонн. Пло-

тоядные ящеры — такие, как тираннозавр,— были самыми свирепыми тварями. А летающие ящеры — птеродактиль и археоптерикс — были самыми подвижными. Сто пятьдесят миллионов лет ящеры не знали себе равных. А затем стали жертвами собственного успеха. Шестьдесят пять миллионов лет назад на Земле произошел катаклизм. Какое-то небесное тело (вероятно, гигантский метеорит) с ужасающей силой врезалось в Землю и подняло облако пара, отчего атмосфера превратилась в теплицу. Температурная кривая резко взмыла, и громоздкие растительноядные ящеры вымерли от переизбытка тепла. Хищники, жившие за счет растительноядных, вымерли от голода. И вот впервые за все время шанс размножиться и утвердиться появился у теплокровных. Гибель ящеров подготовила почву для появления человека.

Самым древним млекопитающим предком человека были грызуны — крохотные древесные крысы с длинным хвостом и гибким позвоночником. Около десяти миллионов лет назад большой палец у них разработал подвижность и стало сподручнее лазать по деревьям. Крыски развились в обезьян. Еще десяток миллионов лет — и у обезьяны наметилось сходство с человеком. А каких-то пять миллионов лет назад от человекообразного шимпанзе ответвились два новых вида, горилла и обезьяночеловек. И вот наш предок явился на Землю. Была эпоха плиоцена — период засухи, длившийся двенадцать миллионов лет. По мере того как растительность скудела, обезьяночеловек спустился с деревьев и принялся основное время проводить на земле в поисках съедобных кореньев и червей. Он начал совершенствовать самое ценное свое дарование — хождение на задних ногах. А поскольку надежды на лес стало мало (пища там уже не была такой обильной), человеку пришлось поневоле совершенствоваться, чтобы обживать различные климатические зоны: пустыню, лесостепь, горы, тундру. А чтобы справляться с новыми неотложными задачами, он развивал свой мозг.

С той поры, как три миллиона лет назад изменился климат, ни одно животное на планете не могло сравниться с обезьяночеловеком в умении приспосабливаться. Внезапно он открыл для себя озера, реки, обширные травянистые равнины, где паслись стада травоядных животных. Он оказался изначаль-

но наделен способностью сотрудничать с себе подобными, теперь совместные действия стали необходимостью. Бесполезно было в одиночку тягаться с мамонтом, пещерным медведем, шерстистым носорогом, гигантским красным оленем или саблезубым тигром. А вот группа охотников, сидящая в засаде с копьями и костяными дубинами, могла сразиться, в сущности, с любым зверем. Прямохождение дало человеку колоссальные преимущества, а необходимые для работы навыки с невероятной быстротой развивали мозг. У первой человекообразной обезьяны, рамапитека, мозг весил около четырехсот граммов. У охотника весил уже вдвое больше. А через каких-нибудь два миллиона лет мозг «гомо эректуса» — человека прямоходящего — составлял килограмм. Еще полмиллиона лет, и он опять увеличился вдвое. Таким и остается размер мозга у современного человека.

«Гомо эректус» изобрел рубило и скребок для разделывания туш животных, но за миллион лет даже не попытался усовершенствовать это бесхитростное приспособление — например, снабдить его рукояткой и использовать как оружие. Около шестидесяти тысяч лет назад разрозненные группы «гомо эректусов» перебрались из Африки и Азии в Европу и развились в «гомо сапиенс» — особи, к которым, в сущности, и относится современный человек. Человек нового типа не знал, как разводить огонь, но, когда от молнии загорался лес, он заботливо сохранял тлеющие головни, и огонь горел у него, не угасая, год за годом. Он использовал его, чтобы поджигать приземистый подлесок и загонять животных в ловушку или вынуждать их срываться с круч в ущелье; использовался огонь и для приготовления пищи. Наступило Великое Оледенение, и огонь стал применяться для обогрева пещерных жилищ. Вероятно, огонь и произвел «мозговой взрыв», поскольку обязывал человека жить в соответствии с себе подобными, невольно закладывая основы цивилизованных устоев. Небольшая группа в двадцать-тридцать человек могла существовать так же бесхитростно, как стая животных. А вот группа из ста или двухсот поневоле должна была организовываться. Появилась насущная потребность в законах и обычаях. Более того, человеку приходилось овладевать и определенным моральным кодексом. Примитивные всхрипы и выкрики, вполне подходившие для общения раньше, развились в более утонченный язык.

Примерно сто двадцать тысяч лет назад на Земле существовали два основных подвида людей. Одни, внешне более схожие с современным человеком, обитали преимущественно в Африке. Другие — неандертальцы — были более примитивны и обезьяноподобны, но в умственном развитии своим сородичам особо не уступали. Эти люди изобрели лук и стрелу, так что теперь охотники могли убивать добычу на расстоянии. Их женщины украшали себя красной охрой. Кроме того, они поклонялись солнцу и верили в загробную жизнь — по крайней мере, такой вывод напрашивается из того факта, что они изготавливали каменные диски, а мертвых хоронили по обряду, с возложением цветов. Более восьмидесяти тысяч лет неандертальцы преобладали на Земле числом. И вдруг неожиданно исчезли. А исчезновение их совпадает с внезапным подъемом их более «человекоподобных» собратьев, кроманьонцев. Вероятно, наши предки выжили своих соперников неандертальцев и сами приспособились жить на европейском континенте.

В сравнении с неандертальцем кроманьонец был просто сверхчеловеком. Кроманьонцы умели общаться не выкриками, а связной речью. Их жрецы — или шаманы — прибегали к чародейству, помогая охотникам завлекать в засаду добычу тем, что рисовали изображения животных на стенах пещер и совершали таинственные ритуалы. Они выработали даже определенную форму письменности, царапая на кости пометки, по которым можно было предсказывать фазы луны или чередование времен года. Они научились делать лодки и пересекать реки, а какое-то время спустя отважились пускаться и через моря. Теперь, при наличии языка, люди могли друг с другом торговать, выменивая кремни, гончарные изделия и шкуры. Они приручили животных: волка (он сделался собакой), лошадь, козу, стали разводить рогатый скот и овец. Примерно десять тысяч лет назад появилось земледелие, люди стали выращивать пшеницу и овес. И вот вскоре уже появились первые окруженные стенами города, человек вышел на новый этап своей эволюции.

— Как видишь, эти древние земледельцы стояли примерно на той же стадии развития, что и теперешние люди. Пауки сдвинули стрелку человеческой эволюции на десять тысяч лет назад.

Найл открыл глаза, не зная точно, Стиинг это произнес или кто-то другой, но старца нигде не было видно.

Юноша очнулся словно после глубокого сна. Комната, в которой он находился, казалась совершенно незнакомой. Тогда до него дошло, что солнце светит через окна на другой стороне галереи: уже далеко за полдень. Он прикинул, что лежит здесь уже часов восемь. Чувство глубокой безмятежности создавалось машиной умиротворения, снимающей всякое напряжение, скапливающееся обычно после длительных умственных усилий. Машина фокусировала ум на иллюзорной, сну подобной панораме, проплывающей перед внутренним взором.

Повинуясь какой-то внутренней подсказке, Найл поднялся, добравшись до пищевого процессора, съел тарелку супа и яблоко; закончив, с удивлением обратил внимание, что у плода совсем нет косточек. Ел Найл машинально, всем своим существом он осмысливал сейчас явившееся ему, перебирая выводы.

Через полчаса, не успев еще обсохнуть после душа (с премудростями сантехники Найл справился с бездумной заученностью сомнамбулы), он возвратился к машине умиротворения и, улегшись под балдахин, закрыл глаза.

Незаметно для себя Найл очутился среди смутно знакомого пейзажа. На этот раз ощущения, что он лежит на кушетке, не было, все будто бы происходило наяву. Найл стоял на берегу моря, глядя в сторону плавных волнообразных гор на горизонте. В отдалении обильно рос цветущий кустарник, тут и там виднелись пальмы, а из сухой земли пробивались стебли песколюба. Где-то в полумиле возвышался окруженный стенами город: строения из обожженной глины, окружающая стена — смесь обожженной глины и камня. Озирая цепь холмов, юноша внезапно догадался, что это за место. Это и есть то большое соленое озеро Теллам, и город стоит как раз на месте тех развалин, среди которых Найл убил смертоносца.

— Как ты считаешь, почему вокруг города стены? — спросил голос.

— Защищаться от диких зверей?

— Нет. От людей. Создавшие цивилизацию люди помимо прочего усвоили, что зерно и скот проще отнять у соседа, чем

выращивать самому. Вот для чего стали необходимы стены. Цивилизация и преступление зародились в одно и то же время.

Замечание это смутило Найла, показавшись каким-то несуразным. Цивилизация представлялась чем-то грандиозным, значительным, решающим шагом человека к осознанию своего величия. В сравнении с этим преступление казалось чем-то ничтожно мелким и пошлым. Почему голос звучал при этом так, будто оба эти понятия равнозначны?

— Потому что преступление — нечто более весомое, чем тебе кажется. Даже не по сути своей, а как симптом главной человеческой беды. Подумай, что значило для людей жить в городах. Теперь не требовалось каждому мужчине непременно быть охотником или земледельцем, а женщине — родительницей и хранительницей очага. Теперь вокруг хватало строителей, землепашцев, ткачей, ремесленников, жрецов. Каждый шлифовал строго определенные навыки. Ты с рождения жил в пустыне, с боем добывая каждый кусок пищи и глоток воды. Поэтому-то город Каззака показался тебе просто раем. А как те, кто прожил в нем всю жизнь? Они сами считали его раем?

— Нет.

— А почему?

— Он им уже приелся.

— Именно. То же самое коснулось и обитателей этого древнего города. Двести миллионов лет потребовалось человеку, чтобы проделать путь развития от древесной крысы, нередко находясь на грани вымирания. Он сражался с разными напастями, природными бедствиями, лишь бы выжить. А тут не успел глазом моргнуть, как ему и уют, и безопасность... и разделение труда. Но это произошло слишком быстро. Человек не смог в течение одного жизненного срока изменить привычек, въевшихся в него за миллионы лет, поэтому неизменно возвращался к своей прежней сущности охотника и воина. Вот почему шел он с войной на своих соседей. И именно тогда чувствовал, что действительно живет.

— Так получается, он разрушал все то, к чему стремился?

— Нет. Потому что нужда в уюте и безопасности у него даже сильнее, чем тяга к риску и приключениям. Человеку прежде нужна безопасность, а уже затем приключения, никак не наоборот. Кроме того, война и риск уже не утоляли его основ-

ной жажды к познанию. Именно этот глубочайший симптом пересилил тягу к риску, подвиг его изобрести мотыгу и плуг, колесо и парус...

Слов больше не надо. Снова перед Найлом медленно разворачивалась панорама истории, понятная без словесных комментариев. Он наблюдал рост первых городов в Месопотамии, Египте и Китае, воцарение деспотов-воителей, строительство каменных храмов и пирамид, открытие вначале бронзы, затем железа. Он видел взлет и падение империй: шумеры, египтяне, минойские греки, халдеи, ассирийцы. Кровь стыла и тошнота подкатывала к горлу от чудовищных злодеяний. Не укрывалось ничего: как огню и мечу предавали города, как истязали и убивали жителей. Двинулись грозные полчища ассирийских воинов, длинными копьями разящих пленных. Обезглавленные, сожженные заживо, посаженные на кол... Найл просто кипел от гнева, так что развал и исчезновение ассирийских деспотий наблюдал со злорадным удовлетворением. А когда все это схлынуло, сам убедился, что гнев и ненависть прилипчивы, как зараза.

Но всплыла картина Древней Греции, и Найл оттаял сердцем, едва увидев расцвет цивилизации древних эллинов, зарождение демократии и философии, появление театра, открытие геометрии и естествознания. И вновь обуяло неизъяснимое волнение при мысли, насколько все же преуспел человек в движении к совершенству, и проснулась гордость за то, что и он тоже из рода людей.

Хотя машина умиротворения и действовала успокаивающе, впитывание такой бездны информации истощало. Когда Найл наблюдал войну между Афинами и Спартой, картины начали подергиваться рябью, и он сам не заметил, как забылся. Проснулся лишь через несколько часов. За окнами темнота, сам он накрыт одеялом. В окне, выделяясь на фоне звезд, виднелся купол собора. Когда очнулся окончательно, утро уже было в разгаре. Слышались выкрики гребцов, торговцы шумели на рыночной площади. Наведался еще раз к пищепроцессору, но ел и пил машинально. Какая тут еда, когда не терпится узнать, что там дальше было с человечеством. И Найл снова поспешил улечься под отсвечивающий холодом тусклый экран.

На этот раз перед внутренним взором развернулась история Древнего Рима. Сменяли друг друга эпохи: период демократии,

Пунические войны, приход к власти тиранов: Мария и Суллы, Юлия Цезаря, Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Обреченно, очарованный мрачностью, он вновь наблюдал череду кровавых убийств, разврат и скотство. Рождение христианства заронило в душу надежду: учение о любви и всеобщем братстве выглядело самым отрадным и многообещающим с момента возникновения человеческой цивилизации. Но укрепление церкви под началом императора Константина поубавило оптимизма. В этих христианах терпимости к религиозным оппонентам было еще меньше, чем у язычников-римлян; нередко из-за какого-нибудь пустячного расхождения в трактовке Писания они убивали друг друга. С падением Рима под неудержимым натиском варваров Найл ощутил какую-то усталую опустошенность и взирал на все с равнодушием. Когда растаял зрительный образ, Найл, придя в себя, спросил:

— И это постоянно? Неужели вся человеческая история настолько беспросветна?

Голос внутри отвечал:

— Не совсем. В следующем тысячелетии картина довольно неприглядная, поскольку на умы людей жестоко давила церковь, убивая всякого, кто пытался мыслить по-иному. Перемены наступили примерно тогда, когда возвел купол своего собора Брунеллески.

Найл сел, устало потирая глаза.

— Все стало постепенно меняться одновременно с рядом великих войн, именуемых Крестовыми походами. Вышло так, что люди покончили с зависимостью от одного и того же места и начали бродить по свету. Это расширило их кругозор, они стали строить корабли, на которых отправлялись исследовать новые земли. Затем некто по имени Иоганн Гуттенберг изобрел книгопечатание, а еще кто-то научился выделывать грубую, толстую бумагу — количество книг стало измеряться миллионами. И вот церковь пошла на попятную, ей не хватало уже сил препятствовать вольнодумству...

Усталость у Найла внезапно прошла, он снова улегся и закрыл глаза.

— Покажи.

То, что последовало дальше, заслуживало самого пристального внимания. Найл воочию понаблюдал историю Реформации, а затем то, как астроном-любитель Коперник вывел,

что Земля вращается вокруг Солнца. Видел он изобретение телескопа и великую баталию между Галилеем и Папой Павлом Пятым вокруг того, в самом ли деле Земля — центр Вселенной. Он был свидетелем открытий сэра Исаака Ньютона и основания Королевского общества. Он с восторгом наблюдал, как все смелее подает свой голос эпоха Благоразумия, открыто не повинуясь угрозам церкви. Чувствовалось, что человечество наконец приблизилось к постижению тайны мира и своего величия. Он даже хлопал в ладоши, приветствуя падение Бастилии и казнь короля Луи Пятнадцатого,— неужто казнь нескольких тиранов во имя свободы и братства не оправдает себя?

Девятнадцатый век, казалось, оправдывает все волнующие ожидания. Похоже, на сцену вот-вот должен появиться человек нового типа, достойный плодов своего разума: железной дороги, парохода, телеграфа, электрического света. И тут вдруг, словно в отместку за чрезмерный оптимизм, открылась неприглядная панорама войн и социальных потрясений: походы Наполеона, Парижская коммуна, осада Севастополя, восстание сипаев в Индии, Гражданская война в США, франко-прусская и русско-турецкие войны; юношей снова овладела беспросветность. Просто оторопь берет, насколько тесно соседствуют в собратьях людях величие духа и мракобесие.

Он беспокойно шевельнулся, и тут голос сказал:

— Наберись терпения. Впереди еще немало интересного.

И Найл опять закрыл глаза, сплачивая все свое мужество по мере того, как разворачивалась история двадцатого века. Первая мировая война, кровавая революция в России, становление фашизма и нацизма, японская интервенция в Китае, Вторая мировая, появление атомной и водородной бомб и как следствие — неустойчивый, до зубов вооруженный мир на грани войны. Размах человеческих достижений, безусловно, восхищал: аэроплан, радио, телевидение, компьютер, первые орбитальные станции. Но теперь-то было известно, что кроется за всем этим, и Найл опасался, что людей ничего уже не изменит. Надежды оставалось все меньше, и мучила безотрадная мысль: развившись в интеллектуального гиганта, человек вместе с тем остался духовным карликом.

В ответ — голос:

— Да, действительно, временами кажется, что человечество движется к катастрофе. Но это потому, что я для схематично-

сти вынужден многое чересчур упрощать. Если бы ты мог провести здесь месяцев шесть, вникая во всякие подробности, у тебя было бы больше поводов для оптимизма. Сила приспособления у человека уникальна.

— И что, они так и жили в этом безумии, пока комета не вынудила их покинуть Землю?

— До поры до времени — да. Ядерное оружие удерживало их от развязывания мировых войн, зато все это с успехом компенсировалось сотнями войн поменьше. А преступность к той поре сделалась такой чудовищной, что люди поневоле превращали свои дома в крепости. Несмотря на все попытки как-то этому воспрепятствовать, население планеты продолжало расти. В конце концов города стали напоминать переполненные муравейники, где опасно ходить по улицам. В начале двадцать первого века у людей появилось оружие, сделавшее войну очаровательнейшей из забав, причем куда более разрушительной, чем в прежние времена.

«Жнец». По виду это оружие напоминает автомат, но испускает луч атомной энергии так, что, пустив его в ход, можно было свалить рощу или скосить целую улицу вместе с домами. Человек решительно не мог устоять перед соблазном: такая обворожительная, демоническая мощь. «Жнец» стал излюбленным оружием террористов — людей, пытающихся навязывать свою линию силой,— и у правительства, по сути, не было возможности отыскать на них управу.

А потом, в середине двадцать первого столетия, двое ученых — гениальный физиолог и гениальный психолог — создали первую машину умиротворения. Это стало одним из величайших изобретений в истории человечества. У людей неожиданно появился простой метод очищения от всей той скверны, что делает их агрессивными. В прошлом для этой цели люди одурманивали себя самыми разными ядами, пристрастие к ним многих доводило до могилы. Машина же умиротворения не порождала к себе болезненной тяги, из нее люди выходили просто посвежевшими, полными бодрости и сил. Почти полностью исчезли душевные недуги, жестокие, связанные с насилием преступления. Стали забываться и войны. Некоторое время человечество торжествовало: наконец-то покончено с величайшей из бед. А тех двоих ученых, Чатера и Такахаси, просто боготворили. Такахаси стал президентом Федерации афро-ев-

ропейских государств. Пошла на убыль и рождаемость, так что к концу две тысячи сотого года людей на Земле проживало меньше, чем в тысяча девятисотом.

Но при всем при том вскоре сделалось ясно, что главная из проблем остается нерешенной. Человек по-прежнему не овладел тайной счастья. Несмотря на низкий уровень преступности и отсутствие стрессов, люди по-прежнему маялись от странной ненаполненности жизни. Подспудно они чувствовали, что жизнь — это нечто большее, чем просто уютное, безмятежное отбытие земного срока; человеку необходимо самоутверждаться, покорять новые миры. А зная, что других таких миров в их Солнечной системе нет, они начали экспериментировать с космическими кораблями в попытке достичь звезд. Из космоса улавливались сигналы, они наталкивали на мысль, что в системе звезды под названием альфа Центавра есть разумная жизнь. Но даже оттуда свет, чтобы достичь Земли, пронизывал пространство пять лет. Пройдут века, прежде чем даже самый быстрый корабль долетит до ближайшей звезды. Предположим, что проблему можно решить, создав судно, напоминающее планету в миниатюре — с садами, реками, даже горами. Первое из таких создали в две тысячи сотом году, направив в сторону Проксимы Центавра. Через двадцать лет его нагнал первый в своем роде новый тип корабля с лазерными двигателями — их энергия позволяла разогнаться до половины скорости света. Первое судно, достигшее системы Центавра, прибыло туда в две тысячи сто тридцатом году; возникло поселение под названием Новая Земля. Однако большинство людей вскоре затосковали по родной планете, и следующие десять лет было потрачено на обратный путь.

По возвращении на Землю все пошло прежним чередом. Преступность опять поползла вверх — люди начали совершать преступления от скуки. Но по крайней мере, им теперь хватало ума сознавать суть проблемы: человек слишком быстро развился. Больше миллиона лет прошло, прежде чем он из обитателя пещер превратился в жителя городов, и лишь каких-нибудь семь тысяч (меньше трехсот поколений), чтобы из жителя городов сделаться исследователем космоса. Даже тело у него не готово к переменам. Оно приспособлено к физическому труду и испытаниям на выносливость, а не к сидению в кабинетных креслах. Все инстинкты в нем были сориентиро-

ваны на одоление трудностей, от уюта и спокойствия оно хирело. Люди даже стали мечтательно вздыхать о прошлом: в эпоху войн и корсаров жилось азартнее, рисковее. Один знаменитый биолог написал книгу, где утверждал, что человечество в конечном итоге изойдет от скуки.

И тут людям неожиданно открылось, что жизнь на Земле находится в опасности: ей угрожает радиоактивная комета. Это напоминало пробуждение от массовой спячки. Теперь у людей была единственная цель: отвести угрозу катастрофы. Вначале комету думали уничтожить или сбить с курса, но, как выяснилось, она была чересчур велика, пятьдесят тысяч миль в диаметре. Когда стало ясно, что столкновение неизбежно и произойдет это менее чем через пять лет, человечество весь свой колоссальный технический потенциал направило на строительство гигантских космических транспортов. Биологи кинулись изыскивать способ привить людям иммунитет к радиации. Для этого ставили опыты на скорпионах, способных без вреда для себя поглощать дозу во сто крат большую, чем млекопитающие. Средство вроде отыскалось, но на эксперимент отважились далеко не все. И вот в две тысячи сто семьдесят пятом году Земля обезлюдела: эвакуация. Через шесть недель комета прошла вблизи от Земли и задела ее смертоносным хвостом. Погибло девять десятых всей фауны и большинство людей, не успевших эвакуироваться.

Последние транспорты покинули пределы Солнечной системы через несколько недель. С их бортов были сделаны снимки — комета, описав петлю вокруг Солнца, удалялась в открытый космос. И тут обнаружилось нечто, сбивающее астрономов с толку. Хвост у кометы, создаваемый давлением солнечного света на легкие газы, всегда бывает направлен в сторону от светила. А вот на излете кометы Опик хвост все так же влекся следом. Большинство ученых от этого факта отмахнулись: вздор, такого быть не может. Но кое-кто все же усомнился: было ли столкновение с Землей действительно чистой случайностью, или же...

Башня и еще сорок девять ей подобных были воздвигнуты в разных частях планеты. Эту строили первой. Первоначально здесь планировалось создать музей — или капсулу времени, как это называлось,— содержащий всю совокупность человеческого знания. Она также была приспособлена к тому, чтобы

собирать информацию о происходящем на Земле со времени Великого Исхода.

— Но как можно собирать информацию, не выходя из башни?

— Из сознания людей. В конце двадцать первого века были изобретены устройства, считывающие мысли. Придумали их случайно, когда исследовались методы обучения во сне. Отслеживая, как можно подавать знание напрямую в области памяти, люди создали метод расшифровки информации, хранящейся в них.

От этих слов Найлу стало неуютно.

— Получается, ты можешь читать все, что у меня на уме?

— Нет. Я сказал «мысли», а не «ум». Мысли — лишь верхний слой твоего ума. Это как бы серии циркулирующих шифрованных сигналов, которые можно ловить, как ловят радиоволны. Мощное сканирующее устройство раскроет основное содержание твоей долгосрочной памяти. Но ему не по силам добраться до чувств и интуиции или решения твоей воли. Основную информацию из людских умов мы, кстати, считываем, когда люди спят.

— Но для чего это вам?

— Чтобы люди Новой Земли знали, что происходит на этой планете.

Сердце у Найла гулко стукнуло.

— Ты можешь с ними переговариваться?

— Вся информация, которую собирает Стигмастер, передается прямо на Новую Землю.

— Так что им уже известно обо мне?

— Пока нет. Радиоимпульс идет до них пять лет.

— Но о пауках они, должно быть, знают?

— Безусловно.

— Значит, они могут возвратиться и помочь нам их одолеть? — радостно встрепенувшись, спросил Найл.

— Нет. А зачем?

Найл даже растерялся от такого явного, граничащего с жестокостью равнодушия.

— Затем, что...— голос срывался,— они ведь тоже люди.

— Да, в самом деле. Но у них десять лет уйдет только на то, чтобы добраться до Земли, и то после того, как получат

твое послание. К чему им все эти усилия, если вы сами можете себе помочь?

Такой ответ оставлял место хоть какой-то надежде.

— Ты думаешь, нам самим по силам это сделать?

— Если нет, то вы и не заслуживаете свободы. Закон жизни гласит: выживает сильнейший. Если вам не по силам одолеть смертоносцев, значит, вы недостойны свободы, а пауки имеют право на то, чтобы и впредь властвовать над Землей.

Найл призадумался. Наконец сказал:

— Когда я сюда только пришел, ты обещал, что скажешь мне, как можно покончить с пауками. Ты сделаешь это?

— Мог бы.

— Так в чем же дело?

— Боюсь, что нельзя.

У Найла в душе все опустилось.

— Почему?

Пауза. Затем:

— Давай условимся. Если ты сам скажешь мне, почему нельзя, я попытаюсь тебе помочь.

Найл в растерянности покачал головой.

— Здесь какой-то подвох?

— Нет, просто уговор.

— Но... сколько времени ты дашь мне на обдумывание?

— Лично мне разницы нет, у меня времени немерено. Но и слишком тянуть тоже не советую, нет смысла.

— Почему?

— Потому что чем дольше ты здесь находишься, тем тебе труднее будет выбираться. Пауки все еще не знают, что ты отсутствуешь. Когда им станет известно, они быстро сообразят, где ты можешь прятаться. А едва это произойдет, их соберется возле башни целая орда, чтобы не дать тебе пройти.

— Но как они догадаются, где я нахожусь?

— Тебя же видали по пути сюда, или забыл?

Найл припомнил двоих бойцовых пауков, караулящих обиталище Смертоносца-Повелителя.

— Почему они не подняли тревогу?

— Потому что еще ничего не знают о твоем исчезновении.

Найл поймал себя на том, что смотрит в окно. Завистливую тоску вызывали жители Флоренции, с беспечным видом спешащие по своим делам.

— Ты не знаешь, как там сейчас мать и брат? — спросил юноша.

— Знаю.

— Можешь показать?

— Закрой глаза,— велел голос.

Едва сомкнув веки, Найл очутился во дворце у Каззака; от яви просто не отличить. Он сам стоял в углу покоя, где у них состоялся последний разговор с Каззаком. В помещении находились четверо: Каззак, Вайг, мать и одетая в черное стражница — та самая, что посадила Найла под замок. Последняя стояла навытяжку, недвижно уставясь перед собой. Сайрис — на лице усталая безропотность — сидела на горке подушек. Управитель стоял сейчас спиной, глядя в окно. Сидел и Вайг — вид унылый, не очень уверенный.

— Мы знаем, что он скрывается где-то в городе,— говорил Каззак.— Если хотите видеть его живым, надо срочно его разыскать, прежде чем это сделают пауки.

Вайг покачал головой:

— Понять бы, зачем он бежал...

— Я же сказал: не знаю! — раздраженно перебил Каззак.— Так глупо поступить... А ведь складывалось-то как хорошо...

Вайг:

— Он, наверное, пытается пробраться назад к детской?

Сайрис испуганно ахнула. Каззак, чутко вздрогнув, резко обернулся.

— Какого черта вы...— И осекся, увидев Найла. Глаза управителя вспыхнули от удивления и радости облегчения.

— Хвала небесам! Где ж ты, чертенок, пропадал?!

Найл попытался ответить, но голоса не было. Кошмарное ощущение: губы шевелятся, а изо рта ни звука. Картина стала таять на глазах. Открыв глаза, Найл обнаружил, что все так же стоит возле открытого окна, глядя на воды Арно. Старец стоял неподалеку, чуть заметно усмехаясь. Видение длилось лишь несколько секунд.

— Что случилось? — ошалело спросил Найл.

— Ты прервал контакт.

Голова кружилась так, что юноша невольно опустился на ближайшую кушетку. Бешено ухало сердце, по лицу струился пот. «Сейчас свалюсь»,— пронеслось в голове. Однако вскоре

тошнота прошла, взор прояснился. Выжат как лимон — с чего бы?

— Они меня заметили.

— Мать заметила. И Каззак.

— А остальные разве нет?

Все было так быстро, что он сам толком и не различил.

— Нет.

Найл окунулся лицом в ладони, стало чуточку легче.

— Что у меня с головой?

— Ты попытался заговорить и спалил всю свою внутреннюю энергию.

— Но ведь я там побывал. Они увидели меня.

— Умом, не глазами.

Через минуту-другую сердце унялось. Глотка сухая, опаленная.

— Пойду налью чего-нибудь.

Найл отправился по коридору к пишепроцессору. Понятно, ничуть не удивился, застав там Стиига, сидящего на столе. Найл наугад нажал одну из питьевых кнопок. Через полминуты из окошка раздачи выскользнул стакан холодного апельсинового сока, поверху плавали кусочки цедры. Найл с жадностью осушил стакан. Сел напротив старца.

— И что теперь будет?

— Уж теперь-то Каззак точно сделает все, чтобы тебя заполучить. Он уверен, что ты наделен сверхъестественной силой. Он не мыслит дальнейшего без тебя.

Вспомнив бледное лицо матери, юноша проникся виной. На секунду он задумался, как бы сподручнее возвратиться во дворец Каззака.

Стиг покачал головой.

— Глупо. Теперь они глаз с тебя не будут спускать.

Найл мрачно уставился в окно.

— Куда же мне деваться?

— Прежде ты должен выполнить наш с тобой уговор,— улыбнулся старец.

— Это загадку-то?

— Не загадку, просто ответ на вопрос.

Найл зарылся лицом в ладони, но ясности в мыслях не возникало.

— Ты ждешь, чтобы я сказал... почему ты не в состоянии помочь мне уничтожить пауков?

— Не совсем. Ты спрашивал, могу ли я сказать, как этого добиться. Я ответил, что нет, потому что запрещено. Но помочь тебе не отказывался.

— Но прежде хочешь, чтобы я догадался обо всем сам?

— До тебя начинает доходить,— кивнул собеседник.

Найл задумался.

— Ты не можешь мне сказать, как их одолеть, потому что...— он тщательно подбирал слова,— потому что подсказка — слишком легкий путь. Человек должен добиваться свободы сам... иначе он не оценит по достоинству, что значит быть свободным.— Он посмотрел на старца.— Это и есть ответ на загадку?

— Частично.

Найл тяжело мотнул головой: усталость по-прежнему донимала дурнотой и тяжестью.

— Больше ничего на ум не идет.

— Что ж, пока достаточно и этого.

— Значит, ты мне все-таки поможешь? — встрепенулся Найл.

— Прежде позволь еще один вопрос. А зачем тебе понадобилось уничтожить пауков?

Вопрос насторожил Найла, в нем чуялся скрытый подвох. Помедлив, сказал:

— Этот город построили люди, а пауки городов никогда не строили. Они живут в городах, оставленных людьми.

— Но зато они хозяева Земли. Это разве не доказательство, что у них есть над людьми превосходство?

— Нет. Просто у них сильнее развита воля. Но такой жизни они недостойны.

— А почему?

Найл призадумался, затем досадливо тряхнул головой.

— Не могу объяснить. Но чувствую, что это так!

— Если ты намерен одолеть пауков,— с мягкой назидательностью заметил старец,— тебе необходимо знать, почему это так.

— Ты можешь мне сказать?

— Я могу еще больше: показать. Ступай за мной.

Найл не замедлил подчиниться и пошел коридором в галерею. Он думал, что сейчас надо будет опять укладываться в ма-

шину умиротворения, но старец, не задерживаясь, прошел мимо и ступил в белый столп, Найл следом. Поднялись. Выйдя наружу, Найл обнаружил, что стоит в комнате на верхотуре башни, с видом на город. Странно было видеть его снова. Иллюзорная панорама Флоренции представлялась такой явственной, что теперь сложно было от нее отвыкнуть. Солнце клонилось к закату.

— Ложись вон туда.— Старец указал на черную кожаную кушетку.

Возле кушетки на стекле черного столика лежало устройство из скрепленных меж собой изогнутых металлических полосок, оно напоминало обрывки шляпы. Длинный провод соединял его со Стигмастером.

— Надень на голову,— велел Стиит, сопроводив слова мысленной иллюстрацией. Найл, не рассуждая, подчинился. Гладкие, упругие подушечки прилегали ко лбу и вискам.

— Устраивайся поудобнее, голову на подушку. Готов?

Найл кивнул. В местах, где подушечки касались кожи, чуть покалывало, будто иголочками. Юноша прикрыл глаза.

Он готовился увидеть какой-нибудь умозрительный образ, которому, может статься, вторит не выраженный словами поток сознания. Ощущение же оказалось сугубо физическим: покалывание, переходящее постепенно в легкое пощипывание. Все это сопровождалось приятным ощущением, как если б вдруг он отрешился от тела и плавно взмыл в небо, словно воздушный шар. Приятное пощипывание из головы оттекло к ногам. Он совершенно не ожидал такого невыразимого блаженства. Колкие искорки обрели вдруг свечение, образовавшее вокруг тела белый ореол. Свет постепенно проник в каждую пору, тело будто обрело прозрачность. Похожее удовольствие он испытывал, прижимаясь телом к Мерлью, только это было куда сильнее.

И тут даже сам свет внезапно озарился изнутри яркой, насыщенной вспышкой, сравнимой разве что с высоким звуком. Звук реял все выше и выше, свет стал ослепительным, как солнце в разгаре дня. Но все это было лишь прелюдией к тому, что почувствовалось затем секунд на пять.

До этого момента Найл воспринимал все происходящее пассивно, с молчаливой признательностью. Но настал миг, когда до него начало доходить: ощущение-то, оказывается, исходит не извне. Оно лишь отражение чего-то, происходящего внутри. Впечатление такое, будто над неведомым горизонтом его внутренней сущности восходит солнце. А затем несколько секунд его сотрясал поток необузданной первозданной силы — силы колоссальной, ошеломляющей, поднимающейся из пучин сознания. Ей сопутствовало озарение — такое, что тянуло громко, с надрывом расхохотаться, зайтись хохотом. Все — башня, Стигмастер, старец, те же пауки — показались одной большой наивной шуткой. Шуткой был и он сам, Найл, поскольку дошло: он — маска, оболочка; в сущности, просто фантом, абсурд, на самом деле его, оказывается, не существует.

Затем свет стал таять, и ощущение неизреченной силы убавилось до чувства просто удовольствия; словно мощная волна, откатившись, опустила его на берег. Вместе с тем наступившее просветление никуда не исчезло. Теперь было ясно: средоточием мощи является он сам, его внутренняя сущность.

Прекратилось покалывание в прилегающих к коже подушечках. Помещение словно преобразилось. Он взирал на него так, словно сам все здесь создал. Ничто здесь не казалось уже ни странным, ни диковинным.

Несколько секунд Найл лежал неподвижно, вслушиваясь в угасающее эхо звука, вынесшее его за пределы самого себя. Затем, глубоко вздохнув, сдвинул с головы устройство и поместил на стол. В теле — томная усталость, но сам он был абсолютно спокоен.

Старца нигде не было видно, но голос внутри грудной клетки рек: «Теперь тебе ясно».

Отказываться не было смысла. Найл впервые отчетливо понял, что голос этот принадлежит машине, запрограммированной отвечать на его собственные вопросы. Он и сам уже начал об этом догадываться, но машина предпочитала высту-

пать в человечьем обличье, и ему хотелось верить в эту наружность. Теперь же стало ясно, какова правда.

Захотелось прилечь и осмыслить все, что сейчас было ему преподано.

Основным, главенствующим фактором была сила. И просто, и очевидно — и вместе с тем вызывало растерянность. Источник силы находится внутри. К ней прибегают всякий раз, когда требуется шевельнуть рукой или смежить веки. Одновременно с тем ее хватает на то, чтобы изменить Вселенную. Почему людям так мало известно об этом внутреннем источнике силы? Почему они ее почти не используют? Теперь ответ был ясен. Прежде чем воспользоваться, ее надо вызволить... А чтобы проникнуть в такую бездну, человеку необходимо углубиться в себя и сузить сознание до точки. Таким же образом он погружается в сон: отрешается от физического мира и постепенно теряется в глубинах сознания. Получается, человек осознает эту силу редко, потому что сон, как правило, одолевает его прежде, чем удается ее достичь...

Найл насупил брови, сплачивая всю свою энергию в едином сосредоточенном усилии, и вскоре ощутил мгновенный напряженный проблеск силы. Не важно, что это было лишь слабое подобие испытанного им несколько минут назад. Главное, у него получалось его вызывать (пусть смутно) напряжением воли.

Теперь понятно, почему смертоносцы не уходят в своем развитии дальше определенной черты. Миллионы и миллионы лет своей эволюции они оставались пассивны. Это дало им уяснить один важный секрет (кстати, неизвестный людям), что сила воли — физическая сила. Человек никогда над этим не задумывался, постоянно разменяваясь на работу руками и головой, которым отводил роль безропотных исполнителей волевых решений. Затащив в тенета муху силой воли, паук понял, что никакие физические придатки для этого не нужны. И, разросшись до гигантских размеров, он «отрастил» себе и соответствующую силу воли.

Однако и это был шаг в неверном направлении. Пауки стали использовать свою силу воли так, как люди используют си-

лу мышц для удовлетворения сиюминутных телесных потребностей. Они распыляли ее наружу, на других существ. А поскольку им никогда не приходилось использовать свой мозг активно, они упустили спросить себя, что является источником этой силы. Поэтому им осталась совершенно неведомой та колоссальная мощь, что кроется в них самих. Вот почему людям суждено их превзойти. Вот почему смертоносцы догадываются, что в конечном итоге придется уступить. Вот отчего Смертоносец-Повелитель боится людей.

Найл подошел к прозрачной стене, выходящей на север. На том конце окружающей башню лужайки проспект разветвлялся и тянулся примерно на полмили по прямой. Между полуразвалившимися зданиями вдали проглядывала река. В конце длинного проспекта, судя по всему, должен быть мост.

— У тебя есть план паучьего города? — спросил Найл.

Стены комнаты моментально утратили прозрачность, и комната погрузилась в темноту. На стене словно каким-то лучом высветилась огромная карта, на которой здания были изображены так, будто их снимали строго по вертикали с воздуха. Теперь было видно, что город имеет форму круга. С севера на юг его рассекает проспект, а с юго-запада опоясывает река. Женские кварталы располагались в юго-западном секторе, а разделяющая центральная стена выходила далеко за южную оконечность города.

Гораздо больших размеров был полукруг к северу от реки. Он был помечен надписью «Квартал рабов», а нерезкие очертания показывали, что многие здания лежат в руинах. Здесь, как и в южном секторе, по центру находилась своя большая площадь, в середине которой возвышалось окаймленное лужайкой здание с куполом.

— Это что? — спросил Найл.

— Когда-то административный центр города, зал собраний. Теперь здесь прядут шелк.

— Для шаров паукам?

— Да, и не только.

— Шары делают здесь?

— Нет. Шелк отвозят в город жуков-бомбардиров, в пяти милях к югу.

— А почему не здесь?

— Потому что слуги пауков не такие искусные умельцы. Шар сделать не так-то просто, а у жуков слуги умнее и искуснее.

— Если пауки боятся людей, то почему они тогда позволяют, чтобы у жуков были разумные слуги?

— Им просто некуда деваться. На жуков не действует паучий яд, а если их рассердить, они могут дать достойный отпор.

— А зачем жукам сообразительные слуги?

— Потому что жуки, в отличие от пауков, восхищаются человеческими достижениями. Еще их приводит в восторг человеческое умение разрушать. Получили, стало быть, эволюционное наследие. Жуки извечно защищались своими выхлопами, так что, по их разумению, во взрыве — красота. Основная работа у тех слуг — устраивать фейерверки, да помощнее. А для этого требуется очень даже смекалистая голова.

— Жуки, наверно, доставляют паукам много хлопот?

— Да, было такое время, пока и те и другие не пришли к соглашению. Теперь у них налажена система обмена рабами. Сообразительные слуги жуков меняются на привлекательных женщин паучьего города.

— А самих слуг жуков это не задевает — видеть, как собратьев отдают в рабство?

— Нет. Им нравится, что у них появляются красивые женщины. Кроме того, слуги жуков считают это завидной участью, их же используют для производства потомства.

Найл долгое время изучал план.

— Где бы мне надежнее всего спрятаться?

— Где угодно в квартале рабов. Там никто не спросит, откуда ты.

— А там что, нет пауков?

— Полным-полно. Но они почти не отличают людей друг от друга. Надо лишь соблюдать разумную осторожность.

Внезапно Найл почувствовал нелегкое смятение. В башне было уютно, совершенно безопасно. А теперь бередила тоска: безмятежности и уюту пришел конец, вновь предстоит ввергнуться в пучину неведомых опасностей. Даже светоч полученного за эти два дня знания несколько потускнел. На секунду душу замутила тоска сродни отчаянию.

Стигмастер, похоже, не придал никакого значения переживаниям Найла.

— Прежде чем отправишься,— произнес голос,— надо бы в деталях запомнить план города.

— На это уйдет много времени.— Найл пытался скрыть нарождающуюся усталость.

— Не так много, как кажется. Загляни в шкафчик возле Стигмастера.

Найл открыл дверцу небольшого металлического шкафчика и неожиданно обнаружил напротив свое лицо. На задней стенке шкафчика висело зеркало. Посмотрев себе прямо в глаза, Найл заметил во взгляде тоску и неуверенность. Над зеркалом на аккуратном золоченом крючке висела тоненькая золотая цепочка, а на ней маленький зеркальный диск с ноготь величиной.

— Возьми это и повесь на шею,— велел голос.— Этот медальон — ментальный рефлектор, отражатель мысли.

Найл снял медальон с крючка и дотошно рассмотрел. Диск был чуть выпуклый, темно-золотистого цвета. При более внимательном взгляде стало заметно, что это не круг, а, скорее, овал с округлыми краями. Поверхность у зеркала была какой-то матовой; искаженное, с золотистым налетом лицо Найла отражалось как сквозь облачко тумана.

Когда он вешал медальон на шею, голос заметил:

— Нет, не так, надо обратной стороной.

Найл надел медальон как надо. Выпуклая поверхность плотно уместилась в ложбинку на груди чуть выше солнечного сплетения. Тут Найла неожиданно качнуло, даже сердце замерло на секунду. Глаза еще раз повстречались с отражением — неуверенности в глазах больше не было.

Голос:

— Отражатель мысли довела до совершенства одна древняя цивилизация, ацтеки; их жрецы использовали его во время медитаций перед человеческим жертвоприношением. Эта тайна повторно была открыта исследователями-парапсихологами в конце двадцатого века. Зеркало способно координировать мыслительные вибрации мозга, сердца и солнечного сплетения. Теперь постарайся запомнить план города.

Найл внимательно вгляделся в план. Удивительно, охватить его всего целиком оказалось почему-то вполне по силам. Зеркальный медальон на груди словно умножал, усиливал сосредоточенность. Еще пять минут назад план казался чрезмерно

запутанным и сложным; теперь мозг впитывал его с внезапной жадностью, как желудок еду. Минуты не прошло, как Найл уже затвердил его наизусть.

— Что такое крепость? — осведомился он.

— Здесь располагаются главные казармы города. Казармы — помещения, где живет воинский контингент.

— А арсенал что такое?

— Место, где складывают оружие.

Найл указал на план.

— Мост охраняется?

— Да. На прошлой неделе там поймали одну из служительниц — пыталась пробраться в детскую повидать своего младенца. Теперь подступы с обеих сторон охраняются бойцовыми пауками.

— Что сделали со служительницей?

— Принародно казнили и съели.

— Есть еще где-нибудь место, где можно переправиться через реку?

— Как ни выгадывай, а лучше моста места нет. Здесь у реки наименьшая глубина.

— Когда удобнее всего попытаться это сделать?

— На рассвете, когда меняется стража.

Найл опять изучающе вгляделся в план. Нечего и думать о том, чтоб подобраться к мосту по главному проспекту,— равносильно самоубийству. А вот вдоль набережной на расстоянии примерно полумили друг от друга к реке спускались ступени каменных лестниц. Если б как-нибудь проникнуть к реке возле разделяющей город стены, можно было бы пройти к мосту по кромке берега.

— Где можно укрыться в квартале рабов?

— Многие здания уже не имеют верхних этажей. Обычно там пауки не распускают тенета. Вот в таком месте будет всего безопаснее.

Неожиданно у Найла заломило в висках. Помассировал виски и лоб, ломота унялась.

— Это из-за медальона. Ты к нему еще не привык, поэтому если внимание не уравновешено, то возникают головные боли. В таких случаях всегда поворачивай его тыльной стороной.

Найл повернул медальон зеркальцем наружу. Едва он это сделал, как напряжение исчезло, сменившись непривычной опустошенностью. В голове гулко шумело. Найл лег на кушетку и закрыл глаза. Тело начала окутывать приятная дремота.

— Не советую засыпать сейчас,— заметил голос,— Смертоносец-Повелитель только что послал к Каззаку нарочного привести тебя к нему. Когда управитель признается, что ты исчез, все пауки в городе поднимутся на розыски.

Найл (куда усталость делась) моментально сел. В кровь опять просочился едкий страх — не сразу и уймешь.

Совладав с голосом, Найл спросил:

— Что будет Каззаку?

— Ничего. Смертоносец-Повелитель — реалист. Но уходить тебе надо немедленно.

— Иду.— Внутренне сосредоточась, он подавил-таки страх. Окрепла решительность.— Я смогу поддерживать с тобой связь?

— Да. Через раздвижную антенну. Она настроена на ментальную цепь Стигмастера. Но пользуйся ею по возможности реже. Многие пауки способны улавливать ее импульсы, поэтому, пуская ее в ход, ты всякий раз рискуешь быть обнаруженным.

Возле белого столпа неожиданно возник старец.

— Прежде чем отправиться, надо подкрепиться. Ночь впереди долгая.

— Есть не хочу.

Аппетит у Найла пропал.

— Тогда возьми еду с собой. Ты также должен переодеться в одежду раба. Пойдем со мной. Времени уже в обрез.

Найл ступил в столп. На этот раз порхающая легкость при спуске была неприятной, от нее лишь явственнее чувствовалась нервная взвинченность.

Они оказались в помещении с плавно изогнутыми белыми стенами. На одном из табуретов (это его Найл принял тогда за поросший водорослями прибрежный камень) лежала раздвижная трубка и посконная грязно-серая рубаха раба. Натянув ее поверх одежды, Найл брезгливо сморщился: от дерюги несло застоявшимся потом.

В отличие от его одежд рубаха раба имела карманы, причем в каждом из них что-то лежало. Найл сунул руки в оба. В од-

ном оказалась небольшая деревянная коробочка, в другом — легонький цилиндрик, сантиметров десять в длину и пару сантиметров в диаметре. Под слоем ваты в коробочке лежало несколько крохотных коричневых таблеток.

— Это пищевые таблетки,— пояснил старец,— из тех, что использовались для жизнеобеспечения космонавтов во время длительных экспедиций.

— А это?

— Легкий костюм, тоже для использования в космосе. Нажми с торца.

Утопив конец цилиндрика большим пальцем, Найл увидел, как тот, удлинившись против прежнего вдвое, начинает разворачиваться. Постепенно стал угадываться мешковатый комбинезон металлического цвета; размер такой, что запросто вместит двоих Найлов.

— А надо ли? — с сомнением спросил Найл.

— Возьми, потом спасибо скажешь. Когда надавишь на кнопку, он опять свернется.

Найл с веселым любопытством наблюдал, как костюм снова превращается в аккуратную серую трубочку, дивясь тому, что делается это совершенно бесшумно, даже, вопреки ожиданию, без шороха.

— А теперь иди, иначе все эти приготовления — пустой звук.

Старец исчез. Найлу было не по себе от такой поспешности, но это лишь яснее свидетельствовало о неотложности дела.

Едва подняв металлическую трубку, он ощутил в пальцах покалывание. Вытянул руку и коснулся трубкой стены. Слабость в ногах, внезапное головокружение. Шаг вперед, и он снова будто сорвался в водопад. Невыносимо замутило; миг — и сознание опять прояснилось. Найл стоял на лужайке перед башней.

Часть третья

КРЕПОСТЬ

От хлесткого порыва холодного ветра в голове прояснилось. Мгла была почти непроницаемой, но вот из-за стремглав несущихся туч проглянула луна. Ничего, все нормально, вот уже и полегчало. Трава под ногами была сырой и скользкой; очевидно, прошел затяжной дождь. Найл двинулся осторожно, чтобы не поскользнуться.

Он опирался на металлическую антенну как на посох. Через минуту-другую под ногами ощутилось мокрое покрытие. В тучах снова наметилась прогалина, и луна скудно осветила идущий на север, к мосту, проспект. Найл повернул налево и тронулся в направлении женского квартала.

Когда он огибал дальнюю оконечность площади, ветер дул такой, что приходилось идти, опустив голову, превозмогая встречный напор. Но когда он выбрал подветренную сторону, двигаться стало легче. Судя по карте, эта часть города была пустой, своего рода нейтральная территория между южной частью и кварталом рабов. Хоронясь от ветра, от которого клацали зубы, Найл приостановился в проеме подъезда и выждал, пока появится луна. Дождавшись, он оглядел площадь. Сердце опасливо сжалось. В призрачном свете башня белела, словно залитая изнутри собственным светом. А вокруг основания различалось грузное шевеление приземистых тварей, ясно распознаваемое на светлом фоне башни. На секунду подумалось, что это тени от облаков, но вот луна, выплыв в свободную от

них темно-синюю прогалину, засияла ярче, и тогда стало ясно, что это живые существа.

Одновременно с тем, как свет померк, стало казаться, что тени ползут по траве в его сторону. Первой мыслью, полуосознанной, было стремление бежать, но Найл тотчас же понял, что это будет ошибкой. Самоконтроль тут же сработал на то, что он вообще перестанет владеть собой. Следующим порывом было укрыться в ближайшем здании. Но он отверг и это: рано или поздно каждое здание в городе будет прочесано. Пауки обладают бесконечным терпением и действуют с неторопливой дотошностью. Укрытие вскоре превратится в западню. Самым правильным будет не сбавлять хода в надежде, что мгла и ветер замедлят облаву.

Найл двинулся на запад, в сторону женского квартала, с каждым перекрестком сворачивая на север, чтобы еще приблизиться к реке. В этих узких рукотворных каньонах темень стояла такая, что приходилось пробираться подобно слепому, выставив перед собой трубку-посох, а другой рукой хвататься за уличные ограждения и стены.

Тротуары были неровные, все в выщербинах. На одном из углов (именно углов, поскольку ветер задувал разом с двух сторон) Найл запнулся о поребрик и угодил ногой в нишу водостока. Посох со звоном вылетел из рук. Упав на четвереньки, Найл принялся лихорадочно шарить вокруг, борясь с нарастающим страхом.

Мысль, что трубка утеряна, наполняла мозг отчаянием. Тут вспомнилось о зеркальном медальоне. Найл залез себе под рубаху и повернул его нужной стороной к груди, сам сел в стенающей темноте. Сосредоточился. На секунду где-то в затылке остро кольнуло, затем тело наполнилось ровной силой и спокойной уверенностью. Он поднялся и, растопырив пальцы невысоко над землей, пошел — медленно-премедленно. Покалывание в кончиках пальцев правой руки дало знать, где искать пропажу. Теперь, в сравнительно спокойном состоянии, он мог уловить некое подобие сигнала, исходящее от металлического прута. Через секунду удалось отыскать, где именно в нише водостока он лежит. Медальон Найл снова отвернул от груди, чувствуя, как такая сосредоточенность высасывает его энергию.

Когда луна выявилась снова, Найл обнаружил, что до широкого проспекта уже рукой подать. План он помнил хорошо: река должна находиться в двух кварталах к северу. Задержавшись в подъезде, он внимательно оглядел проспект — не видно ли там движущихся теней; похоже, никого. Сверху тяжело полоскались на ветру большие тенета, но паук в такой ветер наверняка забился, съежившись, куда-нибудь подальше в щель. Найл заспешил вверх по проспекту. Глаза постепенно свыкались с темнотой, и он мог двигаться проворнее. Лицо и голые руки немели от стылого ветра. Но это даже хорошо, что холод: паукам он не приятнее, чем ему.

До реки оставался еще квартал, когда Найл остановился передохнуть на углу улицы. Сверху луну затянуло огромной тучей; минут десять пройдет, не меньше, прежде чем она схлынет. Не надо бы выходить на набережную в полной темноте; если пауки охраняют мост, то, вероятно, могут нести дозор и вдоль реки.

Он сидел на тротуаре, прислонясь спиной к ограждению подвала. Что-то сзади скрипнуло; оказалось, он прислонился к двери. Мысль о том, что можно укрыться от ветра, пусть хоть на несколько минут, показалась соблазнительной. Найл открыл дверь, и та отозвалась протяжным пением проржавевших шарниров. Елозя на коленях, парень нащупал истертые каменные ступени, скользкие от дождя. Он стал осмотрительно спускаться, пока не достиг подобия подвала, расположенного ниже уровня улицы. Стоял неприятный запах, как от гниющей растительности, но ветра, по крайней мере, не чувствовалось. Теперь, когда острый холод не обдавал кожу, ощущалась даже некая видимость тепла. Найл, дрожа, сидел, сцепив руки на коленях, а сам удивлялся, с чего это запах гнилых овощей все усиливается.

Что-то вкрадчиво коснулось руки, юноша опасливо вздрогнул. Первым делом мелькнуло, что сейчас в неприкрытую кожу вопьются готовые впрыснуть яд паучьи клыки; Найл буквально окаменел. Однако нет, что-то размякше-нежное украдкой подбиралось к плечу и одновременно обволакивало левую голень. Найл вскочил на ноги уже тогда, когда что-то холодное и скользкое смыкалось вокруг лодыжки, от смрада перехватило дыхание. Рывком высвободив ногу, Найл почувствовал, как

это же самое — пакостное, скользкое — пробирается вверх по руке. Попытался отшатнуться — оно сомкнулось вокруг предплечья, притягивая к ограждению.

Несмотря на страх и тошнотворный смрад, утешало хотя бы то, что это не паук. Эти холодные, влажные щупальца продвигались медленно, но верно; вот одно уже проникло между ног и обвивалось вокруг правого колена. Когда наклонился, рука влезла во что-то холодное, рыхлое и осклизлое, сжал — словно слякоть засочилась меж пальцев. Какой-нибудь холоднокровный червь, не иначе.

Еще один червеобразный отросток попытался вытянуть из правой руки металлическую трубку. Найл, стиснув ее в ладони, ударил между столбиками ограждения — трубка врезалась во что-то мягкое. Он ударил со всей силы еще и еще, и всякий раз удар приходился в точку. Однако, несмотря ни на что, щупальца продолжали ползти, обвивая тело с дремотно-неспешной целеустремленностью.

Когда это — холодное — коснулось лица, отвращение превратилось в пламенеющий гнев. Найл снова схватился за конец трубки и со всего размаха ударил ею между столбиками ограждения. Мозг словно оплавила вспышка слепой ярости. Чувствовалось, как сила эта, накаляясь, течет через мышцы руки и отдает в трубку. Стиснув зубы, Найл схватился сильнее и опять почувствовал, что будто разряд сбегает по руке вниз. Хватка щупалец внезапно ослабла. Найл тяжело откинулся спиной на стену, затем, отпихнувшись плечами, кое-как поднялся по ступеням и выбрался на улицу. Давясь и сдерживая судорожные позывы к рвоте, он шаткой поступью побрел через дорогу, затем, чуть придя в себя, побежал. Лицо освежал холодный ветер, желанный, словно ласка.

Когда пробежал с десяток футов, самообладание восстановилось. Найл укрылся в подъезде и там стоял с закрытыми глазами, унимая колотящееся сердце. Кожа в местах, где прижвлялись к телу присоски, горела. В конце концов, чтобы как-то вновь сосредоточиться, он опять повернул медальон на груди. Вновь, как тогда, остро кольнуло, и следом возникло отрадное чувство владения собственным умом и телом.

Если пауки подступают к реке, время терять нельзя. Осторожно подобравшись к набережной, Найл дождался, пока по-

явится луна. Когда она вышла из-за туч, оказалось, что арка моста находится удивительно близко, а на ведущей к нему дороге ни души. Выждав, когда луна скроется за очередной тучей, Найл пересек дорогу. Параллельно набережной тянулась невысокая, высотой метра два, каменная стена. Он ощупью тронулся вдоль нее, пока не дошел до проема. Раздвижная трубка, служащая сейчас ему как посох слепому, выявила неброскую нишу, от которой вниз спускалась лестница. Найл присел на корточках за стеной, покуда процедившийся на волю лунный свет не озарил ступени (к счастью, никто их не сторожил), и спустился по лестнице к идущей вдоль реки тропке. Тут стало ясно: надо спешить. Если мост охраняется, внезапный высвет луны тотчас его выдаст. Найл заспешил вперед и шел не останавливаясь, пока в небесной прогалине не появилась луна. Тогда он остановился и прижался к стене. Едва темнота возвратилась, двинулся дальше. Пробираясь таким образом, к мосту он приблизился через полчаса с небольшим. Не дойдя футов двадцати, Найл укрылся за удобным выступом колонны-опоры и выждал, пока достаточно долгий промежуток света не позволит разглядеть все как следует. Пауков-стражников нигде не было видно, но по обе стороны моста виднелись квадратные будки, которые вполне могли служить караульными помещениями. Собравшись было с духом оставить укрытие, он вдруг замер, повинуясь какому-то инстинкту. Долго дожидался, пока высветит. Вот снова появились на воде серебристые блики, осветился четырехугольник ближней будки. Стало видно квадратное окошко, выходящее как раз в его сторону. А приглядевшись, Найл различил, как в окне что-то шевельнулось. Через секунду там уже ничего не было. Но Найл уяснил то, что хотел: у паучьей стражи хороший обзор. Видно и реку, и проспект, ведущий к Белой башне.

Ветер с реки был таким холодным, что уже занемели и руки, и ноги. Еще посидеть вот так без движения, так уж, наверное, и с места не сдвинуться. Потому, когда луну затенила туча покрупнее, Найл сломя голову бросился бежать, пока не очутился под сенью моста. Там, укрывшись в темноте, он наконец смог сесть и прислониться к стене, утонув спиной в неглубокой нише (хоть какое-то укрытие от ветра) и подтянув колени к груди в попытке удержать остаток тепла.

Теперь наконец можно было сложить металлическую трубку и запихать ее в карман серой дерюжной рубахи. Сунув в карман руку, Найл ощутил там цилиндрик, содержащий мешковатую металлическую одежду, и с теплой благодарностью подумал о Стигмастере. Какая ни на есть, а все зашита от ветра. Осторожным движением он извлек цилиндрик и утопил его торец большим пальцем. Едва тот стал разворачиваться, как в полость одежды влетел ветер и резко рванул ее из рук, при этом она гулко хлопнула. Найл проворно подмял ее под себя и сел сверху. Следующие десять минут он на ощупь возился в темноте, расправляя комбинезон на земле и прижимая цепенеющими ступнями. Непослушные пальцы пытались аккуратнее разгладить ткань. В конце концов отыскался замок-молния, и Найл понял, как с ним обращаться (устройство обучения во сне закачало в память многие полезные сведения, хотя и отрывочные). Он расстегнул одежду спереди до пояса, затем сунул в нее ноги. Через несколько секунд руки облег необычайно тонкий материал, замок-молния затянулся под самый подбородок. Эффект просто изумительный. Чувствовалось, что ветер ничуть не ослабил напора, однако холод совершенно не проникал — все равно что натянуть одежду из толстого меха. Теперь неприкрытыми оставались только ладони, ступни и голова. Длина у рукавов и штанин оказалась достаточной, удалось втянуть и руки и ноги. Сзади под воротником находилось какое-то плотное утолщение — оказалось, туго свернутый капюшон. Когда пальцы приноровились его развернуть, выяснилось, что им можно полностью закрыть голову, а если потянуть за тесемку, то оказалось, ткань собирается складками так, что открытыми остаются лишь глаза и кончик носа. И это еще не все. Такие же примерно утолщения имелись возле запястий и щиколоток, однако Найл решил дальнейшее разбирательство оставить до рассвета. Проще было прятаться от ветра, зажав концы рукавов пальцами, а на штанины наступив ногами.

Снова отвернув медальон от груди, Найл изумился внезапной волне утомления, перешедшей в мягкую, томную расслабленность, окутавшую тело словно ватой. Даже холод стены не проникал через невесомо тонкий материал. На комбинезон чуть слышно упали несколько капель воды — дождь идет, понял Найл. Когда луна появилась снова, стало видно, как над темной, ед-

ва подвижной гладью воды ровно и монотонно сеется дождь. Но эту картину смеживающиеся веки различали лишь считаные секунды. Глаза закрылись сами собой, теплота сознания слилась с темнотой, растворилась в ней.

Когда Найл проснулся, небо над восточной частью реки уже просветлело. Шея онемела — попробуй посиди в одной позе, прижавшись щекой к стене. Хорошо, что ниша неглубокая и голова не завалилась набок. Несмотря на неуклюжую позу, Найл чувствовал себя неплохо отдохнувшим. Единственно, правая нога что-то затекла, да и кожа горит в тех местах, где присасывались мелкие щупальца.

В животе урчало от голода. Теперь Найл жалел, что не поел впрок. И тут вспомнил о коричневых таблетках. Расстегнул комбинезон (холодный ветер тут как тут, полоснул) и вынул из кармана коробочку. Таблетки до смешного крохотные, Найл думал кинуть в рот пригоршню. Взял одну, положил на язык. У таблетки был приятный кисленький вкус. Она растворилась почти сразу, стоило чуть пососать — во рту от нее сделалось тепло. Когда сглотнул, тепло стало еще ощутимее и потекло вниз словно жидкий огонь. Через несколько секунд дошло до желудка. Голод внезапно истаял, сменившись ощутимо плотным, сытым теплом, будто Найл только что заправски пообедал. Хорошо, что не поддался соблазну заглотить сразу несколько; съешь еще хоть одну, непременно полезло бы обратно.

Теперь пора было оглядеться. Первым делом Найл стащил с себя металлическую одежду, дрожа от задувающего вверх по реке холодного рассветного ветра. Комбинезон он заботливо расстелил на земле, затем сложил вдоль. Прикоснулся к кнопке, тот свернулся в металлическую трубочку — жесткую, не согнешь. Трубочку сунул в карман серой рубахи.

Потом он осторожно подобрался к западной оконечности моста и глянул наверх. Отсюда виднелась прямоугольная будка. Однако разобрать, что происходит там, в окошке, можно было, лишь выйдя из-под моста. Но выходить на открытое место он не рискнул: опасно.

На этой стороне моста будка была одна. Найл обнаружил ведущую вверх лестницу, выше начиналась улица. Он стал устало взбираться, то и дело останавливаясь на полминуты. Когда голова оказалась чуть выше верхней ступени, открылся

из конца в конец обзор поврежденного моста. Караульная представляла собой небольшой, с проемом для двери бокс, где единственным убранством была каменная скамья; в пору, когда город заселяли люди, будка, очевидно, служила пешеходам укрытием от дождя. Узловатым мешком привалился к стене бойцовый паук, замерев так, что Найл не сразу заметил его присутствие. Не отрывая от существа взгляда, Найл вызвал в себе чувство глубокого спокойствия: свое присутствие он мог выдать движением скорее ума, чем тела. Он намеренно уподобился своей неподвижностью пауку, не обращая внимания на холодный ветер, кусающий руки и ноги.

Через полчаса над восточным краем неба завиднелось солнце, его тепло показалось восхитительной лаской. Облегченно, с удовлетворением вздохнув, Найл испытал ошеломляющую благостность просто от того, что жив. Она сопровождалась любопытным ощущением, будто что-то внутри, сжавшись, сократилось до точки. В эту секунду наслаждение стало поистине непереносимым, Найл прикрыл глаза, чтобы его не смыло этим чувством словно волной.

Одновременно с ним интенсивность ощущения ослабла, оставив Найла в состоянии глубокого спокойствия. Такого с ним, пожалуй, еще не бывало. Как раз в эту секунду неожиданно стал внятен мыслительный процесс, очаг которого находился через дорогу. Сознание бойцового паука было таким же бестрепетно спокойным, как огонек свечи в тихую ночь. Человек, стоя в насквозь продуваемой будке, испытывал бы тоску и нетерпение. Бойцовый паук такие чувства счел бы за своего рода сумасшествие. Он знал, что нужно терпеливо дожидаться, пока придет смена, и какому-либо нетерпению здесь места нет. Тепло солнца наполняло существо дремотным благоговением, однако это никак не относилось к таящейся в восьмилапом теле цепкой бдительности. К своему удивлению, Найл обнаружил, что не испытывает к пауку ни вражды, ни боязни, лишь дружелюбную симпатию с сильным оттенком восторженности.

Тепло приятно пощипывало голые плечи и колени. Вновь словно чуткая волна подхватила и повлекла в бездонный омут умиротворения. Отчего-то начало казаться, что вдруг в сотню раз обострился слух и стал слышен какой-то прозрачный шеп-

чущий звук. На миг это смутило, затем Найл распознал его источник. Звук исходил из большого вяза, растущего у берега реки метрах в пятнадцати отсюда. Найл с изумлением понял, что вяз жив. Жив не в примитивном смысле дающего побеги ствола, покрытого шапкой листвы, но как одушевленное, из плоти и крови существо. Дерево колыхалось в приветствии солнцу и сочилось кроткой радостью, совершенно человеческой по своей окраске. Каждый листик на дереве трепетал от удовольствия, впитывая золотистый свет совсем как дети, наперебой галдящие от радости.

Теперь, расслышав «голос» дерева, он начал осознавать и более глубокое, приглушенное биение жизни. До него не сразу дошло, что исходит оно из самой земли, из-под ног. Чтобы усугубить внутреннее спокойствие, пришлось дополнительно напрячь ум.

Углубившись в себя, Найл ощутил, как неторопливо расходятся концентрические волны энергии — так круги расплываются по поверхности пруда от камешка, брошенного в воду ребенком. Дерево получало эту энергию и в свою очередь отдавало собственный импульс. Найл вдруг понял, почему город окружен зелеными холмами и лесами. Они фокусируют волны, истекающие из земли, и откликаются встречным потоком жизненной силы. Как результат этот город из бетона и стали оказывается облачен аурой живой энергии. Теперь можно понять, почему бойцовый паук может так терпеливо, час за часом дожидаться. Дело, оказывается, обстоит не так, что пауки рождаются, уже заведомо наделенные даром терпения; просто они сознают себя частью этого циркулирующего хитросплетения жизненной пульсации.

Что поражало, так это сама интенсивность жизненного пульса. Теперь, когда Найл сознавал его, он напоминал ему ритмичные перемежающиеся порывы швыряемого ветром ливня; как тогда, во время шторма, завеса дождя вкось хлестала по ладье, налетая взрывными порывами. Однако в отличие от ветра, который хлестал то впопад, то невпопад, в зависимости от хода ладьи по волнам, это жизненное биение производило впечатление цельности и было слитным, словно порождалось неким единым разумным центром. Найл на секунду даже подумал, уж не является ли ее источником сам Смертоносец-Повелитель.

В эту секунду Найл уловил перемену в сознании бойцового паука. С чувством, напоминающим пробуждение от глубокого сна, тот возвращался в свое обычное умственное состояние. Чувствуя, что его скоро сменят, паук включился в активную фазу. Любопытно, что караульный все еще находился внутри будки, так что смена была вне его поля зрения; тем не менее он, не выходя наружу, сознавал другого паука, идущего сейчас по проспекту к Белой башне. Углубившись еще раз, Найл уяснил, в чем здесь суть. Смена, приближаясь, пробуждала в общей пульсации дополнительные импульсы помельче, внося разрозненность в целостный ритм.

Теперь терять время было нельзя. Уже окончательно рассвело, и дальше медлить опасно. Найл неслышно спустился по лестнице, оттуда под мост. Вода начиналась в паре метров ниже тропки, где он провел ночь. В реку полого спускался глинистый берег шириной локтей шесть. Найл скинул сандалии — те, что принес из Диры,— и засунул их в карманы безразмерной рубахи. Затем спустился по каменному откосу, а оттуда прямо на глину. Она была жесткой, ступни практически не оставляли следов. Спустя секунду он медленно спустился в воду.

Здесь была уже не глина, а слякоть, вязкая, неприятно скользкая. Найл, непривычный ходить вброд, тревожно застыл. Ступни с каждым шагом всасывались в слякоть чуть ли не по колено. Какое-то небольшое существо юркнуло под ногами, сердце испуганно екнуло. Найл остановился, унимая биение сердца. До него дошло — и как раньше-то не подумал! — что наступил уже белый день и его кто угодно может увидеть с берега, а чем дольше перебираться вброд, тем вернее обнаружат. На миг появился соблазн возвратиться и, пока стемнеет, переждать в этой нише под мостом.

Но понял, что это еще опаснее: с того берега все будет великолепно просматриваться. И он неуклюже брел до тех пор, пока вода не дошла до подмышек. Течение здесь оказалось сильнее, чем Найл предполагал. Пришлось наклониться, чтобы удержать равновесие. Неожиданно дно исчезло из-под ног, и Найла понесло по течению. Первым порывом было шагнуть назад, но он понял, что это бесполезно, проще толкаться вперед. Лавируя, чтобы держаться вертикально, он преодолел еще

пару метров и тогда почувствовал, что тонет. Когда вода затекла в рот и в нос, Найла на мгновение пробил неодолимый ужас. Ужас охватил при мысли, что течение вынесет из-под спасительного моста-укрытия и он окажется как на ладони.

Неведомо как Найл продвинулся еще на несколько метров. И наконец снова ощутил под ногами скользкую глину. С минуту постоял, унимая страх. Едва отдышавшись, вновь рывком устремился в сторону берега. Через несколько секунд он уже опять шел по жесткой, слежавшейся глине покатого берега. При этом отдавал себе отчет, что схватку со страхом все-таки проиграл.

Найл не поддался соблазну остановиться и отдышаться, облокотясь о каменный парапет. Вместо этого он поднялся по скату и направился прямо к лестнице сбоку от моста. Уже одолев первые полдесятка ступеней, Найл в один страшный миг понял: все, поздно... Наверху уже поджидал бойцовый, клыки готовно выпущены наружу. Огромные черные глаза бесстрастно смотрели на Найла.

Юноша инстинктивно попятился, но получил такой удар, что в глазах потемнело. Успела мелькнуть мысль, что не мешало бы укрыться в воде, уж туда-то за ним не полезут. Но не успел достичь и парапета, как вспахал землю юзом: молниеносный стражник был тут как тут. Увязнув локтями и коленями, Найл не мог толком пошевелиться. Когда паук всем своим весом навалился на спину, время будто замедлило бег. Впечатление такое, будто гнешься в замедленном темпе, со стороны отчужденно взирая на страдания собственной оболочки. Затем лицо Найла вжалось в серый грунт, мир вокруг растворялся, тускнел.

Очнулся он после кошмара и понял, что лежит на спине. Солнечный свет слепил глаза. Вспомнив о пауке, он вскинул руку защитить горло — и тут обнаружил, что рядом никого нет. Поднял голову, не сомневаясь, что паук наблюдает с парапета,— ни души. Одолевая накатившую тошноту, он с трудом поднялся на колени, затем встал на ноги. Чтобы дотащиться до каменной опоры, понадобилось неимоверное усилие. С трудом сдерживая рвоту, он ползком подобрался к стене и, бездыханный, привалился к ней спиной.

И вот тут вспомнилось о медальоне. Сунув руку под рубаху, Найл повернул его. Эффект сказался незамедлительно: своеобразное ощущение целительной сосредоточенности, словно тело вспоминает о чем-то. К этому времени Найл достаточно уже приноровился к действию медальона и подстраиваться научился довольно быстро. Вначале сердце сжалось от чувства, похожего на страх. Вместе с тем начало возвращаться самообладание, в душе затеплилось чувство радости, подспудной силы. Это чувство живительным огнем проникло по жилам в кровь, где смешалось с другим воплощением энергоотдачи. Тут сам мозг словно объединил два этих воплощения, сплавив их в однородную упругую сферу. В усталом состоянии добиться этого труднее, обычно при этом возникает ломота в глазах. Точно так и случилось. Затем мозг — не именно то, что в голове, а нечто большее, мощное — пересилил усталость, и головная боль исчезла. А ощущение теперь было такое, будто три кипящих луча энергии — из сердца, головы и внутренних органов — сошлись в глазке медальона воедино и тот отразил их, удвоив интенсивность. В этот преходящий миг озарения до Найла дошло, что в медальоне нет надобности; он просто механический заменитель самосознания.

Теперь, вызволив силу и жизнестойкость из потаенных недр сознания, Найл пытался понять, что же все-таки произошло. Почему он до сих пор жив? Наверное, потому, что Смертоносец-Повелитель распорядился схватить его живым. Тогда где же пленитель? Пошел за другим караульщиком? Хотя до Найла сразу дошло, насколько глупо такое объяснение. Связать его по рукам и ногам и унести на спине — что может быть легче?

Найл встал и прикоснулся к шее ниже затылка. Чувствовались ушибы, но главное, не было следа колотых ран. Затеплилась надежда. По какой-то невообразимой причине бойцовый паук не тронул Найла. Быть может, вмешался Стигмастер?

Найл вновь осторожно поднялся по лестнице, на этот раз до уровня улицы. На камне еще не успели просохнуть следы его прежней попытки: видно, в бесчувствии он пролежал совсем недолго. Подняв голову, Найл пристально посмотрел на мост. Пусто. Пусты были и улицы квартала рабов. Найл стал примеряться, как бы ловчее перебежать к ближайшему зданию, но тут бросилась в глаза запекшаяся на руке грязь, и он ре-

шил чуть задержаться. После недавнего происшествия Найл готов был шарахаться от любого угла. С минуту он постоял, зорко оглядываясь, не шевелится ли что подозрительное на улице или набережной. Убедившись, что они пусты, Найл поспешил обратно к реке. Зайдя по колено в воду, он смыл грязь с рук, ног и лица. А когда шел обратно к берегу, в голове проклюнулась показавшаяся несуразной догадка. Он стал осматривать следы, оставшиеся на том месте, где он слетел со ската. Четко различались вмятины, оставленные при падении коленями и локтями. На сравнительно податливом грунте отпечатались также места, где упирался когтями паук, стоя над поверженным телом. Слева отпечатков насчитывалось четыре, справа только три. У нападавшего караульного паука не хватало одной передней лапы.

С ясностью, перешедшей в понимание, у Найла в голове очертился образ разнесчастного вида паучищи — лежит, распростершись, на солнце, из увечной передней лапы на дощатый настил ладьи цедится струйка бледной крови. И он тут же с уверенностью понял, что догадка оказалась верной. Сердце стиснуло от бессмысленного, благодарного восторга. Смутное чутье, что удача сопутствует ему, наполнило ощущением странного спокойствия. Он не спеша поднялся по ступеням, посмотрел налево-направо — убедился, что дорога свободна,— и пересек улицу с видом человека, идущего по вполне законным делам.

Фасады домов, стоящих к реке лицом, имели внушительный вид, но было ясно, что уже скоро его лишатся. Растрескавшиеся тротуары покрывал хлам из битого стекла и истлевшей дранки. Здесь же Найл впервые увидел и проржавевшие остатки автомобилей, многие из которых раскрытыми дверцами походили на дохлых крылатых насекомых. Большинство окон и дверей в южной части города почему-то сохранились. Оконные проемы были свободны от стекол, а покосившиеся двери сиротливо висели на петлях. Вид у квартала рабов был такой, будто по нему пронеслась банда уличной шпаны.

Идущий от моста проезд был увешан тенетами, местами такими толстыми, что напоминали скорее плотную занавесь; инстинкт упредил юношу, чтобы он под них не совался. Вместо этого он вошел в здание, на побитом фасаде которого все

еще висел огромный плакат: «Всемирная страховая компания». Найл пошел по заваленному дранкой и штукатуркой пыльному каменному полу чередой коридоров, выходящих на узкую улицу. Осмотрительно выглянув в окно, Найл тотчас втянул голову обратно. Метрах в пятнадцати сверху деловито чинил свою сеть смертоносец. Найл успел загасить вспышку тревоги, прежде чем она разрослась, и отступил в коридор. В соседней комнате беспорядочно громоздилась сломанная мебель, дверь прислонена была к комоду, соседствующему с пустым оконным проемом. Встав на пятачке между дверью и комодом, Найл смог толком рассмотреть улицу и понаблюдать, как паук терпеливо работает над сетью. Через полчаса донеслись первые звуки, дающие понять, что место обитаемо: голоса, звуки шагов, хлопанье дверей. Вровень с окнами первого этажа по улице замельтешили люди. Вон прошла какая-то толстомясая тетка с арбузными грудями и ногами-бревнами, мягко выводя что-то носом. Бросилось в глаза, что под паутиной она прошла совершенно спокойно, словно не замечая.

По мере того как солнце поднялось чуть выше и заглянуло в улочку, снаружи стало оживленнее. На тротуары высыпала детвора, многие ребятишки жевали куски сероватого хлеба. Некоторые — непоседы — верещали, носились, смеялись; большинство же имело равнодушный, квелый вид. От Найла не укрылось, что преобладают низкие покатые лбы, плоские скулы и глаза-щелки. Вон пухлый косолапый мальчишка подошел к маленькой толстушке девочке и выхватил у нее из рук краюху хлеба. Та громко взвыла, но никто не обратил внимания. Толстяк прислонился неподалеку к стенке и слопал чужое. Затем подошел к девочке — совсем маленькой (та только что вышла на улицу) — и рванул у нее корку. Малышка уперлась, силясь удержать еду. Тогда толстяк пихнул ее в грудь с такой силой, что та попросту отлетела. А малолетние их сверстники сидели себе в проемах подъездов или на тротуарах и продолжали с тупым видом жевать, не пытаясь прятать свои краюхи.

На середине улицы появился малыш. Он бежал, взмахивая руками, изображая из себя птицу, и издавал чирикающие звуки.

Пробежав под починенной паутиной, он неожиданно остановился и поглядел на нее снизу. Затем, к изумлению Найла, нагнулся и, подхватив какую-то деревяшку, запустил ее в воз-

дух. Силенок у него было всего ничего, деревяшка подлетела невысоко. Мальчуган подкинул ее снова, на этот раз чуть повыше. Тут к нему подошел косолапый толстяк, уже управившийся с едой, и, выхватив у малыша деревяшку, со всей силы швырнул ее в воздух. На этот раз она угодила в паутину и, зацепившись, повисла там. Паук мгновенно (Найл просто обмер) кинулся вниз, оставляя за собой нить паутины, и с проворством набросился на малыша. Найл ожидал, что сейчас в беззащитное тело вопьются клыки. Ребенок же, наоборот, зашелся от смеха, когда восьмилапый повалил его на землю. Через несколько секунд паук опять взвился в воздух на своем страховочном конце, а мальчуган вскочил и умчался. Найл решительно ничего не мог взять в толк. Получается, смертоносец играл с ребенком?

Стоять в мокрой одежде становилось неприятно, а когда на Найла к тому же с любопытством уставился пробегающий мимо окна любопытный ребенок, он подавно решил, что дальше играть в прятки не имеет смысла, и вышел на улицу. Никто не удостоил его ни малейшего внимания. Паук сверху как ни в чем не бывало чинил сеть, очевидно уже и забыв, что делается внизу. Вот только маленький косолапый толстяк мерил Найла недобрым взглядом, одновременно и насмешливым, и враждебным.

Медальон обострял чутье, делая восприятие изумительно острым. Квартал рабов, обнаружил Найл, был полон запахов, и приятных, и неприятных; запах стряпни смешивался с вонью гнилых овощей и канализации. В водосточных канавах полно было всякого мусора. Как выяснилось, в квартале рабов обитали не только одни люди. Вот ребенок бросил большую хлебную корку, и ее на бреющем полете умыкнула птица, мелькнув рядом с его головой. А в затененном пустом тупике обнаружилась большая серая крыса, пожирающая расквашенный арбуз. Зыркнув на Найла колкими глазками, она, очевидно, решила, что на него можно не обращать внимания, и продолжала жрать. Через долю секунды прямо на нее сверху свалился паук, животное успело издать лишь сдавленный сиплый писк, прежде чем клыки сделали свое дело. Еще доля секунды — и паук исчез вместе со своей добычей. Все произошло настолько молниеносно, что Найл не только испугаться — притормозить не успел.

Он лишь нервно поглядел наверх, на нависшие тенета, в которых скрылся паук, и заспешил дальше.

Через несколько секунд, когда Найл проходил мимо отверстого зева пустого подъезда, ноздри уловили еще более гнусный запах разлагающейся плоти. Найл нерешительно остановился, затем вышел-таки в тень подъезда, осторожно ступая по жидким половицам. Источник смрада стал заметен сразу — разлагающийся труп в углу комнаты. Труп прогнил уже до костей; на грудной клетке топорщились лоскуты разлезающейся рубахи раба, в пустых глазницах копошились черви. Причина смерти — большой блок обвалившейся с потолка кладки — лежала возле надтреснутого черепа. Найла затошнило, он поспешил обратно на улицу. Квартал рабов был донельзя запущен, переполнен и, судя по всему, совершенно дезорганизован. От некоторых зданий сохранилась лишь выгоревшая изнутри оболочка; иные смотрелись так, что, казалось, ткни как следует и стены обрушатся. Заселенные здания отличить было несложно, они не выглядели такими запущенными.

В одно из них Найл, протолкнувшись через стайку шумно возящихся детей, вошел. Никто не удостоил его внимания. Лишенная дверей комната справа представляла собой, очевидно, спальню: пол был полностью застлан тюфяками. В другой комнате люди сидели прямо на голых досках или поломанной мебели, эти шумно хлебали суп прямо из щербатых чашек, грызли кроличьи ножки и уплетали серый хлеб. Путь к кухне различался по запаху подгоревшего жира, чада, чеснока, перезрелых фруктов и овощей. На плите, бушуя паром, стоял огромный котел с супом. Повариха — тетка-глыба с руками толще средних мужских бедер — рубила на большой доске сваленные в кучу фрукты, овощи и крольчатину.

Войдя, Найл увидел, как она, покончив с этим, счищает наструганное в котел кухонным ножом. Потирая глаза и широко зевая, вошли двое сонных мужиков. Вытянув себе из громоздящейся в металлическом умывальнике груды по немытой чашке, они, даже предварительно не сполоснув, окунули их прямо в котел, где варилась пища. Ни один из них не придал значения тому, что в чашках — непроверенное, почти сырое мясо и овощи. Неряхи отломили себе хлеба от большущей, двухметровой булки и окунули его в деревянную лохань полу-

талого масла, стоящую на подоконнике под самым солнцем. Еще обращал на себя внимание большой железный сундук с разными фруктами: яблоками, апельсинами, гранатами, арбузами, опунциями. Очевидно, кормили рабов хорошо.

В кухню вошел рослый рыжеволосый человек. Было ясно, что он принадлежит к сословию слуг, но за что-то приговорен к рабству. Вид у человека был сердитый, насупленный. Не взглянув на Найла, он хватанул из умывальника чашку, помыл ее и наполнил супом. В отличие от рабов он позаботился окунуть половник на самое дно котла. Найл настроился на его мысленный лад — с помощью медальона, оказывается, это удавалось гораздо проще — и обнаружил, что человек озабочен единственно тем, что проспал, а через десять минут предстоит отчитываться по работе. Человек — звали его Лоррис — отсек от булки краюху и принялся жадно уплетать. Настроение у него было такое мерзкое, что, отведя свой мысленный зонд, Найл испытал даже облегчение — мысли были подобны неприятному запаху.

Управившись с супом, Лоррис словно впервые увидел Найла.

— Тебя за что сюда? — спросил он.

— Пререкался со служительницей. А тебя?

— Просыпал постоянно,— ответил тот, наливая себе добавки.

— Я вот только прибыл,— слукавил Найл.— Здесь есть кто из старших?

— Морлаг, в здании «К-два».

— А где это?

Тот указал рукой.

— По улице и сразу налево.

— Спасибо.

Выйдя на улицу, Найл обнаружил, что многие рабы теперь тянутся в одном направлении. Однако попытки прощупать их мысли вызывали унылое отчаяние. Умственной деятельности в нормальном смысле здесь считай не наблюдалось. Эти полулюди существовали по заведенному распорядку, и каждый расценивал себя просто частичкой толпы. Они двигались словно лунатики-сомнамбулы, как если бы Найл брел среди стаи муравьев в человечьем облике. Когда миновали дом, где он

обнаружил труп, обоняние резанул смрад, а из рабов никто даже ухом не повел, что убился-то один из их числа. Каждый полагал, что это не его дело. Рабы полностью замыкались в своем скудном мирке.

Двигаясь людными улицами, Найл дивился одному лишь внешнему разнообразию среди сословия рабов. В отличие от слуг или служительниц, объединенных сильным, все равно что родственным внешним сходством, рабы отличались и габаритами, и очертаниями. Многие, хотя, безусловно, не все, имели физические отклонения от нормы. У одних вид был бойкий, сметливый, у других, наоборот, угрюмый и докучливый; находились и такие, что брели с бессмысленно блуждающей улыбкой, как во сне. Как правило, те, у кого вид живой и сметливый, не вышли почему-то ни ростом, ни силой, в то время как высокие и привлекательные брели с пустотой в глазах, бездумно улыбаясь. То же самое среди женщин, многие из которых стояли возле окон или дверей и смотрели на проходящих мужчин. Те, у кого рассудок поживее, были в большинстве низкорослые и невзрачной наружности; статные же, привлекательные женщины смотрели вдаль потухшими глазами, очевидно почти не сознавая, что происходит вокруг. Удивляло обилие беременных, а также детей, многие из которых, опасно свесившись из окон верхних этажей, бездумно глазели на улицу. Складывалось впечатление, что в квартале рабов больше детей, чем взрослых.

Найл очутился на небольшой площади, где уже стояли, кое-как соблюдая строй, несколько бригад рабов. Перед ними возвышался громадного роста чернобородый дядька, глядя на подопечных с мрачной неприязнью. Царил доподлинный гвалт: дети галдели, носились, взрослые перекрикивались, в придорожной канаве катались, таская друг друга за волосы, две какие-то бабы на сносях.

Найл приблизился к чернобородому.

— Я ищу Морлага.

— Это я. Чего надо?

— Мне велели тебе доложиться.

Вдруг Морлаг ка-ак рявкнет:

— Молчать!

Голос был таким оглушительным, что Найл невольно съежился, как от удара. На площади тотчас воцарилась тишина, даже вздорящие бабы, отпустив друг у друга волосы, сели.

— Так-то лучше,— сказал Морлаг.— Еще будете вякать — всех скормлю паукам!

Он поглядел вниз на Найла, достававшего ему лицом до груди.

— За что тебя сюда?

— Пререкался со служительницей.

— Впредь неповадно будет.

Шум на площади начинал понемногу оживать.

— Ты чем занимаешься?

— Колесничий.

— Ладно. Дожидайся здесь.

Он указал на тротуар, на котором особняком стояли четверо слуг помощнее.

Неожиданно свело затылок, и Найл понял, что уже слишком долго использует медальон. Он осторожно сунул руку под рубаху и повернул его. Контраст напряжению оказался таким сильным, что Найл на миг почувствовал головокружение и невольно закрыл глаза. Не успев еще их раскрыть, преисполнился глубинного спокойствия (нечто подобное случилось сегодня возле реки). Собственная его сущность словно растворилась, сам он сделался частью общей жизни, бурлящей вокруг. Найл находился одновременно в каждом из стоящих на площади, разделяя их чувство непритязательного довольства существованием. И опять ему стал внятен приглушенный пульс жизни, мерными волнами идущий сквозь землю, как ласково лижущий берег прилив. Этот пульс смутно осознавали и рабы, и он усиливал их бесхитростную радость бытия.

Четверо его товарищей по несчастью, наоборот, ничего подобного не ощущали. Их всецело занимало лишь то, какую им работу подкинет надсмотрщик. Настроясь на их лад, Найл проникся веселым любопытством. Чувствовалось, что слуги считают для себя унизительным находиться среди рабов, отчего увеличивалось их негодование к паукам. Но вместе с тем каждый из них чувствовал, что в этой жизни есть свои прелести. Среди своих товарищей-слуг они не выделялись ничем, здесь же их, можно сказать, боготворили. Им первым доставался лучший

кусок, рабыня посмазливей. Все это вырабатывало в них даже какую-то независимость; получалось, возвращаться назад к своим никто из них сейчас бы толком и не пожелал. Такие люди могли стать потенциальными союзниками в борьбе против пауков.

На данный момент их отношение к Найлу дружелюбием не блистало. Он был чужаком и мог отнять какую-нибудь работу попригляднее. Самым желанным трудом был труд земледельца: там свободы почти немерено. А вот мысль, что придется подметать улицы или чистить канализацию, вызывала дрожь, там приходилось работать непосредственно под надзором пауков. Странно, но работа у жуков-бомбардиров почему-то тоже воспринималась с неприязнью.

Переведя внимание на Морлага, Найл с негодованием определил, что Морлаг думает приставить его к чистильщикам улиц. Хуже и представить нельзя: распознают мигом, стоит лишь через мост перейти. На секунду в голове мелькнуло: а не улизнуть ли?

Но передумал: Морлаг может хватиться. Оставалось разве что нажать на надсмотрщика исподтишка, внушив, что его, Найла, необходимо определить на какую-нибудь другую работу.

Найл не мигая уставился Морлагу в затылок, вместе с тем поворачивая под рубахой медальон. Однако, едва успев коснуться пальцами, понял: не пойдет. Медальон отсылал силу обратно внутрь, умаляя тем самым способность воздействовать на окружающее. Лишь повернув его обратной стороной, он почувствовал, как усилился идущий наружу мысленный импульс, веером устремляясь навстречу «приемнику». Надо только самому сосредоточиться на зеркальном глазке медальона.

Неотрывно глядя в затылок надсмотрщика, Найл послал пробный импульс. Результат превзошел ожидания. В эту секунду бородач как раз вещал:

— А ну встать навытяжку и равнение в рядах, тупые.

Тут его голос увял, лицо будто окаменело. Он мотнул головой, словно стряхивая наваждение, и нервно дернул себя за бороду. Спутники Найла покосились на надсмотрщика с удивлением, недоумевая, что произошло. Затем Морлаг вроде бы освоился.

— Итак, начинаю. Ты,— он повернулся к крайнему слуге,— поведешь вон тех на кроличью ферму. Ты и ты, пойдете на главную площадь чистить улицы.

Глаза надсмотрщика остановились на Найле.

— Ты...— Память, похоже, на секунду его оставила, и Найл не замедлил вклиниться со своей подсказкой.— Пойдешь доложишься жукам-бомбардирам.— Он двинулся дальше вдоль строя.— Ты поведешь этих на чистку канализации...

Найл отвел глаза, чтобы скрыть облегчение.

Через пять минут он шагал по главному проспекту на север, ведя за собой бригаду из двадцати рабов.

День выдался яркий, безоблачный, в северо-восточном ветре ощущалась бодрящая прохлада раннего утра. Привычный к знойному сухому ветру пустыни, Найл млел от удовольствия, чувствуя, как влажный ветер прижимает одежду к коже. Проезд впереди тянулся прямой линией в сторону зеленых холмов на горизонте. Их вид вызывал необычайно возвышенное чувство. Дома по сторонам дороги большей частью уже рассыпались от ветхости. Некоторые представляли собой выжженные пожаром оболочки, из окон и дверей которых проталкивались наружу деревья и высокая неряшливая трава пурпурного цвета. Сверху колыхались толстые пропыленные тенета, но уже не такие густые и частые, как в центре города. Найл чувствовал на себе пристальное наблюдение невидимых глаз, словно лучи въедливого любопытства скрытно касались тела. Юноша намеренно замкнул ум, не давая сознанию отражать что-либо помимо непосредственного сиюминутного окружения.

Через милю-другую пейзаж сменился, обветшалые небоскребы и многоэтажки уступили место строениям поменьше, многие окружала перепутанная, запущенная зелень. В свое время это, очевидно, был престижный пригород. Паутина вскоре исчезла, расстояние между домами уже не позволяло ей плестись. Здесь Найл смог наконец раскрепоститься, выпустив на свободу мысли и чувства, наполнявшие его существо волнением. Время от времени он совал руку под рубаху и поворачивал медальон, всякий раз при этом испытывая взмыв изумленного восторга и чувствуя, как мозг, взводясь, будто пружина, выпускает затем энергию краткой вспышкой силы. Удивитель-

ное откровение: чувствовать, что ум обладает той же силой, что и руки, не просто ухватывать, но и преображать.

Вне сомнения, эта сила идентична той, которой обладают пауки. И тут ошеломила невыразимо простая и вместе с тем архиважная, подобная озарению догадка: люди превратились в рабов своей привычки изменять мир руками. У пауков в сравнении с людьми имеется колоссальное преимущество: у них такая привычка не прижилась изначально.

Показалось вдруг нелепым: как могли люди, прожив на Земле несколько миллионов лет, так и не открыть подлинной ценности использования ума? И как непередаваемо трагично, что некоторые из них — рабы, например,— в буквальном смысле утратили его, как глубоководные рыбы утратили со временем зрение.

Мысль о рабах заставила опомниться и осмотреться. Рабы сбились с ног, смешались, нарушили строй и брели потупив головы; некоторые, отстав, тянулись в метрах аж в тридцати сзади. Найл, собрав волю, послал хлесткий импульс команды. Рабы по соседству качнулись, словно от внезапного порыва ветра; те, что подальше, дернувшись, встали навытяжку. Вид у всех был удивленный и растерянный. Найл попробовал еще раз, чуть мягче. Рабы моментально сплотили ряды и, вскинув головы, принялись маршировать, как заправские солдаты. От такого дружного отклика Найл впал в забавное неистовство и обнаружил, что в тело вливается жизненная энергия. Он опять чувствовал, что все они являются как бы частью одного организма — словно какая-то гигантская сороконожка марширует, вскидывая одновременно десятки ног.

Здания неожиданно кончились. С небольшой возвышенности открылся вид на окаймляющую город сельскую местность, на возделанные ячменные поля и зеленые делянки с овощами. Они прошли возле огорода, где рабы собирали фрукты под надзором служительницы, опять-таки необычайно похожей на Одину. Видя скучливо-томный вид женщины, Найл молодцевато вскинул руку в знак приветствия и рабов заставил сделать то же самое. Та от изумления просто рот раскрыла: Найл понял, что зря так поступил. Надо будет избегать легкомысленных жестов.

Через милю дорога завела в густую рощу, где изумрудно-зеленая листва над головой создавала подобие свода. Найла зрелище так очаровало, что он позволил рабам перейти со строевого шага на легкую прогулочную ходьбу. В одном месте к дороге вплотную подходил небольшой ручей, вода, журча, перекатывалась по мшистым камням-голышам. Рабы уже тут как тут, плещутся в мелкой воде. Дожидаясь, пока они нарезвятся, Найл чувствовал, как ступни и лодыжки сводит холодом.

Вот лесистый участок остался позади, а впереди, у подножия северо-восточных холмов, Найл увидел ряд красных башен, напоминающих покореженные церковные шпили. Он обернулся к ближайшему рабу, долговязому косоглазому парню с заячьей губой.

— Это что?

— Громовик.

— Громовик?

Парень смешливо гыкнул и выкрикнул: «Бум-м!» — разводя руки вверх, как бы изображая взрыв. Остальные тоже заскалились, захихикали: «Бум-м! Бум-м!» — эдак на разные голоса, от низкого ворчания до истеричного визга. Словечко «громовик» рабы, очевидно, использовали меж собой как название города жуков-бомбардиров. Через полчаса навстречу показался высокий лысоголовый человек в желтой тунике и с зеленым козырьком на голове, лицо красное, озабоченное.

— Где вас носит? Опаздываем же!

— Прошу прощения,— сказал Найл.— Вон, еле плетутся.

— Где твой хлыст?

— Боюсь, что у меня его нет.

Человек, досадливо застонав, возвел глаза к небесам.

— На, возьми мой.

Из просторного кармана туники он вынул свернутый кожаный хлыст. У рабов тревожно забегали глаза.

— Я как-то не очень умею им пользоваться,— стыдливо признался Найл.

— Сейчас покажу.

Человек, размотав хлыст, звонко им щелкнул, затем со злой решимостью обогнул отстающих и принялся сзади полосовать их по голеням. Те, засеменив трусцой, враз подтянулись. Че-

ловек, щелкая хлыстом, с руганью гнал их метров десять-пятнадцать, затем поравнялся с Найлом и замедлил шаг.

— Понял? Вот так только и действуй.

— Понял,— произнес Найл.

— Почему с тобой только девятнадцать?

— Как? Выходило нас двадцать.

Юноша запоздало принялся пересчитывать. Человек пожал плечами.

— Одного, видно, умыкнул паук.

— Съел, что ли? — мрачно удивился Найл.

Человек поглядел на юношу с досадливой жалостью.

— Ты что, совсем в этом деле новичок?

— Ммм... Да.

— Благодари небо, что самого не слопали. Ладно, обойдемся, пожалуй, и девятнадцатью.

Они уже входили в город красных башен. Каждая башня представляла собой огромную спиралевидную шишку и сделана была из глянцевитого, похожего на воск вещества; словно какой-то великан, схватив еще не затвердевшую массу, крутнул по часовой стрелке. В подножии ближайшей башни имелся вход, через который было видно уходящий вверх пологий скат. В неровных боках находились похожие на окна проемы; из самого верхнего, непосредственно под макушкой, на идущих беззастенчиво таращился жук-бомбардир. Подножие башни окаймлял ров шириной метра в полтора, а в нем, подставив солнышку серебристо-зеленое брюшко, плавал еще один жучок, судя по всему, совсем еще малыш.

Поселение жуков-бомбардиров насчитывало несколько сот таких башен, привольно натыканных в гладком зеленом дерне. Между ними виднелись небольшие одноэтажные строения из голубого вещества, похожего на непрозрачное стекло, с круглыми окнами вроде иллюминаторов. Очевидно, это были дома людей-слуг. Как и башни, они были окаймлены опрятными зелеными лужайками, по которым ветвились оросительные каналы и тропки, выложенные розовым, похожим на мрамор материалом. Детвора в желтых туниках, бросив игру, с любопытством наблюдала, как проходят прибывшие. Под козырьками голубых стеклянных крылечек сидели привлекательные женщины, многие с прялками. Большинство носили длинные во-

лосы — нередко ниже пояса, кое у кого они были уложены в кольца вокруг головы.

— А вон там кто живет? — спросил Найл, указав на башню примерно вдвое выше остальных.

— Никто. Это зал собраний.

Они вышли на центральную площадь — гладкий прямоугольник зеленого дерна, пересеченный тропинками. Теперь было заметно, что центральное здание состоит из двух ярусов — голубое стеклянное основание, а над ним красная башня. К главному входу поднималась впечатляющего вида лестница.

Рабы, которые, очевидно, здесь уже бывали, выстроились снизу возле лестницы в ряд. Снующие туда-сюда жуки не обращали на них никакого внимания. Когда Найл со своим попутчиком подошел, из главного входа показался человек и стал спускаться навстречу. Найл узнал ноги с кривинкой и нос крючком. Юноша улыбнулся и махнул было рукой (Доггинз посмотрел ему в лицо). К удивлению, тот и виду не подал, что знаком с Найлом. Вместо этого он обратился к попутчику:

— Давай поспешай, а то затянем с началом.

— Тут моей вины нет. Этот вот чудак,— он сочувственно взглянул на Найла,— забыл взять хлыст.

— Ну же, дурень.— Доггинз опять посмотрел на Найла как на пустое место.— Ладно, веди их в карьер.

— Хорошо, распорядитель,— кивнул лысоголовый и махнул Найлу. — Эй, давай за мной!

Доггинз торопливо проговорил:

— Нет-нет. Этот будет мне еще нужен с час. Ты ступай отведи их. И не давай им близко подходить к петардам.

Он повернулся к строю, бросив через плечо как ни в чем не бывало:

— А ты давай за мной.

Найл стал подниматься следом по ступенькам. Они вошли в небольшой, скупо освещенный зал. После яростно блещущего солнца голубоватый сумрак был особенно приятен. Вокруг сновали жуки-бомбардиры, ростом значительно превосходящие своих слуг. От жуков исходила такая же безразличная благожелательность, что замечалась в пауках-верблюдах пу-

стыни. Доггинз, не оглядываясь, прошел через зал и толкнул дверь с табличкой «Распорядитель по взрывам». Окон в комнате не было, но через стены сочился холодный голубой свет, действуя удивительно успокаивающе. Доггинз ухнулся в кресло за огромным столом и сердито воззрился на Найла.

— Уж кого бы я желал видеть меньше всего, так это тебя.

Найл, не ожидавший такого приветствия, опешил.

— Прошу прощения.

— Прощения, черт тя дери! Что ж теперь прикажешь с тобой делать?

— То есть как? — растерянно проговорил Найл.— Я просто привел рабов.

— Это мне известно. А на ночь ты куда отправишься?

— Назад в квартал рабов.

Доггинз уставился изумленно.

— Да ты с ума спятил! Они тебя всюду разыскивают. Сегодня утром они уже первым делом наведались к нам.

— А что случилось? — вырвалось у Найла.

— Не догадываешься? Мы обещали разыскать тебя и отправить обратно, как только поймаем.

— Что вы и рассчитываете сделать?

Доггинз раздраженно пожал плечами.

— Слушай, малый, тебе вот что надо зарубить на носу. У нас с раскоряками соглашение — уживаться в мире, пока уживаемся. Если мы предоставим тебе убежище, а они дознаются, будет война. А мы на это пойти не можем. Я даже сейчас разговаривать с тобой не буду.

Найл встал.

— Прости, пожалуйста. Я не хочу создавать хлопот. Я уйду.

Взгляд Доггинза утратил занозистость.

— Ну и куда ты пойдешь?

— Пересижу где-нибудь, пока не настанет время возвращаться.

Доггинз просто фыркнул.

— А смысл? Обратно за тобой они сюда не пойдут. Тебе лучше ошиваться здесь и не высовываться. А если кто спросит, я тебя не знаю. Идет?

— Идет,— кивнул Найл.

Доггинз долгое время глядел ему в самые глаза.

— Значит, раскрыли они тебя,— промолвил он наконец.

— Да.

— Я предупреждал.— Он прикусил нижнюю губу.— Они тебя убьют, если отыщут.

— Я знаю.

Еще одна долгая пауза. Затем Доггинз сказал:

— Единственная для тебя надежда — это возвратиться в свои края. Мы бы помогли тебе переправиться тайком на одной из лодок.

— Очень признателен,— сказал Найл.— Но возвращаться я не хочу. Не могу оставить мать и брата.

— От мертвого тебя, конечно, много будет толку!

— Я попробую укрыться в квартале рабов.

— Рано или поздно все равно отыщут.

— Может быть. Но нельзя опускать руки. Надо пытаться.

Доггинз раздраженно мотнул головой.

— Что пытаться? Чего ты хочешь добиться?

Их взгляды встретились.

— Свергнуть пауков.

Доггинз улыбнулся жалостливо.

— И с какого боку, интересно, ты думаешь за это взяться?

— Телом пауки не крепче людей, просто у них сильнее развита воля. А это, по сути, то же самое, что и мышцы. Мы могли бы бороться с ними, если б использовали свой разум.

Доггинз задумчиво поглядел на Найла.

— Да, теперь я вижу, почему они считают тебя опасным.

До Найла дошло, что он по случайности забыл перевернуть медальон, поэтому вся его сосредоточенность передавалась наружу, в результате чего доводы звучали с небывалой убедительностью. Найл сделал упор на мысль:

— Вы со своим порохом могли бы поднять на воздух весь паучий город.

— Бесспорно, если бы нам его хватило. Но мы этого делать не станем, причем они об этом знают.

— Почему?

— Потому что мы слуги жуков, а жуки никогда не дадут нам такого приказа.

— Но зачем вам быть слугами? Люди же когда-то правили всей планетой!

— Вот-вот,— Доггинз смешливо фыркнул,— и сделали из нее дурдом! Хочешь знать на самом деле, почему раскоряки так не любят людей? Пойдем покажу.

Он поднялся и вывел Найла в зал. Там было совершенно пусто. Поднявшись по короткой лестнице, они остановились перед дверью из золотистого металла. Доггинз открыл и кивнул Найлу: мол, тоже проходи. В открывшемся глазам помещении царил полумрак.

Секунда — и вдруг раздался оглушительный треск, сопровождаемый просверком слепящего света. Отшатнувшись назад, Найл врезался в Доггинза. Тот крепко ухватил юношу за локоть.

— Тихо, все в порядке. Просто стой, и все.

Все еще не успокоившись до конца, Найл с мрачной зачарованностью наблюдал. Стена напротив превратилась в широкую полосу голубого неба с тонкими полосками белых облаков. По пространству этой полосы с оглушительным ноющим звуком метались машины (Найл узнал: самолеты). Внезапно картина сменилась. Он смотрел как бы из самолета, наблюдая, как в сторону земли уносятся яйцеобразные предметы. Они падали и падали, пока не уменьшились до точек и не исчезли. Затем с находящейся далеко внизу земли пошли взрастать белые султанчики дыма — один за другим, в ряд. Звуки разрывов на этот раз были далекие, приглушенные.

Когда глаза привыкли к темноте, Найл разглядел, что находится в другом зале, тоже не маленьком. В зале, застыв, стояли зрители — жуки-бомбардиры; чувствовалось, что картина эта — не какое-нибудь чародейство. Конус колеблющегося света наверху указывал, что это просто движущееся изображение, которое проецируется на экран.

Доггинз взял Найла за локоть, завел в полумрак и указал на стул. Найл сел на ощупь, не отрывая от экрана глаз. Там разворачивалась бомбардировка большого города. От такой разрушительной мощи захватывало дух. Видно было, как высоченные здания сначала содрогаются, затем медленно начинают осыпаться на землю, взметая тучи пыли. Рыжеватыми змеистыми сполохами прорывался огонь, сливаясь затем с тяжелым водоворотом черного дыма. До смешного крохотные фигурки

пожарников направляли в пламя тугие спицы водяных струй. Вот обрушилось соседнее здание и погребло их под собой.

Доггинз шептал на ухо:

— Это просто старый фильм, здесь все ненастоящее. Настоящее пойдет дальше.

— Ужас! — выговорил Найл.

— Не вздумай говорить это при них. Они считают, что это чудесно.

На секунду экран погас. Но вот раздались бравурные звуки маршевой музыки, и чей-то глубокий голос за экраном солидно произнес: «Разрушить!» Со стороны зрителей раздался одобрительный сип: судя по всему, демонстрировался коронный номер. На экране появилось громадное, напоминающее башню здание, снятое снизу так, что стены вздымались вверх величаво, как утес. Затем (и как оператор ухитрился?) камера медленно поползла вверх, поднимаясь на крышу здания; ушедшее на это время лишний раз как бы подчеркивало огромную высоту стен. В конце концов камера зависла над самым зданием, открывая вид сверху, отодвинулась на безопасное расстояние. Найл затаил дыхание. Вот на углу здания взвихрился чубчик дыма, за ним другой. Когда выявился третий, здание начало осыпаться: стены медленно трескались, корежились, от основания здания вверх взрастала туча пыли. Само здание начало грузно оседать внутрь себя, обнажив каменную кладку, затем рассыпалось в прах. Ничего не скажешь, было во всем этом что-то величавое.

Весь оставшийся фильм шел о том же: небоскребы, стройплощадки, фабричные трубы, даже соборы — все оседало в то же облако вихрящейся пыли. И всякий раз, когда что-нибудь с грохотом рушилось, жуки издавали одобрительный сип — терлись щупиками, что ли.

На Найла картины действовали сокрушающе. Повернув медальон к груди, он мог усваивать их в полном объеме и воспринимать как явь. Видения в Белой башне дали ему возможность в какой-то степени уяснить, насколько сильна в человеке тяга к разрушению. Однако вся эта нескончаемая панорама насилия давала понять, что подлинную ее неохватность он не в силах себе даже и представить. Показали хронику Первой мировой войны: артобстрелы, следом за ними неистовые атаки;

обрубки тел, распяленные на колючей проволоке. Дальше — Вторая мировая: пикирующие бомбардировщики, до основания разрушающие беззащитные города. Архивные съемки взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой, затем испытание водородной на атолле Бикини. Даже жуки притихли, забыв выразить восторг, когда поднявшийся гриб показал, что атолла больше нет.

Доггинз пихнул Найла под ребра:

— Ну что, насмотрелся?

— Да уж.

Однако Найл так и не отводил от экрана глаз, когда они вдвоем возвращались под голубой свет стен: было что-то гипнотически чарующее в картине насилия. Найл словно очнулся от сна в пустом зале.

Когда вышли на дневной свет, он невольно заслонился от солнца. В сравнении с прохладой здания улица напоминала горячую ванну.

— И как долго такое длится?

— Чуть ли не до вечера. У нас без малого двести часов материалов.

— Целиком их посмотреть они еще не успели?

— Смотрели десятки раз. Но им никогда не надоедает.

Аккуратные, симметрично расположенные здания в обрамлении зеленых газончиков казались игрушечными. Мирная тишина после немолчного грохота взрывов нависала словно угроза.

Пройдя наискосок через площадь, они стали приближаться к угловому дому. Этот дом был заметно крупнее, чем обступающие его другие, а в центре газона игриво струился фонтан. Стайка из десятка ребятишек болтала ножонками в зеленоватой воде бассейна, у некоторых нос имел явное сходство с доггинзовским. Завидев Доггинза, с полдесятка детишек побежали через газон к нему и, обвив ручонками, стали проситься ему на руки. Из дома вышла миловидная темноволосая девушка.

— Не приставайте, папа занят.

Ребятишки неохотно возвратились к своему бассейну. К удивлению, девушка схватила Доггинза за обе руки и поочередно поцеловала их. Доггинз, судя по лицу, несколько смутился.

— Это Селима, моя жена,— сказал он.

Найл почувствовал нечто похожее на зависть: девушка была едва ли старше Доны. Он хотел, как заведено, сомкнуться предплечьем, но та неожиданно опустилась на одно колено, взяла его руку и поцеловала в ладонь. Доггинз сдавленно кашлянул.

— Нам бы чего-нибудь поесть.

— Да, Билл.— Девушка исчезла внутри дома.

— Очень славная девушка,— проговорил Доггинз смущенно.

Когда вошли, женский голос спросил откуда-то из-за стены:

— Кто там?

— Это я, моя прелесть.

Из-за двери выглянула статная симпатичная женщина с золотистыми волосами. Она также взяла Доггинза за руку и приложилась к ней губами.

— Это моя жена Лукреция,— представил Доггинз.

Женщина одарила Найла вальяжной улыбкой, зубы в голубом свете прихожей поблескивали драгоценными каменьями.

— Его первая жена,— добавила она.

Найл, пытаясь скрыть удивление, неловко улыбнулся.

— Как его зовут? — поинтересовалась Лукреция.

— Его? Э-э-э... мистер Риверс.

— Он Билл?

— Нет, просто мистер.

— Какая жалость,— вздохнула женщина, исчезая за соседней дверью. Найл мимоходом оглядел кухню, где несколько девушек занимались стряпней. Найл терялся в догадках.

— Что за вопрос, Билл я или нет?

Доггинз коротко хохотнул.

— Я им говорил, что «Билл» означает «богатый и любимый». Они хотели тебе польстить.

Он завел Найла в уютную, удобно обставленную комнату. Сидящая там на диванчике стройная девушка с обнаженными руками поспешила встать и поцеловать ему руки. Когда Доггинз сел, она опустилась на колени и стала снимать с него сандалии.

— Это Гизела,— представил Доггинз,— номер восьмой.

Девушка застенчиво взглянула на Найла, отвела глаза и зарделась. Эта, пожалуй, была младше Доны.

— Ноги тебе помыть сейчас? — спросила она у мужа.

— Не надо, кисонька. Принеси-ка нам лучше холодного пива.

— Да, Билл.

Чувствовалось, что имя она произносит эдак напыщенно, действительно как «господин».

Когда остались одни, Доггинз лукаво, заговорщически улыбнулся.

— Теперь понимаешь, почему я не хочу ввязываться ни в какую войну с раскоряками?

— Да,— печально ответил Найл.

— Не то чтобы я вовсе не хотел тебе помочь. Просто у тебя все равно ничего не выйдет.

Найл воздержался от ответа. Доггинз продолжал:

— Пауков миллионы. Что мы сделаем при таком раскладе?

Найл упрямо покачал головой.

— Должен быть какой-то способ. Иначе бы они нас не боялись. Почему они боятся нас?

Доггинз пожал плечами.

— Да потому что мы, сволочи, зациклились на разрушениях, вот почему. Ты же видел фильм.

— Тогда вас почему они не боятся, даром что вам известны секреты взрывчатки?

— Им до нас дела нет. Я вот несу службу, и все тут. Лет через десять, может, дослужусь до главного управляющего.

В комнату вошла златоволосая женщина, за ней несколько девушек с подносами. Она поместила между Найлом и мужем низенький столик, постелила белую льняную скатерть. Когда наливала пиво, Доггинз спросил:

— Как прошло утро, дорогая?

— Так себе. Ты же знаешь, как оно в канун большого Грохота.

— Чего надо было этим восьмилапым?

— Они разыскивали какого-то беглого раба.

— Раба? Пауки, всем скопом? Что же он такого натворил?

Доггинз избегал смотреть Найлу в глаза.

— Не знаю. Они не сказали.

Теперь на столик было наставлено большое количество блюд: устрицы, мидии, перепелиные яйца, жареные птички, разные

салаты, овощи. Пиво было темно-коричневое, со сладчинкой и, как понял Найл, от жажды выпивший, не отрываясь, полстакана,— крепкое. Прежде чем хозяин с гостем взялись за еду, девушки протянули им кувшин с теплой водой помыть руки, а затем обтерли их мягкими, как пух, полотенцами. После этого все женщины тихо удалились.

Следующие пять минут мужчины занимались исключительно едой. Найл чувствовал взвешенную, не лишенную приятности душевную истому. Вид стольких молодых девушек напомнил о Доне, Найл лишний раз убедился, что скучает по ней.

Очевидно, на Доггинза нашла задумчивость. Во всяком случае, когда он справлялся с перепелиными яйцами в густом белом соусе, вид у него был отсутствующий. Время от времени из-под приспущенных век он поглядывал на Найла. В конце концов сказал:

— Послушай... А если бы, скажем, у нас получилось договориться с пауками... Я ничего не обещаю, но — если бы? Это бы решило твою проблему?

— Договориться насчет чего?

— Ну, скажем, чтобы они разрешили тебе остаться и трудиться у нас?

— Откуда ты знаешь, согласятся они или нет? — осторожно спросил Найл.

— Они нам кое-чем обязаны.— Доггинз отщипнул кусочек жареного жаворонка.— Как я понимаю, они чуют в тебе опасность и это не дает им успокоиться, так? А если бы мы гарантировали,— он особенно подчеркнул последнее слово,— что ты не дашь повода для беспокойства, они, вероятно, и пошли бы на это.

— А я бы жил здесь... и служил жукам?

— Нет, ты служил бы у меня. Мне нужен новый помощник. Ты во взрывчатке что-нибудь смыслишь?

— Боюсь, что нет.

— Не важно, научишься.— Доггинз сделался добродушным, простым.— В составе пороха нет ничего сложного: селитра, фосфор и уголь. Надо просто соблюдать пропорцию. С динамитом посложнее: последний мой помощник подорвался, когда делал нитроглицерин. Но ты этим заниматься не будешь.

Твоей основной работой будет очищать продукт от угольных примесей.

Он начал с полным ртом бубнить принципы фракционной очистки. Найл слушал с участливым лицом, а у самого мысли бродили в другом месте. Не очень-то верилось, что пауки позволят ему остаться у жуков. Хотя кто знает: голос у Доггинза звучал уверенно. Понятное дело, идея соблазнительная. Более отрадную жизнь, чем в таком доме, трудно и представить. Одного этого было бы достаточно, чтобы голова наполнилась романтическими грезами.

Доггинз допил свое пиво, оттолкнув стул, встал. Похлопал Найла по плечу.

— Не переживай, малый. «Богатый и любимый» Билл имеет здесь кое-какой вес. Пошел переодеваться. Наливай еще пива.

Найл рад был остаться наедине с собой, это давало возможность собрать мысли воедино. Беспокоило сейчас то, как отреагируют пауки, когда узнают, где Найл находится. Если схватят во второй раз, придется трудно: коли не убьют, то уж наверняка позаботятся, чтобы никуда не улизнул. Так что можно ли рискнуть и позволить Доггинзу договориться от своего имени?

Даже если жуки согласятся и отпустят, какой здесь выигрыш? Они же союзники смертоносцев, так что, служа им, Найл невольно будет услуживать паукам.

Чем больше он об этом думал, тем больше терялся. Стараясь успокоиться, он начал слоняться по комнате, сунув руки в карманы, и всякий раз останавливался перед окном поглядеть на фонтан. Детей, видно, зазвали в дом, и фонтан теперь казался до странности одиноким. Брызги, сеясь, жемчужно сияли на солнце. Струя взметалась, словно в попытке достать до неба, но неминуемо опадала обратно к земле — безысходно, как мысли самого Найла.

Внимание отвлекло легкое покалывание в пальцах правой руки: кончики пальцев касались раздвижной трубки. Он вынул ее и задумчиво взвесил на ладони, проникаясь необычным, глубоким умиротворением. Нажав на кнопку, раздвинул трубку. Покалывание было неожиданно сильным, влажноватую кожу так и щипало; чтобы так сильно, он и припомнить не мог. Держа трубку между большим и указательным пальцами,

Найл все внимание сосредоточил на вибрации. И тут с громкостью и отчетливостью, от которой Найл чуть не подпрыгнул, в груди прозвучал голос Стигмастера: «Расскажи ему о крепости».

На секунду ум у Найла просто оцепенел. «Крепость?» — подумал он растерянно. Он уже успел забыть, что означает это слово. Однако не успел о том и заикнуться, как покалывание исчезло. С растерянностью и унынием Найл смотрел на трубку, думая, не повторить ли попытку выйти на контакт. В этот момент из коридора послышался голос Доггинза, и юноша поспешил нажать на кнопку. Когда Доггинз вошел, Найл уже засовывал трубку в карман.

Доггинз выглядел неожиданно солидно. Потасканную желтую тунику сменила черная тога с золоченой цепью вокруг пояса. Кожаные сандалии тоже черные, на голове уже не видавший виды зеленый козырек, а остроконечный колпак, что придавало Доггинзу сходство с монахом.

— Готов? Все, пора трогаться.

В коридоре дожидались жены и дети, все в веселых цветастых нарядах. Лишь Лукреция в отличие от других была одета в черную льняную тогу, очевидно подчеркивая, что среди жен она здесь первая. Когда Доггинз с Найлом вышли на улицу, семейство тронулось следом ровным «крокодильчиком», по росту...

Прошли через зеленую лужайку перед залом собраний и свернули на главную улицу. Похоже было, что каждый житель города движется примерно в том же направлении. Сипло посвистывали (очевидно, переговаривались меж собой) жуки, возвышаясь над слугами-людьми изумрудными спинами и яркожелтыми головами. Всюду царил дух бесшабашного веселья, и, если кто-нибудь из ребятишек, расшалившись, со всего хода ударялся о лапу жука, никто даже не одергивал проказника. Найл не мог надивиться на такую свойскость и дружелюбие между хозяевами и слугами; в противоположность паукам эти большие, закованные в панцирь существа не вызывали ни страха, ни мрачного восхищения — просто открытое, дружеское чувство.

Когда площадь осталась позади, внезапно вспомнилось слово, смысл которого Найл тщетно пытался восстановить.

— Что такое «казармы»? — спросил он у Доггинза.

— Место, где живут военные. А что?

— Я видел это слово на старой карте.

Доггинз резко обернулся к нему.

— Плане паучьего города?

— Да.

— Оно, то место, случайно не крепостью называлось? — спросил Доггинз с деланым равнодушием.

— Да. А ты откуда знаешь?

Тот пожал плечами.

— Всякие слухи ходят. А ты, интересно, смог бы описать, где примерно она находится?

— Наверное, да. Она в квартале рабов.

Они уже, по сути, вышли на окраину. Найл с любопытством заметил, что одна из красных башен как раз сейчас строится, а на недовершенных стенах с жужжанием роится сонмище золотистых насекомых.

— Что они такое делают? — спросил он.

— Строят.

— Строят насекомые? — не поверил Найл.

— Точно. Их называют клейковинными мушками.

Когда поравнялись с усеченным конусом башни, жужжание сделалось просто оглушительным.

— Они строят ее для себя?! — с трудом перекрывая шум, прокричал Найл.

— Нет, нет! — Доггинз остановился, а за ним и кортеж из жен и детей.— Они живут в гнездах из склеенных меж собой листьев.

— Тогда как же вы заставляете их строить дома?

— Их специально дрессируют. Вот, смотри.

Доггинз сосредоточенно нахмурился, насупил брови и впился прищуренным взглядом в роящихся золотистых насекомых. Секунду спустя они начали оседать на стены, через полминуты шум утих, а насекомые стали карабкаться друг другу на спину. Бисеринки пота проплавились на лице у Доггинза. Вот он надрывно перевел дух и расслабился, насекомые тотчас снова взвились. Похоже, Доггинз остался доволен собой.

— Как у тебя это вышло?

— Они приручены подчиняться мысленным командам. Желаешь сам попробовать?

Найл вперился в мушек и сосредоточил внимание. Тотчас он осознал наличие каждого отдельного насекомого так четко, словно слился с ними воедино,— они стали как пальцы на руках и ногах. Ему было даже известно их точное количество: восемнадцать тысяч семьсот восемнадцать. Но, мысленно уже почти собравшись скомандовать им осесть, он припомнил данное себе обещание не допускать легкомысленных жестов и передумал.

— Что-то, боюсь, у меня не выходит.

Доггинз улыбнулся сочувственно, но от Найла не укрылось: доволен.

Когда двинулись дальше, до Найла вдруг дошло, что вживление в клейковидных мушек обнажило связь с потоком жизни, скрытно текущим сквозь мир. Теперь его динамика и насыщенность ошеломляюще отличались от тех, что он чувствовал нынче поутру, когда стоял на площади среди рабов. Тогда Найл сознавал нехитрую радость бытия. Здесь, в городе жуков, он чувствовал, что находится действительно среди себе подобных, среди людей с такой же, как у него, способностью активно мыслить и управлять своей жизнью. Было только одно различие: люди здесь не осознавали, что владеют этой силой.

Он, как бы между прочим, спросил у Доггинза:

— А как ты научился управлять клейковидными мушками?

— Да это нетрудно. Они привыкли, что ими командуют жуки. А я сам живу среди жуков уже столько, что, думаю, нахожусь с ними на одной мыслительной волне. Поэтому у меня это тоже получается...

Разумеется, он заблуждался. Дело здесь было вовсе не в мыслительной волне. Суть была единственно в силе воли. У Найла на миг появился соблазн растолковать что к чему, но затем он решил, что сейчас не время и не место.

В полумиле от города дорога делала изгиб, с которого открывался вид на невероятных размеров ямину в земле, где-то миля в ширину и четверть мили вглубь. Просто голова кругом.

— Что это?

— Старый мраморный карьер.

— Кто его вырыл?

— Люди.— Доггинз подмигнул.

В вертикальном срезе различались слои геологических отложений, самый широкий — верхний — того же цвета, что и дорога под ногами. Это и был, очевидно, источник материала для строительства дороги.

Дорога полого сходила вниз, пестрым потоком струились по ней люди и жуки-бомбардиры. На дне карьера виднелись десятки разноцветных палаток, из которых особо выделялся размером шатер в зеленую и белую полоску. Найл расслышал еще и звуки, от которых сердце встрепенулось с неожиданной радостью,— бравый звук духовых инструментов, кто-то наигрывал в унисон.

Путь на дно карьера занял полчаса. После выпавшего прошлой ночью дождя все еще стояло множество больших луж; через них, заливаясь смехом, прыгали дети, обдавая друг друга фонтанами брызг. Другие ребятишки глазели на кривлянья клоунов. Из разноцветных палаток и будок исходили соблазнительные запахи еды, леденцов из жженого сахара. Музыканты, облаченные в ярко-красные тоги с желтыми поясами, стояли на эстраде — каменной платформе, а амфитеатр за ними усиливал звук, будто мощный рупор.

В этой части карьера находились плотно пригнанные друг к другу зрительские места — около тысячи,— над которыми возвышался прозрачный купол наподобие пузыря с зелеными крапинками.

Доггинз сказал:

— Если хочешь как следует разглядеть, что будет на сцене во время представления, подыщи себе место в верхнем ряду. Начало где-то через полчаса. А я пошел: дела.

— Спасибо.— Найлу не терпелось посмотреть, что же там на сцене.

Однако через минуту Доггинз возвратился.

— Беда,— тихо и тревожно сказал он.

Найл повел глазами в ту сторону, откуда сейчас подошел Доггинз, и сердце обмерло. Среди спускающихся по склону четко выделялась компания женщин с нагими грудями. Сомнений не было: служительницы. На минуту Найла охватил безотчетный страх.

— Думаешь, это за мной?

— Нет. Они часто приходят сюда на праздник Грохота.

— Что мне делать?

— Не паникуй. Не думаю, что они тебя узнают. Ты для них обыкновенный раб. Но лучше держись от глаз подальше.— Он указал на полосатый шатер возле эстрады.— Там рабы вкалывают, увидишь. Мостига ты уже знаешь (тот, лысый, ты видел его утром). Пойди и спроси, чем можешь пригодиться.

Найл вошел в балаган и растерялся, такая там царила суматоха. Основную часть пола занимали затейливые декорации: остров, на нем деревья. Над разрисованными голубыми волнами возвышался корабль на якоре, а поблизости в море впадал ручей. На берегу стояли соломенные хижины дикарей-островитян, а вокруг котла с несчастного вида матросом внутри заходился в пляске знахарь-колдун, у которого на шее болтался амулет с черепами. Найл определил, что и знахарь, и остров сделаны из дерева и папье-маше, их сейчас еще усердно размалевывали прямо на ходу подмастерья, ползая по сцене.

Задняя стенка шатра выходила непосредственно на стену карьера. Найл разглядел, что держится она за счет хитросплетения веревок, блоков и шкивов. Сразу за шатром в стене карьера находилась искусственная пещера, перед которой рабы разгружали подводу с бочонками. Лысоголовый, усталый и вконец издерганный, пытался, судя по всему, заправлять разом всем и вся. На вопрос Найла, какая помощь требуется, он лишь раздраженно фыркнул: «Катись отсюда и не мешай!» — но тотчас узнал юношу и воскликнул:

— А, это ты! Ничего, вот уж второй час как без тебя обходимся. Ты где шатался?

— Находился в распоряжении Доггинза.

— Ну что, давай гоняй рабов. На вот, возьми, пригодится.— Он протянул Найлу хлыст.

Парень пробрался в пещеру. Ее покатые стены вдавались глубоко в толщу породы. Все пространство от пола до потолка было забито деревянными бочонками и ящиками с фитилями и запалами. Один из бочонков валялся разбитый на полу, возле него скреб пол совершенно не пригодной для этого метлой косоглазый придурок. Найл сразу же уяснил: проблема не в том, что рабы медленно возятся, а, наоборот, в том, что носятся слишком быстро. Атмосфера праздника их сильно возбу-

ждала, и они мельтешили, как ошалевшие муравьи, катя бочонки, волоча сундуки, забывая затем, куда их девать, и бросая прямо на дороге, где на них натыкались другие. Рыжий паренек с шишковидными коленями — очевидно, помощник лысого — изо всех сил старался их контролировать, но до него самого, видно, уже дошло, что это бесполезно.

Найл огляделся и смекнул, что надо делать. Рабов он разбил на тройки и каждой поставил определенную задачу. Для виду помахивал и хлыстом, но в этом, по сути, не было необходимости. Рабы реагировали на мысленные приказы с четкостью, напоминающей клейковидных мушек. Одна бригада подносила бочонки из глубины пещеры, другая грузила их на небольшие тачки, третья вкатывала в шатер. Там подмастерья, подхватив, определяли их в полое место под «островом». Работа была сделана за четверть часа, и лысый стал посматривать на Найла по-иному, с уважением. Когда Найл спросил, что делать дальше, тот ответил:

— Просто держи этих чертяк в сторонке, пока не подготовимся к началу.

Тут спереди в шатер вошел Доггинз, Найл по забывчивости махнул, но тот в ответ только сердито скривился и качнул досадливо головой. Через секунду Найл понял почему. Через вход одна за другой прошли человек пять служительниц, и впереди всех Одина. К счастью, она была увлечена разговором и в сторону Найла не смотрела. Юноша отвернулся и заспешил к заднему выходу.

Пороховой погреб был теперь пуст, расколотый бочонок так и валялся посреди пола, вокруг тонким слоем стелился серый порох. Найл прошел мимо него в глубину пещеры. Здесь стояла прохлада, влажно пахло грибами. Приятно было после суматохи шатра дать телу отдых. Найл облюбовал угол за нагромождением бочонков и присел на ящик с запалами. Через несколько секунд он утомленно закрыл глаза и приложился затылком к стене.

Легкое прикосновение к плечу разом прогнало наползающую было дремоту. Резко втянув воздух, он уставился в густую тень. Там угадывалось невнятное, слабое шевеление; Найл на секунду подумал, что смотрит на маленькую тысяченожку. Пропуская дневной свет, он осторожно сместил бочонок по-

роха. Там ничего не было, кроме зеленоватого грибовидного выроста, растущего на стене. Найл вынул раздвижную трубку и ткнул вырост, судя по всему, очень твердый. Может статься, гриб служит жильем какому-нибудь созданию? Найл колупнул гриб пальцем. Едва он это сделал, как над поверхностью гриба обозначилась крохотная, напоминающая влажный палец ложноножка и коснулась руки. Найл инстинктивно отдернул руку. Затем, поскольку ложноножка казалась не опаснее червяка, снова вытянул палец и дал существу его коснуться.

Удивительно: ложноножка тут же сделалась тоньше и длиннее и молниеносно обвилась вокруг пальца в колечко. Найл потянулся другой рукой — узнать, какова она на ощупь; из гриба выпросталась другая ложноножка и тоже схватилась за палец. Он тихонько потянул руку на себя, ложноножки упорствовали. Они силились втянуть его руку к себе в гриб. Резким движением Найл высвободил пальцы. На каждом пальце там, где хватались щупальцы, виднелись красные венчики.

Судя по всему, это был какой-нибудь меньший собрат той нечисти, что он повстречал прошлой ночью: то же вкрадчивое, поначалу неуверенное прощупывание ложноножками, похожими на рожки улитки, та же неуловимо скользкая хватка, выдающая недюжинную силу. Найл просунул под основание гриба трубку и, действуя как рычагом, отвалил его от стены. Гриб, похоже, крепился центральным корнем, на основании которого располагались кольцом крохотные присоски, напоминающие маленькие разинутые рты. Стоило к одному из таких ртов подставить кончик мизинца, как тот, раскрывшись шире, немедленно присосался; одновременно с тем наружу выявились с полдесятка ложноножек и попытались ухватиться за руку. Похоже, они вылезали из слизистой поверхности гриба, словно он состоял из той же вязкой жидкости. Когда Найл, потянув, высвободил руку, кончик пальца у него был покрыт едкой слизью. Парень тщательно вытер руку о рубаху.

Пристально глядя на гриб, он намеренно расслабился и полностью настроил ум на восприятие. Любопытно было выяснить, что это — животное или растение. На какой-то миг мозг Найла превратился в подобие зеркала, отражающего скудное, обуреваемое голодом хищненькое создание, но вот его собственный ум раскрылся и поглотил этот мелкий очажок

жизни. Юноша начал сознавать нежно пульсирующую энергию, словно глядел на существо сверху, через расходящиеся на глади пруда круги.

— Что ты здесь делаешь?

Голос хлестнул резко, словно удар. Найл так увлекся наблюдением за грибом, что совершенно не заметил, как к нему неслышно (потому что босиком) подошла Одина.

— Что ты здесь делаешь? — повторила она.

— Прячусь,— ответил Найл, обретя дыхание.

— Я это как-нибудь вижу. От кого?

Тревога сменилась облегчением и неловкостью. Облегчение от проблеска догадки, что женщина рада его видеть. Неловкость от того, что он внезапно, сам того не сознавая, вторгся в ее ум. Он уже сошелся с Одиной так близко, что даже в потаенную область ее мыслей мог внедряться совершенно естественно, но тем не менее чувствовал себя при этом как вор, пробирающийся в спальню.

Найл подвинулся, освобождая место Одине на ящике для запалов, и она села возле него. Непонятно, от кого из них изошел влекущий порыв. Секунду Найл близко смотрел Одине в глаза, затем, подчиняясь все тому же безотчетному порыву, обнял ее и припал губами к ее губам. Руки женщины ласково легли ему на шею. Их тела сблизились. Случилось это совершенно естественно, и оба почувствовали восторг и облегчение, что это наконец произошло. Сознавал Найл и то, что Одина ждала от него этого; она же видела, как он ласкался с той, темноволосой, в женском квартале.

Одина отстранилась первой, дисциплинированная служительница одержала в ней верх.

— От кого ты скрываешься?

— Мне пришлось уйти из города.

— Но зачем? — На лице Одины читалось полное недоумение. Пауки казались ей строгими, но благодетельными хозяевами, служить которым приятно и почетно.

— Они убили моего отца.

— Я знаю. Это печально. Но он пытался напасть на одного из них.

— Понимаю. И все равно мне трудно простить.

— Тебе надо простить. Они хозяева. Мы не имеем права роптать на то, что они считают нужным.

Странно было общаться с ней таким образом. Найл успевал читать рождающиеся у нее в уме слова еще до того, как она их произносила; получалось эдакое странноватое эхо. На секунду у Найла возник соблазн выложить Одине то, что он узнал от Каззака, но он сдержался. Было бы жестоко по отношению к ней раскрывать всю правду. Ее ум был не готов к такому страшному откровению.

— Ты должен возвратиться со мной в город,— сказала она ласково.— Они поймут, почему ты сбежал, и простят.— Она прижала его лицо к себе, так что он не видел, а только чувствовал.— А потом я позволю тебе стать моим мужем.

Найлу странно было слышать такое предложение. С таким же успехом принцесса могла предлагать руку простолюдину.

— Разве может служительница брать себе в мужья беглого раба?

Нежно стиснув голову Найлу ладонями, она смотрела ему в самые глаза.

— Служительница может брать в мужья кого захочет, в этом ее привилегия.

Их губы слились в упоительном, долгом поцелуе.

Словно светлая, чистая аура живительной энергии облекла их.

В этот миг Найл понял, что Одина лишила его выбора. В самом деле, он легко бы мог убедить ее уйти и сделать вид, что они никогда не встречались; из любви к нему она пошла бы на все, о чем бы он ни попросил. Но, поступив так, Найл превратил бы Одину в изменницу, обрекая ее на мучения. Нет, этому не бывать; он чувствовал, что теперь в ответе за эту женщину.

— Очень хорошо. Все будет по-твоему.

На этот раз прикосновение было решительным, требующим, губы впились жадно. Они самозабвенно предались ласке, ощущая мягкое тепло друг друга. Между делом Найл почувствовал у себя в волосах холодную щекотку и содрогнулся от отвращения: на шее хозяйничали ложноножки гриба.

— Что это? — срывающимся голосом спросил он.

Одина рассмеялась.

— Всего-навсего гриб-головоног.

Она поднялась, достала с пояса кинжал и отсекла гриб. Тот свалился на пол. К его удивлению, Одина нагнулась, насадила его на острие кинжала и скинула в поясную сумку.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Это славная еда.— Она ласково взъерошила Найлу волосы.— Когда ты станешь моим мужем, я его как-нибудь приготовлю.

Снаружи грянул оркестр.

— А сейчас пойдем.— Она взяла Найла за руку.

— Это ничего, что нас видят вместе?

— Почему бы и нет? — хохотнула она.— Пусть глядят, завидуют.

Когда они вдвоем выходили наружу, Найл чувствовал и радость и печаль. Радость оттого, что Одина рядом, печаль от мысли, что скрыться так и не удалось.

В глубине шатра стоял Доггинз; завидев Найла, он остолбенел от ужасной догадки и проводил его оторопелым, беспомощным взором. Найл избегал смотреть ему в глаза.

Зрительские места были уже полностью заняты. Люди плотно сидели на скамьях, бомбардиры стояли между рядами на высоких платформах. Одина подвела Найла к скамье, предназначенной, очевидно, для служительниц, села сама и уступила краешек Найлу. Другие служительницы поглядывали на Одину со сдержанным любопытством. Интересно было замечать, что им и в голову не приходит, что сейчас произошло между ними двоими; очевидно, Одина держала это в секрете от остальных.

Как раз впереди разместилось все семейство Доггинзов, те во все глаза смотрели на шатер, ребятишки сосали большие разноцветные леденцы. Крапчатый купол-пузырь изнутри казался голубым. Само стекло было прозрачным, почти до невидимости; судя по всему, оно обладало свойством пресекать жару. Под куполом, несмотря на обилие света, совсем не чувствовалось духоты, летний зной преображался в бледное тепло зимнего дня.

Одина была занята разговором с сидящей по соседству девушкой. Найл поглядывал на свою нареченную с тайной гордостью. Волосы янтарного цвета, загорелый бюст, белоснеж-

ные зубы — среди служительниц она, безусловно, выделялась своей привлекательностью. Укромный уголок счастья тихо светился внутри. Был ли Найл влюблен в нее? Вопрос казался совершенно неуместным. Он пребывал в том возрасте, когда каждому мучительно хочется быть любимым, когда от любой приветливой улыбки в сладком предчувствии замирает сердце. Что касается того, влюблен ли он в Одину... Стоит ли вообще задаваться этим, если она любит его?

Фанфары грянули еще раз, и воцарилась тишина, глаза зрителей были прикованы к шатру. Рабы поспешно выдергивали колышки, прикрепляющие полотнище шатра к земле. Навстречу зрителям вышел Билл Доггинз. Церемонно поклонившись, он повернулся лицом к шатру и вскинул руки, собираясь дать команду. Полотнище шатра картинно всплыло вверх, подаваясь ближе к стене карьера на скрытых шкивах, и накрыло вход в пороховой погреб, образовав своего рода экран-задник. При виде острова зрители разразились восторженными аплодисментами. Доггинз, очевидно взявший на себя роль церемоний-мейстера, вальяжно отодвинулся в сторону. На палубе корабля показался пират на деревянной ноге. Свирепым взором окинув публику, он проорал:

— А ну-ка, козявки! Что вы все на меня таращитесь! Вам не напугать Питера Деревянную Ногу!

Обернувшись, он рявкнул куда-то вниз:

— Эй, ребята, там собралась толпа каких-то кретинов и таращится на меня! А ну-ка давайте подсыплем им жару!

Тут сзади оглушительно грохнуло, и Питер Деревянная Нога испуганным зайцем скакнул в воздух, потеряв при этом шляпу и подзорную трубу. Зрители разразились хохотом, а жуки забавно зашевелились, потирая щупики, отчего послышался стрекот совсем как у сверчков. Найл, знающий пантомиму лишь смутной родовой памятью, хохотал громче всех.

Увеселение продолжалось. Питер Деревянная Нога прибыл со своими сообщниками на остров в поисках клада. Публике он заявил, что собирается остаток дней прожить в достатке, а на досуге подрабатывать палачом. Но на острове, оказалось, было полно дикарей-людоедов (их играли перемазанные сажей рабы). Новый главный бомбардир Питера (прежнего, он сказал, слопала акула) был недотепой, спички не мог зажечь

без того, чтобы не грянул взрыв. Когда главарь приказал ему дать ложный сигнал бедствия, дабы заманить в засаду проплывающее мимо торговое судно, а главный бомбардир зло на него покосился, все ребятишки завизжали от радости, предвкушая, что сейчас еще раз бухнет. Когда спустя секунду-другую главный бомбардир появился на палубе с охапкой петард, вся команда, включая самого Питера Деревянную Ногу, испуганно прикрыла голову руками, а смех и восторженный топот стали такими громкими, что Найл невольно заткнул себе уши. Понятное дело, петарды не замедлили рвануть во все стороны, а главный бомбардир, буквально чудом разминувшись со снопом пламени, мастерски сделал сальто-мортале. Судя по всему, это был натренированный акробат.

Было место и любовной истории; Найлу она приглянулась еще больше, чем беспрестанная пальба. Помощник капитана — честный малый, угодивший после неравного боя в плен к пиратам, полюбил красавицу с захваченного корабля, и они вдвоем решили бежать. Потом они попались дикарям-людоедам и следили из-за решетки, как те готовятся к пиршеству, где главным яством должны были стать пленники. К счастью, дикие люди не подозревали, что к костру они вместе с хворостом прихватили еще и охапку сигнальных ракет. В соответствующий момент грянул взрыв, простодушные людоеды бросились врассыпную, и пленники обрели свободу. Теперь было ясно, почему над зрительскими местами громоздится купол-пузырь: в него со всего лета врезались и с треском рассыпались три ракеты, а ему хоть бы что, ни царапины.

В третьем действии (пантомима длилась уже около двух часов) помощника капитана и его возлюбленную привязали к мачтам пиратского корабля, обложив их подготовленными для взрыва пороховыми бочонками, сам же главарь с сообщниками задумал бежать на торговом судне. Дикари воспользовались возможностью напасть на пиратский корабль. Пока герой с изумительной ловкостью перерезал стягивающие возлюбленную веревки кинжалом, который держал в зубах, людоеды всей кучей взобрались на борт по веревочной лестнице. Рабы отрепетировали сцену недостаточно хорошо, и получилась накладка во времени: вскарабкавшись чересчур быстро, они встали в круг и смиренно глазели, как усердствует главный

герой, стараясь не подавать виду, что работает у врагов на глазах. Было видно, как на заднем краю сцены командует Доггинз, рубящими жестами отдавая приказы, но зрители не обращали на это никакого внимания. В конце концов персонажей освободили окончательно, и главный герой, отрубив кинжалом горящий конец фитиля, бросил его, не оглядываясь, через плечо. Фитиль, конечно же, угодил в ведро с петардами, которые полоснули во все стороны, зажигая своими искрами фейерверки, которые — вот уж разберись почему — были накиданы по всей палубе. Это лишь сдобрило кульминацию. Когда герой и героиня благополучно улизнули (их утянула невидимая со зрительских мест веревка), весь корабль превратился в красочный фейерверк; разноцветные искры снопами сыпались из иллюминаторов, люков и даже с макушек мачт.

Тут стало ясно, что дикари отступили от общего сценария. Они самозабвенно отплясывали среди снопов искр, хохоча и размахивая руками. Один из них вякнул от боли: петарда угодила ему между ног, бедняга спрыгнул за борт. Остальные, похоже, совсем ошалели от радости. Доггинз сам выскочил на палубу и закричал им, чтобы убирались, но его голос утонул в грохоте фейерверка и взвизгах смеха.

В эту секунду грянул взрыв, настоящий, полубак корабля неожиданно разлетелся в щепки. Рабы уставились, остолбенев, словно принимая происходящее за шутку. На миг прорезался осипший от постоянного крика голос Доггинза:

— Скорей отсюда, дубины!

Он сам, развернувшись, бросился наутек, и в эту секунду корабль сотряс второй взрыв, куда мощнее предыдущего. От палуб повалил вверх черный дым, а на купол-пузырь дробно посыпались сверху обломки. Сидящие перед Найлом дети хлопали в ладоши и радостно смеялись, задорно блестя глазенками,— они, очевидно, считали, что это все еще идет представление. Петарды рвались по всей сцене-острову, и Найл с недобрым предчувствием заметил, как полотно шатра, принайтованное к отвесному склону карьера, занялось огнем и как пламя поползло вверх. С оглушительным грохотом взлетел на воздух и сам остров. Тут Найл вспомнил о дорожке просыпанного пороха, ведущей туда, в пещеру. Спустя секунду земля под ногами тяжко вздрогнула, зрительские места закачались, дети

полетели на пол. Женщины подняли визг, затем начали чихать, кашлять: черный дым повалил под стеклянный купол-пузырь. Толчки напоминали землетрясение, каменные осколки черным градом тарабанили по куполу. Некоторые скамьи развалились, но в большинстве своем оказались удивительно устойчивы. Один огромный камень с человека ростом пробил своим весом купол-пузырь и рухнул неподалеку от Найла, размолотив ступени. Однако в большинстве своем камни оставляли на стекле лишь заметные трещины; несмотря на прозрачность, оно, очевидно, прочностью не уступало стали.

Удивительно, но среди людей не возникло давки. Каждый понимал, что под куполом безопаснее, и все оставались на своих местах.

Дети, притихнув на полу, смотрели во все глаза на стекло, потемневшее от навалившего мусора. Одина стиснула руку Найла и уткнулась лицом ему в плечо. Сотрясающие, грохочущие раскаты постепенно унялись, и наконец все стихло окончательно.

— Пойду посмотрю, как там Доггинз,— сказал Найл.

Цепляясь за перила, он двинулся вниз по лестнице, обогнув на пути дыру, проделанную свалившимся камнем. От пыли и гари в горле першило так, что невозможно было сглотнуть. Идти приходилось будто через густой туман. Когда осела пыль и свет солнца, просеявшись, обеспечил видимость, Найл понял, как все-таки повезло, что все находились под куполом-пузырем. Все палатки и аттракционы просто смело. Там, где находился остров, теперь на дне кратера была глубокая воронка. Гора, в которой находился пороховой погреб, просела, подножие представляло собой горбатую груду обломков.

Найл отыскал Доггинза. Тот, пропыленный и злой, угрюмо глядел в воронку.

— Хвала небу, с тобой все в порядке! — обрадованно воскликнул Найл.

— Со мной-то да. Но я лишился сотни тонн взрывчатки, черт бы ее побрал.— Он с гневливым отчаянием указал на кучу мусора.

— А что с рабами?

— Они получили по заслугам, придурки чертовы. А вот где мне брать теперь взрывчатку до конца года?

— Может, лучше сходишь поищешь свою жену? Она, наверное, за тебя переживает.— Найл никак не мог привыкнуть говорить о женах во множественном числе.

— Да, пожалуй.

Доггинз, досадливо вздохнув, повернулся в направлении зрительских мест, купол над которыми был покрыт пылью и мусором; местами пыльный осадок имел зловещий красноватый оттенок. Тут снова донесся гулкий раскат, вместе с которым просела еще одна, отдаленная часть склона.

Мостиг, лысый помощник Доггинза, выскочил из подземного кратера, что под зрительскими местами. К удивлению, он улыбался от уха до уха. С коротким смешком он шлепнул Доггинза по плечу.

— Чудесно! Тебя теперь повысят в чине!

Доггинз сердито сверкнул на него глазами, очевидно подозревая, что над ним подтрунивают.

— Ты о чем?

Мостиг понизил голос.

— Они полагают, что все так и было задумано. Я б на твоем месте все так и представил.

Из-под купола высыпала беспорядочная толпа жуков-бомбардиров и окружила Доггинза. Они размахивали шупиками и пронзительно цвиркали — даже Найл понимал, что жуки выражают одобрение. Доггинз поворачивался от одного к другому с ошалелой, блуждающей улыбкой, всем своим видом выражая застенчивый протест. Найл опешил, когда самый крупный из жуков поднял переднюю лапу и возложил ее Доггинзу на голову, сам Доггинз тотчас простерся на полу.

— Что это значит? — шепотом спросил Найл у Мостига.

Мостиг наблюдал за происходящим так пристально, что пришлось повторить вопрос.

— Это значит... значит, что он говорит: дескать, относимся к тебе, Доггинз, как к равному,— выговорил наконец Мостиг. Он сам, похоже, не мог поверить своим глазам.

— А это что, большая честь?

— Какой разговор! Это все равно что... взять и короновать.

Доггинза подтолкнули, чтобы вставал на ноги, и он сделал это со смиренной покорностью. Найл на секунду повстречал-

ся с ним глазами и испуганно удивился стоящей в них горькой муке.

Дым понемногу начал рассеиваться, жуки и люди расходились со зрительской площадки. Лукреция, стряхивающая пыль со своей черной тоги, готова была разрыдаться. Лица у остальных жен и ребятишек были тоже совсем унылые. Увидев, что мужа обступили жуки, Лукреция взглянула с интересом, а когда вслушалась в высокое цвирканье, лицо ее выразило восторженное изумление; затем она, похоже, вообще перестала верить своим глазам. До остальных жен и детей тоже дошло, что происходит нечто важное, и они также приумолкли, навострив уши. Когда жуки повернулись уходить, Доггинз снова распростерся на земле и лежал, не поднимаясь, пока они не скрылись. К поднявшемуся мужу уже спешила Лукреция; подбежав, обвила ему руками шею, остальные жены и детвора стайкой стеснились вокруг.

— Эх, везет же кому-то с рождения,— пробормотал Мостиг Найлу на ухо.

Найл искал глазами Одину, через минуту увидел ее в толпе, потоком сходящей со зрительской площадки. Она, судя по всему, тоже разыскивала его. Найл начал протискиваться в ее сторону. Но не успел пройти и нескольких метров, как кто-то сзади схватил за руку. Доггинз:

— Не уходи. Мне надо тебя на пару слов.

— Хорошо. Только сначала переговорю с той вон служительницей.

Он махнул Одине, но та смотрела в другую сторону.

— Успеешь,— нетерпеливо перебил Доггинз.

Он крепко взял Найла за обе руки и решительно повел его в сторону эстрады. Она надежно скрыла их от толпы.

— Та крепость — ты можешь мне показать, где она?

— В общем-то, могу. Только надо изобразить план.

— Да ну его, план. Ты провести меня туда можешь?

Найл посмотрел на него в замешательстве, такая напористость сбивала с толку.

— Но это же в городе, в квартале рабов.

— Знаю, знаю,— кивнул Доггинз нетерпеливо.— Так берешь меня?

— Когда? — Найл думал об Одине.

— Нынче вечером.

— Извини, но это невозможно.

— Почему? — не сказал, а взвыл от отчаяния Доггинз.

— Потому что я обязан вернуться к паукам.

Доггинз потряс его за плечо.

— Ты о чем говоришь, дурище? Я же сказал, что все беру на себя.

— Но это было до того, как вон та служительница...

Доггинз досадливо застонал.

— Ты хочешь сказать, что взят под стражу?

— Не совсем так. Просто я ей обещал...

— Что между вами двоими происходит? — (Найл смущенно отвел глаза.) — А я вижу, и впрямь что-то заварилось.

— Она хочет взять меня в мужья,— тихо сказал Найл, словно извиняясь за Одину.

Доггинз, к его удивлению, издал облегченный вздох.

— Слава богу! — Он хлопнул Найла по плечу.— В таком случае, коль ты ее будущий муж, она не подставит тебя раскорякам, да?

— Но она просит, чтобы я вернулся, и я обещал...

— На этот счет все в порядке. Ты можешь это сделать завтра. Ведь ты привел сюда рабов нынче утром, так что вечером вести их назад тоже тебе, верно?

— Рабов-то? — Найл растерялся.

— Так точно, рабов.— Доггинз лукаво подмигнул.

Тут до Найла стало доходить, что у того на уме, и его пробрало волнение. От нарождающейся надежды сердце забилось быстрее, Доггинз же истолковал это как нерешительность.

— Давай-давай, тут делов-то!

Найл глубоко вобрал воздух.

— Мне бы вначале переговорить с Одиной.

Доггинз стиснул ему руку.

— Я сам пойду ее приведу.

Пока Доггинз ходил, ум юноши метался. Он сам не смел поверить, что все складывается так удачно, в облегчении была доля сомнения. Несколько часов назад он размышлял, как склонить Доггинза к взаимодействию, а теперь, похоже, тот шел на это сам, совершенно добровольно. Вопрос был лишь в том, что подвигло его на такой риск.

Одина пришла одна. Едва увидев ее, Найл понял, что она сделает все, о чем бы он ни попросил. Вытянув руки, он взял ее ладони в свои, а Одина обняла его за шею.

— Слушай, мы нынче собираемся на вечер задержаться здесь,— сказал он.— Тебе это не запрещается?

Она покачала головой.

— Хорошо. А то я уже обещал Доггинзу, а от своего слова тоже отказываться неудобно.

И без того было понятно, что в объяснениях нет смысла: она согласится со всем, что он ей скажет.

— Другие служительницы тебя не хватятся?

— Нет. Мы можем оставаться где угодно.

Одина поцеловала его частыми мелкими поцелуями, и у Найла в голове сложился почему-то до смешного неуместный образ: вспомнилось о крохотной ложноножке, пытающейся обвиться вокруг пальца. Образ мелькнул и пропал, а Одина вот она, прижимается, да нежно так! Просто прелесть.

Из-за края эстрады вынырнул Доггинз, так неожиданно, что они оба вздрогнули.

— Прошу прощения,— улыбнулся он виновато.— Пора идти.

Когда вышли, над дорогой стоял легкий серебристый туман и тени на фоне взошедшей луны казались живыми. Влажная прохлада воздуха составляла приятный контраст мягкому, обволакивающему внутреннему теплу: прежде чем отправиться, они сообща распили чашу горячего вина с пряностями. Найл шагал впереди, остальные тянулись следом двумя разрозненными вереницами. На всех были затасканные серые рубахи, и любой встречный принял бы их за измотанную колонну рабов, возвращающихся после долгого, утомительного дня. Кстати, за Найлом шел не кто иной, как давешний «предводитель» пиратов, у него в самом деле одно плечо было выше другого. А вон тот, горбатый (под рубаху специально пришит валик),— тоже неподалеку — помогал нынче Мостигу. Все были молоды, а выбраны в основном из-за небольшого роста.

Шли медленно, поскольку Доггинз — замыкающий — не позволял приближаться к паучьему городу обычным здесь быстрым шагом. Он настаивал, чтобы все прониклись мыслью, что они — усталые рабы, и плелись соответственно. Указаниям

Доггинза следовали с такой методичностью, что прошло почти два часа, прежде чем добрели наконец до северной окраины.

Надо сказать, что Найл поначалу отнесся к этому рисковому предприятию с сомнением, но, по мере того как приближались к городу, уверенность крепла. Опасался он, в частности, потому, что не был уверен в стойкости этих неопытных юношей, но вскоре убедился, что недооценивает их. Слуги жуков никогда не держали перед пауками страха, потому и это вторжение в их твердыню принимали за некое забавное приключение. Вот почему, шагая в холодном дышащем лунном свете, вдыхая аромат листвы и сырой земли, он чувствовал облегченную радость от мысли, что обратного хода нет: свершилось, жребий брошен.

Главный проспект казался странно пустым, смутно белеющие полуразрушенные здания смотрелись как пейзаж пустыни. На этот раз ощущения, что за ними наблюдают незримые глаза, не возникало. Если пауки на них смотрели, то без любопытства.

Найл с Доггинзом уже согласовали меж собой план. Найл подводит их к небольшой площади, где сегодня утром собирали рабов. Там они расстаются и по двое-трое пробираются своим ходом к казармам, расположенным всего в трех кварталах к северо-востоку. Там прячутся в ближайшем заселенном доме и дожидаются, пока подтянутся все. Затем поутру начнется самое главное. Как рассудил Найл, когда весь квартал рабов погрузится в сон, у пауков не будет особой причины хранить бдительность.

Но уже по приближении к реке Найл начал испытывать первые опасения. Даром что за потрескавшимися оконными рамами горели масляные светильники, а из подъездов доносились запахи кухни, сами улицы были уже пусты. Найл почему-то считал, что в квартале рабов вечерами так же людно, как и на рассвете. Тишина улиц наполняла смутной тревогой. Если рабы не боятся пауков, почему они все хоронятся внутри помещений?

С главного проспекта Найл свернул налево и через несколько минут привел свою бригаду на площадь, там и остановились. Сама площадь была пуста, но в домах вовсю кипела жизнь.

Слышались младенческий плач, перебранка женщин, крики детей. Найл для виду крикнул:

— Бригада, стой! Разойдись!

Доггинз медленно, словно нехотя, сунув руки в карманы, подошел к Найлу и быстрым кивком указал на ближайшую открытую дверь подъезда:

— Во, пойдем. Хоть что-нибудь перехватим поесть.

От ходьбы все проголодались. Когда Найл попытался войти в подъезд, навстречу ему выскочила беременная женщина и, размахивая руками, закричала:

— Места нет, места нет!

Она решительно наступала, и мужчины попятились. Дверь захлопнулась перед самым лицом. Найл и Доггинз переглянулись в смешливом удивлении.

— Что теперь?

— Давай пробовать соседнюю дверь.

Но и здесь произошло то же самое. На нижней ступени лестницы, хлебая из чашки суп, сидел чахлого вида человек с впалой грудью и зобом. Едва завидев Найла на пороге, бледнотик сказал:

— Прошу прощения, места нет. Поищите где-нибудь еще.

Не успел Найл подойти, как тот вскочил и уверенно загородил проход. Мелькнула мысль, а не отпихнуть ли его в сторону, но он вовремя понял, что это опасно: привлечет внимание. Кроме того, было ясно, что крайняя комната заполнена до отказа. Доггинз снаружи уже начинал волноваться. Вереница из двадцати рабов на совершенно пустой площади смотрелась очень даже подозрительно. Понятно было, что отыскать убежище надо просто немедленно. Однако беглого взгляда на освещенные окна в соседних домах было достаточно, чтобы понять: дома вокруг площади по большей части также переполнены.

На угловом здании виднелась как попало намалеванная табличка: «К-2». Именно здесь ему указывали искать Морлага, чернобородого надсмотрщика. Найл толкнул дверь; к счастью, никто не кинулся навстречу. Однако едва зашел в коридор, как откуда-то сверху донеслось:

— Пшел вон!

Над перилами появилось лицо. Это был тот самый, по имени Лоррис.

— Мы только что вернулись. Куда нам теперь?

Лоррис признал давешнего собеседника.

— А, это ты. Ничего, входи. Я думал, это раб.

— Но со мной снаружи еще два десятка. Куда нам податься?

Лоррис пожал плечами.

— Да хоть куда, только чтобы не в то место, где ночевали вчера.

— Это как? — удивился Найл.

— Такой порядок. Рабам нельзя две ночи подряд ночевать в одном и том же месте.

— Почему нельзя?

Лоррис раздраженно развел руками.

— А я почем знаю? Не я здесь законы придумываю.

— Спасибо.

Снаружи Найл сказал:

— Здесь лучше не задерживаться. Давай попробуем на соседней улице.

— А не лучше будет перебраться ближе к казармам?

— Желаешь рискнуть?

— Все лучше, чем здесь торчать.— Доггинз кивнул на аллею, ответвляющуюся от северо-восточного угла площади.— Пойдем вон тем путем.

— Я думаю, лучше все же придерживаться центральных улиц.

Доггинз покачал головой.

— Давай идти кратчайшим путем. Лучше, если ты пойдешь первым.

Найл решил не спорить. Он повел их через площадь к проходу аллеи. Однако в десятке саженей темнота сделалась такой непроницаемой, что они вынуждены были остановиться. Словно занавеси из черного бархата вокруг.

— Подожди минуту, я сейчас зажгу свет.

Другой голос — похоже, помощника Мостига:

— Что случилось?

В голосе, показалось, звучит нарастающая паника.

И тут совершенно внезапно Найла пронизала темная тревога, такая острая, что просто волосы дыбом. Ощущение такое, что еще секунда — и произойдет страшное, непоправимое. Найл схватил Доггинза за запястье.

— Думаю, нам лучше вернуться.

— Зачем?

— Делай как говорю.

Видно, сказано это было так, что все подчинились, не рассуждая. Через минуту они уже снова были на площади.

— Где Маркус? — спросил помощник Мостига.

— Маркус! — окликнул Доггинз.

Ответа не послышалось. В этот миг Найл понял, что непоправимое уже произошло.

Доггинз двинулся назад в сторону аллеи, клича на ходу Маркуса. Прежде чем он успел шагнуть в темноту, Найл схватил его за локоть, не давая ступить дальше.

— Ты чего? — Доггинз попытался высвободить руку.— Пусти ради бога, я не могу оставить его умирать.

Найл, наклонившись к нему, негромко сказал:

— Он уже мертв.

Перед внутренним взором возникло почерневшее тело отца.

— О небо!

Найл почувствовал, как растет страх, и до конца осознал всю степень грозящей им опасности. Его собственной реакцией было максимально сосредоточиться и взять себя в руки. Специально используя свой медальон так, чтобы можно было сильнее излучать свою волю наружу, он наклонился вперед и прошептал на ухо Доггинзу:

— Скажи им, что ты его отыскал. И скажи, что нам пора трогаться.

Почувствовалось, мысленный приказ начинает оказывать действие: паника улеглась. Доггинз повернулся к остальным.

— Все нормально, он отыскался.— Голос был бодрый, спокойный.— А теперь пошли.

— Построиться, и за мной,— уточнил Найл.

К счастью, никто не стал задавать вопросов. А между тем, если бы светила луна, скрыть обман было бы невозможно. Но она была сокрыта высотными зданиями на северо-востоке, и

темнота стояла почти полная. Через несколько секунд они шагали на северо-восток по центру узкой улицы.

Найл был потрясен. У него не закрадывалось сомнения насчет того, что произошло. Всякая попытка человека крикнуть или оказать сопротивление уже заранее была парализована жесткой паучьей волей. К этому моменту от тела бедняги, вероятно, мало что осталось. Кстати, даже сейчас опасность еще не миновала. Стоит кому-нибудь заметить, что Маркуса в строю нет, неминуемо последует взрыв паники, и их присутствие обнаружат.

Только когда без всякого нервного метания прошли через следующий освещенный луной перекресток, Найл понял, что можно перевести дух. Никто не усомнился в правдивости Доггинза, когда тот сказал, что Маркуса нашли.

Что касается их местонахождения, то здесь Найл чувствовал стопроцентную уверенность. План квартала рабов он представлял так же ясно, как если бы у него перед глазами висела карта. Каждая деталь была четкой и понятной, поскольку усваивал он ее в состоянии усиленной сосредоточенности. Из карты следовало, что казармы находятся отсюда в двух кварталах к северу. Проще всего было бы пройти через широкий проспект, идущий от зала собраний к реке, но Найл отклонил такой вариант как не вполне надежный. Вместо этого он решил пройти дальше по узкой улице и повернуть налево на следующем перекрестке.

На той стороне проспекта начинался район, разрушенный в свое время пожаром. Большинство домов представляло собой лишь остовы, в воздухе стоял густой запах горелого дерева. К югу луна освещала кучи мусора, а в отдалении виднелась река. На следующей улице Найл велел повернуть налево. Чувствовалось, что огонь прошелся и здесь, но большинство домов все же устояло. Найл обрадовался: паутины нигде сверху не было видно. Не похоже, чтобы пауки обитали в этих сиротливых развалинах.

Пройдя с полпути вдоль улицы, поравнялись с неприметным полурассыпавшимся зданием, откуда на дорогу свешивало ветви изогнутое дерево. Дом по соседству тоже был разрушен, улицу перегораживали разновеликие груды обломков, метров до трех высотой. Найл решил перебираться в этом ме-

сте и первым полез вверх по куче камней, осторожно выверяя перед каждым очередным шагом, надежна ли опора. Так и перебрался, отделавшись лишь оцарапанным запястьем да синяком на голени, и обернулся, поджидая остальных. Луна теперь находилась как раз сзади, серебря ветви дерева, листья на котором, кстати, чуть слышно шелестели, как на легком ветру.

У него хватило времени осмыслить некоторую странность: откуда ветер, ночь-то тихая? — когда из темноты свалился паук. Произошло все так быстро, поначалу сложно было и разобрать, что это,— может, тень мелькнула. Падение было совершенно бесшумным, раздался только приглушенный крик человека, на которого он упал,— такой слабый, что никто из остальных, похоже, и внимания не обратил. На секунду Найл изумленно застыл, парализованный невероятностью происходящего. Паук приметно двинул головой — клыки всажены. Найл невольно вскрикнул, остальные в смятении обернулись. Напали на замыкающего. Если б не Найл, никто бы и не заметил, что задний исчез. Теперь было понятно, как именно исчез раб, когда шли к городу жуков.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Найл снова кинулся вверх по обломкам, в темноте сбив кого-то с ног. Взлетев наверх, он увидел паука, бредущего в сторону немо зияющего подъезда. На спине у него большой куклой болталось безучастное человеческое тело.

Ослепленный внезапной яростью, Найл подхватил первый попавшийся камень и запустил его в восьмилапого. Камень глухо стукнул о ворсистый бок. Существо мгновенно остановилось (чувствовалось его изумление), обронило тело и озадаченно повернулось. Не успел камень сорваться с руки, как до Найла запоздало дошло, что поступает он опрометчиво. Развернувшись рывком, он попытался юркнуть вниз. Куда там! Тело неподвижно застыло, словно мышцы сковало ледяным панцирем. Все, застыв, в ужасе смотрели, как паук, выставив клыки, приближается к Найлу. Глаза смотрели с отстраненной безучастностью убийцы. Парень совершил немыслимое, напав на смертоносца.

Кто-то пронзительно взвизгнул. Найл вздрогнул и понял, что возможность двигаться все же есть. Медальон жег грудь

пылающим углем. Глядя на небрежные, неторопливые движения — паук, похоже, нарочито растягивал время,— юноша ощутил прилив горького гнева. Надо же, какое откровенное, унизительное, наглое превосходство исходит от твари! И он судорожно рванулся. Медальон, казалось, накалился еще сильнее (ожога на груди точно не миновать), но Найл от этого лишь еще больше напрягся. И тут с внезапностью лопнувшего провода воля паука отрикошетила сама в себя, и смертоносец вздрогнул, как от боли. Собственный импульс бумерангом возвратился к нему, да еще и усиленный ненавистью Найла. Паук пригнулся, как пес под ударом палки. Но вот он собрался с силами, и Найл опять сполна ощутил всю мощь его воли, хлестко ударившей в самую сердцевину нервной системы.

На этот раз Найла не удалось застичь врасплох. Подкрепленный мыслью, что существо все же уязвимо, он ударил своей волей, словно криком гнева. Опять почувствовалось, как паук трусливо съежился. Тем не менее его воля цепко удерживала Найла, не давая размахнуться, так что все усилия оказывались тщетны; руки чешутся ударить как следует, да никак не дотянуться. В попытке «достать» паука Найл клонился вперед, словно превозмогая сильный встречный ветер, и наконец почувствовал, что воля смертоносца начинает колебаться. И тут с внезапностью, от какой Найл едва не лишился равновесия, паук сдал. На мгновение лапы у него будто подогнулись, затем он повернулся и побежал, волоча за собой бесчувственное человеческое тело. От необузданного торжества у Найла голова шла кругом, он в жизни еще не переживал такого триумфа. Ошеломляюще навалилась усталость, с плеч передавшись на ноги. Колени у Найла подогнулись, он едва удержался, порывисто взмахнув руками. Когда спустился с кучи, усталость сменилась тяжело пульсирующей головной болью.

— Как у тебя получилось его шугануть отсюда? — изумился Доггинз.

— Потом объясню.— Язык у Найла заплетался как у пьяного.— Надо отсюда убираться.

Все засуетились, заспешили. Найл чувствовал общую взвинченность и понимал, что с того момента, как они вступили в квартал рабов, опасность сейчас сильнее всего. Если где-ни-

будь в соседних зданиях гнездятся еще пауки, то не успеют они дойти до конца улицы, как те непременно будут тут как тут. От собственной опустошенности возникало чувство беспомощности. От переживаний отвлекло жжение в груди. Именно поэтому он полез под рубаху и ощупал досаждающее место кончиками пальцев. Так и есть, язвочки и волдыри. Любопытства ради он повернул медальон овальной выпуклостью внутрь. В эту же секунду боль усилилась так, что Найл поперхнулся собственным дыханием. Доггинз тревожно на него покосился. Где-то около минуты мозг напоминал лодку среди бушующих волн нестерпимой муки. Однако боль в конце концов переплавилась в жестокую сосредоточенность, и Найл почувствовал, что самообладание возвращается. Осознание этого будоражило, наполняя победным торжеством, едва не таким же, как отпор смертоносцу. Раньше Найлу удавалось сносить боль и усталость лишь до определенного момента, дальше всегда приходилось отступать. А вот сейчас, похоже, он одолел эту извечную обреченность и на какой-то миг ощутил себя неким покорителем горной вершины.

Они дошли до конца улицы, выходящей на широкий проезд, вдоль которого безмолвно высились величественные, но почерневшие от времени и обветшалые здания. Прямо напротив громоздилась стена метров десяти высотой, наверху щетинились длинные шипы. Поверхность стены была абсолютно гладкой, словно высеченной из сплошного камня. На вид она казалась такой же неприступной, как отвесная скала. Освещенные лунным светом казармы напоминали Найлу о цитадели на плато.

Все озирали стену с унылой безнадежностью, только одному Доггинзу, похоже, все было нипочем. На лице у него читалось тайное злорадство: победа близка.

— Что ты там думаешь отыскать? — спросил Найл.

— Взрывчатку,— ответил тот, почему-то настороженно покосившись.— И оружие.

— Оружие?

— Именно. Оружие,— произнес Доггинз вкрадчиво и повернулся к остальным.— Ладно, давайте-ка ближе ко мне и держитесь в тени.

Метров через тридцать они очутились как раз перед центральными воротами крепости. Огромные монолитные двери выше самих стен и тоже унизаны сверху острыми, как иглы, шипами. По соседству в стене находилась дверь поменьше, но та была податлива не больше, чем сама стена.

Еще триста метров, и они уже возле юго-западного угла, граничащего с выводящим к реке проездом. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: западная часть стены так же неприступна, как и остальные. В отличие от зданий на проспекте эти стены возводились явно на века.

Пройдя с полминуты вдоль северной части, они неожиданно вышли еще к одним воротам. Тоже массивные, из литого металла, точно с таким же частым рядом безукоризненно острых шипов поверху, но эти умещены были между широкими столбами, каждый из которых венчал большой штырь. Доггинз, остановившись, изучал столбы с непонятным вниманием — картина казалась такой же безнадежной, что и возле другого входа.

— Милон, давай веревку,— неожиданно сказал он.

Один из людей стянул с себя серое рубище, под которым оказалась обыкновенная желтая туника жучиного слуги. Он отвязал обмотанную вокруг пояса веревку (Найлу она показалась опасно тонкой). Затем Доггинз достал из кармана металлический крюк — оказалось, складной, наподобие якоря-кошки. Его он принайтовал к концу веревки и, примерившись, бросил вверх. Якорь зацепился за два крайних от ворот шипа. Подергав для верности веревку, Доггинз полез наверх. Вскоре он уже стоял на столбе, придерживаясь обеими руками за штырь, чтобы не свалиться. Теперь было ясно, почему он присмотрел именно этот пятачок. Ширины столба по обе стороны острия хватало как раз, чтобы пролезть человеку сухого телосложения.

Достали еще одну веревку. Ее Доггинз привязал к основанию штыря и сбросил за стену на ту сторону. Через секунду подрывник исчез.

Найл полез следующим. Дотянувшись наконец до верха, он сумел удержаться на вершине ворот, после чего, перебирая ногами, закрепился на столбе. Лунный свет падал на виднеющиеся внизу длинные крыши казарм. С этой же точки открывался вид на юг, на реку и небоскребы паучьего города. В лун-

ном свете башня горела ровным зеленоватым свечением, а непосредственно за ней различалась черная глыба вместилища Смертоносца-Повелителя. Внезапно Найл почувствовал себя таким уязвимым, открытым для обзора, что, проскользнув между штырями, поспешил спуститься вниз за стену.

Дожидаясь остальных, скатывающихся вниз один за другим, Найл с Доггинзом молча озирали пустынный строевой плац, окруженный длинными приземистыми солдатскими казармами. Паутины не было видно нигде, а в целых, непобитых стеклах окон поблескивала луна. Что-то в общей атмосфере этого места нагоняло на Найла неизъяснимое одиночество и тоску. Заговорив с Доггинзом, он невольно поймал себя на том, что говорит тихо, понизив голос, словно боясь потревожить тишину.

— Как ты считаешь, почему пауки никогда сюда не забирались?

— А зачем им? Что им здесь делать?

— Получается, здесь ничего не менялось с той самой поры, как люди оставили Землю?

— Видимо, да,— сказал Доггинз, криво усмехнувшись.

В паре саженей слева возле стены что-то смутно белело. Найл подошел взглянуть и наткнулся на человеческий скелет. Очевидно, он лежал здесь уже долго, и от времени и непогоды череп сделался тонким и хрупким. Найл повернулся к Доггинзу.

— Кто-то пытался сюда пробраться.

Доггинз пошевелил кости носком башмака, некоторые отвалились.

— Знать бы, от чего он здесь помер.— Доггинз задумчиво разглядывал верхотуру стены.

— Может, паук догнал?

— Может,— не особо вникая, сказал тот.

Оба вздрогнули от судорожного прерывистого поскуливания, исходящего словно от некоего животного. До Найла дошло, что доносится оно от кого-то из людей Доггинза, тесно сбившихся возле стены.

— Что случилось? — резко окликнул Доггинз.

— Тут что-то с Каприаном!

На земле корчился в муках человек, тело отчаянно извивалось. Он пытался что-то выговорить, но боль не давала произ-

нести ни звука. Человек давился, на губах проступила белая пена. Резко выгнувшись, он внезапно обмяк и перестал шевелиться. Глаза закатились, виднелись одни белки. Доггинз пощупал пульс, но и так уже было ясно, что человек мертв. Агония длилась не дольше десяти секунд.

Доггинз выпрямился, даже в темноте было заметно, насколько он бледен.

— Кто-нибудь знает, что произошло?

Все лишь угрюмо покачали головами. Было видно, что люди близки к истерике.

Доггинз приподнял правую руку мертвеца и перевернул ее. На тыльной стороне предплечья была царапина около двух сантиметров длиной.

— Вот оно что. Шипы отравлены.

Мысль о том, насколько они были близки к смерти, на некоторое время всех словно парализовала. Однако Доггинз был решительно настроен не допустить, чтобы люди успели поддаться страху.

— Пора двигаться. А теперь слушайте меня внимательно. В одном из этих зданий и находится арсенал. Мне надо, чтобы вы отыскали, в котором именно.

Найл указал на крайнее здание в северо-восточном углу.

— Мне кажется, что в этом.

— Почему?

— Оно было помечено на карте.

Доггинз с сомнением покачал головой.

— А я вот думаю, оно походит скорее на канцелярию. Но все равно давай посмотрим.

Более пристальное изучение показало, что он прав. Действуя плечами как таранами, они взломали дверь, затем зажгли масляные светильники и разбрелись по зданию. Убранство большинства комнат было примерно одинаковым: столы, стулья, этажерки с множеством полок. Воздух стоял застойный, мертвый, как в склепе; к чему ни прикоснись — всюду темная пыль. Когда кто-то потянул занавеску, та порвалась, словно подмокшая промокашка.

Доггинз один за другим выдвигал из стола ящики. Когда выяснилось, что один из них заперт, вынул нож и, нетерпеливо тряся лезвием, расщепил зазор до широкой щели. Лезвие,

щелкнув, сломалось, но Доггинз довольно хмыкнул: ящик открылся. Он оценивающе взвешивал на ладони какую-то длинноствольную штуковину.

— Что это?

— Бластер системы Флекноу.

— Что он делает?

— Излучает чистую энергию. Смотри.

Сверкнула беззвучная голубая вспышка (Найл от неожиданности просто подпрыгнул), и из ствола метнулась прерывистая нить света. Почти тотчас же запахло нагретым металлом и озоном. Через стену около окна лунный свет проникал теперь беспрепятственно, бластер проделал аккуратное круглое отверстие диаметром около пяти сантиметров.

— Как ты догадался, что он здесь?

— Просто наугад. Это уже не первая казарма, где мне доводилось бывать.— Он бережно похлопал по оружию.— С таким нам никакой паук не страшен.

— Это и есть то самое, что ты рассчитывал отыскать?

— Да, в том числе.

В проходе показался Милон.

— Здесь ничего нет, сэр. Просто канцелярия, как вы и полагали.

— Ты уверен, что арсенал располагается именно здесь? — спросил Доггинз.

Вместо ответа Найл закрыл глаза. Он не пытался особо припоминать схему расположения казарм — в данный момент не это было главное,— но перед внутренним взором по-прежнему виднелась надпись «Арсенал» в северо-восточном углу плана.

— Да, абсолютно уверен.

Доггинз покачал головой.

— В таком случае, наверное, план специально был составлен для дезинформации.

— С какой стати?

— В двадцать первом веке на воинские части очень часто нападали политические террористы. Вот почему, кстати, в это место так сложно проникнуть.

— Но в таком случае они, конечно же, позаботились укрыть арсенал понадежнее?

Доггинз аж пальцами щелкнул.

— Слушай, а ведь в самом деле! Вот он, ответ. Под землей.— Он повернулся к Милону.— В этом месте есть подвал?

— Да, только он заперт.

— Покажи мне, где он.

Милон провел их по коридору и стал спускаться по лестнице.

В самом низу находилась обитая стальными листами дверь. Ручка, естественно, не поддавалась. Доггинз подставил к ней бластер и нажал на спуск. Дверь отлетела как от толчка, веером рассеялись брызги расплавленного металла.

Однако, судя по помещению, здесь находился архив. Длинные ряды полок, ящики с бумагами, кассеты с микропленкой. Доггинз распорядился разойтись и осматривать стены в поисках тайного хода, но продолжительный поиск успехом не увенчался.

— Пожалуй, ты прав,— определил Доггинз.— С казармами в центре города они не могли рисковать. Не спрячь они оружейные склады понадежнее, одна бомба террориста смела бы их с лица земли. Единственно, что имело смысл, создавать их под землей.

При этом Доггинз удрученно посмотрел на пол. Найл снова закрыл глаза и попытался мысленно воссоздать план.

— Надпись «Арсенал» была не на самом здании, а где-то впереди,— сказал он в конце концов.

У Доггинза радостно блеснули глаза.

— Ну-ка пойдем, покажешь!

Снаружи Найл указал на квадрат возле северной стены здания.

— Где-то здесь.

— Так,— сказал Доггинз, оживленно обернувшись к остальным.— Ищем какой-нибудь вход, возможно потайную дверь. Расходимся цепочкой — вот так вот — и топаем, топаем ногами, пока кто-нибудь не заслышит полый звук.

Найл наряду с другими тоже взялся протаптывать площадь в сорок квадратных метров. Покрытие под ногами было гладким и черным, минут через десять сводило уже обе ступни. Доггинз ползал на четвереньках, пытливо выискивая хоть ка-

кую-нибудь щель; чувствовалось его растущее беспокойство. У остальных усердие тоже шло на убыль.

— Ищи мы сейчас воду с помощью лозы, мой прадед в две минуты все бы решил,— вздохнул поблизости помощник Мостига.— На этот счет ему равных во всей округе не было.

Найлу неожиданно вспомнилось, что ведь и ему самому не раз доводилось отыскивать скрытые подземные ключи; для жителя пустыни такая способность была напрямую связана с выживанием. Джомар, так тот мог даже чувствовать, где в норе скрывается грызун. Вынув из кармана трубку, Найл раздвинул ее.

— Что это у тебя? — с любопытством спросил Доггинз.

— Волшебная палочка,— улыбнулся Найл.

Добрый знак: металл чуть пощипывал кончики пальцев. Только зажав оба конца в кулаках, он повернул руки ладонями наружу, отчего трубка пружинисто согнулась, как мощный лук. Затем, вытянув перед собой руки параллельно земле, медленно тронулся вперед, закрыв для большей сосредоточенности глаза. Дойдя до стены здания, Найл повернулся и двинулся по диагонали. В десятке метров от стены лук с неодолимой силой стал выпрямляться. Найл остановился и указал себе под ноги:

— Вот здесь что-то есть.

— Огня сюда! — спешно велел Доггинз.

Они вместе с Найлом опустились на корточки и самым дотошным образом принялись изучать твердую гладь асфальта.

Однако потайной двери не было и следа.

— Ты уверен, что это именно здесь?

— Да.— Трубка свидетельствовала красноречивее слов.

— Ладно.— Доггинз поднялся.— Отойди-ка!

Он направил бластер вниз и нажал на спуск. С сыпучим треском полыхнул призрачно-голубой трезубец напряженного огня, воздух наполнился запахом озона с удушливой примесью гари, исходящей от чадящего асфальта. Покрытие на глазах просело, затем растаяло. Белый дым курился над шипящими, пузырящимися краями округлой дыры в два метра шириной. Найл, ощущая, как сильно нагрелась земля под ногами, подошел к стоящему у самой дыры Доггинзу.

— Ты глянь! — Он, восторженно хмыкнув, шлепнул Найла по плечу.— Какой там полый звук! Толщина вон какая.

Стоя непосредственно возле дыры, можно было различить, что толщина асфальта в этом месте действительно не меньше полутора метров. Опущенный вниз масляный светильник выхватил из тьмы крутой пролет уходящей вниз бетонной лестницы.

Доггинз велел раздобыть какого-нибудь тряпья. Люди возвратились, неся большие охапки заплесневелой, расползающейся ткани; ею обернули оплавленные края. Затем опустили в нее Доггинза, подхватив под мышками веревкой. Следом полезли Найл и Милон.

Сразу было видно, что под слоем асфальта находится широкая потайная дверь, подпертая покореженными стальными балками, каждая толщиной сантиметров десять.

— Интересно, как это все сверху удавалось поднимать? — недоуменно спросил Найл.— Здесь же веса не менее полутонны.

— А ее, видно, вверх не поднимали, дверь утапливалась вниз. Выключатель, должно быть, где-нибудь в штабном корпусе.— Доггинз осмотрительно обогнул лужу гудрона, медленно застывающую на ступеньках.— Всем за мной и глядеть в оба. Здесь ловушек, судя по всему, уйма.

— В таком случае пустите-ка вперед меня, я воспользуюсь этой вот штуковиной.— Найл вытянул перед собой раздвижную трубку.

— Пожалуй. Только ради бога будь...

Договорить он не успел. Найл собрался было сойти с последней ступеньки, но тут раздался щелчок, сопровождаемый глухим стуком. Что-то неуловимо мелькнуло перед глазами, и парень оторопело обнаружил — перед ним цельнометаллический барьер, в мгновение ока замкнувший коридор от стены до стены. Не было сомнения: занеси Найл ногу над этой чертой — и его бы расплющило в лепешку или рассекло надвое, словно гигантским топором.

Вместе с тем нагнетаемое медальоном самообладание было таким сильным, что Найл только чуть струхнул: мозг отозвал приток адреналина еще до того, как тот достиг кровеносной

системы. Трубку он пытался вытянуть уже совсем твердой рукой. Но та была словно в тисках.

— Теперь понял, о чем я? — сухо сказал Доггинз (а у самого в лице ни кровинки).— Отойди-ка.

Бластер он направил на край барьера, пониже трубки. Озаренное голубоватым сполохом замкнутое пространство на миг уподобилось колдовской пещере; Найлу почему-то бросилось в глаза, как отлетевшие мелкие искорки затрещали у Доггинза в волосах. Видя, что барьер накаляется вначале докрасна, а затем уже и добела, все опасливо подались назад, поднявшись на несколько ступеней. Бисеринками пота скатилось вниз несколько капель расплавленного металла, затем образовалось отверстие размером с кулак. Послышался щелчок, и барьера не стало. Мелькнув едва уловимой рябью, он исчез в стене, опередив даже раздвижную трубку, упавшую секундой позже.

Найл, нагнувшись поднять трубку, чертыхнулся: металл обжег пальцы. Он опустился на колени и внимательно осмотрел ее при свете светильника. Невероятно, металл даже не помялся.

Найл снова вытянул вперед руку с трубкой. На этот раз ничего не произошло. Какой бы механизм ни управлял барьером-лезвием, он вышел из строя от жары.

Еще метров сорок, и они очутились перед тяжелой, напоминающей тюремные ворота решеткой. Вид у нее был грозный, но под лучом бластера замок продержался лишь пару секунд. В десяти метрах отсюда под лестницей находилась еще одна стальная дверь, массивная, с замком-шифром. Доггинз поднял бластер, но, передумав, медленно опустил.

— Нет, с этой поступим аккуратно.

Найл восхищенно наблюдал, как тот приник ухом к диску, затем кончиками пальцев стал аккуратно двигать туда-сюда ручку. Минут через десять послышалось несколько щелчков, и Доггинзу удалось, толкнув, отворить дверь. Вот тогда-то они и поняли, насколько прозорливо поступил Доггинз, решив-таки не использовать бластер. Прямо за дверью чуть ли не вплотную стояли красные ящики с черепом и скрещенными костями.

Видимо, они представляли собой последний барьер. Когда в конце концов их перетаскали и оставили в коридоре, в ко-

леблющемся пламени светильников выявился длинный, с низким потолком каземат, полный деревянных ящиков и металлических коробок. Люди стояли при входе, подняв над головой светильники. Найл мельком взглянул на лицо Доггинза. Глаза у него светились одухотворенно, как у человека, достигшего своей жизненной цели.

— Ты знал, что такое место существует? — поинтересовался Найл.

Доггинз словно очнулся от сна.

— Одни слухи. Но на самом деле я не очень во все это верил.— Он глубоко вздохнул.— Боже, здесь припасов хватит на настоящую войну.

Он двинулся вперед, вглядываясь в налепленные на ящиках ярлыки.

— Ракеты, зажигательные бомбы, кассетные заряды, атомные гранаты...— Он походил на верующего, слепо ворожащего губами молитву.

Найл повернулся к Милону:

— Давай веди остальных.

Когда Милон удалился, Найл нагнал Доггинза, светильник которого теплился где-то в дальнем конце каземата. Любителя оружия он застал сидящим на ящике с боеприпасами, с опущенными между колен руками.

— С тобой все в порядке?

— Да... А что?

— Вид у тебя не совсем здоровый.

Доггинз медленно повел головой из стороны в сторону.

— Нет, я не болен. Просто... жутковато как-то.

— С чего?

— Из-за этой мощи.— Доггинз не мигая смотрел перед собой. Найл опустился возле него.— Ты знаешь, что она в себе таит? Это ж мощь, способная переделать мир. Обладая которой можно творить что захочешь...

— И свергнуть пауков?

— Ну да, даже это.

Найла охватила растерянность.

— Я не понимаю. Ведь порох был у вас всегда?

— Да что порох! — усмехнулся Доггинз.— Ты вот это видишь?

Он указал на штабель черных металлических ящичков, каждый сантиметров пять толщиной и тридцать длиной. Сверху на стене виднелся ярлык с надписью: «А. Л. Р.»

— «А. Л. Р.» — это что такое?

— Автоматический лазерный расщепитель.— Доггинз подошел к штабелю, снял верхний ящичек и открыл.— Больше известен как «жнец».

— Да, приходилось слышать.

Но Доггинз пропустил его слова мимо ушей. Он смотрел в ящичек с задумчивым, можно сказать, присмиревшим выражением лица. Протянув руку, он извлек оттуда оружие. Размеры разочаровали: миниатюрное, просто игрушечное. Черное, сантиметров пятьдесят длиной, с коротким деревянным ложем и таким же коротким, сильно укрепленным стволом. Под стволом плавно изогнутая рукоятка.

Доггинз, не выпуская оружия из рук, возвратился туда, где сидел, и стал медленно, изучающе его рассматривать. Обращался бережно, как с новорожденным младенцем.

— Ты прежде такое видел? — поинтересовался Найл.

— Чтоб исправное, нет.

Остальные дожидались у дверей.

— Идите сюда,— позвал Доггинз,— хочу вам кое-что показать.

Оружие, покачиваясь, висело стволом вниз на заплечном ремне.

— Интересно, парни, из вас хоть кому-нибудь могло бы забрести в башку, что перед вами самое губительное оружие всех времен?

— Страшнее водородной бомбы?! — изумленно воскликнул Милон.

— Гораздо. Водородную бомбу из-за ее тупой, безразличной силы никто не осмеливался применять. Этой же штучкой, в зависимости от надобности, можно слизнуть и отдельного человека, и целую армию.

— Оно мощнее твоего бластера? — спросил Милон.

— Безусловно. И куда более точное. Недостаток бластера в том, что его луч рассеивается, поэтому прок от него может быть лишь до сотни метров, не больше. У этой же штуковины радиус действия две мили.

— Не слишком ли? — засомневался Найл.

— Нет, потому что его можно регулировать. Этот рычажок позволяет увеличивать и уменьшать радиус действия. Поставить на ноль — и оружие вообще не выстрелит. Единица — и радиус действия составит двадцать метров, и так далее до десятой отметки. Если требуется снести стену, а оружие стоит на «десятке», кончится тем, что в руины обратится полгорода.— Доггинз повернулся к подручному Милона: — Уллик, раздай-ка по штуке каждому. Затем надо будет, чтобы все поупражнялись с рычажком диапазона. И зарубите себе на носу, что оружие никогда — слышите, никогда — нельзя наводить на человека, если только его не требуется прикончить.

При слове «прикончить» у Найла внутри что-то болезненно сжалось, будто холодом повеяло. Не от самого слова, а от того, как произнес его Доггинз — так, будто речь шла о чем-то совершенно заурядном, обыденном.

Милон вручил Найлу «жнец». Для своего размера оружие было удивительно тяжелым, по меньшей мере килограммов восемь; основная тяжесть приходилась на цилиндрический ствол с расплющенным внизу рычажком ограничителя. Сам центр тяжести рассчитан был так, что приклад упирался в мышцу над бедром, а левая рука удобно обхватывала выемку за стволом. Придав оружию такое положение, Найл почувствовал смятение и растерянность: впечатление, будто «жнец» смутно ему знаком, словно он управлялся с ним всю свою жизнь.

Доггинз тем временем изучал другие отсеки склада. Он отыскал где-то лом и в пару приемов взломал длинный деревянный ящик-футляр. В ящике лежала длинная металлическая труба и несколько продолговатых тупоносых снарядов. Доггинз хохотнул от удовольствия, подкинув один из них на руках.

— Взгляни на этого красавчика.

— Что это?

Доггинз указал на трубку.

— Таран Бродского. Самое эффективное противотанковое оружие всех времен. Прошибает практически все в радиусе мили.— Он ласково посмотрел на снаряды.— Такой штуковиной можно пробить дыру в десятиметровой стене.

— Зажигательные бомбы. Много их там?

— Дюжина ящиков.

— Хорошо. Проследи, чтобы каждый набрал себе полные карманы. И готовься к отходу.

Он аккуратно накрыл футляр крышкой.

— Не возражаешь, если задам вопрос? — спросил Найл.

— Валяй.

— Когда мы нынче выходили вечером, ты надеялся отыскать «жнецы»?

— Разумеется.

— Так вот что тебя заставило изменить решение?

— Какое решение?

— Ну, выступить против пауков.

Доггинз покачал головой.

— Давай определимся вот в чем. Я не намерен выступать против пауков. Это,— он взвесил «жнецы» на ладони,— не для боя. Это для торга.

— Какого именно?

— Насчет свободы.

— Но разве?..

— Свободы от посягательства,— перебил Доггинз.— Почему, думаешь, мы пользуемся масляными светильниками, а не электрическими фонарями? Почему я всякий раз тру это треклятое огниво вместо того, чтобы пользоваться спичками? Из-за пауков.

— Я не думал, что они как-то ущемляют жуков.

— Как сказано в Договоре Примирения: «Ни одному из слуг жуков не будет позволено использовать или создавать механизмы». Так что ни динамо, ни моторов, ни компьютера, ни даже механических часов. И вот так уже два с лишним столетия.

— А что они сделают, если вы отклонитесь от договора?

— Очевидно, пойдут войной. И тогда, уж конечно, не успокоятся, пока не уничтожат всех нас.

— Они могут вас уничтожить?

— Запросто. Когда договор еще только заключался, пауки и жуки по численности были примерно равны. Теперь пауки превосходят жуков в тысячу раз.— Доггинз, осклабившись, погладил «жнец».— Но с этой-то штуковиной мы изменим соотношение.

Милон, подойдя, поднял приветственно руку.

— Мы готовы, распорядитель.

— Хорошо. Поднимай всех на плац, и дожидайтесь меня.

— Что случилось бы, отыщи пауки это место? — поинтересовался Найл.

— Какая разница. Им все равно сюда не пробраться.

— Тебе не следует недооценивать Каззака.

— Я про это ничего не говорил.— Они приблизились к двери.— Помоги мне перенести ящики.

Вместе они составили на прежнее место ящики со взрывчаткой, вынесенные в коридор. Когда водрузили на штабель последний, Доггинз затворил массивную дверь и провернул диск замка-шифра. Затем взмахнул ломом и орудовал им до тех пор, пока искореженный диск не слетел на пол.

— Вот так. Пускай теперь Каззак пробует открыть. Как бы потом жалеть не пришлось.

Когда поднимались по бетонным ступеням, Доггинз остановился и положил руку Найлу на предплечье.

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Да?

— Знаешь... Спасибо тебе, что помог выйти на это место. Может, в один из дней я смогу неплохо тебе пригодиться.

— Считай, что ты уже это сделал,— улыбнулся Найл.

Снаружи было неожиданно темно. Разгулялся ветер, луну затенила темная туча. Язычки масляных светильников, казалось, лишь усиливали окружающую мглу. Доггинз в сердцах ругнулся.

— Не нравится мне это. Получается, раскоряки могут нас видеть, а мы их нет.

— Тогда давай дождемся рассвета.

Доггинз, одолевая нерешительность, покачал головой:

— Не хочу здесь ни минуты лишней задерживаться.

— Что будем делать с беднягой Киприаном? — спросил кто-то.

— Придется оставить его здесь.

— Неужели нельзя отыскать место, где можно будет его похоронить?

— Ладно,— махнул рукой Доггинз,— берите его с собой.

Четверо подхватились, двое за руки, двое за ноги. Доггинз повел людей к задним воротам. Вынул из кармана бластер.

— Хочу вам кое-что показать. Смотрите.

Он направил бластер в центр металлической створки ворот и нажал на спуск. Из ствола вырвался голубой просверк-молния, запахло нагретым металлом. Ворота накалились докрасна, затем добела. Но металл, к удивлению, плавиться не собирался. Доггинз опустил бластер.

— Это особый тугоплавкий металл, называется латрик — специально против террористов. Вся стена сделана из такого материала. А теперь смотрите.

Он сдвинул на «жнеце» предохранитель, затем направил оружие на ворота. Мелькнувший из ствола тонкий голубой луч напоминал светящийся изнутри стеклянный прутик. Там, где он упирался в ворота, в металле протаивала дырочка. Доггинз небрежно водил «жнецом», из оружия рвались крохотные язычки голубого огня, оставляя за собой тонкую прямую линию. Несколько секунд — и Доггинз вырезал в воротах небольшой квадрат. Тот вывалился наружу с тяжелым грохотом, подчеркивающим его нешуточный вес. Толщина металла, судя по всему, была около десяти сантиметров.

— Гасите светильники,— скомандовал Доггинз,— и все за мной. Оружие держать наготове, но без приказа не стрелять!

Он пошел впереди. Проходя через пролом в воротах, Найл рискнул дотронуться пальцем до металла — холодный.

Неожиданно все остановились как вкопанные. Найл подумал, что люди просто осваиваются в темноте, но тут до слуха донесся мягкий, приглушенный стук — безошибочно, уронили тело. Сам Найл, выйдя за ворота, так и замер, будто парализованный, не успев сделать и шага. Когда из-за тучи показалась луна, люди увидели поджидающих их пауков. Они стояли на той стороне мостовой и походили на черные изваяния. Свет луны отражался в невозмутимых глазах.

На этот раз Найл не чувствовал страха. Он даже обратил внимание, хотя паралич сковал мышцы так, что даже руки отнялись (впечатление такое, будто тугой жгут прекратил доступ к ним крови), на то, что глаза двигались вполне нормально, а мозг вообще не ощущал гнетущего давления. Более того, поскольку медальон все так же оставался повернутым внутрь, Найл способен был усугублять сосредоточенность, нагнетая знакомое ощущение единой силы. Стоило ее напрячь, как оне-

мелость в руках и ногах начинала рассасываться, а если расслабиться, конечности вновь перехватывало. До смешного отрадно чувствовать, что ты можешь забавляться, играя со своим бессилием, как кот с мышью. Найл напрягся сильнее, от плеч до ступней, и высвободилось все тело. Ясно было, что пауки совершенно не сознают, что с ними сейчас происходит.

Вот один двинулся в их сторону, и Найл понял, что настало время действовать. Он поднял «жнец» и нажал на спуск. Ничего не произошло. Найл понял, что забыл снять оружие с предохранителя. Сдвинул большим пальцем ограничитель вперед и снова нажал.

Паук исчез. Исчезло и дорожное ограждение за ним, а заодно и большая часть фасада соседнего здания. Голубая спица света ослепила своей насыщенностью, а в мышцы живота ощутимо ударила отдача. Когда отпустил спусковой крючок, глаза все еще слепило от сверкнувшей вспышки. Воцарившаяся моментально тишина была пугающей и неестественной.

Другие пауки — их было, кажется, шестеро — по-прежнему стояли неподвижно, только теперь это была неподвижность шока. И, уже повернув на них «жнец», Найл понял, что этого можно и не делать. Их сила воли лопнула как мыльный пузырь уже в тот момент, когда исчез первый из них. Они были словно связаны меж собой незримой пуповиной, и мгновенная гибель одного эхом сказалась на других. Вот почему, уже направив оружие, Найл не выстрелил. Их беспомощность действовала обезоруживающе.

Пока он колебался, сквозь тьму упруго хлестнул другой луч и ударил ближайшего паука, затем сместился вбок и срезал остальных прежде, чем они успели пошевелиться. Эффект одновременно и зачаровывал, и вызывал дурноту. Луч рассек тварей пополам, словно громадный нож, раскромсав еще и стоящее сзади заграждение. Спустя секунду воздух наполнился смрадом жженой плоти. Верхние половины паучьих туловищ скатились в канаву, а ноги и нижняя часть осели на мостовую. Ничто не намекало на насильственную смерть — они и дернуться не успели. Туши выглядели так, словно никогда не были живыми. Все произошло очень быстро, просто молниеносно.

Доггинз опустил «жнец». Кивнул на оружие у Найла в руках:

— Ты слишком рванул ограничитель.

— Вижу.

(Ограничитель стоял на «пяти».)

— Но все равно спасибо.

Все, как по команде, обступили Найла. Кто лез обниматься, кто тряс руку, кто восторженно колотил по спине, да так, что Найл невольно морщился. Такая бурная благодарность, одновременно и словом и делом, ошеломляла — люди как бы вымещали ею пережитый ужас. Парализующее воздействие на волю они пережили впервые, и ощущение потрясло их сильнее, чем гибель товарищей. Немудрено: на несколько секунд они утратили самое основное из того, что присуще человеку,— контроль над собственным телом. Чувство, сходное с темным предчувствием близкой смерти.

— Ладно, хватит,— сказал Доггинз,— надо трогаться.

Он снял оружие с предохранителя. Когда нажал на спуск, Найл невольно зажмурился. Открыв глаза, увидел, что останки пауков исчезли, на их месте в мостовой образовалась неглубокая воронка.

— А не лучше будет остаться в крепости до наступления дня? — спросил Найл.

— Да, но только не в крепости. Они первым делом сунутся туда. Лучше отыщем подвал где-нибудь в другом месте.— Он повернулся к Милону.— Ну что, понесете Киприана дальше?

— Как скажете,— поколебавшись, ответил тот.

Доггинз направил на труп оружие, но, похоже, передумал.

— Несите дальше. Попробуем спрятать, а там, если удастся, прихватим на обратном пути.

Когда поднимали тело, на мостовую упали первые капли дождя. В разгулявшейся мгле люди не могли даже различать друг друга. Так и брели, сбившись в кучу и поминутно друг на друга налетая, но даже и это было приятно — хоть и сталкиваешься, да со своими. Упруго хлестнувший порыв промозглого ветра указал, что вышли на угол улицы. Тут Доггинз спросил у Найла:

— Ты примерно прикидываешь, где мы сейчас?

— Вон в той стороне городской зал собраний.

— Хорошо, давай к нему.

В недолгом проблеске лунного света стала видна идущая на север улица. Широкая, и дома сравнительно целы. Паутины сверху не было, поэтому шли не таясь, прямо посередине проезжей части. Но общее продвижение замедлял вес мертвого человека.

Не успели пройти и полквартала, как Доггинз сказал:

— Здесь стоп. Опустите его. Сейчас посмотрим — может, подвал где отыщется.

Они дожидались, зябко ежась на ветру, обтекающем, будто ледяное течение. Минуту-другую спустя ниже уровня мостовой затеплел желтоватый язычок огня. Следом полыхнула голубая вспышка бластера. Голос Доггинза:

— Порядок. Заносите сюда.

Он ждал внизу лестницы, ведущей вниз, в полуподвал. Дверь за спиной была открыта. Как раз когда втянулись внутрь, дождь хлынул как из ведра. Открытую дверь подхватил порыв ветра и резко за ними захлопнул.

Огонек светильника освещал большую меблированную комнату. Пол был покрыт ковром, стояли столы, массивные кресла и книжный шкаф со стеклянными дверцами. Даже Найл догадался, что когда-то это была уютная квартира. Теперь здесь пахло пылью, плесенью и распадающейся штукатуркой. Тем не менее шум дождя на мостовой, сотрясающий окна ветер вызывали у всех уютное чувство защищенности от непогоды.

Шторы на окнах были из тяжелого гладкого материала, не то что те, рваные, расползающиеся, в канцелярии. Задернув их, Доггинз позволил запалить все светильники. Тяжелое кресло подставили вплотную к двери, чтобы не распахнуло ветром (замок был безнадежно сломан бластером). Затем, как могли, устроились и стали дожидаться рассвета.

Вид у всех был обреченный, поникший — многие, видно, едва держались, чтобы не сорваться. Всего несколько часов назад они были на седьмом небе, с веселой бесшабашностью рассуждая о том, как скинут пауков. А теперь вот троих уже нет, а остальные, уж наверное, и не чают вернуться домой. Тем не менее никто не пытался роптать, выговаривая Доггинзу за то, что вверг их в такую переделку. Глядя на бледные, осунувшиеся лица этих людей, Найл чувствовал восхищение и жалость.

Вот один вынул из кармана яблоко и принялся его жевать, и Найл моментально вспомнил про пищевые таблетки. Вынул коробочку из кармана.

— Кто-нибудь хочет есть?

Все с надеждой подняли головы, но при виде крохотных коричневых пилюль лица снова вытянулись. Тем не менее каждый взял по одной; даже Доггинз, поначалу досадливо отмахнувшийся, не устоял перед соблазном. Найл, пососав свою, несколько следующих минут наслаждался тем, что ощущал густое тепло, льющееся вниз по пищеводу и затем сытно разбухающее в желудке, словно наполняющее его обильной трапезой. Эффект незамедлительно сказался на всех. По мере того как на щеки возвращался румянец, исчез унылый вид; все вдруг принялись оживленно говорить, недавнего уныния как не бывало.

— Где ты это раздобыл? — полюбопытствовал Доггинз.

— В машине.

Тот только странно покосился, но ничего не сказал.

Квартира, как выяснилось, состояла из кухни и двух спален. Стены кухни покрывала темная плесень, а красная плитка на полу была наполовину завалена обвалившейся с потолка штукатуркой. А вот в спальнях оказалось на удивление сухо, к тому же там нашлись одеяла, пуховики и подушки. Люди заинтересовались обнаруженной в платяных шкафах одеждой, некоторые даже попытались примерить. В целом сошлись на том, что мужская одежда тех давних времен — особенно штаны — так же смешна, как и нелепа, а вот женские платья ничего, более-менее практичные.

Уллик обнаружил стенной бар, полный бутылок и бокалов. Глаза у Доггинза заблестели, он разглядывал какую-то бутылку с янтарной жидкостью.

— Шотландское виски. Древний напиток вроде вина. Я однажды случайно нашел такую в затопленных развалинах.

Он отколупнул с горлышка фольгу, свернул пробку и понюхал, затем под обеспокоенные взгляды поднес бутылку к губам. Все с тревогой следили, ожидая, что он сейчас свалится или начнет отплевываться, а тот, наоборот, лишь звучно причмокнул и приложился еще раз, дольше прежнего. Протянул бутылку Найлу:

— Попробуй-ка.

Найлу напиток показался до крайности неприятным и на вкус, и на вид, совсем не как та золотистая жидкость, что они на двоих отведали с Одиной в ладье. Однако через несколько минут до него дошло, что действие у напитка во многом то же: смягчает, обволакивает приятной теплотой, и настроение повышается. Глядя, как другие разливают огнедышащую жидкость по бокалам, Найл ощутил такой прилив чувств, что даже сам удивился. Ему показалось, будто все участвуют сейчас в каком-то странном мистическом обряде или ритуале кровного братания. Ощущение длилось несколько секунд, но было при этом удивительно насыщенно. Впервые в жизни Найл был так дивно, до краев преисполнен любви к соплеменникам, ко всему человечеству. Эти парни, которых он и по именам-то толком не знал — Уллик, Йорг, Криспин, Гастур, Ренфред, Космин,— сделались внезапно так же дороги, как родная мать или брат.

Огонь светильников постепенно повысил температуру, в комнате установилось приятное тепло. И тут все учуяли неприятный запах гниющей плоти. Найлу он был уже знаком, поэтому он через секунду понял, что исходит вонь от тела, распростертого в углу. Лицо трупа сделалось лиловым, а лодыжки и запястья стали распухать. Царапина на внутренней стороне предплечья превратилась в черную зияющую рану — смрад, похоже, исходил в основном от нее. Тело Киприана отволокли на кухню и оставили лежать под столом. Милон, помедлив, накрыл его еще и пластиковой клеенкой. Настоял и на том, чтобы один светильник из почтения оставили гореть рядом на табурете (Киприан был ему двоюродным братом).

Внезапно всех сморила усталость. Найл хотел еще разглядеть, что там за книги в книжном шкафу, но перед глазами все плыло. В последний раз сомкнуть глаза ему доводилось лишь сутки назад. Укутавшись по плечи в одеяло, он устроился в кресле и не стал противиться накатившейся дремоте. Говор вокруг проникал, словно сквозь плотный слой ваты, навевая вместе с тем уютное, беспечное чувство. Сон — глубокий, без сновидений — накрыл, словно волной.

Очнулся Найл от какого-то неприятного ощущения, будто к лицу пристало что-то липкое. Он инстинктивно поднял руку, пытаясь смахнуть это с лица,— вроде отстало. В комнате горел теперь единственный светильник, все спали вповалку.

Тишина на какую-то секунду встревожила, затем до Найла дошло, что ветер прекратился и дождь не стучит больше в окна. В соседнем кресле негромко похрапывал Доггинз. Возле его ноги, широко раскрыв рот, спал на спине черноволосый парень по имени Космин. Его, похоже, донимали тревожные сны: вон как вздрагивает, втягивая воздух.

И тут до Найла донесся звук. Он был очень тихим, едва уловимым: жидкий, чавкающий всхлип с оттенком, напоминающим шорох сухих листьев. Найл по непонятной причине увязывал его с переживаемым во сне удушьем. Вначале казалось, что звук доносится откуда-то с той стороны входной двери — может, дождевая вода скопилась. Однако нет, это где-то на кухне. Когда попытался двинуться, череп пронзила боль — надо же, заснул, забыв отвернуть медальон от груди. Полез под рубаху, перевернул его — облегчение не замедлило сказаться.

Найл осторожно поднялся, забыв удержать свалившееся на пол одеяло, и снял со стола светильник. Перешагивая через лежачих, пошел на кухню.

От увиденного он невольно ахнул и попятился. Под столом тяжело хлябала серая студенистая масса, пузырясь, вздымался ее грязноватый верх. Найл, нагнувшись, поднес светильник и тогда понял, что произошло. Через дыру в потолке в помещение пробрался гриб-головоног и теперь поглощал труп. Найл поднял лежащий на полу веник и ткнул им в пузырящуюся массу — никакой реакции.

— Что это? — прошептали сзади.

Своей возней Найл разбудил Доггинза. Завидев гриб, тот подался назад от отвращения. Постояв несколько секунд, передернул плечами:

— А что, может, это как раз и есть наилучший выход.

— Его никак нельзя уничтожить?

— Только огнем или бластером. Иначе считай, что бесполезно.

— А если взять и искромсать?

— Без толку.

Вынув обломок ножа, Доггинз отсек подвижный серый отросток. Он шлепнулся на пол, извиваясь, как червь. Найл с изумленным ужасом наблюдал, как основная масса гриба по-

шла расползаться в стороны вязкой лужей, в то время как вертикий обрубок тоже потянулся ей навстречу. Вот они сблизились, и его поглотили невидимые рты.

— Эта дрянь опасна?

— Только если ты неподвижен. А так вреда от нее нет, слишком медленно шевелится.

— Чем же она кормится?

— Кто ее знает. Может, похоже, годами сидеть на голодном пайке.

Доггинз зевнул и отправился назад к своему креслу.

Следующие пять минут Найл как очарованный с отвращением неотрывно следил за грибом. Тот источал запах гнилой растительности, а тысячи коротких его зевов, поглощая бездыханное тело, то и дело издавали чмокающие звуки. Змейка слизи, сбегающая по стене из дыры в потолке, показывала, что существо способно присасываться к гладкой поверхности. Скорость поглощения у него была, очевидно, колоссальной: через тяжело вздымающуюся массу тело Киприана перестало уже различаться.

По мере того как отвращение сменялось любопытством, Найл стал сужать фокус внимания до тех пор, пока внутренняя сущность не уподобилась своей незыблемостью воде в безветренный день. На какое-то мгновение он неразличимо слился с хищнической сущностью гриба, ощущая полную его поглощенность процессом усвоения пищи, и с интересом уяснил, что создание, оказывается, сознает его, Найла, присутствие. Гриб воспринимал его как рассеянную массу жизненной энергии, потенциальную пищу и потенциальную опасность. Но пока он насыщался, Найл был не в счет. Затем сознание человека выскользнуло за пределы скудной сущности гриба, Найл в очередной раз уловил сочащуюся каплями пульсирующую энергию, которая, казалось, расходилась через землю, как крупная рябь по глади пруда. С внезапной уверенностью он понял, что жизнь гриба-головонога каким-то образом зависит от этого пульсирующего источника энергии. Трудно было установить точную природу этой зависимости. Сначала подумалось, что сам по себе гриб не имеет силы жить, а заряд получает непосредственно от той жизненной пульсации; впрочем, нет, такого быть не может. Вникнув тщательнее, удалось различить, что

гриб «подпитывается» энергетическим пульсом, как дерево от живой почвы. Тогда поддавалось объяснению и то, что гриб может годами изнывать в пустых зданиях без пищи, не умирая при этом от голода...

Волосы у Найла встали дыбом, от волнения захватило дух, словно кто ведро ледяной воды опрокинул на голову. Пронизавшее ум озарение было смутным и не совсем внятным, но вместе с тем чувствовалось, вывод напрашивается существенный. Не гриб, а растение... Это создание — своего рода подвижное растение. И труп оно поглощает таким же образом, как корни растения всасывают то, что осталось от разложившихся в почве существ.

А энергетический импульс стремится вывести эту слизневидную массу на более высокий уровень, вроде как превратить ее в животный организм. Вот от этой мгновенной догадки Найл, можно сказать, разволновался. Он вдруг осознал: хотя сознание существа не наделено разумом, его тем не менее ведет и контролирует некая разумная сила. Мгновенное это озарение наполнило душу тревожным восторгом и вместе с тем неудержимым стремлением глубже вникнуть в суть этой загадочной пульсирующей силы. Не может ли она, скажем, сознавать присутствие и его самого, Найла?

Он вернулся в комнату, осторожно переступая через лежачих.

— Слушай, ты не можешь дать мне ненадолго бластер?

— Зачем тебе? — спросил Доггинз (он все еще не мог заснуть).

— Надо кое-что попробовать.

Доггинз полез в карман.

— Только учти: зарядов уже не много, но хватит, чтобы спалить здесь все подчистую.

Найл возвратился на кухню. Опустившись на колени, подставил бластер чуть ли не вплотную к студенистой массе и нажал на спуск. Голубой огнистый просверк наполнил воздух запахом озона. Посреди студня образовался черный пятачок шириной сантиметров десять. Основная масса гриба тревожно вздрогнула и стянулась, одновременно с тем прервалась и пульсация силы. Затем серая протоплазма подалась чуть в сторону, высвободив приставший к полу обугленный пятачок. Тварь про-

должала насыщаться как ни в чем не бывало. У нее не хватало ума, чтобы бежать.

Тем не менее Найл уяснил, что хотел. Когда ударил бластер, он ощутил мгновенный обрыв пульса — получается, сигнал о нападении был воспринят. Между растением и источником энергии существовала двусторонняя связь.

Через пять минут все было кончено. Осторожно сокращаясь, словно улитка, создание выдавилось из-под стола и стало продвигаться обратно к стене. От тела Киприана не осталось ровным счетом ничего, на покрытой слизью плитке валялась лишь пригоршня пуговиц да еще кое-какая мелочь, не подлежащая усвоению. Найл навел на тварь бластер, думая уничтожить, но, представив, какая сейчас поднимется вонь, моментально отказался от своей затеи. Создание, похоже, учуяло его намерения и поползло вверх по стене с удивительным проворством, исчезнув через несколько секунд в дыре на потолке.

Лениво, затем лишь, чтобы понаблюдать эффект, Найл сосредоточил волю и приказал созданию застыть на месте. Оно уже скрылось из виду, но можно было чувствовать его присутствие. Чувствовалось также и нежелание подчиняться. Единственным желанием студня было забиться сейчас куда-нибудь в темный сырой угол и переваривать там поглощенную пищу. Используя себе в помощь медальон, Найл повторил приказ возвратиться. Студень нехотя повиновался, на краю дыры появился серый отросток. В этот момент вмешался энергетический пульс и отдал команду, отменяющую приказание Найла: отросток скрылся из виду. Окончательно заинтригованный, Найл сосредоточил внутреннюю силу и опять приказал возвратиться. Получался как бы поединок, кто кого перетянет. И вот источник неизвестной энергии вроде бы сдал. Причина, Найл был убежден, состояла в том, что сила эта чуяла: ничего особо важного не происходит. Гриб, сокращаясь, пролез обратно через дыру и стал пересекать потолок.

Найл утратил интерес и ослабил внимание. Он ожидал, что создание сейчас остановится и поползет обратно. Оно же вместо этого упорно продолжало ползти через потолок, а затем уже и вниз по стене. Найл растерянно наблюдал, как скрадывается между ними расстояние. Вот студень уже и на полу, ползет по плитке, оттирая в стороны комья опавшей штукатурки;

вот уже вплотную подобрался к ногам. Найл направил бластер, собираясь пальнуть, лишь только тот попытается напасть. Но студень смиренно застыл — аморфная пульсирующая масса, полуовощ-полужеле, ожидала дальнейших распоряжений. Найл изумленно осознал, что студень воспринимает его как источник приказаний. Суетливая поспешность выстрелить как-то сразу улеглась. Вместо этого Найл велел грибу убираться восвояси и, отдав распоряжение, тотчас ослабил волю. А студень послушно пополз назад к стене и, взобравшись, утек в дыру.

Теперь, когда кухня опустела, было бессмысленно оставлять в ней зажженный светильник. Найл наклонился над ним, прикрыл одной рукой шишечку с отверстием и аккуратно задул огонек. Сквозь тыльный проем окна сочился тусклый свет. Посмотрев вверх через заграждение, Найл различил первые лучи солнца, падающие на восточные крыши. В груди тревожно екнуло: светильник-то, оказывается, всю ночь было видно с улицы. Минут пять Найл стоял, пристально вглядываясь в блеклое рассветное небо. Не заметив ничего подозрительного, возвратился назад в комнату. Не спал один только Доггинз. Он без вопросов принял бластер и сунул обратно себе в карман.

— Скоро уже совсем рассветет,— заметил Найл.

— И слава богу.— Доггинз, потянувшись, зевнул и хлопнул в ладоши: — Хорош спать, ребята, подъем! Повезет — к завтраку будем уже дома.— Подошел к ближайшему окну, глянул за штору.— Выходим через десять минут.

Люди, помаргивая со сна, позевывая, стали приходить в себя, но, едва вспомнив, где находятся, мгновенно вздрагивали и настораживались.

Милон вышел на кухню, и секунду спустя послышался его встревоженный голос:

— Киприан исчез!

— Уже знаем,— раздраженно откликнулся Доггинз.— Насчет этого разберемся потом. Готовимся выходить.

Тревожный крик Милона сделал свое дело, в комнате нависла угрюмая, гнетущая тишина. Люди, вставая, протирали глаза. Желания вылезать в тревожный предрассветный сумрак не было ни у кого.

— Сейчас тронемся,— заговорил Доггинз.— Но прежде чем это сделаем, хочу кое-что сказать, причем чтобы вы отнеслись

к этому так, словно речь идет о вашей жизни и смерти. Так вот.— Он поднял «жнец».— Это оружие шутя сладит с любым пауком. Держа его в руках, можно смело выходить навстречу каким угодно полчищам. Но помните, для людей оно опасно не менее, чем для пауков. Одно неверное движение, и стоящий перед тобой человек готов — или, еще хуже, потерял ногу или что-нибудь еще. Поэтому, если на нас нападут, не паниковать. Держать себя в руках и не давить на спуск, прежде чем прицелитесь. Никакого риска. И вот еще что. Кто-то, вероятно, боится, что паук парализует волю прежде, чем удастся нажать на спуск. На этот счет я хочу сказать вам кое-что, о чем прежде не заговаривал. Я давно уже понял, что сила воли у пауков не такая уж необоримая, как мы себе представляем. В сущности, это ошибка — называть ее силой воли. Это, скорее, сила резкого окрика.— (Люди Доггинза явно пребывали в сомнении и растерянности.) — Почему вы, скажем, подчиняетесь мне, когда я отдаю приказ? Ведь я вам руки не выкручиваю. Вы подчиняетесь, потому что сжились с мыслью, что приказы отдаю я. Допустим, сейчас кто-нибудь встал бы у вас за спиной и рявкнул в самое ухо: «Встать, руки за голову». Вы бы и тут подчинились, но не из-за силы воли, а потому что привыкли выполнять приказы. А теперь скажу, какие у меня на этот счет мысли. Я думаю, парализуя волю, паук на деле испускает луч навязчивого предложения, который действует на подсознание. Это, можно сказать, своего рода гипноз — если вам известно такое слово. Но влиянию гипноза можно сопротивляться. А с такой вот штуковиной в руках, черт побери, у вас на то самый отменный козырь. Поэтому когда в следующий раз паук попытается парализовать вашу волю, не давайтесь. Деритесь. Внушите себе, что бояться нечего. Ладно, достаточно. Когда откроем дверь, я пойду первым, а там уж выходим по одному. Найл, пойдешь замыкающим. Оружие поставить на единицу, но без моей команды не стрелять. Криспин, отодвигай кресло. А ты, Милон, открывай дверь.

— Стой...— проговорил Найл.

Ум у него все еще улавливал биение энергетического пульса, поэтому он почуял, что сейчас произойдет, еще прежде, чем брюнет сделал шаг к креслу. Это напоминало едва уловимое дыхание ветра, предвестие урагана. Найл инстинктивно

сжал волю, словно готовясь принять удар, поэтому, когда спустя мгновение мышцы стылым металлом сковал паралич, ум уже собрался словно кулак. В это отчаянное мгновение в мозгу успело мелькнуть, что Доггинз прав: действительно напоминает приказ, резким окриком раздающийся в недрах сознания. И хотя мышцы свело, как от броска в ледяную воду, воля осталась неуязвимой. Найлу стоило немалых усилий сдвинуть предохранитель «жнеца» — враз онемевшие пальцы шевелились вяло, как во сне, но тем не менее это удалось.

В дверь толкнули с такой силой, что тяжеленное кресло, почти вплотную припертое к ее ручке, юзом отъехало в сторону. Найл спокойно дожидался, зацепив пальцем спусковой крючок. Мельком глянул вбок на Доггинза. Лицо у него перекосилось и дрожало от мучительного напряжения, губы топорщились над стиснутыми зубами. Он походил на атлета, пытающегося поднять огромный вес. Вот рука у него дернулась, и из дула вырвался голубой сполох, прорезав спинку кресла и дверь. Спустя секунду в расширившийся проем пальнул и Найл.

Нагнетаемая тяжесть мгновенно исчезла, освобождая от невидимых пут. Найл, едва не потеряв равновесия, кинулся вперед и пихнул кресло обратно к двери. Это он проделал свободно, не встретив сопротивления. Остальные шатались как пьяные, кое-кто свалился на пол. Доггинз повернулся к своим с широкой улыбкой:

— Порядок, парни, один-ноль в нашу пользу!

Голос, правда, был напряжен, прерывался. Лицо у него неожиданно посерело, он, качнувшись, попятился и тяжело сел.

— С тобой все в порядке? — встревоженно спросил Найл.

— Все прекрасно,— выговорил Доггинз, кивнув.— Дай мне минут пять, и будем готовы к отходу.

— Ты собираешься наружу? — изумился Найл.

— А то как же! Нам что, весь день здесь торчать?

Доггинз закрыл глаза и запрокинул голову. Крючковатый нос придавал заострившемуся лицу мертвенное выражение.

В течение пяти минут никто не обмолвился ни словом. Все, держа оружие наготове, смотрели на дверь, и Найла поразило: решительно никто не выглядел напряженным или испуганным. В положении, когда грозит смертельная опасность, не было места сомнениям или колебаниям.

Все тревожно вскинулись: послышался короткий скрип. Следом донесся звук шагов, кто-то спускался по лестнице. В дверь постучали, и послышался голос:

— Смею ли войти?

— Это Каззак,— узнал Найл.

— Ты один? — спросил Доггинз.

— Да.

Доггинз сделал знак Уллику, и тот, сдвинув кресло, приотворил дверь. Снаружи стоял уже день. Каззак, входя в комнату, с улыбкой поклонился.

— Я — Каззак, управитель.— Он наделил Найла приветливо-ироничной усмешкой.— Я догадывался, что застану тебя здесь.— (Доггинз встал на ноги.) — А это, очевидно, господин Доггинз? Можно ли присесть?

Кто-то поспешил подтащить кресло. Было заметно, что величавость Каззака, а также явное отсутствие страха немедленно произвели впечатление на молодых людей. Управитель опустился в кресло аккуратно, с достоинством. Доггинз тоже сел.

— Я выступаю как посланник пауков,— отрекомендовался Каззак.— Сюда я пришел, чтобы передать вам их предложение. Они просили сказать, что вы совершенно свободны и можете идти.

Его слова вызвали замешательство. Доггинз, не веря ушам, спросил:

— Ты хочешь сказать, мы можем отправляться домой?

— Именно. Только с одним условием. Вы должны сдать все свое оружие.

Доггинз размашисто мотнул головой.

— Ни за что.

Каззак, казалось, был слегка удивлен.

— Позвольте спросить — почему?

— Потому что я им не доверяю,— отозвался Доггинз.— Нам никогда не удастся выбраться из этого места живыми.

Каззак покачал головой.

— Вы ошибаетесь.— Он сказал это с глубокой убежденностью, Найл понял, что искренне.— Если вы сдадите оружие, пауки пойдут на компромисс с жуками-бомбардирами. А потом это уже будет для них делом чести. Безопасность вам будет гарантирована. У них нет желания начинать войну.

Найл:

— Если мы сдадим оружие, им и не потребуется ее начинать. Нас просто уничтожат в любую минуту, вот и все.

Каззак кивнул.

— Логично. Но я абсолютно уверен, что они выполнят свое обещание.

— Откуда у вас такая уверенность? — осведомился Доггинз.

— Потому что я убежден: пауки хотят мира.

— Боюсь, наш ответ будет отрицательным.

Ясно было, что Каззака это не удивило. Некоторое время он напряженно думал, хмуро уставясь в пол.

— Получается, вы собираетесь уничтожить пауков?

— Нет. Мы хотим мира.

— Они предложили вам мир.

— Но на их условиях. Они могут передумать, если мы сдадимся.

— Я полагаю, вы заблуждаетесь.— (Найл видел, что он все так же искренен.) — Тем не менее позвольте мне предложить еще и такой вариант. Допустим, мы приходим к соглашению уничтожить это оружие, чтобы им не владела ни одна из сторон. Вы пошли бы на это?

Доггинз долгое время взвешивал, затем (Найл так и знал) покачал головой.

— Нет.

— Осмелюсь спросить — почему?

— Потому что, пока оно у нас в руках, мы можем чего-то требовать. За него поплатились жизнью трое наших людей. Разве это можно сбрасывать со счетов?

— Оно стоило жизни и семерым паукам.— (Вот это осведомленность.) — Почему бы не считать, что вы квиты?

Доггинз ровным, терпеливым голосом отвечал:

— По очень простой причине. До этого момента ты был раб и я раб. А вот теперь нас рабами уже не назовешь.

— Я не чувствую себя рабом.

По тому, как Каззак согнал складки со лба, можно было судить, что такое замечание уязвило его.

Доггинз упрямо покачал головой.

— И все же ты раб, точно так же, как я — раб жуков.

У Каззака побагровела шея.

— Неужто пауки чем-то хуже жуков?

— Намного,— вмешался Найл.— Когда я только еще прибыл в паучий город, я разговаривал с твоим племянником Массигом. Он абсолютно убежден, что пауков ему бояться нечего. Думает, что следующие двадцать лет будет им преданно служить, а те в награду отправят его отдыхать в великий счастливый край. Даже рабы полагают, что им вовсе ничего не грозит. Я, когда только попал в квартал рабов, видел, как один ребенок из озорства бросил какую-то штуковину в тенета. Ну все, думаю, сейчас ему конец. А паук вместо этого давай с ним баловаться. Все вокруг радуются, думают, что жить с пауками — сплошное веселье. И только нынче ночью до меня дошло, как все обстоит на самом деле. Рабов все время перегоняют с места на место, им даже ночевать не разрешается две ночи подряд под одной и той же крышей. Поэтому, когда раба съедают, никто не замечает этого. Массигу все известно о том, как поступают с рабами, но его это не трогает. Он абсолютно уверен, что с ним этого не произойдет.

Каззак слушал учтиво, но тесно сжатые губы выдавали нетерпение.

— Твои слова для меня не новость.

— Тем не менее вы по-прежнему верите паукам?

Каззак двинул плечами.

— На данный момент у меня нет альтернативы. Они хозяева положения. Мне что, доложить им, что хозяевами хотите быть вы?

— Зачем хозяевами — просто равными,— поправил Доггинз.

— Возможно, это даже удастся обеспечить,— сдержанно кивнул Каззак.

Доггинз широко улыбнулся.

— Если так, то считай, что мы договорились.

Каззак встал.

— Позвольте мне уйти и подумать, что именно можно предпринять.

Он пошел к двери, Уллик с Милоном оттащили в сторону кресло. Возле двери Каззак снова обернулся.

— Вы не хотели бы дать мне хоть одно из ваших орудий? Просто как доказательство ваших добрых намерений?

Доггинз похлопал «жнец».

— Это, увы, нет. Нас всех здесь смогут пожечь, не успеем и глазом моргнуть.

— Неужели у вас не найдется никакого задатка для сделки? Чтоб можно было предъявить как залог добрых намерений?

Доггинз вынул из кармана бластер.

— Это подойдет?

— Очень хорошо.— Каззак взял оружие за ствол и опустил в карман тоги.— Я возвращу через несколько минут.

Когда за ним закрылась дверь, Найл спросил:

— Ты считаешь, что разумно сейчас поступил?

Доггинз с улыбкой пожал плечами:

— А почему бы и нет? Это так, детский пугач в сравнении с тем, что есть у нас. Да и мощность у него уже не та. Я обратил внимание, когда распиливал замок. Там зарядов уже немного.

— Можно спросить? — подал голос юноша по имени Космин.

— Конечно.

— Я не сомневаюсь в твоих словах,— начал он неловко,— но неужто так уж плохо согласиться на их условия?

— И я хотел спросить то же самое,— вставил Милон.

— Мы, скажем, согласились бы уничтожить «жнецы»,— продолжал Космин,— а они договорились бы с жуками. Наверное, все бы от этого только выиграли?

Еще кто-то заметил:

— Пока оружие у нас в руках, они не перестанут нас преследовать.

Доггинз кивнул.

— Да, это так, Гастур. Но пока оно у нас, мы в силах им угрожать. А как только сдадим его или допустим, чтобы его уничтожили, все мы целиком зависимы от их милости.

— Ты думаешь, нам удастся выбраться отсюда живыми, если мы ни в чем им так и не уступим?

— Да, удастся,— твердо сказал Доггинз.— По двум причинам. Во-первых, мы их сильнее. Во-вторых, им это известно. Вот почему они послали Каззака мириться с нами. Было бы непоправимой глупостью лишиться этого преимущества.

— У них может быть и другая причина,— озадаченно заметил Найл.

— Какая же? — с любопытством взглянул Доггинз.

— Протянуть время.

Прежде чем Доггинз нашелся что ответить, в дверь постучали и голос Каззака спросил:

— Смею ли я войти?

Милон отодвинул кресло, и Каззак протиснулся мимо него. На этот раз проходить он не стал. На лице, похоже, признаки беспокойства. Откашлявшись, Каззак заговорил:

— Прежде всего пауки умоляют меня обратиться к вам еще раз. Они подчеркивают, что желают исключительно мира. Им было бы даже на руку, чтобы вы возвратились в город жуков с оружием, лишь бы только обещали, что уничтожите его там, на месте.— Он зачастил, видя, что Доггинз собирается перебить его.— Видите ли, они не совсем доверяют людям. Я не в том смысле, что не верят вашему слову; просто они считают, что, пока у вас на вооружении имеются «жнецы», мир не будет прочным. В людях почему-то живет неистребимая тяга преступать закон и разрушать. Поэтому рано или поздно ваше оружие окажется непременно направлено против них. Я сам человек и вынужден сознаться, что их опасения справедливы. Так ведь?

Он, не прерывая речи, окинул всех взором, и Найл заметил, что большинство юношей согласно кивнули. Каззак, безусловно, имел дар убеждать.

Но Доггинз решительно покачал головой.

— Прошу прощения, Каззак. Мы ни на каких условиях не расстанемся со «жнецами». Если нам не дадут пройти свободно, мы будем вынуждены прорываться с боем. И если придется, то распылим с десяток тысяч пауков — я имею в виду, распылим в буквальном смысле.

Каззак протяжно вздохнул.

— В таком случае мне придется выложить вторую часть послания — и уверяю, излагать ее мне так же неприятно, как вам выслушивать. Я посланник, только и всего.— Он пристально всмотрелся в глаза сначала Доггинзу, затем стоящему по соседству Найлу.— Они просили передать, что удерживают сейчас мать и брата Найла как заложников...— Каззак сделал паузу; чувствовалось, насколько он взволнован.— Они также просят передать, что захватили сейчас город жуков-бомбардиров, все ваши семьи тоже держат как заложников. Если вы сда-

дите оружие или согласитесь его уничтожить, все они будут освобождены. Кроме того, мать и брат Найла, да и все, кого он выберет, смогут беспрепятственно перебраться в город жуков.— Он склонил голову.— Вот это я и хотел передать.

Доггинз побагровел, на лбу вздулась жила.

— Если эти ублюдки тронут хоть кого-то из наших, я клянусь: порешу всех раскоряк в этом городе, до единого!

Взгляд у него был такой свирепый, что Каззак отвел глаза. Кашлянув, произнес:

— Я могу повторить лишь то, что сказал. Они не хотят никого трогать. Они желают только мира. Благополучие ваших семей идет в обмен на «жнецы».

Найл посмотрел на Доггинза. В его беспомощном гневе чувствовалась растерянность. Доггинз явно не знал, что предпринять. Найл коснулся его руки:

— Нам бы обсудить это между собой.

Каззак облегченно улыбнулся:

— Я уж прошу вас, обсудите. Вас никто не посмеет торопить. Может, мне лучше подождать снаружи?

— Да, это бы лучше всего,— поспешно кивнул Найл.

Каззак церемонно поклонился, поблагодарил улыбкой Милона за то, что открыл дверь, и, пятясь, вышел. Пока шаги не смолкли, никто не произнес ни слова. В воцарившейся тишине чувствовалось растерянное смятение.

— Ну что ж. Вот, похоже, и все,— выговорил Доггинз блеклым голосом.

А Найл уже повернул медальон к груди, и от чувства глубокой сосредоточенности обреченность исчезла.

— Ты думаешь сдаваться?

Доггинз передернул плечами.

— А ты никак видишь иной выход!

— Да. Не принимать их условий.

— Как мы пойдем на такой риск? Они же сразу погубят наши семьи!

Найл окинул взглядом остальных. Видно было, что они разделяют мнение распорядителя.

— Послушайте меня,— сказал он.— Я понимаю ваши чувства, моя семья тоже в заложниках. Но что будет толку, если мы сдадимся? Вы не верите паукам. Поставьте-ка себя на ме-

сто Смертоносца-Повелителя. Вы уже раз одержали над ним верх. Нет гарантии, что этого не произойдет еще раз. Чтобы этого не допустить, надо единственно уничтожить вас и ваши семьи. Думаете, он усомнится, окажись вы в его милости?

Слова повергли всех в нелегкое раздумье, и он поспешил продолжить:

— А представьте, что вы откажетесь сдаться. Что ж, они действительно могут исполнить угрозу насчет заложников, но при этом наперед должны знать, что вы не успокоитесь, прежде чем не лишите жизни сотню пауков в отместку за каждого погибшего. Пока у вас есть оружие, вы владеете силой, лишить которой вас могут только вместе с жизнью. Зачем бездумно отдавать себя на милость пауков? Можно с таким же успехом просто подставить голову под топор: берите, рубите! — Он повернулся к Доггинзу.— И откуда тебе известно, правду ли говорят? Город жуков что, совершенно не защищен?

— Ну да! Защищен, конечно. Но его можно захватить, особенно если ринуться внезапно.

— И это так легко?

Доггинз мрачно ухмыльнулся.

— Едва ли. Жуки не доверяют паукам.

— Так что пауки, может статься, пытаются выманить у нас оружие хитростью?

Доггинз угрюмо уставился в пол, соображая. Обернулся к остальным:

— А вы что думаете?

Такое обращение застало людей врасплох, они привыкли выполнять распоряжения.

— Может, Найл и прав,— неуверенно предположил Милон.

Доггинз пришел к решению.

— Открывайте дверь. Кресло в сторону.

Дневной свет хлынул потоком, на секунду все зажмурились. Доггинз решительной походкой подошел к выходу.

— Каззак, ты слышишь меня?

— Слышу! — послышалось в отдалении.

— Скажи им, мы выходим! — И, повернувшись к остальным: — Оружие держать наготове, но без команды не стрелять. И посматривайте у себя над головой. Не забывайте, они могут кинуться сверху.

Выйдя на свет, Доггинз начал подниматься по ступеням. Остальные, держа оружие наготове, потянулись цепочкой следом. Поднимаясь по лестнице, Найл поглядел вверх. Между крышами через улицу была натянута паутина, но признаков засады вроде не просматривалось.

Выйдя за ворота, Найл с изумлением обнаружил, какая прорва пауков их, оказывается, поджидает. Тысяч десять, не меньше, плотно обступали обе стороны мостовой, начиная от угла улицы и дальше в глубь квартала. Свободным оставался единственный участок, идущий прямо от подворотни. Завидев людей, пауки подались, образовав широкий полукруг, самые ближние стояли вместе с Каззаком по ту сторону мостовой. Найлу же и такого расстояния хватило на то, чтобы с ужасом ощутить: деваться некуда. Он ошеломленно осознал, что пауки воспринимают людей с такой же гадливостью, как сами люди пауков или ядовитых змей. Для них он был бледнокожей ядовитой тварью, опасной для жизни, и каждый из них с удовольствием впился бы ему сейчас клыками в глотку. От взоров бесстрастных глаз кожа покрывалась пупырышками, как от холода,— знакомое уже ощущение.

У других, было заметно, тоже сильно сдают нервы. Милон, сдерживаясь, чтобы не дрожали руки, сжимал оружие так, что костяшки пальцев побелели. Глядя на Космина, можно было подумать, что его сейчас стошнит. Доггинз был бледен как полотно, на лице проступали бисеринки пота. Давление незримой враждебной силы, казалось, высасывает жизненную энергию. Даже повернутый внутрь медальон не спасал готовое рухнуть самообладание. В глазах мельтешили черные крапинки.

— Ну что, вы решили принять наши условия? — осведомился Каззак.

Его голос восстановил нормальное самочувствие, удушающая слабость неожиданно исчезла. Найл выступил вперед и твердо произнес:

— Ответ, увы, отрицательный.

Каззак явно не ожидал этого.

— Вы не находите, что поступаете опрометчиво? — громко спросил он.

— Нет.

Тут до Найла дошло, что время, отведенное на словеса, истекло; все должно увенчаться хоть каким-нибудь действием, иначе все провалится.

— Видите вон то здание? — кивком указал он.

Он навел оружие на десятиэтажный дом в юго-восточном углу улицы и поднял ствол так, чтобы приходился выше паучьих голов. Затем нажал на спуск.

Он был готов ко многому, но увиденное его просто потрясло. Отдача последовала такая, что оружие едва не вырвалось из рук. Слепящая голубая вспышка энергии ударила в здание, объяв его ослепительно голубым ореолом. Отдачей откинуло на несколько градусов ствол, и уже этого ничтожного смещения хватило, чтобы пробить в стене двадцатиметровую брешь. Трудно было поверить собственным глазам: удар пробил здание, словно карточный домик; через дальнюю стену проглянула синева неба. Затем все здание просело и стало грузно осыпаться, каменные обломки градом полетели вниз.

Найл, ошеломленный масштабом содеянного, отпустил крючок почти мгновенно, но дом продолжал разваливаться, словно под него был подложен сильнейший заряд. Пара этажей обрушилась прямо вниз, на скученную массу пауков. Передовые ряды испуганно метнулись вперед, агония умирающих губительной волной обрушилась на невредимых. Найл улавливал, что это все от паники, но остальные, не способные этого понять, открыли огонь. «Жнецы», направленные под углом пониже, чем у Найла, действовали как огнеметы, прорубая коридоры сквозь копошащиеся кряжистые тела. Воздух наполнил удушливый смрад горелой паучьей плоти. Считаные секунды — и пауки кинулись врассыпную, о нападении никто и не помышлял. Начался полный переполох. Передающаяся из ума в ум агония не щадила и живых.

Лишь один Найл понимал, что произошло. Остальные все просто ошалели от такого чуда. Мысленно они уже распрощались с жизнью, а тут на тебе, враги разбегаются кто куда. Найлу же было просто дурно — духовно, а не физически — от такой победы.

Что-то шевельнулось в канаве по ту сторону мостовой — Каззак. Медленно выбравшись, он неверной, пьяной поступью побрел через мостовую навстречу людям. Тога порвана, оба

колена расцарапаны, в крови. И лицо вот тоже: бровь глубоко рассечена, под глазом набрякает синяк. Остановившись перед Найлом, он изменившимся голосом спросил:

— И это было необходимо?

Найл попытался раскрыть рот, но голос словно застрял в глотке. Ответил за него Доггинз:

— Что ж, похоже, только так и получилось выпутаться.— Он вытер струящийся со лба пот.— Я уж не чаял, что мы выберемся живыми.

Найл обрел дар речи.

— Сожалею. Но я не знал, что так получится. Я только хотел показать, какое мощное это оружие.

Удивительно, Найл был само спокойствие.

Доггинз расхохотался.

— Ты, конечно же, их убедил! — Он посмотрел на Каззака.— Ну что, господин управитель, тоже присоединитесь к нам?

Каззак походил на усталое животное. По щеке струилась теперь кровь. Долгое время он не отрываясь смотрел на Доггинза, и трудно было разобрать, что у него на уме.

— Нет,— промолвил он в конце концов, повернулся и медленно побрел прочь, в сторону реки.

Доггинз, судя по всему, ничего не мог взять в толк.

— Он лукавит или придуривается? — спросил он у Найла.

Но Найл тоже мало что понял. Он пристально смотрел вслед ковыляющей фигуре, чувствуя странную, участливую озабоченность и тревогу.

— Я не знаю.

Доггинз беспечно пожал плечами.

— Да ладно, какая разница.— Он повернулся к отряду.— Ну что, парни, готовы? Идем!

Шли бодро, двигаясь на север посередине широкой улицы, чтобы избежать внезапного нападения. Про себя каждый чувствовал, что нападение вряд ли возможно, но расслабляться до срока было глупо. Доггинз то и дело пускал в ход «жнец», распарывая висящие над головой тенета: их нити серпантином свисали со зданий, трепеща на южном ветру.

Пройдя всю улицу до конца, вышли на площадь перед городским залом собраний. Зал собраний представлял собой массивное здание в псевдоантичном стиле, с узкими помпезными

колоннами, от времени давно почерневшими, и в обрамлении подстриженных, хорошо ухоженных газонов. Площадь была совершенно безлюдна, но отряд тем не менее остановился осмотреться, прикидывая, не наблюдает ли кто из близстоящих зданий или самого зала.

— Не нравится мне все это,— тревожно заметил Доггинз.— Не могут они быть так глупы, что дадут нам убраться из своего города, даже ни разу не помешав!

Найл и сам думал о том же. Паукам был нанесен неслыханный урон. И вместе с тем Смертоносец-Повелитель должен отдавать себе отчет, что если позволит им сейчас уйти, то упустит основную — может, единственную — возможность их уничтожить. Окруженные зданиями, Найл и его товарищи могут не устоять перед внезапным броском. А в ближнем бою пауки считай что вообще неодолимы. Им главное — парализовать силой воли свою жертву хотя бы на секунду, а там уж можно молниеносно сработать ядовитыми клыками.

— Тебе что-нибудь известно о паучьих шарах?

— Само собой. Их же делают у нас в городе.

— Вот в этом здании,— указал Найл,— шелковая мануфактура. Здесь также, не исключено, хранятся готовые шары.

Доггинз хмуро покачал головой.

— Не пойдет. Для этого нужны еще и порифиды.

— Порифиды?

— Сокращенно от «порифера метифис» — штуковина, с помощью которой они взлетают. Известна также как скунсовая губка. Она выделяет газ, который легче воздуха.

— Но если там есть шары, то, может, и порифиды тоже имеются?

Доггинз взглянул на солнце, прикидывая, который час.

— Ладно. Я думаю, стоит попробовать.

Осторожно, держа оружие начеку, они приблизились к залу собраний: ни души. На клумбах благоухали весенним ароматом яркие цветы, птицы щебетали в звонко шелестящей листве деревьев, обдаваемых стойким прохладным ветром. Любопытно было подмечать, насколько ощущение опасности обостряет восприятие всей этой красы.

Резные дубовые двери были заперты, но моментально подались под тонким лучом «жнеца». Открылся вид на большую парадную с мраморными колоннами, вверх в плавном разво-

роте уходили два широких лестничных пролета. Интерьер чем-то напоминал дворец Каззака, только здесь было просторнее.

Прямо впереди виднелись еще одни внушительного вида двери, тоже запертые. Доггинз, срезав замок «жнецом», пинком распахнул деревянные створки. Восторженно фыркнув, облапил Найла за шею:

— Ну просто золото, а не парень! Как ты додумался?

Открывшийся зал, очевидно, использовался когда-то для парламентских заседаний, стены были покрыты знаменами с муниципальными эмблемами. Теперь здесь располагались рабочие помещения и склад — сплошь какие-то лестницы, деревянные планки, тележки, стройматериалы. А на том конце возвышался аккуратный штабель шелковых полотен, в которых Найл признал паучьи шары.

Он скромно пожал плечами:

— Да так, просто подумалось.

— Вы, парни,— обратился Доггинз к остальным,— разойдитесь по всему зданию, возле окон поставьте караульных. Рисковать нельзя: вдруг внезапная атака. Центральные двери приприте чем-нибудь понадежней. Если заметите какое-то движение, немедленно сообщайте.— Он опять повернулся к Найлу.— Давай посмотрим, может, отыщем скунсовую губку.

— Как она выглядит?

— Емкость такая, наподобие колбы.

В нише за полотнами шаров обнаружили запертую дверь. Когда вышибли ее, в нос ударила такая несусветная вонь гнилых овощей, что оба отпрянули. Доггинз, зажав себе нос, заглянул в помещение. Обернулся — вид довольный.

— Вот это нам и нужно.

В помещении находилась большая, почти с человека, округлая стеклянная емкость со стоячей зеленой водой. Прямо возле емкости о стенку опирались несколько сеток-садков с длинными ручками. Найл, сколько ни вглядывался в мутную жижу, никак не мог ничего различить. Доггинз, взобравшись по стоящей возле емкости деревянной стремянке, ухватил один из садков и, повозившись им в колбе, вынул.

— Вот она, красавица.

На дне садка, среди спутанной, испачканной слизью травы, лежал зеленый подрагивающий комок плоти, по форме похо-

жий на пончик с небольшим углублением в центре. Когда Найл ткнул в углубление палец, на секунду образовалось отверстие, тут же сомкнувшееся вокруг пальца,— прямо как рот. Внутри рта Найл успел различить заостренный зеленый язык. Доггинз высвободил палец с негромким чавкнувшим звуком. Воздух тотчас наполнился гнуснейшей вонью тухлятины.

— И что, благодаря ей шары летают?

— Да, я покажу.

Пройдя через комнату, Доггинз остановился возле продолговатого металлического резервуара, стоящего на столе в углу. Когда сдвинул с него крышку, к тухлятине добавился еще и запах гниющей растительности. Доггинз взял со стола ржавую посудину и окунул ее в резервуар. Обратно вынул ее, до половины полную крупных личинок, некоторые в пять сантиметров длиной, а толщиной с палец. Все еще зажимая себе нос и морщась от запаха, Доггинз накренил посудину над комком-пончиком. Зев у того проворно раскрылся и жадно захлопнулся, поглотив извивающихся личинок. Воздух опять наполнился вонью тухлятины.

Доггинз бросил посудину.

— Брр! Давай быстрее отсюда.

Другие порифиды, кстати, теперь сами жались к стенкам емкости, видно рассчитывая поживиться.

Возвратясь в зал, они сняли самое верхнее полотнище и расстелили на полу там, где посвободнее. В развернутом виде шар в поперечнике насчитывал около пятнадцати метров. Найл впервые видел паучий шар так близко и разглядывал его с любопытством. Прежде его нередко занимала мысль, каким же образом паук удерживается под шаром. Теперь было видно, что под шаром крепится шелковистый мешок с плоским днищем. Мешок был рассчитан на крупное туловище, в нем легко бы могли уместиться двое или трое человек.

Сам шар был не круглый, а слегка овальный, состоящий как бы из двух опрокинутых друг на друга тарелок. Расстеленный на полу шар имел вид большого сине-голубого диска, сбоку у которого находится десятисантиметровая веревочная петля с застежкой-скрепкой. Когда застежку потянули, шар сбоку начал раскрываться, словно распоротое рыбье брюхо. Найл был очарован, ему никогда не приходилось иметь дело

с подобными приспособлениями. Внутри шара, прямо по центру, крепилась небольшая двустворчатая чаша, охваченная двумя широкими скобами.

— Вот сюда закладывается порифид,— указал Доггинз.

— Но как вы заставите его выделять газ?

— Заставлять и не потребуется. Они ненавидят темноту, поэтому стоит закрыть их внутри, как сразу начинают испускать свою вонь.

— А выходит газ через что?

— Здесь в нижней части имеется клапан. Помоги-ка вытащить эту штуковину наружу.

Сводчатые окна за ораторской трибуной выходили во дворик в центре здания. Полотнища выволокли наружу и расстелили на камне-плитняке. Доггинз сбегал и принес в садке порифида, которого вывалил в чашку, затянув ее скобами. Поскольку комок, судя по всему, лишен был способности двигаться, то скобы предназначались удерживать его скорее от падения, чем от попытки улизнуть. Затем шар заткнули и застегнули на молнию. Не успели закончить, как тот начал разбухать. Доггинз отыскал моток веревки и прихватил его к металлическому кольцу на плитняке. Пока он этим занимался, шар начал приподниматься над землей. Спустя полминуты он надулся уже полностью и, всплыв, держался метрах в десяти над землей на конце туго натянутой веревки. Найл попробовал потянуть, но шар, казалось, активно противился любой попытке стянуть его на землю.

— Как мы, интересно, будем в него залезать? — насмешливо фыркнул Найл.

— Сейчас покажу.

Уперев кулаки в бедра, Доггинз впился в шар взглядом, нахмурясь от напряженной сосредоточенности. Лицо запунцевело, жила вздулась на лбу. Где-то с минуту никаких сдвигов не замечалось, но вот шар начал жухнуть, сдуваться и пошел на снижение. Доггинз, испустив протяжный вздох, вытер выступивший на лице пот.

— Тяжелая работа. Но мне рассказывали, когда приноровишься, оно легче. Их можно заставлять поглощать собственный газ. Пауки так и управляются.

Шар уже снова надувался и готовился всплыть.

Кто-то во весь дух мчался через зал. Через секунду во двор выбежал Милон.

— Там снаружи что-то затевается, распорядитель!

Возле окон парадной, держа наготове оружие, дежурили Уллик и Гастур. Окаймляющие здание газоны были все так же пусты, пустой была и обширная мощеная терраса перед главным входом. А вот на примыкающих к площади улицах проглядывалось безостановочное движение пауков и людей.

С верхотуры лестницы подал голос Ренфред:

— Они полностью обложили площадь. С крыши лучше видно.

За Ренфредом они пробежали на третий этаж, а оттуда через дверь на плоскую крышу. Отсюда открывался отличный обзор всей площади. Было видно, что окружающие площадь улицы запружены толпами. Тем не менее не чувствовалось, чтобы вся эта прорва собиралась выплеснуться сейчас на площадь; перед зданием царило спокойствие.

Доггинз нахмурился.

— Знать бы, что они там замышляют. Сдается мне, попытаются подлезть-таки к нам и накинуться.

Ренфред, похоже, нервничал:

— Наверное, придется пробиваться?

Доггинз покачал головой.

— Уходим по воздуху. Гастур, Милон, соберите всех и проведите во внутренний двор. Ренфред, оставайся здесь и держи наблюдение. Чуть что — открывай огонь немедленно, не жалей.

— Пожалуй, остаться лучше было бы мне,— рассудил Найл. (Если пауки накинутся внезапно, от Ренфреда мало толку.)

— Хорошо. Мы пошлем за тобой сразу, как только все будет готово.

Оставшись на крыше один, Найл пустил в ход медальон, чтобы сосредоточиться. Эта внешне бесцельная возня людей и пауков настораживала. Он попробовал поставить себя на место Смертоносца-Повелителя. Как действовать, чтобы не дать шайке опаснейших врагов скрыться? Самое простое — напасть внезапно. Паук может развить огромную скорость; те, что сейчас в пятистах метрах, через двадцать секунд могут уже быть тут как тут, возле самого крыльца. Но если они замыш-

ляют именно это, то почему тогда не собираются в устьях улиц, выходящих на площадь?

Расслабив сознание, Найл попытался вникнуть, что там происходит, но это оказалось непросто. Пауков было чересчур много, и все, похоже, поглощены чем-то своим. Он ожидал ощутить враждебность, решимость поквитаться с врагами-людьми — пауки же вместо этого словно чего-то ждали. Но чего? Приказа к штурму? Не похоже: нет чувства напряженной готовности.

Найл сместился к внутреннему краю и посмотрел вниз, во двор. Там один за другим выносили шары и стопой укладывали друг на друга. Взъерошенный Доггинз со строгим видом наставлял внимательно застывших Милона и Космина, объясняя, очевидно, как обходиться с рулевым механизмом шара. Туго надутый шар, готовый к отлету, плавал неподалеку от крыши. Порифид внутри, очевидно, выделил много газа. Излишек выходил из клапана, вонь разносилась ветром. Найл поспешил отодвинуться.

На его глазах Уллик вынес в садке еще одного порифида, этого заложили в самое верхнее в стопе полотнище. Через несколько секунд оно начало набухать, обретая форму шара. Милон, Космин и Гастур проворно вскарабкались в подвесной мешок (Доггинз еще раз указал, как пользоваться выводным клапаном). Мешок был сделан в расчете на большую тушу паука, никак не на людей, и трое невольных пассажиров тотчас раскинулись в совершенно несуразных позах: туловище под углом в сорок пять градусов, а ноги у троих съехались навстречу в середине мешка. В боках имелись щели, позволяющие ориентироваться — что там делается снаружи. Шар уже влекло в воздух, и державшие снизу отпустили веревку. Спустя секунду шар резко пронесся мимо Найла вверх, толкнув по пути другой, тоже почти уже готовый к отлету. Найл перехватил шалый взгляд Гастура, и испуганный, и восхищенный. Вот первые летуны взмыли над крышей, и их подхватил стойкий воздушный поток. Шар продолжало уносить вверх с ошеломляющей скоростью, через полминуты он был уже просто точкой в лазоревом просвете северного небосвода.

Движение на подступах к площади разом приостановилось: восьмилапые и двуногие завороженно смотрели вверх. Найл

стиснул в руках «жнец». Если атаке и быть, то именно сейчас, когда уже ясно видно, что враги уходят. Однако, когда точка исчезла на горизонте, движение возобновилось. Найл опять, еще усерднее, попытался настроиться на мысленный лад смертоносцев, но тщетно: неразбериха, суета, ничего больше. И все равно упорно складывалось впечатление: они чего-то ждут.

Минут через пять взлетел второй шар. И опять движение среди пауков на мгновение стихло. На этот раз удалось уловить некоторое напряжение, но оно растаяло вместе с тем, как шар постепенно растворился в синеве неба. А вот когда всплыли сначала третий, а за ним и четвертый, на том конце площади наметилась явная перемена. Видя, что враги исчезают один за другим, пауки начали выказывать признаки нетерпения. Судорожная возня прекратилась, и Найл ощутил уже знакомый холодок на коже: их взяли под наблюдение. Несмотря на теплое утро, руки покрылись гусиной кожей, словно он стоял на ветру.

Доггинз внизу поднял голову:

— Давай сюда! Уже вот-вот!

Но Найлу почему-то не хотелось покидать пост. Он решил задержаться, так хоть видно.

— Я лучше дождусь, пока отчалят еще двое!

Доггинз пожал плечами, считая, видно, что Найл перестраховывается.

Когда над крышей поднялся пятый шар, ощущение холода, похоже, еще усилилось. К горлу подкатила изнурительная тошнота, как полчаса назад, когда вокруг кишели смертоносцы. Непривычное ощущение: в глазах рябит, на лбу выступил пот, а самому холодно, как под промозглым дождем. До Найла дошло: не оттого, что они намеренно пытаются давить, просто от общей ненависти, что сошлась на нем словно клином. Найл глубоко, прерывисто дышал, силясь сохранить ясность сознания.

Он вздрогнул, не разобрав, что это промелькнул шестой шар. Во дворе теперь стоял один Доггинз.

— Ну давай, быстро! — крикнул он.— Все готово!

Найл напоследок окинул взглядом площадь и заспешил к двери, ведущей с крыши. И тут гнетущее чувство исчезло настолько внезапно, будто кто смахнул. Лишь минуя окно на

лестнице, понял почему. На площади было черным-черно от мчащихся к зданию пауков. Первый уже пересекал ближний газон. Найл ринулся, перемахивая через три ступеньки. Едва достиг парадной, как двойные двери уже содрогнулись под мощным ударом тяжелого туловища. Найл вскинул оружие, собираясь нажать на спуск, но тут увидел, что дверь заложена толстенным бревном — только тараном проломить. Он пронесся через склад и выскочил во двор.

— Быстро! Началось, ломятся!

Не успел договорить, как из парадной послышался звон разбитого стекла. Доггинз начал карабкаться в мешок шара, уже зависшего в полутора метрах над землей. Найл с размаху захлопнул ведущую во внутренний двор дверь и придвинул к ней большущую цветочную вазу из камня, сам дивясь собственной силе. Затем, с помощью Доггинза, головой вперед кувыркнулся в мешок. Барахтаясь в попытке встать, Найл почувствовал, как шар начинает подниматься. В тот же миг на крыше, опоясывающей внутренний двор, возник первый паук. Восьмилапый прыгнул, и почувствовалось, как он мягко шлепнулся на верхушку шара. Доггинз лихорадочно пилил веревку, но она была слабо натянута, и это затрудняло работу. Тут до Найла дошло, что шар, вместо того чтобы идти вверх, медленно оседает обратно на плиты. Доггинз, ругнувшись, саданул кулаком туда, где мокрое пятно выдавало местонахождение порифида. Сработало моментально: шар резко рванулся вверх, а надпиленная веревка, дернувшись, лопнула. С крыши кинулся еще один паук; этот, чиркнув о шар, сорвался вниз на плиты. Вот уже и крыша внизу, видны черные спины кишащих смертоносцев. Шар накренило первым порывом ветра, и мимо, звучно скользнув по полотнищу, пролетел паук — и вниз, размахивая лапами. Он грянулся о край парапета и, свалившись дальше на газон, недвижно распластался. Если б мешок был устойчивый, они бы точно кинулись обниматься.

Минуты не прошло, как зал собраний перестал выделяться среди общей панорамы строений. Открылся вид на казармы, на реку; вон и главная площадь видна, с Белой башней и обиталищем Смертоносца-Повелителя. И во дворе казарм Найл заметил нечто, от чего сердце тревожно сжалось: в углу, где арсенал, копошились люди и пауки.

Шаром можно было управлять с помощью двух веревок, прикрепленных к похожим на плавники рулевым доскам. Когда вдали обозначились красные шпили города жуков, Доггинз взял курс на них. Он также потянул шнур выводного клапана. На секунду оба поперхнулись от несусветного запаха тухлятины. По мере того как ткань шара стала терять упругую округлость, тот начал снижаться. Зачарованный развернутой панорамой, Найл, не отрываясь, провожал взглядом паучий город. Вспомнилось о видении в башне, а в голове складывалось забавное ощущение, что он сам легче воздуха. Вдали, за оторачивающими город южными холмами, туманным зеркалом блестело в солнечных лучах море. К востоку шли сплошные леса, контуры гор виднелись на горизонте.

Тут внимание Найла снова привлек к себе город. Там призрачно сверкнула крупная розоватая вспышка, упруго прокатился раскат грохота; ясно различалось, что полыхнуло в районе казарм. Над местом взрыва пошла взбухать грозная черная туча, в которой угадывались крупные обломки твердой материи. Крикнув, Найл успел привлечь внимание Доггинза прежде, чем грянул второй взрыв, куда более мощный, за которым последовала целая цепь взрывов поменьше,— эти, похоже, охватили гораздо большую площадь, чем казармы. Прошло немного времени, и в ушах грянули оглушительные громовые раскаты. Ветер ударил вдруг с такой силой, что шар рвануло и завертело, как сухую былинку. Швырнуло кверху, затем книзу, и Найл с оторопелым изумлением обнаружил, что смотрит на землю снизу вверх. С беспомощным ужасом он осознал, что находится на верхушке шара, а мешок уже вроде и не держит, одно голое небо вокруг. Доггинз остервенело бился в попытке высвободиться из навязчивых объятий шелковой ткани. У Найла из глаз посыпались искры: напарник невзначай лягнул в голову. Ударил еще один порыв ветра, и опять шар завертелся волчком. Найл изо всех сил прижался к теряющей упругость ткани. Когда хватка начала уже ослабевать (Найл успел почувствовать, что соскальзывает), шар сделал в воздухе кульбит, и юношу закинуло обратно в спасительный мешок. Чехол со «жнецом» больно упирался в спину; поперек груди, стесняя дыхание, навалился Доггинз. Высвободившись, Найл изловчился встать на колени. Шар по-прежнему бросало, как корабль в

бурю, небо вокруг содрогалось от обвального грохота. В конце концов Найлу удалось полностью разминуться с Доггинзом и выпрямиться.

Увиденное потрясло. Создавалось впечатление, будто весь город исчез. Вместо него небо полонила черная туча дыма и пыли, космы которой медленно клубились, словно взбаламученный песок над дном реки. Первая мысль Найла была о семье. Затем, когда туча частично рассеялась, он с облегчением увидел, что взрыв затронул большей частью квартал рабов. В редеющем облаке ясно различались Белая башня и обиталище Смертоносца-Повелителя.

Доггинз, отдуваясь, поднялся рядом.

— Ты глянь-ка, чуть не накрыло!

Он, безусловно, был потрясен: в мешок вцепился, аж костяшки побелели. На клубящиеся космы он теперь взирал с восхищенным ужасом.

— Ну что ж, вот и распрощался ты со своим дружком Каззаком.

— Каззаком? — не понял вначале Найл.— Он-то здесь при чем?

Доггинз оскалился с насмешливым злорадством:

— Еще как при чем! Он попробовал сунуться в хранилище с моим бластером.

Найл вздрогнул, осознав, насколько они были близки к гибели.

— Так вот чего они дожидались!

Доггинз отвернулся.

— Коварный мерзавец получил, на что напрашивался,— И, сокрушенно качнув головой: — Но это ж надо, такой перерасход взрывчатки!

Оба были настолько зачарованы расходившимся черным облаком, что упустили из внимания происходящее внизу. Доггинз, тревожно вскрикнув, свирепо дернул за шнур выводного клапана. Шипящую струю смрада снесло ветром. Шар, вздрогнув, пошел на снижение. Изогнутые шпили города жуков были уже довольно близко. А на земле, словно пятнами парчи покрывая зеленое поле, стояли паучьи полчища.

Доггинз разразился вдруг хохотом. Найл изумленно на него уставился, затем понял, что тот хохочет от облегчения, а в глазах стояли слезы радости.

— Ты был прав,— сказал Доггинз, кладя Найлу руку на плечо,— они действительно блефовали. Город не взят.

— Ты уверен? — Найл все же подозревал ловушку.

— Глянь.

Найл посмотрел по направлению выставленного пальца. Вначале было неясно, куда указывает Доггинз — то ли на главную площадь, то ли на зеленый газон. Лишь заметив внизу шевеление, он различил, что на газоне плотно, спина к спине, сбились жуки-бомбардиры; столько их, что и дорожек не видно.

— Но почему они все там? Почему не защищают город?

— Кто тебе сказал, что не защищают?

— Я не пойму...

Доггинз уже не слушал. Он пристально вглядывался вниз, время от времени попихивая в шар кулаком. Посмотрев вниз, Найл сообразил почему. Вместо того чтобы сдавать высоту постепенно, по наклонной, они шли вниз почти отвесно, норовя в конечном итоге приземлиться в самой гуще пауков. Кожу обдавал знакомый уже холод. Все ясно. Пауки сообща действовали на порифида внутри шара, заставляя его поглощать собственный газ, чтобы шар, сдувшись до времени, камнем упал вниз.

— Н-ну ладно,— процедил Доггинз сквозь зубы,— коль уж вы сами этого хотите...

Он вынул из чехла «жнец» и снял с предохранителя. Опершись о стенку мешка, направил оружие вниз.

В ярком солнечном свете луч энергии был почти невидим, но, когда ударил в землю, во все стороны полыхнуло голубое зарево. Пауки жухли, таяли, земля обугливалась. Тут сонмище черных силуэтов бросилось бежать, сталкиваясь и налезая один на другого в слепом ужасе. Найл зачарованно следил, как те из них, что припустили в сторону города жуков, вдруг останавливаются, словно натолкнувшись на невидимую стену. Мгновение — и они, дернувшись, уже бегут обратно. Это была та же массовая паника, что и нынче утром,— мгновенно передающийся слепой предсмертный ужас, напрочь лишающий разума и самообладания.

Шар снова свирепо подкинуло, на этот раз от жара, толстым щитом взбухающего над землей подобно взрыву какого-нибудь несоразмерно большого фейерверка. Найла бросило на

колени. Жар на мгновение стал таким невыносимым, что он испугался, как бы не затлела ткань. Мешок неистово мотало из стороны в сторону. Кое-как встав, выглянул — земля опять маячила где-то далеко внизу.

— Я буду править, ты выпускай газ! — крикнул Доггинз.

Он подал Найлу шнур выводного клапана. Следующие пять минут Доггинз демонстрировал чудеса воздухоплавания, временами вписывая шар прямо в струю ветра. Найл держал шнур, но не пытался его использовать: порифида было проще контролировать силой воли. Существо, похоже, замечательно чувствовало мысленные команды, выделяя и поглощая газ с точностью, позволяющей аккуратно лавировать при спуске. В момент, когда ветер едва не занес их на один из изогнутых шпилей, Найл сподобился поднять шар так, что тот проплыл буквально в нескольких сантиметрах над острием.

Вот внизу уже бегут люди, стараясь поспеть за шаром. Впереди толпы Найл распознал жену Доггинза, Селиму. Спустя минуту шар зацепился за ветви высокого дерева, погасившего основной запас скорости, скребнул по стене дома и в конце концов приземлился возле выложенного мозаикой бассейна. Навстречу уже тянулись руки, участливо помогая выбраться из обвисшего складками мешка. Селима, порывисто обняв мужа за шею, усердно его нацеловывала. Найла тесно обступили люди, наперебой задавая вопросы. Незнакомая молоденькая девушка надела ему на шею цветную бумажную цепь. На рукаве повис какой-то мальчуган с просьбами покатать его на шаре. Поднялась суматоха: шар сделал попытку опять подняться в воздух. Когда Доггинз потянул молнию, освобождая его полость от давления, пахнуло таким смрадом, что тут же послышались негодующие возгласы, а какого-то ребенка стало неудержимо рвать. Найл, задержав дыхание, поспешил выйти под ветер.

Он пристально вглядывался в лица, выискивая Одину, но той нигде не было. На секунду в отдалении мелькнули длинные светлые волосы. Сердце отчаянно забилось; нет, это оказалась жена Доггинза, Лукреция. Работая локтями, Найл протолкнулся к ней.

— Где Одина?

— Одина? — Та будто не понимала.— А-а, она у жуков.

Лицо женщины было унылым, осунувшимся.

— Что-то случилось?

Она как-то странно, искоса посмотрела на него.

— А ты сам не догадываешься?

Она пронырнула к мужу, нетерпеливо оттерла в сторону Селиму и что-то прошептала ему на ухо. Улыбка у Доггинза моментально сошла с лица, сменившись тревожным волнением. Найл тоже протиснулся к нему следом за женщиной.

— Что там такое?

— Беда.

— Пауки?

Губы Доггинзу скривила горькая усмешка.

— Нет, гораздо хуже. Меня вызывают ответчиком на Совет.

— За что?

— Подозреваю, за возмущение спокойствия,— ответил Доггинз, пожав плечами.

— Мне тоже пойти?

Лукреция резко вклинилась:

— Хозяин послал за одним тобой!

— Не разрешается.— Доггинз скорчил гримасу.— Возвращайтесь с Лукрецией домой. Еще увидимся.

Он повернулся и пошагал в направлении городского зала. У Селимы был такой вид, словно она вот-вот бросится за ним вдогонку, но взгляд Лукреции осадил ее.

Найл посмотрел Лукреции в глаза — так и точит, так и точит.

— Ты мне можешь сказать, что случилось?

— Что случилось? — Она с сарказмом возвела брови.— Да так, ничего. Ты всего-навсего развязал войну, вот и все.

Селима тихонько тронула юношу за локоть.

— Пойдем сейчас домой. Ты, наверное, устал.

Лукреция, раздраженно хмыкнув, отошла.

— Не понимаю,— сказал Найл.— Он же спас вам жизнь?

Селима невесело улыбнулась.

— Это решать Хозяину..

Ее безропотность раздражала.

— Неужели вы им не гордитесь? Он спас ваш город от пауков!

— Может быть. Только у нас вчера еще был с ними мир.

Оба молчали, проходя вначале через зеленый газон, затем направились гладкой мраморной дорогой к городскому залу. Тут на глаза Найлу попался сиротливо лежавший на обочине сдутый шар, и он сразу вспомнил об остальных.

— Сколько шаров приземлилось?

— Два. Правда, видели еще третий, он пролетел мимо.

Они приблизились к площади перед городским залом. Жуки уже не толпились на широком газоне. Когда шли по траве, к Найлу подбежала какая-то женщина и требовательно остановила, схватив за руку.

— Тебе что-нибудь известно о моем сыне Йорге?

— Он улетел на шаре. Если его сейчас здесь нет, значит, шар унесло за черту города. С ним все должно быть в порядке.

Подошла другая женщина.

— А мой сын, Маркус?

Найл, не выдержав ее взора, опустил глаза.

— Мне тяжело об этом говорить... Он погиб.

Женщина, протяжно заголосив, бессильно опустилась на землю и стала, причитая, биться лбом о твердь. Сердце у Найла сжалось от жалости и чувства вины перед ней. Другая женщина спросила:

— Как это случилось?

— Его... его убил паук.— Он чуть было не выговорил «съел», но хорошо, что вовремя спохватился.

Вокруг скопилось уже изрядное количество зевак.

— Хватит донимать,— вмешалась Селима.— Нам пора идти.

Но тут по ступеням зала проворно сбежал жук и заспешил к ним. Длинной передней лапой он тронул Найла за плечо и зачастил, зачастил щупиками.

— Он говорит, что ты должен отправиться с ним,— пояснила Селима.— Они хотят тебя о чем-то расспросить.

Найл внимательно вгляделся в бесстрастную физиономию и глаза-плошки. Было в ней что-то общее с личиной паука, но отсутствовало выражение немой зловещей угрозы. Несмотря на немалое превосходство в размерах и мощные металлические блестящие лапы, от жука веяло благодушием и дружелюбием. Найл без страха направился за жуком в здание зала.

Прошло несколько секунд, прежде чем глаза свыклись с полумраком. Он разглядел, что в парадной полно жуков, об-

щающихся меж собой характерным цвирканьем, чем-то напоминающим стрекот цикад. Сделал шаг вперед и — о радость! — увидел на скамье в углу Одину. Подбежал к ней, взволнованно схватил за руки:

— Ну как ты тут, все нормально?

Одина подняла глаза. Невероятно: она, похоже, его не узнавала.

— Ты что, не узнаешь?

— Узнаю,— чуть шевельнулись губы.

— Тогда почему так? — Пустота в ее взоре пугала, знобила.

Найла тронул за плечо жук. Одина, похоже, попыталась что-то произнести, нет, лишь качнула головой. Найл, отвернувшись, понуро побрел за своим провожатым, не зная, что и думать. По пути еще раз мельком оглянулся, но ее уже не было видно из-за жуков.

Путь шел по извилистому коридору, полого ведущему вниз, в подвал. Свет, соответственно, был еще ущербнее, чем в верхней части здания. Тянулись стены из грубого, неотшлифованного серого камня; спускающийся впереди провожатый словно уводил в некий подземный мир. Пол тоже был шероховатый, в выступах, поэтому идти приходилось осторожно, чтобы не запнуться. Вместе с тем Найл подспудно догадывался, отчего эта нижняя часть здания имеет нарочито незавершенный вид. Теснины земли для жуков — место пристанища и безопасности. Вполне естественно, что помещение для Совета — место, располагающее к неторопливому раздумью и глубокой сосредоточенности,— помещено под землей.

Коридор брал вправо, и уклон становился еще заметнее. Дальше начинались своды из слежавшегося грунта, подпертого неотесанными деревянными балками. Как и в подземном городе Каззака, этот коридор освещали установленные в нише масляные светильники. Они подошли к широкой горловине коридора. Грунтовая стена впереди на деле оказалась массивной дверью; сам грунт был волокнистым, наподобие торфа. Едва остановились, как стена стала медленно подаваться назад и в сторону. Найл ожидал, что на пути встанет какой-нибудь крылато-хвостатый привратник, а потому удивился и позабавился, увидев, что тяжеленную дверь пыжится открыть самолично Доггинз. (А в ней толщины с полметра.) Доггинз

коротко кивнул юноше. Найл обратил внимание, что вид у него встревоженный и явно удрученный. Когда вошли, жук-провожатый шутя закрыл дверь одним ударом мощных лап.

Они очутились в большом, призрачно освещенном помещении с полом в виде плоской овальной чаши. Грунтовые своды подперты сваями из неоштукатуренного камня, свет исходит от моргающих масляных светильников под потолком. По ободу овала шел ряд выпуклостей-бугорков, на каждом из которых восседал жук-бомбардир. Попривыкнув глазами к скудному освещению, Найл разглядел, что спереди у каждого из бугорков имеется крупный скат, так что жуки могли сидеть полуоткинувшись, уложив согнутые лапы в выемки,— ни дать ни взять, кресло! Располагались они так, что каждый из сидящих мог окидывать взглядом все помещение.

Найл насчитал пятнадцать жуков, сидящих вокруг полуовалом. Глаза по-лягушачьи круглые, немигающие. Жук, сидящий по центру, был заметно старше остальных: ороговевший панцирь испещрен трещинами и щербинками, один глаз тронут белесой прожилкой. Найл сразу догадался, что это и есть Хозяин. Доггинз взял Найла за руку и вывел в центр полуовала. Они остановились бок о бок. Найл признателен был Доггинзу за моральную поддержку: под взглядом жуков он ощущал непривычную неловкость. В ней не было ничего общего с тем холодным воплощением враждебности, что пронизывает под взглядом пауков. Вместе с тем чувствовалось, что взор жуков, минуя кожу, проникает куда-то в самое нутро. От этого возникало впечатление, что они не принимают во внимание его внешнее обличье, а вглядываются внутрь, в сокровенное. Неловко как-то, все равно что стоять голым. Чувствовалось, что здесь бесполезно лукавить или изворачиваться: эти заметят ложь прежде, чем он ее произнесет.

Жук, сидящий справа от правителя, поднял щупики и проворно ими пошевелил.

— Саарлеб спрашивает, сколько тебе от роду,— перевел Доггинз.

— Точно не знаю. Лет, наверное, семнадцать.

Пошевелился жук слева. Доггинз перевел и его:

— Саарлеб спрашивает, зачем ты пришел в эту страну.

Ясно было, что Саарлеб — титул, не имя.

— Меня пригнали как пленника,— отвечал Найл.— Мой отец был убит пауками.

Когда Догтинз перевел это, последовала долгая пауза, затем жук справа спросил:

— Ты хочешь отомстить пауку, убившему твоего отца?

— Нет,— ответил Найл откровенно.

Другой жук спросил:

— Ты хочешь отомстить всем паукам?

— Я не хочу мести,— ответил Найл, помедлив.— Но я желаю быть свободным.

Еще одна пауза. И тут впервые подал голос Хозяин:

— Если бы пауки позволили тебе уйти с миром, ты бы на этом успокоился?

— Нет.

— Почему?

Найл обдумывал, какие подобрать для ответа слова, и вдруг с удивлением услышал, что Догтинз повторяет этот же вопрос. Тут он понял, что Хозяин обратился к нему напрямую. Это совершенно не походило на телепатические сигналы Смертоносца-Повелителя или Стигмастера — тогда голос неизменно раздавался или в грудной клетке, или в голове. А Хозяин обратился так, будто они просто беседовали вслух.

Посмотрев на неподвижную, в щербинках личину, Найл ответил:

— Потому что мы не свободны даже в своей собственной стране. Нам всю жизнь только и приходится, что скрываться от пауков.

Когда Догтинз начал говорить, Хозяин подал ему знак остановиться. В глазах подрывника мелькнуло замешательство. Найл снова уловил мысленный голос Хозяина так же, как если бы тот изъяснялся словами.

— Если бы твоим сородичам дали беспрепятственно жить, ты бы на этом успокоился?

На этот раз Хозяин даже не пошевелил щупиками. Догтинз, судя по растерянному выражению, не услышал вообще ничего. Найл как следует подумал, прежде чем ответить.

— Нет. Я видел, как пауки обходятся со своими слугами и рабами, поэтому отношусь к ним как к врагам. Мне бы не было покоя в моем краю.

Эти слова вызвали всплеск оживленного общения между жуками. Опять раздалось цвирканье, замельтешили щупики.

Пока все улеглось, прошло несколько минут. Затем Хозяин сказал:

— Твои слова ставят нас в затруднительное положение. У нас нет раздора с пауками. Ты можешь назвать причину, почему нам не следует тебя выдавать?

Найл мучительно напрягся и использовал медальон, чтобы обострить интуицию. Он понимал, что вопрос задан не с целью извиниться или оправдаться и не с тем, чтобы спорить или уговаривать. Хозяин лишь пытался оценить ситуацию по достоинству. Жукам хотелось мира, и ключом к примирению была бы выдача пленника Смертоносцу-Повелителю. С такой же открытостью они спрашивали и у Найла, согласен ли он, что это действительно будет самым благоразумным выходом. И тут Найл понял, каким именно образом следует ответить. Пристально вглядевшись в пол, он сцепил руки за спиной, окончательно собираясь с мыслями. Жизненно важно было не терять нити рассуждения.

— Когда-то мои сородичи главенствовали на Земле. Теперь мы либо слуги, либо изгнанники. Так тому, видно, и быть: у нас не хватило сил удержаться у власти. Многих моих сородичей вполне устраивает удел слуг. Что ж, так тому и быть: это их выбор. Пауки предложили служить и мне, но я понял, что этому не бывать. И не просто потому, что они убили моего отца,— он поднял глаза и, не таясь, посмотрел на Хозяина,— а потому, что мне претит быть слугой. Мое наиглавнейшее желание — быть свободным.

— Но ты и так свободен,— перебил Хозяин.— Быть живым и значит быть свободным.

Найл покачал головой.

— Возможно, для жуков и пауков это так, но не для людей. Свобода для нас — это состояние души.— (Чувствовалось, что Хозяин несколько смешался.) — Это сознание, что ум у тебя может быть так же раскрепощен, как и тело.

Видя, что его не вполне понимают, Найл смутился, а подобрать слова для объяснения затруднялся. И закончил скомканно:

— Получается, быть живым и быть свободным для людей не одно и то же.

Наступила тишина. Наконец Хозяин произнес:

— То, что ты сейчас сказал, либо имеет глубокий смысл, либо вообще лишено всякого смысла. Я не претендую на понимание. Я свободен. Ты свободен. Свободы иного рода не существует.

— Ты хочешь сказать, я теперь могу быть свободен? — переспросил Найл.

— Нет. Это все еще под вопросом. Мы должны посовещаться со Смертоносцем-Повелителем.— Он подозвал жука, охраняющего дверь.— Приглашай Смертоносца-Повелителя.

На Найла эти слова обрушились обухом по темени, волосы дыбом. Когда жук направился к двери, Найл искоса мельком взглянул на Доггинза. Тот почему-то не выказывал никакого удивления, лишь хмуро, раздраженно смотрел в пол.

Напряженным усилием Найл сдерживал тяжелое биение сердца. Но биение все равно толчками отдавалось в ступни и кончики пальцев. Мучительно медленно тянулись минуты. Вот уже вроде и последняя надежда схлынула. Уж если жуки позволили войти в город Смертоносцу-Повелителю, значит, они действительно пекутся о том, чтобы мир был сохранен на любых условиях, и переговоры завершатся вполне известным исходом в считаные минуты.

Дверь подалась. Сердце взмыло от изумленной радости и облегчения: посторонившись, охранник пропустил в зал Одину. Но когда она подошла ближе, стало видно, что глаза у нее все такие же холодные и отрешенные, как там, в парадной. Встретившись с Найлом взглядом, Одина словно заметила его; вид такой, будто она в трансе. Выйдя на середину, женщина застыла навытяжку, как солдат. Окинув взором ее нагую грудь, загорелые руки, Найл ощутил острую жалость утраты.

— Дай Смертоносцу-Повелителю сесть,— велел Хозяин охраннику.

— Я предпочитаю стоять.

Найл смятенно воззрился на Одину. Голос сходил с ее губ, вместе с тем это определенно были слова Смертоносца-Повелителя. Одновременно с тем изменилось и лицо Одины. Оно состарилось, отяжелело, как у какой-нибудь властной старухи. Хозяин перешел на сиплое цвирканье, тем не менее понимание не нарушилось.

— Еще раз приветствую, Смертоносец-Повелитель.

— Приветствую и я тебя.— В голосе сквозило нетерпение.

— Мы объяснились с нашим слугой Билдо. Он подтверждает то, что сообщил нам ты.— (У Найла ушла секунда осмыслить, что имя Билдо относится к Доггинзу.) — Он не отрицает, что вошел в ваш город без разрешения. Но заверяет, что его единственной целью было раздобыть взрывчатые вещества.

— Слуге незачем соваться куда бы то ни было без разрешения,— заметил Смертоносец-Повелитель.

— Он подчеркивает, что как раз в тот день был возведен в чин саарлеба и, следовательно, имел право на самостоятельное решение. Но это, конечно, не оправдание. Первым делом ему надо было поставить вопрос на Совете. А Совет отклонил бы его предложение.

— Это дает ему право убивать пауков?

— Конечно нет. Есть закон. Ни одному двуногому не позволяется поднимать руку на жука или кого-либо из союзников жука.

— А какова кара за нарушение закона? — осведомился Смертоносец-Повелитель.

— Смертный приговор.

— Вы намереваетесь привести приговор в исполнение?

— Если ты настаиваешь, то да.

Найл поглядел на Доггинза. Тот, застыв лицом, смотрел в пол.

— Вы исполните приговор сами или выдадите преступника нам?

— Мы выдадим его вам,— сказал Хозяин.

— Так тому и быть.— Судя по всему, Смертоносец-Повелитель был доволен.— Как быть со вторым пленником?

Хозяин задумался.

— Здесь все не так просто. Он не слуга, он пленник. Поэтому за ним остается право на побег.

— А право убивать пауков за ним тоже остается?

— Он утверждает, что пауки убили его отца, и относится к ним как к своим врагам. Мне кажется, это разумно.

— Но и мы считаем его своим врагом. А вы — наши союзники. Следовательно, ваш союзнический долг выдать его нам.

— Допустим. Но у нас на Совете есть разногласия. Некоторые считают, что у нас имеется только договор о ненападении. Поэтому мы не обязаны выступать на вашей стороне.

— Разве это по-союзнически?

— И не да, и не нет. Для нас главное, чтобы справедливо соблюдался закон.

— Получается, вы отпускаете его на свободу? — Смертоносец-Повелитель начинал заметно раздражаться. Любопытно было замечать, что терпение-то у него, оказывается, не беспредельное,— видимо, сказывались последние события.

— Мы еще не решили. Совет выразил желание выслушать все, что можешь сказать по этому поводу ты.

Последовала долгая пауза. Затем Повелитель произнес:

— Очень хорошо. Если то, что я скажу, возымеет какое-то действие, то советую меня выслушать очень внимательно.

— Мы с большим желанием это сделаем.

— Ладно.— Видно было, что Смертоносец-Повелитель не терпит, когда вклиниваются.— Тогда слушайте. Вам известно, так же как и мне, что эти двуногие создания когда-то правили Землей. Так было потому, что мои и ваши предки были слишком мелки и с ними можно было не считаться. Но известно нам и то, что во все времена они вздорили между собой и убивали друг друга. Они не способны жить в мире. В конце концов боги устали от них и сделали хозяевами нас. И с той поры Земля живет в мире.

Вы, жуки, попустительствовали своим слугам, и это было причиной ссор между нами. Ссоре положил конец Великий Договор, по которому вы согласились, что вашим слугам никогда не достичь независимости. И с той самой поры мы и вы — союзники. Так ли это?

— Это так,— ответил Хозяин торжественно, как на церемонии.

— Хорошо.— Судя по всему, Смертоносец-Повелитель оставался доволен.— Помните об этом постоянно, и у нас не будет причин для ссоры. В ваших интересах, так же как и в наших, чтобы эти создания знали свое место. Вам, может быть, покажется, что от нас не убудет, если отпустить одного из наших врагов на свободу. Но стоит двуногим выйти хоть когда-нибудь из повиновения, как вы вскоре почувствуете пере-

мены к худшему. Эти создания не способны жить в мире. Они не успокоятся, прежде чем не сделаются хозяевами, а мы с вами слугами. Вам этого хочется?

— Ответ здесь может быть один.— (Найл улавливал нетерпение в голосе Хозяина.) — Но я не могу уяснить всех твоих доводов. Почему если мы отпустим на свободу одну молодую мужскую особь, то это непременно грозит нам крахом? Он не кажется таким уж опасным.

— Согласен. Но насчет последнего ты заблуждаешься. Это он подбил вашего слугу Билдо отправиться без разрешения в город пауков.

Хозяин перевел глаза на Доггинза:

— Это так?

Доггинз — откашлявшись, без особой уверенности:

— Да вроде нет, насколько мне известно.

— Это так? — повторил Хозяин, обращаясь на этот раз к Найлу.

— Нет,— ответил Найл, растерянно покачав головой.

— Спроси его, что он носит возле сердца,— неожиданно сказал Смертоносец-Повелитель, обращаясь к Хозяину.

Хозяин опять повел головой на Найла:

— Что ты носишь возле сердца?

Рука Найла непроизвольно залезла под тунику и стиснула медальон. Мысль о том, что с ним придется расстаться, наполняла беспокойством и страхом. Но когда Хозяин уперся взором, юноша взялся за цепочку и вывесил медальон наружу.

— Подай сюда,— велел Хозяин.

Хотя Найлу ни за что на свете не хотелось расставаться с этой поистине драгоценной вещью, он понимал, что об отказе не может быть и речи; стоя перед Хозяином, он ощущал себя ребенком. Сняв цепочку с шеи, он протянул медальон тому на коготь. Рассмотрев, Хозяин взглянул на Смертоносца-Повелителя:

— Это обыкновенный усилитель мысли. У нас один такой имеется в музее истории,— и, к несказанному облегчению Найла, вернул вещь обратно.

— Ты использовал его, чтобы влиять на нашего слугу Билдо?

Уже открыв для ответа рот, Найл вдруг понял, что сказать однозначно «нет» не так-то просто. Возможно, Смертоносец-Повелитель и прав. Ведь Доггинз, как Найл того и хотел, в

самом деле изменил прежнее решение не связываться с пауками. Когда парень отвечал, в голосе сквозила неуверенность:

— Нет, не думаю. Хотя толком не могу сказать.

Хозяин перевел взгляд на Смертоносца-Повелителя:

— Ты считаешь, он использовал его намеренно?

— У меня нет никакого сомнения. Вот почему он опасен.

Возвращаясь от Хозяина к центру зала, Найл заметил нечто, вызвавшее в душе замешательство. Встретившись на мгновение взглядом с этой женщиной-медиумом, он вдруг обнаружил, что смотрит на прежнюю Одину. Она все так же находилась в своем теле, недоуменно прислушиваясь ко всему, что происходит. И прежде чем снова встать к ней боком, Найл уловил в ее глазах тревогу и боль. Это откровенно вызвало в нем такую растерянность, что он перестал прислушиваться к разговору. Когда снова включился в чужой диалог, Смертоносец говорил:

— Сколько потребуется вашему Совету, чтобы решить этот вопрос?

— Я не могу тебе сказать. Но это будет скоро,— отвечал Хозяин.

— Ладно.— Смертоносец-Повелитель собирался заканчивать.— Но повторяю еще раз: если вы решите выпустить нашего врага, это будет равносильно объявлению войны.

Сказал веско, с явной угрозой. Когда взгляды Хозяина и Смертоносца-Повелителя скрестились, Найл догадался, что в поединке сошлись две мощные воли. Как и все остальные в этом зале, он понимал, что глава жуков глубоко уязвлен таким бесцеремонным давлением на его Совет. Тем не менее, когда Хозяин заговорил, голос у него был спокойный и ровный.

— Ты хочешь сказать, что пауки объявят войну жукам?

— Я хочу сказать, что время разглагольствовать истекло. Пора действовать.

Что-то в его последней интонации заставило Найла чутко насторожиться. Он стал разворачиваться, и в этот момент руки Смертоносца-Повелителя стальными клещами сомкнулись на шее. Но Найл успел чуть сместиться, так что хватка пришлась не совсем куда надо; вместо того чтобы впиться в дыхательное горло, большие пальцы сошлись под самой челюстью. Тем не менее сила была такая колоссальная, что Найл перегнулся в

поясе как надломленный. Одновременно с тем он почувствовал на себе взгляд Смертоносца-Повелителя и еще раз осознал присутствие в теле ее самой, Одины. Он с изумлением понял, что она противится воле паука, не давая мышцам повиноваться его приказу: удавить.

Тут над плечом у нее возникло бесстрастное лицо жука-охранника. Резко дернуло; Найл почувствовал, как ноги отрываются от земли. Удушливая хватка внезапно ослабла, и он очутился на коленях. Загребая руками, пытался ползти — в голове туманная зыбкость, будто плывешь; щека притиснута к полу. Когда в глазах прояснилось, до него дошло, что Доггинз помогает ему сесть.

Первое, на чем остановился взгляд, это тело Одины, лежащее возле двери,— похоже, бездыханное. Туловище неестественно скорчено, колени разведены в стороны, одна рука подогнута за спину. Найл метнулся к Одине, приподнял ей голову. Голова мотнулась так, будто совсем не была прикреплена к телу. Шея у женщины была сломана. Правой стороной лица она, очевидно, с силой ударилась о дверь: щека распорота, из уголка рта сочится струйка крови. Жук-охранник, оторвавший женщину от Найла, выглядел растерянным, будто ошеломленный собственной силой.

Найл попытался встать, но ноги подогнулись. Он сел на полу, уткнув голову между колен. Гулко стучало сердце, пульс отдавался в закрытых веках. Приглушенное, как через толщу воды, доносилось сиплое цвирканье жуков. Попробовав глотнуть, Найл поперхнулся от боли, в пищевод будто насыпали битого стекла.

Подумав об Одине, он забыл про жалость к себе. Повернув медальон, Найл сосредоточился и почувствовал себя немного бодрее. Но вставать больше не пытался, так и сидел на полу, глядя на Хозяина снизу вверх.

Тот сделал жест, и моментально воцарилась тишина. Когда заговорил, в его голосе чувствовался гнев:

— То, что вы сейчас только видели,— акт умышленного коварства да еще и явного пренебрежения к нам, к заведенным у нас порядкам. Он попытался умертвить пленника, который все еще находится под нашей протекцией. Это означает, что он полностью лишил себя нашей поддержки и должен понять,

что у нас нет теперь иного выбора, кроме как отпустить нашего пленника на свободу.

Найл попытался заговорить, но вместо слов из горла вырвалось лишь нелепое кряканье. Тут до него дошло, что говорить и не требуется, достаточно лишь послать вопросительный импульс.

— Ты можешь идти куда хочешь,— сказал Хозяин.— Мы решили, что не вправе ограничивать твою свободу. Но я бы советовал тебе возвратиться в свой край и оставаться там. Теперь пауки будут всячески пытаться тебя извести. И будет жаль, если им это удастся. Их коварство не заслуживает этого.

Найл через силу поднялся на ноги и попытался поклониться в знак признательности. Но едва выпрямился, как вокруг стала сгущаться тьма. Доггинз успел его подхватить у самого пола.

Дельта

Как и при работе над первой книгой «Мира пауков», которая называется «Башня», я накопил внушительный долг благодарности перед моим другом Дональдом Симэном — за его комментарии и предложения. Салли, Донован и Рован, мои дети, также подсказали немало полезного. Для части «Дельта» кое-что интересное я получил от Дэвида Эллиса. И еще хочу, пусть и с опозданием, выразить признательность Роальду Далю, моему другу, ведь это он подбросил мне идею написать «детскую книжку» — и теперь, наверное, будет в шоке от результата.

Корнуолл, 1987

Предисловие

Пустыня. Паренек по имени Найл, разглядывающий из норы — где живет он со своим семейством,— как огромный паук лопает ящерицу. Таково начало первой книги «Башня» из цикла «Мир пауков».

Растительность чахлая и не дает надежд на пропитание. Взрослые занимаются охотой с помощью кремневых ножей и копий. И взрослые, и дети спасаются от хищников, разросшихся до чудовищных размеров насекомых и прочих членистоногих — скорпионов, жуков-скакунов, полосатых скарабеев, кузнечиков-гигантов. Впрочем, хищники пустыни выглядят бледно по сравнению с прилетающими на воздушных шарах пауками-смертоносцами. Те прочесывают местность импульсами своей воли, вызывающими у людей ответные выплески ужаса. Остаются незаметными только спящие и умеющие контролировать свое сознание — как умеет это юный Найл. Парню удается приручить осу и муравьев — тоже громадных,— после чего жизнь его и родичей стала менее проблемной, более сытой, «домашние» насекомые исправно снабжают их едой. Много времени стало уделяться досугу, преданиям и легендам; от старших Найл выведывает, что не так давно люди и смертоносцы вели борьбу на равных, но пауки одолели человека, когда научились читать его мысли и подавлять волю. Некий отступник, принц Галлат, раскрыл Смертоносцу-Повелителю таинства человеческой души в обмен на помощь в добывании невесты, которая ушла к другому. С тех пор пауки ели и пленили людей тысячами.

Узнав побольше о пауках, Найл перестает чувствовать их демоническое превосходство, они долго учились тому, что он

умеет и так — проникать в умы людей и животных. Изучая диких пауков, Найл постепенно учится использовать свой ум, переходы от чистой созерцательности к направленному волевому импульсу.

Тем временем подрастает сестренка Найла. Взрослые, опасаясь, что своим страхом она может выдать их жилище смертоносцам, решают добыть снотворный сок ортиса. Из похода за этим растением в Дельту — район с различными агрессивными формами жизни — возвращаются не все. Погибают дядя и двоюродный брат Найла. Вдова дяди требует, чтобы ее отвели в Диру, где она выросла, там она найдет себе нового мужчину. Найл и его отец Улф препровождают женщину на родину, отбиваясь по пути от ядовитых сороконожек и человекоядных червей. Дира, как выяснилось,— это подземное городище, где правит Каззак, который является папой чуть ли не половины местных ребятишек.

На обратном пути Найл находит в развалинах крепости странную раздвижную трубку, а потом убивает смертоносца, проявив мощь своей воли. Кара за убийство паука неизбежна, поэтому Улф собирается перебраться с семейством в глубь пустыни. Однако Улфа жалит личинка жука, и Найл отправляется на поиски целебного растения. Но по возвращении мальчик видит, что отец его мертв, а мать, брат и две сестренки похищены пауками. Он идет по следам пленников, и неподалеку от моря его также хватают и вяжут бойцовые пауки. На берегу моря он встречается с матерью и братом (сестренки унесены на воздушных шарах), а также с моряками — слугами смертоносцев — красивыми, рослыми, но донельзя тупыми людьми. Общение со слугами во время морского перехода показало Найлу, что сознание у них недоразвитое и отражает только физические ощущения. Между делом Найл спасает жизнь пауку, смытому волнами за борт.

В конце пути парень попадает в паучий город, где люди привыкли, что смертоносцы всегда могут влезть им в мысли. Высшая каста у людей здесь — грудастые женщины-предводительницы, что отражает высокое положение самок у пауков. Средняя каста — самодовольные слуги, занятые на простых работах и любящие вкусно поесть. И низшая — дебилы-рабы, которые чистят канализацию и выступают в качестве мясного

стада для пауков. Слуг, впрочем, тоже едят, если им перевалило за сорок, если они выбежали на улицу ночью, попробовали пробраться в женский квартал или детский дом.

Найл с матерью и братом попадают на аудиенцию к Смертоносцу-Повелителю — которого во тьме и паутине разглядеть не удалось,— и тот решает пока что сохранить им жизнь. Во дворце управителя Каззака (это главный среди людей с тех пор, как пауки разорили его владение Диру) юноша узнает, почему он представляет интерес для смертоносцев. Они не прочь использовать Найла для распознавания подобных ему, а заодно и для улучшения породы. Ведь умных и смекалистых здесь так упорно истребляли, что паучьи подданные совсем выродились — в десятом поколении были выведены почти сплошь идиоты, с коллективным разумом вроде муравьиного. Найл не говорит «нет», но, получив некоторую свободу, удирает из дворца управителя и направляется к Белой башне, странному сооружению без окон, без дверей, не поддающемуся никаким взрывам. Однако с помощью раздвижной трубки, которая оказалась ключом, Найл проходит сквозь стену и встречается с компьютером — тот знакомит его с историей планеты и человечества. Выясняется, что в 2175 году основная масса людей покинула Землю и перебралась в систему альфы Центавра, потому что планете предстояло пройти через радиоактивный хвост кометы Опик.

Внутри башни Найл проходит подготовку на «машине умиротворения», которая раскрепощает ум и тело, затем во сне впитывает огромное количество знаний. Там же он узнает, где находится арсенал, оставшийся со времен развитой технической цивилизации.

Покинув башню, Найл скрывается в квартале рабов, выдавая себя за разжалованного слугу. Это дает ему право быть мелким начальником. Распорядитель работ посылает его во главе бригады золотарей на чистку канализации в город жуков-бомбардиров. Там тоже живут люди, но гораздо привольнее, чем в паучьем царстве. В жучином городе Найл находит тех, кто считает владычество пауков невыносимым, и организует вместе с ними вылазку. Теряя людей в паучьих клыках, отряд Найла проникает в арсенал. На оружейных складах найдены сверхмощные атомные расщепители — «жнецы», которые при-

ходится применять уже у стен арсенала, причем воля Найла ломает оцепенение, насылаемое пауками.

Остаток ночи отряд проводит в одном из брошенных домов, наутро же его берет в окружение целая армия пауков, а их посланец Каззак советует обменять оружие на жизнь и благополучие. Переговоры заканчиваются стычкой, люди не хотят больше существовать в атмосфере страха и в приступе раскрепощения косят пауков тысячами. Затем Найл со своей командой перебирается в здание, где хранятся паучьи воздушные шары и скунсовые губки, наполняющие их летучим газом. Отряду удается освоить наполнение шаров и управление ими. Уже во время полета пауки волевыми импульсами воздействуют на губки, заставляя их поглощать газ, но опять удар «жнецов» решает дело не в их пользу. Найл с отрядом без потерь добирается до города жуков. Там, на Совете (высшем органе власти у жуков), Смертоносец-Повелитель, вернее, находящаяся под его гипнозом служительница пытается задушить Найла. Это настраивает Совет против пауков, и он решает не выдавать Найла восьмилапым, потому как тот не слуга смертоносцев, а вольный сын пустыни.

Часть первая

КОЛЛЕГИЯ

Первый проблеск сознания у Найла был сопряжен с мучительной болью. Глотку саднило так, будто он проглотил докрасна раскаленный вертел; тяжко бился в висках пульс. Попробовал сесть, но на лоб легла прохладная ладонь и ласково, однако настойчиво заставила опуститься головой обратно на подушку. Мало-помалу боль будто бы начала униматься.

В следующий раз Найл очнулся, когда комната была уже полна бледно-голубого света. Он лежал на широкой кровати, раскинув поверх одеяла голые руки. Через прозрачную голубую стену виднелось большое дерево с желтыми цветами, затеняющее комнату от солнечного света. Потолок покрывали узоры, напоминающие зеленые капли-листья.

Найл поднес руку к горлу, пальцы наткнулись на что-то твердое. Шея, оказывается, была обмазана напоминающим сухую глину веществом, которое сверху плотно стягивали бинты. Тут до Найла дошло, что он раздет, а медальона на шее нет. Он тревожно шевельнулся и тогда увидел, что одежда сложена аккуратной стопкой возле постели на стуле, а медальон лежит сверху. По соседству лежала и раздвижная трубка. Найл вздохнул с облегчением.

Дверь отворилась, и в дверном проеме показалась Селима. Увидя, что Найл не спит, улыбнулась.

— Тебе лучше?

— Гораздо.— А у самого голос какой-то неестественно сдавленный, сиплый.

— Голосок у тебя как у моего дедушки,— сказала Селима с ласковым смешком.

Она села возле него на постель и аккуратно положила ладонь ему на щеки. Стало приятно, прохладно; нечто подобное он ощущал нынче ночью. И горло уже не так саднит.

— Как это у тебя получается? Что-нибудь в руках?

— Ничего.— Она показала ладони.— Это у меня от матери. В нашей семье все сплошь были знахари.

Найла будто повлекло вниз по медленному ручью, текущему под аркой из зеленых ветвей. Постепенно он канул в глухой омут сна.

Когда очнулся снова, возле кровати стоял Доггинз. Окно было открыто, и с улицы доносились голоса детей, играющих возле фонтана. Из-за спины Доггинза выглядывал пожилой мужчина. Загорелое лицо, изборожденное морщинами, глубоко посаженные пронзительные серые глаза. Незнакомец был одет в поношенную, выцветшую, словно увядший мох, тунику и имел при себе такого же цвета сумку.

— Это Симеон,— представил Доггинз,— наш лекарь.

Найл кивнул, пытаясь вымолвить что-нибудь приветственное, но из горла выдавилось лишь сухое сипение. Симеон пристально вгляделся в лицо молодого человека (интересно, в серых глазах словно подрагивают точечки света), затем взял его за запястье. Пощупав пульс, положил Найлу ладонь на щеку — когда коснулся, чуть щипнуло,— затем опустил на постель сумку и вынул из нее короткий нож с узким увесистым лезвием. Им он принялся аккуратно резать опоясывающий горло Найла пластырь. После нескольких длинных глубоких надрезов его удалось стянуть. Воздух неприятно холодил обнажившуюся кожу. Подавшись вперед, лекарь коснулся горла Найла указательным пальцем, отчего парень болезненно поморщился.

— Что скажешь? — озабоченно спросил лекаря Доггинз.

— Ему повезло. Еще пара сантиметров вправо, и был бы покойником.

Голос у Симеона был низкий, глубокий; не голос — рык.

Найл попробовал высмотреть, что там делается на шее; куда там. Доггинз поднял с ночного столика зеркальце, повернул так, чтобы Найл мог видеть. На полированной стальной поверхности отразилась невероятного вида, вся в кровоподте-

ках, образина. Белки глаз налиты кровью, щеки покрыты красными и лиловыми отметинами, напоминающими синяки. На глотке четко различались отпечатки пальцев, желтые с лиловым.

— Что с Одиной? — осведомился он у Доггинза.

— Схоронили нынче утром.

— Нынче утром?

— Да. Ты здесь лежишь без чувств вот уж два дня. У тебя был жар.

Симеон достал из сумки склянку с бурой жидкостью.

— Открой рот.

Найл повиновался и почувствовал, как на язык упало несколько капель прохладной жидкости.

— Будет жечь. Закрой глаза и старайся не сглатывать.

Растекшись во рту, жидкость словно воспламенилась. Вот она дошла до глотки, и боль стала невыносимой. Найл зажмурился и уперся головой в обитую тканью спинку кровати. Через несколько секунд боль переплавилась в приятное тепло. Найл не сдержался, сглотнул. Одновременно с тем тепло существенно сгладило боль в дыхательном горле. Затем все тело окутала приятная осоловелость.

— Чудесное снадобье,— заметил Найл с дремотным блаженством.

— Называется шакальей травой, из Великой Дельты.

— Ты был в Дельте? — Найл удивленно расширил глаза.

— Много раз.

— Ты мне о ней расскажешь?

— Да, только не сейчас. Отдыхай пока.

Доггинз и лекарь удалились, оставив Найла одного. И хотя он ощущал теперь глубокую расслабленность, сонливости уже не чувствовалось. Тут вспомнилась Одина, последний ее поцелуй — Найла заполнила жалость и горечь утраты, глаза затуманились от слез. Найл не утирал их, и они струйками сбегали по щекам. В свое время он тяжело перенес гибель отца, но страдал, как оказавшийся в одиночестве ребенок. Теперь же это была безутешная мука взрослого, утратившего любимого человека. Казалось невыразимо обидным и жестоким, что вот так, в расцвете сил и красоты, человек уходит в землю. Следующие полчаса Найлом безраздельно владели темная меланхолия и

пессимизм. Поневоле напрашивался вывод, что вся жизнь — трагическая ошибка и невидимые силы, вершащие человечьи судьбы, созерцают людей с эдаким скучливым презрением. Размышления глубоко потрясли юношу, он словно заглянул в бездну. В конце концов, утомившись от собственной неприязни к жизни, Найл погрузился в дремоту.

Разбудила Селима, входящая в дверь с подносом. Она улыбнулась так открыто и радостно, что в ответ сердце встрепенулось и у Найла.

— Ты выглядишь намного лучше!

— Правда?

Она поднесла зеркальце, и Найл увидел, что белки глаз у него больше не тронуты краснотой и кровоподтеки с лица считай что сошли. Синяки на глотке, вчера еще лиловые, обтаяли, приняв изжелта-бурый оттенок. Селима присела на кровать и поместила поднос Найлу на грудь.

— Отведай.

Он отхлебнул нежирного бульона — вкус просто изумительный. К удивлению, глоталось почти без боли. Проглатывать ноздреватый черный хлеб с янтарным маслом оказалось трудновато, но ощущать в желудке пищу было так приятно, что Найл все стерпел. Пока ел, само удовольствие от вкушения пищи вытеснило последние остатки недавней меланхолии.

— Вы испугались, когда пауки обступили город? — спросил он Селиму.

— Еще бы. Кое-кто, правда, был спокоен — из тех, кто уверен, что жуки сумеют защититься. Но я сама росла среди пауков и знаю, насколько они опасны.

— Как жукам удалось не пустить пауков в город?

Селима, похоже, была удивлена.

— Ты разве не знаешь? Они используют силу воли. Не скажу точно, как это называется, но они вроде бы смыкают волю, каждый свою, в общую сеть.

— Понимаю. То же самое делают и пауки. Но как жуки прознали, что на них собираются напасть?

— Они вообще всегда начеку. А едва лишь узнали, что вы отправились в паучий город добывать взрывчатку, так сразу смекнули, чем это может обернуться.

— И ты полагаешь, пауки больше не нападут?

Она с улыбкой покачала головой:

— Теперь-то уж нет. Когда у нас есть «жнецы»...

— Ты что, знаешь и про «жнецы»?

— Разумеется. Все знают.— Она подняла поднос.— Ну а теперь пора отдохнуть.

Когда Селима открывала дверь, Найл вслед спросил:

— Там хоть что-то известно, как с остальными, добрались ли?

— Да. Все возвратились благополучно. У Гастура шар сел прямо в реку, до берега добирались вплавь. А Милон так еще и привел нескольких ребятишек, подобрал их в лесу.

— Что за ребятишки? — живо осведомился Найл.

Селима посмотрела как-то странно, таинственно.

— Твоих сестренок среди них нет.

Найл ответил ошеломленным взглядом.

— Откуда тебе известно, что у меня есть сестренки?

Та опять посмотрела с непонятным, загадочным видом и вышла, оставив дверь открытой. Найл широко раскрытыми глазами глядел вслед, недоумевая, что все это значит. Тут в коридоре послышались шаги, и в дверях появилась одетая в синее девушка.

— Дона!

Девушка бросилась к кровати, обвила Найла руками за шею и припала губами к его губам. У Найла, успевшего позабыть приятное тепло ее губ, перехватило дыхание.

Возвратившаяся Селима сказала с мягкой укоризной:

— Его нельзя волновать. Ему еще долго предстоит набираться сил.

— Я не буду его тревожить, обещаю!

Выпустив Найла из объятий, Дона села у него в ногах. Лучась от счастья, они не отрываясь смотрели друг на друга, словно не веря, что снова вместе.

— Я подойду через несколько минут,— сказала Селима и удалилась, деликатно притворив за собой дверь.

— Как там мои сестренки? — первым делом спросил Найл.

Улыбка сошла с лица Доны.

— Их позавчера забрали. Служительница, которая забирала, сказала, что отведет их к матери.

— Это было в день взрыва?

— Где-то за пару часов.

Такую новость, в общем-то, следовало ожидать, как раз тогда они торговались с Каззаком. Его сестренкам отводилось место в той сделке.

Вытянув руку, девушка коснулась ладони Найла.

— Извини.

Найл пожал плечами.

— Может, оно и к лучшему. Если пауки держат их заложницами, то, вероятно, не тронут.— Он намеренно сузил свое мышление, не давая проникнуть в него ядовитому страху.— Ты лучше расскажи, как тебе удалось бежать.

— Я как раз гуляла на лужайке с ребятишками, когда рвануло. Под ногами вдруг заходило ходуном, я подумала, что землетрясение. У нас однажды трясло в Дире, местами даже стены завалились. Поэтому я велела ребятишкам сесть на землю и не бояться. И тут пауки словно ошалели. Забегали как чумные, не соображая, что делают. Один даже в реку залетел. Ты не знаешь, с чего бы?

— Знаю. Они общаются меж собой сигналами напрямую. Поэтому, когда худо одному, это чувствуют и остальные. Они ощущали предсмертные муки друг друга. Ну а дальше что было?

— Дальше небо стало темным от дыма, ребятня закашляла. Окна детской все как есть полопались, но серьезно, похоже, никто не пострадал. А затем ушли служительницы — сели в лодки и перебрались за реку. Дыму все прибывало, я уж испугалась, что все задохнутся. Потом велела детям идти за мной, и мы пошли. Никто даже слова не сказал, на улицах совсем пусто было. Мы взяли и двинулись в сторону холмов.

— И куда же вы рассчитывали попасть?

— Мне было все равно, лишь бы подальше от пауков. Вот мы шли-шли и наконец попали в пригород. Через какое-то время дети устали и, само собой, есть захотели. К счастью, набрели мы на сад с яблоками и сливами, да еще ручей оказался поблизости, и там с час отдыхали. Тут кто-то из ребятишек мне и скажи, что видел паучий шар. Я подобралась к кустам, тихонько выглянула. Вижу, и вправду: шар, а в нем трое в желтой одежде. Я поняла, что это слуги жуков. Мы смотрели за шаром, пока тот не опустился куда-то за лес. Тогда я сказала ребятишкам, что пойдем полем, и мы дошли до самых деревь-

ев. Тут все стали кричать, аукать, и те трое вышли и увидели нас. Они нас сюда и привели.

— Далеко добираться пришлось до города жуков?

— Не столько далеко, сколько долго. Мы же шли все время с оглядкой: а вдруг пауки? Их в полях оказалось полным-полно. Мы сначала думали, это нас разыскивают. С одним так вообще сшиблись чуть не лоб в лоб, когда тот неожиданно вылез из кустов, а он на нас и не глянул. Я подумала: и что это с ним такое стряслось?

— А почему ты так подумала?

— Он брел нетвердо, будто сонный или раненый. Или просто очень усталый...

Дверь приоткрылась, заглянула Селима.

— Ему, наверное, пора отдыхать.

— Иду, иду.— Дона светло улыбнулась Найлу и вышла.

Только теперь Найл почувствовал, как он устал. Попробовал было поразмыслить над рассказом Доны, но мысли плыли. Тем не менее от сознания, что с ней все в порядке, на душе становилось теплее. И, засыпая, он думал о ней.

Ему приснилось, что он летит над паучьим городом на шаре. В воздухе вилась гарь, видно было, как от квартала рабов поднимается дым. Разрушения были поистине ужасающими: улица за улицей превращены в мусор. Ясно различалась окаймленная зелеными газонами площадь со зданием городского зала собрания, однако само сооружение тоже рухнуло, стоять остались лишь две полуразрушенные стены. К югу, на месте казарм, теперь виднелось водное пространство, соединенное с рекой широким, нечеткой формы, каналом. Подлетев ближе, Найл разглядел паучьи туши, плавающие в бурой воде брюхом кверху.

Пролетев над рекой, шар продрейфовал в нескольких метрах от Белой башни. В этой части города, судя по всему, основная часть зданий осталась невредимой, но на улицах всюду виднелось битое стекло. Проплывая затем вблизи дворца Каззака, Найл свесился из мешка, пытаясь заглянуть в окна. Именно в этот момент его окликнул голос матери. Сложив ладони рупором, Найл прокричал:

— Я здесь! Где ты?

— Здесь, в спальне!

Голос был таким ясным, будто доносился с нескольких метров. Юноша, вздрогнув, очнулся и шалыми от сна глазами оглядел комнату, ожидая увидеть мать. Стоял полумрак, и комната была пуста. Какой-то миг Найл был близок к тому, чтобы разрыдаться от нахлынувшего отчаяния и одиночества. И тут, вглядевшись в лиловый небосвод за окном, внезапно осознал ее присутствие. Едва закрыв глаза и сосредоточась, он различил мать, сидящую, скрестив ноги, на полу дворцовой опочивальни; глаза закрыты. Умы матери и сына слились в контакте, и Найл почувствовал радость и облегчение, узнав из ее послания, что с родными все благополучно. Но когда сам попытался отправить встречный сигнал, сосредоточенность поколебалась: мозг все еще находился наполовину в объятиях сна. Контакт был утерян, и Найл остался один.

Через несколько минут в дверь заглянул Доггинз.

— Ну как, получше?

— Намного, спасибо.

— До собрания дойдешь, ничего?

У Найла опустилась душа.

— Как, еще одно собрание Совета?

— Нет, на этот раз одни люди. Но мне, видимо, понадобится твоя поддержка.

— Моя поддержка? — переспросил Найл удивленно.

— Да, на нашей коллегии — вроде гражданского собрания. Ходит слух, что там попытаются протащить решение осудить мои действия.

— А это что, сколько-нибудь серьезно?

— Еще бы. Могут приказать мне уничтожить «жнецы».

— Какая-то блажь!

Доггинз не успел ответить — в дверь постучали. Вошла Селима, неся с собой лампу, залившую комнату необычайно ярким светом. Найл посмотрел на лампу с удивлением:

— Что это?

— Обыкновенный газовый фонарь. Своего рода семейная тайна. Изобретение моего деда, но использовать его нам никогда не разрешалось.

— Почему?

Доггинз раздраженно передернул плечами:

— Раскоряки утверждают, что это механизм.

— Как он действует?

— Вот сюда заливается нефть.— Доггинз постучал по блестящему металлическому шарику возле основания фонаря.— Насосик гонит ее вверх по трубке, и она испаряется, ударяясь о керамическую сетку накаливания. На самом деле просто.

Найл широко раскрытыми глазами смотрел на фонарь. Интриговал не столько внешний вид устройства, сколько впечатление, что он уже полностью с ним знаком. И тут мгновенная вспышка интуиции дала ответ. Как и умение читать, это знание было вживлено ему в память Стигмастером. В момент озарения Найл бегло ощутил в себе множество других фрагментов знания, дремлющих в глубинах памяти; несколько секунд он чувствовал ошеломляющую раздвоенность, будто его собственная сущность была под вопросом.

Доггинз полез в ящик стола.

— Вот еще один образчик запретного знания.

На кровать шлепнулась увесистая книга. Найл взглянул на обложку: «Принципы электроники».

— Почему запретного?

— Потому что книги запрещены. Пункт двадцать второй Договора о примирении: «Книгопечатание и книгочейство запрещается под страхом смерти». Потому книги по большей части хранятся в музеях, запертые в стеклянные ящики.

— Но ты же умеешь читать?

— А как же. Здесь все по большей части грамотны. Это секрет, передаваемый от отца к сыну. Но если пауки узнают, мы окажемся в беде. Двадцать лет назад случайно всплыло, что один из наших умеет читать — девяностолетний старик. Так ведь настояли на его казни.

— И жуки пошли на это?

— А куда денешься? Ведь речь шла о положениях договора.

Найл листал страницы книги, теряясь от обилия математических формул.

— Кто обучил тебя грамоте? — как бы между прочим спросил вдруг Доггинз.

Найлу потребовалась секунда, чтобы осмыслить вопрос. Затем он удивленно вскинул голову.

— А как ты догадался?

— Вон зрачки как движутся. Так кто тебя обучил?

— Машина,— ответил Найл, улыбнувшись.

Доггинз зыркнул на него из-под опущенных бровей.

— Та самая, что подкинула тебе пищевые таблетки?

Найл засмеялся такой дотошности.

— Точно.

— А где она, твоя машина?

— В Белой башне.

У Доггинза расширились глаза.

— Ты серьезно? — (Найл кивнул.) — Ты что, там был?

— Да.

Лицо Доггинза внезапно побледнело.

— Как ты пробрался туда?

— Вот с этим.— Найл протянул руку и взял раздвижную трубку, лежащую на стопке одежды. Нажал на кнопку — трубка раздвинулась. Вручил ее Доггинзу.— Ты что-нибудь чувствуешь?

— Вроде как покалывает.— Доггинз старался говорить спокойно, но голос срывался и рука подрагивала, выдавая волнение.— Где ты ее раздобыл?

— Нашел в пустыне.

Найл подробно рассказал, как они с отцом нашли укрытие от песчаной бури и как ветер обнажил древние развалины. Когда стал описывать блестящую машину, Доггинз кивнул.

— Наверное, «кузнечик». Основной вид дальнорейсового транспорта в конце двадцать первого века.— Он взглянул на трубку у себя в руках.— Но сам я прежде никогда их не видел. Извини, продолжай.

Когда Найл подошел к тому, как он пробирался в башню, волнение Доггинза возросло еще сильнее; он, очевидно, уж и усидеть не мог на месте. Лицо из бледного сделалось пунцовым. Найл с ошеломлением почувствовал, как от Доггинза лучится некая почти осязаемая сила, кажущаяся удивительно навязчивой, почти гнетущей. Юноша испытал облегчение, когда при описании Стигмастера Доггинз его прервал:

— Нет, теперь пусть только попробуют сказать, что я не прав! Глорфин все уши прожужжал, что надо довольствоваться тем, что у нас есть, и не высовываться...

— Глорфин?

— Наш гражданский лидер, глава коллегии. Он говорит, нам судьбу надо благодарить, что мы в услужении именно у жуков, и жить себе, пока живется. Но какой был смысл людям прежних времен накапливать все эти знания, если они пропадают зря?

— Они рассчитывали, что мы ими воспользуемся, когда окажемся готовы.

— Вот мы уже и готовы,— бойко подытожил Догтинз.— Я уже с рождения готов.

Найл покачал головой.

— Старец говорил, что есть нечто, о чем он не может мне сказать. То, что я должен уяснить сам...

— Что именно?

— Например, как свергнуть пауков.

— Это мы выяснили.— Волнение полностью овладело Догтинзом.— Что еще?

— Не могу припомнить,— с сомнением сказал Найл.— Но он, похоже, подразумевал, что есть нечто такое, что откроется мне только со временем...

— А ты как думал! — Догтинз порывисто вышагивал взад-вперед по комнате, в свете фонаря его тень жила своей собственной жизнью.— Так во всем. Нельзя оценить по достоинству то, что слишком легко дается. Но этого я ждал всю свою жизнь...

В дверь постучали.

— Ч-черт! — Догтинз от досады дернул головой.

— Члены коллегии уже здесь, ждут в столовой.

— Ну надо же, в такой момент! — Он с усилием овладел собой.— Ладно, скажи им, что будем через несколько минут.— Когда Селима вышла, выдвинул ящик стола.— На-ка, наденешь.— И кинул Найлу желтую тунику слуги жуков.

Найл проворно облачился и повесил на шею медальон. Вешая, случайно заметил, что и у Догтинза на шее что-то висит.

— Что у тебя там?

Догтинз усмехнулся со странной игривостью. Из-под туники он вытянул... медальон, почти такой же, что и на шее у Найла, только серебристый. И тут Найл понял.

— Так вот почему на меня так действовали твои мысли! У тебя эта штуковина, оказывается, повернута на меня.

Доггинз взвесил медальон на ладони.

— Я его позаимствовал в музее. Ты мне вот что скажи. У тебя не бывает так, что от него становится невмоготу?

— На первых порах было. Освоишься.

— Слава богу, если так. А то весь день хожу как выжатый. Ты свой в башне раздобыл? — (Найл кивнул.) — Дашь попробовать?

Они обменялись медальонами. Едва повесив на себя доггинзовский, Найл почувствовал разницу. Вначале показалось, что этот гораздо сильнее, затем стало ясно, что дело здесь не просто в силе. Как и у него, этот медальон собирал волю в единый тугой луч, если направлять его внутрь; если наружу, то воля рассеивалась на окружающее. Но было в этой силе что-то жестокое и грубое, словно громкий повелительный окрик. Минуты не прошло, как голова у Найла уже разбухала от тяжести.

— Этот, похоже, не такой сильный,— рассудил Доггинз и бросил медальон обратно Найлу.

Тот, вместо того чтобы повесить его на шею, опустил в карман туники. Чутье подсказало, что, пока организм ослаблен, медальон будет лишь ухудшать самочувствие.

Идя следом за Доггинзом по коридору, Найл обратил внимание, что из дверей на него повсюду посверкивает глазенками ребятня; оказывается, он здесь заметная персона.

Вошли в просторную комнату, основную часть которой занимал полированный стол овальной формы — массивный, разместится человек двадцать. Большинство стульев вокруг было уже занято. Из присутствующих Найл узнал только троих — Милона, Уллика и Симеона, того самого лекаря.

Когда Доггинз вошел, все встали, но было видно, что это так, для проформы. Он занял место в конце стола и Найлу указал сесть рядом. Невысокий бородач с обильной проседью, сидящий на противоположной стороне, прокашлялся.

— Прошу прощения, но допускается ли на официальных заседаниях коллегии присутствие посторонних?

— Глорфин сам сказал, что хотел бы расспросить нашего гостя. А сделать это без его непосредственного присутствия, сами понимаете, затруднительно.

Коротышка бородач густо покраснел.

— Он что, не может дождаться за дверьми, пока вызовут?

Раскраснелся и Доггинз, сверкнул сердито глазами.

— Нет, Пибус, не может. Он свободный человек и не обязан выстаивать за дверьми и отвечать на наши вопросы. Он может послать всех нас к чертям и уйти. Кроме того, он гость в моем доме...

Коротышка запунцовел и потупился под жестким взглядом Доггинза. Сидящий возле человек — длинный, лысый, с изнуренным лицом и выпяченной челюстью — кашлянул и коротко сказал:

— Принято к сведению. Давайте начинать.

Хотя было заметно, что он недоволен.

Доггинз опустил взгляд на гладь стола, будто бы принимая упрек, но по поджатым губам было ясно, что смирения в нем нет.

— Прежде чем начнем,— сказал лысый,— может, ты нам представишь своего гостя?

— Это Найл,— сказал Доггинз.— Родом из пустынного района Северного Хайбада.

— Это беглый раб, которого разыскивают пауки, я так понимаю?

Вопрос исходил от толстяка, макушку которого покрывали жесткие белые завитки.

Доггинз резко на него посмотрел.

— Не то и тем более не другое, Корбин. Он не раб, поскольку родился на свободе. И не беглый, потому что попал сюда против воли, а следовательно, имеет полное право на побег.

Корбин тускло усмехнулся.

— Не слишком ли предвзятый ответ?

— Нет,— твердо сказал Доггинз.— Предвзято звучит именно твой вопрос.

— Давайте прекратим препирательство,— нетерпеливо прервал его лысый.— Стоящий нынче перед коллегией вопрос предельно прост: правоправны ли твои действия? Ты сам как ответишь: да или нет?

— Я отвечу: да.

В глазах Глорфина мелькнуло недовольство. Было видно, что ему не нравится такой тон.

— Затрудняюсь понять, чем именно ты аргументируешь свой ответ. Разве не ты повел группу слуг в город пауков?

— Я,— кивнул Доггинз.

— У тебя было на то разрешение нашей коллегии или Совета наших хозяев?

— Нет.

— В таком случае твои действия противоправны.

Доггинз категорично покачал головой.

— Никак не могу согласиться. За два часа до того, как нам отправиться в квартал рабов, один из приближенных Хозяина возложил мне на голову длань и заявил, что отныне жуки считают меня одним из равных себе. То есть посвятил меня в чин почетного саарлеба. Из чего следует, что я имею право принимать решения, не спрашивая согласия у коллегии.

— Из чего следует,— встрял Пибус,— что у тебя появилось право устраивать вооруженные провокации против наших союзников?

— Никакой провокации не было, была элементарная самооборона. Милон и Уллик могут вам рассказать, как все складывалось.

— Милон и Уллик уже изложили свою точку зрения. Теперь же мы хотим выслушать и обсудить все то, что расскажешь нам ты.

Доггинз:

— Очень хорошо. Вы понимаете, что весь мой пороховой запас взлетел на воздух во время спектакля?

Небольшого роста остролицый человек прервал его, спросив:

— Это происшествие и привело к твоему повышению?

— Да.

— Получается, повышение ты получил на ложных основаниях?

Доггинз и глазом не моргнул.

— Если ты, Зораб, желаешь повернуть вопрос именно так, тогда — да.

— Хорошо же,— сказал коротышка.— Пожалуйста, продолжай.

— Благодарю. Я оказался в положении главного взрывника, напрочь лишенного зарядов. Вот тогда я и принял решение найти и осмотреть казармы квартала рабов, поскольку из опыта

знаю: где казармы, там обычно и склад боеприпасов.— Он вежливо оглядел сидящих по обе стороны стола.— Это и была единственная причина, толкнувшая меня сделать вылазку в квартал рабов. Признаю, это было импульсивное решение, но я чувствовал, что у меня есть на него право. Я не ждал какой-либо опасности. Если бы нас поймали, мы бы признались, что служим жукам, и безропотно приняли любое наказание, которое бы нам присудили. Все, кто отправился со мной, выразили наперед свое полное согласие. Потом дело приняло действительно нешуточный оборот, и я не скрываю в этом своей вины. Поэтому, чтобы уйти живыми, нам пришлось защищаться от пауков. Сожалею, но это было необходимо. Моей прямой обязанностью было не допустить гибели всех наших людей. Мы уже успели потерять троих, и я не мог допустить, чтобы потери увеличились.

Доггинз опустился на стул и прикрыл глаза. Наступила длительная пауза. Коллегия находилась под впечатлением. Даже на Найла слова подействовали убеждающе, хотя он понимал, что сила доводов имеет связь скорее с медальоном, чем с самой речью.

Глорфин вздохнул.

— В таком случае, похоже, наша основная проблема — решить, как убедить пауков, что это не было преднамеренной провокацией.

— Ты думаешь, такое возможно? — с сомнением спросил Зораб.

— Не знаю.— Глорфин, очевидно, был крайне озабочен.— Нам остается лишь попытаться.

На Найла посмотрел Корбин.

— Вероятно, начать надо будет с возвращения паукам беглого раба. Это станет залогом наших чистых помыслов.

Доггинз смерил его ледяным взором:

— От этого отказался сам Хозяин. Ты, видимо, считаешь себя вправе менять его решения?

Корбин покраснел и опустил глаза. Глорфин покачал головой.

— Надо быть реалистом. На данный момент мы, по сути, находимся с пауками в состоянии войны. Нельзя допустить, чтобы этот конфликт затянулся.

Доггинз посмотрел на него с улыбкой.

— Ты хочешь сказать, что надо поднять руки и сдаться им на милость?

— У тебя есть какое-то иное предложение, более удачное?

Надо было отдать этому человеку должное: терпение и выдержка просто редкие.

Доггинз оглядел собрание:

— Да. Я предлагаю исходить из того, как обстоятельства складываются на сегодня.

Глорфин, а с ним и большинство собравшихся взглянули на Доггинза с плохо скрытым ужасом.

— Ты хочешь, чтобы война между нами продолжалась?

Он, очевидно, думал, что Доггинз спятил.

— Нет.— Доггинз снова оглядел стол (Найл чувствовал, как для вящей убедительности он использует силу медальона).— Я хочу примирения. Но на иных условиях. Вам известно, что Договор о примирении все преимущества оставил за пауками. Я желаю, чтобы теперь условия изменились в нашу пользу.— Он повернулся к двери: — Селима!

Дверь отворилась (очевидно, сцена была продумана заранее), и вошла Селима с газовым фонарем в руках. Его яркий свет наводнил всю комнату, отчего мелкие язычки масляных светильников показались никчемными. Фонарь Селима поместила на середине стола и, пятясь, вышла из комнаты.

Пибус с ужасом вытаращил глаза на фонарь.

— Ты что, с ума сошел? Это же вопиющее нарушение закона!

— Закона против чего, против света? — насмешливо переспросил Доггинз.

— Ты же знаешь, что это идет вразрез с Договором о примирении!

— Выходит, настало время пересмотреть этот договор,— сказал Доггинз со вздохом.

Глорфин окинул дерзкого суровым взглядом.

— Ты, видно, плохо представляешь себе положение. Наша задача — уговорить пауков примириться и...— Он замялся, подыскивая нужное слово.

Доггинз едко усмехнулся:

— И простить нас?

— Да, и простить нас! — воскликнул Глорфин с вызовом.— Мы совершили против наших союзников ужасное. А ты еще и намеренно осложняешь положение, пытаясь давить, чтобы они изменили договор. Об этом вообще не может быть речи.

А у самого голос под взглядом Доггинза терял твердость.

Доггинз пожал плечами:

— Не вижу почему.

— Может, ты объяснишь нам, что у тебя на уме? — сказал раздраженно Корбин.

— Да, с удовольствием.— Доггинз чуть подался вперед, опершись руками о гладь стола.— Вы требуете, чтобы я рассуждал как реалист. Очень хорошо, буду реалистом. Вы ломаете голову, как бы исхитриться повернуть стрелки вспять, хотите восстановить все так, как было неделю назад. А я хочу сказать, что такое невозможно. Пауки не собираются ни забывать, ни прощать. Они, понятно, готовы будут пойти на примирение, им война нужна не больше нашего. Но это будет фальшивый мир. Зная теперь, что мы опасны, они не успокоятся, прежде чем либо истребят нас, либо поработят. Они просто будут ждать подходящего момента, чтобы напасть. И такую возможность мы им предоставим сразу же, как только уничтожим «жнецы». Едва мы это сделаем, как станем безоружны.

Глорфин лишь покачал головой.

— У них гораздо больший резон напасть на нас, если мы не уничтожим «жнецы».

— Резон, говоришь? — саркастически усмехнулся Доггинз.— Может быть. Но они вряд ли осмелятся.

Вид у Глорфина был попросту ошарашенный.

— Ты предлагаешь, чтобы мы оставались врагами?

Доггинз сверкнул глазами раздраженно.

— Позволь мне досконально разъяснить, что именно я предлагаю.— Он сделал паузу дольше обычного.— Пауки относятся к жукам как к ровне. Думаю, настало время заявить им, что и нас надо воспринимать таким же образом.

— Это невозможно! — дернулся Пибус.— Ты ждешь, что они освободят всех своих рабов и слуг?

Теперь Доггинз посмотрел на него без иронии.

— Этого им делать не придется. Их слуги вполне довольны тем, что имеют. Но ни для тебя, ни для меня не секрет, что

происходит следом за тем, как их отсылают в великий счастливый край. Так ведь?

— Мало ли какие слухи распускают,— ерзнул Пибус.

— Понятно. Ты прикрываешься мыслью, что все это слухи. Хотя тебе известно ничуть не хуже, чем мне, какова правда.

Вид у Пибуса был доподлинно несчастный. Совершенно очевидно, что мысли у него и без того смешались, а убежденность Доггинза лишь усугубляла болезненную неуверенность. Тут Доггинз сказал успокаивающе:

— Давайте не будем зацикливаться на этом. Я говорю не о слугах пауков, я говорю о нас с вами. Вы начали пункт за пунктом нарушать договор, будучи еще пяти лет от роду. Вы все грамотны, в подвалах у вас припрятаны книги. Что противоречит договору. Вам разве не хотелось бы, чтоб ваши дети обучались грамоте в нормальной школе, а не из-под полы?

— Мне кажется, ты усугубляешь,— огрызнулся Глорфин.— Какая разница, где именно мы обучаемся грамоте, если все равно ею овладеваем? Неужели нам настолько уж нужны такие вот лампы, когда к нашим услугам сколько угодно масляных светильников? У нас и так уже свободы, сколько нам надо.

— Сколько тебе надо,— безжалостно уточнил Доггинз.

— Да, сколько мне надо. И сколько надо моей семье. Почему нам не оставить все как есть?

— Согласен,— улыбнулся Доггинз примирительно.— И мне бы хотелось оставить все как есть, вернее, как и было. Но теперь этого уже не вернешь. Все изменилось, и деваться некуда.— Он понизил голос и постучал по столу кончиком пальца.— Послушайте, пауки сейчас поневоле пойдут на уступки лишь с тем, чтобы снова заключить мир. Мы их уничтожили десятки, может, сотни.— (Глорфин болезненно сморщился.) — По их закону нас всех полагается схватить и казнить, с женами и детьми в придачу. Но даже и того будет мало: в их законе заложено, что одна паучья жизнь стоит сотни человеческих. Если они пойдут на примирение, им на все это придется закрыть глаза. Так почему нам не использовать возможность и не заставить их изменить Договор о примирении?

Наступила тишина. Доггинз не сводил с собравшихся глаз, закрепляя достигнутое преимущество. Тут Глорфин поглядел на Найла.

— Я бы хотел выслушать мнение нашего гостя.

От неожиданности Найл растерялся. Он вопросительно поглядел на Доггинза, а затем со смешком понял, что Доггинз, как и остальные, начинает воспринимать его как негласного лидера.

— Не знаю, будет ли от моего мнения какая-нибудь польза для вас,— сказал он.— Большую часть жизни я прожил в каменной норе, скрываясь от пауков. Они убили моего отца и угнали в неволю семью. Единственное, чего я хочу,— это видеть свержение власти пауков...

Хотелось добавить: «Чтобы люди опять могли стать хозяевами Земли», но он почувствовал, что это шокирует собравшихся.

— Да, я это понимаю,— сказал Глорфин, обращаясь почему-то к Доггинзу.— Как раз то, чего хотелось бы и тебе.

Доггинз тщательно подумал, прежде чем ответить.

— В идеале — да. У меня душа никогда к ним не лежала. Но я знаю, что это вряд ли осуществимо. Поэтому предлагаю разве что изменить Договор о примирении.

Глорфин оглядел коллегию.

— Кто еще придерживается такого же мнения?

Милон и Уллик подняли руки; к удивлению, поднял руку и Симеон, до этого слушавший дискуссию с непроницаемым видом.

— Кто против? — спросил Глорфин. Руки подняли все остальные.— Трое против семнадцати,— подытожил Глорфин. Посмотрел на Доггинза.— Прошу прощения. Твое выступление было превосходным. Но у большинства членов коллегии иное мнение. Теперь остается определиться, какие принять меры.

Кое-кто из членов коллегии начал уже вставать, отодвигая стулья.

— Я прошу вас, минуту,— повысил голос Доггинз. Все притихли.— У меня есть предложение, которое могло бы решить дилемму.— Он опять сделал многозначительную паузу. (Найл обратил внимание: Доггинз — прирожденный оратор.) — Вы хотите упросить пауков, чтобы они забыли о происшедшем. Мне кажется это невозможным. Во всяком случае, я забывать не желаю. Как и Найл, я считаю, что люди должны быть сво-

бодны. Если мы пойдем паукам на уступки, я, пожалуй, не смогу здесь остаться. Наверное, лучшим выходом будет, если я уйду.

— Уйдешь? — Глорфин, видно, не поверил своим ушам.

— Совершенно верно. Оставлю город и уйду куда-нибудь. Я слышал, за морем есть много необжитых мест, где можно жить, не опасаясь вторжения пауков. С собой я готов взять любого, кто пожелает отправиться со мной.— Он с дружеской улыбкой подмигнул Милону и Уллику.

— И «жнецы» вы тоже взяли бы с собой?

— Разумеется. Нам бы они безусловно пригодились для защиты.

Коллегия хранила молчание, усваивая эту внезапно высказанную мысль. Было заметно, что, по мере того как она оседает в умах, до собравшихся начинает доходить: это просто идеальный выход из положения. Как бы они ни пытались скрыть свою радость (а ну как Доггинз переиграет себе на пользу!), глаза все выдавали. Если Доггинз в самом деле уйдет, не будет и препятствия для примирения с пауками.

— Ты желаешь, чтобы мы рассматривали это как конкретное предложение? — осторожно спросил Глорфин.

— Да, желаю,— кивнул Доггинз.

Глорфин встал.

— В таком случае, пока у собравшихся не возникло вопросов, а у меня — возможности посовещаться с Хозяином, дискуссию предлагаю прекратить.— (Все слушали не перебивая.) — Итак, объявляю собрание закрытым.— Он улыбнулся Доггинзу с искренней признательностью.— Спасибо за такую откровенность с нами.

Когда расходились, несколько членов Совета задержались возле Доггинза попрощаться; было видно, что они расстаются с ним навсегда и жалостливые их вздохи — сплошное притворство. Найл смотрел на них с ехидцей; было заметно, что и Доггинз ждет не дождется, когда наконец от них отделается.

Остались только Милон, Уллик и Симеон. Пока Доггинз провожал членов коллегии к дверям, Найл почувствовал: они озабоченно прикидывают, как же им теперь быть — непросто взять и оставить город, в котором прошла вся жизнь. Втайне они надеялись, что отыщется какое-нибудь иное решение.

— Может, перейдем куда-нибудь, где поудобнее? — предложил, возвратившись, Доггинз.

В комнате, где Найлу доводилось обедать, Лукреция и еще двое женщин чесали лен. При появлении мужчин они без слов поднялись и вышли. Доггинз занял место в кресле.

— Симеон, ты за весь вечер не проронил ни слова.

Лекарь скудно улыбнулся. Жесткое лицо пошло морщинами, словно кора.

— Ты прекрасно обошелся и без меня.

— Мне непонятно, как тебе это удалось! — удивленно воскликнул Милон. — Они же определились с решением уже заранее перед коллегией. Пибус должен был настоять, чтобы ты уничтожил оружие, после чего тебя собирались выдать паукам.

Доггинз передернул плечами.

— Все они поголовно болваны и трусы.

— Ты не совсем прав, Билдо,— с легкой укоризной заметил Симеон.— У них действительно были причины для беспокойства. Подумай, как все могло обернуться, не отыщи вы «жнецы». Вас бы умертвили, а наш город обложили бы кольцом и взяли измором.

— Ты думаешь, мне это не ясно? — рассудительно произнес Доггинз.— Я как представлю, что могло стрястись, так у меня просто волосы дыбом! Но все сложилось по-иному, а эти дураки в коллегии ничего не видят. Они не могут понять, что пути назад нет.

Симеон кивнул.

— Вот почему я и решил присоединиться к тебе. Но при всем при этом главная проблема остается у нас нерешенной — куда мы направимся?

— Прежде чем начнем это обсуждать,— сказал Доггинз,— у меня есть нечто, о чем вам всем необходимо знать.

В этот момент отворилась дверь. Вошли двое ребятишек с подносами и поставили их на стол. На одном была еда, на другом — большой керамический кувшин с пятью кубками, также керамическими. Когда Доггинз накренил кувшин, Найл с удовлетворением отметил — тот наполнен тем самым прозрачно-золотистым напитком, что пил он на ладье. Но, едва пригубив, ощутил острую грусть: вспомнилось об Одине. Внезапно Найл почувствовал, что стал старше на целые годы.

— Так ты это всерьез насчет похода в другие земли?

Доггинз, грызший жареную фазанью ножку, кивнул.

— Если понадобится. А может, и не понадобится.

У Уллика в глазах мелькнула надежда.

— А почему нет?

— Кое из-за чего, про что я узнал перед самым заседанием.— Повернувшись, он поглядел на Найла: — Скажи им.

Найл повторил, как ему удалось побывать в Белой башне, не скрыв и того, что с ним происходило, когда лежал в машине умиротворения. И когда рассказывал, опять вдруг испытал странное ощущение, будто находился в двух местах одновременно: в той уютной комнате и в более прохладном, но вместе с тем и более волнующем реальном мире. Он с ошеломляющей убедительностью ощутил, что люди большей частью живут в мире чувственных иллюзий, но умы у них способны проникать за их завесу в объективную реальность. Он так был поглощен своими ощущениями, что сам едва замечал, как рассказ действует на слушателей. И только прервавшись ненадолго, чтобы смочить пересохшую глотку, обнаружил: говорит-то он уже с полчаса, а никто не прервал его ни единым возгласом.

Первым нарушил тишину Доггинз:

— Теперь вам понятно, почему я не желаю уходить? Мы не вправе допустить, чтобы все эти знания пропали без толку.

Симеон встрепенулся, будто очнувшись от сна.

— Мой отец в свое время рассказывал, что была пора, когда люди правили Землей, но я не верил — думал, все это сказки.

Найл посмотрел на него с любопытством.

— Почему? Город пауков свидетельствует, что люди когда-то были куда более могущественными, чем сейчас.

— Действительно. Но ведь и жуки с пауками, должно быть, тоже существовали в те времена. И мне с трудом верится, что они когда-то могли быть величиной с мой ноготь. Как натуралисту, такая мысль кажется мне абсурдной.

— Но комета Опик была радиоактивной...

— Насчет радиации — это понятно,— кивнул Симеон.— Она могла вызвать отдельные отклонения, незначительные. Но чтобы породить целый мир гигантских насекомых...

— Тогда как ты это объяснишь?

— Не все ли равно, как объяснять! — нетерпеливо перебил Доггинз.— Восьмипалые существуют, и нам нужно решать, что с ними делать.

— Можно сказать? — подал голос Милон.

— Безусловно.

— Как я понимаю, основная цель у нас сейчас — беспрепятственно пробраться в башню? — (Доггинз кивнул.) — Ну тогда у нас, понятно, выбора нет. Придется выгонять пауков из города.

— Как? — коротко спросил Доггинз.

— Есть разные пути, но самым верным будет пустить в ход «жнецы».

В голосе Милона чувствовалось некое мрачное вожделение; он, очевидно, лелеял надежду отомстить за погибших товарищей.

— Несомненно, со «жнецами» мы бы за полчаса скосили весь город,— сказал Доггинз.— Но вместе с тем порешили бы и множество людей.

Наступила тишина, замечание пришлось в точку.

Уллик:

— А если мы, допустим, порушим ту его часть, что возле башни? В том районе людей обитает как раз немного.

— Как бы вы ни поступили,— вмешался Симеон,— вам все равно пришлось бы лишить жизни множество людей. Пауки погнали бы их на вас, пойди вы на город приступом.

— А если мы попытаемся склонить тех людей на свою сторону? — задумчиво спросил Милон.— У нас у всех среди них много знакомых. Если им втолковать, что мы пришли как освободители, они, безусловно, не пойдут на такую глупость: взять и расстаться с жизнью.

Найл покачал головой:

— Такое невозможно. Служительницы служат паукам верой и правдой, точно так же, как вы жукам. А остальные беспрекословно выполняют то, что велено. Они никогда не нарушат приказа.

Наступила тишина. Наконец Найл сказал:

— В таком случае мы должны решить, что важнее: гибель нескольких человек или свержение пауков.— (Симеон резко качнул головой; заметно было, что он сильно взволнован.) —

Я думаю, существует еще один способ.— Все одновременно подняли на него глаза.— Уничтожить самого Смертоносца-Повелителя.

Доггинз нахмурился.

— А как быть с остальными? Нам же все равно придется вступать с ним в бой.

— Не обязательно. Ты ведь видел, что произошло, когда мы полоснули по ним из бластера. Чувствуя, что кто-то из их числа поражен, они впадают в панику. Они привыкли к положению хозяев. Уничтожить Смертоносца-Повелителя было бы все равно что отсечь голову змее. Остальные оказались бы безвредны.

Он видел, что его слова не особо убеждают.

— Вот я вам сейчас объясню, почему именно так считаю. Когда я неделю назад прибыл в этот край, мне о пауках не было известно ничего, помимо того, что говорил дед Джомар. Он рассказывал легенды о Вакене Мудром, Скапте Хитром, Айваре Сильном — о том, как они боролись с пауками.— По выражению лиц можно было понять, что эти имена они слышат впервые.— Дед также рассказывал историю о Великой Измене — как изменник принц Галлат отправился к Смертоносцу-Повелителю Хебу и предложил обучить его секретам человеческой души, если тот взамен поможет заполучить принцессу Туроол. Дед рассказывал, как узников приводили к пауку, а тот проникал им в мысли до тех пор, покуда не становилась известна всякая деталь их жизни. После этого Хеб их поедал, ему казалось, что только так он сможет познать их без остатка.

Так вот, хоть я тогда мало что толком понимал, дед дал мне ключ к пониманию сути пауков. Понятно, что сожрать добычу — еще не значит ее познать. А у пауков любой инстинкт направлен именно на поедание. Всю свою жизнь они проводят, сидя в тенетах в ожидании пищи. Так вот, теперь смертоносцам больше не требуется заботиться о пропитании. Но они по-прежнему проводят жизнь, сидя у себя в паутине. У пауков нет воображения, понимаете? Как раз этого я все никак не мог уяснить, пока впервые не столкнулся с пауком воочию — это был так называемый бойцовый паук. Я был не в силах понять, как такое опасное существо может быть разом и таким смышленым и таким тупым. Затем мало-помалу стало вырисовы-

ваться. Помимо добывания пищи, у пауков никогда не было какой-либо цели. Потому у них никогда не возникало потребности развивать воображение. Вот почему жизнь пауков построена на бездумном подчинении. Они лишены дара воображения и лишь слепо выполняют приказы.

Симеон кивнул.

— Я часто замечал, что пауки не могут думать сами за себя.

— Это не потому, что не могут. Потому лишь, что у них попросту нет резона думать. Зачем? Запас еды не иссякает. Врагов бояться? Их нет. О чем им думать?

Доггинз с сомнением покачал головой.

— Они должны иметь способность соображать. Кто-то же организует жизнь в городе.

— Действительно, Смертоносцу-Повелителю думать приходится. Он все равно что матка в муравейнике — отдает распоряжения, а остальным надлежит их выполнять. Если же матка погибает, в муравейнике начинается хаос. Так что стоит убить Смертоносца-Повелителя, с пауками произойдет то же самое.

Они переглянулись меж собой и посмотрели на Найла.

— Может статься, ты и прав,— произнес в конце концов Доггинз. Было ясно, что он все еще не свободен от сомнений.

Волнение отразилось и в глазах Милона.

— Я думаю, он прав.

— Но будем ли правы мы, если убьем Смертоносца-Повелителя? От коварства, в конце концов, не выигрывает никто. И пока нет официального объявления войны, любая попытка убить Смертоносца-Повелителя будет справедливо расцениваться как гнусное покушение.

— А когда Смертоносец-Повелитель попытался убить меня, это не было гнусным покушением?

Симеон, нахмурившись, глубоко вздохнул.

— Мне нечего возразить.

— Тогда почему за мной не оставляют права решать, как здесь поступить?

— Ты собираешься действовать в одиночку?

— Если потребуется.

— Нет, так нельзя! — воскликнул Милон.— Мы поступим как трусы, отпустив Найла одного. Я, если на то пошло, попытаюсь ему помочь.

— И я,— сдержанно проронил Уллик.

— Давайте не будем сейчас спорить,— примирительно сказал Доггинз.— Решение ведь не обязательно принимать именно сегодня, так? — Он положил руку Милону на плечо.— Давайте чуть подождем и посмотрим, как все складывается. Если чутье меня не подводит, следующий ход будет за пауками. Мы можем позволить себе подождать.

Милон нехотя улыбнулся, уступая авторитету старшего, хотя было заметно, что такой исход его не устраивает. Доггинз крепко сжал его за плечо:

— Не переживай, у тебя еще будет возможность поквитаться с раскоряками.

— Уж надеюсь.

Доггинз потянулся к кувшину и наполнил кубки по новой.

— Давайте-ка за это выпьем.— Все подняли кубки.— За свержение восьмилапых.

Найл, даром что поднес кубок ко рту, так и не пригубил. Аромат вина напомнил об Одине, и внезапная мысль, что память о ней теперь будет ассоциироваться с разрушением, заставила содрогнуться от неприятия.

В предрассветный час Найлу привиделся кошмар. Он брел один по паучьему городку. Стояла ночь, под покровом которой он пробирался к обиталищу Смертоносца-Повелителя, думая его убить. Пересекая площадь перед черным зданием, он держал перед собой наготове «жнец», но площадь была пуста, и караульных не было при входе. Дверь распахнулась от его пинка; пуста и парадная. Держась спиной к стене, чтобы никто не накинулся сзади, он стал всходить по лестнице. Все было тихо. На третьем этаже он почувствовал под ногами мягкий ковер и обнаружил, что стоит лицом к обитой кожей двери, ведущей в покои Смертоносца-Повелителя. Приблизился к ней осторожно, убежденный, что там непременно ждет засада. Прислушался, что там за дверью,— ни звука. Тогда он пинком распахнул дверь и почти одновременно нажал на спуск. Уже совершив непоправимое, он вдруг с ужасом понял, что выстрелил в своего брата Вайга. Мучительная секунда, и тело брата истаяло в голубой туман. Раздался отчаянный плач: откуда-то из затенения выбежала мать. «Что ты наделал!» — выкрикнула она сквозь слезы.

Потрясенный, Найл очнулся. Сердце гулко стучало, сам весь в поту. Словно гора с плеч свалилась, когда понял, что это всего лишь сон. Откинул одеяло, сел, стряхнув с себя бремя вины и смутного отчаяния. Вернулось самообладание, полегчало. Однако въевшееся в память сновидение по-прежнему вызывало смятение и безотчетный страх. К чему бы это, сон о гибели брата?

В комнате стояла тишина. Длинные шторы, скрывающие наружные стены от пола до самого потолка, задернуты. Но сквозь круглое окошко уже сочился блеклый предрассветный сумрак. Найл сидел лицом к окну, освобождая ум от мыслей и чувств, пока дыхание не восстановилось. Затем намеренно сосредоточился, вызывая ту мерцающую точку в мозгу; на миг комнату наводнила странная тишина. Найл расслабился внезапно. Ощущение было такое, будто он спускался в безмятежное спокойствие, как в воду. И тут взгляд его упал на тень, проросшую меж ним и светлеющим небом. Тень проникала наискось через круглое окно, как ветка дерева. Найл без всякой боязни, лишь с любопытством остановился на ней взглядом, пытаясь определить, что же это такое. Оконная рама держалась на проходящей поперек проема оси, и само окно было слегка приоткрыто. Пока всматривался, рама неожиданно вскрипнула, окно будто приоткрылось шире, и стало заметно, что похожая на ветку тень движется. С легким замешательством Найл понял, что это какое-то крупное насекомое — быть может, гусеница,— которое вползает через зазор приоткрывшегося окна, там, где пошире. Однако для гусеницы оно показалось чрезмерно длинным. Тут колышущееся движение показалось знакомым, и Найл догадался, что это тысяченожка или сороконожка.

В полной тишине послышалось, как туловище елозит по раме. Насекомое было таким длинным, что, когда хвост наконец полностью прозмеился через зазор, голова, судя по всему, находилась уже поблизости от пола. Еще секунда, и глухо стукнуло: насекомое отлепилось от шторы и упало на ковер.

Только теперь, когда оно исчезло из виду, Найл почувствовал опасность. Он крадучись протянул руку к тунике, лежащей возле постели на стуле. Под ней нащупал раздвижную трубку. Когда рука сжала холодный металл, он с удивлением ощутил

в пальцах покалывание и тут же испугался, что тварь исчезнет под кроватью, вынудив начать поиски; тут чуть дернувшееся книзу одеяло дало понять, что сороконожка карабкается вверх. Он напряженно рассматривал ножки кровати, ожидая, когда тварь появится.

Что-то невесомое щекотнуло ногу; Найл понял, что насекомое забирается под одеяло. Повинуясь безотчетному инстинкту, Найл мгновенно поджал под себя ноги и, сработав локтями, уселся на подушку. Затем, ориентируясь по движению одеяла, стал изо всех сил гвоздить по нему трубкой. Одеяло встало колом, тварь под ним билась в корчах. Найл, стиснув зубы, одной рукой удерживал змеевидное туловище, другой свирепо наносил удар за ударом. Не успевший полностью втянуться под одеяло хвост взвился и зацепил голову Найла, но он не обратил внимания: яд сороконожки содержится, как и у паука, в размещенных за клыками железах. Чувствовалось, как туловище с каждым ударом мягчеет, становясь все податливей. Тем не менее конвульсивно извивавшаяся тварь была удивительно сильной. Он продолжал неистово гвоздить, пока хвост не опал бессильно на пол. Пододеяльник так пропитался кровью, что обе руки уже испачкались по локоть.

Несмотря на возбуждение, тело охватил странный холод, словно температура в комнате упала до нуля. Зубы клацали, когда он вылезал из постели на покрытый ковром пол. Аккуратным движением, боясь перебудить весь дом, он раздвинул шторы; через отливающие голубизной стеклянные стены засочился бледный утренний свет. Заведя трубку над головой, левой рукой Найл потянул на себя одеяло и тут же отпрыгнул назад: лежащее в луже крови туловище резко дернулось. Через секунду оно тяжело опало, и Найл понял, что движение было чисто рефлекторным.

Нажав на кнопку, он раздвинул трубку и осторожно ткнул издохшее насекомое. Затем стянул на пол одеяло, сбитую простыню и с помощью трубки поднял размозженное туловище над постелью. Держа на весу, разглядел. Серо-зеленая сороконожка, черные полосы вдоль боков. Туловище толщиной с лодыжку ребенка, около двух метров длиной. По обеим его сторонам располагались ножки, напоминающие пухлые пальчики; длинные суставчатые антенны размозжены ударами. Имен-

но от их щекочущего прикосновения Найл и насторожился. Крупные мутноватые капли яда, скатившись с клыков, упали на постель. Широко растворив окно и раздвинув шторы, Найл сбросил сороконожку наружу, на клумбу.

Озноб прошел так же неожиданно, как и возник. Юноша ощутил необычайную усталость — такую, что, не будь сейчас постель мокрой от крови, повалился бы и заснул. Пришлось вместо этого надевать тунику и совать ноги в сандалии. Затем Найл вышел в коридор. Он знал, что спальня Доггинза находится по соседству. Медленным движением повернул деревянный набалдашник дверной ручки и заглянул в комнату. Там стояла почти полная темнота, но, когда глаза привыкли к полумраку, стало видно, что Доггинз спит один. Подойдя, Найл осторожно потрогал его за плечо. Доггинз, вздрогнув, проснулся.

— У меня там небольшое происшествие,— тихо сказал Найл.

Доггинз без слов вылез из-под одеяла, натянул тунику и следом за Найлом пошел в гостевую комнату, аккуратно и плотно прикрыв за собой дверь. Увидев намокшую от крови постель, он ошарашенно спросил:

— Это еще что такое?

Найл подвел его к окну и молча указал на мертвую сороконожку, валяющуюся внизу среди цветков львиного зева. Вкратце рассказал о происшедшем.

— Надо поскорее от нее избавиться, пока все не проснулись, особенно дети,— сказал Доггинз.— Стягивай быстро простыню с постели...

Он вышел и возвратился через несколько минут со стопкой свежих простыней и покрывал. Те, что были перепачканы кровью, уже лежали на полу. К счастью, на самом матраце осталось лишь небольшое пятнышко крови; вместе они перевернули его обратной стороной кверху. Затем Найл взялся перезаправлять постель, а Доггинз, прихватив испачканные простыни, куда-то исчез. Вскоре он появился под окном с большими деревянными вилами, которыми уцепил дохлую сороконожку. Минут через десять мимо окна пронеслось косматое облако дыма; ясно, что он запалил где-то на задворках мусоросжигатель.

Когда Доггинз возвратился, Найл заканчивал счищать кровь с раздвижной трубки.

— При женщинах обо всем этом ни звука,— коротко предупредил Доггинз.

— Какой разговор! Кстати, а может, она заползла случайно?

— Нет. Это была посланница Смертоносца-Повелителя.

— Откуда ты знаешь?

— Охотничья сороконожка. Пауки разводят их для ловли кроликов в предгорьях. Их закладывают в норы, а они выгрызают зверьков наружу. Но это была самая крупная из всех, какие я только видел. Впредь перед сном закрывай-ка окно.

— Мне надо уходить из твоего дома. Из-за меня беда может приключиться с другими.

— Об этом перемолвимся позже. Ложись отдыхай.

Однако усталость уже как-то схлынула. Когда Доггинз ушел, Найл, перед тем как залезть в постель, нацепил на шею медальон. Мозг тотчас пронзил зигзаг боли, раскроив череп, будто тесаком,— да так, что Найл невольно зажмурился и прикрыл рукой глаза. Через несколько секунд боль переплавилась в тяжелое биение где-то в затылке. Найл устоял перед соблазном снять медальон и попытался открыто превозмочь боль, слившись с ней, словно она так же естественна, как удовольствие. Превозмогая, он сделал интересный вывод: медальон-то, оказывается, может усиливать сопротивляемость той самой боли, которую нагнетает. Она нарастает пропорционально сосредоточенности, но вместе с тем нарастает и способность ей сопротивляться. Теперь было понятно, что она является как бы следствием физического опустошения; нападение Смертоносца-Повелителя истощило энергоресурсы организма. Вместе с тем, борясь с собственной усталостью, Найл испытывал некое удовлетворение. Когда он сконцентрировался, казалось, до предела, боль стала такой свирепой, что на лбу (это чувствовалось) проступили капельки пота, а внутри черепа словно кто орудовал молотом. Но даже и это не затмевало подспудного ощущения силы и возвышенной радости.

И тут, достигнув определенного порога, боль вдруг сама собой превратилась в союзника, приумножив способность самоуглубляться. Найл сидел со стиснутыми кулаками, плотно зажмурясь, чтобы в глаза не проникал свет. Совершенно неожиданно для себя он пересилил боль (любопытное ощущение: Найл выпрямился, скинув с плеч гнетущее бремя, словно зверь,

поднявшийся вдруг на задние лапы). Еще одно судорожное усилие воли, и Найл уже стоит прямо, лишь чуть покачиваясь.

Открыв глаза, он огляделся вокруг. Комната была прежней и вместе с тем в каком-то смысле совершенно преобразившейся. Сосредоточенность Найла достигла глубины, какой он прежде никогда не испытывал. Все, на что ни падал взгляд, казалось таким притягательным, что, наверное, можно смотреть часами, дивясь устройству и принципам действия. Казалось самоочевидным, что каждый предмет в комнате таит в себе тысячи значений, которые обычно упускаются из внимания.

Никогда Найл не осознавал так отчетливо свою свободу. Он понимал, что волен выбирать, в какое именно русло направить работу мысли: то ли припомнить прошлую жизнь, то ли подумать, как быть с пауками, или же настроиться на изучение этого странного волнующего мира вокруг. Теперь совершенно отчетливо различалось, что человеческие чувства наглухо зашорены, но опять же во власти человека раскрывать и закрывать их по своему усмотрению. Сфокусировав сознание, с тем чтобы впустить туда побольше света, Найл ощутил волнение, сравнимое с ровным дуновением морского ветра. Граница этого ощущения вскоре раздвинулась фактически до предела человеческого восприятия. Было видно, что ветви дерева за окном принимают ласку рассвета с блаженством сладко жмурящихся котят и что листья не просто шелестят, но и разговаривают на своем языке.

Когда рассвело окончательно, Найла заинтриговал любопытный фоновый звук, напоминающий звон мириад крохотных колокольчиков. Он подошел к окну, раскрыл его. И тут до него дошло, что это, собственно, и не звук, а некая вибрация, излучаемая под воздействием солнечного света цветками. Энергия изливалась наружу искристым, сыпучим фонтаном; мягким дождем искорки падали вниз, на землю. Зрелище попросту ошеломляло. Многие цветы еще пребывали в тени и потому отбрасывали лишь отдельные, разрозненные искорки энергии. Когда солнце отделилось от линии горизонта, клумба стала напоминать невысокий медленный фонтан. Когда раскрылись чашечки цветков, искры стали более энергичными; воздух сгустился над клумбой переливчатым цветистым маревом.

Трава газона отдавала вибрацией поглуше, не такой внятной, и казалась подернутой голубоватым туманом. Когда глаза

начали понемногу осваиваться с непривычным зрелищем, Найл с интересом обнаружил, что высокие красные башни жуков окружены, по сути, тем же голубоватым свечением, что движется, чуть колыхаясь, подобно плавно горящей свече. Теперь было понятно, что спиралевидная конструкция, замыкающаяся на верхушке, предназначена именно для того, чтобы предотвратить этот живительный ток от преждевременной утечки, пока строение толком его не впитает. Человечьи жилища в сравнении с башнями жуков казались какими-то безжизненно-стерильными. Часть энергии поглощалась голубым стеклом стен, но в основном она просто отражалась и терялась в атмосфере.

Отворачиваясь от окна, Найл ощутил секундное головокружение; пришлось невольно облокотиться о стену. Тело не привыкло к такой богатой гамме оттенков, и чувства были нестойки. Он с усилием «зашорил» сознание, преградив доступ в него света. Тоненький звон моментально унялся, и в комнате воцарилась тишина, показавшаяся пронзительной. Облегчение вскоре сменилось глубокой усталостью. Тяжелой поступью, словно захмелевший, Найл одолел путь до постели и опрокинулся на спину. Мало-помалу телом овладело глубокое умиротворение, и он забылся.

Когда открыл глаза, солнце было уже высоко, на стуле возле кровати стоял поднос с едой. Запивая холодным молоком белый пористый хлеб, Найл блаженствовал, чувствуя, как возвращаются силы.

Дверь чуть приоткрылась, и заглянул Симеон.

— А-а, так ты проснулся? Как самочувствие?

Не дожидаясь ответа, он взял Найла за запястье и пощупал пульс.

— Ну, куда лучше.— Положил ладонь пациенту на лоб.— Дело на поправку. Но денек-другой надо бы еще полежать.

— Это невозможно,— сказал Найл решительно.— Я должен сегодня же отсюда уйти.

Когда он стал описывать, как прикончил сороконожку, лицо у Симеона помрачнело.

— Серая, говоришь, с черными полосами?

— Да.

— В самом деле охотничья сороконожка. Их яд способен свалить боевого паука. Тебе повезло.

— В следующий раз может не повезти. А если она, чего доброго, заберется в спальню к кому-нибудь из детей? Нет, оставаться здесь мне никак нельзя.

— Насчет последнего не беспокойся,— покачал головой Симеон.— Она бы не напала ни на кого, кроме тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Они охотятся по вибрации. Этакое чутье, тонкое. Вот это для меня самого загадка. Мне рассказывали, что когда-то давно существовала особая порода животных, собаки-ищейки. Они могли выследить любого, стоило лишь дать им понюхать принадлежащую ему вещь. Вот и эти охотничьи сороконожки могут примерно то же самое. А вот насчет того, как именно это им удается, здесь я теряюсь. Может, какая-то форма телепатии.

— Так что мне теперь, спать, захлопнув все окна и двери?

Неожиданно Симеон улыбнулся.

— Думаю, не понадобится.— Он встал.— Эту проблему мы, пожалуй, уладим. Доедай свой завтрак.

Возвратился он минут через десять, неся большой деревянный горшок с каким-то растением. Каким именно, непонятно — оно было скрыто под чехлом. Горшок Симеон поставил под окно и совлек чехол. Найл с любопытством оглядел сочно-зеленый ствол с немощно обвисающими побегами-усами. Высотой растение было метров около двух. От ствола исходил не лишенный приятности сладковатый, чуть лекарственный запах. Помимо усиков были еще и мясистые желтовато-зеленые стебли, каждый из которых венчала желтоватая, змеевидная какая-то голова. Найл наклонился разглядеть подробнее и, вскрикнув от неожиданности, отпрыгнул. Часть зеленых усов потянулась к нему, движения напоминали ложноножки гриба-головонога.

Симеон засмеялся.

— Для людей они совершенно безопасны.

Он протянул к растению руку. Один из усов нерешительно шевельнулся, затем вяло обернулся вокруг его пальца.

— Как оно называется?

— Не знаю. Моя жена называла его змей-травой. Семена мы принесли с собой из Дельты. Смотри.

Симеон достал из кармана большую коробку из-под таблеток. Судя по доносящемуся изнутри приглушенному жужжа-

нию, там билась муха. Удостоверившись, что дверь закрыта, Симеон сдвинул крышку. К потолку мгновенно рванулась почуявшая свободу блесткая муха-росянка с размахом крылышек в пять сантиметров. Несколько секунд она бестолково кружила по комнате, натыкаясь на стены. Затем наконец уловила тянущий из окна сквозняк и устремилась на волю. Все произошло настолько молниеносно, что Найл толком не успел и разглядеть. Стебель растения метнулся со скоростью атакующей кобры, и муха исчезла. Только приглушенное неистовое жужжание показывало, что теперь она находится в одной из змеевидных головок. Жужжание смолкло почти сразу.

Симеон поглядел на растение с торжествующей улыбкой.

— Очаровашка. Держать одно такое возле окна — и никакой нечисти не будет в доме. Взгляни-ка вот еще.

Он вытащил из кармана другую коробку. Сдвинув крышку, перевернул вверх дном и потряс, оттуда вывалился жук.

— Куда, куда?

Он тыкал жука до тех пор, пока тот не заковылял навстречу растению. От растения его отделяло еще больше двух метров, а усы уже тут как тут — проворно, четко,— и вот уже ошеломленное насекомое взвилось в воздух, стиснутое поперек туловища. Растение подняло жука до макушки ближайшего стебля. На этот раз Найл смотрел так внимательно, что успел различить. Головка стебля раскрылась, обнажив нечто напоминающее два ряда белых отточенных зубов. Ус закинул жука в открытый зев движением, подобным хлесткому удару плетью. Зев мгновенно захлопнулся, хотя заметное колыхание зеленой кожи показывало, что жук отчаянно силится высвободиться. Затем ус снова безвольно обвис, и все растение застыло так неподвижно, что трудно было и заподозрить его в способности к охоте.

— Ты думаешь, ему по силам было бы сладить с двухметровой сороконожкой? — с сомнением спросил Найл.

— Вполне. Оно как-то на моих глазах умыкнуло здоровенную крысу.

— А для человека оно, часом, не опасно? — решил еще раз уточнить Найл.

— Может быть, в Дельте. Только не здесь.

— А в Дельте почему?

— Там они успевают вымахать раза в четыре крупнее.

— Из-за чего?

Симеон пожал плечами:

— Почва, наверное. Местность там так и кишит жизнью, как гнилой сыр червями. Природа словно с ума сошла.— Он любовно похлопал по стволу растения.— Но когда свыкнешься, поймешь, что это вполне приятные создания.

Когда Симеон ушел, Найл приблизился к растению и остановился возле. Потребовалось усилие, чтобы не вздрогнуть, когда змеевидные головы развернулись в его сторону, а усы вытянулись и вкрадчиво прикоснулись к ноге. Странное ощущение, будто бы тебя обнюхивает какое-то любопытное животное. Через несколько минут растение, похоже, утратило к Найлу интерес и опять застыло неподвижно. А когда Найл, протянув руку, провел пальцем по одной из головок, та будто притиснулась к его ладони. Было в этом движении нечто, глубоко ошеломившее и встревожившее Найла, хотя непонятно, что навеяло эту тревогу.

От раздумий отвлек сухой шорох кованых колес по гравию. Из окна стала видна повозка, которую везли четверо колесничих. Вот они размашистой рысью вбежали на площадь и остановились напротив зала собраний. В повозке сидели двое: женщина в черном одеянии старшей служительницы и светлобородый мужчина в желтой тунике слуги жуков. На глазах у Найла пассажиры выбрались из повозки, взошли по ступеням и исчезли внутри помещения. Колесничие укатили повозку в тень и сели на ступени, утирая пот со лба.

Найл вышел из дома через боковой вход и пошел по лужайке навстречу сидящим. Подойдя поближе, с радостью признал в одном из колесничих Массига. Массиг тоже сразу узнал Найла и вскочил на ноги, раскрыв рот от изумления.

— Ты вот, оказывается, где? Я думал, тебя нет в живых!

— Жив, как видишь,— рассмеялся Найл.— И от кого же ты слышал о моей гибели?

— От одного из колесничих. Он сказал, ты погиб вместе с управителем.

— Так Каззак мертв?

— Да, он погиб при взрыве.

На Найла неожиданно нахлынула грусть. Несмотря на некоторое недоверие, Каззак всегда вызывал у него симпатию.

Они вместе сели на ступени.

— Что за бородача ты привез? — поинтересовался Найл.

— Это Манефон, старший помощник. Он приплыл нынче утром на корабле, груженном порохом.

— Пауки не пытались его задержать? — спросил Найл, понизив голос.

— Задержать? — Массиг был искренне удивлен таким вопросом.— С какой стати?

Найл пожал плечами.

— Жуки, судя по всему, думают, что пауки хотят учинить заваруху.

— Первый раз слышу,— покачал головой Массиг.

— Пауки после взрыва не свихнулись от бешенства?

— Бешенства? — Было видно, что его слова для Массига — полная неразбериха.— С чего вдруг? Это же просто досадная случайность.— Он поглядел на Найла как-то странно.— Так ведь?

— Конечно так,— поспешил согласиться Найл.

В этот момент, к счастью, их прервала своим появлением вышедшая из здания девушка; она несла поднос с прохладительными напитками для колесничих. Пока Массиг жадно, крупными глотками пил из глиняного кувшина фруктовый сок, Найл, улучив момент, незаметно улизнул.

Он ступил в прохладный полумрак парадного зала. Там полно было людей и жуков, спешащих по своим делам. Когда Найл стоял, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку, кто-то хлопнул его по плечу. Оказалось, Милон.

— Привет, Найл. Ты чуть опоздал на собрание, оно только вот закончилось.

— И как там все сложилось?

Милон подался вперед и негромко сообщил:

— Они пошли на попятную, как я и ожидал.

— Почему?

— Пошли разговоры, что Билдо выживают из города. А он нынче, знаешь, для многих просто герой. Поэтому половина молодежи заявила, что если уйдет он, то и они отправятся вместе с ним. Так что коллегия задумалась всерьез...

— И что ожидается теперь?

— Не знаю. Зависит от Билдо. Почему б тебе самому его не расспросить — вон он стоит.

В дальнем конце зала со светлобородым незнакомцем увлеченно беседовал Доггинз. Завидев Найла, он оборвал разговор на полуслове.

— Мы тут как раз о тебе говорим. Это Манефон, мой главный помощник по зарядам.

Найл сомкнулся предплечьем с бородачом. Манефон оказался кряжистым, широкоплечим парнем с широким добродушным лицом, докрасна загорелым от солнца и ветра. Ручищи вон какие мускулистые. Найлу он тотчас же приглянулся.

— Манефон прибыл в порт сегодня утром. Его не было три недели.

— Тебе пауки никаких препон не ставили? — спросил Манефона Найл.

— И близко ничего не было,— широко улыбнувшись, ответил тот.— Я и не заподозрил, что вообще что-нибудь произошло. Они дали мне бригаду под разгрузку, в город вон доставили на повозке. А начальник вдруг заявляет, что мы с ними вроде как воюем.

Доггинз покачал головой.

— Я сам толком не пойму, что вокруг делается. Да и не считаю нужным присматриваться.— Он положил руку Манефону на плечо.— Ты ступай отправь назад Массига, а затем сходи подкрепись. После этого подходи ко мне домой.

Когда вышли на солнечный свет, Найл увидел с полдюжины членов коллегии, в их числе и Пибуса с Корбином. Они стояли кружком, горячо споря меж собой. Иголками кольнувшие враждебные взгляды дали безошибочно понять, что речь идет непосредственно о Найле с Доггинзом. Доггинз взял Найла под локоть.

— Пройтись не желаешь?

— Конечно, не откажусь.

Доггинз повел Найла в обход зала собраний, к дороге, ведущей в сторону карьера. Почти все встречные приветствовали Найла (видно, снискал себе популярность); знаки почтения выражали даже жуки. Сам же Доггинз отзывался с некоторой рассеянностью: его, очевидно, снедало беспокойство. Лишь когда они, миновав дома, оказались одни, он наконец заговорил:

— Все обстоит хуже, чем я думал. Пауки высылают двух своих на встречу с Хозяином и полным собранием коллегии.

То есть получается, они твердо намерены добиваться примирения.

— А это что, настолько уж плохо?

— Плохо? — Доггинз посмотрел с недоумением.— Да это же крах, черт побери! Это значит, они будут на нас давить, чтобы мы уничтожили «жнецы»!

— Почему ты так в этом уверен?

— Это элементарно, здесь одно вытекает из другого. Они дали Манефону беспрепятственно пройти через порт. В паучьем городе он видел, что наделал взрыв — полквартала рабов снесено подчистую,— а ему сказали, что это просто досадная случайность. Никто даже заикнуться не пытался о том, что мы штурмовали казармы. То есть они пытаются показать, что готовы простить и обо всем забыть. Их посланники, несомненно, скажут: мол, все снова встало на свои места, поэтому давайте забудем распри.

— Может, они на самом деле хотят мира.

Найл подивился своим словам; ясно, что с языка они сорвались случайно.

Доггинз фыркнул.

— Разумеется, хотят, на своих условиях. Они попытаются склонить Хозяина к тому, чтобы он велел уничтожить «жнецы» и выдать нас.

— Меня-то им, может, и не нужно. Я вот только говорил с одним из гужевых и услышал от него, что меня там все считают убитым.

— Вот как! — Доггинз остро глянул на товарища.— Он сказал почему?

— Сказал, что слышал это от одного из колесничих Каззака.

Доггинз нахмурился, прикусил губу.

— Интересно. Выходит, Повелитель действительно считал, что ему тогда удалось тебя задушить. Значит, он уверен в том, что жуки тебя не выдадут, и полон решимости разделаться каким угодно способом... Тогда, видно, и гадать нечего: главным его требованием будет уничтожить «жнецы».

— Но ведь ясно, что Хозяин на это не пойдет?

Доггинз сердито передернул плечами.

— Он старик мудрый, но, думаю, за всю свою жизнь так и не научился хоть сколько-то понимать раскоряк. Он наивно

судит обо всех по меркам своей порядочности.— Доггинз заговорил тише, хотя это было вовсе не обязательно.— Между нами, я никак не возьму в толк, как при таком уме можно оставаться таким недотепой.

От этих слов Найла охватило безотчетное волнение. Ему неожиданно открылось, что в ряде случаев существует определенный предел, за которым чувственное восприятие Доггинза полностью притупляется. Такая своеобразная слепота — огромный плюс для слуги, поскольку сосредоточивает весь ум на выполнении сугубо практических задач. Но это означает и то, что он никогда не заподозрит о существовании мира, где деревья томно наслаждаются зыбкой лаской ветра, а цветы выбрасывают искры живой энергии.

Они поднялись на невысокий холм. Трава на противоположном его склоне была бурой, пожухшей, а дальше ее вообще не было — лишь черный выгоревший грунт. Это как раз и был участок, обработанный «жнецом». Метрах в двадцати вниз по склону виднелся вырост, напоминающий крупный валун; приглядевшись внимательней, Найл разобрал, что это опрокинутый на спину мертвый паук, застывший, поджав лапы к середине брюха. Подойдя вплотную, Найл постучал по трупу носком сандалии; обугленная плоть была тверда, как дерево.

Дальше метров сто они шли по спекшемуся коркой грунту. И вдруг неожиданно очутились на кромке откоса метров шести глубиной. Откос тянулся в обе стороны на сотни метров. Найл вначале принял это за естественное образование. Лишь различив оплавленные камни, понял, что это все работа «жнеца». От залпа земля расплавилась, словно лед под струей кипятка. Впервые доподлинно стала ясна дьявольски разрушительная мощь этого оружия; просто ахнуть впору.

— Неудивительно, что они перед нами трепещут.

— Ты же знаешь, каковы раскоряки по натуре,— мрачно сказал Доггинз.— Думаешь, они нам не припомнят?

Край откоса тянулся вдаль. Потрясали уже одни размеры пораженного участка: самое меньшее — полмили в диаметре. Довольно точно можно было определить и положение шара в тот момент, когда Доггинз нажал на спуск. Залп шарахнул по земле струей адского брандспойта, выев в полумиле от эпицентра глубокую лощину. Затем заряд рассеялся в стороны,

будто струя из шланга, нагромоздив вокруг стену из камней и вывороченного грунта. В районе эпицентра все было попросту выпарено, в то время как дальше предметы уберегла от разрушения сама сила залпа, разметав их в стороны, словно смерч листву. На этом участке вперемешку с обломками камней и вырванными с корнем деревьями виднелись паучьи трупы. В воздухе стоял неприятный запах разлагающейся плоти.

Оба молчали, идя вдоль границы выжженного участка. Не дающую покоя мысль высказал в конце концов Доггинз. Кивнув в сторону виднеющейся на горизонте панорамы паучьего города, он задумчиво проронил:

— Один «жнец», и за минуту от всего этого осталось бы ровное место.

— А заодно и от всех жителей.

Доггинз глянул искоса.

— Хочешь сказать, они того стоят?

— Нет. Там среди них и моя семья.

— Да ну тебя, я же просто так...— поспешил сказать Доггинз.— Просто на ум взбрело...

Неожиданно Найл поскользнулся на чем-то мягком. Оказывается, он всмятку раздавил сандалией небольшой гриб-головоног. Тьфу, пакость! Тут оба впервые обнаружили, что вокруг со всех направлений сползаются десятки этих существ-слизней. Одно из них потянулось к лодыжке Найла и высунуло серое щупальце, пытаясь взобраться по ноге. Он пинком отбросил существо.

— Странно, откуда они взялись?

— Мертвечина манит,— рассудил Доггинз.

И вправду, метрах в тридцати валялся дохлый паук, из вспоротого брюха которого топорщились разбухшие кишки; плоть торопливо поглощали орды крохотных головоногов, напоминающих личинок.

Найл пинком отшвырнул пытающийся взобраться по ноге гриб. Они осмотрительно обогнули дохлятину, и головоноги, похоже, утратили к ним интерес. Приближаясь к месту, откуда начинался обход, Найл приостановился возле каменно-твердого трупа, застывшего на спине: глазам померещилось, что он чуть шевельнулся, будто кто пытался его перевернуть. Секунду спустя толчок повторился, заставив обоих заинтересо-

ванно остановиться. Труп различимо подергивался. Тут уже оба вгляделись внимательно, и в этот момент на брюхе образовалась язва. Язва медленно распалась, и спустя несколько секунд из брюха наружу появился головоног, волоча за собой кусок требухи. Доггинз брезгливо сморщился и двинулся было прочь, но Найл вдруг сказал:

— Погоди-ка.

Он медленно обошел вокруг опаленного трупа, стараясь реже дышать из-за несносного смрада. Доггинз взглянул на Найла как на сумасшедшего:

— Чего ты дурью маешься?

— Мне непонятно, как он забрался внутрь.

Он с силой пихнул труп ногой, и тот наполовину перевернулся; спина отливала горелым деревом.

— Через рот, наверное?

— Не может быть.

Найл указал пальцем; челюсти существа были плотно сомкнуты в гримасе предсмертной муки.

— Тогда через другую дырку,— усмехнулся Доггинз.

Найла внезапно будто кольнуло; промелькнувшая мысль показалась настолько нелепой, что неловко было и высказывать.

— Не знаю, может ли такое быть... А не превращаются ли пауки в головоногов?

— Да ну, скажешь тоже.

Сдерживая отвращение, Найл заглянул в отверстое брюхо. Оказывается, хлопотливое движение создавалось за счет того, что в потрохах кишмя кишели тысячи крохотных созданьиц-живчиков. Приглядевшись внимательней, Найл сообразил, что это те же головоножки, только крохотные. Некоторые, которые покрупнее, нападали на тех, что мельче, и, очевидно, их пожирали. При этом росли агрессоры так быстро, что прибывали в размерах буквально на глазах.

Самый крупный из головоногов рвался вперед по спинам своих собратьев эдакой одержимой бестией, создавая проход в серых кишках; следом лихорадочно спешило сонмище головоногов помельче. Не прошло и пяти минут, как предводитель набрал величину почти с ладонь.

— Ты гляди,— хмыкнул Найл,— лопают друг дружку, будто дождевые капли.

— Ну и что? — спросил Доггинз, пожав плечами.

— Выходит, они однородны по своему составу.

Гриб-каннибал стал, пучась, выпрастываться из паучьего брюха; Найл с Доггинзом следили с отвращением и странной зачарованностью. Головоног подполз к Доггинзу вплотную и сделал попытку взобраться на обутую в сандалию ногу. Тот свирепо его пнул, но нога увязла в студенистом теле, и гриб пристал к ступне. Пришлось соскребать другой ногой. Но на наглеца это не подействовало, лез себе как ни в чем не бывало. Найла разобрал смех.

— Да ты лучше не пинай, а прикажи ему уйти. Пусти в ход медальон.

— Как?

— Смотри сюда. Поверни его этой стороной внутрь, сосредоточься. Затем пустишь в ход другую сторону — энергия распространится наружу. Медальон для того и существует.

Доггинз неуверенно повернул зеркальную часть.

— Вот. А теперь сосредоточься и действуй, как тогда с клейковидными мушками.

Доггинз уставился на сгиб; меж бровями пролегла складка.

— Похоже, не действует,— сокрушенно покачал он головой.

— Нет, просто надо немного иначе. Сплоти энергию внутри себя. Затем направляй наружу.

Доггинз снова насупился, на физиономии выписался злой азарт. Ясно было, что он не осознает еще потенциала медальона. Вместо того чтобы использовать потаенную энергию сердца и солнечного сплетения, он грубо давил силой мозга, будто палил из бластера,— ни дать ни взять надрывно кричащий человек.

Головоног все так же пытался взобраться по ноге, и Доггинз невольно отступил на шаг. И тут гриб внезапно замер. Затем опять попытался двинуться, вытягивая ложноножки, но Доггинз снова насупился, и гриб вначале остановился, а затем пошел на попятную.

— Невероятно! — воскликнул Доггинз, изумленно поведя головой из стороны в сторону.

Он нагнулся, остановившись в каком-нибудь метре от гриба, очевидно считая, что влияние от этого как-то усилится. Вначале ничего не произошло, но вот головоног начал толкаться на паре ложноножек вверх, будто пытаясь встать на дыбы.

Доггинз осклабился.

— Хочу, чтобы он у меня опрокинулся. Куда?!

Он насупился как раз вовремя: гриб уже собирался улизнуть. Кончиками пальцев Доггинз коснулся медальона.

— Знаешь, будь у нас в достатке таких штуковин, «жнецы» бы, может, и не понадобились. Пауков мы бы побили их же козырями.

Ясно чувствовалось, насколько он взволнован.

Теперь головоног уползал на удивление прытко. Доггинз грозно вперился в него. Гриб остановился, затем опять пустился наутек, на этот раз с удивительной скоростью. Вид у Доггинза был растерянный.

— Это еще что за черт?

— Ты о чем?

— Не сработало.— Встав над грибом, он насупился еще сильнее — тот приостановился, но ненадолго.— Сначала вроде как выходит, а затем он будто раздумывает подчиниться. Притомился, наверное, уже.— Он подозрительно покосился на Найла.— А это не ты, часом, командуешь?

— Нет, не я,— покачал головой Найл.— Это сила.

— Что за сила?

— Не знаю, какая именно. Такое впечатление, будто она возникает откуда-то из-под земли и управляет головоногами.— (Доггинз невразумительно глядел на Найла.) — Ты что, не чувствуешь? Вот она-то и заставляет его тебе сопротивляться.

— Да, в самом деле что-то такое есть...

Несколькими шагами обогнув гриб, он опустился перед ним на колени и воззрился эдаким безумным демоном. Спустя какое-то время уползающий головоног остановился, затем снова принялся уползать с нарастающей прытью. Доггинз так напрягся, что на лбу вздулась жила, а глаза сузились щелками. Головоног сменил направление и пополз обратно; Доггинз расцвел.

— Так-то вот! — повернулся он к Найлу.— Сопротивление сломлено.

— Да. Помедлив немного, сила, похоже, уступает.

— Как ты вообще догадался о ее существовании?

— Я ее почувствовал той самой ночью, когда гриб поглощал беднягу Киприана.

Доггинз заставил головонога опрокинуться, и теперь тот лежал, беспомощно шевеля ложноножками. Ценой больших усилий ему удалось наконец встать в прежнее положение, но Доггинз был в восторге от этой новой способности.

— Сила, судя по всему, расходится, как круги по воде,— высказал предположение Найл.— Тебе прежде ничего о том не доводилось слышать?

— Нет,— покачал головой Доггинз, в очередной раз сваливая головонога, едва успевшего перевернуться.— Хотя жена Симеона что-то такое рассказывала.

— Что именно? — живо осведомился Найл.

— Не знаю. Никогда особо не вникал.

— А можно сходить к ней порасспросить?

— К сожалению, нет. Она умерла.— Глаза у Доггинза внезапно округлились.— Привет, это еще что?

Со всех сторон к ним сползались бесчисленные орды головоногов. В их движении не было ничего угрожающего; сюда их, похоже, влекло просто любопытство. Но было ясно, что надо немедленно отходить, иначе скоро ногой некуда будет ступить.

— Пойдем,— позвал Найл.

Но едва направились в сторону невысокого холма, с которого начинали обход, как головоногн зашевелились быстрее. Их скорость ошеломляла, они катились по земле, словно серая волна прилива. Вскоре вокруг Найла с Доггинзом образовалось плотное кольцо. Они с шага перешли на бег; серый прилив устремился к ногам. Еще секунда, и почувствовалось, как мягкие тела чавкают под подошвами. Доггинз, поскользнувшись, едва успел вытянуть перед собой руки; пара секунд, и головоногн облепили ему обе руки и заспешили по ним наверх. Доггинз разъяренно проорал что-то и начал с отвращением их смахивать; отцепляясь, головоногн оставляли на коже красноватые отметины. На миг Найл ошеломленно застыл, и грибы не замедлили начать штурм; вверх по ногам полезло мягкое, холодное, эдакая слюнявая ласка.

Вдвоем они кинулись туда, где пожухшая трава обозначала границу выжженного участка. Впереди поднимался крутой склон образованного выстрелом обрыва; взбежать с разбега не удалось. Доггинз начал яростно срывать с себя облепивших руки и плечи головоногов. В полусотне метров справа склон был чуть положе. Понеслись туда, поминутно оскальзываясь на противно мягких телах. Еще немного, и из кольца удалось вырваться. Найл, ринувшись вперед, взлетел по склону наверх, затем развернулся и помог Доггинзу. К счастью, головоноги, подкатившись к склону, взбираться на верхотуру не думали.

Доггинзу удалось наконец посрывать с себя головоногов, и он со злым сладострастием принялся их топтать. Найл предпочел действовать не руками, а силой ума: один интенсивный залп сосредоточенности, и головоноги поползли по ногам вниз, оставляя за собой влажно поблескивающие следы.

Доггинз, чертыхаясь, принялся соскребать с рук слизь пучками жухлой травы.

— Тьфу, погань! Жаль, не захватил с собой «жнец».

— У тебя на то есть медальон.

— А и то правда! — Настроение у Доггинза постепенно пришло в норму.— Только действует он медленно.— Он поглядел вниз на серое сонмище.— Интересно, что заставляет их переть на нас всей массой?

— Сила... Ей не по нраву, когда кто-то пытается преодолеть ее.

— Но что это за сила?

— Я знаю не больше твоего.

На обратном пути к городу Доггинз был задумчив и молчалив. В конце концов спросил:

— Ты говоришь, обнаружил ту силу, когда гриб поглощал Киприана?

— Да.

— Как это у тебя получилось?

— Я тогда ее почувствовал.

— А сейчас чувствуешь?

— Если как следует расслабиться, смог бы.

— Это что-то вроде силы воли?

— Нет, пожалуй. Не совсем.

— Она как-то связана со Смертоносцем-Повелителем?

— Нет.— Найл покачал головой.— Она вообще какая-то безудержная.

— А если это те же пауки, только усиленные ВУРом? — И, заметив недоуменный взгляд Найла: — Ты не знаешь, что такое ВУР? Взаимоусиливающий резонанс. Жуки таким именно образом помешали паукам ворваться в город. Они могут смыкать волю воедино, образуя эдакий силовой щит.

— И пауки тоже так умеют?

— Безусловно. Но преимущество здесь на стороне обороняющихся. Единственный способ пробить такой щит — это сломить волю защитников.

— Если я верно понял, несколько пауков — или жуков — могут сообща нагнетать гораздо большую силу воли, чем каждый в отдельности?

— Совершенно верно, гораздо больше, в сотни раз.— Вынув медальон, он взвесил его на ладони.— Будь у людей в достатке таких вот штуковин, они могли бы делать то же самое.

Путь пролегал мимо здания, которое возводили клейковидные мушки. Верх здания был полностью окутан золотистым, переливчатым, звонко жужжащим облаком. Вблизи жужжание было поистине оглушительным. Они остановились неподалеку, и Доггинз немигающим взором впился в мушек; меж бровей пролегла суровая складка. Эффект по внезапности был изумительным. Жужжание мгновенно смолкло, и воцарилась непривычная тишина. Затем золотистые тела мушек стали градом осыпаться с недостроенной стены. Те, что остались, утратили сноровку и начали беспорядочно ползать, сталкиваясь друг с другом. Доггинз таращился, не веря собственным глазам.

— Эта штуковина сильнее, чем мне казалось.

Они поспешили через лужайку. Когда приблизились, стало ясно, что опавшие мушки всего лишь оглушены; они уже начинали невнятно шевелиться, приходя в себя. Доггинз с задумчивым видом шевелил их носком сандалии.

— Почему бы тебе не попробовать привести их в чувство? — предложил Найл.

— А ведь действительно.

Доггинз сосредоточенно насупился и тут же, вздрогнув, отпрянул: рой мушек с жужжанием взметнулся с земли, некоторые угодили снизу под тунику. Доггинз, чертыхаясь, начал хлопать себя по рукам и ногам. Найл с трудом сдерживал смех.

— Что ты их лупишь? Ты заставь их, они сами улетят!

Доггинз снова сосредоточился, и из-под одежды у него вылезло с полдюжины ошалелых мушек. Доггинз поглядел на Найла, улыбаясь от уха до уха, как восторженный мальчуган.

— Да это просто изумительная вещица! Подумать только, пылится все эти годы в музее...

Мушек он заставил возвратиться к вершине здания и осесть там густым, но безмолвным облаком. Очевидно, собственная сила изумляла Доггинза. Он заставил мушек рассеяться по стене, а затем исчезнуть внутри недостроенного здания. Набравшись дерзости, он велел им сбиться в рой, напоминающий шлейф кометы, и описать вокруг здания круг, смахивающий на змеистую переливчатую ленту.

Наблюдая за действиями Доггинза, Найл в очередной раз убедился, что тот использует медальон не в полную силу. Держа медальон в руке, он намеренно направлял его из стороны в сторону, думая, что этим регулирует луч энергии. А сам, вместо того чтобы использовать его выпуклую часть, концентрируя свои внутренние силы, действовал грубым, агрессивным напором воли, идущим из мозга. Извлекаемая таким образом сила впечатляла, но в итоге изматывала; все лицо у Доггинза было в бисеринках пота.

Найл открыл было рот, думая сказать все это Доггинзу, но быстро сообразил: делать этого не следует — еще, чего доброго, обидится, что его поучают.

Однако Найла занимало не это. Он чувствовал, что, несмотря на прямой контакт собственной воли с клейковидными мушками, Доггинз, похоже, не осознает, что своими действиями постепенно доводит мушек до истощения. Пьянея от ощущения полной способности манипулировать насекомыми, он разгонял их все быстрее и быстрее, пока рой не превратился в золотую змею, бойко снующую вокруг здания, вытворяющую по пути затейливые зигзаги, как некий воздушный балет. Казалось, что сейчас Доггинз опомнится и даст мушкам мирно

осесть на стены; однако он вместо этого, очевидно полностью поглощенный удовольствием, все гонял и гонял несчастных, даром что те уже выбивались из сил. Найл собрался вмешаться, но в глазах Доггинза стояло такое светлое, детское блаженство, что одернуть его не хватало духа.

Совершенно неожиданно золотистая змея распалась в прах, и на землю просыпался дождь из насекомых. Вид у Доггинза был откровенно обиженный — ни дать ни взять ребенок, у которого отняли игрушку. Подойдя к мушкам, он пошевелил их носком сандалии.

— Похоже, отлетали свое,— заметил Найл.

— Ч-черт,— сокрушенно мотнув головой, процедил Доггинз.

— Таких больше негде достать?

— Почему, можно. Мы же их разводим.— Он пожал плечами, отворачиваясь.— Но что нам действительно нужно — побольше вот этого.

Он любовно похлопал по медальону и уронил цепочку назад под ворот рубашки.

Они находились на полпути, когда заметили паучьи шары. Их было два, и они быстро приближались со стороны паучьего города. На секунду Найла охватил страх и желание куда-нибудь спрятаться.

— Вот чего я боялся,— процедил Доггинз.

— Чего именно?

Доггинз не ответил. Он стоял, не отрывая взгляда от шаров, в глазах — холодная враждебность. Не прошло и минуты, как первый скользил уже над шпилем зала собраний, сбрасывая высоту почти вертикально. Затем оба шара скрылись из виду.

— Ты думаешь, это посланники?

Доггинз втянул воздух сквозь зубы:

— Больше некому. Я бы хотел знать, почему они так спешат.

— Наверное, хотят поскорей заключить перемирие.

— Что меня и тревожит.— Он коснулся локтя Найла.— Давай-ка двигаем обратно.

Наполовину сдувшиеся шары лежали перед залом на газоне. Вокруг гурьбой стояли ребятишки, зачарованно глядя, как те медленно сдуваются, и, похоже, совершенно не обращали внимания на бурого бойцового паука, стоявшего тут же на страже. Навстречу Доггинзу и Найлу спешила девушка в желтой

тунике слуги жуков. Когда она подошла достаточно близко, Найл узнал: Дона.

— В чем дело? — сразу спросил Доггинз.

Та оглянулась в сторону зала.

— Там она.

— Кто?

— Принцесса Мерлью,— ответила Дона, понизив голос.

— А пауков сколько? — осведомился Доггинз.

— Всего один.

Найл с Доггинзом переглянулись.

— Получается, она и есть одна из переговорщиков,— заключил Доггинз.— Ух, хитрая бестия.

При упоминании имени Мерлью Найл затомился от волнения и нелегкого предчувствия. Дона следила за ним встревоженным взором.

— Ты не дашь им уговорить себя вернуться?

— Разумеется, нет,— ответил Найл, с замешательством на нее поглядев. «Я что, спятил?» — хотел добавить он, но спохватился, боясь, что такой резкой фразой может ее задеть.

От зала собраний к ним спешил жук-стражник. Дона с почтительным интересом наблюдала, как он, проворно шевеля щупиками, обращается к Доггинзу, вторя движениям своеобразными скрипучими звуками. Доггинз повернулся к Найлу:

— Он говорит, нам нужно следовать за ним. Нас вызывают на Совет.

Дона коснулась руки Найла.

— Прошу тебя, будь осторожен.

— Не беспокойся.

Он легонько стиснул ей руку и улыбнулся. Улыбка вышла куда более уверенной, чем то, что на самом деле было на сердце.

Они вошли вслед за провожатым в парадную. Обычная деловая суета здесь действовала настолько успокаивающе, что напряженность у Найла пошла на убыль; прохладный полумрак вселял безмятежность. Он даже не без удовольствия начал представлять, как сейчас снова повстречается с Хозяином. Но возле горловины ведущего в подземные палаты коридора провожатый неожиданно остановился и стал опять подавать какие-то знаки. Доггинз кивком указал Найлу на дверь:

— Он говорит, чтобы ты дожидался вон там.

Толчком открыв дверь, Найл очутился в пустой комнате. Освещение здесь было ярче, чем в парадной, а из открытого окна дышал ровный ветерок. Меблировку составляли несколько незамысловатых стульев и диванчик в виде жука. Сев на него, Найл оперся затылком о стену и прикрыл глаза. Гладкая шелковистая обивка диванчика отдавала прохладой.

Хорошо одному. Доггинз был Найлу по душе, но его общество странным образом выматывало. Казалось, что все его мысли и чувства сориентированы на решение исключительно практических вопросов. Мир, по Доггинзу, существовал не как особая, самостоятельная среда, а как нечто, что нужно непременно осваивать и покорять. Какой-нибудь час общения с ним, и у Найла уже возникло неодолимое желание забыть об окружающем и уйти в глубь себя.

В комнате стояла приятная прохлада. Через окно доносились ласковое журчание фонтана, детские голоса; в комнату с жужжанием влетела муха. Найл с глубоким вздохом расслабился, словно утопая в груде ароматной листвы. Переборов желание заснуть, он сосредоточился до того порога, когда становится внятной завеса тишины внутри себя. В черепе мгновенно ожила точка света. Найл расслабился еще больше, и тогда стал внятен капля за каплей сочащийся ток силы — будто кроткий прилив, лижущий морской берег волна за волной.

И тут совершенно неожиданно Найл ощутил в глубине сознания гнетущую напряженность — не чувство опасности, а просто чуткую настороженность. Нечто подобное он уже испытал, сидя в камере при дворце Каззака,— ощущение, что за тобой следят.

Он позаботился не выдать настороженности ни единым движением лица; всякий, взглянув на него, подумал бы, что он спит. Лежа на спине и ровно дыша, Найл мысленно прощупывал комнату. Одной секунды оказалось достаточно, чтобы выяснить: тайный соглядатай наблюдает через окно. Гулко хлопнувшая в отдалении дверь дала подходящий повод шевельнуться и открыть глаза; Найл, зевнув, сел и поглядел в окно. К его удивлению, там никого не оказалось — ничего, лишь безоблачное небо. Встав, он не спеша подошел к окну, затем вытянулся, якобы потягиваясь, и чуть отодвинул занавеску. Мимо головы с жужжанием пролетела муха и опустилась в

углу потолка. Найл прикрыл глаза, вдыхая прохладный воздух; внутренний монитор показывал, что наблюдение осуществляется сверху.

Небрежной походкой Найл возвратился к диванчику, поласкал гладкую ткань подушки и тут, схватив ее внезапным движением за угол, резко швырнул через комнату вверх. Сноровка прирожденного охотника не подвела: насекомое не успело толком сняться со стены, как его подушкой смахнуло на пол. Найл одним прыжком перенесся через комнату; защищенная жестким покровом тварь хрупнула под подошвой сандалии. Это была небольшая муха, размах крыльев с ладонь. Найл дочиста обтер сандалию о дорожку, затем подошел и притворил окно. Снова закрыв глаза, почувствовал, что соглядатая больше нет.

Мрачного удовлетворения как не бывало: страх вызывала догадка, что за ним, Найлом, можно следить сквозь призму ума насекомого. В таком случае получается, ему вообще некуда деваться от беспрестанной слежки. Это значит и то, что Смертоносцу-Повелителю, не исключено, известно о каждом его шаге за последние несколько дней. И хотя, по размышлении, такую мысль он отклонил (подсознательная сторожевая система непременно подала бы сигнал предупреждения), Найла никак не оставляло досаждающее чувство собственной уязвимости. Он вообще-то понимал, что Смертоносец-Повелитель потому постоянно и напоминает о себе, чтобы лишить покоя, но легче от этого не становилось.

В этот миг обостренной чувствительности неожиданный щелчок задвижки заставил Найла вздрогнуть. В комнате стояла Мерлью и уже вставляла в задвижку деревянную шпильку, чтобы не открылась. На Мерлью было короткое, оставляющее руки открытыми, платье из красной шелковистой материи; золотистые с рыжинкой волосы плавной волной стекали по плечам. Когда она с улыбкой повернулась к Найлу, сердце у него гулко стукнуло: он никогда не видел ее такой красивой.

Она ничего не говорила, просто стояла, опустив руки. Вот она прошла через комнату, остановившись, секунду-другую смотрела на него, затем, обвив ему шею, поцеловала. Обнаженные руки были прохладны, а губы теплы. И тут до Найла дошло, что он ошибался, полагая, будто Мерлью ему безразлич-

на. Тесно прижав ее к себе, он с изумленным восторгом чувствовал ее губы, сознавая, что и она принимает его ласку с таким же вожделением.

Мерлью высвободилась первой. Пробежав пальцами по густым волосам юноши, она прильнула щекой к его щеке.

— Я пришла забрать тебя обратно в город, к себе.

Найл попробовал качнуть головой, но Мерлью бдительно притиснулась лицом, и шевельнуться не получилось.

— Ты же знаешь, я не могу этого сделать.

— Ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

— Хочу, конечно. Но еще и в живых остаться хочу.

Мерлью приникла губами к его уху, и ласковая их мягкость вызвала такое сильное ощущение, что Найл сладко замер.

— Давай не будем сейчас об этом. Я хочу, чтоб ты меня поцеловал.

Взяв Найла за руку, она подвела его к диванчику. С легким замешательством он смотрел, как Мерлью проверяет, хорошо ли закрыта дверь. Возвратясь к диванчику, она улеглась, протянула руки Найлу навстречу. И они снова канули в омут самозабвенной ласки, впитывая сущность друг друга так, будто утоляли голод или жажду. Найл в очередной раз осознал ее сущность практичной дамы, досконально знающей, что ей нужно, и воспринял это как должное, без вызова. Ничего в Найле не восстало против, желание отодвинуло все на второй план. В этом было даже нечто, относящееся непосредственно к Мерлью: несносная тоска и разочарованность, желание забыться в руках мужчины. И то чистое удовольствие, которое они дарили сейчас друг другу, по мере того как его мужская жизненная энергия переходила в нее, а он впитывал ее женскую энергию, тоже отгоняло все на второй план. Это был простой физический процесс, сравниваемый с той же едой; причем они оба удивительно подходили для того, чтобы утолить физический голод друг друга.

Мерлью отстранилась первой, нежно оттолкнув Найла. Она отодвинулась в угол диванчика и стала оправлять разметавшиеся волосы. Улыбнувшись юноше сверху вниз, положила ладонь ему на шеку.

— Я хочу, чтобы ты возвратился со мной.— Едва Найл попытался покачать головой, как она прикрыла ему рот рукой.—

Я обещаю, что они не то что тронуть — дунуть на тебя не посмеют. Я не позволю им.

Найл бережным движением отвел ее руку ото рта.

— Он сегодня утром попытался меня убить.

— Я знаю.

— Знаешь?! — Найл изумленно распахнул на нее глаза.

— Да. У меня с Повелителем был разговор. Он сказал, что пытался тебя убить.

— И при этом ты хочешь, чтобы я вернулся? — Он недоверчиво посмотрел Мерлью в глаза. В них не было никакой утайки.

— Потому и хочу. Если Повелитель задумает разделаться, тебя ничто не убережет. У него сонмище слуг.

— Он велел тебе это передать?

— Нет. Это передаю я, потому что это правда.

Найл сел, потеснив Мерлью.

— Если передо мной станет выбор, среди друзей мне умереть или среди врагов, я выберу смерть в кругу друзей.

— Но ведь ты не будешь среди врагов. Тебя будут окружать люди, которых ты знаешь,— мать, брат с сестренками, Ингельд, Массиг. Тебе известно, что мой отец погиб?

— Да.— Найл кивнул.— Мне жаль.

— Это значит, что теперь я уже не принцесса, а управительница,— произнесла Мерлью с гордостью.— Ты мог бы стать моим мужем. Иначе говоря, управителем.

— Ты считаешь, это бы обезопасило мне жизнь? — спросил он с грустной улыбкой.

Мерлью нетерпеливо тряхнула головой.

— Повелитель желает мира. Я знаю это. Пауки не похожи на людей. Они не мечтатели, они реалисты. Я понимаю их, потому что отец у меня тоже был реалист. Им ясно, что слуги жуков могут уничтожить весь их город со всеми обитателями. Вот почему они хотят, чтобы со мной возвратился ты. Они знают, что жукам по силам совладать со своими слугами. Но на тебя они воздействовать не могут, потому что ты вольный.

— И потому хотят, чтобы вместо них со мной совладала ты? — спросил Найл со смешком.

Мерлью, улыбнувшись, пожала плечами.

— Разумеется, почему бы и нет? Нам тоже надо быть реалистами. Если ты мой муж и живешь в паучьем городе, то, значит, ты для них больше не опасен.

— Но я по-прежнему буду зависеть от их милости. Повелитель может нарушить данное мне слово.

— Может быть,— улыбнулась Мерлью уверенно.— Данное тебе, но не мне.

— Ты считаешь, он тебе доверяет?

— Безусловно.

— Тогда почему он подсылает свою челядь шпионить за нами? — Найл указал на раздавленную муху.— Вот он, лазутчик. Ты вошла вслед за тем, как я его пристукнул.

Мерлью с любопытством взглянула на дохлое насекомое. Видно было, что она едва ли верит его словам.

— С чего ты это все взял?

— У меня на такие вещи особое чутье. Поэтому-то Смертоносец-Повелитель и хочет моей смерти.

Придвинувшись к Найлу вплотную, Мерлью взяла его за руки. Заглянув в самые глаза, она заговорила с искренней убежденностью:

— Если бы ты был мне мужем, у него бы не было причины тебя опасаться.— Она подалась вперед, их губы сблизились.— Прошу тебя, доверься мне.

Оба вздрогнули от внезапного стука в дверь и с пристыженным видом отстранились друг от друга.

— Кто это? — повелительно спросила она.

— Биллдоггинз,— произнес Найл как одно слово.

Мерлью прошла к двери и, вынув шпильку из задвижки, открыла. Доггинз оглядел ее, явно впечатлившись; та ответила холодным взором.

— Тебя вызывают в зал Совета,— сообщил ей Доггинз. Мерлью с вопросительным видом обернулась на Найла.— Нет, тебя одну,— уточнил Доггинз. Чувствовалось, что и внешность принцессы не сломила его враждебности.

— Очень хорошо.— Она взглянула на Найла.— Дожидайся меня здесь.

Она вышла, не оглянувшись. Доггинз закрыл за ней дверь.

— Да уж, учиться приказывать ей не приходилось.

— Она принцесса. Впрочем, нет, уже управительница.

Доггинз фыркнул.

— Это ей по нраву, сразу видно.— Он щелкнул задвижкой.— Чего ей было надо?

— Она хочет, чтобы я вернулся с ней в город.

Доггинз возвел брови.

— Она тебя что, за дурака считает?

Было видно, что Доггинз не по-хорошему взволнован.

— Что там в зале Совета?

Доггинз раздраженно дернул плечом.

— Плохи дела. Их посланник первым делом потребовал возврата шаров. Требование настолько естественно, что Совет согласился не раздумывая. Из чего следует, что мы теперь попросту пришпилены к земле.

— Ничего, были бы ноги целы. А что решили насчет «жнецов»?

— Как раз сейчас обсуждают. Посланник настаивает, чтобы их уничтожили.

— А сам как считаешь, дело кончится?

Доггинз угрюмо покачал головой из стороны в сторону.

— Боюсь, решение будет не в нашу пользу. Жукам, как и раскорякам, «жнецы» не по нраву. Но пока они, по крайней мере, сходятся на том, что это наша собственность, коли уж мы их нашли. Мне они сказали пойти и обсудить это с остальными.

— Хоть какая-то надежда.

— Окончательное решение остается за Советом.

— Что, по-твоему, нам надо делать?

— По крайней мере, одно. Постоянно на шаг опережать пауков.— Доггинз подошел к двери и тихонько ее отворил: никого. Закрыв, привалился к ней спиной.— Ты все так же хочешь убить Смертоносца-Повелителя?

Сердце у Найла замерло.

— Безусловно,— произнес он.— Сегодня?

— Вряд ли. Надо дождаться северного ветра, чтоб можно было отправиться на шарах. Пеший путь к городу нам заказан — они нас будут там уже ждать.

— Нас?

— Одного тебя мы все равно не отпустим: пропадешь. Случись оно так, вместо тебя отправится кто-нибудь другой. Если ж наша попытка провалится, все обернется еще хуже.

— Получается, пока не переменится ветер, нам ничего не удастся сделать?

— Увы. Хотя к сумеркам он может измениться: в такие дни у нас часто дует ветер с гор. Пока суд да дело, надо потолковать с остальными. Это лучше сделать у меня дома.

— Я обещал дождаться Мерлью.

— Ты перепутал,— усмехнулся Доггинз.— Это она тебе приказала дожидаться. Время на вес золота.— Он хлопнул Найла по плечу.— Она тебя отыщет, если ты ей понадобишься.

Найл без особой охоты пошел за ним из комнаты. Минуту спустя они уже щурились от золотистого света зрелого дня. Солнце уже приблизилось к горизонту. Бойцовый паук все стоял на страже возле сдутых шаров, хотя гурьба детей уже разбрелась. Навстречу по газону подошел Уллик.

— Я как раз за вами. Пойдемте.

Доггинз взял его за руку.

— Слушай, нужно передать на словах Гастуру и Космину. Скажи им, чтобы готовили к отлету паучьи шары. Любопытным, если начнут приставать, пусть отвечают, что шары мы договорились вернуть паукам.— Когда Уллик заспешил выполнять поручения, Доггинз крикнул вдогонку: — И сразу же возвращайся!

— Ты думаешь поступить вопреки решению Совета? — спросил Найл.

Доггинз криво ухмыльнулся.

— Договор толком еще не заключен. А пока решение не вынесено, шары все еще являются нашей собственностью.

Манефон дожидался их на лужайке перед домом Доггинза.

— Что происходит? — взволнованно спросил он, спеша навстречу.

— Ничего особенного.— Доггинз легонько похлопал его по мускулистой руке.— Собираем совещание, обсудить кое-какие вопросы политики. Ты не хотел бы поучаствовать?

Легковесный тон не усыпил бдительности Манефона.

— Да, хотел бы.

Зайдя в дом, Найл извинился:

— Я через минуту вернусь.

Его начинало пошатывать от слабости: последствие трех дней лежания в постели; надо было прибегнуть к медальону, чтобы улучшилось самочувствие. Доггинз с Манефоном прошли в столовую.

Едва открыв дверь спальни, Найл почуял запах гниющей растительности, похожий на смрад потревоженной болотной жижи. На секунду подумалось, что кто-то успел вынести змей-траву из комнаты. И только тут он увидел, что растение бессильно выстелилось на полу. Зеленый стебель стал изжелта-белым; помягчел, утратив упругость. Листья поблекли, ужавшись и сморщившись, словно усохшие руки. Наклонившись, Найл пригляделся внимательней; растение, очевидно, погибло уже не один час назад.

Закрыв окно, Найл опустился на краешек кровати. В голове мелькнули слова Мерлью: «Если Повелитель вздумает разделаться, тебя ничто не убережет...» — и усталость внезапно отягчилась еще предчувствием, от которого изменнически дрогнуло сердце, будто земля под ногами дала трещину.

Найл снял со стула медальон, повесил на шею. Череп пронзила такая острая вспышка боли, что он поспешил повернуть медальон другой стороной. Закрыл глаза в попытке пересилить тошноту и чувство обреченности; удалось, но от неимоверного напряжения силы ушли, как в песок.

Входя в столовую, Симеон взглянул на Найла с дружелюбной улыбкой, тут же переросшей в тревожную озабоченность.

— Вид-то какой кислый! Тебе бы надо в постель.

Найлу удалось выдавить улыбку.

— Я в порядке. Вот растение твое, боюсь, погибло.

— Погибло? С чего ты взял?

Они вместе отправились коридором к спальне. Не успели дойти, как из приоткрытой двери потянуло гнилью. Симеон опустился возле растения на колени и одну за другой изучил каждую из змеевидных головок. Доггинз стоял в дверях, брезгливо морщась, за спиной у него — Манефон и Милон.

Симеон достал из кармана небольшой складной нож. Ухватив самую крупную из головок, он взялся ее отпиливать; кожа, очевидно, была тугой. Заглянув Симеону через плечо, Найл понял, почему он остановил выбор именно на этой. Если как следует присмотреться, становился заметен игловидный шип, проколовший плоть растения изнутри; он выдавался наружу сантиметров на пять.

Взяв головку в сильные жилистые руки, Симеон резко ее сдавил, и та раскрылась. Внутри лежал крупный черный мос-

кит, вместе с выдвинутым жалом длины в нем было около десяти сантиметров.

Доггинз тоже опустился рядом на колени.

— Это же обыкновенный болотный москит из Дельты. Разве такой мог сгубить растение?

Лезвием ножа Симеон указал на выступающее жало.

— Вполне, если смазать вот это каким-нибудь сильнодействующим ядом, чем-нибудь вроде черт-травы. Малейшая царапина, и смерть наступает мгновенно.

Стянув с небольшого столика скатерку, он заботливо свернул из нее кулек. Затем скинул туда ножом головку, предварительно выщипнув из нее жало, и вручил сверток Милону.

— Отдай Лукреции. Пусть спалит, но чтоб свертка не разворачивала.

В столовую возвращались в задумчивости. Найла опять терзали страх и обреченность.

Когда рассаживались, вошел Уллик.

— Космин говорит, шары будут готовы через полчаса.

Было заметно, что перспектива действия наполняет его радостным возбуждением. Слегка удивленный удрученным молчанием собравшихся, Уллик обвел всех растерянным взором:

— Что-нибудь случилось?

Когда Найл рассказал о происшедшем, возбуждение Уллика схлынуло, лицо омрачилось.

— Видно, Повелитель всерьез настроился сжить тебя со свету.

Найл покачал головой:

— Не думаю. Убей он меня сейчас, на переговорах поставлен был бы крест. А этого он желает меньше всего.

Симеон кивнул.

— Я согласен с Найлом. Это не что иное, как предупреждение. Дескать, если не заключим мир, гибели всем нам не миновать.

— А если, наоборот, заключим,— тихо добавил Доггинз,— гибели опять-таки не миновать, только тогда он сможет действовать уже со спокойной душой, без спешки.

— А вообще, соваться ли сюда нам? — без особой уверенности спросил Манефон.— От Хозяина и Совета зависит, заключать мир или нет.

Доггинз кивнул.

— Вот почему мы обязаны определиться нынче же, не дожидаясь, пока Совет вынесет свое решение.

— Но что мы можем поделать? — Вид у Милона был окончательно растерянный.

— Слушайте,— обратился Доггинз,— давайте рассудим все как есть. На днях, когда Повелитель попытался покончить с Найлом, Хозяин отказался заключать мир. Он заявил, что пауки в его глазах утратили всякое доверие и миру не бывать. Поэтому, я считаю, реально предположить, что он не переменит своего решения и не отдаст Найла паукам. Однако он уже согласился возвратить шары, из чего напрашивается, что он готов на компромисс. Теперь остается единственный вопрос: пойдет ли он еще и на то, чтобы заставить нас уничтожить «жнецы»? Ведь если он это сделает, мы снова окажемся в исходной точке, с той лишь разницей, что теперь Повелитель будет рассматривать нас как своих врагов. А вам известно так же прекрасно, как и мне, что пауки никогда не прощают того, кто прикончил хотя бы одного из их сородичей. Мы же виноваты в гибели сотен пауков. Поэтому я считаю, что вне зависимости от того, заключит Совет мир или нет, Повелитель будет изыскивать возможности отомстить.

— Ты предлагаешь напасть на пауков сейчас,— спросил Симеон,— даже если они пытаются восстановить мир?

Доггинз кивнул.

— Я предлагаю, если получится, уничтожить Смертоносца-Повелителя прежде, чем ему представится возможность разделаться с нами.

Симеон нахмурился, кустистые брови почти целиком завесили глаза.

— Но как, откуда можем мы быть уверены, что он желает нашей смерти? — Глаза врачевателя уставились на Найла.— Из всех нас опасность больше всего угрожает тебе. Что ты сам можешь сказать?

— Принцесса Мерлью пыталась меня убедить,— ответил Найл,— что Смертоносец-Повелитель желает мира. Надо сказать, ей это почти удалось...

— Ей надо было убедить тебя,— перебил Доггинз.— Этого от нее добивается Повелитель.— Было видно, что он с трудом сдерживается.— Понятное дело, они хотят мира. И самый легкий способ его добиться — разделаться со всеми своими врага-

ми.— Он подался вперед.— Я считаю, что Смертоносец-Повелитель просто не в силах не быть коварным. Вот почему мы должны его опередить, пока у него не появилась возможность расквитаться.

У Симеона явно были какие-то свои соображения; он удрученно качал головой.

— Ты говоришь, Повелитель не может не быть коварным. А между тем так ли это? Договор о примирении действует вот уж три столетия, и за все это время не было ни единого случая, чтобы пауки или жуки как-то его нарушили. Ты знаешь Договор о примирении ничуть не хуже меня. В нем сто восемнадцать пунктов. Когда такие закоренелые враги скрупулезно соблюдают его вот уже четвертое столетие, они едва ли смогут отрешиться от него так наплевательски легко.

— Твоя правда,— кивнул Доггинз,— я также знаю большую часть договора наизусть. Но заключен он был триста лет назад, и с той поры многое изменилось. Паукам испокон веков было известно, что люди — их злейшие враги. Вот почему они извечно стремились нас закабалить, обратить в скот. Но слуг жуков им поработить не удалось. Нам они были вынуждены оставить определенную степень свободы. Но даже при всем при том договор запрещает нам учиться читать и писать, использовать какие-либо механизмы — даже простой газовый фонарь.— Он постучал по столу костяшками пальцев.— Почему, думаешь, я с таким нетерпением отыскивал «жнецы»? Так вот, не для того, чтобы напасть на пауков, а для того, чтобы вынудить их играть на равных. Я стремился, чтобы мне дано было право жить своим умом, без оглядки на пауков. Это ли не право каждого человека? Что ж, теперь у нас есть «жнецы». Иными словами, есть средства претендовать на жизнь по собственному разумению. Пауки знают, что мы намерены добиваться свободы любой ценой и что рано или поздно своего достигнем. Им известно, что в конце концов их владычеству над нами придет конец.— Он повернулся к Симеону.— Вот почему они должны нас уничтожить, едва у них появится такая возможность. И вот почему мы не можем позволить себе доверяться им.

Он говорил с такой самозабвенной убежденностью, что все зачарованно притихли. Найл чувствовал, что Доггинз, сам того не ведая, прибегает к силе медальона, отчего его аргумен-

ты облекаются дополнительной силой. Вместе с тем, судя по тому, как нахмурился Симеон, речь убеждала не до конца.

— В таком случае,— подал голос Симеон,— у них меж собой, должно быть, существуют какие-то еще более тесные узы, чем договор. Вероятно, они связаны такой клятвой, которую никогда не посмеют нарушить.

Доггинз энергично мотнул головой:

— Я не верю, что такие клятвы существуют.

— А вот здесь ты ошибаешься,— возразил Симеон.— Мой шурин Пандион всю жизнь провел за изучением пауков. Он много лет служил помощником начальника порта и по роду занятий сталкивался с ними каждый день. Пандион утверждал, что они верят в своих богов и богинь ничуть не меньше, чем мы в своих. Он рассказал о случае, как однажды, проглотив ядовитую муху, взбесился бойцовый паук и убил четверых матросов. Паука удалось запереть в корабельном трюме, но, когда судно причалило в порту, никто не осмеливался его выпустить. Послали за Пандионом. Он заговорил с пауком и понял, что тот ошалел от боли и находится при смерти. Но Пандион обещал его высвободить, если тот поклянется богом тьмы Иблисом и богиней Дельты Нуадой. И паук, даром что был вне себя от жгучей боли, сдержал слово и ни на кого не набросился. Спустя полчаса он издох в судорогах. Это ли не доказательство, что пауки могут быть верны клятве?

— Простой паук-боец, может, и да,— согласился Доггинз.— Но неужто ты веришь, что такими суевериями может связывать себя Повелитель?

— Да. Потому что они не считают это суевериями.

Доггинз пожал плечами.

— Что опять-таки не гарантирует нас от вероломства Повелителя. Боюсь, мы можем препираться в том же духе весь день и ни к чему не прийти. А мы должны как-то определиться.— Он оглядел сидящих вокруг стола.— Какие будут соображения?

Наступила тишина, которую прервал Найл, обратившись к Симеону:

— Ты упомянул богиню Дельты. Ты имел в виду Великую Дельту?

— Да, ее. Дельта у них — одно из священных мест.

От этой фразы в черепе у Найла легонько кольнуло.

— Ты не знаешь почему?

Уголком глаза он заметил, как Доггинз нетерпеливо взмахнул рукой — дескать, ну что за ерунда! — но никак не отреагировал.

— Возможно, потому что Дельта так изобилует жизнью. Нуада еще зовется рекой жизни.

Кожа будто ощутила на себе ледяные брызги.

— Рекой или дарительницей?

— Рекой.

Найл обернулся к Доггинзу. Волнение было так велико, что приходилось сдерживаться, иначе бы в голосе послышалась дрожь.

— Понял, нет? Дельта и есть центр силы.

Доггинз сейчас же насторожился:

— С чего ты взял?

— Помнишь, я как-то говорил, что сила напоминает расходящиеся по воде круги? Если так, то у кругов должен иметься центр. Этот центр должен находиться в Дельте.— Он повернулся к Симеону.— Ты там бывал. Тебе никогда не доводилось чувствовать какой-нибудь подземной силы?

Симеон сосредоточенно нахмурился, затем покачал головой.

— Я ничего не чувствовал. У меня, видно, нет восприимчивости к такого рода вещам. А вот у моей жены — наоборот. И она постоянно твердила, что в Дельте чувствуется некое скрытое подземное биение.— Вопрос Найла, видимо, вызвал у него замешательство.— Я всегда считал, что это у нее игра воображения.

— Почему?

Симеон улыбнулся, припоминая.

— В Дельте для воображения приволье неописуемое. У меня постоянно напрашивается сравнение с гнилым сыром, кишмя кишащим червяками. И все время такое чувство, будто за тобой кто-то наблюдает. То восьмилапые крабы идут по пятам, то вдруг слетаются и начинают докучать гигантские стрекозы. Даже у меня, случалось, возникало подозрение чьего-то невидимого присутствия...

— Тогда почему ты не прислушивался к тому, что тебе говорила насчет вибрации жена?

— Я люблю четкие факты,— сказал Симеон задумчиво.— Помнится, был-таки один странный случай... Как раз на исходе

дня мы вошли в Дельту — ходили за соком ортиса,— и тут разразилась жуткая гроза. Мы даже испугались — думали, смоет. И вот в самом ее разгаре над головой вдруг полыхнуло, а гром шарахнул так, что уши заложило,— со мной такое было в первый раз. И странно, буквально сразу мы оба почувствовали: что-то произошло. Не могу сказать, что именно; просто стало по-иному, и все. Ощущение, что за тобой наблюдают, исчезло. А когда гроза закончилась, стало заметно, что попадающиеся навстречу насекомые бродят будто ошарашенные. Даже растения стали себя вести как-то по-иному. У нас на глазах стрекоза села прямо на ловушку Венеры. Ну, думаю, тут тебе и крышка. Растение же стало сводить створки так медленно, что насекомое успело улизнуть.

— А что, по-твоему, послужило тому причиной? — спросил Доггинз.

— Наверное, что-нибудь, связанное с молнией. Но молния не могла подействовать на каждое растение и насекомое. Эффект длился несколько часов, и мы тогда набрали сока ортиса вообще без всяких сложностей. Растения даже не пытались нас одурманить, и никто не пытался напасть, даром что Валда наступила на клешненого скорпиона. А назавтра все уже было как прежде, и опять чувствовалось, что за нами следят.

Манефон кивнул.

— И у меня было то же самое ощущение, когда мы раз причалили к Дельте набрать воды,— что за нами следят. Шею сзади словно покалывало.

— Ты ощутил подземную вибрацию? — спросил его Доггинз.

Милон, сосредоточенно насупясь, подумал.

— Видимо, да, хотя прежде я над этим не задумывался.

— Ты кому-нибудь рассказывал о своих ощущениях в Дельте? — спросил Доггинз у Симеона.

Тот в ответ покачал головой.

— Почему?

Симеон пожал плечами.

— Я не придавал этому особого значения. Дельта — странное место, там что угодно может приключиться.

Доггинз поднял брови повыше.

— А вот я бы сразу придал этому значение.

Симеон отмахнулся от такой неразумной критики.

— Одна из первых заповедей науки: никогда не строй теорию на зыбких доводах.

— Но сегодня утром,— напомнил Найл,— ты мне сказал, что змей-трава в Дельте вымахивает гораздо выше. Это разве не довод?

— Довод в пользу чего? Это может быть и из-за почвы, и из-за тепла, и из-за влаги, и по причине всех трех обстоятельств, вместе взятых. Хотя я и вынужден признать,— добавил он нехотя,— что твоя подземная сила могла бы объяснить великое множество сбивающих с толку явлений.

— Например,— предложил Найл,— сила, что увеличивает в размерах растения, могла бы способствовать и росту насекомых.

Симеон покачал головой:

— У насекомых нет корней.

— Почему ты считаешь,— вклинился Доггинз,— что непременно нужны корни? У грибов-головоногов тоже нет корней.

— У головоногов-то? — Судя по глазам, Симеон был сбит с толку.

— Тебе известно, что со смертью пауки превращаются в головоногов? — спросил Доггинз.

— Это что еще за сказки? — строгим голосом спросил Симеон.

— Никакие не сказки. Если не веришь, сходи полюбуйся на паучьи трупы — там, возле карьера.

Симеон задумался.

— Может статься, это просто головоноги сползаются на мертвечину?

— Нет,— убежденно сказал Доггинз.— Пауки действительно превращаются в грибы. Мы наблюдали нынче днем.

Слушая разговор, Найл сунулся под тунику и вынул медальон. Покой и облегчение не заставили ждать; почти болезненное возбуждение внезапно угасло, сменившись собранностью и самообладанием. Он повернулся к Симеону:

— Неужели ты не догадываешься, что это значит? Ты на днях говорил, не можешь представить, что пауки когда-то были крохотных размеров. Вот и ответ. Сила, стимулирующая рост всего живого в Дельте, действовала так же и на пауков. Вот почему они почитают Дельту как святыню. Вот почему

называют богиню Дельты «рекой жизни». Это и вправду река жизни. Она заставляет все расти.

— Тогда почему она не превращает в великанов людей?

— Ответ, мне кажется, ясен. Потому что мы неспособны улавливать эту вибрацию. Мы утратили связь с инстинктами. Мы чересчур активно используем мозг.

— А откуда, по-твоему, исходит эта сила? — спросил Милон.

— Не знаю. Возможно, она присутствовала на Земле всегда. Может быть, эта та сила, что заставляет расти все живое, только сосредоточена она в области Дельты.

— Может, она прискакала на хвосте кометы,— сказал с улыбкой Уллик.

Симеон пропустил это мимо ушей.

— Если пауки достигли теперешних размеров,— спросил он Найла,— как ты говоришь, сравнительно недавно, то почему сила воли у них настолько превосходит нашу?

— Мне кажется, оттого, что им было известно о ней изначально. Вся жизнь у них проходит в тенетах, в ожидании, когда туда угодит добыча. А когда приближается насекомое, они пытаются вовлечь его в паутину. Люди никогда не нуждались в таком применении воли. Мы ведь учились применять руки и мозг.— Говоря это, он с неожиданной глубиной осознал кое-что еще.— Более того, вот что я вам скажу. Именно по такой причине люди в конечном итоге одолеют пауков. Пауки лишены воображения, а без него от силы воли нет никакого толку. Потому что только воображение может сориентировать, чего желать. В конце концов, на что расходуют свою силу воли пауки? Они день-деньской просиживают в паутине. Они даже не построили собственного поселения — просто обжили старый город, оставленный людьми. Похоже, главная их цель — удерживать людей в кабале и не давать должным образом использовать наши собственные силы. Они недостойны быть хозяевами Земли. Вот почему мы должны их свергнуть.

— Хорошо сказано! — одобрительно кивнул Доггинз.

— Ты думаешь, эта сила наделена разумом? — спросил Найла Симеон.

— Не в привычном нам смысле. Насколько я вижу, единственная ее цель — производить больше жизни. У живых су-

ществ есть определенный предел сопротивляемости, до которого они борются за свою жизнь, а там ломаются и сдаются. Эта сила помогает им держаться.

— Получается, она на деле враждебна людям? — спросил Милон.

— Враждебна?

От такой постановки вопроса Найл слегка растерялся.

— Ну, если она помогает менее разумным формам жизни против более разумных...

Найл с сомнением покачал головой.

— Иными словами,— заключил Догтинз, подавшись вперед,— если мы желаем уничтожить пауков, надо уничтожить эту силу.

Найл посмотрел на него с удивлением.

— Уничтожить? Я не знаю, каким способом можно уничтожить силу.

По какой-то причине сама такая мысль звучала противоестественно.

— Почему же нет? — заметил Симеон.— Если ее может парализовать молния, то, наверное, сможет сладить и «жнец».

— Верно.— Догтинз внезапно пришел в волнение.— Если центр силы находится в Дельте, надо суметь его изолировать.

— Но как? — воскликнул Найл.— Он может находиться где угодно.

— Мне кажется, я смогу на это ответить.— Все обернулись к Симеону; он улыбался.— Я еще недорассказал про тот случай в Дельте. Через несколько дней после того, как мы возвратились, я разговорился со служительницей, надзирающей за бригадой рабов. Она рассказала мне нечто, показавшееся довольно странным. О том, как возле квартала служительниц вывалился из паутины и убился паук. Расспросив как следует, мы с Валдой определили, что произошло это, вероятно, в то самое время, когда над Дельтой бушевала гроза.

— А когда примерно это было? — поинтересовался Догтинз.

— Летом, где-то за пару часов до темноты.

— Иными словами, тогда, когда люди должны были уже сидеть по домам? — (Симеон кивнул.) — Получается, она могла подействовать одновременно на всех пауков?

— Верно.

Наступила тишина; сидящие усваивали прозвучавший намек. Наконец Доггинз произнес:

— Мне кажется, мы вроде пришли к выводу.— Он поглядел на Найла.— Тебе не кажется?

Найл покачал головой. В интонации Доггинза было что-то сильно настораживающее.

— Но как отыскать центр?

— А зачем он нам? Ты видел мощь «жнецов». За полчаса мы могли бы выжечь всю Дельту.

— Быть может, это и необязательно,— вмешался Симеон.— Гроза была над самой головой, когда полыхнула та молния. Это значит, что центр, вероятно, был совсем близко.

— Ты можешь конкретно указать, в каком месте вы находились?

— Я могу изобразить план местности.

Доггинз подошел к шкафу и вернулся с куском древесного угля.

— Нарисуй вот здесь.— Он кивком указал на белую скатерку.

Симеон прочертил две неровные линии, сходящиеся клином.

— Вот здесь сливаются две большие реки, текущие с юга. В этом районе они расходятся вширь, образуя клин — как вы догадываетесь, болото и влажный лес. Здесь вот, по краям, тоже лес. На стыке леса и болота, вот здесь, растут лучшие ортисы. В этой части,— он указал на область к югу от стыка,— лес почти непроходим. Мы были примерно здесь,— он поставил крестик к западу от стыка,— поэтому можно предполагать, что центр силы находится где-то внутри этого участка влажного леса.

Доггинз стоял за спиной у Симеона, глядя на карту ему через плечо.

— Чтобы пробраться во влажный лес, надо пересечь одну из рек?

— Да. Кстати, дело небезопасное. В ней водятся водяные пауки, здоровенные, как спруты, и караулят там, где не очень глубоко.

Доггинз нахмурился.

— Я не думал, что пауки могут обитать и в Дельте.

— Со смертоносцами они не имеют ничего общего. Насколько я могу судить, ума у них не особо. То же самое можно сказать и о силе воли.— Он поднял глаза на Найла.— Похоже, это подтверждает твою гипотезу о пауках. Водяные-то охотятся за добычей, как крокодилы. Видно, с силой воли у них слабовато. Но челюсти у них что твоя западня.

— Если есть чего еще опасаться,— заметил Манефон,— так это красной пиявки.

Симеон солидно кивнул.

— Один из моих людей забрел в воду, хотел наткнуть на копье гигантскую креветку. Через минуту-другую он как сумасшедший выскочил на берег, ноги сплошь усеяны эдакими крупными поблескивающими козявками, похожими на улиток, красными. Их никак не получалось оторвать. Хорошо, кто-то сообразил насчет огня — неподалеку у нас горел костер из плавника. Стоило прикоснуться головней, как пиявки тотчас отпадали. Но они проели большие дыры, почти до кости. Бедняга чуть не умер на пути домой.

Милон с удивлением поглядел на Симеона.

— И вы ходили в это гиблое место всего-навсего для того, чтобы насобирать лекарства?

— Очень ценное лекарство. За день можно насобирать столько, что потом весь год может пользоваться целый город. Кроме того, мы никогда не совались в действительно опасную часть. Ортис растет на границе с горным лесом. Я сомневаюсь, чтобы у кого-то хватало безрассудства залезать в гиблые места,— он ткнул пальцем в клин между реками,— а войдя, прожить хотя бы пару часов.

— Нам не стоит туда отправляться,— рассудил Доггинз.— Надо бы исхитриться перелететь эту область на шарах, так ведь? — Он поглядел на Симеона.

— Не вижу смысла возражать, если только ветер будет попутный.

Все снова сели, молча уставясь на процарапанные углем линии, словно могли выжать из них таким образом больше сведений.

— Как, по-твоему, оно выглядит? — спросил Доггинз у Найла.— Что-нибудь наподобие гигантского дерева? Или еще какое растение?

— Оно может вообще не иметь формы. Возможно, это просто средоточение силы.

— Хотя какая разница, какой у него вид,— заключил Доггинз.— С ним будут иметь дело «жнецы».— В голосе слышались угрюмые нотки.

Дверь отворилась. На пороге стоял младший сынишка Доггинза, пятилетний мальчонка.

— Там у дома, папа, стоит жук и говорит, что хочет с тобой поговорить,— сообщил он чистым, звонким голоском.

— Спасибо, сынок.

Доггинз потрепал мальчонку по голове. От Найла не укрылось, как ласково и бережно он это сделал.

Не прошло и минуты, как Доггинз возвратился. Поманил Найла.

— Хозяин желает видеть нас двоих. Остальные лучше дожидайтесь здесь.

Воздух снаружи стоял недвижно, словно утомленный дневной жарой. Откуда-то издали доносились звонкие выкрики детей. В этой мирной атмосфере мысли о смерти и разрушении казались удивительно противоестественными.

Оба молчали, идя следом за стражником в зал собраний и спускаясь по подземному коридору. Осторожно ступая по неровному полу, Найл в ущербном свете подземелья для верности касался стен из грубо отесанного камня. До него дошло, почему жуки оставили эту часть здания незавершенной. Они недолюбливали человеческий мир с его скучными гладкими плоскостями и четкими прямыми углами; им грезилось о прошлом, когда жизнь была проста и неприхотлива.

Стражник остановился и толчком открыл дверь, ведущую в зал Совета. Мутный зеленоватый свет придавал ему вид подводного грота. Жуки, каждый на своем вертикальном подиуме, напоминали безжизненные статуи. Вон, в стенной нише,— Мерлью; волосы в неясном свете поблескивают, будто из драгоценного металла. Возле кресла Хозяина стоял черный смертоносец. Он повернулся к вошедшим, и мгновенно почувствовался щуп его воли, холодный; волоски на руках приподнялись. Доггинз отвесил Хозяину низкий поклон, его примеру последовал и Найл.

Хозяин начал издавать своеобразные сиплые звуки, почти не двигая передними лапами, и Найл в очередной раз изумился: он понимал все так ясно, будто к Доггинзу обращались на человеческом языке.

— Мы просили тебя вернуться. Нам нужно знать: какого решения ты достиг относительно орудий умертвия? — Очевидно, в языке жуков не было эквивалента слову «жнец».

Доггинз отвечал, отведя глаза:

— Наше решение — поступить так, как назначит Совет.

Доггинз не пытался ловчить или уклоняться. В этой обстановке, на Совете жуков и под взглядом Хозяина, ответить как-то по-иному было и нельзя. Сам Найл, несмотря на медальон, чувствовал себя в присутствии Хозяина беспомощным ребенком.

— Хорошо,— произнес Хозяин.— Тогда слушайте решение Совета. Довершая Договор о примирении, мы решили, что орудия умертвия уничтожены не будут.— (Найл подавил мгновенное желание взглянуть на Доггинза.) — Но храниться они будут под надзором жуков, и ни один двуногий не будет иметь к ним доступа без разрешения членов Совета. К такому решению мы пришли, приняв во внимание озабоченность численным превосходством пауков. Не хотим мы оставить без внимания и претензии наших слуг-людей. Пункты, запрещающие книгочейство, из договора будут убраны. Это изменение было предложено Смертоносцем-Повелителем, который также предложил пересмотреть пункты об использовании механизмов, с тем чтобы допустить использование некоторых простых механических приспособлений. Я же выразил от вашего имени благодарность за его щедрость. Точный перечень этих приспособлений будет определяться совместным собранием всех причастных сторон. Единственное, что остается решить,— это судьба беглого узника Найла. Пауки сошлись на том, что он больше не считается узником, а волен сам решать свою дальнейшую судьбу. Я высказался за то, чтобы он мог оставаться в нашем городе в качестве слуги жуков.— (Найл поднял глаза и кивком выразил признательность.) — Но и пауки пригласили его возвратиться в свой город, сойдясь браком с его новой управительницей.— (Найл взглянул на Мерлью. Та сидела, уткнувшись взглядом в пол, очевидно не понимая этих странных зву-

ков.) — Если он решит принять это предложение, безопасность ему будет гарантирована в отдельном приложении к Договору о примирении. Если он в любое время пожелает уйти, свобода ему также будет гарантирована.

— Спасибо,— вслух сказал Найл.

Мерлью подняла на него глаза и улыбнулась.

Хозяин повернул голову к Доггинзу.

— У тебя есть какие-нибудь замечания или вопросы?

— Нет, Хозяин.

— Очень хорошо. Завтра утром трое членов Совета и трое посланцев города пауков соберутся обсудить словесную формулировку Договора о примирении. Если у вас есть желание присутствовать, вы имеете на это наше разрешение.

Доггинз благодарно поклонился, за ним Найл. Что-то в движениях Хозяина подсказывало, что аудиенция закончена. Оба, еще раз выразив почтение, повернулись, чтобы уйти. Смертоносец смотрел на них без всякого выражения; уходя, Найл ощутил его неловкую попытку вчитаться в мысли. Секунду спустя они стояли в коридоре.

Оба молчали, возвращаясь назад в главный зал, каждый был занят своими мыслями. Прошли в парадную — пусто, сумрачно, дневные дела окончены. Доггинз указал на дверь с табличкой «Распорядитель по взрывам».

— Зайди ко мне.

В комнате царил полумрак, в окне над крышами угасал закат. Доггинз плюхнулся в кресло за столом, указал Найлу сесть напротив. Взгромоздив локти на стол, он с нахохленным видом сидел, цокая языком.

— Ты доволен? — спросил Найл.

— Что? — Доггинз будто очнулся.— Доволен? Чем?

— Они пошли на то, чего ты требовал. Разрешили читать и писать, использовать механизмы.

Доггинз фыркнул.

— Тоже мне подарок! Читать и писать умеют все слуги жуков. Что до механизмов — так они ж не сказали, что мы можем ими пользоваться. Речь шла об «отдельных механических приспособлениях». Поди разбери, о каких именно — может, об инкубаторах да кухонных весах. А мы уж и без их соизволения ими пользуемся.

— Но они пошли и на то, чтобы оставить «жнецы».

Доггинз дернул плечами.

— Ну и какая разница? Передать оружие жукам — значит навсегда с ним распрощаться.

— Но по крайней мере, будет уверенность, что пауки не осмелятся напасть внезапно.

Доггинз раздраженно ухмыльнулся:

— Да, так. Но, лишившись «жнецов», мы потеряем возможность чего бы то ни было требовать. Окажемся там, откуда начинали.

Он досадливо вздохнул.

— Не совсем. Если вам позволено иметь дело с книгами, вы сможете создать механизмы, пусть в виде чертежей. Этого они не вправе запретить. Может, придете даже к тому, что создадите «жнецы».

— Брось ты. Для этого понадобилась бы вся ядерная технология. А уж восьмилапые побеспокоятся, чтобы мы никогда к этому не пришли.— Он передернул плечами.— Да ладно, пойдем-ка обратно, расскажем остальным как и что.— Он встал было, затем опять сел.— А как ты? Что думаешь себе на будущее?

— Не знаю.

— Взял бы да и принял их предложение. Уж если оно войдет в договор отдельным пунктом, тебе действительно нечего бояться. И уйти всегда сможешь, если не понравится.

Найл покачал головой:

— Нет, я не могу этого сделать. Каззак предлагал мне почти то же самое, а я отказался.

— Почему?

Практичному Доггинзу поведение Найла, очевидно, казалось несуразным.

— Тебе не понять, ты же никогда не жил в пустыне. А вот попрятался бы с самого рождения под землей, так, наверное, понял бы. Я не хочу водить с ними дружбу. Даже привыкать не желаю.

— Тогда чего же ты хочешь?

— Разве что их гибели.

— Сомневаюсь, что это осуществимо.

— Может, ты и прав. Мне известно одно: люди когда-то были хозяевами Земли, а теперь ею владеют пауки.

— И жуки,— добавил Доггинз ревниво.

— Да, и жуки.— Найл не удержался от улыбки.

— Так что, ты останешься здесь, с нами?

— И этого тоже не могу.— Найл качнул головой.

— Почему?! — На этот раз в голосе Доггинза чувствовалось уже раздражение.

— Потому что я и впредь буду действовать против пауков. А если так, то получается, я нарушу свое слово перед жуками.

— Так что ты думаешь делать?

— Вернусь, наверное, в пустыню,— ответил Найл, подумав.

— Чего тебе там делать?

— Не знаю. Может, удастся разыскать других таких, как я,— тех, кто ненавидит смертоносцев и желает им гибели. Тот арсенал, что в городе пауков, он же, я полагаю, не единственный. Может, еще и «жнецы» отыщем.

Доггинз яростно мотнул головой:

— Но это же блажь!

— Почему?

— Ведь я согласен с каждым твоим словом! Я тоже хочу гибели смертоносцев! То же и все — Милон, Уллик, Манефон, все остальные. Никто из нас не желает с ними церемониться. Мы уже слишком далеко зашли.

— А договор?

Доггинз фыркнул:

— Еще не подписан.

— И что ты предлагаешь?

Доггинз задумчиво повернулся к окну.

— Первым делом надо бы...— Он неожиданно замер, оцепенев.

Найл посмотрел туда же, за окно, недоумевая, что могло вызвать такую реакцию. Там совсем уже стемнело, разве что узенькая багряная полоска еще рдела на горизонте; на ее фоне таяло, расплывалось косматое облачко.

— Вот он, похоже, и ответ тебе.— Доггинз ткнул указательным пальцем. Голос почему-то был сдавленным.

— Ничего не понимаю.

— Ветер сменился! — Он схватил Найла за руку.— Давай наружу.

В парадной стояла уже такая темень, что выбираться приходилось на ощупь. Массивные деревянные двери оказались заперты, здание пришлось покинуть через боковую дверь. Едва вышли на ступени, как ветер взвил полы их туник.

Доггинз, облизнув палец, поднял руку вверх.

— Северо-западный.— Он повернулся к Найлу. В глазах — странное сочетание радостного возбуждения и чего-то похожего на страх.— Тебе не кажется, что это знамение?

Найл не успел ответить: навстречу им по траве спешил Уллик. Доггинз обнял его за плечи и заговорил негромким голосом:

— Слушай-ка внимательно. Сейчас бегом к Космину и Гастуру. Пускай готовят три шара. Скажи, что нам понадобятся еда и питье на шестерых.— Он оглянулся через плечо.— И скажи, что нам понадобятся «жнецы».

Глаза у Уллика возбужденно зажглись.

— Что, отлетаем? Когда?

— Сразу, как стемнеет.

— Может, дождемся, пока взойдет луна?

— Не хватало еще, чтобы нас заметили.

Когда возвращались к дому Доггинза, Найла одолевали смутный страх и возбуждение. Но по крайней мере, сомнения и опасливые мысли рассеялись; теперь ясно, что иного выбора нет.

Часть вторая

ДЕЛЬТА

Огни города жуков вскоре растворились внизу; через считаные минуты окружала уже такая тьма, что Найл не мог различить и поднесенной к лицу ладони. Когда только начинали подниматься, шар несколько раз отчаянно дернуло — натянулась связывающая шары веревка. Затем она ослабла, и дальше взлет проходил уже гладко. Минут через пять ветер перестал реветь; на такой высоте он уже не встречал преград и потому стал беззвучен. Более того, поскольку теперь их несло вместе с воздушным потоком, ветер, казалось, ослаб до едва ощутимого дуновения. Небывалое ощущение: висеть вроде бы неподвижно в полной темноте, сознавая, что на самом деле их несет в сотнях метров над землей со скоростью миль тридцати, если не больше. При таком ходе Дельты можно достичь часа за четыре с небольшим.

Постепенно темень осветлилась в серый сумрак, и Найл смог различить стоящего на том конце корзины Манефона — расставив руки, тот прочно держался за стропы шара. На секунду подумалось, что это глаза привыкают к темноте, но затем Найл с удивлением понял, что свет исходит от западного горизонта, где заходящее солнце подсвечивает облака снизу розовым. Прошло еще несколько секунд, и стало ясно, что набранная высота расширяет окоем, позволяя заглянуть за округлившуюся поверхность земли. В неверном свете стали видны и два других шара, летящие примерно на одной высоте. Ближний шар, с Доггинзом и Милоном, находился где-то в

двадцати метрах, и соединяющая их веревка провисала дугой. Доггинз, указав рукой, прокричал что-то, но из-за ветра ничего нельзя было расслышать. Через десять минут солнце скрылось за горизонтом и все опять погрузилось во тьму.

Под ногами ощущалась твердь: в подвесной мешок была предусмотрительно втиснута большая круглая доска-днище; получалось вроде корзины. На днище разместились два пузатых холщовых мешка с дорожным припасом; оба прочно прихвачены к стропам на случай, если порыв ветра вдруг опрокинет их на днище. У себя между ногами Найл держал сумку поменьше, где лежал «жнец» и запас зажигательных бомб. Поверх днища были расстелены одеяла; чтоб не сбились и не скатились, их подвернули под края доски. Подготовка к отлету была в основном делом Космина и Гастура, и они справились с задачей, проявив замечательную смекалку и предусмотрительность. И надо отдать должное, держались молодцом, узнав, что им придется остаться.

Одет Найл был тепло. Женское окружение Доггинза снабдило его балахоном с меховой опушкой, достающим без малого до лодыжек. Обут он был в башмаки (обувь, к которой совершенно непривычен,— из парусины, с толстыми каучуковыми подошвами). Вначале ногам в них было жарко и неудобно, но, посидев в шаре с полчаса, Найл оценил их сполна — температура на такой высоте близка к нулю.

Внезапная искра выхватила из темноты лицо Манефона, склонившегося над огнивом. Через несколько секунд затлел сухой трут. Манефон запалил от него маленькую масляную плошку и поднес зыбкий язычок огня к компасу. Найл опустился рядом на корточки.

— Ну как, идем по курсу? — (Манефон кивнул.) — Когда поднимется луна?

— Мы ее не увидим.— Манефон указал наверх.— Видишь, как застелило.

Найл посмотрел в темноту. На протяжении нескольких секунд вверху несколько раз проглядывали звезды, но тут же исчезли.

— Что будем делать? — спросил Найл.

— Что делать? Одно: надеяться,— ответил Манефон угрюмо и задул плошку.

— Зачем ты?

— А вдруг перевернется, тогда что? Да и смотреть все равно не на что.

— Может, перекликнемся с остальными?

— Пожалуй. Я все сделаю сам. Ты не шевелись, иначе дно накренится.

Все было предусмотрено и на этот случай. Вокруг каждого из шаров петлей была пропущена веревка, она же проходила и вокруг строп. Если шары надо было сблизить меж собой, оставалось лишь перебрать веревку на себя. По подергиваниям мешка Найл понял, что Милон как раз тем и занимается. Через несколько минут раздался приглушенный удар: шары столкнулись. Послышался голос Доггинза:

— Ты не ориентируешься, где мы сейчас?

— Нет. Хотя должны быть по меньшей мере милях в десяти от берега. Облачность тревожит. Если не рассеется, можем вовремя и не заметить, что летим над землей.

— А ты уверен, что мы еще не долетели?

— Это легко можно проверить.

Манефон, очевидно, полез в сумку: тускло звякнули зажигательные бомбы. Ухватившись за одну из строп, Найл осторожно привстал и выглянул через край. Корзина покачнулась: Манефон метнул бомбу. Шли мгновения; начало уже казаться, что не сработало, и тут внизу разразилась ослепительная желтая вспышка. Султан огня летел вниз, пока не отразился в черной маслянистой глади. На миг открылись черная вода и белые гребни волн, затем сияние исчезло как не бывало. Этих нескольких секунд хватило, чтобы уяснить: всюду море. Впервые с момента взлета Найла охватил страх. Окруженный темнотой, он ощущал себя в безопасности; теперь до него дошло, что они подвешены среди бездны.

— Можно было бы подняться над облаками, но от этого, по-моему, не легче. Ты как считаешь?

— Наверное, нет смысла: все равно земли не увидим, пока не долетим. Единственное: можно скидывать бомбы, если кажется, что подлетаем. Их у нас сколько?

— По дюжине на каждого.

— Нормально. Получается, семьдесят две — точнее, семьдесят одна, одну я уже скинул. Хватит с лихвой.

— Раз так, то пока не мешало бы и поесть. Есть охота, аж в брюхе урчит.

Манефон выпустил веревку и сел на дно мешка. Через несколько секунд шар слегка качнуло: веревка вытянулась до конца.

Манефон снова взялся за огниво и зажег масляную плошку, которую цепко удерживал, пока усаживался Найл. Манефон был по меньшей мере на двадцать килограммов тяжелее Найла, поэтому дно постоянно кренилось в его сторону. Пришлось-таки постараться, прежде чем они с величайшей осторожностью установили равновесие, сев вперемежку с поклажей. Тогда Манефон передал плошку Найлу, а сам взялся развязывать один из холщовых мешков. Из него он достал плетеную корзину с едой. В ней оказались лепешки, мед, жареная птица, козий сыр, яблоки и графинчик золотистого вина. Так, сидя скрестив ноги, они принялись за еду. Стены подвесного мешка никогда не предназначались для человеческой спины, поэтому постоянно хлябали, стоило о них опереться.

Закрыв глаза, можно было представить себя чуть ли не в родной пещере. Вино и пища вызывали отрадное чувство безопасности и оптимизма. Теперь даже не очень тревожило, что они висят, покачиваясь в полом пространстве, в пятистах метрах над океаном. Вместе с тем это давало понять, насколько он сам, Найл, изменился: мальчуган из пещеры словно принадлежал к какой-то былье поросшей эпохе.

Слепящая вспышка заставила, вздрогнув, прийти в себя. Это Доггинз сбросил еще одну бомбу. Она осветила такую же в точности панораму, что и предыдущая: простершееся внизу бескрайнее море — темное, с белыми барашками волн. Вдвоем они опорожнили графинчик, и Манефон вышвырнул пустую посудину. Найл со странной отрадой представил, как она, кувыркаясь, летит в холодной темени. Манефон опять задул плошку.

А вскоре зарядил дождь. Найл поднял капюшон отороченного мехом балахона, затянув вокруг шеи тесьму. Одежда была из дубленой шкуры и нисколько не намокала. А пошлепывание о капюшон капель вывело Найла из дремотного состояния. Это, в свою очередь, настроило на трезвый лад: нельзя убаюкивать себя, поддаваясь чувству мнимой безопасности.

Если курс верный, то они должны быть по меньшей мере на полпути к Дельте. По словам Симеона, слияние двух рек где-то в миле от побережья. Идя на такой скорости, легко перескочить заданный рубеж и приземлиться где-нибудь в пустыне на этой стороне Дельты...

Пытаясь сдержать гнетущее волнение, он пошарил под туникой и повернул медальон. Сонливость мгновенно улетучилась. Сначала особой выгоды от этого вроде бы не наблюдалось, просто четче стал ощущаться стук дождя и покачивание шара. Затем внимание случайно соскользнуло на порифида, что в метре с небольшим над головой. Найл тотчас же осознал его присутствие. Порифид казался точкой невнятного света, опутанной длинными нитями энергии, целящимися в темноту. В самом центре светящейся точки, где сходились все эти нити, наблюдался устойчивый импульс, напоминающий биение сердца. Найл неотрывно всматривался, и пульс словно начал втекать в него самого, становясь его частью; создавалось любопытное ощущение, что порифид пытается установить с Найлом связь. Затем Найл и сам вжился в пульс. Собственное тело будто перестало ему принадлежать, став отчужденным, посторонним.

И тут тьма неожиданно исчезла. Найл сознавал, что глаза у него закрыты, тем не менее казалось, что это не так. Он словно брел через красноватую дымку, а когда напряг чутье, картина проступила так же ясно, как при дневном свете. Он различал над собой толстое одеяло из туч и ущербную луну, плывущую по небу. Видно было, как далеко внизу пучатся волны. Дальнейшее усилие дало даже проникнуть в пучину вод и почувствовать дно — такая же бездна, что и высота над морем, даже расстояние примерно то же.

Найл почувствовал и двух других порифидов, что на соседних шарах: их энергетические нити неуловимо переплетались с нитями, исходящими от него самого. Теперь понятно, отчего шары держатся примерно на одной высоте и не сталкиваются. Порифиды интуитивно чувствовали друг друга и соблюдали меж собой примерно одинаковое расстояние. Создавалось забавное впечатление, что они регулируют не только высоту шара, выделяя и поглощая газ, но в какой-то степени и его направление.

Теперь, когда сознание слилось с порифидами, вроде и страх за себя перестал как-то донимать. Ушло и нетерпение. Какая, по сути, разница, в воздухе он или на земле — ведь так приятно плыть да плыть между морем и облаками. Человеческая сущность, с ее вечно настороженным вниманием, воспринималась теперь как нечто отдаленное; он плыл плавно и безмятежно, словно во сне, хотя сам полностью бодрствовал.

Находясь в таком состоянии, он понял, что испускаемые порифидами энергетические нити представляют собой маленькие вспышки какой-то низкочастотной энергии и что, отражаясь от любого живого предмета, с которым сталкиваются, они придают ему способность «видеть» их. Найл с удивлением отметил, что и сам не лишен такой способности — правда, развита она во много раз слабее. В отличие от порифидов у него никогда не возникало необходимости ее совершенствовать: он всегда обходился зрением и слухом. То же самое и Манефон, осоловело поглядывающий в темноту. Поскольку сам Манефон изнывал сейчас от скуки, воля у него была расслаблена, отчего мозг почти прекратил источать энергетические нити.

И это, осознал Найл с неожиданной четкостью, является основной бедой для всех людей. Едва их одолевает скука, как они тут же раскисают, расслабляя волю. Пауки никогда не допускали этой элементарной ошибки. Вот почему они стали хозяевами мира. Они не способны проникаться скукой...

Догтинз вынимал из сумки очередную бомбу; Найл наблюдал, как он, сорвав чеку, бросает ее вниз. Было отчетливо видно, как она, кувыркаясь, летит через красную дымку и наконец разрывается — на этот раз были видны даже летящие веером осколки. За онемевшими веками ярко полыхнуло желтым, а вот порифиды различили лишь тревожащий выход разошедшейся залпом энергии — будто звук, породивший в пространстве гулкое вибрирующее эхо.

Бомбу можно было и не метать: Найлу в теперешнем его «расширенном» состоянии было вполне ясно, что береговая линия находится примерно в двадцати милях к югу. Дальше лежит пустыня. Если придерживаться курса, которым они идут сейчас, Дельта останется милях в шести к востоку. Даже с такого расстояния различалось, что участок берега, к которому они приближаются, невзрачен и неприветлив, с загноинами

болот, и на протяжении нескольких миль переходит в каменистую пустыню. А вот в дюжине миль к западу расстилается длинная песчаная коса, защищенная естественным заграждением из коралла и известняка. По словам Симеона, это и есть участок, наиболее подходящий для высадки.

Найлу не было необходимости передавать мысленную команду порифиду: его смутно теплющееся сознание находилось с ним в полном контакте. И порифид с естественностью меняющего направление пловца стал поворачивать по плавной, длинной дуге, пока не взял курс прямо на косу. Механика процесса сбивала с толку: порифид, похоже, игнорировал естественную силу ветра, вместе с тем по-своему эту силу используя. Как понял Найл, секрет лежал в его неспособности понять, что он нарушает закон природы.

Найл открыл глаза и с удивлением обнаружил, что темень рассеялась. Дождь прекратился, и из-за туч выглянула луна. Найл подался вперед и потряс за руку Манефона; тот, вздрогнув, проснулся.

— Идем к берегу,— сообщил Найл.

Манефон неловко привскочил и выглянул наружу.

— Что-то незаметно.

— Это потому, что до него еще миль двадцать.

Манефон встал неподвижно, как статуя, не отрываясь глядя в сторону горизонта. Минут через пять он сложил ладони рупором и зычно прокричал:

— Впереди бе-е-рег! — К Найлу обернулся довольный, с улыбкой: — Гляди-ка, верно идем.

Когда вдали на белом песке стали различаться пальмы, Найл приказал порифиду понемногу сдавать высоту. Все это время луна по большей части с трудом пробивалась через тучи. Когда она выявилась окончательно, шары находились в миле от косы; слышен был шум крушащихся о берег волн. В мешок задувало мелкую водяную взвесь. Найл облизнул губы; на них чувствовалась морская соль. Через несколько секунд мешок качнулся от столкновения с волной. На миг он набрал высоту, протащился на скорости по берегу и, скрежетнув, замер в двадцати метрах от тесно растущих вдоль берега пальм. Шар тотчас начал жухнуть, оседая прямо на голову. Выбираясь, Найл

на секунду замешкался, стукнувшись о мускулистые ноги Манефона, затем выбрался на податливый песок.

Доставляло странное облегчение вновь чувствовать под ногами твердую опору и видеть, как волны бессильно бьются о белый песок,— чего уж теперь, летевшая сверху добыча упущена. Каждый шаг по берегу доставлял удовольствие, даром что Найл не шел, а ковылял на затекших от долгого сидения ногах навстречу Догтинзу и Милону. В полусотне метров возились Уллик с Симеоном, силясь вытянуть свой шар, угодивший при посадке между двух пальм.

Догтинза лихорадил дикий, неистовый восторг. Порывисто обняв Найла одной рукой за плечи, он другой водил по залитому лунным светом ровному берегу:

— Ну что, а?! Прямо в точку! Говорил же, что повезет!

С полчаса ушло на разгрузку шаров. Туго скатав, их оттолокли под благодатную сень деревьев. Милон успел отыскать в сотне метров крохотное озерцо с каменистым дном, обмелеть которому не давал ручей; туда сунули порифидов, опорожнив им вслед колбу личинок. После долгого перелета путешественники начинали испытывать к зловонным моллюскам даже некоторую привязанность.

Пальмовая роща тянулась вдоль оторачивающего берег гребня, дальше в глубь суши шла поросшая песколюбом песчаная впадина; туда оттащили поклажу и сумки со «жнецами» и зажигательными бомбами.

Разгоряченные от восторга Милон и Уллик хотели разжечь костер и на нем готовить ужин, но Симеон отсоветовал: может привлечь незваных гостей из недр Дельты. Тем временем Найл с помощью ножа вырыл в песке углубление, чтобы можно было лечь, и устелил его невесомой одеждой, прихваченной из Белой башни. Под голову пристроил туго скатанное одеяло, а накрылся еще одним, влажноватым от дождя. Никакая постель из листьев или травы не сравнилась бы по вольготности с этим импровизированным ложем. Через считаные минуты он уже вовсю спал.

Когда Найл открыл глаза, в небе уже стоял блеклый сумрак нарождающегося рассвета, хотя солнце еще не взошло. Первым, на чем остановилось внимание, был запах, ни с чем не

сравнимый запах Дельты. Не просто запах прелой растительности; здесь, вблизи, он был другой, сразу и не разберешь. Запах, навлекающий мысли о влажной черной почве, белесых грибах. И, едва сосредоточась на этом запахе, не успев еще выведать его суть, Найл ощутил вибрацию. Не обязательно было даже погружаться в расслабленность. Здесь, на рубеже Дельты, вибрация различалась ясно, как дыхание какого-нибудь исполинского животного.

Остальные, судя по всему, спали. Но едва Найл приподнялся на локте, как к нему с улыбкой повернулся Симеон. Очевидно, он уже не спал.

— Есть еще не хочется? — Симеон говорил тихо, щадя сон остальных.

— Да.— Найл ощутил вдруг зверский голод.

— В Дельте всегда так.— Скинув одеяло, Симеон поднялся и поманил к себе Найла.— Пойдем посмотрим, может, отыщем чего к завтраку.

Из мешка он извлек длинный нож-мачете, мощное серповидное лезвие которого предназначалось, очевидно, для прорубания сквозь чащобу. Он также прихватил большую холщовую сумку с наплечной лямкой. Осторожно обогнув спящих, они направились в сторону песчаных холмов, начинающихся сразу за впадиной. Теперь, когда свету прибавилось, бросалось в глаза, насколько сочна здесь зелень и щедры краски. Листья приземистых кустов зеленели так, будто их нарочно обрызгали едкой, блесткой краской, а растущие из песчаной почвы красные, желтые и лиловые цветы красовались и манили, будто влажные губы соблазнительных девиц. Найла одновременно и влекло, и как-то настораживало.

Вид на Дельту с вершины песчаных холмов впечатлял. Отсюда открывалось, что это обширная вогнутая низменность с полсотни миль в поперечнике, объятая с востока и запада холмами. Сейчас она в основном лежала в тени, так как солнце едва еще всходило над горизонтом. Над серединой низменности стелился слой серебристого тумана — в этой части особо приметным был изобилующий зеленой растительностью приземистый холм. В этот утренний час вид у Дельты был одновременно и безобидный, и романтичный; лишь характерный запах вносил в общую картину ноту некоей потаенной угрозы.

С холма они спустились в ложбину, устеленную ковром глянцевитой растительности, похожей на непомерно разросшийся водокрас. Она похрустывала под ногами и давала едкий, но не лишенный приятности запах. На той стороне ложбины росли невысокие кусты с серповидными листьями и округлыми желтыми, с лиловыми прожилками плодами.

— Вот что нам нужно,— сказал Симеон, указав пальцем,— мечевидный куст.

— Плоды годятся в пищу?

— Нет. Вкус отвратительный.

Они приблизились к кусту, чьи покрытые росой ветки глянцевито поблескивали на солнце. Найл потянулся было к плоду, но Симеон схватил его за запястье.

— Стой! В Дельте, если жизнь дорога, никогда не подчиняйся своему первому позыву. Здесь почти все, на что ни глянь, содержит какой-нибудь каверзный подвох.

Симеон полез в карман туники и вынул оттуда кожаную рукавицу. Рукавицу он надел на конец мачете и, осторожно поднеся, коснулся ею плода. Тут в глубине куста что-то резко дернулось, да так, что Найл подпрыгнул; спустя миг он увидел, что рукавицу пронзил длинный черный шип. Симеон вытянул лезвие из рукавицы и с силой рубанул сверху вниз. Рукавица упала к ногам; Симеон подобрал ее и вынул шип — твердый, глянцевитый, острый как игла. Симеон снова надел рукавицу на мачете и на этот раз поднес ее к плоду, что над самой землей. Опять откуда-то сзади неуловимо мелькнул шип и вонзился в рукавицу. Симеон, как ни в чем не бывало вытянув лезвие, отсек и его. Эта процедура повторялась еще три раза. На четвертый, однако, ничего не произошло. Повторив манипуляцию еще раз и не дождавшись от куста никакой реакции, Симеон протянул руку и сорвал плод. Он накидал их в защитную сумку с полдюжины.

— Видишь, как быстро растение учится... Стой, куда!

Найл как раз собирался заглянуть в гущу куста посмотреть, откуда берутся шипы; оклик Симеона заставил его отдернуть голову назад.

— Он уяснил, что с рукой тягаться бесполезно, а вот лишить тебя глаз мог бы сейчас запросто.

— Что же он делает с теми, кого приколет?

— Убирает каким-то образом в самую гущу ветвей, чтобы перегнивали. А затем, видимо, постепенно поглощает.

Найл неприязненно покосился на безобидного вида растение.

— По-моему, как-то... бесчестно.

— Ишь ты! А тебя бы так — обеими ногами в землю, чтобы не шелохнулся,— понравилось бы?

Найл указал на мясистые, сочно-зеленые листья под ногами, источающие ароматный, слегка лекарственный запах.

— А эти опасны?

— Только если на них заснуть. Запах от них дурманный. Засыпая, будешь видеть сладкие грезы, а потом не проснешься. Вон, видишь? — Симеон указал на неприметный бугорок, покрытый глянцевитой растительностью.

— Что это?

— Не знаю. Может, бородавочник. Они спускаются из влажного леса.

Найл, подойдя, нагнулся к бугорку едва не вплотную и попытался отвести листья в стороны. Внизу угадывались полуистлевшие обрывки меха, но в целом останки уже мало чем отличались от почвы: плоть съели проросшие сквозь нее белесоватые стебли.

— Стоит существу заснуть,— продолжал Симеон,— как листья обрастают в считаные часы прямо по живому. Они давят спящих, пока те не перестают дышать.— Он внезапно остановился: — А-а, вот это я и искал.

Он направился к тесно растущим кустам с броскими цветами. Когда подошли ближе, Найл понял, что Симеона, по-видимому, привлекли унизанные колючками небольшие шарики, растущие на кривеньком, щетинистом сером кусте.

— Что это?

— Зовется просто целебником.

— Он опасен?

— Только если неосторожно наткнуться. Колючки ядовиты, кожа от них вспухает и потом долго болит.

Симеон поднял нож и отсек один из шариков, упавший на землю, словно отрубленная голова. Натянув рукавицу, Симеон аккуратно поднял шарик за одну из колючек. Затем, при-

держивая, начал отсекать их одну за другой. Закончив процедуру, шарик он сбрасывал себе в суму и принимался за следующий, пока не насобирал их с полдюжины.

— Ладно, неплохо за утро,— произнес он удовлетворенно.— Эти штучки ценятся наравне с золотом.

— А в чем их ценность?

— Отпугивают насекомых.

Лагерь еще спал; обогнув впадину по краю, они направились к берегу. Море зачаровывало своей безмятежностью; небольшие волны кротко лизали гладкий песок. От восходящего солнца стелилась сияющая золотая дорожка.

— Что теперь?

— Теперь надо бы подыскать чего-нибудь к завтраку.

Они наведались к озерцу, куда пустили плавать порифидов; те немедленно всплыли навстречу, открывая зевы, где виднелись крохотные розовые язычки. Симеон достал из сумы один желтый плод, счистил с него жесткую корку, а затем положил на плоский камень и иссек в мелкие кусочки. Найл посматривал с сомнением; казалось маловероятным, что порифиды проявят интерес к плодам. Но едва Симеон стряхнул кусочки в озерцо, как порифиды тут же поднялись к поверхности и принялись хлопотливо ловить кусочки раскрытыми зевами; через полминуты не осталось ни единого. Найл из любопытства подобрал кожуру, понюхал и тут же с отвращением отшвырнул: падаль и падаль.

— Здесь дело не только в запахе,— заметил Симеон.— Похоже, плод содержит какое-то масло, за которым они гоняются.

Они отправились дальше, туда, где опутанные водорослями камни сходили уступом в море. Пробравшись осторожно по каменному гребню, заглянули в глубокий заливчик, дно которого было покрыто похожими на вьющуюся зеленую паутину водорослями. Каменистое дно полого возвышалось в сторону моря, так что даже при отливе не обмелело бы окончательно. Они вдвоем сели над водой, свесив ноги, и принялись очищать от кожуры желтые плоды. Симеон иссек мякоть на крупные кубики. Один кубик он стиснул в кулаке, отчего на воду часто закапал маслянистый сок. Сок был лиловатым, как и сама мякоть. Симеон обронил выжатую мякоть, и та медленно пошла ко дну, постепенно затерявшись среди змеящихся

водорослей. Почти тотчас на том конце заливчика наметилось движение. Шмыгнуло что-то розоватое; странное полупрозрачное создание около десяти сантиметров в длину выстрельнулось из-за каменистого выступа и стремглав исчезло среди водорослей как раз над тем местом, куда упала мякоть плода. Найл отродясь не видел креветок и рачков, поэтому не понял, что это своего рода исполин. Следом из разных частей водоема стали появляться другие, поменьше; всех опередил возникший откуда-то из темного подводного углубления иззелена-коричневый головоножек. Проворно умыкнув добычу, он исчез в своей дыре. Симеон закончил сечь плоды и спихнул кусочки в заливчик; там к этому времени скопилось уже полным-полно креветок, ссорящихся из-за кусочка пищи.

А Симеон тем временем, не выпуская из руки мачете, обошел заливчик и стал осторожно заходить в воду с той стороны, что ближе к морю. Креветки так были заняты поглощением пищи, что не обращали внимания, как их число редеет по мере того, как Симеон одну за другой выбрасывает их на песок — кого проткнув мачете, а кого и так. Меньше чем за пять минут он накидал их с дюжину. Найл подхватывал извивающиеся тельца и складывал в сумку.

В тот момент, когда Симеон заводил мачете над особо крупным образчиком, выжидая, когда тот опустится пониже, Найл заметил, как на том конце заливчика всколыхнулось что-то красное. Вначале подумалось, что это очередная креветка, но, когда существо полностью выбралось на свет, он догадался по трепещущим щупикам, что это крупное ракообразное, омар. Какую-то секунду выбраться из пещеры наружу омару мешали собственные габариты. Симеон моментально отреагировал на тревожный окрик Найла и отпрыгнул туда, где помельче. Гигант последовал за ним с удивительным проворством; когда Найл помогал Симеону выбраться из воды, клешня ракообразного чиркнула Симеону по ноге.

Вид выбирающегося из глубины заливчика чудища ошеломил Найла, оно напоминало крупного скорпиона. Но Симеон не растерялся; когда омар выбрался на гладкий камень, он взмахнул мачете и резко, со всей силой рубанул. Упавшая к ногам Найла отделенная клешня судорожно впилась в камень, моментально треснувший, будто орех. Симеон опять взмахнул

мачете, на этот раз примеряясь к глазам; но омар уже бросился наутек.

Симеон оглядел свою правую голень: сорванная кожа болталась лоскутом, обильно текла кровь. Однако более близкое изучение показало, что рана не так уж и опасна. Клешня защемила и надорвала только кожу, но достаточно поверхностно. У Симеона, как видно, все было предусмотрено для такого оборота дел. Он вынул из кармана рулончик бинта и сноровисто обернул себе лодыжку. Найл тем временем зачарованно разглядывал клешню, которая все еще смыкалась и размыкалась. Длины в ней было почти метр, а силы, видно, достаточно, чтобы отсечь человеческую ногу. Когда она окончательно успокоилась, Найл попытался ее поднять; на это понадобились обе руки. Симеон мрачно ухмыльнулся:

— В суму ее. Приготовим на завтрак.

В суму она, естественно, не влезла — пришлось нести, придерживая обеими руками. До лагеря оставалось еще с полкилометра, но уже и с этого расстояния можно было догадаться, что кто-то разжег костер: вверх тянулся призрачный столб дыма. Столб стоял в воздухе вертикально.

— Ветер стих,— определил Симеон.— Я так и думал.

Они повстречались с Манефоном, идущим от ручья с флягой чистой воды. Взобравшись на пальму, Уллик стряхивал вниз гроздья фиников. Доггинз расстелил внизу одеяло, приспособив его вместо скатерти, и насекал от длинной белой булки толстые ломти хлеба. Увидев креветок, он весело крякнул и потер руки:

— Любимое лакомство. Только таких больших ни разу не видел.— При виде клешни у него распахнулись глаза.— Да чтобы их сготовить, целый день понадобится!

— Ну прямо-таки.— Симеон хмыкнул.

Брошенная туда, где самый жар, клешня засипела, наружу, пузырясь, стала вытесняться вода. Тем временем в горячие угли вокруг понатыкали креветок, забросав сверху сучьями. Через полчаса с них счистили почерневшие раковинки и стали есть мясо с маслом и солью. Найл определил, что никогда прежде не ел такой вкуснотищи, и с жадностью уплел целых две штуки. Где-то через час, когда огонь превратился в тускло горящие угли, клешню выгребли из костра, сгрузили на одея-

ло и отволокли к морю. Вытерпевшая огонь оболочка треснула, едва ее бросили в воду. Найлу удалось отколоть кусочек, чтобы морская вода, проникнув, охладила внутреннюю часть. Когда клешня остыла достаточно, чтобы взять в руки, ее отнесли назад в лагерь, где Симеон расколол панцирь камнем и поделил мясо между едоками. Найл мысленно упрекнул себя, что пожадничал и съел две креветки: мясо омара было ничуть не менее сочным и вкусным, но желудка не хватило и на полпорции. Симеон каждый кусок сглатывал с сосредоточенной решимостью; было видно, что ему доставляет заметное удовольствие поглощать хищную конечность, едва не лишившую его ноги.

Когда закончили завтрак, запив его ароматным отваром из трав, Симеон нашел плоский камень и, орудуя им как молотком, начал один за другим вскрывать серые шипастые шарики. Под оболочкой в них содержался мягкий белый плод с особым терпким запахом, от которого ело глаза. Когда разобрали шарики, всем было велено раздеться донага и натереться с головы до ног. Сок, въедаясь, ощутимо покалывал, а в местах понежнее так и вообще жег. Доггинз, когда ему было велено натереть лысую макушку, скорчил кислую мину.

— А надо?

— Необходимо. Вечер еще не наступит, ты уже спасибо скажешь.

Доггинз, пожав плечами, подчинился.

Симеон отодрал приставший к ноге бинт и выжал сок белого плода на рану, стиснув при этом зубы от боли. Но когда он втер остаток сока в пораненную плоть, а затем вытер рану пучком травы, кровотечение внезапно прекратилось, а рана буквально на глазах затянулась и побледнела; очевидно, сок обладал мощными целебными свойствами.

Манефон поглядел на солнце, стоящее высоко в небесах.

— Ну что, пора трогаться?

Перематывающий рану чистым бинтом Симеон неожиданно покачал головой.

— Нет. Первый урок, который необходимо затвердить в Дельте: никогда не спешить. А теперь послушайте.— Он оглядел всех поочередно.— Это относится ко всем, так что присядьте на минуту и выслушайте. Если хотите выбраться отсюда

живыми, надо обязательно вникнуть и запомнить следующее. Постарайтесь уяснить, что растение никогда не спешит. Ему принадлежит все время, существующее в мире. Поэтому в Дельте, если хотите выжить, постарайтесь уподобиться растению, хотя бы мыслями.

И вот еще что. Вы, может быть, не поверите, но растения способны читать людские мысли. Каким образом? Допустим, когда вы чувствуете себя усталыми и уязвимыми, они знают, что вы устали и уязвимы. Поэтому в Дельте первым делом необходимо затвердить: надо научиться мыслить соответствующим образом. Если этого не получится, есть риск остаться здесь навсегда.

— Но уж «жнецы»-то наверняка помогут нам сладить со здешней нечистью? — спросил Милон.

— Возможно. Но к вашему сведению, Дельта напоминает единый живой организм. Она, судя по всему, ничего не имеет против этого,— он указал на мачете,— но если мы станем прокладывать путь огнем, думаю, ей это не понравится. Я не говорю, что знаю наверняка, но почти уверен, что это именно так.— Он посмотрел на Доггинза.— В этих местах сила ума неизмеримо действеннее, чем сила огня.

— Тебе о Дельте известно гораздо больше, чем любому из нас,— заметил Доггинз.— Поэтому твое дело указывать, а наше — выполнять.

— Возражать не стану. Итак, прежде всего: ветра нет, и шары нам ни к чему. То есть отправляться придется пешим ходом. Дельта из конца в конец составляет миль семьдесят. То, что мы ищем, находится примерно в центре, а я там никогда не был. Единственное, что мне известно, — это насчет места, где должны сливаться две реки. Но лучше всего держаться ближе к холмам, там не так опасно. Чем выше поднимаешься, тем безопаснее. Единственная дополнительная опасность на высоте в полкилометра — это дерево-душегуб.

— Никогда о таком не слышал,— вслух заметил Манефон.

— Ты вообще мало что слышал о деревьях и травах Дельты. Новые виды там, похоже, плодятся с каждым днем, и у них даже нет названий. Дерево-душегуб внешне напоминает другое дерево, которое я называю гадючьей ивой. С нее гирляндами свисают покрытые мхом лианы, и внешне она вполне

безобидна. Но вот лианы дерева-душегуба выжидают, пока ты подберешься к ним вплотную, а затем хватают тебя, будто щупальца. На душегубе растет меньше мха. Вы скоро научитесь распознавать различия.

— Как насчет реки? — задал вопрос Манефон.— По ней можно идти на плоту?

— Пожалуй, да, хотя там полно песчаных банок и заводей с жидкой трясиной. Но помимо прочего, в ней также водятся здоровенные водяные скорпионы, способные перевернуть любую лодку или плот. Да еще и плотоядные стрекозы — мерзкие, челюсти такие, что запросто отхватят руку. Поэтому я считаю, что безопаснее будет держаться ближе к холмам. Еще надо остерегаться крабов-хамелеонов. Они имеют привычку караулить в засаде под листьями болотной орхидеи, а клешни у них ничуть не меньше, чем у омара, которого мы сейчас съели.

— Я так, на всякий случай...— подал голос Уллик,— но не лучше ли будет дождаться спокойного попутного ветра и отправиться на шарах?

— И такое возможно.— Симеон поглядел на Доггинза.— Но ждать придется дни, а то и недели.

Доггинз покачал головой:

— Нет, давайте-ка лучше не будем. Если высиживать здесь, можно в конце концов дождаться смертоносцев.

Симеон солидарно кивнул.

— Согласен. Поэтому остается только решить, что именно взять с собой в дорогу. Всю свою поклажу мы унести не сможем. Нам бы не мешало двигаться налегке и по возможности быстро.

Опорожнили на землю содержимое холщовых мешков. В основном там оказались съестные припасы — по большей части в плотно закрытой деревянной посуде — и целебные снадобья. Были еще мачете с длинными кривыми лезвиями — каждое при ремне — и небольшие, но очень острые тесаки. Помимо того, имелись парусиновые ведра и легкие ранцы.

— Хорошо,— подытожил Доггинз.— Пусть каждый сам решает, сколько и чего ему нести. Но постарайтесь много не набирать.

Найл уложил в ранец несколько лепешек, жбанчик с медом, кусок вяленого мяса и бутылку золотистого вина. Упаковал также бинты и тесак. Балахон с меховой опушкой, в котором добирался сюда, пришлось оставить: для Дельты не годится, слишком теплый. Вместо него облачился в одежду из грубой мешковины. В одном кармане у него лежала раздвижная трубка, в другом — свернутая в цилиндрик тонкая металлическая одежка из Белой башни.

Оставлять мешки на земле было бы опрометчиво: непременно нагрянут любители поживиться. Поэтому мешки крепко завязали, а Уллик, вскарабкавшись с концом веревки на высокое дерево, поочередно втянул их к себе и надежно прихватил к стволу. Во избежание случайностей полотнища шаров, свернув, тоже привязали к нижним сучьям, чтобы не унесло сильным ветром или высоким приливом.

В озерцо с порифидами Найл опустил целую колбу личинок и был отблагодарен таким щедрым «ароматом», что невольно попятился, уяснив, однако, что существа таким образом выражают одобрение. Море было столь безмятежным, а берег мирным и приветливым — с трудом верилось, что они вот-вот вступят в наиопаснейшее из мест.

Когда отправились в путь, солнце близилось к зениту и жара начала угнетать. Вслед за Симеоном они взошли на один из песчаных холмов и ненадолго остановились, озирая под словесные пояснения предводителя очертания Дельты. Несмотря на то что солнце было уже высоко, над серединой низменности одеялом висел туман, сквозь который различались обе реки, идущие с юго-востока и юго-запада, хотя место их слияния было скрыто в космах сельвы. Умещенный меж реками холм был также скрыт туманом. Яркий свет полуденного солнца обнажал прихотливый узор, образуемый различными оттенками зеленого цвета в центральной низменности. Лесистые холмы также красовались узором, но здесь преобладали голубоватые тона.

Симеон указал на восток.

— Попробуем-ка подобраться ближе к вершине холма, где деревья растут не так густо. Там прохладнее и не так опасно.

Манефон кивнул на лесистые холмы к западу:

— Там, по-моему, склоны положе.

— Да, но, двинув туда, придется пересекать реку, а я не хочу рисковать.

Поляну с мечевидными кустами они обогнули; Симеон объяснил, что желает избежать похожей на водокрас растительности из-за ее наркотических свойств. Но не успели пройти и полумили, как впереди открылся роскошный ковер из глянцевитых листьев, устилающий лесистый склон, насколько хватало глаз. Выхода не было — разве что повернуть обратно или на север, к морю, что в конечном итоге вывело бы их на песчаный обрывистый берег, поросший песколюбом.

— Думаю, если идти быстро, то можно рискнуть. Но постараемся придерживаться как можно ближе северного края. Если кого потянет ко сну, сообщать немедленно.

Двинувшись по богатому ковру, напоминающему цветом плющ, они со все возрастающей силой начинали чувствовать мыльный, лекарственный запах; башмаки покрывало белое пенное вещество, испускаемое из сломанных стеблей. Ожидая, что вот-вот начнет одолевать сонливость, Найл несказанно удивился, ощутив, что его, напротив, будто покачивает изнутри от прибывающей энергии. Запах показался настолько привлекательным, что он чуть не соблазнился сунуть палец в пенистый, мыльный раствор и попробовать на вкус, но вовремя сдержался.

Вскоре стало ясно, что этот душевный подъем — не что иное, как возросший контроль над собственным телом; такой вывод он сделал, едва повернул медальон. Рассудок, разом посвежев, ярче впитывал окружающее; тело налилось силой, так что и заплечный мешок, и оттягивающий плечи футляр со «жнецом» перестали вызывать потливость. Очевидно, и другие испытывали примерно то же самое: вон как Уллик тараторит без умолку, приставая ко всем, чтобы оценили красоту цветов, проглядывающих среди глянцевитых листьев.

До подножия холма оставалась примерно миля. Манефон, вытянув руку наискосок, указал на приметную прогалину, где деревья, похоже, были тоньше, — не исключено, что там начиналась идущая вверх тропа.

— Может, разумнее будет пройти верхом, вон там?

Симеон, как ни странно, согласился:

— Да, я думаю, это значительно ближе.

Через пять минут вокруг уже простиралось море листьев, напоминающих лепестки водокраса. Глубоко вздохнув несколько раз, Найл изумился пьянящей медвяности воздуха, от которого в голове мягко плыло и млело сердце. Ощущение было таким приятным, что Найл решил посмотреть, можно ли его усугубить еще и медальоном. Он полез себе под тунику и повернул его выпуклой стороной внутрь.

Эффект заставил поперхнуться: затылок пронзила вопиющая боль и ощущение благополучия кануло так же внезапно, как теряется в тучах солнце. Вес за плечами словно удвоился. Первым желанием было отвернуть медальон, но, не успев еще дотянуться, Найл передумал. С чего бы вдруг медальон разрушает чувство ясности и самообладания, вместо того чтобы их усиливать? Найл сосредоточил ум, отогнав головную боль. От этого стало еще хуже: он начал испытывать головокружение и удушье, ноги сделались как каменные. Соблазн повернуть медальон в прежнее положение стал просто неодолим, рука сама потянулась под тунику. В этот миг необъяснимый импульс упрямства заставил поколебаться; показалось почему-то, что до избавления остается всего ничего, и Найл намеренно пересилил тошноту и удушье. Прошлый опыт подсказывал: перетерпеть тяжесть, и мука исчезнет сама собой.

Все именно так и произошло. Голову сдавило так, что глаза, показалось, сейчас вылезут из орбит; и вдруг разом наступило облегчение. Правда, ноги оставались словно ватные и дышать было все так же трудно.

Найл с замешательством понял, в чем тут дело. Эйфория нагнеталась не дурманом растений, а странной жизненной силой, пронизывающей Дельту. Каким-то неведомым образом растение способно было скапливать и передавать эту энергию, используя свет, отражающийся от глянцевитой поверхности листьев. Сознавая теперь, что именно происходит, Найл мог различать, что их со всех сторон обдает тот же искрящийся энергетический душ, который он наблюдал над цветами за окном у Доггинза. И сейчас они вдыхают эту энергию так же, как дурманящий аромат растения. Поскольку напор энергии был гораздо сильнее, чем аромат, наркотик ни на кого не действовал. Но с чего вдруг растение нейтрализует свой же дурман?

Ответ не заставил себя ждать. Спустя несколько секунд тараторящий без умолку Уллик вдруг осекся на полуслове и,

остановившись, обвел своих товарищей ошалелым взором. Едва Доггинз успел спросить: «В чем дело?» — как он, заведя глаза, свалился к их ногам с побелевшим враз лицом. Найл не мешкая нагнулся и приподнял ему голову. Лицо Уллика уже испачкала молочно-белая пена.

У остальных вид был тоже бледный, усталый. Заметив, что Доггинз часто моргает, с трудом превозмогая осоловелость, Найл понял, что к чему. Просто растение перестало передавать искры жизненной силы, оставив их на милость наркотических паров.

Найл стащил с Уллика заплечный мешок и подал Милону.

— «Жнец» отдай Симеону, а сам неси мешок.— Он повернулся к Манефону.— Помоги-ка поднять. Придется его нести.

У Манефона вид тоже был не ахти какой, но он держался за счет недюжинной физической силы. Не говоря ни слова, он нагнулся, подхватил Уллика под мышки и поднял на ноги. Затем взвалил его обмякшее тело себе на широченное плечо.

— Надо поспешать. Давайте возьмем вон туда.— Он указал в направлении, где лес подступал ближе всего.

Они двинулись полным ходом, топча ломкие стебли. Пробирались тяжело, с одышкой. Впечатление было такое, будто растительность нарочно цеплялась за щиколотки. В глазах переливчато рябило, и вообще самочувствие было как у пьяного, к которому уже подступает похмелье. Вперед гнало единственное желание достичь кромки леса и выбраться из этой льнущей глянцевитой зелени, чей медвяный аромат казался теперь отвратительным.

И тут неожиданно идти стало легче. Оказывается, под ногами был уже упругий дерн, а до деревьев оставалось не больше сотни метров. Найл бросил на землю заплечный мешок, сам сел, стиснув голову между колен. Манефон сронил с плеча Уллика и сам рухнул ничком на траву. Последним из ядовитой зелени выдрался Доггинз; выйдя на дерн, он потерял равновесие и упал на все четыре. Затем высвободился из лямок своего ранца, перевернулся на спину и замер, раскинув руки.

Так они пролежали, вероятно, минут десять, пока не стала досаждать полуденная жара. Тогда Найл кое-как вынудил себя перебраться под сень ближайших деревьев. Вскоре его примеру последовали остальные; Уллика перетащил Манефон,

подхватив под мышки. Найл присмотрел невысокое дерево с гладким серебристым стволом и сел, привалившись к нему спиной. Крона из широких — в ладонь — зеленых и красных листьев затрепетала, словно сквозь них прошел ветер. Закрыв глаза и успокоившись, Найл ощутил бодрящую, живительную свежесть, как если б сидел под брызгами благодатного водопада. Раскрыв глаза, он понял, что дерево способно сеять брызги жизненной энергии, как та дурманящая трава.

Теперь было уже ясно, что это признак опасности: энергия излучается, чтобы они раскисли и в конце концов забылись сном. Настороженный такой догадкой, он стал тщательно следить за происходящим. Ветви дерева из тех, что подлиннее, крадучись, нагибались к земле — страшновато, все равно что следить за осторожными движениями охотящегося животного. Однако палец считай что на спусковом крючке, так что можно еще и чуть повременить, посмотреть, что будет дальше. Ветви клонились все ниже и ниже, почти уже касаясь земли; вокруг образовалось подобие зеленого шалаша, свет через который едва просеивался. И тут Найл почувствовал, как гладкая кора, на которую он облокотился, начала чуть подрагивать, словно пробуждаясь от сна. Рельеф коры менялся на глазах: была гладкой, а тут вдруг стала покрываться мелкими дырочками. Через несколько секунд послышалось негромкое шипение, как при утечке газа, и Найл почуял приятный аромат, от которого по телу прошел благостный трепет. Он словно навевал видения широких травянистых долин, дымчатых холмов. Следом нашла блаженная расслабленность, появился соблазн лечь на траву и заснуть. Но Найл, пересилив себя, сел и на четвереньках выбрался из зеленого шалаша, легко разведя в стороны кончики ветвей. Снаружи, оказалось, действительно ни дать ни взять зеленый шалаш. Узорчатые листья лежали друг на друге внакладку, очевидно чтобы предотвратить утечку наркотического газа. Найл стоял и смотрел, как ветви, медленно размыкаясь, поднимаются с земли. Минут через пять дерево приняло свой прежний вид, выпрямившись как ни в чем не бывало.

Остальные лежали с закрытыми глазами, очевидно вдыхая со сном одурь наркотического растения; сень ветвей над спящими выглядела обнадеживающе спокойно. В голове у Найла мелькнула мысль. Ухватив за запястья Уллика, он поволок его

под дерево с серебристой кроной. Он опер его спиной о ствол, а сам сел рядом. Ветви встрепенулись, и через несколько секунд облако живительной энергии облекло их, словно искристая водяная пыль. Уллик пошевелился и открыл глаза. Некоторое время взгляд его блуждал, наконец он с блаженной улыбкой возвел глаза на Найла.

— Как я сюда попал? — с веселым недоумением спросил он.

— Тебя притащил Манефон.

— Вот молодчина.— Голос Уллика звучал вполне нормально.

Пока Найл объяснял, ствол начал уже испускать дурманящий газ, а ветви склонились к земле. Уллик был так увлечен, что ничего не заметил. Когда Найл обратил его внимание, что они упрятаны под зеленый ствол, он огляделся с некоторым удивлением.

— Что оно задумало?

— Наверное, слопать нас. Можешь оставаться и выяснить досконально, если желаешь.

Когда выбирались из-под ветвей на дневной свет, Найл успел заметить, что взгляд у Уллика ожил и бледность сошла с лица. Сам он окончательно избавился от томной вялости — вообще чувствовал себя так, будто только что пробудился от долгого освежающего сна.

Он подошел и растолкал Симеона. Лицо у него было землисто-серым, отчего резче выделялись морщины. Попытавшись сесть, тот застонал.

— Как тебе это дерево? — указав, спросил его Найл.

— Никак. А что?

Взгляд у Симеона был квелый, равнодушный. Найл рассказал о том, что произошло.

— И с тобой ничего, все нормально?

— Абсолютно. Единственно, надо выбираться из-под ветвей до того, как оно начнет усыплять. Ты попробуй.

Симеон не стал противиться, когда ему помогли подняться на ноги, по дороге к дереву его приходилось поддерживать. Через несколько секунд их уже обливал душ бодрящей животворной силы. Симеон протяжно вздохнул и, откинувшись головой на ствол, задышал глубоко и мирно. К тому времени как ветви склонились к земле, он спал. Но лицо уже не было таким изнуренным.

Уллик потряс его за руку:

— Пойдем, пора выбираться!

Симеон, вздрогнув, очнулся и без особой охоты последовал за ними наружу; выбравшись, с зачарованным видом остановился и наблюдал, как медленно расправляются ветви. В их движении было что-то гипнотическое — плавное, неспешное, сразу и не углядишь.

— Но для чего это ему? — спросил Уллик.

— Вот тебе и ответ.

Симеон зажал между пальцами кончик ветки. Кончик был упруго податлив, а оканчивался тугой шишечкой. Когда Симеон ее сжал, шишечка открылась, образовав крохотный круглый зев.

— Это, видно, кровосос.— Он печально покачал головой.— Какая жалость. Такая красота и вместе с тем такое коварство.

— Что там еще? — донесся голос Манефона. Он сидел с разбитым видом, сжав голову ладонями.

— Насколько мне известно, у него нет названия.

— Назвать бы его иудиным деревом,— заметил Уллик.

Симеон угрюмо хмыкнул.

— Это относится практически к любому порождению Дельты.— Он нагнулся и потряс Доггинза.— Проснись! Нам надо кое-что тебе сообщить.

Найл стоял и со стороны наблюдал, как Манефон, Доггинз и Милон (к ним не преминули прибиться и Уллик с Симеоном) приходят в себя под живительным душем энергии иудина дерева. Сам он не испытывал желания снова лезть под крону — так же бессмысленно, как набивать пищей сытый желудок. Загадочная сила Дельты заряжала лишь до определенного уровня; сверх этого заботиться о себе приходилось уже самому.

Солнце начинало постепенно клониться к западу; судя по всему, примерно четвертый час пополудни. Когда начали надевать мешки, Симеон сказал:

— Прежде чем идти дальше, надо определиться. Вы уже поняли, что представляет собой Дельта. Стоит ли на самом деле продираться сквозь седьву? Может, разумнее будет вернуться в лагерь и дождаться для шаров попутного ветра?

— Я за то, чтобы идти! — вклинился Уллик.

Симеон оставил его слова без внимания, взгляд был устремлен на Доггинза. Тот хмурился, закусив губу.

— Ты считаешь, может статься, что в какой-то момент нам «жнецы» не помогут?

Симеон пожал плечами.

— Кто его знает. В общем-то, трудно такое представить.— Он сопроводил слова медленным кивком.

— Вот именно. В таком случае, полагаю, надо идти дальше.— Он огляделся.— У кого какое мнение?

— Идем дальше! — в один голос сказали Манефон, Уллик и Милон.

— Найл!

— Мне кажется,— сказал Найл,— сейчас лучше вернуться, а завтра выйти с рассветом.

— Симеон!

— Я согласен с Найлом.

— Двое против четверых,— подытожил Догтинз.— Так что идем дальше.

— Очень хорошо,— чуть пригнул голову Симеон. Но было заметно, что решение его беспокоит.

Теперь первыми по тропе, ведущей на холм, шагали Догтинз и Милон. Шипастая поросль росла густо, но деревья отстояли друг от друга, поэтому пускать в ход мачете приходилось редко. Склон был крутой. Благо тень от деревьев смиряла несносную жару — где-то после часа ходьбы стало ощутимо прохладнее. Невольно бросалась в глаза перемена в характере растительности. У подножия холма наблюдалось удивительное разнообразие; на первый взгляд казалось, что там вообще нет двух похожих растений. Найл также обратил внимание, что деревья словно сознают присутствие людей: стволы тихонько, но вполне заметно подергиваются, когда они проходят мимо, а ветви нервно шевелятся, как на слабом ветру. Пока взбирались, разнообразия поубавилось, а стволы стали толще, кряжистее. Подлесок в целом смотрелся обычно, как и на других участках; контраст создавался исполинскими стволами-колоннами, подпирающими небо.

Через пару часов после того, как вышли из низины, путники остановились на поляне, с которой открывался вид на западные холмы. Они находились на вершине холмистой гряды — мили две из конца в конец,— обжимающей тропу справа. Деревья здесь были тоньше, и по тропе на этом участке, видимо, часто хаживали животные. Попив воды из ручейка, после ко-

роткого привала отряд пустился по тропе. Более получаса на пути не встречалось ничего, что б таило хотя бы намек на опасность. Временами над головой принимались кружить здоровенные москиты или комары, но, похоже, их отпугивал сок, которым люди натерлись.

— На ночь приткнемся здесь? — задал вопрос Уллик.

— Пожалуй, да,— кивнул Доггинз.

— Эх, сейчас бы сюда одно из тех иудиных деревьев!

— На такой высоте они не растут.

Они продвинулись еще на сотню метров, наслаждаясь ощущением ходьбы по ровной земле.

— Хо-хо, не может быть! — вдруг обрадованно воскликнул Уллик.

— Ты о чем? — удивился Доггинз.

— Ты говорил, слишком высоко. Вон, смотри!

Он указал на неглубокую лощину, умещенную на восточном склоне холма. Меж деревьев стелилась сочно-зеленая трава, вся в ярко-голубых брызгах похожих на маргаритки цветов. Примерно в центре росло дерево, тоже с серебристой корой и широкими листьями.

— Может, попробуем? — повернулся Уллик к Доггинзу.

Доггинзу явно не хотелось сбиваться с темпа, но два часа непрерывного подъема тоже давали о себе знать, ноги сводило. Он пожал плечами:

— Смотри, как знаешь.

Уллик, довольно хохотнув, сбросил на землю заплечный мешок и игриво дернул за тунику Найла:

— Оглянуться не успеете, я уже нагоню.

От того, что произошло следом, все остолбенели. Уллик бежал по поляне к дереву, как ребенок на речку. Местность была ровной и великолепно просматривалась на полсотни метров в любую сторону. И вдруг, с потрясающей быстротой прянув из-под земли, Уллика всосало в себя что-то черное. На миг показалось, что это какой-то огромный черный цветок с зевом-раструбом, но тут из зева прорезались извивающиеся щупальца и стали затягиваться вокруг рук и шеи отчаянно бьющегося и вопящего Уллика.

Первым спохватился Доггинз; сорвав прилаженный сверху к мешку «жнец», он навел его на цветок. Симеон резко пригнул ствол оружия книзу:

— Ты что, погубишь парня!

От воплей Уллика мороз шел по коже. Но вот юноша смолк: черное щупальце, обвив голову, закрыло рот.

— Господи, что это? — потрясенно спросил Доггинз.

— Земляной фунгус.— Симеон спешно высвобождал из ножен мачете.— Убить его можно, только когда перережешь корни.

Он помчался через поляну, Манефон за ним. У Уллика снаружи оставалась только голова; туловище исчезло в черном коконе, уходящем нижним концом в землю. Юноша по-прежнему отчаянно бился. Манефон занес над головой мачете и со всей силой рубанул по месту, где фунгус врастал в землю. Плоть, судя по всему, была упруга, как резина. Манефон с Симеоном, чередуясь, наносили частые удары, в то время как фунгус хлопотливо пытался скрыться назад под землю. Каждый удар требовал расчетливости: не покалечить бы Уллика. Манефон, отбросив мачете, обхватил фунгус руками; щупальца не замедлили схватить его за шею. Симеон взялся оттаскивать Манефона и угодил в щупальца сам. У фунгуса, похоже, был добавочный ряд щупалец — ниже, возле самой земли,— ими он обжал Манефону ноги.

Со «жнецом» наперевес подскочил Милон. Он подобрался к тяжело содрогающемуся фунгусу с другого конца, чтобы не задеть Манефона с Симеоном, и тщательно навел «жнец» на землю. На ярком солнечном свету луч был едва различим, но вот влажная земля зашипела и послала вверх облако пара. Милон медленно повел «жнецом» из стороны в сторону, и борьба внезапно прекратилась. Большой черный кокон, враз ослабев, завалился набок, прихватив с собой Манефона с Симеоном. Милон выволакивал Уллика на траву; срезанный под корень фунгус стелился следом.

— Ты как, ничего? — окликнул Доггинз.

Уллик кивнул и тут, поперхнувшись, начал неудержимо блевать. Подоспевший Найл заглянул в зев фунгуса. Черная, жирно лоснящаяся масса, напоминающая формой огромного слизня, все еще судорожно сокращалась. От нее разило типичным для Дельты зловонием. Нижний конец кокона, все еще шевелящийся, оставлял на траве сгустки зеленоватой слизи, но опасности уже не представлял.

Уллик, минут десять полежав на траве вниз лицом, нашел в себе силы подняться. Медленным, нетвердым шагом он сту-

пил под крону иудина дерева и сел, откинувшись спиной на ствол, прикрыв глаза. Через пару минут снова их открыл.

— Что-то не действует.

Найл взглянул вверх, на ветви; действительно, ни шороха.

— Наверное, температура здесь слишком низкая.

Симеон покачал головой.

— Если б так, дерево бы здесь не росло. Изголодалось бы и зачахло.— Пробравшись к Уллику и опустившись рядом, он брезгливо сморщился.— Помыться б тебе как следует, парень.— И тут же, с просветленным видом: — Ну конечно! Станет оно на тебя набрасываться: ты же весь в этой гадости!

— Там внизу ручей! — послышался голос Милона.

С его помощью Уллик шаткой поступью пустился по склону. Стянув с себя одежду, он кинулся в воду, доходящую до пояса. Когда минут через пять выбрался на берег, Милон вручил ему свежую тунику, которую хранил про запас; она была желтая и вызывающе яркая, но все же выгодно отличалась от прежнего одеяния, которое начинало уже отвердевать от вязкой слизи. Когда Уллик уселся под иудино дерево во второй раз, ветви чуть содрогнулись и начали медленно клониться.

Тогда под крону к Уллику забрались все остальные, и Найл вновь ощутил нечто прекрасное, свежащее. Но, почуяв пряный запах неизвестного газа, Найл открыл глаза и обнаружил, что ветви уже касаются земли. Он потряс за плечо Доггинза, сидящего возле.

— Пора выбираться, пока нас не проглотили.

Люди с неохотой выбрались из зеленого шатра. Некоторые из ветвей сделали вялую попытку пристать к коже, но их легко отмахнули в сторону. Дерево, очевидно, промышляло тем, что вводило добычу в полное оцепенение, после чего та теряла способность сопротивляться.

Усталость исчезла, но мышцы ног болели после долгого подъема.

— У тебя хватает сил идти дальше? — озабоченно спросил Найл Уллика.

— Похоже, да,— неохотно, тихим голосом отозвался тот.

— Через пару часов стемнеет,— заметил Симеон.— Пора бы уже подыскивать место под ночлег.

Взгромоздив на спины мешки, маленький отряд тронулся дальше по холмистой гряде. Шли, не отрывая взгляда от пет-

ляющей впереди тропы: у каждого перед глазами стоял потрясший воображение черный фунгус. Когда прошли еще с полмили, Симеон остановился и указал на травянистую проплешину на склоне очередной ложбины:

— Глянь-ка, вон еще один.

Сначала они не поняли, о чем он. Затем Найл не без труда, но различил размытое землистое пятно среди синих брызг маргариток.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Вглядись как следует.

Осторожно, бочком они подобрались ближе. Доггинз держал наготове «жнец». Содрогнувшись от ужаса, Найл понял, что за ними следят: то, что казалось белесоватыми пятнышками, на самом деле было глазами, напряженно сужающимися по мере того, как они приближались.

Доггинз с отвращением сплюнул.

— Порешу его.

Тонкий стеклянистый прутик призрачного пламени аккуратно чиркнул по землянистому пятну. Раздалось едкое шипение, как при утечке газа. Все инстинктивно отпрянули назад одновременно с тем, как фунгус, взмахнув щупальцами, вырвался из-под земли. В нос ударил несносный смрад. Луч «жнеца», распластав тварь надвое, лишь усилил зловоние. Люди поспешили прочь, горелая плоть существа вызывала тошноту.

— Стойте! — рявкнул вдруг Симеон. Все застыли как вкопанные.— Вы же несетесь, не глядя под ноги! А если бы одно из этих созданий караулило на дороге? Или жить надоело?

Он гневно сверкнул глазами на Доггинза:

— Стрелять нужно только тогда, когда уже явно нет иного выхода!

Доггинз чуть потупился, сознавая вину.

— Извиняюсь. Я просто думал, земле будет легче, если одним таким гадом меньше будет.

Симеон пожал плечами.

— Это ты так решил. И решение твое нельзя назвать правильным, если оно лишает нас рассудка и осторожности. Впредь давайте двигаться без суеты и внимательно следить за дорогой.

Дневной свет начинал уже таять. Когда через полчаса выбрались на другую поляну, оказалось, что солнце уже коснулось вершин западных холмов.

Уллик прислонился спиной к дереву.

— Нам еще долго идти? Я очень устал.

Лицо у него было бледным, на лбу испарина.

Догтинз поглядел на Симеона.

— Что скажешь? Мы можем разбить лагерь прямо здесь?

Симеон пристально оглядел землю.

— Думаю, здесь безопасно.

Все с облегчением поскидывали мешки на траву. Уллик лег на спину и закрыл глаза; минуты не прошло, как он уже спал. Пока Манефон ходил за водой, Найл с Милоном собирали в подлеске хворост. Оба не расставались со «жнецами», но все обошлось без непредвиденных стычек. Найл набрел на кустик земляники. Ягоды еще не совсем созрели, но вкус все равно отменный. Через полчаса они сидели в сгущающихся сумерках вокруг костра, вволю насыщаясь мясом омара (Симеон предусмотрительно упаковал все, что осталось от завтрака), козьим сыром, хрустящими сухарями с маслом и дикой лесной земляникой. Утолили голод, и сразу стало как-то уютнее, а высадка в Дельту опять стала восприниматься как некое захватывающее приключение; перестала чувствоваться неотступная немая угроза. Если соблюдать разумную осторожность, то бояться им, разумеется, нечего. Тем не менее, поглядывая время от времени на разметавшегося в сонном забытьи Уллика, Найл испытывал беспокойство. Лицо у спящего было необычайно бледным, и дыхание угадывалось с трудом. Когда Милон, разбудив, позвал Уллика ужинать, тот открыл глаза, улыбнулся и покачал головой. После этого Найл украдкой стал замечать, что и Симеон временами поглядывает на лицо спящего, и в душу вкралось нехорошее предчувствие.

Когда сумерки остыли в ночь, Милон подбросил в костер побольше хвороста; вскоре поляна осветилась зыбким трепещущим светом языков огня. Найл зевнул и стал подумывать, как бы под благовидным предлогом нырнуть под одеяло.

Внезапно, фыркнув в воздухе, что-то стремглав вылетело из темноты и, стукнув Найла по затылку, отлетело в костер. Все повскакали на ноги. Это был яркий мотылек с почти метровым размахом крыльев. Подпалившись, он упал в костер и стал исступленно там биться, взметая остатками крыльев снопы искр и пепла. Манефон, схватив попавший под руку сук,

прибил мотылька к земле, затем прикончил одним ударом. Но рассиживаться вблизи огня уже не рисковали: из темноты выпорхнуло еще двое мотыльков и — прямиком в костер. Сил у насекомых хватало, чтобы расшвырять тлеющие кусочки дерева по всей поляне. Судя по доносящемуся из темени хлопанью, насекомых в воздухе прибавилось. Впрочем, костер теперь превратился в груду дотлевающих углей и горячего пепла, так что света для мотыльков было уже недостаточно. Поэтому путешественники лежали в темноте, все еще хранящей запах дыма и жженой материи (отдельные угольки попали на одеяла), и неспешно вели разговор о планах на завтра и о том, как жуки и пауки воспримут их исчезновение. Найл опять расстелил на траве вместо тюфяка металлическую одежку и завернулся в два одеяла; запасную тунику из заплечного мешка он подоткнул под голову. Беседа незаметно угасла, кто-то начал уже тихонько похрапывать.

Найл погружался в сон, когда его разбудил голос Милона.

— Симеон,— тихо позвал тот.

Ответа не послышалось: как раз Симеон-то и храпел.

— Чего там? — спросил из темноты голос Доггинза.

— Кажется, Уллик не дышит.

Все проснулись. Манефон, повозившись, высек кресалом огонь. Найл к этому времени, положив ладонь парню на лоб, уже понял, что Милон прав: Уллик холоден и неподвижен. Отсвет огня показал, что лицо у него было как мрамор. Сердце у Найла заныло от горестного, беспомощного чувства.

— Отчего помер? — недоумевал Симеон.

Напряженно щурясь в колеблющемся свете горящего трута, он оглядел обнаженные руки Уллика, затем ноги. Когда огонек высветил колено, Симеон воскликнул:

— Вот где причина!

Правое колено опухло и выглядело так, будто на нем набряк синяк. Вглядевшись пристальнее, Найл в центре опухоли различил небольшой порез.

— У чертовой твари, наверное, имелось жало. Мне все казалось, что парень прихрамывает...

Возиться в кромешной тьме было делом бесполезным. Тело Уллика накрыли одеялом и придвинули ближе к дотлевающим углям, словно тепло могло его оживить. Затем все опять

улеглись. Вокруг царили покой и темнота, но Найл догадывался, что Милон плачет.

Он лежал без сна, глядя в беспросветно темное небо. Всякое желание спать пропало. В эту минуту, впервые с той поры, как оставили город жуков, он задал себе вопрос: куда, к чему они идут? Смерть потрясала. Маркус, Йорг, Киприан, теперь вот Уллик. Все существо Найла мучительно содрогалось от жалости и негодования. Нечего твердить, что эти жизни отданы в борьбе за великое дело. Гибель этих парней казалась просто нелепой ошибкой.

Где-то вдалеке послышался крик ночного животного; массивное тело с треском продиралось через подлесок. Он осторожно вытянул руку, убедиться, что «жнец» рядом, и почувствовал себя спокойнее, когда пальцы сомкнулись на стыке ствола и приклада. Затем перед глазами возник образ Доггинза, срезающего земляной фунгус, и как-то разом стало ясно, что именно сосет душу. Найл пережил странное смешение стыда и восторга, впервые взяв в руки «жнец». Восторг исходил от сознания силы. Но это была неправедная сила.

На миг это озарение смутило. В конце концов, фунгус был жутким и опасным созданием; никто не посмеет обвинить Доггинза за то, что он его уничтожил. Тем не менее убивать его не было необходимости. Доггинз уничтожил это существо потому, что оно вызывало у него страх и неприязнь. Он убил живое существо, чтобы изгнать свой страх, вместо того чтобы одолеть его за счет ума.

Упершаяся в бедро складная трубка вызвала воспоминание о Белой башне. Найл будто заново услышал слова Стигмастера. Они звучали так отчетливо, будто их действительно нашептывали на ухо: «Я желаю знать, почему ты считаешь, что жизни заслуживают не пауки, а именно человек. Он что, настолько уж лучше?»

Стиг угодил в самую точку. Какое право имеет человек оспаривать господство пауков? Вся история человечества — свидетельство, что оно не годится на роль властителя Земли. Чего бы человек ни добивался, он никогда не был счастлив. К поре исхода с Земли в систему альфы Центавра он уже доказал собственную несостоятельность.

Вдруг это и есть ответ на загадку Стига — на вопрос, почему он не может помочь Найлу одолеть пауков? Сердце от такой мысли сжалось. Тем не менее чем дольше раздумывал, тем вернее она казалась. Вспомнились клейковидные мушки — как Доггинз из озорства загонял их до смерти,— и стало совестно. А едва вспомнил, как сам с вожделением наводил «жнец» на пауков и нажимал на спуск, так понял, что и сам ничуть не лучше.

Возникало пугающее ощущение, что он как бы соскальзывает вниз с высокой горы. Найл чувствовал смятение и странную уязвимость. Еще каких-то пару минут назад цель была предельно ясна: помочь человечеству освободиться от владычества пауков. И тут вдруг сама суть дела оказалась под большим вопросом.

Кто-то начал похрапывать — похоже, Доггинз,— и на Найла это почему-то подействовало успокаивающе. Он словно возвратился назад в повседневность. Мелькнула мысль, что отчаяние — это своего рода ошибка, краткосрочный душевный разлад. Затем ум возвратился к стержневой мысли: кто же все-таки может претендовать на господство в мире — люди или пауки,— подумал, и опять потащило вниз с горы.

Пальцы потянулись было к медальону, но — стоп. При чем здесь, в сущности, медальон, если все равно нет желания сосредоточиваться? Затем, словно бросая вызов полонящей ум безнадежности, он повернул выпуклую часть. По мозгам словно кулаком грохнуло, и уныния как не бывало. Вместо этого вновь появилось ощущение силы и собственности. Краткий миг озарения принес ответ. Человеческая цивилизация не состоялась, потому что человек упрочился в материальном мире, не достигнув власти над собственным умом. Но это не значит, что он не имеет права быть хозяином Земли, поскольку и пауки тоже не властны над собой — тому свидетельством их жестокость и тупость, удовольствие от помыкания другими. Человек, по крайней мере, способен иной раз сознавать, что ум у него еще далек от совершенства, и не приходит от этого в ярость. Хотя бы в этом отношении он, пожалуй, превосходит пауков...

Небо над головой чуть посветлело, на фоне густо-синей пустоты видны черные купола деревьев. За деревьями всходи-

ла луна. Ее еще не было видно, но свет отражался от кочующего в вышине одинокого облака. Чувствовалось, как свет просачивается и в его, Найла, внутренний простор. Источник света был пока неведом, но само ощущение, что он присутствует, привносило уют и успокоение.

Едва начало возвращаться сознание, как он почувствовал вибрацию Дельты. Теперь она уже напоминала не дыхание крупного животного — скорее отдаленный гул какой-нибудь гигантской машины.

Небо над верхушками восточных деревьев постепенно светлело; болотистая низменность, наверное, была уже освещена лучами восходящего солнца. Найла заинтриговала догадка. Если сила откликается рассвету, то, должно быть, она таким образом пробуждается навстречу дню, подобно какому-нибудь исполинскому растению или животному. Рассудок все еще блуждал между сном и бодрствованием — состояние самое благоприятное для погружения в углубленное созерцание. Едва погрузившись, Найл осознал присутствие исполинов деревьев и понял, что они тоже пробуждаются. Стало вдруг ясно, отчего они такие высокие. Подземная сила вызволяла их из смутного, дремотного растительного сознания, придавая дополнительные силы. Но поскольку температура здесь была слишком низка, чтобы скапливать энергию и вынашивать, той силе оставалось лишь выходить вверх к небу.

Вибрация пронизывала и Найла, заряжая своеобразной бодростью. Тем не менее он не испытывал особого желания ею проникаться: поддаться значило бы добровольно перейти на иной, более низкий уровень интеллекта. Человеческое естество в своем развитии ушло уже на новый, более тонкий ритм вибрации, и, хотя тело отзывалось на бодрящее присутствие здешней силы, ум находил ее несколько примитивной, не приносящей истинного удовольствия. Она же, кстати, придавала и уверенности в себе, поскольку наводила на мысль: человек способен самостоятельно регулировать свою мысленную вибрацию.

Остальные еще спали. Найл прихватил «жнец» и отправился по косогору вниз к ручью. На этом участке глубины в нем было чуть выше колена. Найл стянул с себя тунику и, войдя в воду, сел, ощущая неизменный восторг жителя пустыни при виде

такого обилия воды. И, глядя в прозрачную воду, отражающую светлеющее небо, невольно забылся — представилось почему-то, что он снова сидит в неглубоком ручье в стране муравьев. Наваждение длилось лишь долю секунды, но преисполнило странной безудержной радостью. И, плеща на себя пригоршнями воду, он уловил тому причину. Словно некая дверь приоткрылась, в проеме которой мелькнула небольшая страна чудес — мир свой, сокровенный, внутренний. В этот миг он понял, почему вибрация Дельты, пронизывая, все же не действует. Это оттого, что внутри он уже наделен неисчерпаемым источником радости, действенность которого значительно выше, чем у подземной силы Дельты. В отличие от деревьев жизнь Найла не привязана к сиюминутному; всякая радость, которую он когда-либо испытывал, тщательно сохранялась в его сокровенной стране чудес, готовно ожидая, когда ей дадут вызволиться во всей былой силе и насыщенности. Он осознал, что в отличие от растений и животных человек не раб, а хозяин времени.

Натягивая тунику на мокрое тело, Найл безразличен был к холоду; более того, ощущать дискомфорт было даже как-то забавно и приятно. Возвращаясь к стоянке, «жнец» он нес стволом вниз, придерживая за дужку предохранителя. Интуиция подсказывала, что в таком состоянии ему нечего ждать опасности от какого-либо случайного инцидента.

Симеон уже встал и зашивал в одеяло тело Уллика. Проснулся Манефон. Потянувшись, зевнул и огляделся с блаженной улыбкой.

— В этом месте постоянно чувствуешь чертовский голод. Я б сейчас слона проглотил, стоит только зажарить.

— Жарить у нас времени нет,— сухо сказал Симеон.— Впереди длинный день. Ты умеешь лазить по деревьям?

Манефон неуверенно поглядел на уходящие вверх сорокаметровые столпы.

— В общем-то, да, а что?

— Мне кажется, Уллика нам надо не закопать, а оставить на дереве. В этой земле он долго не пролежит. А если на дереве, то можно будет на обратном пути прихватить и схоронить беднягу дома.

Скинув с себя одеяло, сел разбуженный голосами Милон. Вид бледный, разбитый — видно, что спал очень плохо. Подойдя первым делом к Уллику, он прикоснулся ладонью к его щеке.

— Он точно умер?

— Точнее не бывает. Видишь, твердый, как дерево.

Милон сверху вниз смотрел на лицо друга пустым, остановившимся взором; в душе, видно, мало что осталось — все выплакал.

Они позавтракали вяленым мясом с сухарями, запив пищу холодной водой. Разводить костер не было времени. Все чувствовали, что надо поторапливаться, и спешили поскорее управиться с завтраком. Милон закончил первым и вынул из заплечного мешка моток тонкой веревки. К одному ее концу он привязал увесистое горелое полено, оставшееся от костра. Размахнувшись, что было силы швырнул его вверх, в сторону одного из нижних сучьев дерева — толстенного, вдесятером не обхватишь. Полено, не долетев, упало — едва не на голову Милону. За дело взялся Манефон. Полено по дуге взвилось в воздух, волоча следом веревку, и упало обратно, перелетев-таки через сук. Мотка веревки вполне хватило. Прочно ухватив оба конца в лапищи, Манефон полез вверх и там взгромоздился на сук. Немое тело Уллика, зашитое в одеяло-саван, качнувшись, поплыло вверх. Используя запас веревки, Манефон прочно привязал тело к суку и опустился на землю. С минуту постояли, молча глядя вверх и прощаясь с товарищем; затем Доггинз, все так же храня молчание, первым пошагал назад к тропе.

Следующие два часа путешественники шагали не останавливаясь, пока гребень постепенно не снизился в поросшую лесом лощину, став сравнительно пологим. Отсюда открывался вид на центральную часть Дельты с ее изжелта-зелеными зарослями, среди которых местами различались проблески реки. Милях в десяти к югу должно было находиться слияние двух рек, а над умещенной меж ними плоской болотистой низиной выдавался поросший лесом холм. С этого расстояния создавалась видимость, что его будто бы венчает некое сооружение, похожее на башню.

Встал выбор: спускаться ли сейчас вниз, в самые заросли, или же так и идти верхом, огибая местность по кривой, благо с гребня еще не сошли. Поскольку перед выходом условились, что первым делом надо будет добраться до слияния двух рек, то решили не менять взятого курса и продолжать идти верхом, спуск в заросли откладывая до последнего. Потому, на-

спех освежившись в сбегающем вниз быстром ручье, двинулись по травянистому склону вверх, к ближайшей прогалине между деревьями.

Не добравшись еще до верха, Найл обратил внимание, что характер растительности сменился. Трава по эту сторону ручья стала толще, небрежнее. Когда, случайно запнувшись, он зарылся в нее руками, возникло любопытное ощущение: травинки, будто живые, попытались увильнуть из-под ладоней. На ощупь они были толстыми и влажными — казалось, что сжимаешь пальцами пригоршню тонких зеленых щупалец. Попытался сорвать одну — та, странным образом отвердев, не далась.

Когда подошли ближе, стало видно, что изменился и характер деревьев. Теперь это была скорее не дубрава, а тропический лес. Стволы черные, поверхность у многих чешуйчатая, как кожа у рептилий. Иные широки у основания, а возле нижних сучьев значительно уже да вдобавок еще и искривлены, словно некая исполинская рука, схватив, пыталась вывернуть их из земли. В сравнении с деревьями на той стороне долины у них было бесспорно больше сходства с живыми существами; их корни будто силились выдраться наружу из почвы. Некоторые откровенно напоминали дыбящихся пауков — не очень приятное сравнение. Стоило ступить под их сень, как возникло чувство, что за тобой наблюдают, будто на ветвях крепились невидимые глаза.

Земля под ногами была покрыта кустами и ползучими побегами, среди которых тут и там проглядывали экзотические цветы. Доггинз окинул поросль подозрительным взором.

— Здесь безопасно? — спросил он у Симеона.

— На такой высоте — да. За исключением разве вон того.— Он указал через поляну на броский, привлекательный розовый цветок, возвышающийся над путаницей ползучих побегов. Затем повернулся к Манефону: — Дай-ка на минуту свое мачете.

Взяв в каждую руку по мачете, он через поляну приблизился к цветку; в целом растение было шириной около метра. Необычной формы лепестки вполне бы сошли за паруса небольшой лодки, вместе с тем растение выглядело достаточно безобидно. Симеон протянул левую руку и лезвием мачете коснулся

цветка. Тот неожиданно сомкнулся вокруг лезвия и выдернул мачете из руки. Симеон, размахнувшись, сплеча рубанул другим мачете, смахнув цветок с крепкой зеленой шеи. Обезглавленная, та стала по-змеиному извиваться, и, удивительно, из нее фонтаном хлестнула красная, похожая на кровь жидкость. Розовый цветок, так и не выпустив мачете, шлепнулся на спутанные у основания стебля побеги. Симеон нагнулся и потянул мачете за рукоятку. Стоило ему это сделать, как побеги вдруг пружинисто распрямились и схватили его за кисть и предплечье. Симеон наотмашь рубанул по ним мачете, что в правой руке. Прорубить в целом удалось, но не успел он и этого, как вокруг голени уже обвился толстый — с ручищу Манефона — побег, взявшийся откуда-то снизу.

— А ну, поднавались! — позвал Симеон, обернувшись. И тут его дернуло так, что он, испуганно вякнув, потерял равновесие, а толстый побег стал подтаскивать его к листьям.

Через секунду подоспели остальные и сообща стали яростно сечь побеги. Найл обратил внимание, что Симеона атакует еще и обезглавленный стебель, продевшись под мышкой и силясь затянуть в гущу широких листьев; Найл отсек его одним ударом. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Симеона удалось вызволить окончательно. Он, тяжело отдуваясь, поднялся на ноги и с угрюмой ухмылкой оглянулся на обезглавленное растение.

— Вот вам еще один урок о вреде бестолковой бравады. Когда я был здесь последний раз пять лет назад, с этими бестиями сладить было гораздо проще. Теперь они, смотрю, стали гораздо коварнее.— Он огляделся.— Да, в Дельте ничто не остается неизменным.

Он стер со щеки брызги кроваво-красного сока, поглядел задумчиво на измазанные пальцы, затем нюхнул. Розовый цветок лежал, все еще сжимая мачете. Симеон высвободил лезвие, оторвал попутно один из лепестков. Его он тоже понюхал, затем надкусил краешек.

— Смотри отравишься,— осторожно заметил Доггинз.

— Едва ли. У этого создания уже есть вполне надежная система защиты.— Откусив лепесток, мелко его пожевал.— Ммм. На-ка, попробуй.

Он протянул кусочек Доггинзу; тот покачал головой.

Найл, в отличие от него, решился и осторожно надкусил упругую нежную плоть. Вкус оказался удивительно приятный. Лепесток был мясистый, хрусткий, сочный и напоминал по вкусу золотистое вино. Он оторвал еще один лепесток и предложил его Милону:

— Попробуй. Просто прелесть.

Вскоре даже Доггинз, одолев подозрительность, нажевывал с видимым удовольствием.

— Это, ясное дело, приманка,— рассказывал Симеон.— Цветок здесь для того, чтобы завлекать насекомых, а затем их поедать.— Он указал на обрубленный змеевидный побег, лежащий в ногах.— А это, очевидно, чтобы улавливать животных покрупнее.

— Как раз животные нам здесь не попадались,— заметил Милон.

— Еще встретишься.

— Их в этих местах, я понимаю, не так уж и много, при всех здешних растениях-хищниках,— предположил Манефон.

Симеон покачал головой.

— Твоя правда, если б Дельта хоть чем-то была схожа со всеми другими местами на планете. Но она своего рода кипящий эволюционный котел.— Он показал жестом вокруг себя.— Все, что вокруг,— сплошной эксперимент. Если какое-то создание не в силах выжить, оно попросту сминается и вместо него вылепливается что-нибудь другое. Так что это неустанный коловорот все новых форм жизни.

Плоть розового цветка великолепно усваивалась желудком. Вдобавок она, похоже, содержала какой-то тонизирующий фермент, создающий приятную, согревающую эйфорию. Когда двинулись дальше, каждый чувствовал себя бодрее и увереннее. Над землей во множестве торчали разные кусты, цветы и побеги, но не представляли для продвижения существенного препятствия. Растительность под ногами сочно похрустывала, запах поднимался сладковатый, пряный, чем-то напоминающий запах роз. Имея за плечами опыт вчерашнего дня, Найл постоянно был начеку, а когда специально расслабился, стало ясно, что окружающая растительность не пытается навязывать вибрацию Дельты, а значит, не таит в себе каверзных подвохов. Однако удерживать себя в состоянии расслабленности оказа-

лось непросто; все, мимо чего ни проходили, сочилось своим особым типом сознания — от дремотного благодушия гигантских орхидей, чьей единственной целью было заманивать пчел, чтобы осеменяли пыльцу, до злобной немой угрозы деревьев-душегубов, свисающие лианы которых зловеще подергивались от жуткого желания хватать и удушать. Сперва Найла полонило веселое любопытство: еще бы, такое множество типов сознания, среди которых его собственное — узкое, человечье — всего лишь одно из многих; однако уже через полчаса он пресытился от новых впечатлений и испытал облегчение, когда мысли возвратились в свое обычное, ограниченное привычными рамками состояние.

Не вызывало сомнений, что тропа, по которой они ступают, проделана животными или, может, одним животным, крупным; встречались места, где деревья были частично вывернуты, а поросль поменьше просто сплющена. Миль через пять-шесть тропа пошла вниз, и почувствовалось, что температура повышается. Стало слышно немолчное слабое зудение насекомых, растительность пошла гуще. Внезапно Манефону обвился вокруг лодыжки толстый пурпурный побег и, когда тот одним ударом его отсек, завозился, заизвивался, как разрубленный червь, пуская из отчлененного конца густую темно-синюю жидкость. Послышалось высокое ноющее гудение, от которого все настороженно вскинулись. Отсеченный побег подхватило и понесло длинноте лое насекомое с зелеными глазами и выступающим из хвоста заостренным жалом. Симеон узнал в нем одного из табанидов, слепней. Эта умыкнувшая побег полуметровая особь была самцом, а следовательно, безопасна для людей: самцы предпочитают питаться нектаром. Самку же Симеон живописал как кровососа, одну из несноснейших напастей в Дельте. Сок, которым натерлись, должен был выручать от слепней и москитов. Впрочем, за истекшие сутки он мог уже и выветриться, потому люди остановились и еще раз обработали открытые участки кожи и ткань туник. К едкому аммиачному запаху так уже привыкли, что едва и замечали.

Идущая меж деревьями тропа в конце концов пошла строго вниз, и открылась обзору вся низменность Дельты. Непосредственно впереди, в десятке с небольшим миль, горбился холм с башневидным выступом. Форма холма вызывала удивление:

все равно что громадная головища, переходящая внизу в окладистую бороду и мохнатую гриву леса, отчего башнеподобный выступ имел вид шишака некоего фантастического шлема.

— Ты не знаешь, что это там? — спросил Найл у Симеона.

— Нет. Так глубоко забредать мне еще не доводилось. По правде сказать, я прежде не добирался и до того места, где мы сейчас стоим.

Чем ниже опускались, тем гуще становился запах гниющей растительности; земля под ковром листвы стала влажной и пористой. Когда снова — на этот раз вокруг ноги Милона — обвился пурпурный побег, Доггинз поднял «жнец».

— Отчего б нам просто не пробить брешь?

Симеон покачал головой.

— Пока не стоит. Здесь всюду чувствуется какая-то одушевленная сила. Трудно предугадать, как она на это отреагирует.

Доггинз поглядел на него с легким недоумением — а в своем ли ты, дескать, уме? — но «жнец» опустил.

Минут через десять они наконец увидели тварь, прокладывающую путь через деревья. Тропа впереди плавно поворачивала; Найл, приближаясь к повороту, случайно заметил, как макушка дерева метрах в ста впереди неожиданно покачнулась. Он тронул за локоть Симеона. На минуту все замерли, затем двинулись медленно, осторожно. Выйдя за поворот, изумленно застыли. Навстречу грузно тянулось громадное зеленое создание, схожее на первый взгляд с гусеницей, хотя поблескивающие под солнцем зеленые чешуйчатые пластины выдавали тысяченожку. Это лишний раз подтвердилось, когда существо, приостановившись на кривеньких ножках, выпирающих по бокам, словно клешни краба, отвело приплюснутую голову от растительности и остановило взгляд на них. Доггинз опять поднял «жнец», но Симеон аккуратно пригнул ствол книзу.

— Они совершенно безобидны. Хотя могут ненароком задавить.

Туловище тысяченожки полностью заполняло четырехметровую тропу, длины в насекомом было по меньшей мере два десятка метров. Странные плоские глаза отрешенно поглядывали на незнакомцев в течение нескольких секунд, затем создание нагнуло голову и возобновило прежнее занятие. Челюсти мерно, с хрустом двигались из стороны в сторону, пожиная

цветы и побеги с неспешной методичностью уборочной машины. Двигалось создание неожиданно проворно: пока они стояли разинув рты, успело приблизиться метров на пять. Заметив где-нибудь в прогалине по соседству с тропой очередной сочный цветок, создание подавалось верхней частью туловища вбок, и тогда раздавался звучный треск сминаемых деревьев. Очистив прогалину дочиста, тысяченожка снова двигалась с места.

Взгляды скрестились на Симеоне — что же он скажет.

— Можно попробовать протиснуться мимо нее. Она не нападет.

— А вдруг задавит? — спросил Доггинз.

— Маловероятно. Однако чего же мы стоим? Пойдемте.

Но не успели толком подойти к мерно жующему насекомому, как оно, подняв голову, вдруг испустило такую вонищу, что все, закашлявшись, невольно попятились. Найл ничего гадостнее в жизни не нюхал.

Манефон, все еще давясь и кашляя, насилу выговорил:

— Давайте лучше ее обогнем. Надо же, какая погань!

Держа «жнецы» наготове, они углубились с тропы в поросль. Под ногами шевелились побеги, но напасть не пытались — вероятнее всего, из-за близости работающих челюстей; побеги реагировали на тревожные сигналы выщипываемой за корни растительности. Идущий впереди Манефон остановился, увидев, что тропа впереди перегорожена деревом с густыми космами разметавшихся по земле щупалец. Более пристальное изучение показало, что это лишь гадючья ива, безобидная родственница дерева-душегуба, и перебрались через него без труда. А вот дальше, в десятке метров, наткнулись и на само дерево-душегуб. На первый взгляд оно ничем не отличалось от гадючьей ивы: покрытый странной ворсистой чешуей ствол и сотни желто-зеленых лиан, свисающих будто спутанные женские волосы. Лианы у нее, в сравнении с гадючьей ивой, выглядели зеленее и свежее — потому что гадючья ива скапливает седой мох, серой куделью обвисающий с верхушек лиан.

Пока Симеон объяснял различие, Манефону на затылок опустилась самка слепня, готовясь вогнать в кожу острый хоботок. Очевидно, на насекомое угнетающе действовал едкий запах сока: слепень замешкался, и Манефон, успев схватить

его за крыло, с силой отшвырнул. Упавший к ногам Найла слепень тут же вспорхнул в свисающие сверху лианы. Какую-то секунду все шло без изменений, и слепень заковылял вниз — показалось, что сейчас ускользнет. Но тут с ошеломляющей быстротой щупальца обвили насекомое вокруг туловища и умыкнули наверх. Исчезая, слепень неистово жужжал. Через несколько секунд лианы опустились, и дерево опять перестало отличаться от безобидной гадючьей ивы.

— Куда он делся?

— Там, в стволе, имеется подобие зева,— пояснил Симеон. Представив, что происходит сейчас наверху, все невольно содрогнулись.

Судя по звукам, перемалывающая пищу тысяченожка успела уже отдалиться. Огибать дерево-душегуб было рискованно, поэтому решили возвратиться тем же путем, которым пришли. Тропа, когда вышли, оказалась совершенно свободной от растительности и вид имела почти рукотворный.

— Глядите, возвращается! — крикнул Милон.

Голова тысяченожки, объедающая растительность с края тропы, приподнявшись, смотрела на них; из челюстей сиротливо свисал кусок побега. Решив, видно, что незнакомцы безопасны, она продолжала насыщаться.

— Она, видно, жрет в два горла,— предположил Найл.

Все уставились, приоткрыв от удивления рты. И ведь точно: у тысяченожки было две головы, по одной на каждом конце. Та из них, что смотрела сейчас на людей, была меньше и продолговатее, но работала с такой же исправностью. Ее напарница проглядела довольно много сочных стеблей, особенно по краям тропы, и теперь вторая голова выщипывала их с деликатной аккуратностью, так как у нее было больше времени довершить задачу. Сжевывая побег, который неистово извивался, исчезая в углу рта, голова тысяченожки скользнула плоскими, сонными глазами по людям. Взгляд получился таким неприязненно-высокомерным, что люди громко расхохотались, а когда встревоженная тысяченожка, тяжело вздрогнув, зашевелилась быстрее обычного, расхохотались еще громче.

— Что ж,— сказал, отсмеявшись, Доггинз,— у Дельты есть, по крайней мере, чувство юмора.

— Двумя головами эта махина обзавелась не для того, чтобы вызывать смех,— заметил Симеон.

Забавный эпизод развеселил, дальше по тропе двинулись в приподнятом настроении. Идти по свободной от растительности тропе было сплошным удовольствием. Один Найл шел задумавшись, специально держась позади, чтобы не втягивали в разговоры. Двуглавая тысяченожка вызывала удивление, и вместе с тем в этом таился глубокий смысл. Суть уморительной внешности была на деле ох какой серьезной. Даже на первый взгляд было ясно, что это животное — воплощение эволюционной безысходности. Грандиозная жизненная сила Дельты вынуждала несчастное существо расти и расти, пока оно не вымахало размером с двухэтажный дом. Получается, теперь оно обречено всю свою жизнь заниматься исключительно насыщением, чтобы поддерживать свое непомерно большое тело. Это делало его уязвимым для врагов, поэтому существо обзавелось двумя головами, чтобы видеть приближение опасности с обеих сторон. Но почему, скажем, не ряд глаз вдоль хребта или вдоль боков? Лучшим вариантом было бы ограничить свой рост и развить более изощренные системы защиты. Но на более удачный выбор бедняге не хватило мозгов...

Незаметно в уме в который уже раз очертился вопрос: что же произошло с человеческой эволюцией? Миллионы лет борьбы сделали человека знатоком искусства выживания. Быстротечной своей эволюцией он создал широкую дорогу, идущую вниз. Тогда почему он был так удручен и растерян, когда комета вынудила его оставить Землю? Почему люди оказываются не способны на подлинное счастье?

В некотором смысле ответ был очевиден: потому что человек не способен по достоинству оценить жизнь без проблем. Но ведь это же явный абсурд. Ведь он и цивилизацию создал именно для того, чтобы снимать проблемы: проблему пищи, проблему безопасности, душевного спокойствия. Почему, когда проблема наконец-то решена, им овладевают скука и неудовлетворенность?

— Ого, глядите! Вон еще одно из тех деревьев.

До границы леса оставалось уже недалеко, подлесок проредился, и участки между деревьями стали лучше просматриваться. Вместо спутанной поросли под ногами стелилась роскош-

ная трава. В десятке метров, особняком среди небольшой опушки, стояло большое иудино дерево, отражая бледно-зелеными листьями солнечный свет. Оно было по меньшей мере раза в два выше тех, что встречались до сих пор, а трепещущие листья придавали ему праздничный вид.

— Может, остановимся под ним передохнуть? — спросил Милон.

Доггинз покачал головой.

— Нет. День уже в разгаре, а идти далеко.

— Да всего каких-то пять минут!

— Времени нет, пойми.

— Попить бы я остановился, а рассиживать ни к чему,— сказал Манефон.

— Хорошо, тогда давай попьем,— не стал упорствовать Милон.

Они остановились и поснимали наплечные мешки.

— Ничего себе! — воскликнул вдруг Доггинз.

— Что там?

— Гляньте.— Он указал на землю. Ничего особенного, трава как трава — яркая, изумрудно-зеленая.— Да вы приглядитесь,— настойчиво повторил Доггинз.

Он поднял свой мешок: под ним была лысая прогалина. Аккуратным движением он стал опускать его на окружающую траву; едва на зеленый покров упала тень, как трава всколыхнулась и подалась в стороны. Получалось, мешок снова опустился на лысую прогалину. И наоборот, то место, где только что виднелась бурая земля, было опять покрыто травой.

— Видели хоть раз что-нибудь подобное?

Симеон покачал головой.

— Ни разу.— Он нагнулся сорвать травинку.

Когда на зеленый покров упала тень его руки, окружающая трава плавно оттекла в разные стороны. Поразглядывав сорванную травинку на свету, Симеон смешливо хмыкнул:

— Вы только полюбуйтесь.

Найл с любопытством заглянул ему через плечо. Низ у травинки раздваивался, переходя в два малюсеньких белых орешка. Стоило ущипнуть невеличку, как корешки зашевелились, будто ножки у насекомого.

— Шагающая трава!

Найл опустился на колени и ухватил пригоршню травинок; они, понятно, пытались улизнуть, но не хватило проворства. Чувствовалось, как трава силится высвободиться: держа пучок на весу, Найл различал шевеление тысяч белых ножек. Пучок он поместил на грунт посередине тропы, проделанной тысяченожкой; это место, похоже, траву вполне устраивало. Сев на корточки, Найл вгляделся в зеленые стебельки. Корешки сейчас находились в земле. Однако стоило тени от руки пасть на траву, как они моментально повылезали из грунта и пучок отполз на несколько сантиметров вбок.

Найл вытянул одну травинку и надкусил. Вкус необычайно сладкий, стебелек можно было свободно глотать — такой он нежный и сочный.

— Представляете,— сказал со смехом Милон,— как скуксится рыло у этой тысяченожки! Силится набить пасть, а на зубах, получается, голимая земля!

— Улизнуть от обычного травоядного у них не хватит скорости,— заметил Симеон.— Вот, взгляни.— Он повел рукой над травяным покровом.

Стебельки, качнувшись, сбились воедино, перекатившись плавной волной.

— Тогда почему она движется?

— Чтобы уйти из-под солнца, когда зной, и от тени, когда холодно. Очередное проявление безудержной эволюции.— Симеон скудно улыбнулся, не в силах скрыть неподдельное восхищение.— Здесь бы тысяче ученых мужей дел хватило на целый век.

— По мне, так уж лучше сидеть дома,— произнес Милон. По лицу пробежала тень — видно, что подумал об Уллике.

— Ну что ж,— заключил Догтинз.— Перекусить можно будет и здесь. Там тени не особенно густо.

Впереди, очевидно, шла болотистая низина — сочно-зеленая трава, цветущий кустарник, а деревья, наоборот, разрозненны.

— Вот еще один из тех розовых цветков,— указал Манефон.— Может, срубим?

Догтинз пожал плечами.

— Осторожнее! — Он повернулся к Найлу: — Сходил бы ты вместе с ним.

Растение виднелось среди деревьев на том конце тропы; когда приближались, Найл уловил, как листья чуть заметно всколыхнулись. Пальцы инстинктивно стиснули «жнец». Но вот, считай, уже и подошли, а куст не выдавал себя ни единым шевелением. Розовые цветы изливали приторный, тяжелый аромат, а сам куст выглядел безобидно, будто рос в саду. Щупальца-удавки были скрыты за глянцевитыми листьями. Несколько секунд Манефон с Найлом пристально вглядывались в куст, высматривая малейший признак того, что растение сознает их присутствие, но оно оставалось неподвижным.

Манефон вскинул мачете и одним резким ударом отсек один из цветков. Тот упал в паре метров на голую землю. Манефон не мешкая отпрыгнул назад, но не успел увернуться от щупальца — прянув из куста, оно схватило его за запястье. Едва он рванулся в попытке высвободиться, как вокруг ног обвилось еще одно щупальце. Третье попыталось дотянуться до Найла, но он стоял слишком далеко.

Тщательно нацелясь, Найл нажал на спуск. Голубой луч отхватил щупальце, держащее Манефона за запястье; чуть пригнув оружие, удалось отсечь второе щупальце — толстое, схватившее добычу за ноги. Манефон с размаху грянулся оземь спиной. Отчлененные обрубки яростно извивались, остальные втянулись обратно в куст.

Манефон поднял с земли розовый цветок; тот не замедлил сомкнуться вокруг руки, но силы были уже не те, и хватка оказалась непрочной. Манефон отщипнул лепесток и сунул себе в рот.

— Прелесть. Еще лучше, чем тот.

— А ты как думал. Это растение опаснее.

Лепестки они поделили между собой и съели вместе с сухарями и вяленым мясом. Прав Манефон: действительно вкуснее, чем тот, первый. И кстати, что еще удивительно: несмотря на медвяный аромат, вкус у цветка напоминал мясо — великолепное дополнение к вяленому мясу и сухарям.

— Пора трогаться,— сказал Доггинз, поглядев вверх на солнце.

Неожиданно Найл ощутил покалывание возле правого бедра. Мгновенно стало ясно: трубка. Он полез в карман. Пальцы

щипнуло так, что он чуть не отдернул руку. А когда стал вытягивать трубку из кармана, покалывание вдруг прекратилось.

От Симеона не укрылось, что Найл на миг изменился в лице.

— Что там еще?

— Ничего.

Найл решил, что это какой-нибудь очередной выкрутас атмосферы Дельты.

Милон встал.

— Я, пожалуй, на минуту все-таки присяду под дерево.

— Только не задерживайся,— наказал Симеон.— И прихвати «жнец».

— «Жнец»? — недоуменно переспросил Милон.

— С Дельтой не шутят.

Найл, решив, что пара минут под деревом развеет вызванную едой сонливость, подхватил «жнец» и двинулся следом за Милоном. Поднялся и Манефон.

Когда Милон пригнулся, собираясь поднырнуть под ветви, те, показалось, чутко вздрогнули. Найла вдруг пронзило ощущение немой угрозы. Шевеление напоминало жадное желание голодного животного. Найл невольно остановился и крикнул:

— Эгей, осторожнее там!

Но не успел договорить, как дерево захлопнулось, будто ловушка тарантула-затворника. Милон пронзительно вскрикнул; голос донесся уже из-под ветвей, сомкнувшихся, словно кулак.

Найл вскинул «жнец», собираясь пальнуть, но вовремя сдержался. В этой трепещущей груде листьев, притиснутых к стволу, невозможно было различить, где находится Милон. Однако истошное «Помогите!» вывело его из оцепенения. Нацелясь на макушку дерева, Найл нажал на спуск и плавно повел стволом из стороны в сторону. Дерево зашипело рассерженной змеей, посыпались отрезанные ветки, обдавая на лету брызгами сока. Но нижние сучья, похоже, продолжали упорствовать. Более того, они сжали ствол с такой силой, что некоторые даже затрещали. Дерево стало заваливаться. Найл отпрыгнул, и тут крики неожиданно смолкли.

Один из сучьев ударил с такой силой, что сшиб Найла с ног. Дерево рухнуло в нескольких метрах.

Отгибать ветви было неимоверно трудно, все равно что разжимать намертво стиснутый кулак. Однако здоровяк Манефон совладал-таки с одной из них и крикнул:

— Я его вижу! «Жнец» сюда!

Найл подал оружие. Манефон, примерившись, аккуратно отрезал кусок двухметровой длины. Ветви внезапно разжались. Разметав их в стороны, Симеон вызволил Милона. Лицо у юноши было синюшное, одежда набрякла кровью.

Склонясь над неподвижным телом, Симеон разорвал на нем тунику и приник ухом к его груди.

— Дышит. Принесите кто-нибудь воды.

Подоспел со своей флягой Доггинз. Симеон плеснул пригоршню воды Милону на лицо, другой стер у него кровь со лба. Найл со злостью смахнул слепня, норовившего пристроиться у Милона на груди. Насекомое отлетело в сторону. Милон открыл глаза и попытался повернуть голову.

— Как ты?

Милон хотел ответить, но язык плохо повиновался. Слепень опять попробовал пристроиться и шлепнулся оземь от удара ручищи Манефона; секунда, и он хрупнул у него под ногой; воздух наполнился специфическим запахом.

Они освободили Милона от туники и омыли ему тело холодной водой; выяснилось, что кожа у бедняги сплошь усеяна язвочками и царапинами. Создавалось впечатление, что кожа проколота тысячей шипов. Помимо этого, у него из обеих ноздрей шла кровь. Когда Симеон взялся ощупывать ему конечности, выясняя, нет ли переломов, Милон, стиснув зубы, судорожно всосал воздух и лишился чувств.

Симеон поглядел сверху вниз на раздувшуюся лодыжку.

— Переломов, по-видимому, нет. Но ходить он не сможет несколько дней.

Доггинз досадливо застонал.

— Что же теперь делать?

— Есть только два пути. Или соорудить носилки и отнести его назад, или оставить здесь.

Милон открыл глаза.

— Идите дальше,— заплетающимся языком пролепетал он.

Товарищи переглянулись меж собой.

— Придется мне остаться с ним,— сказал Симеон.— В одиночку ему здесь не продержаться.

Милон попытался приподняться на одном локте.

— Ничего, продержусь. Ничего мне не сделается. В конце концов, я сам во всем виноват...

— Да уж точно, дурня ты кусок,— сердито сверкнул на него глазами Доггинз.

— Нет, это моя оплошность,— вмешался Найл.— Меня пытались предупредить.— (Товарищи недоуменно посмотрели на него.) — За несколько минут до того, как он сунулся под дерево, начала шипаться трубка.— Он вынул ее из кармана.— А я не догадался.

— Предупредить, говоришь? — Симеон непонимающе поглядел на цилиндр.— А ей-то откуда может быть известно? Это же всего-навсего механизм.

— Да, но способный читать мысли.— Найл сунул трубку обратно в карман.— Так вот, не сообразил вовремя. Мне надо было догадаться еще тогда, когда мы возились с тем розовым цветком, вторым по счету. Он действовал на порядок проворнее, чем первый. Это потому, что мы находимся ближе к центру силы. Поэтому дереву не приходится дурманить добычу газом, ему сподручнее брать свое за счет быстроты. Оно действует скоростью.

— Если действительно так,— заметил Доггинз,— то чем ближе мы подходим к центру, тем для нас опаснее.

Найл пожал плечами, но ничего не сказал.

Все сидели в угрюмом молчании, наблюдая, как Симеон обрабатывает раны Милона. Едва он успевал их промыть, как те снова начинали сочиться кровью. Сам Милон наблюдал за этой процедурой со странноватой отрешенностью.

— Оно, наверное, впрыснуло какую-нибудь отраву или наркотик. Я почему-то ничего не чувствую.

Через несколько минут он снова потерял сознание. Симеон все, что годилось для перевязки, извел, чтобы остановить кровотечение. Через минуту повязки уже набрякли.

— Боюсь, он прав,— удрученно сказал Симеон.— Дерево, должно быть, впрыснуло что-нибудь, от чего перестала свертываться кровь. Чего доброго, еще час, и он истечет на нет.

— Чем можно ему помочь? — требовательно спросил Доггинз.

— Грязь бы помогла. И листья куста сувы.

— Как они выглядят?

— Продолговатые такие, посередине лиловая ягода наподобие виноградины.

— Мне кажется, я что-то такое видел возле тропы, на полпути сюда,— припомнил Манефон.— Темно-зеленые листья, вроде плюща.

— Совершенно верно.

— Схожу надергаю.

— Ради бога, осторожнее. Не хватает нам еще одной потери.

Когда Манефон удалился, они попробовали замесить раствор в парусиновом ведре, засыпая в воду почву. Результат получился никудышный, грунт был до странности сухим и сыпучим.

— Там, возле куста с розовым цветком, судя по звуку, должен был протекать ручей,— заметил Найл.

Симеон с тихим отчаянием оглядел повязки, сквозь которые капля за каплей сочилась кровь.

— Ладно, попробуй.

В одной руке Найл нес «жнец», в другой — парусиновое ведро. Двигался он с большой осторожностью и сделал порядочный крюк, избегая встречи с розовым цветком. Неподалеку находился околок с гадючьими ивами. Лишь удостоверившись, что с ветвей свисает серый мох, Найл решился протолкнуться через них. На той стороне действительно оказался ручей. Пологие берега покрывали изумрудно-зеленая трава и меленькие цветки. С шелестом раздвигая стебли так, что обнажалась почва, Найл спускался к воде. Цветки прятались стебельками в грунт, оставляя снаружи лишь кончики головок. Найл ступал осмотрительно, стараясь без толку не давить растения.

Место выдалось мелкое, в воде полно было зеленых водорослей — крупных, блестящих. Ноги тонули в вязком илистом грунте. Подкопавшись под водоросли, Найл сумел наполнить ведро грязью, консистенцией напоминающей жидкое тесто.

Наполнив ведро, Найл сполоснул руки в замутненной воде и выпрямился. Мгновение спустя он вздрогнул от неприятной неожиданности: буквально в трех метрах на него таращилась

образина. Глаза навыкате, лягушачья пасть, и при всем при этом размером раза в два крупнее человеческого лица. Рука невольно потянулась за «жнецом». И тут вспомнилось, что «жнец»-то он оставил наверху, там, где заканчивается роща. Спустя секунду образина сгинула, но Найл успел углядеть вертикальное белесоватое туловище, мелькнувшее напоследок на той стороне ручья. Впившись в заросли глазами, Найл стоял по меньшей мере минуту, но никаких признаков движения больше заметно не было. Он облегченно перевел дух.

Взяла злость на себя: надо же так увлечься, чтобы дать лягушачьей образине приблизиться без малого вплотную. Правда, чувствовалось и облегчение: создание, судя по всему, переполошилось не меньше его самого. Держа ведро на весу, Найл взобрался по берегу вверх — теперь церемониться с цветками было некогда — и подобрал «жнец». Тоже ума палата: так вот взять и оставить оружие без присмотра. Хотя чего уж теперь, стрелять вслед убегающему существу Найл все равно бы не стал. Балансируя со «жнецом» в одной руке и с ведром в другой, он осторожно спустился обратно к воде.

Симеон, помесив грязь пальцами, одобрительно хмыкнул. Он отер дочиста одну из ран помельче, затем проворно налепил на нее вязкую пригоршню. Подождав с полминуты и убедившись, что кровь не сочится, он облегченно вздохнул и начал смещать пропитавшиеся кровью повязки. Пока он это делал, возвратился Манефон, неся с собой полное ведро листьев. У каждого на середине имелась черная выпуклость, действительно напоминающая виноградинку. Когда Симеон расковырял одну из них большим пальцем, в воздухе запахло специфическим запахом лекарства. С помощью Манефона и Догтинза Симеон очищал раны, выдавливая на каждую сок листа сувы, и тотчас нашлепывал сверху пригоршню темно-коричневой грязи. Не прошло и десяти минут, как Милон был уже покрыт с головы до ног. Однако дышал он ровно, и румянец возвратился на щеки.

Найл дождался, пока закончится процедура, и лишь тогда рассказал о встрече на берегу. Симеон укоризненно покачал головой.

— Я слыхал о таких тварях, но видеть никогда не видел.

— Они, судя по всему, совершенно безвредны,— сказал Найл.— Эта умчалась сразу, едва я потянулся за оружием.

— Безвредных ты в Дельте не сыщешь,— знающе заметил Симеон.— Они не могут себе этого позволить.

Судя по положению солнца на небе, перевалило уже за полдень. Оставалось каких-нибудь семь часов дневного света.

— Вы как думаете, стоит мастерить носилки для Милона? — задал вопрос Манефон.

Доггинз повернулся к Симеону:

— Ты здесь самый бывалый. Что, по-твоему, нам следует предпринять?

Симеон пожал плечами.

— Вам троим, думаю, надо идти дальше. Я останусь здесь с Милоном.

— Ты считаешь, все обойдется?

— Почему бы нет? Со «жнецом» я защищен надежнее любой твари в Дельте.— Он угрюмо усмехнулся.

Доггинз поглядел сначала на Найла, затем на Манефона.

Слова были излишни, все великолепно понимали друг друга. Дальнейший путь без Симеона станет куда более опасным. Да и самому Симеону с раненым на руках грядущая ночь не сулит ничего приятного. Вместе с тем иного выхода, кроме как бросить все и повернуть вспять, не было. Что-то в душе восставало против такой мысли; чувствовалось, что и остальные тоже заодно.

— Ладно,— сказал наконец Доггинз.

Он нагнулся и начал упаковывать мешок. Найл с Манефоном последовали его примеру.

— Еще раз напоминаю,— наказал Симеон,— самое пагубное в Дельте — ослабить внимание. Поэтому прошу вас, будьте постоянно бдительны.

— И ты тоже.— Доггинз положил руку на плечо Симеону и постоял так несколько секунд.— Если все будет как надо, возвратимся завтра. Если в течение двух суток не появимся, начинайте выбираться обратно. Только поприметнее, все равно оставляйте за собой какие-нибудь следы.

— Непременно.

Они пошли, не оглядываясь.

Спустившись по тропе, вскоре достигли кромки леса. Теперь наконец взору открылась полная панорама Великой Дельты, так что можно было получить более четкое представление

о ее очертаниях. Впереди, милях в двадцати, параллельно гряде оставшихся сзади холмов тянулась другая, западная. Правой частью Дельта постепенно снижалась в сторону моря — скучный простор, поросший тростником и невысокими кустами. Местность слева продолжала подниматься вверх; здесь сразу за болотами начиналась сельва. Двойная цепь холмов вдалеке сходилась воедино и, судя по всему, тоже постепенно сглаживалась. С этого направления сейчас дул ветер — сухой, жаркий. Непосредственно впереди простиралась болотистая низина, и теперь с ровного места было видно, что она сплошь щетинится тростником ростом выше человека. Все запахи теперь перекрывал запах гнили, доносящийся из сельвы, единственным звуком было тоскливое завывание ветра в тростнике.

Главный ориентир — стоящий над местом слияния рек холм — виднелся впереди, но к нему не вела ни единая тропка. Пройдя четко очерченную травянистую полосу, путники уткнулись в сплошную стену из кустов и тростника. Манефон первым вломился в поросль с мачете в руке. Первые двести метров дались сравнительно легко: земля под ногами была податливой, но достаточно твердой. Дальше характер тростника менялся; он сделался выше и толще, так что пришлось пустить в ход мачете. Отдельные стебли по твердости не уступали бамбуку. За четверть часа вперед продвинулись лишь на сотню метров, и Манефон запыхался. Воздух был жарким и влажным.

— Погодите минуту,— проговорил Доггинз.— Так не пойдет. Эдак мы и за месяц не прорубимся.— Он стянул с плеча «жнец».— Дайте-ка попробую.

Опустившись на одно колено, он не спеша нацелился и нажал на спуск. Стоило повести стволом, как тонкий синий луч подрезал тростник, будто невиданная коса, и стебли пошли осыпаться на землю. Впереди обозначилась четкая, в сотню метров длиной тропа.

— Каково? — довольно осклабился Доггинз.— Надо только чуть подумать головой.

Он первым двинулся вперед. И хотя тростник теперь не нужно было ни сечь, ни расталкивать, темпа так и не прибавилось. Упавший тростник образовал толстый ковер, ноги в котором застревали, так что путники едва не с каждым шагом валились на колени. Встречались и места, где стебли росли настолько густо, что удерживали друг друга на весу, и здесь

опять приходилось применять силу. Доггинз пускал в ход «жнец» еще дважды, пока наконец не стало ясно, что усилия напрасны. Они продирались уже по меньшей мере час; за спиной пролегала широкая, прямая тропа. Впереди, совершенно четко, тростник шел еще гуще. Вместе с тем отсюда, с места теперешнего привала, по-прежнему была видна оставленная час назад стоянка.

— Надо бы сюда ручную тысяченожку, чтобы перла впереди.— Доггинз унылым взором обвел обступающие со всех сторон стебли, иные до пяти метров в высоту.— Придется, наверное, возвратиться и поискать другой путь.

Они посидели еще минут пять, восстанавливая дыхание; Найл не успевал промокать носовым платком пот, струящийся по лицу и шее. Духота стояла ужасная. Когда собрались подниматься, Манефон вскинул вдруг руку, призывая всех замереть. На расстоянии было слышно: кто-то ломится через тростник. Внезапно звук стал отчетливее, будто направлялся непосредственно в их сторону. Путники бесшумно подняли оружие, держа пальцы на спусковых крючках. Когда, казалось, прущая напролом махина вот-вот уже выкатит из тростника, звук неожиданно сменил направление. Помимо шума ломающегося тростника слышалось также негромкое похрюкивание и тяжелое дыхание.

Спустя секунду выявился и внешний облик создания. На расстоянии в десяток метров над тростником двигалась окованная панцирем спина — округлая, покатая. Секунду казалось, что это гигантская черепаха. Но вот животное, шутя сломив остающиеся стебли, вырвалось на проложенную людьми тропу. Мелькнули плоская жабья морда с рогатыми надбровными выступами, упрятанная в панцирь массивная спина и короткие мощные ноги. Ступни у чудовища были очень большие и с перепонками, словно у утки, и двигалось оно неуклюже, раскачиваясь из стороны в сторону. Мелькнул напоследок и скрылся короткий, но сильный хвост, также в роговой оболочке.

— Боже ты мой, это еще что? — спросил Манефон.

Доггинз пожал плечами.

— У большинства этих тварей даже названия нет. Хотя и без того ясно, что ей наплевать на шум, который она поднимает. С таким панцирем небось никакая угроза не страшна.

Снова тронувшись в путь, они выбрались на тропу, проторенную чудищем сквозь тростник. На тропе никого уже не было, хотя издалека все еще доносились треск и сухой шелест.

— А отчего б нам не пойти здесь? — предложил Догтинз.— Все лучше, чем возвращаться.

Когда двинулись по следу чудища, идти стало легче; его вес прибил тростник, приплющив к земле; в одном месте оно даже выворотило небольшой куст. До этой поры они шли, углубляясь в нужном направлении вперед и вправо. Когда одолели с четверть мили, грунт стал более вязким; вода, просачиваясь, чавкала сквозь тростник. На одном из участков чудовище сделало поворот в сторону тверди — как оказалось, в сторону сердцевины Дельты.

Идущий сзади Найл поминутно оглядывался. Не потому, что чувствовал слежку. Просто следовал наказу Симеона: замыкающий должен постоянно быть начеку. Когда, сменив направление, углубились еще на пару сот метров, Найла вынудило остановиться и оглянуться ощущение странной неуютности. Чудится или глаза действительно уловили мимолетное движение там, где в тростнике теряется след? Не заметив, что их товарищ остановился, Манефон с Догтинзом продолжали двигаться вперед. Когда шаги постепенно смолкли, Найл в набрякшей тишине различил еще один звук: вкрадчивую поступь в гуще тростника, в паре метров слева. Напряженно вслушиваясь, он подался вперед, но вот, когда перемешал вес с одной ноги на другую, внизу громко треснул стебель и шорох тотчас же смолк. Найл не чувствовал беспокойства: «жнец» в руках придавал уверенности. Он осторожно сунул голову в чашобу, стволом «жнеца» отстраняя теснящиеся стебли.

От неожиданности Найл вздрогнул: прямо в глаза таращилась лягушачья образина. Существо находилось в какой-нибудь паре метров, и вид у него был такой же ошарашенный, что и у самого парня. Тут тростник под ногами неожиданно разъехался, и Найл инстинктивно вскинул руки, чтобы удержать равновесие. Губы твари сложились в оскал, и Найл увидел перед собой два ряда острых желтых зубьев. Послышалось шипение, и щеку с виском обдала теплая струйка жидкости. Едва выпрямился, как создание уже исчезло. Он успел мельком углядеть белесое туловище, с неизъяснимой ловкостью скользя-

щее меж стеблей, не ломая их, и стена тростника тотчас же сомкнулась.

— Найл, ты где? — прокричал в отдалении голос Доггинза.

Теплая жидкость, скатившаяся по щеке, начала вдруг жалить. Найл, нагнувшись, зачерпнул пригоршню мутной водицы и плеснул себе на кожу.

— Что случилось? — осведомился Доггинз.

— За нами кто-то следует.

Кожу жгло немилосердно.

Найл смочил носовой платок и приложил к щеке.

— Это то самое, похожее на лягушку. Плюнуло в меня.

Они постояли минут пять, вслушиваясь: ничего, тихо.

— Ты по-прежнему считаешь, что оно безвредно? — спросил Доггинз.

— Теперь уже нет. Я видел его зубы. Существо определенно плотоядное.

Доггинз посмотрел на небо.

— Надо бы двигаться дальше.

Мысль у всех была одна: ночевать на болоте нежелательно. Вскоре после того, как пошли дальше, щека у Найла разгорелась не на шутку. Минут через десять пришлось остановиться и снова охладить ее водой. Доггинз поглядел на Найла с беспокойством.

— Краснеть начинает. Какой-нибудь яд, не иначе.

— У меня однажды на одного из матросов напала плюющаяся кобра,— заметил Манефон.— Так он едва не ослеп.

При мысли о том, что значит ощутить подобное жжение в глазах, Найл невольно содрогнулся.

Они продолжали идти по тропе через вмятый в грязь тростник. Грязь становилась все жиже; ясно было, что только толстый ковер из стеблей не дает увязнуть в ней по колено. Пробираться по этому податливому покрытию было утомительно. От липкой жары потело тело; одежда взмокла так, будто они купались.

Кстати, стена из тростника постепенно редела, и стебли становились короче. Время от времени издали доносилось ворочание бронированного чудовища, идущего где-то впереди. Найл то и дело оглядывался через плечо, но двуногих лягушек теперь не замечал. Поддерживать бдительность на прежнем

уровне становилось все труднее; единственное, чего хотелось, это отыскать где-нибудь место посуше, где можно приткнуться и передохнуть.

Внезапно Манефон рухнул сквозь вдавленный тростник и очутился по пояс в воде. Он шел впереди, к тому же из троих был самым тяжелым. Товарищи помогли ему высвободиться, затем выковыряли его застрявший в грязи парусиновый башмак. Пробираясь ощупью, Найл почувствовал, как что-то шевельнулось на запястье, и отдернул руку. Оказывается, по предплечью взбиралась черная пиявка размером по меньшей мере сантиметров пять. Он с отвращением сшиб насекомое и, сорвав пригоршню мокрой травы, стал яростно оттирать ее слизистый след.

Постепенно становилось ясно: зря они двинулись этой тропой. Вместе с тем мысль о возвращении этой дорогой нагоняла тоску. Они остановились в нерешительности, раздумывая, что делать дальше. И тут об усталости заставил забыть жуткий, исполненный муки рев. Реву вторили тяжелые неистовые всплески. Еще один взрев — сдавленный,— и сразу внезапная тишина.

Усталость как рукой сняло. Вперившись друг в друга, путники стояли, держа «жнецы» наготове. Теперь до слуха доносились лишь отдельные всплески да утробное урчание.

— Боюсь, как бы не пришлось возвращаться,— опасливо покачал головой Найл.

— Мне б хотелось поглядеть, что там происходит,— буркнул Доггинз, нахмурясь.

Он начал осмотрительно пробираться вперед, всякий раз пробуя вначале землю носком башмака и лишь затем ступая всем весом. Манефон и Найл тронулись следом с такой же осторожностью. В том месте, где тропа делала поворот, Доггинз поднял «жнец», затем медленно его опустил. Товарищам, обернувшись, сделал знак: осторожнее! Те подтянулись через секунду-другую.

Перед ними тянулась болотная заводь, вода в которой была взбита в жидкую слякоть. Горб окованного панцирем монстра возвышался над водой. Он стоял к ним спиной, поэтому невозможно было разобрать, что он ест, однако по движениям легко угадывалось, что в передних лапах он держит добычу и со смаком вгрызается в плоть. Насторожась неким шестым

чувством, чудище подняло голову и обернулось. Крохотные глазки тлеющими угольями оглядели людей из-под горбатых выростов на лбу. Бородавчатая жабья физиономия заляпана кровью, кровь капает из нажевывающих челюстей. Найл готов был нажать на спуск, но существо не стало тратить времени на двуногих; отвернувшись, оно продолжало насыщаться. Очевидно, оно сполна ощущало неуязвимость своего панциря, и присутствие чужаков его не трогало.

Путники переглянулись меж собой. Путь вперед, очевидно, заказан. Болота за пожирающим пищу монстром заканчиваются, и земля начинает постепенно морщиниться невысокими холмами. По ту их сторону, милях в пяти, возвышался холм с башней-шишаком. Кстати, с этого расстояния становилось заметно, что шишак этот — не рукотворное строение. Он выглядел скорее как обломанный рог некоего исполинского ящера.

Они слегка отступили по тропе и осмотрелись. На север, к морю, все так и тянется болотистая низменность, идти в этом направлении не имеет смысла. Если огибать чудовище, то придется податься к югу, еще не раз прорубаясь сквозь тростник.

Мысль о том, что болото остается позади, придала решительности. Доггинз нацелил «жнец» и, сдвинув ограничитель на самый малый уровень, нажал на спуск. Передние стебли, шелестя, посыпались наземь, будто скошенные невидимым великаном. Одновременно с тем слух резанул мгновенно оборвавшийся сиплый взвизг.

— Один готов,— мрачно усмехнулся Доггинз.

Приподняв стволы, они двинулись вперед. Метрах в десяти наткнулись на останки существа, насторожившего их своим визгом. Белесое туловище было аккуратно раскроено надвое. Луч прошелся чуть ниже пояса. Губы топорщились в смертном оскале, обнажая желтые зубья; внутри ощеренного рта, над языком, можно было различить узкую трубку для впрыскивания яда.

Сходства с человеком в существе, оказывается, было гораздо больше, чем с лягушкой. Пальцы, несмотря на перепонки, были явно приспособлены для хватания. От выпроставшихся серо-голубоватых внутренностей неприятно попахивало, и путники не стали задерживаться. В окружающем тростнике слышалось скрытое шуршание — вероятно, за ними шли по пятам.

Через четверть часа за болотом завиднелись невысокие холмы. Тростник по бокам пошел реже, так что и местность начала просматриваться метров на десять. Между тем шуршание не умолкало, хотя, куда ни кинь взгляд, ничего не было заметно ни по ту ни по другую сторону.

Теперь, чтобы расчистить дорогу через болото, требовался «жнец». Стебли отстояли друг от друга на достаточном расстоянии и не составляли препятствия. А вот зыбь под ногами стала более коварной. В одном месте Найл лишился обоих башмаков; пришлось выковыривать их из вязко чавкающей черной грязи, издающей знакомый гнилостный запах, к которому путники, кстати, так уже привыкли, что не обращали внимания.

И надо же, когда до суши было уже рукой подать, Манефон, коротко вскрикнув, вдруг провалился по пояс. Найл с Доггинзом спешно уцепили его за руки и начали дружно вытягивать.

— Берегитесь! — рявкнул вдруг он.

Они обернулись. Навстречу им, мелькая среди редких стеблей тростника, неслась во всю прыть огромная орава человеко-лягушек. Доггинз, а за ним и Найл отпустили Манефону руки (тот в ту же секунду ушел обратно в темную жижу) и похватали «жнецы». Доггинз пальнул первым. Голубое пламя, рванувшись, без труда прорезалось через бегущих и подпалило сзади них тростник. Удивительно, но уцелевшие как ни в чем не бывало продолжали нестись в их сторону. Найл выстрелил, целясь по ногам, и с грозной решимостью медленно повел «жнецом» из стороны в сторону. Ему претило губить живое, поводя смертоносным лучом, словно косой, но иного выхода не было. Создавалось впечатление, что существам этим не присущи ни страх, ни чувство самосохранения; единственная их цель — уничтожить незваных гостей, неважно, какой ценой.

Атака захлебнулась так же неожиданно, как и началась. Зыбь вся как есть была усеяна белесыми телами, в большинстве срезанными под колено (эти все еще извивались и подергивались). От других оставались лишь обугленные останки: Доггинз использовал «жнец» на большой мощности. В воздухе стоял удушливый запах горелой плоти. Найл опустил ствол. К горлу подкатывала тошнота. Доггинз палил навскидку до тех пор, пока не исчезли последние признаки движения. Раскаленный ствол «жнеца», когда он положил его на мокрый грунт, зашипел.

Манефон к этой поре увяз по грудь. Чем отчаяннее он барахтался, тем глубже его утягивало. Найл с Доггинзом, поминутно оскальзываясь на слякоти, начали выволакивать товарища наружу. В конце концов Найл догадался вынуть из своего мешка моток веревки, которую они пропустили Манефону под мышки. Затем начали постепенно отходить, нащупывая ногами опору понадежнее, утвердившись, что есть силы потянули. Манефон помогал как мог, впиваясь в грунт пальцами. Смачно чавкнув, его тело неожиданно выпросталось из трясины; Найл же с Доггинзом, не удержавшись, опрокинулись на спину.

Минут десять они сидели неподвижно, переводя дыхание, и отстраненно наблюдали, как Манефон с насупленной сосредоточенностью соскребает с ноги слякоть пучками болотной травы. Солнце почти коснулось вершин западных холмов; пары часов не пройдет, как нависнет тьма. Но уже отсюда было видно: каких-нибудь двести метров, и начинается твердая земля.

Найл, поднявшись, начал взнуздывать себя заплечным мешком. Манефон и Доггинз неохотно последовали его примеру. Манефон оглянулся на обугленные останки человеколягушек.

— Дай-то бог, чтоб такой встречи больше не повторилось.

— Типун тебе на язык,— вставил Доггинз.

Они ступали осторожно, лавируя меж загноин стоячей воды, поверхность которой покрывала изумрудно-зеленая ряска с разводами желтоватого, похожего на планктон вещества. Так, петляя, они постепенно подходили к твердой земле. Идущий впереди Манефон обернулся через плечо.

— Знаешь, чего сейчас больше всего хочется?

— Чего?

— В горячую ванну.

Доггинз смешливо фыркнул и указал на покрытую ряской загноину, которую они сейчас огибали:

— Эта подойдет?

Не успел он договорить, как зеленая ряска разорвалась и сквозь нее проглянула лягушачья образина, из тех самых. Найл хотел окрикнуть, но поздно: струйка зеленого яда прыснула Манефону прямо в глаза. Тот, громко вскрикнув, отшатнулся.

Доггинз яростно взревел, вскинул «жнец» и выстрелил: зря. Путников тотчас обволокло шипящим облаком жгучего пара. Найл упал на колени, закрыв лицо руками; пар назойливо забирался под веки, в ноздри. На миг Найлом овладела паника и полная беспомощность. Вскоре, впрочем, клубы пара рассеялись и появилась возможность оглядеться. Болотистая загноина, на которую они только что смотрели, исчезла. На ее месте зияла яма с жирно поблескивающим черным дном, покрытым вялой травой и зеленой плесенью. На самом дне рожей вверх валялась человеколягушка, разбросав конечности в стороны. Туловище взбухло и совершенно побелело; с одной из лап, обнажая кость, свободно свисала плоть. Тело моментально сварилось в водовороте кипящего пара.

Манефон, вжавшись лицом в мокрую землю, выл и стонал на все голоса. Доггинз и Найл поскидывали мешки и спешно намочили все имеющиеся в наличии лоскуты. Найл (у самого щека так и горит, обожженная кожа в волдырях) представлял, какую муку он сейчас терпит. На все их увещевания Манефон отвечал лишь протяжными стонами; стонал и тогда, когда на глаза бережно опустили влажную тряпицу. Притиснув ее к лицу, он с трудом сел, раскачиваясь взад-вперед от боли. Найлу и Доггинзу оставалось лишь беспомощно взирать на его мучения.

В конце концов Манефон унялся, пристроившись возле небольшой лужицы, куда уткнулся лицом. Когда спустя полчаса он наконец сел, его с трудом можно было узнать, настолько набухла вокруг глаз кожа.

— Я ничего не вижу, ослеп.

Он растянулся на земле, горько, безудержно рыдая. Найл беспомощно смотрел, мысленно заклиная собственную боль жечь сильнее, чтобы не так мучила вина. К Манефону он не чувствовал ни капли презрения, только жалость, бездну жалости.

Доггинз бережно обнял товарища за плечи.

— Я понимаю, как ты мучаешься, но нам надо идти. Если мы останемся здесь, то погибнем.

Манефон, неимоверным усилием взяв себя в руки, успокоился.

— Вам придется вести меня как маленького.

— Конечно, конечно, мы будем тебя сопровождать.

Бедняга поднялся.

— Куда мне?

— Мы идем обратно.— Доггинз поглядел на Найла.

— Через болото?

— Это единственный путь. Мы должны привести его обратно к Симеону. Куда нам теперь, со слепым-то.

Доггинз в самом деле был прав. Он поглядел на солнце.

— Тогда надо спешить.

У Манефона клацали зубы: боль сменилась шоком.

— Вы уж извините,— виновато промямлил он.

— Ну, о чем ты! — трогательно сказал Доггинз.— Ты на ногах-то держаться ничего, можешь?

— Могу. Только не вижу ничего.

— На этот счет не переживай, мы за тобой присмотрим! Ну ладно, пора. Идем.

«Жнец» Манефона они приторочили к мешку, а сам мешок водрузили ему же на спину. Оба делали это против желания, но иного выхода не было, иначе темп снизится вдвое.

Ступая по тропе среди тростника, Найл с удивлением почувствовал, что вся усталость куда-то схлынула. Острота положения обновила силы, подпитав энергией из скрытых резервов. Единственной заботой было добраться к стоянке до темноты. Они шли по бокам от Манефона, поддерживая его под локти — так сподручнее, чем тянуть за ладони,— и двигались длинными, быстрыми шагами. Понимал и Манефон, что жизнь всех троих сейчас напрямую зависит от быстроты хода, поэтому не корил и не сетовал, когда иной раз спотыкался и падал на колени. Временами он спрашивал:

— Темень еще не наступила?

— Пока нет,— отвечали ему.

Отправляясь обратно, Найл втайне был уверен, что темнота неизбежно застигнет их еще задолго до стоянки. А тут, смотри-ка: при такой ходьбе, глядишь, и в самом деле уложатся. Добравшись до места, где в него прыснула ядом лягушачья сволочь, Найл понял, что они отмахали уже больше полпути, и на сердце значительно полегчало. Еще через двадцать минут под ногами уже стелилась своя, рукотворная тропа. Солнце между тем успело сойти за западный горизонт, но небо еще

хранило тусклый голубой цвет. Вот уже и тростник позади, а впереди среди деревьев теплится огонек.

— Симеон! Милон! — выкрикнули они в один голос.

Жутко раздувшееся лицо Манефона расплылось в улыбке. Через пять минут они выволоклись на освещенную костром поляну, все так же поддерживая Манефона под локти.

Милон, лежащий, укутавшись в одеяло, возле костра, с видимым усилием приподнялся на одном локте:

— Уже нагулялись? Понравилось?

Найл бросился на землю, блаженно растянувшись, прикрыл глаза. Несколько секунд он лежал неподвижно, ощущая беспечный восторг и радуя покоем уставшее тело — так уютно и беспечно, наверное, чувствует себя младенец на руках у матери. И не важно, что их по-прежнему окружает опасность и, может статься, им никогда не выбраться из этого треклятого места. По крайней мере, в данную секунду ничего не угрожает. И этот благостный момент Найл воспринимал так, как утомленный странник пуховую перину.

Под рассказ Доггинза о пережитых приключениях Симеон вскипятил в воде листья сувы и омыл Манефону глаза. Когда отвар стал подтекать под веки, Манефон застонал от боли, а спустя несколько секунд глубоко вздохнул и улыбнулся с облегчением. Вскоре его дыхание стало глубоким и спокойным: заснул.

— Как ты думаешь, он будет видеть? — негромко спросил Доггинз.

— Не знаю. Если это что-то вроде яда плюющейся кобры, слепоты не наступит, если все время промывать.

Доггинз жалостливо посмотрел на неестественно раздувшееся лицо Манефона.

— Хоть бы ты оказался прав.

Сверху в сгустившейся темноте начали проплавляться первые звезды. От моря по долине задувал холодный ветер, и, хотя людей ограждали от него деревья, было слышно, как он завывает и вздыхает в гуще ветвей.

— Почему не видно мотыльков? — спросил Найл Симеона.

— Здесь, внизу, для них чересчур опасно. Они предпочитают где повыше, там меньше хищных растений.

— Растения на ночь отходят ко сну?

— Вероятно. Ты замечаешь, трава перестала двигаться?

— Не обращал внимания.

Найл выдрал пригоршню толстых упругих стебельков и подержал на весу в зыбком свете, идущем от костра. Крохотные белые ножки были неподвижны. Бросил травинки на землю — они лежали, не пытаясь в нее вжиться.

— Получается, Дельта ночью спокойнее, чем днем?

— Пожалуй, если б не животные.

— Надо будет, наверное, караулить посменно,— рассудил Доггинз, зевнув.

— Боюсь, что да. Я настраивался дежурить всю ночь, так что первая вахта за мной.

Ужинали остатками мяса омара и сухарями. Впрочем, у Найла усталость пересилила голод. Он надкусил лишь пару раз и, отставив посудину в сторону, улегся. Оставшееся решил доесть, когда отдохнут глаза. Почти сразу же он провалился в сон.

Доггинз растормошил его, казалось, через несколько секунд.

— Сейчас, через минуту доем,— пробормотал он сквозь сон. А когда очнулся, оказалось, что огонь успел прогореть в горку белесого пепла и розоватых углей, а Симеон с Милоном спят.

— Пора тебе караулить,— прошептал Доггинз.

— Который теперь час?

— Через пару часов начнет светать.

Найл зевнул и сел, подрагивая от ночной свежести. Ветер на ветвях все не унимался, и воздух был прохладен.

Доггинз указал в темноту.

— Там что-то ошивается. Не думаю, правда, что осмелится подобраться близко.— Он подбросил в костер сухой сук (сучья, порезав на удобную длину «жнецом», скидал в кучу Симеон); через несколько секунд тот уже занялся огнем.— Я, пожалуй, еще поваляюсь.

Он завернулся в одеяло и прилег возле костра. Не прошло и пяти минут, как он уже похрапывал.

Найл нелегким взором вперился в темноту. Ровный шум высокого ветра не давал расслышать какие-либо звуки, но Найлу показалось, что среди деревьев различаются два поблескивающих зрачка. Он поднял было «жнец», но передумал: если это крупное животное, его рев может всех переполошить. Вместо этого он подбросил в костер еще один сук, а сам поплотнее за-

пахнулся в одеяло и сел, опершись спиной о ствол упавшего иудина дерева. Оружие уместил между колен.

Сознание, что за ним наблюдают, заставило окончательно забыть про сон. Найл полез к себе под тунику и повернул медальон к груди. Это мгновенно углубило сосредоточенность, заставив вместе с тем осознать, что, сидя к дереву спиной, он уязвим для нападения сзади. Он попытался вжиться умом в окружающую темноту, высмотреть, откуда может исходить опасность, но вызванная медальоном углубленность этому мешала. Найл с неохотой снова залез под тунику и повернул медальон другой стороной. Через некоторое время, вызвав у себя в мозгу мреющую точку света, он установил внутри себя незыблемую незамутненную тишину, из которой сознание, расширяясь, простерлось в темноту, будто призрачная паутина. Тотчас проявилась сущность животного, молчаливо разглядывающего людей из темноты. Похоже, не рептилия и не млекопитающее, а, скорее, помесь обоих. Сравнительно небольшое по размеру, оно отличалось недюжинной силой; чувствовалось, что может достать их одним прыжком. Животное привлекал запах, наполняющий его сосущим, заунывным голодом. Но чуяло оно и то, что эти странные лакомые существа довольно опасны, так что нападать на них рискованно, лучше потерпеть.

Найл не чувствовал ни страха, ни напряжения; все подспудные желания и рефлексы воспринимались настолько четко, словно он сам слился с этой тварью. Теперь вообще трудно было различить, сидит ли та, прислонясь к дереву, или же караулит, скорчившись за кустом, сложив когтистые лапищи на землю. В то же самое время Найла бередило от странной, скуленью подобной, жалости. Животное было загнано в свои бесхитростные желания и инстинкты, словно в узилище, мало чем отличаясь от машины убийства.

Найлу постепенно наскучило быть просто наблюдателем. Хотелось выяснить, может ли он так или иначе влиять на животное. Увы, нельзя: созерцательность того была абсолютно пассивной, все равно что у паука, сидящего в гуще тенет. Чутко и бережно поддерживая в себе это состояние, чтобы не угасло, Найл медленно — очень — полез к себе под тунику. Когда пальцы коснулись медальона, восприимчивость поколебалась; ее удалось удержать сосредоточенным усилием. Затем с без-

граничным терпением Найл начал поворачивать медальон, пока наконец не развернул выпуклой стороной к груди. На миг чистая, неподвижная созерцательность едва не была разбита бурным всплеском ввергнутой в нее жизненной силы. Опять Найл резко расслабился и ровным глубоким дыханием уравновесил в себе эти столь несхожие энергии. И тут совершенно неожиданно обе отладились в совершеннейшую пропорцию; активная сила медальона теперь уже не угрожала разорвать зеркальную поверхность созерцательности.

Результат получался таким изумительным, что Найл утерял интерес к маячащему в темноте животному; оно отодвинулось куда-то на дальнюю границу восприятия. Больше всего изумляло то, что эти два аспекта его сущности — силу воли и созерцательность — оказалось возможным свести в такое небывалое соответствие, что сила воли оказалась способна управлять созерцательностью, не разрушая ее. Он-то сам и сомнения никогда не держал, полагая, что там, где есть одна, другая полностью исключается. Созерцательность служит для осознания мира, сила воли — для управления им. Сейчас, в этот невыразимо благостный миг гармонии, ему открылось, что это глубокое заблуждение. Созерцательность — лишь способ сошествия в сокровенный внутренний мир.

Просто дух захватывает... Он будто стоял на пороге своих собственных внутренних владений, озирая их с высоты, как озирал землю Диры со стены цитадели на плато. Вся его прошлая жизнь расстилалась перед ним, столь же достоверная, как теперешний момент. А если поднять взор, можно было осознать горизонты еще более дальние — иных жизней, отстоящих от данного момента и вообще от людей. Нечто подобное он испытывал не так давно, сидя в ручье, только теперешнее ощущение было неизмеримо достовернее.

Теперь наконец проклюнулся ответ на вопрос, не дававший Найлу покоя с той самой поры, как он прибыл в Дельту: почему человек постоянно мечется, не в силах отыскать в жизни счастье? Ответ был очевиден: потому что человек, сам того не сознавая, владеет силой преодолевать границы настоящего и осваивать бескрайние владения своей глубинной сущности. Человеку назначено быть властителем своих обширных внутренних владений, а не жалким изгнанником, запертым в измен-

чивое, сиюминутное настоящее. А поскольку все люди рождаются инстинктивно наделенными этим знанием, ни один из них не может довольствоваться тем, что достигнуто на данный момент. Казалось бы, все есть для хорошей жизни — так ведь нет, хочется чего-то большего.

От этого озарения на Найла вдруг нашла глубокая печаль. Началась она, как ни странно, с острой жалости к истекающему слюной животному, что сидит сейчас, сгорбившись, за кустом и изнывает от желания напрыгнуть на них и разорвать на части. У бедолаги не то что «владений» — вообще ничего нет в душе, она заперта в материальном мире, словно узник за решеткой. Вот потому-то Дельта и преисполнена насилия и жестокости. Это все — отчаяние голодающих узников.

Разумеется, жизнь на Земле извечно шла именно таким путем. Лениво пользуясь послаблением даровавшей жизнь природы, все существа блаженно нежились в собственном дерьме. Безвестная сила, стоящая за эволюцией, придумала исправно действующий кнут: лишения и голод. Но по крайней мере, человеку было дозволено развиваться не спеша, осмотрительно, тысячи и тысячи лет — и то, кстати, слишком быстро. Эти же — обитатели Дельты — вынуждены эволюционировать в сотни раз быстрее. Вот почему жизнь в Дельте превратилась в скабрезную, гнусную шутку. Не эволюция, а какая-то закваска на дрожжах, садистский кошмар. Лишенное всякого смысла развитие — для того лишь, чтобы, окрепнув, сожрать другого. Совсем как пауки, окрепшие настолько, что стало по силам выжить людей...

Ныть москита вывело Найла из задумчивости. Он инстинктивно хватил насекомое ладонью и тут с удивлением обнаружил, что, оказывается, уже рассвело и костер давно обратился в груду седого пепла.

В полусотне шагов виднелся куст, за которым по-прежнему маячило голодное животное. Вибрации голода, исходящие от бедолаги, походили на жалобный плач. Безусловно, оборвать его мучения выстрелом было бы благим поступком... Но, уже поднимая ствол «жнеца», Найл понял, что не может сделать это. Вместо этого он пальнул в стоящее за кустом дерево и обвалил его макушку. Куст резко шелохнулся; существо, мощно толкнувшись, исчезло среди деревьев. Найл успел углядеть зеленую

чешуйчатую спину и длинные сильные задние конечности вроде лягушечьих.

Люди вокруг костра мирно спали. Найл подобрал корявый сук и разворошил костер, выковыряв наружу багровые угли; постепенно огонь воспрял к жизни. Радостное волнение все так же не оставляло его, даром что пик озарения уже миновал. Найл вновь пребывал в настоящем, изумленно припоминая вид, открывшийся из башни его сокровенной внутренней цитадели. Почувствовав же приток подземной энергии, пробуждающий Дельту к жизни, Найл ощутил этакое гневливое волнение: гнев на силу, создавшую эту порочную шутку, и волнение от сознания, что ум, оказывается, способен проникать за свои сиюминутные цели.

Лицо у Манефона раздулось так, что его трудно было узнать, будто его жестоко испинали ногами. Тем не менее, раздвинув пальцами толстые накаты плоти, наплывшие на глаза, он сказал, что различает дневной свет. Настроение у всех чуть приподнялось; откровенно говоря, мысль о пожизненной слепоте нагоняла жути больше, чем даже мысль о смерти.

А вот Милон был все так же слаб и, как он сказал, перестал чувствовать под собой ноги. Попробовал подняться и тут же свалился мешком. Кожа на руках и ногах приняла у него синюшный оттенок. Вид у Симеона, когда он осмотрел раненого, был откровенно мрачный. В конце концов Симеон решил испробовать целебное средство, которое использовала в свое время его бабка: отварить листья дерева, причинившего порчу, и прикладывать к ранам болтанку.

У Найла с Доггинзом не было времени наблюдать целебное воздействие; предстоял долгий день, и засиживаться было рискованно. Наспех позавтракав вяленым мясом, сухарями и запив все это отваром из трав, подслащенным медом, они вторично отправились к причудливому холму, напоминающему голову великана.

Симеон проводил их до конца поляны. Солнце едва показалось над вершиной холма, что позади, и центральная низменность Дельты все еще лежала под серебристым покровом туманной дымки.

— Пару слов, прежде чем тронетесь,— сказал Симеон.— Не сложись все так, я бы, безусловно, отправился с вами. На

деле же мне остается лишь дать вам напоследок совет. Не секрет, что в Дельте полно опасностей. Однако самая главная из них таится некоторым образом у вас же в уме. Дельта имеет свойство уничтожать всех, кто чувствует себя обреченным, и милует тех, кто не дается в лапы. Основная гарантия того, что вы уцелеете,— в вашей решимости. Поэтому будьте храбры, но без глупого безрассудства. Да хранят вас боги.

На прощание они обнялись, и Симеон стиснул Найла так, что у того навернулись слезы. В ум Симеона можно было и не заглядывать: и без того видно, что старик не чает вновь увидеть их живыми. Он смотрел вслед до тех пор, пока они не скрылись среди тростника.

Они уже изначально решили держаться западного края болота, где старые следы. Но вот те раз: тропа-то, оказывается, совсем почти заросла. Там, где по стеблям прошелся «жнец», успели вылезти новые, иные вымахали уже до полуметра. Пробираться между ними оказалось не очень сложно. А вот где протоптал тропу жабомордый ящер, стебли в основном уже успели выпрямиться. К счастью, молодая поросль не была такой густой и податливо ложилась под лучом «жнеца» — можно было пробраться сверху. Найл с Доггинзом, хорошо отдохнувшие за ночь, продвигались с неспешной решимостью, то и дело останавливаясь, чтобы вслушаться, не надвигается ли погоня. Ни звука, только ветер свищет в высоком тростнике.

Больше двух часов добирались до места, где дорогу им перегородил кормящийся ящер. Единственный след, оставшийся от присутствия зверозубой рептилии,— это багровое пятно в середине болотистой заводи, где она расправилась с добычей. Судя по проломленному через тростник коридору, ящер убрел куда-то в другом направлении, на тот конец болот. Переходить прудок вброд было пустой тратой времени. Вместо этого путники повернули и отправились прежней своей дорогой к месту, где у них была схватка с человеколягушками.

Вот дела: ожидали увидеть груды обугленных останков, не нашли ничего — ровное место, будто никакой схватки и не было. Ни следа не осталось. Не было даже побуревшей от жары травы; из болотистой почвы торчала свежая прозелень.

Доггинз нахмурился.

— Слушай, получается, вокруг еще полно этих, лупастых. Это, наверное, они утащили падаль.

Найл же в это время с удивлением разглядывал аккуратное круглое отверстие в грязи возле ног. Интриговало то, как оно помаленьку заполняется водой. Вынув мачете, он вогнал лезвие в вязко чавкнувший грунт и провернул, подрезая по конусу кусок, который вытянул, ухватившись за траву. Поглядел и невольно отскочил. Там копошился жирный белый червь в пару сантиметров толщиной. Его раскроило лезвием пополам, и одна половина уже спешно вбуравливалась обратно в почву; пока смотрели, она уже исчезла. Другая беспомощно извивалась на дне воронки, куда медленно прибывала вода. Тут из стенки отверстия выскользнул еще один червь, и Найл оглядел округлую акулью пасть с острыми загнутыми назад зубами. Нежданный гость без промедления набросился на извивающийся обрубок. Широко разведя челюсти, червь подался вперед и, провернувшись, отхватил кусок плоти размером с собственную голову. В считаные секунды подоспели еще двое и присоединились к пиршеству. Почва внизу, видно, ими так и кишела. Неотрывно наблюдая с брезгливой миной, Найл неожиданно почувствовал вкрадчивое прикосновение к ноге и отскочил как ужаленный. Сзади из почвы змеей вылез еще один червь. Одним ударом мачете Найл отсек ему голову. К извивающемуся в грязи обрубку подоспели двое других червей и принялись торопливо его поглощать.

Доггинз сплюнул.

— Хорошо, что не надумали ночевать на болоте. Эта мразь будет почище пираний.

Не успел договорить, как от обезглавленного червяка ничего уже, по сути, не осталось. Вот и ответ, куда девались трупы человеколягушек.

Они заспешили в сторону твердой земли, приостановившись поглядеть с недоверием на покрытую зеленой ряской загноину, из которой напали на Манефона, однако зеленая поверхность была абсолютно недвижна. Через пять минут они уже стояли на твердой земле.

Здесь осмотрелись. Внизу стелилась жесткая, похожая на проволоку трава, темно-зеленый цвет которой контрастировал с едкой зеленью болота. Этот угрюмый цвет для Дельты казался каким-то чужеродным, словно олицетворял иной, более холодный климат. Земля впереди полого сходила вниз, пере-

растая в невысокую каменную гряду с гранитными скалами-зубьями. К югу земля уже образовывала склон. На расстоянии примерно в милю участок темно-зеленой травы сменялся более светлой зеленью сельвы, выдыхающей, казалось, серебристый туман. За сельвой проглядывал провал среди холмов, оторачивающих южную оконечность Дельты. Если смотреть на север, там рельеф плавно углублялся в сторону моря, и темно-зеленая трава вскоре уступала место болотистой низменности. Вдали, под солнцем, поблескивала гладь моря. Судя по всему, они находились на своего рода островке сухой каменистой земли посреди бассейна Дельты.

Доггинз подозрительно озирал местность, держа наготове «жнец».

— Не может быть, чтобы здесь было так спокойно. Где-нибудь наверняка кроется подвох.— Он поглядел на каменистую гряду, что в полумиле.— Знать бы, что там, на той стороне.

— Симеон говорил, в Дельте чем ближе к центру, тем сильнее опасность,— заметил Найл.

— Он-то откуда знает? — хмыкнул Доггинз.— Сам сроду там не бывал.

Найл нагнулся и попробовал сорвать травинку. Та оказалась неожиданно тугой; пришлось обмотать вокруг указательного пальца, чтобы дернуть как следует. Потянул во второй раз, и тут кольнуло так, что рука отпрянула сама собой. Укол напоминал острое пощипывание раздвижной трубки, только, безусловно, сильнее.

— Ты чего? — удивился Доггинз.

— Попробуй-ка сорви.

Доггинз, нагнувшись, уверенным движением стиснул травинку меж большим и указательным пальцами и резко потянул. Секунды не прошло, как он, удивленно вскрикнув, отдернул руку.

— Вот сволочь — дерется! — воскликнул он, с ошарашенным видом глядя себе на пальцы.

Найл по глупости наклонился и положил ладонь на траву. Шарахнуло так, что он, вякнув от боли, отдернул руку. Оба растерянно посмотрели друг на друга.

— Это еще что? — проронил наконец Найл.

— Электричество. Никогда не наступал на электрического ската? — Найл покачал головой.— Так же стреляет.

— Тогда почему она сейчас не бьет по ногам?

— Под тобой же прокладка, подошвы.

Найл недоуменно посмотрел вниз на траву.

— Тогда почему она не ударила сразу, как только я к ней прикоснулся?

— Может, потому, что у тебя тогда в уме не было ее дергать.

Найл сделал несколько опасливых шагов.

— Ты думаешь, по ней идти безопасно?

— Если в обуви, то да.

Тем не менее, пока шли в направлении каменистой гряды, Найл ступал крайне осторожно; как-то не верилось, что подошвы башмаков в силах защитить.

— А почему она вообще бьется?

— Для защиты, наверное. Обыкновенная трава не может за себя постоять.

Примерно в середине пути они миновали полусгнивший труп большой птицы; Найл рассудил, что это, вероятно, орел. Можно было видеть, что когти у нее судорожно скрючены в агонии, а клюв на безглазой морде отверст, будто в пронзительном крике.

— Птицу-то зачем губить? Они же не трогают траву.

— Зато удобряют своими трупами почву.

Найл неприязненно покосился на траву.

— Вид у нее уродливее, чем у обычной.

— Куда деваться? Иначе не уцелеешь.

Вот уже и ведущий вверх склон. За отдельными, похожими на пальцы, гранитными столбами, судя по их величине, вполне могли прятаться животные, поэтому к ним они приближались осторожно, держа «жнецы» на изготовку. Когда же достигли верхотуры, стало ясно, что предосторожности излишни. Вниз на милю тянулся склон, за ним сочно-зеленой стеной поднималась сельва. Дальше проглядывала ближняя из двух рек, та, что течет с южного конца Дельты, похожая на ленту, змеящуюся через заросли и болотистую низменность. Прямо впереди, за ручьем, возвышался холм с напоминающим башню шишаком. Теперь, когда до холма от силы мили три, он уже не был похож на голову, и шишак не имел сходства с башней. С этого

расстояния он напоминал скорее некий растительный вырост или корявый пень, оставшийся от могучего дерева.

— Вид такой, будто его шваркнуло молнией,— задумчиво проронил Доггинз.

С этой позиции открывался и вид сверху на слияние двух рек у подножия северного склона холма. Очевидно, та из них, что скрыта по большей части за холмом, была мощнее и полноводнее, чем та, что различалась полностью, а уж там, сливаясь, обе объединялись в широкий и величавый поток.

Доггинз вынул носовой платок и отер лоб.

— Что-то душно.— Он тяжело перевел дух.— Температура, наверное, под сорок.

Душно было и Найлу, даром что они вдвоем стояли в тени высокого гранитного столба-пальца. Внезапное изменение температуры удивляло: на противоположном склоне было тоже жарко, но не так угнетающе. Проникнувшись вдруг подозрением, он полез под тунику и повернул медальон. Миг углубленной сосредоточенности сменился чувством облегчения; секунда, и жара перестала досаждать.

— У тебя медальон с собой?

— А как же,— откликнулся Доггинз.

— Поверни другой стороной.

Доггинз послушался и с удивлением воззрился на Найла:

— Что случилось?

— Это не жара,— пояснил Найл.— Подземная сила, вот что.

— Не пойму. Как она может нагнетать жару?

— Понижая твою сопротивляемость. Она давит тебя, а ты по ошибке думаешь, что это жара.

— Ты считаешь, она догадывается о нашем присутствии?

— Я не знаю.

Этот вопрос и тревожил Найла. Общее впечатление складывалось такое, что сила столь же слепа и невнятна, как и ветер. Вместе с тем временами она могла проявлять себя осмысленно — как тогда, когда воспротивилась издевательству над головоногами. От мысли, что она, может статься, осознает и их присутствие, сжалось сердце.

— Сейчас бы присесть да отдохнуть,— помечтал Доггинз.— Но рисковать нам нежелательно. Сядешь, и оно из тебя душу

вышибет, а мне еще пожить охота. Так что пойдем-ка лучше без остановки.

Они отправились дальше вниз по склону. Духота не была теперь такой несносной, и тем не менее что-то гнетущее нависало в воздухе, будто само солнце превратилось в тяжко пульсирующее сердце.

— Что это там? — спросил вдруг Доггинз.

Слева из земли торчал гранитный валун, возле которого виднелась впадина. Что-то смутно белело в ее недрах на фоне иссиня-зеленой травы.

— Кости,— удивленно заметил Найл.

Доггинз подошел поближе.

— Ого, вот уж воистину был монстр!

Невдалеке отчетливо виднелись ребра-стропила и заостренный, будто у гигантской крысы, череп. За позвоночником аккуратно стелился длинный ряд хрящей мощного хвоста — впечатление такое, будто мясо мастерски очистили с костей.

Найл встряхнулся и моргнул, завидев в воздухе странную рябь, будто кто прозрачную занавеску простер перед глазами, от которой застит вид. Мгновенно насторожившись, он поднял «жнец».

Доггинз поглядел в удивлении:

— Ты чего?

Когда же взглянул в ту же сторону, что и Найл, у него кровь отлила от лица. Кости пришли в движение. Хрящи хвоста, шевельнувшись, притиснулись к траве, ребра грузно вздыбились; затем, приподнимаясь, содрогнулся весь скелет. Костистые челюсти, разомкнувшись, исторгли оглушительный не то рык, не то визг.

Найл с Доггинзом выстрелили одновременно. Предохранители на «жнецах» стояли на минимальной отметке, так что голубые спицы-лучи были почти невидимы. Стоило им чиркнуть по скелету в том месте, где грудь переходит в шею, как рев оборвался в тот же миг. Ступив по инерции пару шагов вперед, существо опрокинулось в их сторону; оба инстинктивно отпрыгнули. Исполин тяжело рухнул — не сухое бряцание костей, а плотный глухой удар плоти о землю. Шея в агонии крутнулась с боку на бок, и на миг люди ошарашенно повстречались взглядом с полными тупой ненависти глазами. Оба го-

товы были снова выстрелить, но было совершенно ни к чему: лучи без малого полностью рассекли существу шею.

Ящер теперь лежал неподвижно, и стало видно, что у него есть шея. Плоть, кстати, была прозрачна, как студень, так что можно различить сеть вен и мощные сухожилия, разорванные выстрелами. Полупрозрачным было все тело, и внутри грудной клетки виднелись очертания сердца — круглого, с человечью голову.

Они осторожно обошли существо, чутко вздрогнув, когда у того конвульсивно дернулись задние лапы. При взгляде на мертвого монстра с трудом поддавалось разумению, как от них укрылось, что это живое создание, а не груда белеющих костей.

Протянув руку, Найл коснулся хвоста. Шкура твердая, холодная, без намека на волосяной покров. Со смертью студенистая плоть приняла лиловатый оттенок, и стало видно, что это гигантская ящерица. Судя по сильно развитым задним конечностям, прямоходящая.

— И как это мы умудрились его не заметить? — лишь покачал головой Доггинз.

В самом деле, поди объясни. Полупрозрачную плоть можно было не различить в мутной воде или в полумраке, но никак не при ярчайшем полуденном свете. Кровь, хлещущая из зияющей на шее раны, была прозрачна едва не как вода и вместе с тем различима вполне отчетливо. А длинные изогнутые когти на передних лапах покрывала корка — судя по всему, запекшаяся кровь.

Задерживаться возле мертвого ящера не было смысла, и они снова тронулись вниз по склону. Не успели отойти и на сотню метров, как оба вскинулись от резкого хлопанья крыльев. С неба стремглав спускалась большая хищная птица. Найл с Доггинзом вскинули «жнецы», но вскоре опустили: птицу интересовал только мертвый ящер. Она упала ему на голову и первым делом накинулась на глаза. В считаные секунды остов обсела целая стая и пошла впиваться в плоть когтями и клювами.

— Отдает, что взял,— задумчиво отметил Найл.

— Что взял?

— Он, наверное, так и охотился. Лежит себе, сверху посмотришь — кости и кости. Гриф увидит и снижается посмотреть,

есть ли еще на костях мясо. А тут — хлоп! И одним грифом на свете меньше.

— Но как ему это удается?

— Может статься, каким-то образом воздействует на мозг. Внушает, чтобы его не заметили. Если пауку по силам завлекать в свою паутину муху, то почему ящеру не по силам внушить птице не замечать его?

Приблизившись теперь к лесу, они заметили, что богатство оттенков создается обилием цветов. С расстояния все это походило на цветник в городе жуков — нарядный, радующий глаз: цветы желтые, лиловые, красные, оранжевые, да еще и зелень всевозможных оттенков. Впечатление, когда подошли ближе, оказалось обманчиво: просто хаотичное хитросплетение, но все равно похоже на сад, хотя и запущенный.

Подбирались с оглядкой, оружие на изготовку, но, как выяснилось, перестраховались. Ближайший куст покрывали крупные желтые цветы с раструбами, от которых исходил аромат, отдаленно напоминающий запах роз. Из одного такого раструба выбралась мохнатая пчела величиной с кулак и с жужжанием понеслась в лес; ей, видно, любая опасность была нипочем. Едва подошли к деревьям, как трава сменила обличье — стала щедрой, зеленой. Когда Найл нагнулся сорвать стебелек, та далась без сопротивления.

Найл с Доггинзом оглядели землю, выискивая неброские знаки, выдающие присутствие черного фунгуса, изучили каждое дерево, особо высматривая легкий трепет, намекающий на то, что растение собралось поохотиться. Признаков для беспокойства не было совершенно никаких. Местность между деревьями просматривалась достаточно хорошо. Здесь в изобилии водились пчелы, встречались и другие насекомые, но, похоже, угрозы ниоткуда не исходило.

— Что-то не особо я доверяю этому запаху,— заметил Доггинз.— Вдруг какое-то угарное зелье?

Найл пожал плечами.

— Давай дождемся и посмотрим, как оно на нас подействует. Во всяком случае, мне попить надо.

После стычки с ящером в глотке свербило от сухости. Они сели на траву в десятке метров от ближайшего куста. Прежде чем выходить, Найл запасся водой из ручья. Сейчас она была

теплой, но жажду, по крайней мере, утоляла. Мелькнул соблазн приложиться к фляжке с золотистым вином — там все еще оставалось с половину,— но раздумал: в эдакую жару да еще хмельное. Найл сжевал сухарь и яблоко; Доггинз тоже слегка перекусил. Закончив есть, Найл подобрал под себя ноги и на время отрешился от окружающего, создав в себе незыблемое спокойствие. В такой обстановке это было несложно. Благоухание цветов и богатство красок придавали поляне вид райских кущ. В эти минуты желтые трубчатые цветы создавали на сердце удивительную легкость, их раструбы словно исторгали оды радости. Доггинз наблюдал со стороны.

— Ну, что скажешь?

— Я думаю, здесь не кроется опасность. Может, нам надо... Ой, что это?

Оба замерли, прислушиваясь.

— Ты что-нибудь слышал? — взволнованно спросил Доггинз.

— Я, похоже, слышал крик. Вдалеке...

Действительно, секунду спустя крик послышался снова, на этот раз довольно внятно: «На-айл!»

Кожа у Найла пошла пупырышками от недоброго предчувствия. Он узнал голос своего брата Вайга; голос исходил, очевидно, откуда-то с той стороны леса. Найл поднялся и сложил рупором ладони, но не успел вдохнуть, как вскочивший Доггинз прикрыл ему рот ладонью.

— Стой! Это может быть ловушка.

— Но там мой брат!

— Неважно. Помалкивай.

— На-айл!

Голос, несомненно, принадлежал Вайгу.

— Наверное, это смертоносцы прихватили его с собой,— тревожно рассудил Доггинз.

— Но у нас с собой «жнецы».

Доггинз в сердцах хватанул его за руку.

— Да пойми ты, если они держат твоего брата в заложниках, разве мы можем пускать их в ход! Они на то и рассчитывают.— (Найл беспомощно покачал головой.) — Как бы ты поступил, пригрози они прикончить твоего брата, если не сдашь-

ся? Пошел бы на все, лишь бы остался в живых, верно? Так вот, молчи и не откликайся.

— Но может, он там один!

— На-а-айл!

Голос звал, заклинал, требовал. Не откликаться было откровенным изуверством, но Найл болезненным усилием воли превозмог себя и молчал.

— Как он может быть там один? — с жаром спросил Доггинз.— Ты подумай. Он не мог знать, где ты находишься, а и знал бы, так все равно не смог бы пробраться в Дельту один. Он обязательно должен быть с кем-то.

Щеки у Найла пылали сухим жаром, он был растерян и подавлен.

— Может, лучше вернемся?

— А смысл? Нам надо двигаться дальше.

— Да, надо,— произнес он нетвердым голосом. Сердце стало будто свинцовое. Голос брата наполнил немой, тяжелой тоской, высосав всю уверенность.

Они подняли мешки и устало побрели под сень деревьев. Там было прохладнее, а воздух тяжел от аромата цветов. Окраска у некоторых была до такой едкости броской, будто они лучились светом изнутри. Но вязкий аромат лишь вызывал у Найла тошноту. Щеки лихорадочно рдели, а ноги подгибались, как ватные. Ум теснили растерянность и страх. Что, если у них там еще и мать? А то, чего доброго, и ребятишки? От таких мыслей тянуло в голос разреветься.

Он полез под тунику и перевернул медальон. В затылке скорготнула острая боль, рука едва не дернулась развернуть медальон в прежнее положение. Когда же он, стиснув зубы, сосредоточился, стало ясно, насколько все же смятение и страх подтачивают силы. И тут внутри будто сжался кулак, а решимость начала возвращаться, что уже само собой приносило облегчение. Он неожиданно уяснил: каким бы сложным ни было положение, глупо изводить все силы на волнение и походить на жаждущего в пустыне, что последние капли воды вытряхивает на песок.

Тошнота сгинула, словно дурной сон. Теперь стало возможным взглянуть на проблему совершенно объективно, а одновременно с тем возвратилась и смелость. Если смертоносцы

держат сейчас Вайга в плену — а это напрашивается само собой,— значит, они заметили, как они с Доггинзом переваливают через холмы. В таком случае они, вероятно, лежат и подкарауливают в засаде. Тут вспомнилось, как молниеносно скрутил его тогда в пустыне бойцовый паук, и Найл сразу представил, как легко бы могли они и сейчас накинуться откуда-нибудь из-за куста или из-за камня — не успели бы они с Доггинзом и глазом моргнуть. Тогда как они допустили, что Вайг выдал свое присутствие криком? Абсурд какой-то. Теперь их двоих трудно застать врасплох: предупреждение получено.

Ответ мог быть один. Мысль о «жнецах» вызывает у смертоносцев ужас, и больше всего они боятся спровоцировать выстрел. Если это действительно так, то они настроены на переговоры...

Эти мысли возродили утраченный было оптимизм, и Найл запоздало ужаснулся, насколько приблизился он к полной капитуляции. Любопытно было и то, как быстро обновленная надежда возродила силу и уверенность. Ему вдруг по-новому открылась красота цветов с их невероятным разнообразием оттенков. Вот желтые цветы — трубчатые, с запахом розы. А вот оранжевые соцветия, имеющие приятный привкус цитрусовых. Или вон кусты, покрытые пурпурными цветками в форме открытого зева, от роскошного, приторного благоухания которых веет некой пресыщенностью; что-то в них внушает неприязнь. Были даже цветы — зеленые,— напоминающие собачий шиповник, только с широкой белой ленточкой вокруг каждого цветка; у этих запах был медвяный и даже чем-то напоминал кокосовый орех. В траве виднелись розовые и белые маргаритки, чистый, сладкий аромат которых вполне соответствовал их невинному виду. Не ускользало от внимания и то, что те цветы, что упрятаны в тени деревьев, будто мреют собственным светом изнутри.

До обостренных чувств вскоре начало доходить, что каждый цветок, похоже, действует на чувства избирательно. Найл уже испытал смутную радость при виде желтого трубчатого цветка, но поначалу рассудил, что это просто из-за броскости цвета. Теперь же становилось ясно, что весь куст испускает некую вибрацию, от которой становится легко на сердце, и по отчетливости она напоминает музыкальный тон. Багряные цветы

вызывали пылкий трепет возбуждения — агрессивного какого-то, зовущего к сладкому бешенству насилия. Оранжевые цветы пьянили острой сладостью восторга; на ум почему-то шли мысли о Мерлью, Доне, Одине — в этих цветах, похоже, крылось нечто женственное. А отдельные соцветия — крупные, белые, с лиловыми верхушками — наполняли влекущей, непонятной ностальгией. Почему-то хотелось думать о какой-то неведомой стране, где ветры холодны и цепки, а ручьи с осени до весны скованы льдом. Странно было ощущать все это — и многое другое, вообще неописуемое,— идя среди них; все равно что плыть в воде, где температура поминутно меняется.

— Стой, что это? — насторожился Доггинз.

Остановились, вслушались. Найл не расслышал ничего; в воздухе стояло заунывное гудение пчел и других насекомых. Но когда напряг чувства, то вроде бы уловил звук, напоминающий отдаленные голоса. Из чашечки пурпурного цветка выбралась пчела и прожужжала мимо уха; сосредоточенность Найла чуть поколебалась, и звук голосов тотчас же смолк.

— Вот, слышишь? — Голос срывался от напряжения, лицо бледное.

— Голоса?

— Детские голоса.

Найл напряженно вслушался и вроде бы опять уловил призрачные отзвуки, но это мог быть и шум бегущей воды, и крик какой-нибудь птицы.

— Что-то такое слышно, но только очень далеко.

— Далеко? — Доггинз вперился в него, расширив глаза.— О чем ты говоришь? Это же вон, рукой подать!

Он схватил Найла за руку и потянул его в ту сторону, откуда, как казалось, доносятся голоса.

— Нет, погоди.— Найл не дался; Доггинз с неохотой убрал руку. Его, судя по виду, раздирали невидимые эмоции.— Прежде скажи, что ты сейчас слышишь.

Вид у Доггинза был смятенный, отчаявшийся.

— Ты ведь уже знаешь. Голоса.

— Они близко?

Доггинз воззрился: мол, ты в своем ли уме?

— Ты что, так ничего и не слышишь?

— Может, что-то невнятное. А теперь уж и вовсе нет.

— Ты хочешь сказать, что не слышишь этого?

— Слушай,— сказал Найл,— мне кажется, здесь какое-то наваждение.

— Тогда почему ты тоже слышал?

— Не знаю. Наверное, просто настроился в резонанс.

— Нет, ты в самом деле не слышишь? Не разыгрываешь меня?

— Да нет же, нет! На что они похожи?

Доггинз встревожен, сбит с толку.

— Голоса, детские.

— Твоих детей?

Доггинз изо всех сил старался держать себя в руках, но Найла не обманул его внешне спокойный тон.

— Никаких голосов нет. Это все звучит у тебя в голове.

Доггинз, видно, до конца так и не убедился.

— Тогда что их вызывает?

— Не могу сказать. Но сдается мне, знаю, как заставить их смолкнуть.

Он указал на куст с пурпурными цветами, богатый, тяжелый аромат которых странным образом теснил дыхание и навевал подавленность.

— Срежь-ка вон тот «жнецом».

Доггинз уставился непонимающе.

— Давай-давай, действуй.

Доггинз, пожав плечами, отступил на пару шагов. Поднял оружие. Удостоверившись, что предохранитель выставлен на самую нижнюю отметку, нажал на спуск. В затенении леса луч походил на голубой лед. Куст от самой земли расходился так пышно, что не видно было ствола, но, когда Доггинз сместил луч вбок, дрогнул и медленно завалился набок. В этот момент на Найла внезапно обрушился доподлинный шквал, калейдоскоп переживаний: жалость, гнев, скорбь, а за всем этим — тяжелый укор. Вместе с тем куст упал на землю и перестал истекать вибрацией, эмоции схлынули, истаяв вдалеке, словно озабоченный сердитый гомон. Найл вновь почувствовал себя до странности легко и свободно.

В глазах Доггинза в очередной раз мелькнуло изумление.

— Ну? — коротко осведомился Найл.

— Перестало! Что ты такое сделал?

— Это не я, это ты: срезал куст.

Доггинз пристально оглядел растение.

— И что изменилось?

— Сам не знаю,— ответил Найл, покачав головой.— Одно можно сказать: этим штуковинам каким-то образом удается проникать к нам в сознание; примерно так же, как тому ящеру. А потом навевать всякое, чего на самом деле нет.

Видно было, что Доггинзу довольно сложно усвоить слова Найла. Но сугубо практичный ум не готов к осмыслению «того, чего нет», для него это сущий вздор.

— Почему ты велел срезать именно тот куст?

— Все равно какой. Они как пауки: гибнет один, а чувствуют все.

Тут до него дошло, что аромата цветов больше вроде бы не ощущается. Наклонившись, он понюхал одно из оранжевых соцветий: и вправду — запаха нет.

— Видишь? Даже запах был ненастоящий. Он сидел у нас в голове.

Это ввергло в растерянность. Надо же, оказывается, человека так легко можно разыграть... Незыблемый мир вокруг поневоле становился коварным и обманчивым. Вместе с тем, когда шли лесом, Найл чувствовал в душе необычный подъем, будто вдыхал полной грудью прохладный воздух,— душа как бы освободилась от тяжкого бремени.

— Голос твоего брата тоже был наваждением?

— Скорее всего.

Трудно смириться, но логика подсказывала, что это именно так.

— Зачем это все?

Найл на ходу пожал плечами:

— Наверное, Дельта пыталась нас заставить вернуться.

— Но почему?

Найл не ответил: одолевали очередной спуск. Откос был так крут, что идти приходилось медленно, клонясь спиной назад, чтобы не унесло вниз. Деревья и кусты росли здесь еще реже. А там совершенно неожиданно миновали линию деревьев и оказались за пределами леса. А над верхушками деревьев — расстояние не более мили — виднелась вершина большого округлого холма.

Найл взглянул на него словно впервые. У холма были определенно округлые контуры, и на таком расстоянии различалось, что выступ на его верхушке — не башня и не обрубок дерева. У основания он был чуть не вдвое шире, чем у верхушки, и напоминал чем-то обломанный черенок. Сам же холм можно было сравнить с невиданной по размерам луковицей, неправильно воткнутой в землю нерадивым садовником. А почти вертикальный скос на северном склоне холма походил на лоб, так что вырост смотрелся этакой до нелепости маленькой шляпкой. Теперь ясно, отчего холм производит такое безмолвно гнетущее впечатление: он похож на живое существо. Едва увидев его, Найл без тени сомнения осознал: это и есть предмет их поиска. Неизъяснимая вибрация не сочилась более из земли — чувствовалось, что она пульсирует в воздухе, даром что тот абсолютно спокоен.

Ощущение довольно любопытное: возбуждение и вместе с тем неуютство. Возбуждала одна лишь мощь вибрации, похоже, такой же безучастной ко всему и необузданной, как шторм на море. Раздражало то, что сила была откровенно, разнузданно открыта, все равно что несносно громкая музыка.

Оглянувшись на Доггинза, Найл оторопел: вид такой, будто тот унюхал вдруг что-нибудь пакостное.

— Что это, по-твоему?

— Что-то... нехорошее,— выговорил Доггинз с не свойственной для него нерешительностью.— Тебе не кажется?

Найла начало полонить подозрение.

— Ты что о нем думаешь?

Доггинз открыл было рот, собираясь сказать, но, видимо, не нашел слов, поэтому лишь пожал плечами и указал на холм-луковицу.

— Вот что мы ищем,— поглядел он на Найла.— А?

— Возможно.

Губы Доггинза растянулись в зловещей улыбке. Он поднял «жнец» и сдвинул предохранитель на максимальную отметку.

— Сойдет, даже на таком расстоянии.

— Постой,— быстро сказал Найл.

— Чего еще?

— Это может выйти нам боком. Помнишь, как ты пальнул в ту лужу?

Доггинз опустил оружие. Ясно, что подействовали на него не слова, а вовремя повернутый медальон, но все равно Найл испытал невероятное облегчение.

Они отправились дальше вниз по склону. Грунт был гладким и темным, будто лава, поверхность изборождена тысячами проточенных дождем канальцев.

Стоящий впереди лес был совершенно не похож по виду на тот, что остался за спиной. Древесные стволы такие кривые и изогнутые, что было неясно, вертикально ли вообще растут деревья, а держались они так тесно, что торчащие наружу корни были меж собой перепутаны, словно мотки проволоки. Таким образом, листва и ветви — и те и другие бледно-зеленого цвета — образовывали непроходимый заслон, растянувшийся в обоих направлениях на несколько миль.

На полпути вниз по склону Найл начал обращать внимание на любопытное явление. Каждый шаг вперед давался все труднее, будто брели сквозь воду. Они мимоходом обменялись взглядами, но ни один не произнес ни слова. Оба сознавали противостояние чужой воли. Буквально через несколько метров встречная сила возросла так, что уже не оттибаться при спуске приходилось, а, наоборот, идти, склонясь, судорожно вперед, как при сильном ветре. Ноги предательски поскальзывались на гладкой поверхности. В конечном итоге, когда до деревьев оставалось с сотню метров, двигаться дальше стало просто невозможно. Словно ветер какой — неосязаемый, но ровный и мощный — удерживал на одном месте. Найл опустился на колени и силился ползти, но будто чьи-то руки упирались в плечи, сводя на нет все усилия. Они оба сели, широко разбросав ноги, и переглянулись. Оба тяжело отдувались, истекая потом. Доггинз неунывающе осклабился.

— Что, не хотят нас пускать?

Он поднял глаза на верхушки деревьев, но холма уже не было видно под ними.

— Это все деревья,— знающе сказал Найл.

— Ты уверен? — недоверчиво посмотрел Доггинз.

— Абсолютно.

Найл чувствовал, что силовое давление нагнетается неким образом тесно переплетенными ветками.

Доггинз покосился на стволы с дерзким любопытством.

— Они, наверное, используют какую-то форму ВУРа.— Он взялся за «жнец».— Выяснить можно достаточно просто.

На этот раз Найл не делал попытки его остановить — противоборствующая сила вызывала в нем встречное чувство злого азарта. Доггинз поставил ограничитель на минимальную отметку. Затем направил оружие на ближайшие деревья и нажал на спуск. Тонкий луч пронзил чащобу, словно был таким же бесплотным, как воздух. Одно движение ствола, и деревья повисли, спиленные под корень, но и тут удержались на месте: переплетение ветвей не давало им упасть. Доггинз поднял оружие выше и прибавил мощности. На этот раз стволы попросту разметало, спалив многие дотла. Одни падали на землю, другие, так и не отцепившись, остались висеть. С верхушек деревьев посыпалась обильная желтая пыль — мелкая, напоминавшая пыльцу. А вот напор встречной силы ничуть не ослабел, а то и стал сильнее.

— Ты уверен, что это именно деревья? — повернулся Доггинз.

— Скорее всего.

Найл даже сейчас чувствовал исходящую от хитросплетения ветвей упругую силу.

— Ладно, давай еще раз.

Он снова подбавил мощности, поведя на этот раз стволом почти над самой землей. Взревел тугой жгут синего пламени, и древесные стволы попросту сгинули. Через лес в мгновение ока пролегла просека, и тут сопротивление неожиданно исчезло. Все произошло так внезапно, что оба, сорвавшись, кубарем скатились по склону. Доггинз воззрился на Найла (лицо все в бисеринках пота).

— Ты в самом деле прав!

Отдельные деревья пламенели; в воздухе пахло древесным соком и дымом. Дождем сеялась мелкая желтая пыльца, покрывая почерневшую землю. Вид выжженного коридора вызывал у Найла странную жалость и огорчение. В мощи жнеца было что-то, вселяющее тревогу: она была чересчур непререкаема.

Доггинз, поднявшись, картинно взмахнул рукой:

— Ну-с, прошу!

Однако Найл остановился в нерешительности.

— Меня беспокоит вот это, желтое. Давай подождем, пока осыплется.

Доггинз подошел к деревьям поближе, нюхнул.

— Ничего, просто пыльца...— И тут как чихнул! И еще, и еще — несколько минут кряду.— Боже ты мой, твоя правда. Она как перец.

Из глаз у него текло в три ручья.

Сели, выжидая; Доггинз то и дело снова чихал. Когда разошелся дым, стало видно, что «жнец» прорубил чащу насквозь, из конца в конец. На том краю из-под нависающих ветвей проглядывала поблескивающая под солнцем вода.

Доггинз развязал горловину своего мешка и со смаком приложился к фляжке с вином; крякнул от удовольствия.

— Рад буду, когда вылезем из этого места. Здесь все так и дышит чем-то... злым.

— Злым? — Мысль показалась Найлу странной.— Мне так не кажется. Скорее, равнодушным к людям.

— Одно и то же.— Доггинз еще разок приложился и упрятал фляжку обратно в мешок.— Пошли, хватит рассиживаться. А то так и не выберемся, если будем день-деньской здесь куковать.

Найл неохотно поднялся.

— Не забывай, что сказал Симеон: никогда не спеши в Дельте.

Они приблизились к кромке леса. Проделанная «жнецом» тропа была шириной около четырех метров. Заглянув в глубину выжженного тоннеля, Найл еще раз ужаснулся бездушной мощи, за секунду пробившей дорогу через непроходимый лес. Отдельные стволы были разделаны вдоль, словно расщеплены топором; иные подбросило вверх, где они висели, вцепившись в ветви. «Жнец» пропахал борозду и в земле — получилось гладко, словно рукотворная дорога. Как и обугленные стволы, землю покрывал толстый слой желтой пыльцы.

Не успели ступить, как выяснилось, что слой этот скользкий, как слякоть. Найл чуть не шлепнулся; пришлось ухватиться за ствол дерева, чтобы удержаться на ногах. От поднявшейся пыльцы немилосердно защипало нос и глаза. Спустя секунду оба безудержно чихали. В местах, где пыльца присыпала влажную кожу, тотчас начинался зуд, до боли.

Найл отошел назад на склон и снова сел.

— Наверное, надо отыскать другой путь для прохода.

— Другой? Другого пути нет!

Доггинз повел рукой вдоль безнадежно длинной лиственной стены, простирающейся в обоих направлениях.

— А если на север? Зашли бы со стороны болот.

Доггинз со злым упорством мотнул головой.

— Я не собираюсь пасовать перед горсткой пыльцы.— Он яростно поскреб щеку.— Пусть меня хоть лихорадка замучит.

Найл, покопавшись, вынул из мешка запасную тунику — хороший, тонкий хлопок — и оторвал от полы полосу. Материю он смочил в воде из фляжки и отер пыльцу с рук.

— Кажется, придумал,— прикинул что-то Доггинз. Он также оторвал от туники широкую полосу и смочил водой. Затем обмотал ее вокруг лица (получилось наподобие маски), оставив открытыми только глаза.— Все, считай что обезопасил.

Найл сделал то же самое. Влажная материя приятно холодила лицо. Затем, подумав, он вынул из кармана трубку с металлической одежкой. Когда развернул, Доггинз поглядел на него с деликатным удивлением.

— Для чего это?

— Чтобы пыльца не попадала на кожу.

— При тебе вода,— указал Доггинз.— Ты можешь ее удалить за пять минут.

— Пусть уж лучше этой пакости вообще не будет на коже. Она жжется.

Он расстегнул замок-молнию и забрался внутрь. Для носки одежка, безусловно, была громоздкой и неуклюжей. Небольшие остатки возле запястий и щиколоток оказались на поверку чехлами под ладони и ступни, но, увы, не по размеру. Застегнув наконец одежку под шеей, Найл стал походить на серебристую летучую мышь. В одежке держалось неприятное вязкое тепло, от обильной испарины тонкая материя липла к коже.

— Ну, готов? — насмешливо поинтересовался Доггинз.

Найл кивнул, натягивая капюшон. Продеть руки в лямки заплечного мешка не удалось, пришлось тащить его в одной руке, в другой держа «жнец».

— Взял бы да надел плащ,— посоветовал он Доггинзу.— Руки и ноги будут прикрыты.

— Обойдусь. Рискну,— буркнул Доггинз.

Передвигаться было непросто. Получалось как-то боком, на манер краба, меж ног тяжело хлопали складки. Доггинз нет-нет да и поглядывал искоса с усмешкой, но ничего не говорил.

Так и шагали, взметая ногами клубы желтой пыльцы. Доггинз, несмотря на маску, начал покашливать. Повернулся к Найлу:

— Я пошел вперед. Свидимся на том конце.

Он начал удаляться быстрыми шагами, пыль облаком окутывала его. Найл, неловко шевеля вдетыми в перчатки пальцами, тщательнее подоткнул влажную материю под подбородок. Все равно от пыльцы ело глаза и жгло вспотевший лоб. Попробовал сдвинуть маску, чтобы прикрыла глаза и лоб. Вот здорово: оказывается, через нее видно, тонкая ткань от воды сделалась почти прозрачной. Дышал Найл ртом — так сподручнее, чем носом; материя при вдохе плотно прилегает к губам и не дает проникать желтой пыли. Скапливающийся в одежде жар удушал, подкатываясь волнами к шее, но Найл отгонял соблазн спешить, даже когда глаза от жжения заслезились так, что все вокруг расплылось и потеряло очертания. И тут, ориентируясь по хлынувшему внезапно свету, понял: лес позади.

— Ты как, в порядке? — спросил Доггинз.

— Да, а ты?

— Сейчас, только смою с себя всю эту пакость.

Найл совлек с себя маску; оказывается, снаружи она вся покрыта толстым слоем пыльцы. С трудом подавил соблазн протереть истекающие слезами глаза; видно было, что одетые в перчатки пальцы тоже припорошены пыльцой. Чихая и кашляя, он расстегнул одежду и с грехом пополам выбрался из нее. Щеки и лоб от жары так и щиплет, так и щиплет.

Они стояли на полосе сходящегося к реке глинистого спекшегося берега — вода бурая, медлительная. На той стороне подножие холма окаймляла полоса пышной растительности. Особенно впечатляли своим видом лианы, толстые, будто питоны. Сам холм возвышался над окружающей равниной эдаким невиданным валуном; впечатление такое, будто свалился с неба.

Найл с тревожным замешательством вгляделся в лицо Доггинза. Оно было красным и набрякшим, словно от сильного

солнечного ожога. Доггинз яростно царапал себе предплечья, и ногти оставляли кровоточащие полоски.

— Ты был прав,— болезненно морщась, сказал он.— Эта сволочь действительно жжется.

Он скинул «жнец» на землю возле заплечного мешка и заспешил к реке. Найл кинулся следом.

— Стой, куда! Там, может, прячется невесть что! — Он успел поймать Доггинза за тунику, невольно вспахав пятками землю, не то Доггинз сиганул бы прямо в воду.— Да стой же!

Пока Доггинз, превозмогая себя, топтался на месте, ругаясь на чем свет стоит и натирая глаза, Найл вынул из мешка запасную тунику, смочил в воде и подал ему. Тот со стоном наслаждения прижал тунику к лицу. У самого Найла лоб горел как ошпаренный, так что он представлял, каково сейчас бедняге. Со дна мешка он достал парусиновое ведерко, ударом кулака выпрямил его и черпнул воды. В эту секунду мутная поверхность невдалеке коротко взыграла: ясно, кто-то их уже учуял. Он велел Доггинзу пригнуться и окатил ему голову и плечи бурой тепловатой водой.

— Да что ты! — не сказал, простонал Доггинз.— Мне в реку сейчас надо! Руки-ноги огнем жжет!

— Ты погоди пока, там кто-то нас караулит.

Он поднял оружие, удостоверился, что оно на минимальной мощности, и выстрелил в завихрение на воде. Пар резко зашипел, заставив отпрыгнуть назад. Когда развеялось, в воде мелькнули широко разведенные челюсти с острыми зубьями. Найл выстрелил еще раз, медленно поведя стволом из стороны в сторону. Шипение пара едва не оглушило. На несколько секунд Найла окутал жаркий влажный туман. Когда он рассеялся, поверхность реки была гладкой и безмятежной.

— Теперь, пожалуй, можно. Полезай.

Доггинз, радостно замычав, ринулся в воду — и тотчас на колени в мягкий ил. Найл чутко следил за поверхностью, готовый в любую секунду выстрелить, а Доггинз знай себе окунался в воду по самые плечи. Не прошло и десяти секунд, как сверху по реке опять взыграло: что-то явно направлялось в их сторону. Найл без промедления пальнул. Через несколько секунд Доггинз взвыл от боли:

— Кипяток!

Найл схватил его за руки и выдернул из воды.

— Лучше свариться заживо, чем оказаться заживо сожранными,— мрачно пошутил он.

С Доггинза стекала бурая грязь. Вглядевшись как следует, Найл заметил, что она самопроизвольно шевелится. Оттерев товарищу спину влажной тканью, он разглядел сонмище приставших к ней крохотных козявок, льдисто-прозрачных. Кожа у Доггинза кровянилась от многочисленных укусов, но он их даже не замечал из-за нестерпимого жжения. Найл стал начерпывать и выливать на Доггинза ведро за ведром, пока полностью не смыл грязь. Едва он с этим управился, поотлеплялись и козявки.

Следующие полчаса Доггинз с закрытыми глазами лежал на земле, стиснув зубы, а Найл терпеливо его отливал — ведро за ведром, ведро за ведром. Покрасневшая кожа начала опухать. Доггинз заметался, кроя всех и вся, и вдруг замер. Найл поспешно опустился на колени и припал ухом к его груди. Ничего, сердце бьется нормально — очевидно, просто обморок. Только тут Найл поймал себя на том, что ведь и ему самому несладко: вон как лоб горит. Да еще и обрызганная ядом той гадины левая щека дает себя знать. Впрочем, сейчас не до этого.

Очнулся Доггинз в бреду. Найла он принимал за Симеона и все просил позвать Лукасту и Селиму. Когда Найл, пытаясь успокоить, стал поливать ему руки, тот надсадно завопил, что его хотят ошпарить, стал дергаться из стороны в сторону. В уголках губ выступила пена, а глаза напоминали глаза перепуганного животного. Трижды Найлу пришлось сдерживать Доггинза, чтобы не скатился в реку. В конце концов он снова обмяк. Через некоторое время дыхание более-менее выровнялось. У самого Найла лоб теперь горел не так сильно — видно, и Доггинзу стало чуть полегче. Через полчаса товарищ угомонился окончательно, лишь иногда крупно вздрагивал. А вот руки и ноги у него вспухли вдвое против прежнего, а лицо — просто шар какой-то.

До Найла внезапно дошло, что уже вечереет. Удивительно — он-то думал, что все еще белый день, а оказывается, вон оно как. Он впервые задумался над тем, как им быть. Оставаться здесь на ночь явно небезопасно: в реке чего только не водится. Совершенно очевидно, что за ними неотступно на-

блюдают. Впрочем, это хотя бы не дает расслабиться. Но, даже имея «жнец», идти решительно некуда. Позади в сотне метров находится лес с толстым ковром желтой пыльцы. Двадцать шагов вперед, и начинается река с ее невидимыми хищниками. Но даже хищники не сравнятся с желтой пыльцой. Их, по крайней мере, можно перебить из «жнеца», а вот пыльцу поди истреби. К югу река терялась в мангровых болотах и сельве. В северной части она блуждала среди болот, приближаясь постепенно к морю. Иного выхода, кроме как остаться здесь, нет.

Когда сумерки сгустились, с моря задул прохладный бриз. Найл расстелил на земле одеяла и, затащив на них Доггинза, заботливо его укутал. Управившись, отправился за его мешком и металлической одежкой, которые все еще лежали вблизи деревьев. Повинуясь некоему инстинкту, «жнец» он держал наготове. Влажной тканью оттер от пыльцы мешок, затем взялся за одежку. Не отрываясь от этого занятия, мельком обернулся в сторону Доггинза и с изумлением увидел, что тот медленно, но верно соскальзывает в сторону реки. Какую-то секунду он не верил своим глазам (думал, мерещится в обманчивом полумраке), но тут понял, что спящий действительно движется, и побежал к нему. Стрелять из этого положения было никак нельзя — Доггинз как раз лежал к нему головой. От воды его отделяли теперь считаные метры; казалось, что он движется сам по себе, плавно сползая по пологому глинистому берегу. Найл поднял «жнец», тщательно прицелился и полоснул по воде. Сердито зашипел пар, и Доггинз замер на месте. Подоспев через несколько секунд, Найл обнаружил, что он даже не проснулся. Дыхание оставалось ровным. Доггинз ничего не почувствовал, настолько вкрадчивым было движение. В нескольких метрах, возле самой воды, сиротливо лежало отсеченное щупальце, удивительно тонкое, метра три длиной, лоснящееся от слизи. Прежде чем спихнуть в воду, Найл попробовал его на ощупь: гибкое и жесткое, как хлыст.

Посреди реки взыграло, послышался всплеск. Найл, переполненный слепым гневом и отчаянием, вскинул «жнец» и стал неистово стегать выстрелами реку, не обращая внимания на раскаленный пар. Поверхность воды булькала и пузырилась, всякое живое тело в глубине неминуемо сварилось бы заживо. Стиснув зубы, Найл яростно уставился на темную воду, вы-

сматривая малейшие признаки движения. Его обуревало желание разрушать, губить; руки чесались сдвинуть ограничитель на максимум и пальнуть прямо в холм, вздымающийся впереди. Рука уже двинулась сама собой, но тут вспомнилось о товарище. Если за решающим выстрелом последует какой-нибудь ответный удар, Доггинз обречен. Все еще не до конца унявшись, он опустил оружие. Гнев истаивал медленно, восполняясь интересным ощущением потаенной мощи, гулко бьющейся сейчас в крови.

Забравшись в металлическое одеяние, он, скрестив ноги, сел возле Доггинза, баюкая на сгибе руки «жнец». Спать не хотелось, есть тоже; острота положения, похоже, разбередила некий глубинный резерв выносливости. Вечер окончательно остыл в ночь, над северным горизонтом зажглась первая звезда. Найл чутко вслушивался в шум реки, силясь различить среди бега воды всплеск, выдающий присутствие живого существа. Биение сердца унялось, став в конце концов таким тихим, что едва и различишь. Найл в очередной раз ощутил себя эдаким пауком, сидящим в центре паутины и чувствующим вибрацию каждой ее нити. Погрузившись в глубинное внутреннее спокойствие, он будто оказывался среди незыблемого, необъятного безмолвия.

Вместе с тем было в этой тишине нечто, вызывающее растерянность. Прошло некоторое время, прежде чем Найл уяснил, что именно. За ним перестали наблюдать. С того самого момента, как они высадились в Дельте, Найл ощущал на себе неусыпное бдение. Не то ноющее, гнетущее чувство, что возникает порой, когда следит невидимый враг; просто ощущение, что Дельта сознает их присутствие. И вот это ощущение неожиданно исчезло.

Найл потянулся под тунику и медленно повернул медальон. На этот раз не возникло и болезненной вспышки — лишь ровная глубокая сила, безупречно уживающаяся с безмолвием. Когда сосредоточенность отстоялась и чувства слились с окружающей темнотой, он осознал, что произошло. Безмолвие — это реакция на его необузданный гнев. Дельта боялась. Сидя настороже со «жнецом» на изготовку, он напоминал ядовитую змею, угрожающе собравшуюся в тугое кольцо и готовую прянуть. Дельта затаила дыхание, с ужасом ожидая, что же сейчас будет.

И тут стало ясно, как надо поступить. Поднявшись, Найл расстегнул молнию на металлическом одеянии, и оно свободно упало к ногам. Затем он направился к реке. В эту минуту трезвое человеческое «я» восстало в нем: возникшая идея равносильна самоубийству. Но какая-то другая сила — более глубокая — превозмогла. Тогда он остановился на кромке берега и один за другим пошвырял оба «жнеца» как можно дальше. В странной тишине всплески прозвучали удивительно громко. Найл выпрямился, ожидая, что произойдет.

Получилось неожиданно и банально. С реки донесся булькающий звук, будто потревожено какое-то крупное существо; на лицо упало несколько капель. Затем ночь, казалось, возвратилась на круги своя, наполнившись присущими ей звуками: шум воды, шелест листьев на ветру, повизгивание летучих мышей, время от времени отдаленный крик какого-нибудь ночного животного. Внешне ничего не изменилось, Найл по-прежнему был одиноким человеком в сердцевине Дельты. Но чувствовалось, что он не является больше незваным гостем. Его жест доброй воли был воспринят одобрительно. Дельта приняла его.

Пробравшись ощупью обратно, Найл снова сел возле Доггинза. Любопытно: им владело безмятежное терпеливое спокойствие. Он сделал то, что от него зависело, теперь оставалось только ждать. Найл сидел сложа руки на коленях и вдумчиво, без трепета слушал звуки ночи. Дельта выказала ему доверие, так что нет причины тревожиться.

Через полчаса взошла луна, и Найл смог оглядеться.

Небо было безоблачно, звезды необычайно ярки — света столько, что можно различить дремлющие в лунном свете болота к северу и сельву к югу. Отчетливо был виден южный склон холма, под этим углом опять напоминающий лицо. Созерцая его, Найл нутром почувствовал то, о чем смутно догадывался последние сутки. Перед ним не холм, а исполинское растение. Вот оно, то самое, что Симеон называл Нуадой, богиней Дельты.

Зов прозвучал где-то часом позже, когда луна была уже высоко в небе. Найл сидел, расслабившись и настроившись на восприятие, когда ощутил позыв встать и скинуть обувь.

Будь он животным, он и не заподозрил бы, что решение исходит не от него самого. Но поскольку он был человеком, некая его часть смотрела как бы сверху с бесстрастной созерцательностью на животное, подчиняющееся этому позыву.

Скинув башмаки, Найл снял с шеи медальон и положил его возле. Туда же легла и вынутая из кармана раздвижная трубка. Доггинз спал, раскинувшись на спине. Лицо в свете луны казалось мертвенно-бледным, но уже не таким ужасно опухшим. Он чуть постанывал при дыхании. Найл прикрыл спящего металлической одежкой, подоткнув ее под его подбородок. Затем, все так же повинуясь неизреченному приказу, двинулся вдоль берега.

Он твердо ступал по спекшейся в корку глинистой полосе. Прошел уже примерно милю. Стволы деревьев по левую руку выглядели так, будто сделаны были из железа. Их ветви на слабом ветру были совершенно недвижны и не издавали ни звука. По другую руку текла величаво река. Время от времени с тяжелым всплеском наружу появлялось какое-нибудь существо — крупное — и тотчас скрывалось под водой. Он разглядел толком только одно: большого каймана, который не плыл, а, скорее, сплавлялся по течению, выставив ноздри над поверхностью. Животное проводило идущего мимо двуногого злобным взглядом, но опасности Найл не почувствовал.

Он дошел до места, где река становилась шире и была частично перегорожена листвой и сучьями. Найл без колебаний вступил в воду. Ступни сантиметров на пятнадцать погрузились в вязкий ил, затем пошла твердая галька. Чувствовалось, как возле самых ног юркают какие-то шустрые создания. Найл не спеша брел, подавшись корпусом вперед, пока вода не оказалась выше пояса. Из-под ноги вывернулась и остро царапнула голень ветка. Сердце екнуло: снизу по ноге мимолетно скользнуло какое-то гибкое мягкотелое существо. Найл осторожно, поступью двигался вперед, пока вода не пошла наконец на убыль и он не выбрался на тот берег.

Повинуясь тому же безотчетному позыву, он опять повернул на север и пошел в обратном направлении. По эту сторону реки растительность росла гуще и во многих местах подступала к берегу вплотную. В глубоких затемнениях — контрастах лунного света — двигаться приходилось с особой осторожно-

стью. Из куста выпорхнула испуганная птица и, стрекотнув крыльями, забилась в гущу древесной поросли. Низом через прибрежный кустарник с треском пробиралось какое-то тяжелое животное. Найл не обратил на это внимания. Поравнявшись с Доггинзом, спящим под лунным светом на том берегу, он почувствовал безмолвный приказ повернуть налево в чащобу. Лунный свет сюда не пробивался, и идти приходилось только поступью, но, как ни странно, двигался Найл почти с той же уверенностью, что и на свету. Словно некое шестое чувство остерегало его, когда на пути встречался торчащий из земли корень или куст.

Из затенения он вышел неожиданно для себя, и так же неожиданно земля под ногами сделалась столь же твердой, что и спекшаяся глинистая корка речного берега. Начался подъем. Через несколько минут залитые лунным светом река и верхушки деревьев уже остались внизу. Найл находился на середине южного склона холма. По другую его сторону шетинилась густая, непроходимая на вид, спутанная поросль. Вскоре, однако, осталась внизу и она, и стало видно реку, огибающую холм с запада. Она была шире той, которую он недавно пересек, и, судя по переливчатой серебристой поверхности, быстрее.

Склон становился все круче; взбираться теперь приходилось, хватаясь за кусты и пучки травы. Через полчаса, уже неподалеку от вершины, склон мало чем отличался от вертикальной стены, и Найл решил поискать более сподручный подъем. Он стал осторожно смещаться вбок, пока не отыскал место, где растительность была достаточно густа, так что можно было затвердиться руками и ногами. Конечный отрезок пути, протяженностью около двадцати метров, оказался крут настолько, что, когда Найл мельком оглянулся, у него закружилась голова и проснулась боязнь: сейчас в два счета можно сыграть вниз и свернуть себе шею, никакая сила тут не поможет.

Но вот, перевалив через отвесный край, он уже стоит на самом верху — ровная площадка, в центре возвышается предмет, который он по ошибке принимал за башню. Теперь было ясно, что это не башня и не сломанное дерево. Не видно ни корней, ни четкого разграничения между выступом и самой площадкой. Ствол состоял из какого-то серого и, похоже,

пористого материала. Проведя рукой по его купающейся в лунном свете боковине, Найл ощутил, что длинная полоса «коры» оторвана и свита у подножия выступа кольцом. Глубокая борозда, от которой она отщеплена, напоминает рану. Безусловно, эта отметина оставлена молнией. Глубокие рубцы на верхушке, метрах в пяти у Найла над головой, по краям тоже будто опалены.

Далеко внизу, с северной стороны, виднелось слияние двух рек. Тот склон, что издали напоминает человеческий профиль, был гораздо круче того, по которому Найл поднимался, так что на изгиб реки он смотрел почти вертикально. Отсюда взор охватывал почти все ее течение: во-он она петляет через болота к морю, то и дело теряясь среди высокого тростника. К югу, плавно восходя к проему между холмами, лежала сельва, удивительно мирная на вид в сиянии луны. Но не успел он и глаз отвести, как, мелькнув невдалеке, в ночи растворилось похожее на летучую мышь создание, размером во много раз крупнее птицы, и со странным резким криком нырнуло в лесную чащобу. Спустя пару секунд из ее глубины донесся неистовый страдальческий крик какого-то существа.

Вдали, в проеме между холмами, угадывалась серебристо-серая пустыня; именно по ней Найл возвращался из города Каззака. Найла вдруг пронизал ошеломляющий по остроте приступ ностальгии. Кстати, интересно: показалось, что рядом стоит отец. Не продержавшись и пары секунд, видение исчезло, оставив после себя чувство опустошенности.

Вот вроде бы и конечная точка. Всплеск душевных сил сошел на нет. Весь последний час Найл пассивно следовал направляющему импульсу, который передвигал ему ноги, помыкал волей — будто ветер, несущий сухой листик. Теперь импульс канул. Найл все так же оставался пассивным и открытым для восприятия, ожидая дальнейших приказаний, но их не следовало. Заняться было больше нечем, и Найл двинулся вокруг основания выступа, внимательно его изучая. Основание, плавно загибаясь, уходило в грунт, словно ствол большого дерева, но иных мест, где бы оно сходилось с землей, заметно не было. Грунт под ногами был в точности таким же жестким и серым, как и текстура самого выступа. Догадка переросла в уверенность: он стоит не на холме, а на верхушке некоего

исполинского растения. На боковинах выступа не наблюдалось каких-либо наростов, намекающих, что здесь когда-то была листва: если и имелась, то давно уже облетела. Найл сел у основания выступа и вперился отсутствующим взором в сторону моря. Через полчаса (луна проделала полпути по небу) он зевнул. От неудержимо зовущего чувства не осталось и следа, и Найл начал с удивлением подумывать, уж не по ошибке ли посчитал, что его влечет сюда какая-то цель. Может, восхождение на холм было жестом чисто ритуальным, вроде обряда почтения и доверительности. В таком случае задача выполнена и остается только возвратиться. Он подошел к краю, глянул вниз и решил: нет, уж лучше утром, когда развиднеется. Ютиться на основании выступа было не особенно удобно: оно загибалось в сторону и сидеть приходилось, согнувшись вперед. А когда Найл подался спиной назад, то обнаружил, что изогнутая часть, оказывается,— великолепная лежанка, есть даже небольшая выемка под затылок. Изнеможденно вздохнув, Найл закрыл глаза. Едва он это сделал, как через все тело, от темени до пяток, пробежала волна умиротворения. Руки и босые ноги, основательно продрогшие, начали теперь лучиться теплом. Он вновь ощутил, что над ним довлеет нечто, только теперь неведомая сила настаивает, чтобы он расслабился.

Первое, что ощутил, погрузившись на дно безмолвия, — это отсутствие волнообразного движения силы. Какой-то момент Найл пребывал в растерянности, затем сообразил, что находится в центре, от которого расходятся волны, а сам центр незыблем.

Довольно странно, но усталости теперь не чувствовалось. Собственное тело воспринималось как средоточие благостного света, и сонливости как не бывало. Наоборот, всей его сущностью владело чуткое, слегка приглушенное возбуждение. Он со всей ясностью осознал, насколько тяжесть тела ограничивает свободу ума. Сознание сделалось ярким и четким, словно спокойное летнее утро, и он как будто созерцал собственную жизнь и жизнь всех людей с огромной высоты. Тело вместе с тем все больше раскрепощалось, и вскоре была достигнута точка, на которой сознание стало переплавляться в туманные образы и сновидения. Он словно стоял на пороге некоей авансцены подсознательного; голоса и образы, над которыми он

был не властен, пошли наводнять его личностную сущность. Но, не давая пока втянуть себя через этот порог, он все еще мог возвратиться в свое обычное сознание.

Способность произвольно ограждать себя от перехода в сон удивляла; к самообладанию это не имело никакого отношения. Такой организованности его ум еще не достиг; надзор сейчас обеспечивала сила, приведшая его сюда. Ошеломляло то, что сила эта не манипулировала, не давила на него, но обращалась как с равным, уважая индивидуальность.

Вскоре его втянуло в мир живых образов, что так часто встречаются на границе между сном и бодрствованием. Это был мир грез, куда он входил каждую ночь, начиная с рождения, и все здесь было так же знакомо, как пейзаж вокруг родной пещеры. Вместе с тем он впервые наблюдал это бодрствующим сознанием. Всегдашняя завеса забвения, разделяющая сон и бодрствование, раздвинулась, и он начал сознавать внутренние пейзажи, которые, несмотря на перемежающуюся дремотную дымчатость, были столь же достоверны и постоянны, как мир внешней образности.

Одновременно с тем, как призрачные образы стали, выцветая, истаивать, Найл осознал, для чего ему надо задержаться в этом переходе меж сном и бодрствованием. Это был уровень сознания, пытающийся выйти на связь с его собственным. Творение, которому пауки поклонялись как богине Дельты, существовало, не выдвигаясь на уровень, именуемый среди людей сознательным. Вот почему оно не способно было выйти на связь, пока Найл бодрствовал; в таком состоянии он бы уяснил из речи «богини» не больше, чем из шума бьющихся о берег волн.

В полудреме же всякий оттенок мысли был так же ясен, как если бы звучала живая речь. Но это был язык без слов. Напоминало чем-то первый «диалог» с Хозяином, когда тот обратился к нему напрямую. Призрачного «голоса» в грудной клетке не слышалось, было лишь ощущение прямого контакта. Смысловая картина стала теперь совершенно отчетлива. Богиня предлагала задавать любые вопросы — ни один не останется без ответа.

Вначале Найл просто онемел: казалось каким-то богохульством задавать вопросы божеству. Но даже первый его срыв

вызвал незамедлительный отклик. В образах, таких же красноречивых, как слова, до него донесли, что от богини в нем не больше, чем от бога. Создание фактически не имело рода. На планете, откуда оно произошло, не было различия полов. Планета эта, известная астрономам конца двадцатого века как АЛ (альфа Лира)-3, была третьей по величине в системе голубой звезды под названием Вега, что в созвездии Лира. Будучи крупнее здешнего солнца, АЛ-3 нагнетает силу тяготения в сотни раз больше, чем Земля, так что человек там весил бы десяток тонн и не мог бы шевельнуть даже собственными ресницами. Типичное для Земли воспроизводство потомства там, следовательно, невозможно, поэтому жизнь на планете поддерживается своего рода самовоспроизводством.

Из-за колоссальной силы тяготения жизнь на АЛ-3 утверждалась куда медленнее, чем на Земле. Она зародилась на планете около пяти миллиардов лет назад в отличие от Земли, где жизнь насчитывает каких-то три миллиарда лет. Через три с половиной миллиарда лет АЛ-3 выродила свою первую разумную форму жизни. На Земле их и не восприняли бы за живых существ, поскольку видом они напоминали земные горы. На Земле минует срок, равный человеческой жизни, прежде чем у одной такой особи начнет вызревать разум.

Еще полмиллиарда лет, и эволюция ознаменовалась наивысшим покуда своим воплощением — созданиями, одним из которых является и «богиня».

По земным меркам эти гигантские шарообразные создания ближе всего стоят к овощам. В отличие от «гор» «овощи» выработали в себе определенные индивидуальные черты (хотя, на взгляд Найла, ему что «богиня», что море одинаково безлики). Более того, каждая особь находилась в мысленном контакте со всеми другими своими сородичами и имела доступ к памяти всех своих предков.

В ответ на безмолвный вопрос Найла ему была предъявлена картина жизни на поверхности АЛ-3. Прежде всего поражало обилие света. С огромной, полыхающей в небесах голубой звездой — в полсотни раз крупнее земного солнца — простор планеты выглядел так, будто над ним сияет негаснущая молния. В слепящем этом свете бескрайняя плоскость равнины уходила, казалось, в бесконечность. Действительно, АЛ-3

настолько крупнее Земли, что горизонты там смотрятся поистине бескрайними. Земля в сравнении с этой планетой казалась до нелепости крохотной. Местами над равниной вздымались горы, в тысячу раз выше земных, напоминающие заостренные пирамиды. А на переднем плане монотонность слепящей этой равнины нарушалась единственно наличием нескольких десятков растений-полушарий. Каждое из них венчал стебель — несравнимо выше того, на котором сейчас откинулся Найл; стебель служил средством для связи с сородичами.

Сто пятьдесят миллионов лет назад под этой плоской неизменной равниной грянул взрыв, образовавший невиданных размеров кратер. Выброшенного в космос хватило бы, чтобы вылепить еще одну планетарную систему, эквивалентную Солнечной. Взрыв был вызван притянутым астероидом, исторгнутым расширяющейся Галактикой. Кое-какой материал, заключенный в хвост этого напоминающего комету осколка, кочевал через космос тысячи и тысячи лет. На протяжении всего этого времени упрятанная в хвосте жизнь в форме микроскопических клеток томилась ни жива ни мертва, контуженная шоком, скованная ледяным холодом космоса. Едва выжив, семена жизни оказались ввергнуты в хвост другой кометы, на сей раз не астероида, а газового шара в пятьдесят тысяч миль диаметром, и понеслись в направлении Солнечной системы. В то время, когда взрыв швырнул эти споры жизни в космос, на Земле господствовали гигантские ящеры юрского периода. Когда голубую планету махнул хвост кометы Опик, сронив некоторые из спор в атмосферу, человечество в основном уже эвакуировалось с Земли в гигантских космических транспортах, отправившись в долгое странствие в звездную систему Центавра, к планете, нареченной Новой Землей. Большинство спор упали в океан и погибли, иные приземлились в пустынях или возле полярных шапок, впав по этой причине в защитную спячку цисты. Прорасти посчастливилось только пятерым: двоим в Центральной Африке, одному в Южном Китае, одному на острове Борнео, одному в Великой Дельте.

Даже для этих выживших жизнь была сплошной мукой. Они привыкли развиваться не спеша, размеренно, тысячелетие за тысячелетием, но такое развитие неизбежно зависит от гравитационного поля. В условиях низкой земной гравита-

ции все их молекулярные процессы понеслись с бешеной скоростью, и они раздувались словно шары, собираясь уже лопнуть. Ни один земной организм при аналогичных обстоятельствах не выдержал бы. Людям это покажется чудом, но у исполинских растений был в такой степени развит самоконтроль, что они приспособились к земным условиям (хотя вымахали в десяток раз крупнее, чем собратья на родной планете). Питаясь энергией земной атмосферы, они за несколько лет достигли того, на что на АЛ-3 ушли бы века.

Итак, пяток шарообразных растений оказался ввергнут в малюсенькую зеленую планету в девяноста трех миллионах миль от неприметной звезды, именуемой Солнцем. Борьба за выживание выработала у них уровень сознания гораздо более высокий, чем у тех, что остались на родной планете. Пришельцы усвоили, что в сравнении с прочими обитателями Земли они находятся в ужасно проигрышном положении. Передвижение в низком гравитационном поле Земли давалось настолько легко, что двигаться не могли разве что только растения. Плоть проклюнувшихся на Земле пятерых растений была нежной и изысканной, и многим разновидностям птиц и насекомых казалась бы лакомой. Пришельцам оставался единственный способ защититься: используя силу телепатии, установить прямой контроль над умами хищников. Таким образом, микроскопическая поначалу спора, пав в мягкую грязь Дельты, постепенно сделалась ее властительницей, полностью контролируя все тамошние формы жизни.

До этой поры рассказ воспринимался без особого труда, доходя серией образов, незамысловатых, словно книжка с картинками. Но теперь Найлу захотелось узнать, почему растения-властители сочли нужным сообщать волны жизненной силы существам — то, что дало паукам возможность воцариться на планете,— и вот это уяснить оказалось не так-то просто. Напрашивавшийся было ответ — пришельцам, мол, Земля показалась недостаточно обильной — звучал абсурдно: у самих-то планета скучнее некуда. Но понемногу начало проясняться. У себя на планете растения были привязаны к одному месту, и вместе с тем их сознание было вольно блуждать где угодно, контактируя с сородичами. У них и эволюция шла с таким размахом потому, что они действовали скопом, играя каждый свою

роль. Именно по этой, кстати, причине зашла в тупик их эволюция на Земле. Они слишком малы были числом и не могли нагнетать ментальное давление нужной силы.

Не стоило пояснять — и без того ясно, что существовал лишь один выход: для полноценного развития растениям требовалось сообщество других сверхсуществ, им подобных. Если таковых нет, их необходимо создать. И вот животные, птицы, даже деревья и цветы начинают каким-то образом исподволь подпитываться дополнительной жизненной силой.

Задача, казалось бы, поистине неосуществимая. Но растения владели бесконечным терпением и упорством. Поскольку в них уже изначально были заложены способности к телепатии, оставалось лишь усилить давление на земные формы жизни, создать своего рода ауру жизненной силы. Растения-властители и им подобные переродились в эдакие невиданные станции-передатчики.

Все существа, способные так или иначе воспринимать их вибрацию, начали развиваться ускоренными темпами. К сожалению, все это не распространилось на человека; интеллект у него уже был развит более чем достаточно и не нуждался в дополнительной подпитке неосмысленной, в общем-то, жизненной энергией. А вот прочие существа охотно впитывали нагнетаемую безудержную энергию, зачастую такую неуемную, что терялся даже страх смерти (сразу вспомнились человеколягушки, напиравшие и тогда, когда у них на глазах луч «жнеца» косил сородичей). Многие насекомые разрослись до невиданных размеров: они оказались наиболее восприимчивы к этим волнам жизненности. Даже простой гриб-трутовик, родственник поганки, переродился и обрел подвижность. Многие обычные растения стали плотоядными — змей-трава, например, или дерево-душегуб. Обыкновенный слизень-пилильщик — извечная напасть садов — развился в фунгуса, скрытно сидящего в земле, как спрут на дне океана.

Но самая невероятная удача, безусловно, выпала на долю пауков. Они всегда отличались приспособляемостью, от самого крохотного, похожего на креветку, до большущего птицееда, обитателя джунглей. Пауки оказались высокочувствительны к вибрациям «властителей». Их клеточное строение — как у

того же головонога — наилучшим образом проводило жизненную энергию. Им во многом было свойственно то, что свойственно растениям: терпеливость, осторожность, приверженность цели. По мере же того как они разрастались, у них вдобавок прорезались еще и зловещая смекалистость, и сила воли.

На ранней той поре злейшим врагом пауков был человек. Когда радиоактивный хвост кометы Опик омахнул Землю, девяносто процентов оставшихся людей погибли. Из уцелевших многие страдали от лучевой болезни и уродливых мутаций (у одной среднеазиатской народности на руках и ногах начали расти когти). Так и не оправившись от потрясения, вызванного катаклизмом, люди начали постепенно деградировать, возвращаясь к варварству. Оставив города, человек переселился обратно в сельскую местность. Вышел запас у атомных бластеров, «жнецов» и лазерных пистолетов, и человек возвратился к дротику, луку и стрелам. Но даже при всем при этом он остался злейшим их врагом. Один выдающийся вождь, Айвар Сильный, завоевав и обратив в рабство соседние племена, возвел окруженный стенами город Корш — цитадель, не уступающую древним Фивам и Вавилону. Он полностью очистил от пауков землю Двуречья и стал единственным правителем аграрной деспотии. Его внук Скапта Хитрый, заманив паучье воинство в засаду, устроенную в ущелье Мурсат, вызвал обвал и перебил около восьми тысяч пауков. После этого он пошел на их городище в прибрежной зоне и спалил его дотла. Однако Скапта выделялся не только хитростью, но и непомерной жестокостью: подданных своих погубил столько, что в конце концов сам поплатился жизнью, пав от руки своего советника Гроддина из Коса, вверившего затем престол своему сыну Триффигу. Вслед за Триффигом к власти пришел самый видный из венценосцев-воинов — Вакен Мудрый, сын бедного землепашца, жившего на краю пустыни. Человек колоссальной физической силы, он попался на глаза дочери правителя, Массии, во время охотничьего выезда. Массия воспылала к нему страстью и женила на себе. В правление Вакена, длившееся шестьдесят восемь лет, человек, по сути, одержал верх над пауками. Их отогнали за пределы земель Вакена. Люди даже охотились на них из-за яда: долгой зимой, когда пищу приходится экономить, можно было держать парализованной живность.

События потекли вспять после смерти Вакена, в царствование Смертоносца-Повелителя Хеба. По преданию, Хеб постиг тайны человеческой души от отступника Галлата, предавшего своих собратьев-людей из-за любви к принцессе Туроол. На деле все было прозаичнее. Наученные горьким опытом поражения при Вакене Мудром, пауки сделали вывод, что подлинный их враг — не дерзость или агрессивность человека, а его ум. Среди советников Смертоносца-Повелителя был старый паук по имени Квизиб, также слывущий среди своих сородичей мудрым (Найл с невольным удивлением подумал, что и у пауков есть свои мыслители и мудрецы). Квизибу запало изучить секреты человеческих повадок, и он начал посвящать свои дни наблюдению за горсткой людей-узников. Великое открытие произошло случайно, когда он взял к себе в хозяйство новорожденного сына умершей при родах женщины. Младенец — звали его Джарак — попал к одной из дочерей Квизиба, которая холила его, как ручную зверушку. Изумительно — ребенок со временем оказался глубоко привязан к этой дочери и к самому Квизибу и, похоже, сам считал себя скорее пауком, чем человеком. Как раз через Джарака Квизиб начал чувствовать человеческое сердце и душу, осознав, как легко можно помыкать людьми через их душевную привязанность и стремление к безопасности.

Тут пауки взялись за дело. Новорожденные младенцы стали изыматься у матерей и взращиваться среди паучат. Так постепенно скопилось первоначальное число слуг, полностью преданных паукам и презирающих своих сородичей-людей. Вакен Мудрый использовал в качестве лазутчиков серых пауков-пустынников; теперь смертоносцы засылали для той же цели своих слуг-людей. Те поселения, что все еще противились паукам, становились жертвами предательства. За несколько поколений от населения Вакена Мудрого не осталось ничего, все люди в Двуречье оказались либо убиты, либо ввергнуты в кабалу.

Потрясало то, что своей победой пауки, оказывается, обязаны своим слугам-людям. Но и это еще не все, худшее было дальше. Найлу открылось, что во время преемника Квизиба — Грииба — и вспыхнуло восстание рабов. Оно было четко продумано, и, прежде чем его удалось подавить, тысячи пауков и их приспешников лишились жизни. Смертоносец-Повелитель

велел Гриибу измыслить какой-нибудь способ, чтобы этого не случилось больше никогда. Грииб вначале предложил умертвить всех рабов, оставив лишь тех, что служат паукам верой и правдой. Подумав, решили: непрактично, рабов слишком много. Кроме того, восьмилапые были не против определенного поголовья, так как человечья плоть пришлась им по вкусу, а поедать верных слуг все же не хотелось. Выход предложил один из слуг-людей Грииба. Имени изменника не сохранилось; известно лишь, что он имел опыт в разведении скота. Вот он и сообразил, что смертоносцам следует разводить рабов тем же методом, что и скот, тщательно отбирая самых жирных и тупых, чтобы плодили себе подобных. Любого, кто выказывает признаки умственной одаренности, надо загодя умерщвлять, пока не достиг он зрелости. Идея была взята на вооружение, и лишь за одно поколение смертоносцы достигли того, к чему стремились: опаснейший враг был разгромлен наголову. Люди стали относиться к паукам как к повелителям и полновластным хозяевам; неповиновение — куда там, даже недовольство — сделались немыслимы.

Выслушивая все это, Найл наливался тяжелым гневом, пока не почувствовал нечто близкое к удушью. Гнев в равной мере был направлен и на растения-властители: это они в ответе за то, что смертоносцы воцарились на Земле. Живо представив себе ядовитые паучьи клыки и злобные глаза, Найл содрогнулся от гадливости и неприязни. Как можно сознательно ублажать тварей, которые убивают, пожирают и держат в кабале собратьев!

Реакцией на вспышку гнева был неожиданно четкий ответный импульс растения, внятный, как человеческая речь. Пришелец обращался к нему напрямую, словно произнося слова вслух. Получалось нечто вроде:

— А как бы ты сам отнесся к своим собратьям? Они убивали, порабощали и пожирали себе подобных еще задолго до пауков. Умертвляли и ввергали в кабалу тех, кого считали недругом, разводили на пищу животных. И ты при этом еще твердишь, что они лучше пауков?

Найл на секунду струхнул от своей безрассудной горячности, но тут же сообразил, что лебезить глупо. Растение-властитель по своей сущности стоит над людьми, так что его не уязвишь

ни словом, ни чувством. Кроме того, размышляй он молча или вслух, мысли все равно как на ладони. Придавало смелости и то, что в какой-то степени он все же прав; стоило подумать о пауках, о том, что они могут сделать с его семьей, как в душе снова очнулась глухая ярость.

— Люди, по крайней мере, всегда чтили разум. Паукам известно, что люди в этом смысле не уступают им, и все равно мечтают их извести.

— Как и ты мечтал бы извести пауков.

— Да, как и я,— упрямо подтвердил Найл.

И тут гнев в секунду испарился. Заглянув растению-властителю в душу, он уяснил, что тому нет особо дела ни до тех ни до других. Пришельцы радели не за отдельные виды живых существ как таковых, а за саму эволюцию. Им было безразлично, кто при этом хозяин, а кто раб.

Кроме того, рассказ еще не подошел к концу. Прошло столетие с той поры, как человек оказался в рабстве, и властителям стало ясно: что-то здесь не так. Развитие пауков шло на убыль. Они обленились и день-деньской беспечно просиживали у себя в тенетах, таская для забавы мух и жируя на людской да животной плоти. Пробовали усилить подпитку жизненной силой — без толку; пауки, видно, воспринимали это как подарок.

Мало-помалу пришельцы сделали для себя вывод. На их родной планете жизнь была так неимоверно трудна, что борьба за развитие стала второй натурой. Земля, в сравнении, была исполнена разнообразия. Вот так и сложилось, что ее создания совершенствовались лишь тогда, когда у них было против чего бороться. В первый десяток миллионов лет своей эволюции пауки не изменились почти никак; а тут считаные столетия, и они уже хозяева планеты. Такое положение их, безусловно, устраивает, опасности ждать неоткуда — к чему еще стремиться?

Властители решили пойти на эксперимент. Жуки-бомбардиры относились к паукам как к всегдашним соперникам. Своих естественных врагов бомбардир осаживает в основном жгучим выхлопом газа. Но если сам случайно увязает в паучьих тенетах, где восьмилапый начинает обматывать шелковистой нитью, то безропотно позволяет обратить себя в беспомощный кокон.

Тогда растения-властители решили сосредоточить свои усилия на жуках-бомбардирах. Они с точностью определили длину волны, наиболее жукам соответствующую, и принялись передавать энергию с нарастающей интенсивностью. Едва «зарядившись», жуки стали изживать свой извечный недостаток. Теперь они уже не давались, жгучий выхлоп разом отшибал у охотника желание связываться.

Пауки, привыкшие к неоспоримому господству, были вне себя от такого открытого неповиновения. Терпение наконец лопнуло, и они решили: жуков — наглецов — извести всех до единого (Найл мрачно усмехнулся: иного и быть не могло). Жукам же обретенный иммунитет прибавил стойкости, и они боролись храбро и решительно. Пауки давили с удвоенной силой — жуки упирались вдвое против прежнего. Противостояние длилось не одно столетие, причем обе стороны успели развить в себе силу воли и смекалистость до более высокого уровня. В конечном итоге рассудительность и здравый смысл возобладали. Когда Хозяин со стороны жуков предложил примирение, пауки с охотой согласились. Но когда обе стороны утихомирились и впали в приятную безмятежность довольных собой победителей, эволюция и тех и других начала в очередной раз давать сбой.

Эксперимент подтвердил то, что пришельцам было уже известно: существа на Земле развиваются лишь до тех пор, пока им приходится работать. В таком случае попытка создать сверхсущество, очевидно, обретена на неудачу.

Вместе с тем неопробованным оставался еще один вариант...

Смертоносцы-повелители допустили серьезный просчет. Они были уверены, что человек им больше не угрожает. Понятно, в пустыне еще прячутся недобитки, считающие себя свободными. Но они годятся на расплод и уж в любом случае не представляют реальной угрозы.

И вот теперь, непростительно поздно, смертоносцам стало ясно, какую они допустили оплошность. Все это безжалостно им открылось назавтра после налета людей на казармы. Погибло больше трех тысяч пауков; многие корчились в муках, наполняя болью каждого сородича поблизости и на расстоянии. Это был день, когда Смертоносец-Повелитель понял: борьба за господство на планете проиграна.

Эта мысль наполнила Найла мрачным торжеством. Вспомнилась вспышка самозабвенного восторга, когда сам он навел «жнец» на мохнатое туловище и нажал на спуск. Ощутив неприязнь пришельца, Найл будто опомнился и смутился как ребенок, которого застали за каким-нибудь запретным занятием. Он попытался «зашторить» свои мысли. Но в конце концов удержаться не хватило сил, и он спросил:

— Как ты думаешь поступить?

Ответ удивил неожиданностью:

— Теперь это зависит от тебя.

У Найла ушло несколько секунд, чтобы это как-то усвоить. Мысли смешались, дыхание стеснило от волнения. Растение имело в виду, что...

— Ты хочешь сказать,— спросил он,— что дашь нам поступить по своему усмотрению?

— Мы не можем вам помешать.

Что за абсурд!

— В твоих силах не дать мне уйти. В твоих силах...— мысль невозможно было утаить,— убить меня.

— Нет. Ты явился сюда по-доброму, поэтому считай, что мы заключили мир.

Найл оторопело покачал головой.

— Но что я, по-твоему, должен сделать?

Ответ прозвучал четко, будто сказан был вслух:

— Подумай сам и прими решение. Ты свободен.

На минуту Найлом овладело беспокойство, близкое к раздражению. Не может быть, чтобы так, разом,— и полную свободу. Ум растения между тем проглядывался насквозь, обмана быть не могло.

— Мы сможем, в случае чего, использовать против пауков «жнецы»?

— Если вы изберете такой путь.

Найл вообразил: вот он возвращается в город жуков и поднимает местных на борьбу. Представился штурм паучьего города и как рушится обиталище Смертоносца-Повелителя. Пауки — врассыпную, улепетывают кто куда, и их потом по одному вылавливают. А затем люди объединяются, отстраивают город заново. С помощью Белой башни заново выявляются секреты прошлого, чтобы людям никогда уже не приходилось держать

перед пауками страха. Заблестят огнями высотные здания, счастливые дети будут резвиться в парках. Заспешат по улицам мужчины и женщины, направляясь по своим каждодневным делам, и уже никаких зловещих тенет над головой. Человек возвратит то, что принадлежит ему по праву: быть хозяином Земли... Головокружительное видение, наполнившее едва ли не экстазом.

— А что потом?

Вопрос прервал ход мыслей, Найл на секунду смешался.

— Что потом? — машинально повторил он.

— Что станут делать люди, когда окажутся хозяевами Земли?

Вопрос показался бессмысленным. Неужели и так не ясно? Создадут, разумеется, новую цивилизацию и станут жить-поживать.

— Как в былые времена?

Странноватые какие-то, неуютные вопросы. Зачем вызнавать, если мысли Найла и так как на ладони?

— Чтобы заставить тебя поразмыслить. Когда ты отсюда уйдешь, ты будешь волен поступать как вздумается. Но прежде, пока есть еще возможность, мне хочется, чтобы ты подумал о последствиях.

Найл качнул головой.

— Да, действительно, в былые времена люди постоянно воевали. Но в тот век, когда они оставили Землю, войн не было.

Наступила тишина; человек ждал следующего вопроса. Но пауза все тянулась, и Найл поймал себя на том, что раздумывает над только что сказанным. Войн и в самом деле не было, старец в Белой башне ему об этом поведал. Но он же еще и сказал, что, когда человек оставил Землю, он так и не овладел тайной счастья. Память работала так четко, будто те слова Найл слышал только вчера. Кстати, вспомнилось, что «один знаменитый биолог написал книгу, где утверждал, что человечество в конечном итоге изойдет со скуки».

— Я не изойду со скуки,— встрепенулся Найл.— С помощью медальона я постепенно освою, как можно управлять своим умом.

— Ты — да. А как насчет остальных?

Параллельно вопросу очертился образ Догтинза. В эту минуту до Найла дошло, для чего растение донимает вопросами.

Не для того, чтобы уяснить его слова, а затем, чтобы он сам задумался над своими мыслями.

— Но как же они смогут научиться? — не то сказал, не то спросил Найл, однако в словах чувствовалась слабинка.

— Ты полагаешь, они научатся быстрее, если станут хозяевами Земли? — (Найл молчал.) — Ты видел, что произошло, когда пауки с жуками зажили сыто и спокойно. Почему ты так уверен, что люди не поведут себя точно так же?

— Люди — нет,— сказал Найл.— Они не так ленивы, как пауки.

— Может быть. Но это потому, что их свобода ограничена. Ты никогда не обращал внимания, что с лучшей стороны люди проявляют себя тогда, когда их свободу что-нибудь притесняет? Тогда они идут за нее на бой и сражаются. Когда вы живее всего — когда желаемое достигается с боем или когда достается даром? Если людям взять вдруг и дать непомерно большую свободу, они растеряются и не будут знать, что с ней делать.

Найл не сказал ничего; что правда, то правда.

— Как, думаешь, все будет складываться, если люди уничтожат пауков? Попробуй представить себе картину. Они отстроят заново свои города, спалят до единого паучьи тенета и будут закатывать грандиозные празднества. Затем начнут обучаться всему тому, что при пауках было под запретом: как делать аэропланы, океанские лайнеры и космические транспорты. Но уже через несколько лет они позабудут, что значит быть в рабстве у пауков. Свою свободу они начнут воспринимать как должное. Их внуки снова начнут искать себе приключений, так как мало-помалу начнет одолевать скука. Тебе известно, что все это когда-то уже имело место. Ты хочешь, чтобы пошло на второй круг?

Найл покачал головой, от внутренней уверенности уже мало что осталось.

— Не все же такие.

— Хорошо, назови хотя бы одного.

Найл подумал: действительно, некого. Вспомнились Каззак с его неуемным властолюбием и Ингельд — заносчивая, тщеславная. Мерлью? Эгоистка, все должно быть по ее.

Очевидно, пришелец прав. Даже добрый по натуре Догтинз и тот безнадежно ограничен — собственной грубоватой напористостью и полной слепотой в отношении собственных недостатков.

— Тогда *чего* ты от нас ждешь? Что мы должны сделать?

Не успев еще спросить, он знал, какой последует ответ.

— Тебе надо решить самому.

— Но ты говоришь, мы должны научиться уживаться с пауками?

Ответа не последовало, и Найл истолковал это как молчаливое согласие. Подумал, и в голове вдруг мелькнула мысль.

— Может, если выживем их из города, то заставим заключить мир, примерно так, как получилось с жуками?

— Нет. Не выйдет.

— Почему?

— Чтобы выжить их из города, вам непременно понадобится пустить в ход «жнецы». А уж если вы примените оружие, процесс станет неуправляемым. Вы невольно будете продолжать стрельбу, пока не уничтожите их всех до единого.

Найл понимал, что так оно и будет. Вооруженный «жнецом» человек в глазах пауков подобен опаснейшей из ядовитых змей, он будет вызывать у них страх и отвращение. Рано или поздно это неизбежно увенчается вылазкой, и тогда люди так или иначе полностью с ними покончат.

— Но без «жнецов» как мы вырвем у пауков свободу?

— Не могу на это ответить. Размышляй, пока сам не отыщешь ответ.

Найл почувствовал волну гневливого отчаяния. Он словно был загнан в лабиринт логики: куда ни сунься, везде тупик. Больше всего он чаял истребления пауков. Если это сделать, человек станет хозяином Земли. Но человек к такой власти еще не готов. Ему сперва нужно гораздо полнее овладеть собственным умом. А придет он к этому гораздо раньше, если на Земле останутся пауки, неотступно напоминая, что только борьбой можно удержать свободу. Казалось бы, нелепый парадокс, но человек нуждается в пауках сильнее, чем пауки в человеке.

Если человек пустит в ход «жнецы», пауки окажутся истреблены. А если «жнецы» уничтожить, то что удержит пауков от

возмездия — умертвить тварей, от которых сами едва не погибли?

Выхода, казалось, не было. Найл усилием воли сдержал растущее в душе отчаяние.

— Неужели ты ничем не можешь помочь?

В ответ — тишина, но на этот раз с проблеском надежды. Растение-властитель словно раздумывало над его вопросом. И тут Найл ощутил слабое покалывание в коже на лбу. Что-то напоминает, хотя пока не разобрать, что именно. Тут покалывание стало усиливаться, и он вспомнил. Бархатистые, прилегающие ко лбу подушечки в Белой башне. Найл неожиданно осознал свое лежащее на земле тело; голова умещена в выемке на основании выроста. Затем показалось, будто он, отрешась от собственного тела, неспешно всплывает, а покалывание перерастает в ровный мреющий огонь удовольствия. Теперь он понял, что происходит. Растение делало самоотверженную попытку увеличить частоту жизненной вибрации так, чтобы та стала впитываться напрямую человеческим организмом. Но это было практически невозможно. Сам пришелец не достиг еще уровня достаточно высокого, чтобы преобразовывать грубую энергию Земли в вибрации настолько утонченные, чтобы они стимулировали человеческий мозг. Было что-то героически саморазрушительное в попытках растения-властителя вывести человека на более высокий уровень восприимчивости.

И тут что-то произошло. Когда энергия растения пошла уже на убыль, инициативу переняла, казалось, иная сила. С абсурдной легкостью она заполнила мозг Найла потоком белого света, русло которого полнилось звуком, схожим чем-то с вибрирующим гудением гонга. Затем, как это уже случалось, словно солнце взошло откуда-то из глубины его, Найла, внутренней сущности и душа наполнилась чувством ошеломляющей мощи, взмывающей из сокровенных глубин. Неимоверная эта сила пыталась излиться через тесную отдушину тела — все равно что ревущий поток, норовящий вырваться из узкого каньона. К этому чувству примешивалось и сознание, что долго длиться такое не может: тело не выдержит. Хотя последнее представлялось не столь уж важным; оно казалось докучливой обузой.

Отдавая себе отчет, что сила происходит изнутри, Найл понемногу ее обуздал, а затем унял полностью. В том, что нужно, он уже убедился. По мере того как сила улеглась, загасив себя, словно откатившаяся волна, тело обессиленно затрепетало. Найл глубоко вздохнул, позволяя приятной усталости сомкнуться вокруг него теплой водой, и канул в сон.

Сознание возвращалось, и Найл, не открывая глаз, ощутил тепло солнечного света у себя на лице и неприкрытых руках, а также особую (раньше такого не было) легковесность в темени. Открыл глаза и тут же беспокойно вздрогнул. В десятке шагов стояла и с легким изумлением его разглядывала большущая птица; изогнутый клюв такой, что долбанет — и голова треснет как орех. Однако удивляло даже не это, а то, что птица-то была не одна, а две, и хотя обе виднелись совершенно отчетливо, тем не менее находились на одном и том же месте. Перед глазами — вот оно — стояло свирепого вида существо с лысой головой и мощными когтями. Но на него же накладывалась и другая птица, несколько крупнее и полупрозрачная. В этой, второй, никакой свирепости не было; очевидно, она была беззлобным и дружелюбным созданием и в данный момент довольно неуверенным в себе. Стоило Найлу пошевелиться и сесть, как птица снялась и улетела, величаво взмахивая обширными крыльями. Вскоре она скрылась в зарослях.

Найл вскочил на ноги и поглядел на восток. Диск солнца успел изрядно подняться над горной грядой — значит, уже больше часа как рассвело. Серебристый туман стоял над деревьями. И Найлу показалось, что они испускают вздох удовольствия: солнце восходит.

Сделав ладонь козырьком, он посмотрел вниз на восточную реку. Отчетливо виднелся коридор меж деревьев, что прожег «жнецом» Доггинз, а вон, безусловно, и он сам — так и лежит кулем на желтой глинистой полосе берега.

Со стороны моря задувал стойкий ветер, обдавая отрадной свежестью, даром что уже привычный, затхлый запах Дельты был неприятен. Найл двинулся вдоль восточного края холма и, отыскав наконец место поположе, начал спускаться. При ярком солнечном свете круча смотрелась еще опаснее, чем в бледных лучах луны; сейчас стоит оступиться, и придётся метров триста лететь кубарем, пока не врежешься в окаймляющие

реку деревья. Уж Найл и вниз-то перестал поглядывать, все внимание сосредоточив на сподручных для рук и ног выщербинах склона. Спускаясь наискось, он постепенно продвигался к южному склону холма, пока не очутился на извилистой тропке, полого сходящей вниз, в заросли. Ум во время спуска был так сосредоточен, что он не замечал ничего, кроме находящегося непосредственно перед глазами. А теперь, стоило расслабиться, опять прорезался эффект двойного обнажения. Первo-наперво Найл стал явственно сознавать напор силы, идущей волнами через землю,— ощущение такое, будто ступаешь по голове дремлющего великана. Именно эта сила давала Найлу возможность присутствовать в двух мирах одновременно. Он мог чувствовать ее поступательное движение; получается, неким странным образом сама земля обретала прозрачность. Казалось, у него в распоряжении две пары глаз, одна из которых видит незыблемый материальный мир, а другая вместе с тем способна проникать в мир сути — глубже, достовернее. Лес был уже невдалеке. Завидев чужака, с верхушек отдаленных деревьев осторожно взлетели какие-то птицы и стали угрожающе кружить, с клекотом хлопая крыльями. Птицы были большими и выглядели опасными, но Найл привлек второе зрение и понял, что на самом деле они безобидны, словно домашние; хорохорятся для виду, чтобы оградить свою территорию, а приближаться и не думают. Иное дело вон та, похожая на летучую мышь тварь, зловеще косящаяся с развилки высокого дерева: личина демона, а душа — темный сгусток дикости и необузданной жестокости. Повстречавшись взглядом с Найлом, она, однако, отвела глаза, чуя, что и двуногий тоже опасен.

Двинувшись обратной дорогой через заросли, Найл с удивлением прикинул, как же ему удавалось пробираться в кромешной мгле. В чащобе полно было упавших деревьев, а на земле то и дело попадались глубокие рытвины, проделанные бурными дождевыми потоками. Найл на время угасил второе зрение, все внимание сосредоточив на земле. В одном месте он с удивлением увидел, что тропа перегорожена толстой, около метра в диаметре, лианой. Он не мог припомнить, чтобы прошлой ночью через нее перебирался. Когда подошел ближе, лиана пришла в движение, и стало ясно, что это зеленая змея, средняя часть которой неестественно раздута от недавно проглоченной

добычи. С помощью второго зрения Найл разобрал, что добыча — это черное, щетинистое, похожее на свинью создание, которое медленно теперь рассасывается под действием мощных пищеварительных соков. Сам питон был на редкость безобиден. Разума в нем было чуть больше, чем у деревьев: стелющийся по земле всю жизнь, он словно стыдился своей уязвимости. В данный момент единственным его желанием было, чтобы ему дали спокойно поспать.

Это двойное зрение, понял Найл,— не что иное, как обычная его способность, затаясь, проецировать сознание в души других существ, только расширившее за минувшие часы свой диапазон. Первоначально импульсы растения-властителя показались ему странными, но вскоре Найл так поднаторел в их осмыслении, что для него они уже мало отличались от человеческого языка. Благодаря этому он теперь ухватывал и усваивал вибрации окружающего мира настолько молниеносно и непосредственно, что даже не требовалось времени на осмысление. Получалось словно прямое видение. Одновременно с тем становилось ясно, что и это не предел; уже сейчас он мог чувствовать, что даже двойное зрение — своего рода невольное самоограничение. При желании можно было бы разглядеть и более углубленные уровни реальности — втрое, вчетверо, даже впятеро против теперешнего. Прежде он никогда не сознавал так ясно, что всегдашнее человеческое восприятие — это форма пустоты.

Выйдя из-под сени деревьев, Найл очутился на берегу реки; Доггинз, вон он, напротив. Поверхность воды казалась спокойной и гладкой, но второе зрение показывало, что в полуметре под водой залег большой кайман и пристально глядит сейчас на смутный человеческий силуэт, надеясь, что добыча подойдет ближе и можно будет ее затащить в воду. На секунду Найл пожалел, что нет с собой «жнеца». И тут дошло, что иметь его совсем не обязательно. Мозги у рептилии настолько примитивны, что можно легко посеять в них панику, внушив, что это двуногое создание куда более опасно, чем кажется. Кайман тихонько опустился на дно и зарылся в ил, чтобы укрыться понадежнее.

Вдоль берега Найл двинулся на юг, к тому месту, что пересекал ночью. Здесь, в протоке, было мелко и крупных хищников

не водилось; под перегородившим протоку павшим древесным стволом гнездились лишь орды всякой мелочи — со стороны походило, будто вокруг своего жилища снуют стаи разноцветных светляков. Однако когда Найл, воздев для верности над головой руки, медленно побрел по воде, в нескольких десятках метров вверх по течению обнаружилось присутствие какого-то существа покрупнее. Медленно всплыв из ила, оно направилось в его сторону. Существо не реагировало на послание, что Найл опасен, но тоже было донельзя примитивно, потому его легко оказалось сбить с толку ложными импульсами, отчего оно замедлило свой ход.

Выбираясь на противоположный берег (все-таки поскользнулся и упал разок на четвереньки), Найл оглянулся и мимолетом заметил нечто, напоминающее извивающийся сноп серой травы, весь в вязкой слизи. Секунда, и течение перенесло его через скрытый наполовину древесный ствол.

Доггинз лежал на спине, приоткрыв рот, и тихонько похрапывал. Металлическая одежка, покрывающая его с головы до ног, отбрасывала ему на лицо тень. Осторожно внедрившись в спящий ум товарища, Найл почувствовал, что он все еще страдает от истощения и спать бы ему надо еще не час и не два, а гораздо дольше. Но об этом не могло быть и речи. Задерживаться чересчур опасно.

Найл развязал свой покрытый росой мешок и вынул бутыль с водой. Вода была прохладной; видно, ночной туман освежает не на шутку. Затем сжевал сухарь и задумался, как им все-таки быть. Стена деревьев с их переплетенными ветвями и спутавшимися корнями простиралась в обоих направлениях на множество миль. На юге она вдавалась в заросли, на севере — в болота. Чтобы обогнуть, уйдет едва ли не весь день; проще возвратиться тем же путем, которым пришли. Металлическая одежка защитит одного. Может, удастся, пустив в ход весь запас одежды, соорудить что-нибудь, что сгодилось бы и другому? Расстелив на земле одеяло и запасную тунику, Найл пришел к огорчительному выводу: смекалки не хватает. Сейчас бы сюда хорошего портного — может, и соорудил бы что-нибудь, а у них-то сейчас под руками ни иголки, ни нитки.

Медленно, задумчиво Найл приблизился к проходу между деревьями. И тут в душе ожила надежда. Бриз согнал пыльцу

в кучи — по форме ни дать ни взять дюны, только маленькие, а на них бисеринками поблескивает роса. Может, роса увлажнила пыль и теперь та не будет вздыматься клубами? Наклонившись, он осторожно коснулся пальцами ближайшей кучи, затем, работая большим и указательным, скатал из желтой пыльцы шарик. Шарик на ощупь был забавно скользким, но Найл с восторгом ощутил: не жжет. Чуть поднявшись, ухватил щепотку пыльцы между пальцами и присыпал тыльную сторону ладони. Гляди-ка, пыльца на коже, а все равно не жжет. Подождал несколько секунд, пока не убедился, что замедленного эффекта нет, и решился на крайность: уцепив еще щепоть, осмотрительно втянул одной ноздрей. Ясное дело, чихнул, но не почувствовал ни жжения, ни чего еще. Выпрямившись, Найл рассмеялся от облегчения. Поспешно возвратившись, потряс за плечо Доггинза:

— Эй, Билдо, подъем!

Спящий прихрюкнул, втянул воздух и медленно открыл глаза. Секунду он таращился на Найла, явно не узнавая. Затем, опомнившись, резко сел.

— Ну как, все в порядке? — весело осведомился Найл.

— Да вроде бы.— Доггинз оглядел свои руки, все еще покрытые красноватыми пятнами.— Хотя побаливают еще, мерзавцы. Ну-ка, дай глотнуть.— Он от души приложился к бутыли с водой, затем спихнул металлическую одежку и, чуть качнувшись, поднялся на ноги. Откинув голову, поглядел на растение-властителя. Губы при этом растянулись в зловещей улыбке.— Вот что нам нужно.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю, просто чувствую.— Он мельком глянул на землю.— Где тут у нас «жнецы»?

— Побросал в реку,— ответил Найл, свертывающий в рулон одежку.

— Молодчина. Да где ж они, в конце концов?

Доггинз, безусловно, думал, что Найл шутит.

— Я же сказал, выкинул в реку.

Доггинз поглядел на Найла, лицо у которого было абсолютно серьезно, и распахнул глаза.

— Как?! Н-но... почему, боже ты мой?

— Потому что это единственный способ заручиться, что мы выберемся отсюда живыми,— невозмутимо ответил Найл.

— Как же, живыми! — выкрикнул Доггинз с мучительным надрывом.

Он рванулся к кромке берега, и Найл на миг испугался, что сейчас он прыгнет. Тут вода у берега всколыхнулась, и над поверхностью показалось рыло каймана. Доггинз замер на полпути, вперясь в воду и готовый отпрянуть, пока кайман не погрузился обратно под воду.

— И как теперь прикажешь отсюда выбираться? — Он с бессильным отчаянием хлопнул себя по бокам.— Из этого треклятого места, без оружия?

— Зря ты так расстраиваешься. Все может оказаться проще.

— С чего вдруг? — Доггинз опешил от такой непоколебимой уверенности в тоне.

— Дельта, может статься, захочет избавиться от нас.— Найл указал на стену деревьев.— Чем, думаешь, служит вся эта поросль?

Доггинз фыркнул невеселым смехом:

— Забором, который не дает нам уйти.

— Не угадал,— спокойно сказал Найл.— Наоборот, он не дает нам подступиться. Дельта желает, чтобы мы ушли. Вот, смотри.— Он подошел к проходу меж деревьями и, зачерпнув пригоршню пыльцы, просеял ее сквозь пальцы на землю.— Теперь она безопасна.— Тем, что осталось в ладони, он, вернувшись, потер Доггинзу предплечье.— Видишь, больше не жжется.

Доггинз опасливо отдернул руку и нервно на нее уставился. Постепенно лицо облегченно расслабилось, он даже улыбнулся.

— А ну-ка давай скорей отсюда, пока она не передумала,— сказал он с плохо скрытой радостью.

Вместе они быстро собрали поклажу и через несколько минут уже осмотрительно ступали между деревьев. Как выяснилось, можно было и не осторожничать. Пыльца сделалась безвредной и не взнималась больше удушающими клубами даже там, где толстым слоем стелилась по земле. Вместе с тем, когда выбрались, Найл испытал облегчение: обостренным восприятием он ощущал, что деревья таят глухую враждебность к жестоким незваным гостям.

Впереди поднималась серая круча, изборожденная тысячами водяных канальцев, затрудняющих ходьбу; легко было осту-

питься и вывихнуть лодыжку. К тому времени, как одолели полсклона, Доггинз тяжело задышал, лицо сильно побледнело. Резко, с присвистом вздохнув, он схватился за бок:

— Давай приостановимся. У меня шов.

Они присели на жесткую землю, но устроиться поудобнее было трудно, приходилось упираться в землю пятками, чтобы не съезжать вниз. У Доггинза был изможденный вид: щеки впали, явственнее стали проступать скулы.

— Хочешь, скажу, как восстановить энергию?

Доггинз сидел, прикрыв глаза. Повел головой из стороны в сторону.

— И как?

— Используй свой медальон.

— Только хуже будет,— произнес Доггинз бесцветным голосом.

— А вот и нет. Поверни и попробуй сосредоточить энергию внутри себя.

Доггинз вяло полез под тунику и повернул медальон другой стороной. Спустя секунду охнул:

— Больно!

— Ясное дело. Давай терпи.

Доггинз стиснул зубы и закатил глаза, на лбу проплавились бисеринки пота. Боль, очевидно, была страшная, но он держался. Где-то через минуту Доггинз, резко втянув воздух, задержал дыхание, после чего медленно выдохнул. Посидев, он открыл глаза и взглянул на Найла с ошеломленной радостью:

— Изумительно! Что произошло?

— Ты на самом деле чувствовал не усталость. Тебя угнетали подавленность и уныние, а от них было тяжелее вдвойне.

В глазах Доггинза отразилось понимание.

— Где ты этому научился?

— Из опыта.

— Ну ладно.— Доггинз поднялся.— Пошли дальше.

Через полчаса они приблизились к лесу. После монотонной серости склона богатые краски особенно радовали глаз. Ступать по густой мягкой траве доставляло истинное удовольствие. Найл обратил внимание, что запахи разнообразны, как никогда. Только если накануне они казались тяжелыми и экзотичными, как в каком-нибудь сказочном саду Востока, то теперь

в них чувствовалась необычная, изысканная легкость, от которой тянуло рассмеяться в голос. Трудно было поверить, что эта симфония благоуханий существует лишь в уме. Найл сделал попытку взглянуть на цветы вторым зрением — по мере того как день разгорался, это становилось труднее — и тотчас осознал: растения полны были радости от того, что странники безоружны, и изливали свое облегчение, млея от блаженства. Когда вычленилось второе зрение, цветы будто истаяли, вместо них он стал сознавать корни, стебли и сок, текущий сквозь них, словно зеленый свет. Заметно было и то, что воздух так и искрится счастьем — похоже на искорки водной пыли вокруг фонтана,— вот именно они и отражаются в восприятии, как беспрестанно меняющийся аромат.

Найл оглянулся на Доггинза и опешил. Доггинз тоже обрел прозрачность, просвечивая весь как есть, до самого скелета. Ясно различались вены и артерии и то, как работает сердце, качая кровь. Улавливалось, что оно и отвечает за эту цветовую палитру, заливающую светом все тело и чуть выходящую за его пределы. В гамме смешивались красный, оранжевый и желтый цвета, с преобладанием лазоревого и яблочно-зеленого — последние, похоже, и создавались биением сердца. По мере того как Доггинз откликался на полонящую воздух радость, разноцветный всплеск растекался все дальше и дальше за пределы его тела, пока вокруг не образовалась эдакая аура в десяток сантиметров. Все это Найл видел на протяжении лишь нескольких секунд, затем двойное зрение оставило его и мир снова сделался всегдашним, незыблемым. Обратное преображение, очевидно, было неизбежно: от созерцания одновременно двух миров расходовалась уйма энергии — но все равно было как-то жаль.

За лесом пошел знакомый склон с жесткой травой-проволокой, на вершине которого тянулись к небу гранитные столбы-персты. Когда пышная, нежная трава сменилась более грубой, Найл почувствовал перемену в своих ощущениях. Он словно шел навстречу холодному, колючему ветру. В прошлый раз чувствовались здесь удрученность и удушье. Найл тогда принял это за намеренное давление травы им на нервы. Теперь трава насылала волны тяжелой силы, одновременно и грубой, и бодрящей; Найл улавливал в ней курьезный элемент

жестокости. Краткая вспышка двойного зрения дала понять, что сила исходит из самой земли и подобна темному ветру, рвущемуся из-под гранитной тектонической структуры холма. Собственная жизненная энергия Найла и Доггинза ввиду своей утонченности не откликалась на это грубое давление. Но поскольку обоих одолевала усталость, тело само пыталось подстроиться, чтобы как-нибудь подпитаться от такого — пусть грубого — источника. Почему-то представилась скала под струей водопада, окутанная взвесью водяной пыли. Волны, похоже, исходили не от поверхности земли, а от каменных, раскаленных ее недр, неимоверное давление которых вызывало взвихрение магнитной энергии. На секунду Найлом овладели негодование и жалость. Казалось нелепым, как могут быть чувства человека настолько ограниченны, что он не замечает невероятного многообразия овевающих его сил. Но следом открылось и то, что эта ограниченность — самостоятельно сделанный выбор; стоит постараться, и на смену придет более богатое и утонченное восприятие мира.

Когда миновали впадину, где провалился исполинский ящер, Найла на миг пробрал страх при виде знакомых белых костей, поблескивающих на солнце. Но напряг второе зрение, и отлегло: действительно — скелет мертвого животного. На костях ни кусочка, все обглодано дочиста.

Добравшись до вершины склона, остановились отдышаться. Найл по забывчивости присел на траву. Та легонько и даже приятно пощипывала в прилегающих к влажной коже местах, но в целом была как любая другая, нормальная.

Доггинз кинул на товарища удивленный взгляд, затем тоже опустился рядом.

— Забыл, что ли?

— Да не то чтобы... — покачал головой Найл.

Он и впрямь забыл, хотя чувствовал подсознательно, что трава теперь безопасна.

Взгляд приковывала бурая болотистая низина с высоким тростником. За ней виднелись холмы, где дожидались товарищи. То, что остался последний отрезок пути перед встречей, безусловно, воодушевляло...

Доггинз, покосившись, задержал взгляд на Найле.

— Кое в чем ты смыслишь больше, чем я. Почему все так складывается?

Найл не стал строить из себя непонимающего. Так или иначе, он ожидал этого вопроса с той самой поры, как они отправились назад. Он указал сверху на обширную чашу Дельты с дышащими туманом зарослями и болотистой низиной.

— Пауки и жуки считают все это святилищем, храмом богини Нуады. Мы пришли сюда с оружием разрушения в руках, и Дельта изготовилась нас уничтожить. Теперь, когда мы добровольно расстались с оружием, богиня позволяет нам уйти с миром.

— В былые времена,— медленно проговорил Доггинз,— тебя бы сожгли за колдовство.

Найл пожал плечами:

— Никакого колдовства здесь нет, просто здравый смысл.— Он встал.— Пора двигаться, если хотим поспеть до темноты.

Дальнейший путь был до странности непримечательным. Спустившись к болотам, они двинулись протоптанной через тростник тропой. Солнце в небесной синеве обдавало, казалось, собственной яростной энергией, но ни один из них не чувствовал усталости; обоих словно подкрепляла изнутри какая-то сила. Мимо с жужжанием проносились стрекозы, длиною за метр, нагнетая мощными крыльями желанный ветерок. В месте, где грунт был повлажнее, остро взгудели крупные — с ноготь — зеленые комары, вынуждая то и дело напряженно щуриться, когда те пролетали слишком близко к голове или ушам. Тем не менее ни один летун не попытался посягнуть на кровь Найла или Доггинза.

Как только солнце стало клониться к западным холмам, Найл обратил внимание, что активность насекомых идет на убыль и даже птицы перекликаются как-то сонно. Он и сам ощущал приятную тяжесть в конечностях. Растение-властитель умеряло свою энергию, давая ей сойти на нет вместе с солнцем. Сонливость Найла выявляла, насколько он успел пристраститься к вибрации растения. Но повернул медальон, и чуткость с сосредоточенностью возвратились. В отличие от обитателей Дельты Найл не зависел от энергии растения-властителя, источник энергии лежал в нем самом.

А когда спустились сумерки, сквозь стебли тростника завиднелась желанная полоса меж болотом и лесом, что у подножия восточных холмов. Выйдя, оба заметили витающие искорки

над местом, где горел костер. Доггинз, остановившись, сложил ладони рупором и рявкнул:

— Симео-о-он!

Звук эхом огласил холмы, с верхушек деревьев снялись встревоженные птицы. Через несколько секунд в ответ послышался отдаленный протяжный возглас. Спеша к деревьям по зеленому склону, они различили мелькающий впереди огонек. Вскоре оказалось: Симеон спешит, неся зажженный факел. Когда их разделял уже десяток метров, он аккуратно приткнул факел к земле и кинулся обниматься. Найла стиснул так, что, казалось, раздавит.

— Ну, слава богу, возвратились. Мы уж и не чаяли...

Голос был такой же грубый и нарочито сдержанный, но чувствовалось, что старик рад без памяти.

Прыгающие отсветы костра кое-как освещали опушку. Однако не укрылось, что со времени их ухода мало что изменилось. Закутанный в одеяло Милон лежал на подстилке из травы и листьев. Манефон, улыбаясь, стоял возле костра, но, когда двинулся навстречу, по неуверенной поступи стало ясно: незрячий. Обнимая товарища, Найл уловил проблеск белков под неестественно набрякшими веками.

Спустя полчаса Найл с баклажкой вина уже полеживал на импровизированной постели из веток, глядя, как Симеон насекает для варева овощи. Неподалеку на земле лежала шкура животного, которого нынче поутру подстрелил Симеон; мясо варилось теперь в побулькивающем котелке. Рыльце животного походило на свиное, только шкура была пушистая, серая, а задние ноги, длинные и сильные, напоминали заячьи. Из котелка запах такой, что пальчики оближешь.

Доггинз спросил о чем-то Милона. Когда ответа не последовало, поняли, что он спит. Симеон негромко сказал:

— Как ты думаешь, когда ему настолько полегчает, что сможет отправиться с нами в обратную дорогу?

— Самое раннее — неделя, никак не меньше.

— Придется сооружать носилки и нести,— рассудил Доггинз.— Ждать все это время мы не можем.

Симеон опорожнил над шумящим котелком полную чашку овощей и кореньев.

— А что нас гонит?

Долгинз качнул головой. Не высказывая, правда, мысль вслух, он открыто сознавал, что поход не удался.

— Мы не можем себе позволить так долго отсутствовать. Раскоряки не дремлют, могут замыслить все, что угодно.

Найл поймал себя на том, что поклевывает носом. Тепло костра размаривало, да и не спал толком вот уже двое суток. И даже когда мозг наводнился зыбкими отзвуками сна, какая-то часть сущности упорно не покидала сознания. На миг Найл словно завис в темной бездне, такой же непроглядно пустой, как космические дали. Затем он осознал, что вновь соскальзывает в полудрему, и ощутил вибрацию растения-властителя. Контакта на этот раз не было; растение, похоже, даже не сознавало его присутствия. Но смягченная ночная вибрация принесла умиротворение. Стало понятно, для чего она: расслабляет, освежает жизненные силы.

Затем сознание Найла как будто потянулось к остальным, и тут засквозило неуютством, словно холодный ветер выдул все тепло. Спустя мгновение удалось установить, что дискомфорт исходит из двух источников. Первый — это Манефон, тихонько слушающий беседу у костра. Он отличал свет от тьмы, но совершенно ничего не видел, и его обуревало подобное стону отчаяние. Мысль, что теперь до конца дней он обречен на слепоту, лишала его всякой смелости.

Другой источник — спящий Милон. Найлу неожиданно открылась причина его недуга. Жизнь в нем угасала не от яда, а от некоего живого грибка в кровеносной системе. Грибок — по сути своей паразит — был частью сока иудиного дерева. Стоило Милону поднакопить в теле энергию за счет пищи и сна, как грибок опять сводил все на нет. И Милон был здесь бессилен, так как сама его энергия циркулировала на более высоком уровне, чем у грибка, и, следовательно, исключалась возможность прямого ответного удара.

Найлу выход виделся вполне определенный. Единственное, что Милону требуется,— это настроиться на вибрацию растения-властителя и ударить по паразиту напрямую, на его же частоте. Но Милону с этим, конечно же, не справиться. Он не сознает силы своего ума и уж тем более им не управляет.

Но по крайней мере, объятый изможденным сном ум у него сейчас пассивен. Найл дал своей собственной жизненной

энергии смешаться с энергией Милона, дождавшись, пока обе придут в резонанс. Это первое; дальше он успокоил расшатанные нервы и надломленную волю спящего, пока тот полностью не расслабился. Сложность заключалась в том, что Милон немногим отличался от ребенка. Свою жизнь он провел в уютном, ухоженном городе жуков, не испытывая нужды прибегать к своим глубинным источникам; теперь же он чувствовал себя разбитым и беспомощным. Вместе с тем нет худа без добра: на его ребячий ум влиять было удивительно легко. По мере того как дыхание Милона сделалось тихим и размеренным, его существо расслабилось и постепенно достигло того же вибрационного уровня, что у растения-властителя. Сила извне начала тихонько просачиваться в кровяное русло, пробуждая к действию его собственную жизненную энергию. Вот теперь было ясно, спящего можно спокойно оставить: исход предрешен.

Кто-то потряс за плечо. Открыл глаза — Симеон.

— Еда готова.

Найл зевнул и, приподнявшись, занял сидячее положение.

Симеон протянул ему чашку с горячим варевом и толстый ломоть хлеба. Костер превратился в массу ярко тлеющих углей. Кто-то успел подбросить несколько свежих поленьев, сейчас займутся огнем.

— Я долго спал?

— Часа два-три.

— А мне поесть? — послышался голос из затенения.

Симеон удивленно обернулся.

— Ты проснулся, Милон? Еды вволю. Тебе как — побольше?

— Я голодный как зверь.— Голос у Милона был внятным и твердым.

Догтинз с Симеоном переглянулись. Симеон начал ложкой начерпывать варево в чашку.

— Ты лежи, я поднесу.

— Да чего лежать, належался уже.

Неожиданно для всех Милон появился к костру. Туника вся в складках, измятая, на голове чертополох, однако румянец возвратился на щеки. Милон неожиданно расхохотался.

— Это что еще за чучело? — Он указал на шкуру животного.

— Вот его ты сейчас и попробуешь. Вид, может, и неказистый, но вкус неплохой.

Милон поднял чашку и, вытянув пальцами ножку, вгрызся в нее зубами.

— Ммм, вкус отменный. Лучше крольчатины.

Действительно, мясо странного создания напоминало орех и было нежное, как у ягненка.

— Ты как, мог бы отправиться завтра? — спросил Доггинз будто невзначай.

Милон, жуя, размашисто кивнул:

— Было бы здорово. Мне здесь уже до смерти надоело.

— Отлично. Утром выходим.

Пока Милон ел, Симеон с Доггинзом пристально его разглядывали, не веря своим глазам. Какое преображение! Милон, не сознавая, что сейчас буквально вернулся с того света, ел с самозабвением оголодавшего ребенка.

Найл справился со своей порцией, допив до дна, завернулся в одеяло и лег. Не прошло и минуты, как он канул в глубокий сон без сновидений.

Когда открыл глаза, луна еще не сошла, но небо залилось предрассветной синевой. Остальные собирали уже мешки и скатывали одеяла; Найлу, очевидно, хотели дать поспать еще.

Рассевшись вокруг небольшого костерка, разговелись сухарями и фруктами. Когда высветило, начали подавать голоса птицы и макушки деревьев зашелестели в предрассветном ветре. У Симеона и Доггинза вид был задумчивый; Найл понял, что размышляют, как-то их встретят дома. У Милона с лица не сходила блаженная улыбка — видно, предвкушал по возвращении что-то приятное. Манефон, вяло пожевывая, глядел перед собой и откликался лишь изредка, когда к нему обращались. Сердце у Найла сжималось от жалости при виде его уныло-равнодушного лица.

— Ну, как порешили, каким путем пойдем? — осведомился Симеон.

— Тем же, что и пришли, наверное,— предположил Доггинз.

— Почему бы не прямо через низину? — спросил неуверенно Найл.

По лицу Симеона пробежала тень.

— Опасно. Там полно болотных гадюк, ортисов, клопов-упырей и вообще бог знает чего.

Он поглядел в сторону Манефона и глазами показал: мол, какой тут риск, со слепым-то на руках. Словно прочитав мысли Симеона, Манефон проронил:

— Ничего страшного, если и рискнете.

Доггинз повернулся к Найлу:

— Ты что думаешь?

— Пожалуй, ничего не случится, если пойдем низиной,— после некоторой паузы ответил Найл.

Симеон перевел недоверчивый взгляд на Доггинза.

— Если Найл так считает,— рассудил тот,— то, пожалуй, я и возражать не стану.

Симеон пожал плечами. Во взгляде читалось: в таком случае потом меня не винить.

Через десять минут вышли. Солнце к этому времени поднялось над макушками высоких хвойных деревьев, что на гребне холма. Болота и заросли вдали дышали туманом. Растение-властитель напоминало большое, обрамленное ниспадающими локонами лицо, обращенное в сторону моря. Посмотрев на него, Найл ощутил приток неожиданной силы. Сила влилась в него, наводнив безудержным восторгом и внезапным видением окрестностей. Мелькнуло и кануло, но в уме возник ровный свет уверенности и возвышенной радости. Осознал Найл еще и то, что его отношение к чужеродной силе изменилось. Пару дней назад он считал ее какой-то разнузданной, грубой и неорганизованной. Теперь, понимая, что предназначается она не для него, он мог любоваться самим ее размахом так же беспристрастно, как, скажем, шумом ветра или морским прибоем.

Они теперь шагали на север, к морю, вдоль травянистой полосы, разделяющей высокий тростник и лес. Двигались цепочкой — впереди Симеон, за ним Доггинз, следом Манефон с Найлом и Милоном по бокам. Продвигались медленнее обычного. Там, где встречались кочки или какой-нибудь куст, приходилось брать Манефона за руки и помогать. Предупредительность старались выказывать как можно реже: Манефон нервничал, убеждая, что при свете кое-что, в общем-то, различает. Но понятно, это он сам себе пытался внушить, что зрение возвращается: неуверенная поступь и отсутствие ориентации беспощадно выдавали его полную беспомощность.

Примерно через милю тростник сменился болотистым участком с лужами-загноинами и пучками колючей темно-зеленой травы. Почва под ногами стала мягкой и пористой, как губка. Изменился и вид у леса. Деревья справа пошли сплошь кривые, низкорослые. В обилии встречались колючие кусты, среди которых Найл распознал опасный мечевидный куст с плодами в желтых и лиловых крапинах. Тут и там на глаза попадался куст покрупнее, с желтыми мясистыми листьями и темно-зелеными плодами в форме тыквы, каждый величиной с большой грейпфрут. Некоторые из тех плодов успели лопнуть от спелости, обнажая кораллового цвета мякоть с крупными семенами, а на землю капля за каплей сочился густой сиропистый сок. Запах был стойким и невыразимо приятным.

— Как они называются, не знаешь? — спросил у Симеона Найл.

— Нет. Но что-то они мне не внушают доверия.

— Почему же?

— Слишком хорошо пахнут.

Они приостановились подышать подольше этой прелестью; пока стояли, один из плодов надтреснул (было даже слышно), и две его половины медленно разделились, словно уста. На кожицу плода опустился привлеченный запахом жук-сухотел и, нагнув голову, приник к мякоти. И тут плод неожиданно вновь обрел целостность. Насекомое билось, не в силах выдернуть голову из створок, сомкнувшихся моментально, как веки. Очевидно, растение способно было всасывать, так как, пока смотрели, насекомое постепенно, сантиметр за сантиметром, втянулось внутрь. Наконец исчезли бьющиеся в воздухе задние лапы.

— Но уж людям-то, понятно, вреда от него нет? — спросил Манефон.

— Я бы не стал на это делать ставку,— только и сказал Симеон.

Найл, сделав над собой усилие, посмотрел на куст вторым зрением. Разглядел, и мурашки забегали по спине. От куста веяло немой угрозой, как от смертоносца, готового вогнать в добычу клыки. Было видно, что в гуще крупных мясистых листьев, таких безобидных снаружи, кроются ветки, гибкие и хваткие, словно щупальца, и у каждой на конце жало. Когда дви-

нулись дальше, почувствовалось разочарование куста: он ожидал, чтобы один из них подошел сорвать плод.

Почва становилась все податливее и, когда спустились на самое дно низины, стала такой вязкой, что нога с каждым шагом уходила по щиколотку. Пришлось потуже затянуть на башмаках завязки, не то прощай обувка. Можно было подняться туда, где земля понадежнее — где деревья,— но все безотчетно ощущали, что это небезопасно. Почти всюду под деревьями торчала поросль, а в отдельных местах землю покрывал бледно-зеленый мох. Найл, достаточно уже изучивший Дельту, догадывался, что именно такие пятачки скрывают ловушку. Уж лучше было с чавканьем пробираться по сравнительно безопасному болоту, хоть с каждым шагом наружу исторгался запах гнили. Когда сделал попытку оглядеться, применив двойное зрение,— становилось труднее по мере того, как нарастала усталость,— почувствовал, что отряд изучают невидимые глаза. Вместе с тем всякая живность не особо попадалась по дороге, разве что птицы да еще змея проскользнет иногда.

Через пару часов, когда солнце набралось силы, усталость одолела настолько, что двигались с трудом, и Найл начал уже подумывать, а правильно ли вообще поступили, отправившись низиной. Но тут почва под ногами сделалась тверже и пошла постепенно под уклон, а колючая болотная трава уступила место песколюбу, который, как известно, растет на сухих местах. Путники не заметили, как оказались на невысокой возвышенности, откуда открывался вид на заводь бурой илистой воды около полукилометра в поперечнике, вокруг нее торчали кусты утесника. Доггинз сбросил ношу на землю и сам опустился со вздохом облегчения.

— Уфф! Имеем право, пожалуй, отдохнуть.

— Что это? — указал Милон.

На окраине леса виднелось изогнутое дерево с серыми колючими листьями, на невзрачном фоне которого особо выделялся рдеющий багряным светом побег, вьющийся вокруг ствола. Ярким, огнистым каким-то светом полыхали желтые и зеленые прожилки; смахивало на какой-нибудь экзотический грибок. Верхушкой побег уходил в ветви и терялся там. Различались висящие на нем плоды — полупрозрачные, напоминающие чем-то виноград.

Милон из любопытства сунулся было, но Симеон схватил его за руку:

— Куда!

— Не беспокойся.

Милон подхватил «жнец» и, держа его наготове, стал подбираться к дереву. Найл, заинтриговавшись броской окраской, тронулся следом. Не удержался и Симеон. Побег был изумительно красив; оттенки богатые, разнообразные — осенний сад, да и только. Симеон, подавшись вперед, разглядывал гроздья.

— Интересно, они съедобные?

Найл в этот момент попытался воспользоваться вторым зрением. Оказалось, напрасно, потому что уже устал; пришлось, застыв лицом, сосредоточиться, и вот удалось включить внутреннее восприятие. Но едва это произошло, как Найла пронзило ощущение смутной тревоги. И побег и дерево были живыми существами и полностью сознавали их присутствие. Когда Милон, сделав шаг вперед, потянулся за гроздью, Найл схватил его за руку.

— Стой, не суйся!

Не успел выкрикнуть, как нижняя часть побега, прочно вросшая, казалось, в землю, распрямилась и змеей метнулась к Милону; по его поясу чиркнул в попытке сомкнуться похожий на волосатое корневище придаток. Милон резко отскочил назад, и корневище ослабило хватку. Тут дерево сухо зашелестело листвой, будто в разочаровании.

— Мерзавка! — выкрикнул Милон и вскинул «жнец». Но не успел нажать на спуск, как Найл, подскочив, с силой пригнул ствол книзу.

— Не смей!

— С какой стати?! — раздраженно пыхнул Милон, силясь поднять ствол.

— Я что сказал!

Найл обеими руками дабанул ствол книзу, пока тот не ткнулся вертикально вниз. Милон с сердитой гримасой уступил.

— Но почему? — Он в недоумении пожал плечами.

— Хочешь добраться до берега живым? — спросил Найл.

— А то как же.— Милон потупился.

— Тогда про «жнец» забудь.

Милон, негодующе фыркнув, отошел и сел.

— Что тебя навело на такую мысль? — спросил у Найла Симеон.

— Здесь ведь все растения друг друга сознают. Уничтожишь одно, и уже все это чувствуют.

— Ну и что? Станут чуть осторожнее, всего-то.

— А вот и нет. Они губительнее здешних животных, поскольку лишены способности двигаться. Стоит убить одно, как уж все начинают выискивать способ извести непрошеного гостя.

Они сидели, развязывая мешки. Симеон полюбопытствовал:

— Как тебе все это пришло в голову?

— Сложно ответить,— сказал Найл, покачав головой.— Просто чувствую.

— Потому и сказал, что низиной идти безопаснее?

— Да.

— Так вот почему ты побросал «жнецы» в реку? — насмешливо улыбнулся Доггинз.

Милон воззрился, не веря глазам.

— Ты побросал «жнецы» в воду? — (Найл кивнул.) — Но зачем?

— Затем, что...— Подобрать нужные слова оказалось не так-то просто.— Потому что, если есть желание в Дельте уцелеть, надо, хочешь не хочешь, стать частью Дельты. Нужно расположить ее к себе.

— А если кто-то вдруг возьмет и нападет, тогда что?

Спор давался непросто, умы у собеседников отстояли слишком далеко друг от друга.

— Ну как это еще объяснишь? — Найл пожал плечами.

Симеон, однако, смотрел на него с заинтересованным любопытством.

— А вот взял бы да попробовал.

Найл глубоко вздохнул. С чего начать?

— В Дельте каждый организм приспособлен как-то нападать и защищаться. Но «жнецы»... они слишком... беспрекословны, что ли.— (Попробовал встрять Милон, но Симеон досадливо отмахнулся: помалкивай, мол.) — Они так мощны, что

дают нам ощущение... мнимой безопасности.— Найл чувствовал, что изъясняется недостаточно внятно.

— Ложной силы? — переиначил Симеон.

— Совершенно верно! — Найл обрадовался: понимают, значит.— Именно ложной силы. Мы из-за них чувствуем себя сильнее, чем есть на самом деле. И получается, что они мешают нам уяснить нашу истинную силу...— Он легонько постучал себе по лбу.

— Но пауки развили в себе больше такой силы, чем мы,— спокойно заметил Симеон.

Найл тряхнул головой.

— Если б так, они бы имели право на господство. Но дело обстоит иначе.

Доггинз, с набитым ртом:

— Дайте парню поесть спокойно.

Симеон смотрел на Найла с глубоким интересом.

— Так что там насчет пауков?

— Они на самом деле не сильнее нас. Просто мы не научились использовать собственную силу по-настоящему.— Найл осуждающе зыркнул глазами на Милона.— И не овладеем ею никогда, пока будем полагаться на «жнецы».

— Но как нам без «жнецов» биться с пауками? — спросил Симеон и добавил: — Или скажешь, может, что бороться с ними и не надо?

— Бороться, безусловно, надо,— сказал Найл,— но их же методом. И рано или поздно нам придется научиться жить с ними в мире.

Доггинз взглянул на товарища с удивлением:

— Я-то думал, ты мечтаешь с ними покончить.

— Да, вначале. Но это было до прихода в Дельту.

— А теперь ты что, против «жнецов»? — спросил Симеон.

— Категорически,— был ответ.

— Почему?

— Потому что если пустим их в ход, то не удержимся от соблазна истребить пауков всех поголовно.

— И что, ты считаешь, нам надо со «жнецами» делать? — спросил Милон.

— Если желаешь знать, что я на этот счет думаю...— Найл умолк в нерешительности.

— Да, желаем,— сказал за всех Симеон.

— Я считаю, нам надо повыбрасывать их вон в то озерцо.

Милон поперхнулся от таких слов. Симеон сердито на него махнул, чтобы молчал, а сам нарочито спокойно спросил:

— И что хорошего, по-твоему, это даст?

Найл поймал себя на мысли, что все это время непроизвольно смотрел на слепые, умолкшие глаза Манефона.

— Для начала это бы вернуло зрение Манефону.

Не успев еще произнести, он запоздало спохватился и тотчас пожалел о сказанном. Но слово не воробей.

Доггинз глянул на Найла, да остро так.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Да.

Однако чувствовал Найл себя хвастливым подростком, пытающимся сейчас выкрутиться перед сверстниками. На Манефона стыдно было и смотреть.

— В таком случае,— медленно проговорил Симеон,— нам, вероятно, есть смысл попробовать.— Он оглядел остальных.

У Найла упало сердце. Он уже собирался сказать, что не это имел в виду. И тут впервые подал голос Манефон:

— Я не хочу, чтобы для меня кто-то приносил жертвы.

Голос был блеклым, невыразительным, но, судя по всему, Найл заронил надежду.

Все поглядели сначала друг на друга, затем вместе — на Манефона. Каждый ощущал себя виноватым в том, что Манефон вот ослеп, а они все зрячие. Симеон поднял взор в сторону моря.

— Худшее позади. Повезет, так через пару часов дойдем до моря.

Глаза у всех остановились на Доггинзе. Тот делал вид, что ест и не прислушивается, но по лицу-то видно: чувствует, что ждут его решения. В конце концов он дернул плечом.

— Ладно, поступайте как знаете.

— Совсем обезумели! — выдохнул Милон, оторопело округлив глаза.

Ему никто не ответил. Он повернулся к Найлу:

— Как ты думаешь, это поможет Уллику?

Найл качнул головой, не сказав ничего. Милон беспомощно развел руками и отвернулся.

Симеон протянул свой «жнец» Найлу.

— Ну что, попробуешь?

Найл молча принял оружие. Направляясь медленно к озерцу, он в душе заклинал растение-властителя. Украдкой посмотрел в его сторону. С этого угла оно выглядело до крайности неброско, как любой другой холм. Найл взошел на косогор, выдающийся над озерцом, поднял «жнец» над головой и швырнул его как можно дальше. В момент броска ощутилась странная возвышенная радость, содержащая элемент злорадства. Затем повернулся; Симеон протягивал ему второй «жнец». Найл опять бросил изо всех сил. Оружие с плеском вошло в воду и кануло — только его и видели. Третий «жнец» Симеон потянул из рук Милона; тот расстался с оружием неохотно. «Жнец», кувыркаясь в воздухе, полетел к середине озерца следом за первыми двумя. Когда раздался всплеск, поверхность озерца на секунду взбурлила.

— Там что-то сидит,— угрюмо заметил Доггинз.

— Хорошо, если жрать не хочет,— вставил Милон.

Все смотрели на Манефона, незрячее лицо которого было уставлено в сторону озерца. Затем Симеон бережно взял его за руку.

— Омой себе глаза в воде.— (Манефон стал опускаться на колени, не сознавая, что до воды надо еще пройти метра три.) — Нет, не здесь. Поди сюда.

Его подвели к месту, где склон полого сходил к воде. Здесь Манефон встал на колени и опускал разведенные руки, пока не коснулся ими поверхности. Затем, склонив голову, плеснул бурой воды себе в глаза. И пронзительно вскрикнул от боли:

— Жжется! — Он отпрянул, отчаянно натирая глаза руками.

Подбежал Милон и поднес тряпицу, которую Манефон, стиснув зубы, прижал к лицу. Найл согнулся и, черпнув, тоже плеснул себе в глаза. Не стерпев, он вскрикнул: вода была соленой от минералов и жгла, будто кислота. Несколько капель стекло в рот — тьфу, горечь!

Доггинз сунул Манефону бутыль, где еще оставалось на четверть вина.

— На-ка вот, хлебни.

Манефон мотнул головой и оттолкнул посудину; ему, очевидно, было не до этого.

Симеон опустился возле слепого на колени и взял его за запястье.

— А ну, дай взглянуть.

Манефон понемногу унялся и поднял лицо, все еще страдальчески постанывая. Симеон, бормоча что-то утешительное, возложил пальцы на распухшую щеку Манефона и осторожно, бережно оттянул нижнее веко. Манефон неожиданно замер. Лицо у него неузнаваемо переменилось.

— Я... я тебя вижу!

С видимым усилием он открыл оба глаза и вперился в Симеона. И тут он захохотал — громово, безудержно, стирая бегущие по щекам слезы. Изо всех сил расширив веки, он оглядывался вокруг себя.

— Я снова, снова могу видеть!

Манефон вскочил на ноги, облапил Найла и стиснул так, что тот аж поперхнулся. Жесткая борода царапала Найлу ухо.

— Все как ты говорил, так и вышло!

— Ты отчетливо нас различаешь? — осведомился Симеон.

Манефон крупно моргнул.

— Не сказать чтобы очень. Но я вижу, вижу! — Он вновь огляделся с восторгом и изумлением.

Милон посматривал на Найла с благоговейным ужасом.

— Как у тебя это получилось? Какое-то волшебство?

Найл пожал плечами.

— Да что ты! Видимо, вода. Она, должно быть, вывела отраву.

Но взгляд Милона красноречиво говорил: давай, мол, не скромничай.

Теперь Манефон принял бутыль и выпил вино без остатка, не отрываясь. После этого все снова сели и закончили еду. Головы плыли от восторга, происшедшее казалось добрым знамением. У Найла было любопытное ощущение, будто это он сам прозрел, и любой предмет сейчас он озирал с восторженным изумлением — оттого, видимо, что у него с Манефоном установилось некое сопереживание.

Вышли в приподнятом настроении. Земля под ногами вновь стала твердой, море заметно приблизилось; так идти — к вечеру, глядишь, можно оказаться и на месте. В очередной раз шли через равнину, поросшую песколюбом и низкими куста-

ми, из которых многие были усеяны яркими ягодами (последние огибали загодя). Слева местность постепенно снижалась к реке, петляющей теперь к морю через плоские болота. Послеполуденной порой с западных холмов нагрянул ливень. Ветер неожиданно переменился, низко над головой, словно наступающее войско, двинулись сонмы черных туч, и через несколько минут вокруг ничего уже не было видно, кроме пелены дождя. Сполохам молний вторили обильные раскаты грома, а земля под яростным напором хлещущих струй превращалась в слякоть.

Останавливаться не было смысла. Кусты прибежища не давали, а земля под ногами превратилась в сущий поток, стекающий по склону в сторону реки. В считаные секунды путники вымокли до нитки — и плащи не помогли,— а башмаки хлюпали от скопившейся воды. Пошатываясь, брели вперед, превозмогая напор перемежающегося ветром дождя; через намокшую одежду струи проникали к телу совершенно беспрепятственно. Найл в одном месте чуть не шлепнулся, но его схватила и помогла утвердиться на ногах мощная длань Манефона. Затем Манефон положил ручищу Найлу на плечо и тесно, любяще его сжал. Найл снизу вверх поглядел на товарища и обнаружил, что тот самозабвенно смеется, подставив лицо под струи. Найл еще раз проникся радостью Манефона за то, что тот не только чувствует, но и видит дождь.

Ливень неожиданно кончился. Облака истаяли над восточными макушками холмов, и озябшие тела согревало солнце. Из звуков слышались разве что всплески, вторящие поступи по все еще стекающей вниз воде. Путники остановились и сняли башмаки. Дальше пошли босиком, обувь перебросив сзади через заплечные мешки. Постепенно сгустилась жара, от одежды шел пар, и лужи вокруг песколюба поисчезали. Впереди в солнечных лучах переливчато поблескивало море, словно дождь вымыл его дочиста.

Шагающий впереди Доггинз вдруг остановился и с напряженным вниманием уставился на что-то.

— Ты чего? — спросил Найл.

— Змеи,— коротко ответил тот, ткнув пальцем.

Из дыры в земле меж двумя кустами утесника выявлялось что-то белое. То же самое происходило повсюду вокруг. Пут-

ники озирались в тревожном недоумении; на миг Найл пожалел, что опрометчиво расстался со «жнецами». И тут Симеон воскликнул:

— Какие змеи, это же грибы!

Что-то коснулось голени Найла. Он отскочил и тут увидел, что это шаткий стебель, вытесняющийся из земли движением, напоминающим червя или сороконожку. Все вокруг — цветы, грибы-красавцы и уродливые поганки — проталкивались наружу из почвы, будто крохотные рептилии. Некоторые грибы разбухали, словно шары; иные уже и лопнули, наполняя воздух запахом влажного леса.

Найлу вспомнилось детство — минуты, когда ожила пустыня (только теперь все происходило гораздо быстрее). Четверти часа не прошло, как они ступали по морю цветов и разноцветных грибов, а воздух наполнен был смесью запахов, местами изысканных, местами неприятных. Но даже последнее никак не сказывалось на восторге Найла. Словно детство возвратилось, и они по-прежнему жили в пещере у подножия плато, и все еще живы были отец, Хролф и Торг. Ожило забытое прежде радостное волнение, которое он ребенком испытывал, побалтываясь в корзине за спиной у матери на пути в новое жилище. И помнился терпковатый вкус сочного корня, который мать выковыряла ножом, и запах горелых кустов креозота, смешанный со своеобразным запахом жуков-скакунов, державшийся у них в пещере несколько месяцев. Удивительно было сознавать, что в нем по-прежнему живет семилетний мальчуган, а воспоминания настолько свежи, будто все происходило вчера. Идя среди прохладных на ощупь цветов, Найл почувствовал, что Дельта ненадолго вернула ему детство и что все это — прощальный подарок растения-властителя.

Через пару часов к морю приблизились настолько, что стали слышны голоса чаек. Снова путников окружала зеленая растительность, похожая на непомерно разросшийся водокрас, и кусты, глянцевитые листья которых яркостью напоминали покрашенные. Чтобы обогнуть поляну с наркотическим плющом, пришлось сделать порядочный крюк к востоку. Заодно осталась в стороне и непроходимая чащоба мечевидных кустов, идущая аркой почти полмили. Путь вывел к подножию восточных холмов, напротив места, откуда они начали путешествие

через лес. Найл подумал об Уллике, и впервые за весь день его одолела печаль.

Тут ветер донес запах моря, а через несколько минут они уже ступали по теплому песку, слыша, как волны с глухим шумом накатывают на берег. Найл со стоном облегчения скинул свою ношу и ощутил бессмысленную легкость, будто ноги вот-вот сейчас сами собой оторвутся от земли. Пробежав по берегу, он побрел в воду, пока волны не закачались вокруг пояса. Найл постоял, закрыв глаза, податливо мотаясь назад и вперед вместе с движением волн, и утомление изошло из тела, уступив место легкомысленной радости, от которой тянуло рассмеяться в голос.

Крик Милона заставил обернуться. Тот рукой указывал на берег. Какую-то секунду Найл не мог уяснить причину его волнения. Затем разглядел поднимающийся из-за пальм султан дыма в полумиле. Найл быстро, насколько позволяла вода, двинулся к берегу.

У Симеона вид был удрученный.

— Это могут быть слуги пауков. А если так, то пригнали их сюда хозяева.

— Не думаю.— Найл покачал головой.

— Почему?

— Они думают, мы все еще вооружены. И не пошли бы на прямое столкновение.

Мелон поочередно оглядел лица товарищей.

— А может, это наши люди? Приплыли и разыскивают нас.

Они подошли к пальмам и медленно двинулись вдоль берега. Ветер дул с северо-запада, но человеческие голоса не доносились. Когда до дымного столба оставалось несколько сот метров, путники подошли к прогалине меж деревьев и осторожно вышли на вершину холма. Отсюда видно было, что костер дымит примерно в том же месте, где они ночевали перед отходом в Дельту. Неподалеку под сенью деревьев лежал человек и, очевидно, спал.

Милон повернулся к остальным.

— Мне кажется, это Уллик.

— Дурачок, он умер,— сказал Доггинз.

— Посмотри, у него мешок как у нас.

И вправду, мешок возле костра был точь-в-точь такой. Тут Милон рванулся вперед так, что не угнаться. Слышно было, как он кричит на бегу. Спавший, вскочив на ноги, оторопело уставился на него. Затем Милон повернулся, размахивая руками.

— Это правда Уллик!

Они вдвоем кинулись навстречу друг к другу и, обнявшись, завозились, неуклюже приплясывая от безудержной радости.

Мысль, ударившую всех разом, вслух высказал Доггинз:

— Слава богу, мы его не закопали.

Через минуту все уже наперебой хлопали Уллика по спине и трясли ему руку, пока тот не начал корчиться от боли. Он был бледен, скулы за эти дни обросли густой щетиной. В остальном внешне он ничуть не отличался от прежнего. Изъясняться толком не удавалось, от радости все были бессвязно-шумливы, кричали наперебой, события изливались скомканными отрывками. Что-то более-менее связное сложилось лишь через несколько часов, когда улеглись в темноте вокруг костра. А пока Найл, вскарабкавшись на исполинское дерево, опустил мешки и полотнища паучьих шаров, Манефон, прихватив рыбачью леску, отправился на камни наловить чего-нибудь к ужину. Уллик и Милон с посудиной, полной личинок, пошли кормить порифидов (их приближение было встречено радостно: вода отчаянно забулькала от вонючего газа). Доггинз, намаявшись мозолями, улегся под пальмами и проспал, не шевелясь, до самых сумерек. Найл искупался, обсушился на солнце, затем пошел и сел возле Манефона, успевшего поймать три большие кефали. Вытащили еще четыре и решили, что на праздничную трапезу хватает.

Рыбу завернули в листья, затем в слой глины и сунули печься в горящие уголья. Манефон готовил, остальные, не отрываясь, созерцали появляющиеся звезды, проникнутые странным очарованием Дельты, где запах опасности перемешивался с чудесным ощущением свободы. Затем Манефон выгреб раздвоенной веткой рыбу из углей, воздух наполнился удивительным ароматом рыбы, свежевыловленной и тут же приготовленной, и хлебных лепешек, испеченных среди раскаленных камней. Нависшая задумчивость исчезла вместе с тем, как сели есть, запивая трапезу вином. Постепенно воцарялись оживление

и радость — от того, что впервые с полной отчетливостью дошло, что они умудрились живыми выбраться из центра Дельты и снова вместе.

За едой Уллик то и дело вызывал взрывы хохота, описывая, как проснулся и обнаружил, что привязан к суку дерева в двадцати метрах от земли, и как совершенно всерьез вопил товарищам, чтобы «кончали придуряться». Только обнаружив, что надежно зашит в одеяло, Уллик понял, что его сочли мертвым. После упорной борьбы ему удалось высвободить правую руку — Манефон прихватил его очень крепко на случай, если хищные птицы попытаются выпотрошить тело из мешка,— и в конце концов развязал двойной узел на груди. Стоило таких сил высвободиться, не сыграв при этом вниз. Наконец одеяло упало на землю. Следом ускользнула бы и веревка, не успей он схватиться как раз вовремя, «не то бы я все там так и торчал» (что до слушателей, то они реготали не потехи ради, а из восхищения перед добродушным оптимизмом Уллика: сейчас, понятно, смеется, а тогда-то было не до смеха). Наконец, скрючившись на развилке дерева, один конец веревки Уллик обвязал вокруг сука и спустился на землю. Там он нашел свой мешок, опертый на древесный ствол, и отыскал угли костра, много дней как остывшего, с множеством звериных следов вокруг. Поев и выпив немного вина — настроение от этого чуть повысилось,— он отправился в долгий путь назад к берегу, который, к счастью, обошелся без происшествий.

— Когда все это произошло? — поинтересовался Найл.

— Вчера.

— Ты в какое время проснулся?

— На рассвете. Меня разбудили птицы.

Это заставило Найла задуматься. Итак, Уллик пришел в себя в то же время, когда сам Найл пробудился на макушке растения-властителя...

Найл заснул намного раньше остальных; от пищи и свежего воздуха глаза слипались сами собой. Временами он просыпался от взрывов хохота или трепетного сполоха, когда в костер подбрасывали свежих сучьев. Обрывки разговора: «...а тысяченожка вымахала — обалдеть! Я таких в жизни не видел...», «...эдакие вроде лягушек, только здоровенные...» — мешались со смутными образами сна. В конце концов воцарились лишь

шум накатывающих на берег волн да сухое шуршание ветра в макушках пальм.

Найла растормошил за плечо Симеон.

— Подъем. Ветер с юго-запада, надуваем шары.

Дельта постепенно растворялась на горизонте, и Найл еще раз ощутил толщу неподвижности, зависшую в безветренном пространстве между морем и небом. Небо было лазорево-синим, безоблачным. Море внизу расходилось в бесконечность, цветом подобное небесам, по крайней мере, где сливалось с линией горизонта. Лишь прохлада воздуха давала понять, что они все-таки движутся, а не стоят на месте. Обычный, как видно, день для середины зимы.

Три шара были опять связаны вместе. На этот раз, однако, Найл летел в одной корзине с Симеоном. Симеон хорошо был знаком с береговой линией, потому роль штурмана выпала, естественно, ему. Земля давно скрылась из виду, а они все стояли на разных концах корзины, удерживая равновесие. В воздухе находились уже больше часа, но ни один не произнес ни слова. Оба были зачарованы необъятностью округлого окоема, оба в благоговейном трепете от бездны, что под ними. При свете дня полет воспринимался более опасным, чем ночью.

Постепенно Найла начал пробирать холод. Он осмотрительно сел на дно и запахнулся в плащ. Развязав мешок, вынул сухарь и кусок вяленого мяса; перед отлетом поесть не получилось, не было времени. Симеон последовал его примеру. Несколько минут ели молча. Затем Симеон сказал:

— Мне хотелось кое о чем тебя спросить. Прошлой ночью, пока вас с Билдо не было, произошло нечто странное. Я сидел караулил. В деревьях кругами шарилась какая-то зверюга. Ясно было, она за нами наблюдает, выжидая момента, чтоб напасть. И тут случилось. Что именно, толком не выразишь, но у меня напрочь исчезло ощущение, что мы в опасности. В общем, я проникся такой уверенностью, что лег и заснул.— Он прихлебнул воды из бутылки.— Так вот ты не скажешь, в чем тут было дело?

— Я как раз побросал в воду «жнецы»,— ответил Найл.

— И зачем ты это сделал?

Найл ждал такого вопроса, хотя отвечать на него не сказать чтобы стремился. За прошедшие двое суток он ощутил глубо-

кую неохоту рассуждать о том, что с ним произошло, словно какая-то невидимая сила велела молчать. Вместе с тем сейчас, при разговоре с Симеоном, он почувствовал, что внутренний этот запрет вроде как снимается, и понял, что может изъясняться открыто. Он в деталях описал, как разъярился и начал полосовать лучом по воде (спина похолодела, стоило вспомнить, как близок был к тому, чтобы выстрелить в растение-властителя). Рассказал о внезапном внутреннем побуждении, вняв которому побросал «жнецы» в воду, и как повиновался приказу перейти реку. Многое во время рассказа по-новому раскрылось ему самому. Теперь Найл сознавал, что богиня могла уничтожить их в любой момент, едва они приземлились в Дельте, и что пошла на заведомый риск, дав двум вооруженным людям приблизиться чуть ли не вплотную. Но понял и то, что импульс, притянувший его в сердцевину Дельты, был зовом самой богини.

А вот пытаясь живописать мысленный контакт с растением-властителем, Найл почувствовал, как в душе растет беспомощное отчаяние. При попытке передать утонченный смысл слова давали безнадежный сбой. Симеон слушал не перебивая, и Найл был ему за то благодарен, но все равно чувствовал себя при этом так, будто двигался по скользкой поверхности, поминутно теряя равновесие.

— И вот я проснулся, а кругом уже утро,— закончил он.

Симеон поглядел в замешательстве.

— И это все?

— Это все, что у меня... получается объяснить.

— Так ты не узнал ничего, что может нам помочь справиться с пауками?

Найл приуныл; он-то полагал, что Симеон вник в суть.

— Нет. Я же тебе о чем говорю: людям надо научиться с пауками ладить.

Симеон зыркнул на него с легкой иронией.

— А ты узнал, что нам-то надо делать, если пауки вздумают нас поработить?

Найл попытался подыскать слова. В конце концов выговорил:

— Нет.

— В таком случае,— произнес Симеон,— мне кажется, мы вернулись туда, откуда начинали, только дела еще хуже.

— Это почему?

— Потому что у нас больше нет того, что заставляло прислушиваться к нашему голосу. Оставленных в Дельте «жнецов» теперь уже не вернешь, а жуки к настоящему времени изъяли все остальные. Пауки могут теперь поступить как им вздумается.

— Это если жуки согласятся. А жуки не позволят отдать нас в рабство.

— У них может не оказаться иного выбора.— Он положил руку Найлу на плечо.— Ты вот послушай, у меня была куча времени поразмыслить над всем за прошедшие несколько дней. Жуки во все времена не очень-то стесняли свободу своих слуг. Пауки же всегда твердили, что это ошибка. Люди, по мнению пауков, никак не могут удовольствоваться лишь частицей свободы, им подавай сразу все. По их разумению, двуногий, если не в рабстве,— источник постоянной опасности. И теперь посмотри: внешне все действительно так и получается. Разве могут жуки устоять перед такого рода логикой? Им придется признать, что люди агрессивны и опасны.— Он угрюмо пожал плечами.— А мы повыкидывали единственное, что заставляло с нами считаться.

— Тем не менее мы правильно поступили, что уничтожили «жнецы». Иного пути не было.

Симеон подумал, отведя серые глаза. В конце концов сказал:

— Я бы, пожалуй, с тобой согласился. А вот последствия... Не хочется думать.

Их прервал крик. Осторожно поднявшись, оба разместились по разным краям корзины. Доггинз на соседнем шаре указывал в сторону северного горизонта. Загородив от солнца глаза, Найл различил смутные очертания береговой линии с горами на горизонте. Спустя четверть часа можно было ясно различить прибрежный рельеф: линию высоких серых холмов, а дальше на север бурый остров, словно крепость вздымающийся из моря бастионами заостренных скал.

— Мы слишком далеко берем к северу,— заметил Симеон.— Бухта вон, на той стороне.— Он указал на дальний мыс в южном направлении.

— Что, такая уж разница?

— Какая-никакая, а дневной переход назад к городу обеспечен. Хорошо, если по пути не встретим пауков.

От холодного воздуха пробирала дрожь. Найл полез под плащ и повернул медальон. Мгновенная сосредоточенность несколько улучшила самочувствие; сфокусировал сознание, и оказалось: можно нагнетать в ладони и ступни ровное мреющее тепло. Найл прикрыл глаза и дал сознанию расслабиться и растечься. Через секунду он уже ясно сознавал порифида у себя над головой и энергетические нити, пронизывающие пространство наподобие гигантской паутины. Найл дождался, когда его ум соединится с дремотным сознанием порифида и его сородичей в соседних шарах. Результат просто очаровывал. Окружающий мир словно преобразился в невиданных размеров энергетический узор — те же тенета. Само пространство, казалось, истаяло и обратилось в энергию.

Что удивляло, так это цветовая гамма. Тенета энергии были фиолетовыми, в то время как порифиды имели вид небольших синих сгустков с хвостиками полупрозрачных волокон. Другой энергетический поток, гораздо слабее, струился вверх из моря. Этот был бледненький, водянисто-голубой. Отдаленная суша лучилась зеленым, меняясь над горами на серый. Стоящий в трех шагах Симеон представлял собой средоточие красной энергии. Стало заметно, что энергетическая масса не монолитна, а как бы дымчата и постепенно утекает наружу, так что Симеону приходится неосознанно возмещать утечку за счет собственного тела.

Тут до Найла дошло, что, пока он не перевернул медальон, таким же образом из него утекала собственная энергия. Теперь же, сосредоточась, он мог контролировать расход своей жизненной силы. Сознавал он также, что способен впитывать энергию окружающих фиолетовых тенет, равно как земли и моря. Источник фиолетовой энергии лежал за южным горизонтом. Найл сообразил, что источник — это наверняка растение-властитель. Впитывая зеленую энергию земли, оно концентрировало ее, а затем передавало, подпитывая живые организмы, порифида в том числе. Но чтобы использовать энергию должным образом, у порифида не хватало ни размера, ни тем более сил; он мог усваивать лишь мелкие отдельные порции. Симеон, наоборот, мог бы служить колоссальным резервуаром энергии, но он почти ее не сознавал.

А вот сам Найл энергию скапливать мог. Надо было просто ее впитывать, как рыба планктон, а затем не давать ей снова вытечь. Когда овладел этим фокусом, ощущение тепла в теле усиливалось, Найл разгорячился так, словно сидел напротив большого костра. Оглядел себя и убедился, что тело теперь сочится не размытым красноватым светом, но пунцовеет, как рубин.

Симеон тронул Найла за руку, возвратив в обычное измерение.

— Я сейчас начну сбрасывать давление. Там внизу ветер должен быть наверняка слабее. А то, чего доброго, унесет куда-нибудь, выбирайся потом.— Он потянулся к выводному клапану.

Волнение Симеона показалось Найлу неуместным. Ведь ясно, что ветер — просто стихийная форма энергии и является сам по себе частицей гигантского энергетического узора, в умозрительный центр которого они из практических соображений должны сейчас поставить себя. Так что если надо рисунок сменить, то для этого достаточно минутного усилия воли — как птица меняет направление полета. Даже порифидам известно, как это делается.

Найл закрыл глаза и устремился умом на участок земли, что на юге. Затем сделал усилие впитать и тут же выдать больше энергии. Напрашивалось сравнение с наращиванием собственного веса, под которым тенета начинают невольно провисать. Найл взвихрил воронку управляемой силы, всосавшей, словно водоворот, окружающую энергию. Шар резко качнулся, отчего соединяющая веревка дернулась вбок; пришлось невольно вцепиться в бока корзины.

— Ой, прошу прощения,— спохватился Симеон. Он наверняка подумал, что шар качнуло из-за его неповоротливости.

Через несколько минут он довольно хмыкнул и хлопнул Найла по плечу:

— Славно, теперь идем как надо.— Он победно махнул Доггинзу на соседний шар.

Найл ничего не сказал. Он, как заправский шкипер, сосредоточенно лавировал между поперечными и продольными векторами энергии, не допуская, чтобы шары сходили с курса. Оказывается, с закрытыми глазами делать это было сподручнее:

точнее сознавалось, сколько энергии выделяется. Открыв глаза вновь, он увидел за мысом, где маяк, массивные каменные стены гавани. Через двадцать минут они поравнялись с берегом севернее мыса; справа внизу видны были гавань и доки. Высота позволяла разглядеть передвигающихся по пирсу людей и пауков. Люди, побросав работу, запрокидывали головы, чтобы лучше рассмотреть необычное зрелище: тройку шаров, связанных воедино. Найл ощущал еще и неуютный холодок — смертоносцы глядят, не иначе как целыми стаями. Однако в изучающе щупающих лучах воли читалось теперь и нечто иное — осторожность, даже трепет. В отношении восьмилапых к человеку уже сквозили и некоторый страх, и уважение.

На северо-востоке виднелись здания паучьего города, лежащего в неглубокой лощине между холмами, на той стороне которых угадывались изогнутые красные башни жуков. Вскоре паучий город расстелился внизу. Сердце Найла восторженно забилось: он увидел поблескивающую в солнечных лучах Белую башню. Тут он ощутил, что снизу за ними наблюдают, и восторг сменился всегдашним настороженным вниманием. Пролетая над обиталищем Смертоносца-Повелителя, он почувствовал недобрый взгляд голодного хищника, провожающего взором лакомую добычу. Здесь страхом и не пахло — одна ненависть.

В глубь суши шары сопровождал лишь легкий бриз. От сильного ветра их ограждала цепь береговых холмов — особенность местности, приглянувшаяся в свое время людям былых эпох для строительства города. Когда, направляясь к городу жуков, начали постепенно сдавать высоту, править почти и не приходилось: ветер нес шары прямо в сторону газона на центральной площади. Заметив приближение воздухоплавателей, жители города стремглав кинулись к площади. На ступенях зала собраний скопилась толпа, стояли и на примыкающих пешеходных дорожках. Веревки, соединяющие шары между собой, отвязали, и они свободно болтались. Когда опустились достаточно, наиболее ловкие из мужчин, подпрыгнув, ухватили концы и повлекли шары на середину газона. Найл почувствовал глухой толчок: шар ткнулся о землю. Опомнившись через секунду, Найл понял, что лежит плашмя — шар сверху — и его тащит. Через несколько секунд людские руки вызволили Най-

ла наружу и помогли подняться на ноги. Шею ему обвили девичьи руки, губы жарко прильнули к щеке — Дона! Найл с удивлением увидел, что на глазах у нее слезы.

— Ты чего?

— Я уж думала, больше тебя не увижу...

Странно как: ощущать под ногами твердую землю (все еще казалось, что она тяжело колеблется). Воздух был отрадно теплым и благоухание цветов подобно ласке.

Путешественников уже душили в объятиях. Доггинза ребятишки, накинувшись всей гурьбой, едва не повалили на землю. Милона, Уллика и Манефона окружила кольцом восторженная молодежь, парни и девушки.

С Найлом сомкнулся предплечьем Криспин, другой рукой обняв за шею.

— Это правда, что вы ходили в Дельту? — спросил он вполголоса.

— Правда. Как оно здесь без нас?

Криспин украдкой огляделся через плечо.

— Хозяин жутко разгневался, что вы отправились без разрешения. Гастур и Космин с того дня сидят под арестом. А пауки из зала не вылезают. Каждый день там.

— Как со «жнецами»?

— Изъяли.

— Но не уничтожили?

— Нет. Но думаю, поговаривают о том.

Через толпу к ним приближался жук-стражник; интересно, для чего.

Дона прижалась губами к самому уху Найла:

— Ты, что ли, правда собрался жениться на Мерлью?

— Кто тебе это сказал?

— Все о том только и сплетничают.— И добавила с долей иронии: — Она сама, наверное, слух и пустила.

— Что ж она в таком случае мне-то забыла об этом сказать? — сказал Найл со смешком.

Дона облегченно улыбнулась.

Тут зашептал Доггинз:

— А вот это, честно говоря, меня тревожит. Говорить буду лучше я.

Приблизившись, возле них остановился жук-стражник и заговорил с Доггинзом на языке жестов. Доггинз ему отвечал, а чтобы понятно было Найлу, ответы дублировал словами.

— Скажи хозяину, что мы обязательно придем.— Он повернулся к Найлу: — Нас через час вызывают на Совет.

Когда жук повернулся уходить, Найл настроился на его ментальную вибрацию и окликнул:

— Постой!

Стражник повернулся и озадаченно на него посмотрел. Глядя жуку в глаза, Найл изъяснился напрямую без всяких затруднений, будто словами:

— Прошу тебя, передай Хозяину, что я желаю с ним сейчас говорить.

— В чем дело? — вклинился Доггинз.

Стражник перевел глаза на него.

— Я ему сказал, что желаю срочно увидеться с Хозяином.

Доггинз, воздев брови, поглядел на товарища.

— Но зачем? Ты лишь выставишь себя виноватым.

— Неважно.

Доггинз повел плечом.

— Хотя, в общем-то, ничего страшного.— Он повернулся к стражнику и сыграл руками. Стражник понял и двинулся обратно к залу собраний.— Надеюсь, ты никого не будешь выгораживать, взваливать все на себя?

Найл пожал плечами.

— А чего тут взваливать? Мы вправе делать все, что захотим.— Он пошел следом за стражником.

Вид у Доггинза был растерянный.

— Эй, погоди!

Найл не прореагировал и поспешил за жуком. Жук делал исполинские шаги, длинные ноги легко несли его над толпой. Найлу приходилось, бормоча извинения, расталкивать людей. Жук успел повернуть налево и уже исчезал за углом зала собраний. Найл, подоспев как раз вовремя, успел заметить, как тот остановился возле одной изогнутой красной башни. Пока Найл спешил следом, стражник исчез внутри. Через полминуты Найл домчался до прохода и встал, радуясь возможности отдышаться.

Он стоял перед низким сводом в стене толщиной больше полуметра. Внутри различался идущий вниз скат. Подавшись внутрь, Найл разглядел дверь, все из того же тяжелого, похожего на воск вещества. Уму непостижимо: жуки так и не сподобились взять на вооружение изобретение человека — дверь на шарнирах, предпочитая эту толстую, громоздкую затычку, всякий раз вынимая ее и вставляя на место. Бросалось в глаза и то, что сводчатый проход был чуть выше его собственного роста; стражнику при входе приходилось вползать, елозя брюхом по земле. Эти наблюдения помогли несколько умерить волнение. Видно, несмотря на разум, жуки все так же привязаны к своему эволюционному прошлому.

Найл сделал усилие расслабиться, и далось это удивительно легко. Напряжение изошло разом, сменившись чуть ли не сонливостью. Тут стало ясно, что он окружен эдаким ореолом энергии, исходящей, казалось, из самого строения. Словно тихонько горящий сине-зеленый язычок свечи. Теперь Найл понимал, почему дома жуков окружает узенький ров. Он не дает «пламени» растекаться в стороны, а следовательно, повышает его интенсивность. Энергия обдавала ласково, словно легкий ветерок. Тепло чуть покалывало кожу, как при легком солнечном ожоге.

Жук-стражник вытеснялся из прохода — процедура, к которой он, очевидно, был вполне привычен,— и дал знак войти. Найл ступил в темное помещение и остановился.

После яркого солнечного света ощущение было такое, будто на глаза накинули повязку. Но не прошло и минуты, как он свыкся с густым полумраком, ориентируясь по тусклому голубоватому свечению. Двинулся вверх по скату, осторожно ступая — подбитые кожей подошвы скользили,— и оказался в большом зале. Без смутного голубоватого свечения темень была бы полная. В зал выходили полукруглые горловины комнат, где чувствовалось присутствие других жуков; из одной такой высовывался совсем небольшой, серебристо-зеленый — малыш, наверное,— жучишко и с любопытством посматривал на Найла блестящими глазками.

Впереди поднимался еще один скат, подходящий к просторной арке; чувствовалось, что это вход в зал Хозяина. Когда

Найл направился вверх по скату, голос Хозяина возник словно из воздуха:

— Двуногие снимают обувь, входя в обиталище Саарлеба!

Фраза сопровождалась вспышкой раздражения, колючего, будто ветер. Довольно странно, но у Найла отчего-то потеплело на душе. Хозяину, оказывается, не чужды эмоции, а значит, он не так уж разительно отличается от человека. Найл, не сгибаясь, скинул башмаки и оставил их на полу, а сам пошел дальше босиком.

Перед самой аркой он остановился, понимая, что войти сейчас без приглашения — значит вызвать новый взрыв негодования. Зал Хозяина по форме напоминал большую сферу и создавался с таким расчетом, чтобы кривизна стен вторила взвихрению голубой энергии, как бы жгутом буравящей середину потолка. Неровный пол был покрыт ковром из зеленой листвы и травы, с толстым слоем мха или лишайника. На полу тут и там виднелись большие камни, а также большой полуистлевший обломок древесного ствола. Они, очевидно, служили той же цели, что и мебель в людском жилище.

Хозяин лежал в середине зала, сложив под собою ноги. Даже когда лежал, глаза его смотрелись вровень с глазами Найла.

Войти никто так и не пригласил. Вместо этого Хозяин проговорил:

— Зачем ты спрашивал меня?

Тут Найлу открылась интересная деталь. Когда доводилось общаться с Хозяином прежде, Найл изъяснялся на человеческом языке, полагаясь на способность Хозяина читать мысли. После встречи с растением-властителем слова стали необязательны: значение можно было передавать единым ментальным импульсом.

— Я пришел,— сказал Найл,— потому что мне нужна твоя помощь.

— Ты не имеешь права на мою помощь. Ты заставил ослушаться моих слуг.

Прежде чем заговорить, Найл направил усилие на то, чтобы в голосе не было ни намека на негодование или смятение.

— Я не сказал, что пришел молить о заступничестве. Я сказал, что пришел, поскольку мне нужна твоя помощь.— Он сде-

лал паузу, чтобы отложился смысл слов.— И у тебя нет иного выбора, кроме как ее дать.

Неудивительно, если бы такие слова вызвали гнев Хозяина; на самом деле все вышло наоборот. Хозяин сделался настороженно-внимательным.

— Как тебя понимать? — осведомился он.

— Ты вынужден идти на примирение с пауками,— сказал Найл,— и вместе с тем тебе приходится решать судьбу своих слуг. Для решения и того и другого тебе нужна моя помощь.

Странно как-то. Прежде чем войти в зал, Найл понятия не имел, с чего повести разговор. А теперь слова возникали, казалось, сами собой, подчиняясь какой-то своей, внутренней логике. Оставалось только сдерживать эмоции, чтобы сказанное было свободно от оттенков личного пристрастия.

— Как ты рассчитываешь достичь примирения с пауками? — спросил Хозяин.

— Я должен пойти и составить разговор со Смертоносцем-Повелителем. С ним мы придем к решению.

— Смертоносец-Повелитель погубит тебя, стоит тебе оказаться в его владении.

— Это так. Потому мне и нужна твоя помощь.

— Объяснись.

— Ты теперь владеешь «жнецами». Если Смертоносец-Повелитель убьет меня, ты должен будешь раздать оружие своим слугам, чтобы те за меня отомстили. Если ты заявишь об этом, Смертоносец-Повелитель не осмелится меня уничтожить.

— У вас и без того есть оружие. Зачем вам еще и то, что у меня?

— Нашего оружия больше нет. Мы оставили его в Дельте.

От Найла не укрылось, как удивился Хозяин. Удивление, впрочем, тут же сменилось на подозрительность.

— Почему?

Найл воспрепятствовал попытке Хозяина вчитаться в мысли. И Хозяин, видимо, почувствовал, что имеет дело уже далеко не с тем человеком, что прежде.

— Потому что оно было чересчур опасным.

Наступила тишина. Затем Хозяин сказал:

— Я вижу, что в тебе что-то изменилось с той поры, как ты в последний раз стоял передо мной. В твоих словах чувст-

вуется уверенность и сила. Я собирался распорядиться, чтобы тебя изгнали немедленно, а Билдо и других моих слуг сурово наказали. Теперь я вижу, что это ни к чему.

Он задумчиво созерцал Найла, но уже не делал попыток внедриться ему в мысли.

Наконец сказал:

— Я сделаю так, как ты просишь. Один из моих подданных будет сопровождать тебя до самого обиталища Смертоносца-Повелителя и передаст, что ты состоишь под моей особой опекой. Смертоносец-Повелитель поймет. Когда ты думаешь идти?

— Я б хотел отправиться немедленно.

— Великолепно.

Хозяин не пошевелился, но секунду спустя в зале объявился небольшой, очевидно, ребячьего возраста жучишка. Найл не понял, о чем они меж собой говорят; звуки казались столь же бессмысленны, как шелест сухой листвы. Затем жучишка удалился.

— И еще,— продолжил Хозяин.— Повелитель хитер и злокознен. Но он не бесчестен. Если он даст обещание, то выполнит. Если тебе удастся достичь справедливого соглашения насчет будущности моих слуг-людей, мы все будем тебе благодарны. Может статься, ты и преуспеешь. Я чувствую, что ты владеешь какой-то тайной.— (Найл промолчал. Он научился сдерживать свои эмоции так, что ум оставался прикрыт.) — А теперь ступай. Мой главный советник будет тебя сопровождать.

— Спасибо.

Найл повернулся и вышел из зала Хозяина. Уже наполовину спустившись по скату, запоздало спохватился: надо было хотя бы поклониться или сказать что-нибудь благодарственное...

Дневной свет показался таким ослепительным, что Найл невольно зажмурился. Стоя в нерешительности, он почувствовал, как кто-то коснулся плеча. Над ним горой возвышался жук, вопросительно поглядывая. Жук энергично шевелил передними лапами, сипло поцвиркивая. Найл в ответ спровоцировал мысль:

— Я не могу разобрать вашего языка. Будь добр, изъясняйся мыслями.

Жук поглядел непроницаемо-черными глазами-плошками и опять зашевелил лапами, на этот раз медленно, аккуратно; выражаться ментальными импульсами он, очевидно, не привык. Найл покачал головой и лишь повторил ментальное послание. В конце концов жук просто указал Найлу, чтобы шел следом, и они вместе двинулись к площади.

Толпа уже разбрелась, только стайка ребятишек стояла и глазела, как Уллик с Милоном скатывают полотнища шаров. Перед залом собраний стояла наготове повозка с четверкой гужевых при оглоблях. Жук подал знак садиться. Найл не успел толком пристроиться, как гужевые тронулись.

— Эй, стой, сто-ой!

По ступеням зала собраний, размахивая руками, несся Доггинз. Гужевые мужики замерли.

— В чем дело?

Вид у Доггинза был усталый и встревоженный. Жук, повернувшись к Доггинзу, заговорил с ним на знакомом им двоим языке. Доггинз на глазах бледнел.

— Он говорит, ты собираешься к Повелителю.

— Верно говорит.

Доггинз сделался мрачнее тучи.

— Это Хозяин тебе велел?

— Нет, я сам решил.

— Что-о? Ты с ума сошел?

Доггинза прервал жук. Найл сидел и смотрел, как они оживленно жестикулируют. Доггинз повернулся к Найлу, раздраженно качая головой.

— Можно подумать, тут какая-то разница! — Он изо всех сил пытался сдержаться.— Он, видите ли, отправляется с тобой заявить, что ты под опекой Хозяина! Можно подумать, Повелителя это остановит! Он уже раз пытался тебя прикончить прямо перед Хозяином!

Найл ласково положил руку Доггинзу на плечо.

— Ты не переживай. Если меня убьют, Хозяин обещал раздать «жнецы», чтобы вы смогли поквитаться.

Доггинз вытаращился от удивления.

— Прямо так и сказал?

— Да, именно так.

— Все равно это блажь. Почему ты едешь в одиночку?

— Всю эту кашу заварил я. Так что теперь мое дело ее расхлебывать.

— Тогда и я с тобой.— Доггинз начал решительно забираться в повозку.

Найл удержал его за плечи.

— Не надо. Я должен ехать один.

Доггинз впился в глаза, словно пытаясь выведать, что у товарища на уме. Наконец выговорил:

— Надеюсь, ты понимаешь, на что идешь.

— Думаю, да.— (Очень не хотелось, чтобы Доггинз различил проблеск неуверенности во взгляде.) — Мне пора. Я думаю, Хозяин отменит собрание Совета. Но все равно попытайся вызволить из-под ареста Гастура с Космином. А пока что до встречи.

Наклонясь вперед, он подал знак ведущему гужевому. Повозка пошла рысцой. Когда свернули на главную улицу, Найл увидел, что по траве, окликая его, бежит Дона. Найл решил не останавливаться: боязнь брала при мысли, что придется объясняться еще раз.

Жук шествовал чуть сзади широкой, неспешной поступью, ему не стоило труда держаться вровень с гужевыми. Через десять минут они миновали окраины и выехали на открытую местность. Сияло ясное утро. Лицо овевал приятный ветерок, а воздух исполнен был запаха надвигающейся осени. С той поры как Найл проходил этой дорогой последний раз, листья заметно пожелтели. Тенистой была лесная дорога, бегущий вдоль нее ручей обольстительно играл переливчатым светом. Звук воды действовал успокаивающе, убаюкивал тревогу.

Припоминая недавнюю аудиенцию с Хозяином, Найл разом и удивился и смешался: невероятно, как можно было держаться с такой фамильярностью? Попробовав воссоздать свое умственное состояние во время диалога, Найл понял, что слова его были основаны на глубоком убеждении. Но что было толку.

Одно оставалось ясно: несмотря на силу и смекалистость, жукам не хватало проницательности разглядеть человеческую тягу к свободе. Жуки не были такими безжалостными, как пауки, но вместе с тем обращались со своими слугами-людьми как с детьми малыми. До них, похоже, никогда не доходило, что человеку претит быть слугой, не важно, как обходительно

с ним обращаются. Уже одним этим неведением они растили семена восстания...

Через милю должны были начаться пригороды паучьего городища. По обе стороны дороги тянулись возделанные поля и огороды. На одном из участков группа мужчин дружно окучивала картофель под надзором надсмотрщицы. Под светом спелого солнца картина казалась идиллической. Найл поймал себя на том, что размышляет над основным парадоксом человеческой натуры. Тяготея к свободе, люди вместе с тем тянутся к уюту и безопасности, и два этих довлеющих стремления никак, похоже, не уживаются одно с другим. Эта мысль ввергла в растерянность и тревогу.

Тут гужевые достигли вершины холма, опоясывающего паучий город извне, и Найл снова ощутил невольный трепет, глядя вниз на гигантское скопище человеческих жилищ. Казалось поистине невероятным, что этот огромный город был некогда населен тысячами вольных людей, ничем не подотчетных ни жукам, ни паукам.

Теперь гужевые шли вниз бодрой рысцой; в потоке теплого воздуха мягко колыхались над головой пустые паучьи тенета. Когда повозка погромыхивала по широкому проезду (на дальнем конце поблескивала река), Найл попробовал подсчитать, сколько же времени минуло с тех пор, как он впервые увидел город пауков. Вчера в это же время они пробирались через болота Дельты. За день до этого они с Доггинзом возвращались с берега могучей реки; днем раньше они... Закончив подсчет, Найл с изумлением обнаружил, что с той поры, как он впервые сошел в гавани, прошло каких-то две недели. А прибавить еще каких-нибудь три дня — жив был отец, а семья обитала в пещере. Уму непостижимо: всего-то за семнадцать дней на долю Найла событий выпало больше, чем у большинства людей за всю жизнь.

Ответ на беспокоящий вопрос пришел как раз в тот момент, когда въезжали в квартал рабов. Вот почему свобода влечет людей больше, чем стремление к безопасности и уюту. Потому что она подразумевает определенное богатство мироощущения, а это, в свою очередь, открывает границы познания собственных возможностей. Без насыщенного мироощущения открытия внутренних возможностей быть не может. Вот поче-

му человек ненавидит рабство. Потому что рабство означает внутренний застой...

Знакомый запах квартала рабов, вид развешанного на веревках тряпья, крысы, снующие по аллеям в поисках съестного,— все это вызывало почему-то чувство ностальгии. Будто напоминало, что ведь двух недель не прошло, как он впервые бросил взгляд на эти неухоженные улицы. Найла опять охватило изумление при мысли о том, какие изменения произошли в нем самом за столь короткий срок.

Они приближались к месту. За ним в конце проезда виднелась Белая башня, а дальше обиталище Смертоносца-Повелителя. Найл с мрачным удовлетворением отметил, что вспышка безотчетной тревоги в нем угасла и растворилась еще до того, как успела проникнуть в нервную систему.

Мгновение спустя взгляд Найла остановился на колеснице, стоящей посреди дороги с той стороны моста. Возле оглобель застыли навытяжку двое гужевых. В колеснице виднелась фигура в красном; обознаться было невозможно. Когда Найл приблизился, пассажирка помахала ему рукой и сошла с колесницы. Гужевые Найла остановились сами по себе и низко согнулись в почтительном поклоне.

Под безучастным взором двух бойцовых пауков, охраняющих мост, Мерлью направилась к повозке Найла, строптивым жестом заставила его подвинуться и села рядом. Затем, подавшись вперед, хлопнула ближайшего гужевого по плечу:

— Пошел, только не гони.

Стоящего сзади жука она словно не замечала; в его черных глазах-плошках, казалось, отразилось замешательство.

— Откуда ты узнала, что я еду? — поинтересовался Найл.

— У нас, женщин, свои секреты.— Мерлью одарила его роскошной улыбкой.— Ты решил принять мое предложение?

Фраза в ее устах прозвучала так, будто они сейчас обсуждают какой-то сугубо деловой вопрос.

— Это ты насчет того, жениться или нет?

— Да ну тебя, глупый! — Мерлью чуть покраснела и воровато поглядела на гужевых — чего доброго, услышат.— Я о соглашении со Смертоносцем-Повелителем.

— Думаю, что нет.

Ее глаза удивленно расширились.

— Вот как? Тогда зачем...— Спохватившись, она заговорила тише: — Тогда зачем ты сюда приехал?

— Попробую с Повелителем сторговаться.

— Вздор какой!

Щеки у Мерлью запылали (она явно сдерживалась), глаза сделались необыкновенно яркими.

Ветер сдул в сторону изящную материю красного платья, обнажив стройные бронзовые ноги. Какая-то часть Найла откликнулась на красоту молодой женщины с ошеломленным восторгом, другая же взирала с ироничным спокойствием. Чувственная сущность Найла пламенела безумным желанием. Перед вторым же зрением представала капризная девчонка, привыкшая все делать на свой лад, которая теперь еще не прочь заграбастать и самого Найла. Она и платье такое полупрозрачное надела с расчетом: знает, что при ярком свете материя просвечивает фактически полностью и ни один мужчина не в силах будет противиться, завидев ее прелести. Найл с несказанным удивлением обратил внимание, что от Мерлью исходит как бы некий магнетизм, отчего сердце бьется быстрее. Но когда чувственная сущность Найла горела на медленном огне, другая, разумная его часть воспринимала Мерлью чуть ли не с циничной прохладой. Этот второй, наделенный более глубоким зрением наблюдатель сознавал в ней прекрасное, но строптивое дитя и знал, что сближение с этой женщиной всерьез и надолго не сулит ничего хорошего. Подавшись вперед, Мерлью распорядилась:

— Ну-ка, давайте ко мне во дворец.

Найл мотнул головой:

— Нет. Мне надо к Смертоносцу-Повелителю.

— Я знаю.— Голос у Мерлью строптиво дрогнул.— Только сначала заедем и побеседуем между собой.

— Извини, но я должен быть у Повелителя.

Найл знал, что она пустит в ход все свои уловки, и не слишком уверен был в том, что в конце концов устоит.

— Ладно, ладно.— (От такого смирения Найл сам едва не пошел на попятную.) — Но прошу, выслушай то, что я скажу.—Глядя Найлу в глаза, она поглаживала его руку изящными пальцами. Дыхание было свежим, приятным.— Ты знаешь, что Смертоносец-Повелитель договорился с жуками?

— Нет, не знаю,— ответил Найл удивленно.

— Они заключили соглашение сразу, как вы отчалили. Зря отчалили, кстати. Жуки от этого пришли в жуткую ярость. А очень глупо было их гневить, пытаясь заодно склонить на свою сторону.

— Что там было за соглашение? — сдержанно спросил Найл.

— Жуки признали, что давали своей челяди чересчур много вольности, а это лишь делало ее неблагодарной и разболтанной. Они условились взять под надзор то ваше жуткое оружие и обещали ни за что, ни за что вам его не возвращать.

— Откуда ты все это знаешь? — уточнил Найл.

— Я знаю обо всем, что вокруг делается.

— А что бы произошло,— спросил Найл,— реши вдруг челядь, что ее больше не устраивает быть челядью?

Мерлью передернула плечами.

— Вздор какой-то.

Было видно, что мысль кажется ей абсурдной.

— Почему?

— Ну уж тебе-то разъяснять, думаю, не надо?

Колесница доехала до противоположного конца площади. Впереди виднелась Белая башня и обиталище Смертоносца-Повелителя. Невдалеке за башней горел большой костер, над которым вился черный дым. Вокруг топталась толпа рабов, бросая что-то в пламя. Одна за другой подкатывали по траве телеги. С расстояния за сценой наблюдали слуги и несколько предводительниц.

— Что они делают? — поинтересовался Найл.

— Так, возятся с книгами.— Она жестом обвела толпу.— Ты взгляни. Что бы они делали, если б не были слугами? Они вполне довольны. Даже Массиг с друзьями теперь привыкает, входит понемногу во вкус. С вашими, я уверена, произойдет то же самое.

— Я не хочу быть слугой,— произнес Найл.

— Как раз тебя никто не заставляет! — Она стиснула ему руку.— Ты — как я. Мы с тобой рождены властвовать.— Мерлью понизила голос чуть не до шепота, губы приблизились к лицу Найла.— Вот почему мы друг другу пара.— Тут дошло, что они на виду, и она отстранила лицо, но руку стиснула еще сильнее.— Подумай головой.

— Если все действительно так, как ты говоришь, то у меня, похоже, иного выбора и нет.

— Верно,— улыбнулась Мерлью.— И никто тебе не посмеет слова сказать.

— Почему они жгут книги? — полюбопытствовал Найл.

Мерлью пожала плечами.

— Очередная затея Повелителя.

Ему вдруг подумалось, что здесь всюду полно книг, скрытых в старых домах.

— Но ведь челядь у него неграмотна.

— Разумеется. А вдруг появится соблазн научиться грамоте?

Гужевые вынужденно остановились, пропуская подводу, груженную книгами — все в синих кожаных переплетах, с золотым позументом; видно, из какой-нибудь библиотеки.

— Жуки обещали проделать то же самое у себя,— сказала Мерлью.— Их слуги саботировали закон из поколения в поколение. Теперь их заставят свои книги сдать. И думаю, правильно.

— Почему?

— Что ты заладил «почему» да «почему»? Неужели и так не ясно? В Договоре о примирении сказано, что книгочейство людям запрещается. Жуки же попустительствовали своим слугам. Теперь они признали, что этому пора положить конец. И правильно, я считаю.

— Почему?

— Потому,— отвечала Мерлью терпеливо,— какая слугам от книгочейства польза? Вот ты не умеешь читать и ничего плохого с тобой от этого не случилось, верно?

— Почему же, я умею читать.

— Вот как? — В ее глазах на секунду мелькнуло замешательство.— Да ладно, это я просто так. Какая разница, если только пауки не пронюхают.

— Вот потому я и не хочу быть слугой. Я хочу сам решать, что мне делать.

— Да, я понимаю.— Взор у Мерлью был отсутствующий; она, очевидно, размышляла о чем-то другом.— Я не думаю, что им действительно будет до этого дело. Во всяком случае, книг здесь не останется, когда они все закончат.

Колесница остановилась напротив обиталища Смертоносца-Повелителя. Под порталом здания стояли на страже двое

бойцовых пауков. Тут до Мерлью дошло, куда их доставили. Она резко наклонилась и сердито шлепнула крайнего гужевого по плечу:

— Я же говорила, ко мне во дворец!..

— Нет,— перебил Найл.— Вначале я должен видеть Смертоносца-Повелителя.

— Все равно они должны делать то, что приказано! — сказала она запальчиво, с яростью глядя на гужевых.

В ее облике опять проглянуло капризное дитя, и Найл опечалился. Жук-бомбардир поспешил вперед к главному входу. Двери почти тотчас разомкнулись, и наружу вылез черный паук-смертоносец. Он был грузным, приземистым, а кривые ноги создавали впечатление недюжинной мощи. Найла, когда паучище на него уставился, пронизало ощущение грозной опасности.

— Это Скорбо, начальник стражи,— сказала Мерлью ему на ухо.

Чувство враждебности, исходящее от паука, буквально удушало. У Найла появился соблазн использовать медальон, чтобы выразить свое неприятие, но он тут же отверг эту мысль. Нечего провоцировать, и без того как бы чего не вышло.

Секунду паук и жук о чем-то переговаривались, затем жук повернулся и поманил их за собой. Когда Найл стал вылезать из повозки, из здания появились еще трое пауков и обступили его. Найлу это показалось бессмысленным, он не думал никуда убегать. И тут он понял. Это делается специально с целью дать понять, что он узник и его счастье, если удастся уйти отсюда живым. Чувствовалась невыносимо гнетущая враждебная воля — так и давит, так и давит.

Мерлью вылезла следом. Паук-стражник пытался преградить ей путь, но она уверенно протиснулась и встала сбоку от Найла.

— Тебе входить нельзя,— тихонько сказал Найл.

— Мне можно везде, где захочу. Я принцесса.— Она заносчиво взглянула на ближайшего стражника.

Тот в ответ налился яростью. С ним пререкаются, и кто — несчастные двуногие! Но присутствие начальника приструнило стражника. Найл, сознавая это и опасаясь собственной реакции, если пауки тронут Мерлью, взял ее за руку.

— Пожалуйста, не ходи со мной сейчас. Мне надо все уладить самому.

Мерлью упрямо поджала губы.

— Уйду, когда провожу.

Один из пауков тронул Найла за плечо и поманил к дверям. Мерлью двинулась в темное помещение бок о бок, игнорируя неприязнь стражников. Начальник стражи стоял, глядя на людей до странности отрешенным взором,— Найл подспудно чувствовал, что из восьмилапых этот гораздо опаснее других. От его глухой, бездумной враждебности в Найле вскипал гнев, однако было ясно, что эмоции необходимо сдерживать. Ощущалось и то, что жук-бомбардир чувствует себя неуютно и не вполне уверенно. В соответствии с этикетом с ним надлежало обращаться обходительно и с почтением; на деле же пауки откровенно давали ему понять, что терпят его как незваного гостя. Что, в свою очередь, становилось жестом неуважения к Хозяину. Вместе с тем явного пренебрежения не выказывалось, и непонятно было, то ли негодовать, то ли тактично помалкивать. Чувствуя смятение бедолаги, Найл снова проникся острой ненавистью к паукам.

Он ожидал, что вверх поведут под конвоем. Вместо этого их заставили стоять в темном углу парадной. Трое стражников тесно их окружили. Их тела источали особый едкий запах, Найлу он показался отвратительным. Что касается внешнего вида, у них он был не такой устрашающий, как у мохнатых «бойцов»; казалось, смертоносцы источают зловещий дух насилия.

Терпение Мерлью истощилось. Ежедневное общение с пауками сделало ее дерзкой. Она с повелительным видом протолкнулась между двумя стражниками и остановилась перед начальником.

— Почему нас заставляют ждать?

Паучище просто выставился на нее, якобы не понимая; таким образом он выказывал свое презрение. Мерлью сердито зарделась и возвратилась к Найлу.

— Я буду жаловаться Повелителю. Они не имеют права обращаться с нами как с челядью.

— Да, никому не нравится быть челядью,— задумчиво проронил Найл.

Двери отворились, и вошел еще один смертоносец. Глаза у Найла уже привыкли к тусклому свету, и он различал, что

этот, вошедший, стар и длинные, тонкие его ноги поддерживают грузное туловище с видимым трудом. Мерлью вгляделась в восьмилапого с обновленным интересом. Когда смертоносец взошел по лестнице и скрылся за углом, она прошептала Найлу на ухо:

— Дравиг, главный советник Повелителя. Оказывается, ты для них важная персона.

Найл криво усмехнулся. Он понял, что Мерлью под впечатлением.

Тут начальник сделал стражникам знак. Ближайший из них легонько подтолкнул Найла — иди, мол. Найл от неожиданности запнулся. Мерлью гневно развернулась к пауку:

— Попробуй только тронь!

Мерлью увидела, что начальник стражи остановился впереди, преграждая путь. Она гневно вперилась в него:

— Я иду с ним!

Шагнула было вперед, но словно наткнулась на невидимый барьер. Смертоносец просто сковывал ее движения, не давая шевельнуться. Глаза у Мерлью посветлели от гнева. Найл положил ладонь ей на руку.

— Прошу тебя, подожди здесь. Мне надо сходить одному.

Мерлью с усилием сдержалась.

— Ладно.

Она уничижительно поглядела на начальника стражи и, повернувшись, вышла из полуоткрытых дверей. Найл вздохнул с облегчением. Со вспыльчивостью этой особы хлопот не оберешься.

Они пошли вверх по лестнице. Когда Найл был здесь в прошлый раз, здание казалось полным активности; помнится, в одном из залов некто вроде строевого командира выкрикивал наставления бойцам. Найл на ходу прикрыл глаза и попытался расслабиться. Едва сделал это, как стала ясна причина тишины. Весь город пребывал в трауре по сотням погибших пауков и тем многим, что умирали сейчас от жестоких ожогов. Найлу никогда не думалось, что пауки могут в точности как люди скорбеть по своим близким, и на миг проникся сочувствием. Тут он снова запнулся: смертоносец сзади подтолкнул в шею. Сочувствия как не бывало — одна неприязнь, хотя и не такая глубокая, как прежде.

Когда приблизились к обитой черным двери, та распахнулась, открывая взору темную внутренность зала с переплетением тенет. Найл напомнил себе, что он здесь равный в правах, никак не узник, но нелегко было совладать с острым чувством страха, сжавшим вдруг сердце. Впервые за все время трое стражников отстранились и позволили Найлу пройти одному. Первым в зал вошел начальник стражи, затем, следом за Найлом, жук-бомбардир. Найл и жук-посланник стояли бок о бок, пристально вглядываясь в затенение. Найл попытался пронзить темноту вторым зрением, но впечатление складывалось такое, будто кто-то намеренно скрадывает вид. Затем в груди зазвучал знакомый вкрадчивый голос:

— Теперь ты можешь меня слышать? — В голосе чувствовалась насмешка.

— Да,— ответил Найл. Он использовал только ум, чтобы передать значение слова, адресуя его таящемуся во тьме.

Пауза. Снова вкрадчивый голос:

— И на этот раз ты понимаешь меня?

— Да, я понимаю тебя.

Внутренний голос Найла звучал спокойно и уверенно; чувствовалось, что Смертоносец-Повелитель удивлен. Он обратился к начальнику стражи:

— У него что-то висит на шее. Сними это.

Найл без особого удовольствия представил скользящий по шее паучий коготь. Он сам полез под тунику, отстегнул цепочку с медальоном и протянул ее паучьему начальнику. Жалеючи, конечно: расставаться с дорогой сердцу вещицей не хотелось.

Подал голос жук-бомбардир:

— Могу я передать вверенное мне послание?

Смертоносец-Повелитель послал разрешающий импульс.

— Хозяин велел передать,— сообщил посланник,— что этот человек находится под его опекой. Он полагает, что ты будешь обращаться с ним учтиво.

Ответ Смертоносца-Повелителя, выданный на непривычной для него вибрации жука-бомбардира, звучал не совсем внятно; Повелитель как бы заикался.

— Двуногий повинен в гибели многих моих подданных. Он тысячекратно заслуживает смерти. Я думаю, у меня к нему накопилось больше, чем у Хозяина.

Тенета самопроизвольно шевельнулись, словно под весом грузного тела.

— Может, это и так, но...

— Ты передал свое послание. Теперь ступай.

В повелении чувствовалась скрытая угроза — такая зловещая, что у Найла мурашки поползли по спине. Он ожидал, что посланник сейчас покинет зал, иной реакции невозможно было и представить. Между тем посланник, как ни удивительно, стоял на своем.

— Как сопровождающий, я требую права остаться.

Он произнес это спокойно, без запальчивости, но за словами вместе с тем чувствовалась железная решимость.

Найл внезапно осознал, отчего пауки пошли на жуков-бомбардиров войной и почему в конце концов были вынуждены пойти на примирение. Начальник стражи сделал шаг вперед, готовясь, видимо, в прямом смысле наброситься на посланника. Мысленный приказ Повелителя заставил его отойти. Когда Повелитель заговорил снова, голос у него звучал спокойнее и размереннее.

— Я прошу тебя удалиться. Твоего присутствия не требуется.

— Твоя бесцеремонность вынуждает меня говорить открыто,— четко произнес посланник.— Хозяин велел передать — если ты убьешь этого человека, он будет вынужден раздать захваченное оружие своим слугам-людям, чтобы те отомстили. Твоим подданным не поздоровится.

Не успел он это произнести, как помещение наводнилось холодным, тяжело вибрирующим гневом — мощным, будто морская буря. Найл инстинктивно напрягся, готовясь к жестокому удару. Поглядев на жука-посланника, он с удивлением заметил, что на того, похоже, враждебная энергия не действует — стоит себе и безмятежно рассматривает темень тенет. Найла охватил невольный восторг, восстановивший, в свою очередь, самообладание.

Смертоносец-Повелитель также, похоже, почувствовал, что гнев выдает слабину. Когда он заговорил снова, голос у него был неожиданно спокоен:

— Я не намерен его убивать. Смерть была бы слишком легким искуплением. Теперь сделай одолжение, оставь нас наедине.

— Извини. Я должен остаться.— Жук так и стоял на своем!

Начальник еще раз сделал угрожающий шаг вперед и снова был остановлен безмолвным приказом. Нависла тишина. Затем Смертоносец-Повелитель произнес:

— Хорошо, оставайся. Но поскольку это мои владения, условия диктую здесь я. Ты должен обещать хранить молчание. Условились?

— Условились.

— Вот так. Если ты нарушишь слово, то таким образом разорвешь и наш уговор, за что расплатой будет жизнь узника.

— Нет, с таким условием я согласиться не могу,— возразил жук.

— Можешь или нет, это меня не касается. А теперь умолкни.

Найлу показалось, что Повелитель сейчас не выдержит, сорвется.

Тут голос в груди снова ожил:

— Что ж, получается, я вынужден оставить тебе жизнь. Но преступление, подобное твоему, не может сойти с рук. Поэтому я решил, что тебе тоже надо пережить боль утраты. Твоя семья должна погибнуть у тебя на глазах.

Найл не сказал ничего; на сердце будто упал камень.

Смертоносец-Повелитель обратился к посланнику:

— Ты согласен, что не можешь возражать против того, как я распоряжусь судьбами других моих узников?

Секунду посланник молчал, затем жестом показал, что возражений не имеет. Пауза дала Найлу возможность подумать.

— Тебе нужно мое содействие,— сказал он.— Если с моей семьей что-нибудь случится, можешь ни на что не рассчитывать.

— Невозможного не бывает.— Голос прозвучал вкрадчиво, чуть ли не кротко, но в нем чувствовались стальные остья жесткости.— Хочешь, докажу? Сейчас ты поклонишься до земли и назовешь меня своим правителем.

Найл стоял, ожидая. Он не собирался кланяться перед пауком. И тут с ужасом почувствовал, как в его тело вживляется волевая мощь Смертоносца-Повелителя. Попробовал воспротивиться, но это оказалось невозможным. Чужая сила сковывала подобно кольцам некоего гигантского удава, обжавшего

тело так, что продохнуть невмоготу. Найл был совершенно не способен пошевелиться; ощущение такое, будто вмерз в глыбу льда. Свой ответ Найл слушал как бы со стороны:

— Хозяин просил меня передать, что желает восстановить мир между своими и твоими подданными. Я желаю сделать все от меня зависящее, чтобы это совершилось.

— Даже если для того потребуется присягнуть мне на верность?

— Да.

— Хорошо. Тогда встань на колени и скажи: с этой секунды я слуга Смертоносца-Повелителя и обязуюсь служить ему верой и правдой.

Давление усилилось так, что держаться было невозможно. Он услышал свой голос:

— С этой секунды я слуга Смертоносца-Повелителя и обязуюсь служить ему верой и правдой.

Даже когда Найл произносил эти слова, ум у него продолжал выражать неприятие. От этого возникло особое победное чувство: воля остается свободной и несломленной. Судя по тому, как нарастает давление, можно судить, что враг разъярен. Лишь полное подчинение могло удовлетворить Смертоносца-Повелителя. Он жаждал сломить волю Найла, вынудить его сжаться от страха и молить о пощаде. Даже несмотря на беспомощность, Найл сознавал, что собственная его воля не подвластна Смертоносцу-Повелителю.

Жук-посланник пребывал в растерянности. Он так и не был до конца уверен в капитуляции Найла, подозревая, что тот специально, по каким-то своим соображениям, подчиняется воле Смертоносца-Повелителя. Но уходить без человека он не собирался. За это Найл был ему глубоко благодарен.

— Хорошо,— сказал Смертоносец-Повелитель.— Я принимаю твою присягу. А сейчас ты у меня пройдешь первое испытание. Ты должен сообщить своей семье, что им всем предстоит погибнуть, чтобы искупить твое преступление против моих подданных. Введи узников,— велел он начальнику стражи.

— Это уж слишком! — сердито воскликнул посланник.

— Ты нарушил обет молчания! — изрек Смертоносец-Повелитель.

Помещение тотчас наводнилось тяжелой злобой. Хотя голову повернуть было нельзя, Найл понял, что посланник решил не пререкаться.

Начальник стражи подошел к двери. Слышно было, как та открывается. Затем послышались шаги. Мимо прошел Вайг, но Найл поначалу его не признал. На брате был меховой головной убор наподобие капюшона, полностью скрывающий лицо, руки связаны за спиной. За ним шла Сайрис, с Руной и Марой по бокам. На всех троих — точно такие же меховые капюшоны, и руки тоже связаны за спиной. Сайрис и малышки были связаны одной веревкой, пропущенной вокруг запястий. Начальник скомандовал узникам остановиться, и те безропотно застыли, глядя на густые тенета. Найлу родные показались до странности вялыми, будто в ступоре. Затем последовала команда развернуться. Когда они это сделали, Найл разобрал, что капюшоны — это маски с прорезями для глаз и широким отверстием для рта. С этого расстояния можно было различить, что рты узников заткнуты кляпами. Неизъяснимый ужас охватывал при виде этих меховых капюшонов и глаз, отрешенно взирающих сквозь прорези. На мгновение Найл даже почувствовал некоторую признательность за беспощадную хватку, льдом сковывающую тело: не так донимало взметнувшееся в душе отчаяние. Только сейчас дошло, что Смертоносец-Повелитель замыслил какую-то невиданную жестокость.

Вместе с тем, несмотря на гнев и беспомощность, часть сущности Найла сохраняла спокойствие — урок, усвоенный за минувшие недели. Глядя на тенета, он вообразил, что медальон по-прежнему висит на шее; мысленно представил, как тянется сейчас под рубаху и поворачивает его. Гнев яростным толчком разбудил волю; Найл снова ощутил в себе сосредоточенность и силу. Чувство беспомощной жалости исчезло, сменившись неистовой решимостью. Все это напоминало пробуждение от глубокого сна. Найл потрясенно осознал, насколько близок был к тому, чтобы восстать окончательно (вот уж поистине верх глупости!). Воля в нем — это единственное, чего нельзя ни сломить, ни взять силой.

Тело Найла оставалось во власти Смертоносца-Повелителя; глаза цепко вглядывались мимо лица матери в густоту те-

нет. Чувствовалось, что Смертоносец-Повелитель наслаждается этими мгновениями, упиваясь ощущением неограниченной власти, что давало Найлу возможность оглядеться. Повелитель думает вынудить его произнести смертный приговор своей семье — может, даже и казнить ее. Он намеревается таким образом сокрушить волю Найла и уничтожить последний остаток его свободы.

Следовательно, наиважнейшее сейчас — не допустить этого. Единственный способ противостоять — показать, что воля не сломлена. Такая мысль доставила некое угрюмое удовольствие.

Именно сейчас ему стал понятен смысл последнего послания растения-властителя. Он спросил тогда: мол, неужели ты ничем не можешь помочь? Ответом было откровение силы. Растение как бы сказало: тебе не нужна моя помощь, ты можешь справиться сам.

Ответ крылся в отказе Найла сдаваться. Пока упорствует воля, завладеть разумом невозможно. Надежда таилась в этом непостижимом влиянии ума на здешний мир; сила, которую сам ум никак не в силах постичь.

Вместе с тем чем может эта сила сгодиться при данных обстоятельствах? Вперившись в темноту, Найл вызвал второе зрение и попытался преодолеть густую тень, скрывающую Смертоносца-Повелителя. Бесполезно: некая сила размежевывала их сущности, словно занавес.

— Говори со своей семьей,— велел Смертоносец-Повелитель.

Найл повернулся лицом к Вайгу... оказалось, там никого нет. Семья исчезла. Место, где узники топтались секунду назад, пустовало. Оковы враждебной воли не дали разволноваться: Смертоносец-Повелитель контролировал даже биение его сердца. И тут Найл понял, что произошло. Он продолжал смотреть вторым зрением, и оно явило ему, что семья его — пустые тени, призраки, сотканные Смертоносцем-Повелителем. Стоило ослабить второе зрение, как семья возникла вновь. Родные стояли к нему лицом, глаза посматривали через прорези в капюшонах. Найл подивился четкости видения. Мать была одета в ту же поношенную шкуру, что при последней их встрече; малышки носили свою синюю детскую одежку, теперь измя-

тую и грязную. Смертоносец-Повелитель проникал Найлу в мозг и заставлял грезить наяву.

Найл услышал свой голос:

— Мне велено сказать, что вы приговорены к смерти, дабы искупить мое преступление против хозяев этого города. Вы все должны принять смерть немедленно. Кто желает быть первым?

Мара рванулась к братцу, но запнулась и упала: запас веревки был ограничен. Найл невольно дернулся подхватить ребенка, но не мог двинуться с места. При падении девочки Сайрис чуть качнулась, а затем повернулась вполоборота и наклонилась, пытаясь помочь Маре связанными руками. Теперь Найл понимал, почему на них меховые капюшоны. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: это не живые люди, а призраки. Смертоносцу-Повелителю не хватало тонкости, чтобы воссоздать на человеческом лице еще и человеческую душу. Потому он и лица позакрывал, и рты позатыкал, чтобы не издавали звуков. Теперь, понимая, что перед ним наваждение, Найл видел, что эта сторона продумана недостаточно. Человек даже с кляпом во рту способен издавать какие-то звуки, призраки же были абсолютно безмолвны.

Смертоносец-Повелитель:

— Поскольку желающих нет, тебе придется сделать выбор самому. Кто из них умрет первым?

Найл почувствовал, как рука поднимается и указывает на Вайга.

— Очень хорошо,— произнес Смертоносец-Повелитель.— Выбрал так выбрал.

От удара Вайга качнуло вперед, он чуть не упал на колени. Затем тело его поднялось и оторвалось от пола. Конечности судорожно зашевелились в агонии одновременно с тем, как невидимый железный кулак сдавил грудь. Сухо хрустнули кости. Секунду спустя ребра вдавились внутрь и очертания тела начали искажаться. Приглушенные вопли оборвались. С изломленных рук и ног начала капать кровь — это напоминало выжатую до отказа губку, из которой перестает уже течь. Кровь лужей скопилась на полу. Тут опущенное тело, глухо стукнувшись, недвижно распласталось на полу. Ни дать ни взять тряпичная кукла; голова на сломанной шее откинута под неесте-

ственным углом. Еще не утратившие блеска глаза отрешенно смотрят из прорези на маске.

Голос Смертоносца-Повелителя насмешливо спросил:

— Ну что, кто будет следующим?

Найла обуяли ужас и гнев; даром что обман, сцена все равно потрясла своей жестокостью. Сейчас бы силы — изничтожил, испепелил бы всю восьмилапую нечисть в городе! Нет худа без добра: гнев подкрепил решимость, что волю Найл не даст сломить ни за что. Беспомощность тела — это наносное; пока не сломлена воля, он несокрушим, пускай Смертоносец-Повелитель бьется хоть столетие. Жизненные силы сплотились внутри, словно кулак, произведя доподлинный взрыв гнева и презрения.

Неуловимый миг, и внутренняя сущность Найла сжалась словно бы до точки. Ярость высвободила нервную систему из железных пут Смертоносца-Повелителя, и сердце уподобилось мощной динамо-машине, прогоняющей кровь по жилам. Дальше было то, что уже случалось раз или два. Вспышка восприимчивости, осознания свободы — того, что он свободен здесь, сию минуту, за чем последовал порыв необузданного восторга. Затем в очередной раз иная сила, похоже, поднялась из сокровенной глубины, размывая привычные границы сущности и вновь привнося абсурдную мысль, что Найл — это не Найл. Сила эта рассосала паралич в конечностях, так что юноша снова обрел способность двигаться. Он почувствовал, как воля Смертоносца-Повелителя опасливо подается назад, словно пытаясь уклониться от удара. Губы у Найла были плотно сжаты, вместе с тем вся его сущность словно исходила криком триумфа, отчего помещение наливалось светом. И тут его взгляд впервые проник через завесу тенет.

От увиденного он невольно перестал дышать, не веря глазам. Взгляд упал не на грозный силуэт Смертоносца-Повелителя, опоясанного сотней глаз, а на стайку сравнительно мелких пауков, утонувших черными брюшками в тенетах, словно запутавшиеся мухи. Некоторые из них уже судорожно смещались поближе к углам, отчего паутина сотрясалась и дрожала. Найл на секунду заподозрил, что это какое-нибудь очередное наваждение Смертоносца-Повелителя. Между тем, пока он, не веря глазам, всматривался, свет становился все ярче, было

уже возможно разглядеть самые глухие дебри паутины. Тогда пауки, словно сознавая, что игра в прятки бессмысленна, замерли и уставились на него черными глазами-бусинами. Почувствовав страх и смятение насекомых, Найл уже не мог усомниться в достоверности происходящего.

Он сделал шаг в сторону паутины, и начальник стражи настороженно шевельнулся. Но когда Найл с грозным видом обернулся, тот трусливо попятился. Юноша словно был освещен голубоватым светом, отчего волоски на теле казались присыпанными мучнистой пылью. Найл сделал еще шага два, пока не оказался на месте, где несколько секунд назад лежало тело брата. Отсюда паутина просматривалась насквозь, переплетенные волокна как бы обрели прозрачность. В центре тенет, передом к Найлу, сидел совсем небольшой, квелый на вид паук, сморщенное туловище которого было серым от возраста,— к тому же, судя по размерам, самка. В отличие от прочих она упорствовала, глядя на двуногого с эдакой нервозной запальчивостью. Возрастом она, несомненно, превосходила всех остальных, что сидели в тенетах (кстати, присмотревшись поближе, Найл разглядел, что остальные тоже самки). Не веря своим глазам, Найл спросил:

— Так ты и есть Смертоносец-Повелитель?

Самка не ответила, а когда Найл подступил еще на шаг, боязливо моргнула и подняла сведенные передние лапы, загораживая глаза: нестерпимый свет причинял ей боль. Найл огляделся, выискивая источник света, но бледное ровное свечение наводняло, казалось, все помещение, оно же, казалось, наполняет помещение и необычайной тишиной, безмолвием, порождающим гнетущее изнеможение. Все равно что весь мир остановился, подобно часам. И тут, поглядев вниз на свое тело, Найл с изумлением обнаружил, что источником голубоватого свечения является он сам — даже руки вон светятся, будто состоят из добела раскаленного железа. И только тут дошло, отчего свечение кажется знакомым. Это был свет, который он наблюдал на планете растений-властителей, свет звезды под названием Вега.

Свет пошел на убыль, и помещение будто сократилось в размерах. В тот момент, когда Найл все осознал, свечение стало понемногу гаснуть. Вот оно сошло на нет, и время словно возобновило свое обычное течение. Гнетущее безмолвие исчез-

ло, воздух снова наполнился жизнью и движением. Тут Найл понял, что породило удушье: пока мрело свечение, прекратилась вибрация Дельты. Одновременно сделалась понятной и та странноватая уверенность, что владела им в течение нескольких прошедших часов, отчего действия у него обретали заученность сомнамбулы. Его движения направлялись и управлялись богиней.

Найл вгляделся в паутину — она была совершенно неподвижна. Оглянулся на жука-посланника и с замешательством обнаружил, что тот распростерся на полу, равно как и начальник паучьей стражи. Когда, наклонясь, поместил руку на его глянцевитый панцирь, посланник шевельнулся.

— С тобой все в порядке? — спросил Найл.

Тот на удивление сбивчиво ответил:

— Да, повелитель.

Начальник стражи лежал, подогнув ноги; Найл, мысленно прощупав его, определил, что он оглушен шоком. Когда Найл приказал ему встать, паук не шевельнулся. Тогда человек носком башмака ткнул восьмилапого в мягкое подбрюшье, и тот резво поднялся на ноги. Найл вернулся обратно к тенетам.

— А ну-ка все выйдите оттуда.

В ответ — пауза, затем паутина начала вибрировать. Первой показалась дряхлая морщинистая самка, медленно ковыляющая на негнущихся ногах. Другие пауки один за другим потянулись следом, колонной, как взвод солдат. Под последним из них паутина трепетала сильнее; ноги, казалось, сгибаются под тяжестью грузного тела. Это был Дравиг, главный советник Смертоносца-Повелителя.

Найл, подойдя, остановился перед дряхлой паучихой. Ростом она была лишь чуть выше его самого, и вблизи становилось заметно, что кожа у нее глянцевитая и вся в трещинках, как обивка старого дивана. Найл хотя и понимал, что она может расправиться с ним одним ударом клыков, но не ощущал ни малейшего намека на опасность. Чувствовалось, что она сильно потрясена и подавлена. Ясно было и то, что к нему она относится с суеверным ужасом.

— Прикажи всем выйти,— сказал он.— Я хочу говорить с тобой наедине.— Дравиг тоже сделал шаг к двери, но Найл остановил его: — Нет, ты тоже останься.

Прочие пауки один за другим стали вытискиваться из зала. В общей сложности вышолзло двенадцать; Найл между тем вкрадчиво прощупывал их мысли. Они отчетливо это чувствовали, но безропотно все сносили. Как выяснилось, двенадцать самок сообща правили городом пауков. Все были гораздо моложе этой, древней; самую молодую, по людским понятиям, можно было сравнить с женщиной средних лет. По иерархии каждая считалась советницей, но по сути была правительницей на свой лад, поскольку их умы обладали способностью смыкаться воедино. Такое бесцеремонное выдворение впору бы счесть унизительным, но они воспринимали его без вопросов: еще бы, желание богини.

Смертоносец-Повелитель (Найл никак не мог отвыкнуть именно от такого названия) была среди прочих куда старше, по людским понятиям, просто долгожительница. Теперь, когда ум этого существа лежал перед ним, было заметно, что ей свойственны и недостатки старухи: властность, своенравность и безоглядное упрямство, но вместе с тем хитрость, сметка и прозорливость — куда большая, чем у любого из подчиненных. Даже при всем при этом она бы не смогла сосредоточить силу, способную стянуть тело Найла стальными путами; это далось совокупным усилием всего Совета, который координировался Дравигом, чей ум мог действовать как катализатор, объединяющий всех остальных.

Более прочих Найла заинтересовал Дравиг. Было в его уме нечто, роднящее его с Хозяином: эдакая пространственность и некоторая отрешенность. Ум паучихи был целиком направлен вовнутрь, одержим чем-то сугубо своим; у Дравига же, похоже, он устремлен был в мир извне. Вместе с тем отдельные элементы его мыслительного процесса казались настолько чуждыми, что просто невозможно взять в толк.

Кстати, именно Дравиг и подал голос, когда затворилась дверь за начальником стражи. В голосе чувствовалась нервозность:

— Ты бог или человек?

Найл рассмеялся.

— Человек, вестимо.

— Но ты посланник богини,— не спросил — декларировал Дравиг.

— Да.

В некотором смысле это было действительно так.

Оба восьмилапых как-то по-особому воздели сведенные наискось щупики, одновременно пригнув к полу подбрюшье, не сгибая ног. Как понял Найл, так они выражают преклонение.

— Каково ее пожелание? — спросила Смертоносец-Повелитель.

— Прежде всего,— ответил Найл,— чтобы все мои сородичи перестали быть рабами. Люди должны быть удостоены такой же свободы, что пауки и жуки. Если кому-то из них по нраву прислуживать вам, это их дело. Но все должны иметь право выбирать. Ну? — потребовал он, не дождавшись ответа.

— Будет исполнено,— ответила Смертоносец-Повелитель.

Только тут Найл понял, что их ответное молчание — знак безоговорочного согласия. Отвечать было бы неуважением: можно заподозрить скрытое пререкание.

— Следующее желание богини — чтобы между пауками и людьми был заключен договор о примирении. Примерно такой, как между вами и жуками-бомбардирами. Договор должен строго соблюдаться обеими сторонами, нарушивший его навлечет суровую кару на себя и своих сородичей.

Выдержав почтительную паузу, Смертоносец-Повелитель ответила:

— Будет исполнено.

Даже скучновато как-то. Найл ожидал хоть какого-нибудь противления, пусть хоть намек на неохоту или недовольство. Безоговорочное подчинение вызывало некоторую растерянность: а дальше что? Чтобы скрыть неуверенность, Найл подошел к окну и отодрал несколько толстенных волокон, крепящихся к пыльному стеклу и не дающих проникать свету. При виде пробившегося луча оба паука боязливо пригнулись. Когда глаза освоились, Найл заметил обильную шапку дыма, зависшую над большим костром. На площади внизу царила сутолока; вон еще одна груженная книгами подвода пытается пробиться через толпу. И вон там тоже книги свалены в большую кучу возле Белой башни, сейчас полетят в огонь.

Найл резко повернулся к Смертоносцу-Повелителю:

— Прикажи, чтобы перестали жечь книги.

Дравиг, не сказав ни слова, вышел из двери. Возвратился через несколько секунд и тихо занял место возле Смертоносца-Повелителя. Тут Найла неожиданно озарило, почему они с полуслова, без рассуждений повинуются любому его приказу. Им только что явилось чудо. Они лицезрели богиню и общались с ней напрямую. Отныне этому залу суждено стать святилищем. В сравнении с явлением божества все остальное просто тускнело. Думать о себе в эту минуту было бы нелепо и богохульно. Так как Найл для них — орудие откровения, все, что он говорит и делает, не должно вызывать вопросов.

Но они еще и недостойно обошлись с посланцем богини — настолько недостойно, что по варварской своей шкале ценностей заслуживают самой лютой смерти. Вот почему и стоят теперь, с тяжелым смирением ожидая своей участи.

Найл встал перед Смертоносцем-Повелителем.

— Ждешь, что сейчас свершится месть?

— Да,— ответила она, не дрогнув.

— А ты?

Дравиг замешкался, затем, к его удивлению, ответил:

— Нет.

— Почему?

— Ты бы не стал спрашивать, если бы думал мстить,— сухо отозвался он.

Найл рассмеялся, его уважение к Дравигу возросло. В самом деле, даже ненависть к паукам совсем сошла на нет, стоило перестать зависеть от их милости.

— Ты прав. Что толку мстить?

Чувствовалось их облегчение. Они не пытались укрыться от мысленного прощупывания, будто считая это законным правом Найла.

— Да, действительно, я в ответе за гибель многих ваших сородичей. Но и вы повинны в гибели многих моих. Настало время положить конец вражде. Смертей больше быть не должно, как и рабства. Вы должны уяснить, что человек алчет не только пищи, но точно так же и знаний. Глубочайшее и сильнейшее его желание — быть свободным, чтобы использовать свой ум, ведь он инстинктивно сознает, что вся сила происходит от ума и надо изучить его возможности. И врагами он вас считает потому, что вы не даете ему утолить свой голод.—

Найл приумолк, ожидая, что они что-нибудь скажут, но пауки молчали, и он добавил: — А теперь скажите, что думаете вы, только начистоту.

Ответил Дравиг:

— Пауки извечно желали мира. Как раз человек и вынудил нас стать хозяевами, потому что никак не давал нам пожить спокойно. Пока человек был свободен, он все время только и делал, что устраивал на нас набеги и пытался извести. Вот почему нам пришлось подмять его под себя.

Смертоносец-Повелитель дополнила:

— И за прошедшие два столетия войны не случалось ни разу.

Найл молчал; да, против ничего не скажешь. Наконец он произнес:

— А теперь воля богини такова, что людям и паукам надо научиться жить, не причиняя друг другу вреда. Если добьемся этого, воцарится прочный мир под покровительством богини.

Говоря это, он чувствовал, что в словах звучит авторитет больший, чем его собственный. Пауки в очередной раз забавно присели, выражая преклонение.

Найл чувствовал, что сказал достаточно. Он повернулся к двери.

— Теперь я должен возвратиться к своим сородичам. Но будьте готовы к моему возвращению. С собой я приведу Совет из свободных людей, выработать условия Договора о примирении, поскольку договор должен быть равно справедлив как для ваших, так и для моих сородичей. Отныне люди и пауки должны быть равными.

— Да будет так,— сказала Смертоносец-Повелитель.

Дравиг распахнул перед ним дверь. Ступив на лестничную площадку, Найл с легким замешательством увидел, как два смертоносца-стражника опустились на пол, подогнув под собой ноги; движение было таким резким, будто оба попадали в обморок. Найл повернулся к Дравигу:

— Что это с ними?

— Выказывают благоговение перед посланником богини.

Когда спускались по пролету, Найл с непривычки дивился. На каждой площадке в одной и той же позе лежали паучьи стражи. Внизу, на полу парадной, вообще насчитывалось не-

сколько десятков — прямо мертвецкая какая-то. Когда случалось их задевать, они лежали без движения; даже умы казались оцепеневшими и неподвижными, словно сама жизнь в них застыла.

Было облегчением выйти обратно на свет; после холодной темноты здания он казался поистине даром небес. Площадь перед зданием была полна народа. При появлении Найла по людскому морю пронесся возбужденный рокот. Затем по властной команде Дравига все попадали ниц и почтительно застыли. Даже Мерлью, стоящая внизу на ступенях, опустилась на колени и склонила голову.

Найл чувствовал, что краснеет от смущения. Он повернулся к Дравигу:

— Прошу тебя, вели им встать.

— Это будет против закона,— почтительно заметил Дравиг.— Как правитель города, ты должен почитаться с таким же благоговением, что и Смертоносец-Повелитель.

— Правитель? — Найл вопросительно взглянул на Дравига.

— Разумеется. Как посланник богини, ты распоряжаешься жизнями всех, кто зависит от нее.

Найл окинул взором коленопреклоненную толпу, неподвижностью напоминающую пауков; все показалось ужасно нелепым. Затем посмотрел на Дравига и отказался от мысли велеть им подняться. Вместо этого он поспешил по ступеням к ожидающим внизу колесничим. Когда проходил мимо Мерлью, та приподняла голову — в глазах озорная усмешка. Найл был благодарен ей за это.

Через шесть недель после того, как был заключен Договор о примирении, Найл отплыл из бухты на судне под командой Манефона; сопровождали его Симеон и брат Вайг. Главной целью было выполнить зарок, что он дал себе, покидая родную пещеру: возвратиться и похоронить отца с воинскими почестями. Когда о своем намерении он заявил на Совете свободных людей, те тотчас высказались за то, чтобы прах Улфа был погребен в мраморном мавзолее на главной площади города. Найл же выступил против предложенного (отплыть с флотилией кораблей, а по возвращении устроить факельное шествие). Не желая лишний раз спорить, он ускользнул на рассвете, о конечной цели путешествия предупредив лишь мать.

Утро выдалось яркое и безоблачное, но в стойком северо-западном ветре неуловимо присутствовал запах осени. Подвижный треугольный парус позволял идти строго на юг — курс, по словам Манефона, непременно ведущий к тому месту, от которого Найл отплыл три месяца назад.

Он стоял, опершись руками о планшир, и пристально вглядывался в морскую даль — барашки волн отражали солнечный свет. Вновь он ощущал неизъяснимый восторг при виде воды, словно она сама по себе была волшебным веществом, скрывающим в себе тайну счастья. Созерцая постепенно тающую линию берега, он уютно, как бы со вздохом расслабился; душу наполнила восторженная уверенность, что жизнь бесконечно богата и щедра на воздаяния.

Кстати, такое, чтобы расслабиться и подумать о своем, случилось с ним впервые за много недель. Правителем, оказывается, быть ох как непросто; совсем не то, что думалось раньше. Три дня после принятия Договора о примирении город ходуном ходил от шумных вакханалий — ночи напролет! Впервые за два столетия мужчинам и женщинам дозволялось быть вместе открыто, и детей выпускали из детских, чтобы приобщились к празднеству. Руну, Мару и Дону носило где-то ровно сутки, во дворец возвратились с гирляндами цветов на шее, мордашки размалеваны. Вайг так набрался, что весь третий день провалялся в бесчувствии, а наутро очнулся с головной болью — такой, что думал, не выживет. Сам Найл в гуляньях не участвовал; все три дня он провел, считай, взаперти с Советом свободных людей, работая над новым трудовым распорядком, который заменил бы принудительный труд.

Поначалу казалось, все достаточно легко: люди теперь свободны и каждый может заниматься всем, чем хочет. Но тут кто-то верно подметил, что при эдаком раскладе никто не захочет выбрать себе черную работу: чистить канализацию, вывозить мусор. Так что в конце концов сообща решили: на данный момент все существующие должности сохранить и за любое нарушение — под суд. Правда, приняли единогласное решение: на работу люди являются сами, никак не строем под надзором бойцовых пауков и не под командой служительниц.

Едва разобрались с этим — пошла дискуссия, как быть с рабами: считать их также свободными и позволять жить где

им вздумается? Ведь не их в конечном итоге вина, что они выродки. Но все-таки решили, что им и так хорошо; пусть живут, где жили, и не надо вносить сумятицу, предлагая вольный выбор работ. Разницу внесли только в формулировку: отныне они не рабы, а «неголосующие жители».

Что касается других вопросов — статуса служительниц, права свободного перемещения, системы общественного транспорта,— всё решили оставить на своих местах. Правда, было одно принципиально новое решение: мужчинам и женщинам позволяется жить вместе, обзаводиться хозяйством, а детские интернаты упраздняются. Когда Найл поделился решениями с Дравигом, главный советник с явным облегчением поздравил Найла с такой взвешенностью и умеренностью в подходе.

Начальником личной охраны Найлу назначили статную темноволосую девушку по имени Нефтис. Наутро после ночного карнавала она разбудила Найла сообщить, что почти никто не явился на работу. Выходя разобраться, в чем дело, Найл едва не запнулся о пьяного, забывшегося прямо под порогом; на улице обнаружил еще с полдесятка, вповалку лежащих в сточных канавах. Нефтис же велел объявить: сегодняшний день считается выходным, но только чтобы завтра все вышли на работу. Следующим утром на работу явилась в лучшем случае четверть. Найл снова велел Нефтис объявить этот день выходным, предупредив, однако, что тот, кто не явится на работу завтра, будет наказан. Когда же на следующее утро на работу явилось лишь около трети, Найл пошел советоваться к Дравигу; не прошло и часа, как не проспавшийся толком люд уже шагал строем под надзором бойцовых пауков и щелкающих бичами надсмотрщиц. Прогулы прекратились: бойцы и служительницы опять взялись за дело. Как ни странно, сами слуги, очевидно, были вполне довольны, что все пошло по-старому.

Однако дальше в тот же день перед Найлом возникла дилемма куда серьезнее. В одной из аллей был обнаружен труп с торчащим в груди ножом. В подвале поблизости наткнулись на спящего с выпачканной в крови одеждой. Это был некий гужевой по имени Отто; он открыто признал, что в ссоре из-за девчонки прирезал своего приятеля.

Найл послал за Симеоном спросить совета. Тот сказал, что по закону города жуков виновных в умышленном убийстве

казнят. От таких слов Найл пришел в ужас. Однако нельзя было не согласиться с Симеоном: если убийце сойдет с рук лишь потому, что дружка он порешил в пьяном виде, это посеет безнаказанность. В городе пауков случая такого рода не было на памяти ни у кого. Убийцу пока заперли в пустующем чулане (тюрьмы как таковой в городе пауков не было: любые проступки обычно карались смертью). Мысль о казни собрата казалась Найлу варварской; о строительстве тюрьмы и пожизненном заточении — того хуже. Он посовещался с Дравитом, нельзя ли сослать преступника куда-нибудь с глаз долой; паук заметил, что это почти верная гибель: отдаленные места полны опасных диких существ. После бессонной ночи Найл с облегчением узнал: негодяй Отто выручил тем, что повесился в чулане. Правда, когда Нефтис сообщила эту новость, Найл ощутил, будто с прошлого дня постарел лет на десять.

В первые недели своего правления Найл проводил время в основном за законотворчеством и планированием. На рассвете его будила Нефтис, и прием управленцев и советников нередко шел уже за завтраком. Утро обычно проходило в разъездах по городу и окрестностям. Найл планировал, как лучше расставить людей по местам (ремонт гавани, он прикинул, займет лет пять). Во второй половине дня Найл посещал заседания Совета, нередко затягивающиеся до позднего вечера. Домой возвращался уже таким измотанным, что сил хватало не больше чем на час: смаривал сон. Сдерживая зевоту, он вежливо выслушивал Сайрис: что там произошло за день, какие хлопоты были по хозяйству. Заканчивалось, как правило, тем, что Найл засыпал на горке подушек, а Сайрис накрывала его одеялом, задувала свечи и велела служанкам и музыкантам потихоньку уйти из комнаты.

Были в новой жизни и свои отрадные стороны. Найл присмотрел себе под резиденцию приличного вида особняк на углу главного проезда, прямо напротив обиталища Смертоносца-Повелителя, и теперь там с рассвета до заката трудилась бригада мастеровых, чтобы привести обветшалое здание в надлежащий вид. Сайрис следила за хозяйством; Стефна, сестра, присматривала за ремонтом. Дона взялась обучать Руну и Мару. От довольства женщины буквально лучились. То же и Вайг.

Он занимал ряд комнат по другую сторону внутреннего дворика, где вел независимое существование. Как брат правителя, положение он занимал завидное: все мужчины в подчинении, женщины восхищаются. Синеглазый, с пышной черной шевелюрой, Вайг почитался едва ли не самым завидным женихом в городе; на людях его постоянно сопровождала какая-нибудь привлекательная молодая особа. Ходил слух, что в корпусе служительниц дамы бьются об заклад, которая из них удержит Вайга дольше. Он же, видно, давал им всем равную возможность посостязаться между собой.

Больше всего Найлу нравилось проходить по улицам в вечерний час, наблюдая, как по освещенным факелами мостовым прогуливаются рука об руку мужчины и женщины. На улицах в этот час всегда было людно. Некоторые, обособившись кучками, сидели на обочине и играли в кости; иные выносили на улицу ужин и ели, облокотясь об уличное ограждение. Никто больше не косился опасливо на протянутую над головой паутину. Был лишь один недостаток. Стоило Найлу появиться, как люди, узнав, склонялись лицом к земле и оставались в такой позе, пока он не отдалялся. Найл пробовал даже издать особый указ, запрещающий низкопоклонство,— все равно бесполезно. Вайг как-то рассказал, что случайно слышал разговор, в котором один собеседник доказывал, что Найл — волшебник, а другой, что Найл — бог или какое-нибудь другое сверхъестественное существо. Новому правителю от этого не то что лестно — горько стало и грустно.

Терпение лопнуло в тот день, когда он объявил на Совете, что хочет наведаться в Северный Хайбад, доставить оттуда останки отца. Совет тотчас вынес решение, что прах Улфа следует перезахоронить в величественный мраморный мавзолей, возвести который следует на главной площади. Затем, несмотря на протесты Найла, проголосовали, что сопровождать правителя будет отряд в тысячу человек, а на обратном пути его встретит факельное шествие, в котором примет участие весь город. Едва оставив заседание Совета, Найл тайком послал за Манефоном и Симеоном, и наутро они, уйдя из города, взошли на поджидающий уже корабль.

Вот такие мысли занимали Найла, когда он, опершись о планшир, задумчиво смотрел на постепенно тающие вдали очер-

тания берега. Уныние казалось теперь чем-то до смешного нелепым. Стойкий свежий ветер и открытые небеса наполняли свободой и трепетным волнением; с трудом верилось, что душа на минуту поддалась хандре. Ни одна из целей, стоявших перед Найлом в минувшие недели, не осталась недостигнутой. Подлинная проблема — теперь это ясно — состоит в том, как преодолеть ограниченность собственного сознания.

На палубу поднялся Вайг. В одной руке — кусище телятины, в другой — кружка с хмельным медом.

— Там внизу завтрак подан.

— Ты идешь?

— Нет, питаться полезнее на свежем воздухе.

У самого же глаза так и шныряют по смазливой служительнице с обнаженным бюстом, что стоит сейчас и переговаривается с Манефоном.

Симеон сидел в капитанской каюте, отделяя хребет от исходящей паром жареной трески. Стол был уставлен блюдами с холодным мясом, соленьями, вазочками с вареньем, мармеладом и медом. Найл отрезал для себя кусок телятины, отделив ее от лопатки, и налил в кружку сока папайи. Симеон взглянул на него из-под кустистых бровей.

— На Совете наверняка расстроятся, когда узнают, что ты исчез тайком.

— Что ж теперь,— сказал Найл, пожав плечами,— я не хотел брать с собой тысячу людей и два десятка судов.

Симеон выжал на рыбу лимон.

— Они лишь хотели как лучше. Ты у людей в большом почете.

— Мне известно,— произнес Найл досадливо.

— Видишь ли,— Симеон качнул головой,— быть объектом поклонения — долг правителя.— Он, видно, уже не первый день готовился сказать эти слова.— Тут уж ничего не поделаешь, положение обязывает. Для чего он, правитель? Для того, чтобы людям было с кого брать пример. Счастливая страна — именно та, где народ может искренне чтить своего правителя и уважать. Тем самым он служит народу.

— Каззак разве не так служил?

— Уважением, таким как ты, он не пользовался. Пойми, ты же первый человек, одержавший, по сути, верх над паука-

ми. Ты уже останешься в людской памяти, как Айвар Сильный или Вакен Мудрый. Чего еще надо?

— Верх над пауками одержала богиня, а не я.

— Без твоей помощи богиня бы с этим не справилась.— Симеон отложил вилку и заговорил живее, с чувством.— То, что произошло за несколько прошлых недель,— просто какое-то чудо. Мне самому с трудом в это верится. Когда Билдо сообщил, что ты замыслил освободить людей от пауков, я подумал: бедный мальчик, надо бы ему вернуться с небес на землю. А теперь ты фактически уже осуществил задуманное. Сказка какая-то. И ты заслуживаешь почестей.

— Я хочу, чтобы люди были свободны,— сказал Найл,— как свободны были мы в пустыне, а не тюкались лбом оземь всякий раз, когда я прохожу мимо.

Симеон вздохнул.

— Излишняя свобода людям не нужна, она их смущает. Ты не можешь дать им больше, чем они хотят. Взгляни только, что получилось у нас в городе. Жуки заявили, что все их слуги свободны и могут идти куда угодно, заниматься чем угодно. Но ведь люди этим не воспользовались, я в том числе! Чтобы люди привыкли к свободе, нужно время.

— Ты полагаешь, они когда-нибудь к ней привыкнут?

— Конечно да, если только она будет доставаться небольшими дозами.— Он обвел Найла участливым взором.— Что-то, думается мне, ты нехорошо последнее время выглядишь. Какие-то проблемы?

Найл чуть подумал, затем рассмеялся.

— Просто, видно, не по душе мне быть правителем, вот и все.

Симеон намазал маслом ломоть хлеба.

— Тогда что тебе больше по душе?

— Ну, начать с того, я бы хотел побольше бывать в Белой башне. За прошедшие шесть недель я ходил туда только дважды, и то затем, чтобы спросить совета у Стига. Мне б хотелось находиться там безвылазно дни — чего там дни, месяцы или годы! — просто изучая прошлое. Куда интереснее, чем думать о водостоках или ломать голову над проблемой жилья. В мире нет места очаровательнее — я тебя туда возьму, когда вернемся. Но вот времени все никак не выберу.

— Что тебе мешает бывать там по паре часов хоть каждый день?

— Да вечно у меня запарка. Но и это не все. Мне бы хоть как-то уединиться, подумать о своем. Ты прав насчет того, что люди не знают, как использовать свою свободу. Но это потому, что им неизвестно, как использовать собственный ум. Свобода им начинает приедаться, и они пытаются искать, чем бы заняться. И вот я вместо Белой башни вынужден день-деньской торчать на собраниях Совета.

Симеон медленно кивнул.

— Я, кстати, и сам порой задумывался, как бы тебе выйти из положения. Если тебе не хочется быть правителем, ты можешь подать в отставку и перебраться к нам в город. Или можешь натаскать заместителя и всю дежурную работу перепоручать ему. А то взял бы да женился на Мерлью, она у тебя этим бы и занималась. Она вся в отца, любит покомандовать.

Найл фыркнул.

— Потому-то я, наверное, на ней и не женюсь.

Их прервал Манефон, зашедший в каюту с красоткой надсмотрщицей. Вайг по пятам, след в след. Тему беседы, не сговариваясь, свернули. А выйдя на палубу через полчаса, Найл ощущал на сердце странную легкость. Разговор с Симеоном заставил вникнуть в суть вопроса, а следовательно, на порядок приблизил ответ.

Не прошло и двух часов, как из-за линии горизонта начали взрастать горы Северного Хайбада. Через полчаса приблизились достаточно, так что взгляд различал остроконечные утесы из песчаника и проход между ними, через который взору Найла тогда впервые явилось море. Сердце защемило от смешанного чувства восторга и печали; все равно что повторно окунуться в мир детства. И даже какую-то дополнительную гармонию привносил неуловимый оттенок осени, что присутствовал в золотистом солнечном свете.

Ближе к вечеру надежно встали на якорь в бухте. Подплывая к берегу на баркасе (у рулевого весла — красотка служительница), Найл обратил внимание, что возвращение в родные места рождает в душе неизъяснимый подъем. Ответ явился сам собой: оттого, что люди чувствуют — они хозяева, а не невольники времени.

Световой день еще не завершился, поэтому переход в глубь суши решили начать немедленно. Шесть человек понесли пустой гроб, сделанный самым искусным плотником в городе жуков. Гроб завернули в мешковину, чтобы уберечь от царапин, и понесли на лямках. Еще шестеро матросов, вооруженных копьями, луками и стрелами, шествовали по флангам, как охранники. С полдюжины носильщиков тащили запас провианта. Отряд довершали Найл, Симеон, Вайг и Манефон. Вайг сожалеюще простился взглядом со служительницей, отправившейся на баркасе назад. Найл никак не мог взять в толк, что брат в ней нашел. Фигура у девчонки, безусловно, недурна, а вот умишко — стоило лишь проверить — маленький, скудный, не способный к сколь-либо глубокой мысли. Вайг тоже понимал, но, похоже, не делал из маленького умишки большой проблемы.

Следующие несколько часов они пересекали плодородную прибрежную низменность, идущую к горам. Мимо, жужжа, пролетали осы и стрекозы, в невысокой поросли стрекотали кузнечики. Найл вспомнил, как несколько месяцев назад это место очаровало его, показавшись райскими кущами. Теперь же, в сравнении с зеленью полей и лесов, окружающих паучий город, здешний ландшафт казался скудным и негостеприимным. Вместе с тем теплый воздух навеял память о Хролфе, Горге и об отце, и вкрадчивой тенью просочилось в сердце бередящее чувство утраты.

Когда за час до сумерек остановились, впереди уже высились горы. Это было неподалеку от места, где на Найла напал бойцовый паук. Помнится, тем вечером трапезу составляло вяленое мясо грызуна да черствый хлеб, запитый кокосовым молоком. Теперь они вечеряли жареной рыбой — матросы наловили, пока шли морем,— свежим хлебом, козьим сыром и овощами, а запили все медом, что хранился охлажденным в колбе, упрятанной в набитый соломой короб. Как ни приятно было подремывать, уютно устроившись возле костра, под душещипательные баллады матросов о Шенандо и Рио-Гранде, сон сморил Найла задолго до того, как у моряков истощился репертуар. Поднялись за пару часов до рассвета и в путь двинулись, когда на небе еще мерцали звезды. В переходе это была самая сложная часть — подъем десять миль до верхней

границы перевала,— и завершить ее хотелось до того, как жара сделает восхождение непереносимым. Рассвело, когда отряд вплотную уже подошел к подножию последнего, самого крутого склона. Матросы, даром что богатырского сложения и в превосходной физической форме, стали выказывать признаки усталости. Найл поглядел на тяжело дышащего Манефона.

— Тебе не кажется, что пора устроить привал?

— От тебя зависит,— веселым голосом отозвался Манефон,— ты же главный.

До Найла только тут дошло, что к нему относятся как к властителю, от которого исходят все приказы. Чувствуя, что смущенно краснеет, он сказал:

— Раз так, то давай-ка остановимся перекусить.

Манефон прокричал команду, и люди расселись у обочины тропы подкрепиться хлебом, сыром и кокосовым молоком. Найл же со смешком отметил про себя, что за эти два месяца так и не освоился с привычкой считать себя «главным».

Меж высоких утесов на самой границе перевала остановились еще раз — насладиться морским бризом, дующим в расщелины между отвесных стен, будто в трубы. Отсюда уже можно было взглянуть на ландшафт пустыни, где Найл и Вайг провели большую часть жизни. Небо было таким ясным, что проглядывалось даже отдаленное свечение большого озера Теллам. Найл повернулся к Вайгу:

— Жаль, не взяли с собой Массига. Хоть издали, а все равно бы порадовался, полюбовался на родные места.

Вайг, мотнув головой, рассмеялся.

— Ну уж нет. Я спрашивал, охота ли ему возвратиться, а он мне: глаза б мои, дескать, на эти катакомбы не смотрели. И другие отзываются в том же духе. Даже при пауках им жилось веселее, чем в подземелье.

Найл печально повел головой. Вид плато и переливчатого простора огромного соленого озера волшебно очаровывал душу, вызывая в памяти ощущение неомраченного счастья, когда впервые изведал вкус подлинной свободы.

Спускаться было достаточно легко, но, поскольку горы преградили доступ морскому ветру, стал сильно досаждать зной. Когда сошли на рыжую равнину с причудливой колоннадой из изъеденного камня, потные лица были припорошены пы-

лью. Укрытия не предвиделось, солнце ярилось над самой головой, поэтому останавливаться на отдых не имело смысла; отряд потянулся дальше, меряя шагами рыжий песок. Тут Найлу вспомнилось о гранитном резервуаре при дороге. Стоило сообщить об этом остальным, как сразу же пошли живее, завели даже походную песню. Странная все-таки вещь человеческая воля: от скуки может зачахнуть, а иногда, стоит лишь найти нужное слово, так и разом воспрянет.

Вот уже и тот самый поворот, и резервуар видно... Матросы вдруг резко остановились, сбившись в кучу. У каменного основания, уместившись на небольшом пятачке тени, лежала здоровенная сороконожка. Колебания почвы из-за поступи отряда уже успели ее насторожить, и она смотрела на людей, возведя похожие на рога щупики. Сам резервуар находился справа от дороги, слева вздымался крутой каменистый склон, так что в обход никак не возьмешь.

Найл медленно пошел насекомому навстречу; Вайг слева, Манефон справа; возможно, видя перевес в числе, тварь отступит. Но она то ли только что отыскала резервуар, то ли не хотела оставлять единственный на множество миль пятачок прохлады; во всяком случае, вздыбив верхнюю часть туловища, она напряженно откинулась назад и угрожающе засипела. Длины в сороконожке было по меньшей мере метра четыре, взгляд пустой, как у готовящейся к броску змеи. Вайг с Манефоном остановились, а Найл сделал еще один шаг вперед. Симеон сбивчиво буркнул насчет осторожности, и тут тварь угрожающе быстро рванулась навстречу людям, хлопоча бесчисленными ножками.

Что-то звонко тенькнуло в воздухе возле плеча Найла, и в отверстый зев насекомого вонзилась стрела. Сороконожка вякнула, поперхнувшись от боли,— получилось похоже на квакание лягушки-вола. Еще одна стрела отскочила, чиркнув по бурой роговой пластине спины, тускло поблескивающей на солнце. Сороконожка грузно вздыбилась; сонм крохотных ножек шевельнулся, словно сердитые руки. Лучники не замедлили разом пальнуть в мягкое подбрюшье. Одна стрела ударила с такой силой, что скрылась по самое оперение; было слышно, как сухо скребнула изнутри о спинную пластину. Удивительно, но тварь по-прежнему несло вперед на суетливо хлопочу-

щих задних ножках. Тут самый рослый из матросов скакнул вперед и со всей силой саданул копьем между разведенных челюстей. Мозг Найла уловил вспышку инстинктивного отклика: внезапное сознание, что неминуема гибель. Насекомое неожиданно остановилось, затем повернулось и кинулось вспять с удивительным проворством, метя свой след розоватой кровью и каплями зеленоватой жидкости.

Люди смотрели, как насекомое пробирается через придорожные камни (выступающие стрелы затрудняют ход). Найлу почему-то вспомнилось неизвестное существо, пытавшееся залезть к нему в укрытие, когда он спал в углублении под камнем, загородившись кустом терновника. Интуиция подсказывала, что тварь, видно, подыскивала себе место, чтобы спокойно умереть.

Всеми владело радостное возбуждение; забыли и про гнетущую жару, и про то, что ноги сводит от усталости. Матроса, выстрелившего первым, наперебой поздравляли; сыпались подробности о том, как выжидали момента, чтобы попасть наверняка, под каким углом вонзилась в подбрюшье стрела. Кувшинами черпали ледяную воду из резервуара, жадно глотали, остаток выливая себе на голову и грудь. Затем, разместившись на узкой полосе тени, что отбрасывала скала, стали закусывать хлебом с сыром и луком.

— Я вот думаю,— задумчиво сказал Симеон,— отчего вдруг ей вздумалось нападать, когда было видно, что мы превосходим числом?

Найл пожал плечами.

— Может, она считает это место своей территорией?

— Не бывает такого, чтобы колодец или источник принадлежал какому-то одному животному. Ими пользуются все.— Он оглядел низкую кустистую поросль и кактусы пустынного пейзажа.— Я подозреваю, ей уже приходилось сталкиваться с людьми, и она усвоила, что их можно легко отпугнуть.

— Это здесь-то, в таком гиблом месте?

— А почему бы и нет? Ты и сам жил в пустыне.

Действительно. Найл созерцал волны зноя, переливчато млеющие над песком, и удивленно размышлял, не скрывают ли эти камни и окустья входы в подземные каверны. И кто знает, сколько еще людей хоронится тайком в подземных пеще-

рах — а то и подземных городах,— в глухих местах бескрайней земли. Он решил, что когда-нибудь отыщет этих прижизненных изгнанников и сообщит им, что они вновь могут жить на вольном воздухе, как свободные люди. Через час, отдохнув и освежившись, отряд снова тронулся в путь. Уже за полдень песок уступил место черным вулканическим камням-гладышам и ребристым выступам базальта. Дорога теперь вилась среди кустов терновника и тамариска. На западе, где-то за страной муравьев, смутно виднелись вулканы. Часа через четыре, когда солнце уже садилось, под ногами опять пошел песок. Найл узнавал окрестность; до родных мест уже совсем недалеко. Люди утомились, но, когда Найл сообщил, что до цели рукой подать, они опять пошли живее, с радостью думая, наверное, что завтра повернут обратно к дому. Ох уж эти обитатели города, монотонность пустыни нагоняет на них глубокую тоску.

На восточном небосклоне проплавились первые звезды, когда Найл заприметил знакомые персты кактусов-цереусов. Вайг так разволновался, что сорвался бежать. Через десять минут он махал отряду из-под кактуса-юфорбии, что возле самой пещеры.

— Видно, она все-таки заделана.

Когда подоспели остальные, Вайг уже орудовал плоским камнем, вскапывая скопившийся над входом песок. Надуло его столько, что лаз, по сути, занесло — видно, не так давно прошла песчаная буря. Теперь копать взялись носильщики, вооружась небольшими совками; остальных разослали собирать хворост (Найл посоветовал держаться парами на случай, если вдруг потревожат жука-скакуна или скорпиона,— редко кто из обитателей пустыни отважится напасть, если людей двое). Когда в ночной воздух взметнулись первые языки огня, совок скорготнул по чему-то твердому; оказалось, как раз тот большой плоский камень, что закрывает вход в пещеру. Найл сразу разобрал, что закрывающие вход камни целы все как один. Братья, руками взрыхляя землю, стали расшатывать и выкорчевывать камни. Найл приготовился, что сейчас пахнет смрадом. Но вот сдвинули на сторону последний камень, закрывающий лаз, а встретил их знакомый запах жуков-скакунов, смешанный с характерным запахом человеческого жилья. Найл

взял у Манефона факел и стал на ощупь спускаться в темноту. Все здесь было так же, как он оставил, уходя. Все так же лежала на отцовой постели накрытая куском материи фигура. Когда Найл, собравшись с духом, стянул полотно, взор упал на пустые глазницы черепа. В жаре пещеры плоть на костях Улфа продержалась недолго. Остался только скелет, покрытый истлевшими обрывками одежды.

Наклоня, в пещеру спустили гроб. Найл с Вайгом подняли всю постель целиком, с травяной подстилкой вместе, и аккуратно переложили ее в обитую шелком домовину. Найл действовал без эмоций, следя только, чтобы скелет не распался на части. Но когда факел высветил зубы со знакомой чуть заметной щербинкой, придававшей улыбке отца озорное выражение, Найла внезапно оглушило чувство потери. Он сел возле гроба, закрыл лицо руками и заплакал, как не плакал с самого детства. Брат не утешал, у него самого щеки были мокры от слез. Но вот, утерев глаза, младший сын сложил руки отца скрестно и испытал облегчение и отраду, словно сейчас только поговорил с духом умершего.

Гроб через лаз вызволили наружу: Найлу хотелось, чтобы отец провел ночь под звездами, прежде чем крышка захлопнется над ним навсегда. С собой из пещеры он захватил полотно, которым прикрыл мертвое тело, снаружи оставив лишь череп — казалось кощунственным оставлять на ночном ветру голые кости.

Перед тем как отправиться в пустыню, Найл лелеял мысль, что проведет напоследок ночь в родной пещере, где спать будет у себя на подстилке. Однако, сидя в одеяле возле костра (ночь была уже холодна, и ветер ожил на северо-западе), он понял, что заснуть под землей не сможет: слишком привык уже к тому, что лицо обдает ветер. Они с Вайгом сидели порознь от остальных, время от времени притрагиваясь к еде и питью. Обоим с трудом верилось, что они снова в пустыне и что за три этих месяца произошло так много,— подумать только, каких-нибудь три месяца назад это место служило им домом!

Под протяжное пение матросов, на свой лад выказывающих почтение человеку, чьи кости белеют под восходящей луной, братья закрыли глаза; память о прошлом отрадно слилась с грезами о будущем. Придвинувшись поближе к огню,

они плотнее закутались в одеяла и заснули без сновидений. Вскоре умолкли, а затем и уснули матросы, намаявшись за долгий дневной переход.

Пробудился Найл от потрескивания костра. Кто-то бросил в угасающие угли костра куст креозота. Это был Симеон, сидящий сейчас, скрестив ноги; вокруг плеч — плащ с меховой опушкой. Где-то в темени по камням пробиралось крупное существо. По грузным движениям Найл понял, что это крупный скорпион, самец — вон как тянут книзу непомерно большие клешни. Возможно, насекомое наблюдало за ними, не решаясь напасть, а теперь уползает восвояси в темноту.

Перевернувшись на спину, Найл стал смотреть на звезды. Стигмастер научил его распознавать основные звезды и созвездия: Полярную звезду, Большую и Малую Медведицу, Гончих Псов и Льва. Полярная звезда была теперь неподалеку от северного горизонта, прямо над ней Большая Медведица; значит, до рассвета еще около двух часов. Прочертив мысленно прямую через средние звезды Медведицы, он отыскал Вегу, тоже неподалеку от горизонта. В ясном воздухе пустыни она переливалась, словно голубой алмаз. Сто пятьдесят миллионов лет назад чудовищный взрыв выбросил споры растений-властителей в сторону Солнечной системы. Как там те, что остались произрастать на АЛ-3? Достигли ли апогея своей эволюции? Или исчезли, уступив место другим видам?

На южном горизонте различались Скорпион и Весы, прямо под ними — Центавр. Подумалось о людях, живущих в далеком том созвездии. По словам Стигмастера, климат на Новой Земле во многом схож со здешним. То же можно сказать и о пропорции в атмосфере кислорода и азота. Жители Новой Земли создали на других планетах того созвездия поселения и даже выстроили город — искусственный — на ее лишенном атмосфере спутнике, под куполом.

Однако Стиг ни разу еще не заводил разговора об истории тамошних поселенцев, а Найл не удосуживался расспросить. Между тем сейчас, когда он лежал, уставясь в небо, им вдруг овладело любопытство, и сами собой стали возникать десятки вопросов. Существуют ли на Новой Земле какие-то другие разумные формы жизни? Уживаются ли без конфликта мужчины и женщины? Не изменился ли как-то из-за внешней сре-

ды их облик? Есть ли там у них какие-нибудь враги? Есть ли деревья, растения, такие как на Земле? А моря, реки? Но главное, удалось ли им разобраться с теми извечными проблемами людской натуры, из-за которых вся человеческая история — нескончаемая, безотрадная цепь жестокости и безмозглости? Перелет с Земли и трудности основания цивилизации — растрясли ли они умы от спячки и не впали ли переселенцы в умственную летаргию снова?

Ведь она — теперь уже нет сомнения — и является главной бедой для людей. Сталкиваясь лицом к лицу с опасностью и лишениями, они стойко их преодолевают. Но, едва одержав победу, моментально лишаются того, чего достигли: впадают в лень и изнывают от скуки. Люди словно не в силах поддержать в себе стремление к чему-то осмысленному.

Если люди Новой Земли решили эту проблему, это и не люди уже, а поистине боги...

Симеон подбросил в костер хвороста. Найл резким движением сел.

— Хочешь горяченького? — предложил Симеон.

Найл кивнул. Он перебрался к костру и прилег там, запахнув одеяло: ветер разыгрался цепкий, колючий. Симеон ложкой положил в кипяток смесь сушеных трав. Восточный край неба уже засветлел.

— Так ты и не ложился?

— Ложился, только разбудило меня что-то непонятное, с красными глазами.— Симеон указал в сторону цереусов.

— Наверное, белый скорпион. Под камнем живет. Он однажды чуть не съел Мару, когда та была совсем малышкой.

Симеон неприязненно поморщился.

— Нет, по мне, уж лучше цивилизация.

Они сидели, грея руки о горячие кружки и вдыхая ароматный парок. Ветер, поддувая, раззадоривал розоватые угли, невольно притягивающие взор. Некоторое время каждый был занят своими мыслями. Затем Симеон спросил:

— Тебя никогда не занимало, почему Смертоносец-Повелитель всегда делал вид, что он мужского, а не женского пола?

— Смертоносец-Повелитель... Звучит как-то грознее, чем Смертоносица-Повелительница.

Симеон фыркнул.

— По мне, одно другого не лучше.

— Мне кажется, как-то уже сложилось в головах, что мужчины способны на большее зло, чем женщины. И впечатление такое, будто люди восторгаются теми, кто держит их в кулаке.

— Печальный вывод,— заметил Симеон.

— Мне это открылось в Белой башне. Знаешь, что меня поразило в истории человечества? Оказывается, великие вожди в большинстве своем были кровожадными маньяками. Им и имена-то давали: Иван Грозный, Абдул Проклятый, что считалось чуть ли не их достоинством. Чем они были кровавее, тем усерднее перед ними лебезили. Представляешь, какова человеческая глупость?

Симеон покосился на Найла с легкой усмешкой.

— Тогда не лучше ли им было оставаться под властью пауков?

— Нет. Как бы ни были люди глупы, им все равно нужна свобода. Только свобода поможет изжить глупость. Они учатся через испытания и ошибки. И ошибок не надо ни бояться, ни запрещать. Надо, чтобы люди думали своей головой и находили выход из положения. Думаешь, им в самом деле лучше быть паучьими рабами?

Симеон временами специально напрашивался на спор.

— Нет. Но ты же сам сказал, что устал смотреть, как люди при твоем появлении бьются лбом о мостовую.

— Да, и это страннейшая человеческая черта. Люди больше всего на свете ратуют за свободу, но стоит ей забрезжить, как сразу пытаются всучить ее какому-нибудь вождю. Всегда ищут кого-то, кому бить поклоны.— Найл за прошедшие недели не раз над этим задумывался.— Это потому, что каждый человек хочет жить какой-то целью. А поскольку видимого ориентира нет, то свою свободу он стремится отдать кому-то, кто обещает к этой цели привести. Но и без свободы человеку ничуть не легче. Получается, ему надо искать цель внутри себя.

— И как ты собираешься этому научить?

— Не знаю. Рано или поздно я отыщу способ.

— А мне показалось, кому-то не по душе быть правителем? — заметил Симеон с добродушной лукавинкой.

— Не по душе. Это трудная работа. Но кому-то надо ее делать. Кто-то должен показать людям, как обустроить жизнь, и отстроить заново город, и детям дать образование. Пауки пытались изжить из людей разум. Моя задача, думаю, в том, чтобы вживить его снова. Справлюсь с этим — и в правителе не будет надобности.

Симеон твердо покачал головой.

— Правитель нужен всегда. Потому что правитель для людей — это оправдание их собственной пассивности. А ведь и высокообразованные бывают пассивны. Я не циник. Но чем больше ты для них делаешь, тем сильнее они тобой восхищаются и пекутся, чтоб тебе жизнь была медом. Им нравится стучать лбом о пол. Почему, считаешь, они хотят поместить твоего отца в мавзолей? Чтобы было на кого молиться, кого почитать.

Найл вздрогнул от такого замечания. Обернувшись, он посмотрел на гроб. Ручки литого золота ярко блестели в первых лучах восходящего солнца. Пустые же глазницы черепа смотрелись безмолвными омутами мрака. Внезапно Найл рассмеялся и встал.

— Да, конечно, ты прав. Было глупо с моей стороны не замечать этого.

Симеон поглядел озадаченно:

— Не замечать чего?

Найл нагнулся и растормошил крайнего из сопровождающих. Это был один из тех, что несли гроб.

— Поднимай остальных. Скажи, чтобы пошли и насобирали побольше хвороста.

Симеон догадался, что у Найла на уме.

— Ты считаешь, это разумно?

— Я в этом уверен. Кроме того, ему бы не спалось спокойно посреди города.

— А что скажет мать?

— Она поймет.

Вайг, разбуженный поднявшейся топотней, сел и протер глаза.

— Что мечемся? Пора трогаться?

— Пока нет. Вставай, надо помочь.

— Ты что задумал?

— Ему место здесь, в этой пустыне,— сказал Найл.— Ты бы в самом деле хотел, чтобы наш отец лежал в мраморном склепе?

Какое-то время Вайг задумчиво смотрел на брата. Наконец покачал головой.

— Нет. Честно говоря, я всегда был против такой затеи.

Он поднялся на ноги. Братья вместе подняли гроб и опустили на середину костра. Прогоревшие кусты креозота сразу смялись, и гроб просел на жаркие угли. Его окутал сонм красных искр. Эмаль начала вскипать пузырьками, затем занялась огнем. Найл дослал в пламя заодно и крышку гроба. Когда люди возвратились с кустами креозота и сушняком, Найл велел побросать все это в костер. Через десять минут жар поднялся такой, что все невольно подались в сторону. К этому времени гроба уже не было видно среди трескучих извивов пламени.

Глядя, как обращаются в дым и пепел останки отца, Найл безмолвно ликовал. Печаль и огорчение остались в прошлом — извечная цель, не дающая человеку рваться вперед. Яркие языки пламени заставляли мечтать о будущем.

Когда огонь превратился в груду пламенеющих углей, Найл повернулся к Манефону:

— Прикажи людям собирать поклажу. Пора подаваться к дому.

Содержание

БАШНЯ 5
Часть первая. ПУСТЫНЯ 7
Часть вторая. БАШНЯ 166
Часть третья. КРЕПОСТЬ 322

ДЕЛЬТА 443
Предисловие 445
Часть первая. КОЛЛЕГИЯ 449
Часть вторая. ДЕЛЬТА 523

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Колин Уилсон

МИР ПАУКОВ

Башня и Дельта

Руководитель проекта *А. Жикаренцев*
Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *В. Сергеев*
Корректор *Н. Тюрина*

Иллюстрация на переплете *С. Шикина*

ООО «Издательский дом «Домино»
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234. E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Подписано в печать 09.09.2011.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,8.
Тираж 3 500 экз. Заказ 7353.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-52879-0

Колин

УИЛСОН

Colin Wilson

ISBN 978-5-699-52879-0

ы ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА